К. Д. УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

4

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

К. Д. УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

*Печатается по постановлению
Совета Народных Комиссаров СССР
от 22 августа 1945 г.*

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Институт теории и истории педагогики

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*

Редакционная коллегия:
А. М. Еголин (главный редактор)
Е. Н. Медынский
и В. Я. Струминский

*

Москва ~ Ленинград
1948

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

4

Детский мир и Хрестоматия

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
РСФСР

Подготовил к печати
В. Я. Струминский

ОТ РЕДАКЦИИ

Перепечатываемая в настоящем томе учебная книга, изданная в 1861 г. К. Д. Ушинским под заглавием «Детский мир и Хрестоматия», предназначалась им для классного чтения на уроках родного языка в первых классах Смольного института. Книга восполнила весьма существенный недочет в учебных пособиях для занятий по русскому языку, дав богатый и систематизированный материал для наглядных бесед с учащимися из области родной природы и истории. Потребность в такой книге ощущалась давно, но нужна была творческая работа педагога, каким был Ушинский, чтобы удовлетворить назревшей потребности в новой, не схоластической постановке занятий родным языком.

Книга Ушинского имела громадный успех и получила широкое распространение в школах различных типов: в первом же году она выдержала три издания, а затем почти ежегодно переиздавалась, несмотря на то, что уже с 1866 г. министерство просвещения отказалось рекомендовать ее для своих учебных заведений.

В соответствии с постепенно уяснявшимся опытом и потребностями преподавания в разных школах, первые издания книги Ушинского тщательно им перерабатывались, так что текст ее в основном установился только в пятом издании; последним же, «окончательно исправленным и дополненным», вышедшим при жизни

Ушинского изданием «Детского мира», было издание десятое (1870 г.). С этого издания и перепечатывается текст настоящего, четвертого, тома с теми рисунками, которыми была иллюстрирована книга, начиная с пятого ее издания.

Составленная Ушинским книга для чтения состоит из собственно «Детского мира», в котором основными являются отделы — «Из природы», «Из русской истории», «Из географии»,—и из литературно-художественной «Хрестоматии», в которой впервые широко привлечены для чтения в классе произведения литературы первой половины XIX в.

Основную задачу своей книги Ушинский видел в том, чтобы дать учащимся начальных классов школы в качестве материала для чтения тот цикл элементарных знаний о природе, географии и отечественной истории, которым должен овладеть каждый грамотный человек и который должен составить основу общеобразовательного курса школы. В соответствии с этим, излагая, например, данные естествознания, Ушинский группировал их так, чтобы учащиеся систематически уясняли единство строения животного и растительного мира и единство состава органической и неорганической природы. Такой обработкой материала логически подготовлялся научный вывод о естественном происхождении человека и его полном подчинении закономерностям природы. Точно так же, излагая в доступной для детей форме данные по физической географии и астрономии, рассказывая биографии Коперника, Галилея, Ньютона, Ушинский тем самым подготовлял почву для научного представления о всем мироздании.

Однакоже эта научная точка зрения не выдерживается в изложении автора до конца. Отдавая дань религиозному и идеалистическому мировоззрению, Ушинский пытался сочетать мысль о строгой закономерности природы с идеей бога как творца и законодателя мира. Многие статьи «Детского мира» заканчиваются восторженными лири-

ческими восклицаниями о благости и премудрости творца мира, об удивительной и необъяснимой целесообразности явлений природы, хотя в большинстве случаев эти концовки звучат наивно и логически совершенно не вяжутся с основным естественно-научным содержанием статей (см. статьи: «Кленовое семечко», «Размножение растений», «Железо», «Воздух», «Гранитный валун», «Ручей» и др.). Такими же мистико-идеалистическими, религиозными статьями Ушинский завершает естественно-научные разделы книги (см. статьи: «Чудный домик», «Сотворение человека»). Даже в подборе литературно-художественных произведений для «Хрестоматии» часто обнаруживаются религиозно-мистические тенденции автора (см. статьи: «Капитан Боп» Жуковского, «Гостиница в степи», «Истинно-христианская жизнь», «Смерть и сон» и др.).

Эта двойственность мировоззрения Ушинского отмечена давно не только в содержании его книги для чтения, но и в его научно-педагогических произведениях. Пытались найти ей то или иное объяснение, но бесспорным нужно признать то, что, хотя Ушинский и вступил на путь естественно-научного мышления, но от элементов религиозного и идеалистического мировоззрения он еще не сумел освободиться. Эти пережитки не устраняют однакоже самого факта, что в основном книга для чтения построена на естественно-научном материале, развивавшем самостоятельное мышление ребенка. Вот почему реакционные современники Ушинского со дня выхода книги не переставали выступать с обвинениями, что его книга воспитывает у учащихся материалистическое мировоззрение и ведет к атеизму.

Статьи по русской истории, даваемые К. Д. Ушинским в «Детском мире», не соответствуют научным принципам советской историографии. Ушинский, понятно, пользовался теми наиболее известными историческими работами, которые существовали в его время и являются уже давно устаревшими (например, История Н. М. Карамзина).

В методическом отношении книга Ушинского обладает большими достоинствами и разработана с исключительным педагогическим уменьем. Книга построена на основе наглядности и систематического возбуждения самостоятельного мышления учащихся. Во всей книге с замечательной последовательностью выдержан принцип расположения материала от легкого и простого к трудному и сложному. «Каждая отдельная статья, по словам известного педагога, Д. Семенова, представляет собой одно законченное целое; вместе с тем текст ее связан с последующей, вводя в сознание детей одно или два понятия; однородные сведения нескольких статей тотчас же сводятся к определенному выводу, классификации явления или закону». С этой специально педагогической стороны книга Ушинского является замечательным произведением русской литературы, предназначенной для начального обучения, и внимательное ее изучение может дать многое также и авторам советских учебных книг.

Методические основы своей книги Ушинский излагал в предисловиях к ее первым изданиям и в разных других статьях. Выпуская пятое издание своей книги, он снял все методические указания, предназначенные для учителя, предполагая разработать их в виде отдельного методического руководства к преподаванию по «Детскому миру» и издать отдельной книгой. С течением времени задача эта отпала, методические же указания к «Детскому миру», разбросанные, необъединенные и вновь не перепечатываемые, постепенно забывались. Эти методические указания вместе с вариантами различных обработок книги, а равно и со справочными материалами, необходимыми для изучения и оценки книги Ушинского в целом, составят содержание следующего, пятого тома.

Детский мир и Хрестоматия

Часть первая

ЗАМЕТКА ОХОТНИКАМ ДО ПЕРЕПЕЧАТОК.

Все статьи «Детского мира» и «Хрестоматии», под которыми в тексте или в оглавлении не выставлено имя какого-нибудь *русского* автора, или составлены мною самостоятельно, или переведены и переделаны мною же с иностранных языков, из русских летописей, песен, сказок и т. п. Все же статьи, под которыми напечатано: «*из сочинений такого-то*», имеют какие-нибудь сокращения и изменения против оригинала. Из 660 страниц «Детского мира» 520 принадлежат мне как автору или переводчику, 60 — как составителю книги, и только на 80 страницах помещены перепечатки (почти исключительно стихотворения) из русских писателей.

К. Ушинский.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРИСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРИСПОСОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ И НАГЛЯДНОМУ ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ.

(Окончательно исправленное и дополненное, со 105 рисунками въ текстѣ).

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

(Допущено къ употребленію въ военныхъ гимназіяхъ и училищахъ; а также рекомендована Ученымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, «какъ прекрасное учебное руководство для низшихъ классовъ»).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ П. И. ГЛАЗУНОВА

1870.

Детский мир

ОТДЕЛ I.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ДЕТСКИМ МИРОМ.

ДЕТИ В РОЩЕ.

1. Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

— Знаешь ли что? — сказал брат сестре: — в школу мы еще успеем. В школе теперь и душно и скучно, а в роще должно быть очень весело. Послушай, как кричат там птички; а белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

2. Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуки в траву, взялись за руки и скрылись между зелеными кустами, под кудрявыми березками. В роще точно было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суетились в траве.

3. Прежде всего дети увидели золотого жучка.

— Поиграй-ка с нами, — сказали дети жуку.

— С удовольствием бы, — отвечал жук, — но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

— Поиграй с нами, — сказали дети желтой, мохнатой пчеле.

— Некогда мне играть с вами, —отвечала пчелка, — мне нужно собирать мед.

— А ты не поиграешь ли с нами? — спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить свое хитрое жилье.

4. Дети обратились-было к белке, предлагая ей также поиграть с ними, но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму. Голубь сказал: «строю гнездо для своих маленьких деток». Серенький зайчик бежал к ручью умыть свою мордочку. Белому цветку земляники также некогда было заниматься детьми; он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

5. Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробегал ручей через рощу.

— Тебе уж верно нечего делать, — сказали ему дети: — поиграй же с нами.

— Как! Мне нечего делать? — прожурчал сердито ручей, — ах, вы, ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю и днем и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет белье, вертит мельничные колеса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идет кругом, — прибавил ручей и принялся журчать по камням.

6. Детям стало еще скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик приметил на зеленой ветке крошечную, красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала превеселую песенку.

— Эй, ты, веселый запевало! — закричал малиновке мальчик: — тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать: поиграй же с нами.

— Как? — просвистала обиженная малиновка,— мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток! Я так устала, что не могу поднять крыльев: да и теперь убаюкиваю

песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаете по роще, да еще мешаете другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал все, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно; они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ДЕТИ В УЧИЛИЩЕ.

Глава I. **Школа.**

1. В понедельник утром Ваня и Коля проснулись очень рано. Поспешно встали они, оделись, помолились богу и позавтракали. Давно уже ждали дети дня, когда им в пӗрвый раз придется отправиться в школу: день этот, наконец, настал.

«Ведите же себя, как следует добрым и умным детям: слушайтесь учителя и учитесь прилежно», — сказала Ване и Коле их добрая мать и велела кухарке Анне отвести детей в школу.

2. Через полчаса Анна остановилась с детьми у серого, длинного дома. Вверху над окнами, на большой, черной доске Ваня прочел крупную надпись: «*Училище*». Было еще рано. Дверь школы была заперта. Анна дернула за колокольчик. Седой, усатый старик, в солдатской шинели, отпер дверь. Это был сторож Потапыч. В руках у сторожа была метла и тряпка.

«Что так рано?» — спросил он; но, заметив, что это были *новички*, прибавил: «классы начинаются в восемь часов, а теперь еще только семь: придется вам подождать, голубчики».

Дети вошли за Потапычем в переднюю, где у стены стояла длинная вешалка со множеством колышков. Анна помогла детям раздеться, обещала придти за ними, когда кончатся классы, и проворно побежала на рынок за провизией.

3. Потапыч ввел детей в класс, сказал им, чтоб они сели на скамью и сидели смирно, а сам стал подметать пол. В классе, кроме Потапыча, Вани и Коли, никого еще не было. Дети, сидя на скамье, робко посматривали на незнакомые для них предметы. Комната, где помещался класс, была большая и высокая. В ней дети насчитали трое дверей и шесть окон. Стены были обиты желтыми обоями, потолок выбелен чисто; но на полу было уже много чернильных пятен. В одном углу стояла большая печь; в другом, переднем, висела икона.

4. Больше всего удивлялись дети множеству длинных, черных скамеек. Большая половина класса была заставлена ими. Скамейки и столы стояли рядами. Такой мебели Ваня и Коля никогда еще не видали. Скамейки были приделаны к столам, крышки у столов— покаты, под крышками — ящики; а на верху столов были вделаны большие оловянные чернильницы, куда Потапыч только-что налил свежих чернил. Впереди, на большом возвышении, стояли стол и стул, вероятно, для учителя; а возле стола, на трех высоких ножках — большая, черная доска. На доске еще оставались следы мела.

5. Потапыч подмел пол, смахнул пыль со скамеек и столов и чисто-начисто вытер классную доску. Потом он принес несколько кусков мела, губку, полотенце — и пошел убирать другой класс. Уходя, Потапыч отворил дверь, и дети увидели, что в другой комнате было все то же: длинные, черные скамьи для учеников, кафедра для учителя, классная доска и, вдобавок, на стене висела большая географическая карта.

Глава II. **Товарищи и учитель.**

1. Ваня и Коля не долго оставались одни. Скоро раздался громкий звонок: Потапыч отпер дверь — и в класс с шумом и криком вбежала толпа детей.

«А, новички, новички!» — раздалось со всех сторон. В ту же минуту ученики окружили наших прия-

телей и осыпали их вопросами: «кто вы, чьи вы, как вас зовут, сколько вам лет, где вы живете, умеете ли читать и писать, в который класс поступаете?».

2. Ваня и Коля не успевали отвечать. Они никогда не видали такого множества детей и невольно робели, тем более, что не все спрашивали их ласково. Один большой и, должно быть, очень злой мальчик, успел даже толкнуть Ваню. К счастью наших новичков, скоро пробило 8 часов, и в школу пришли учителя. Лишь только ученики завидели учителей, как тотчас же разбежались по классам и уселись каждый на свое место. Ваня и Коля одни стояли между скамейками: у них еще не было своих мест.

3. В класс, где были Ваня и Коля, вошел учитель русского языка. Это был человек еще не старый, невысокого роста, в синем фраке с светлыми пуговицами. Он поздоровался с учениками и велел одному из них прочесть молитву. Ученик прочел внятно и громко «молитву пред учением». Ваня и Коля молились очень усердно и просили бога, чтобы он благословил начало их ученья. После молитвы все сели, а учитель подозвал к себе наших новичков. Он спросил у них, как их зовут, сколько им лет, умеют ли читать и писать, кто их родители, где они живут. Потом учитель заставил детей прочесть немного из книги, сказать наизусть две-три молитвы и написать на доске несколько строк. Дети читали хорошо, знали молитвы твердо, писали порядочно. Учитель, казалось, остался ими доволен; вынул из кармана записную книжку и записал в нее имена двух новых учеников: Ивана и Николая Почининых, детей вдовы Почининой, с отметкою, что Ивану девять, а Николаю восемь лет.

4. «Хорошо, — сказал потом учитель Ване и Коле: — видно, что и дома вы не теряли времени даром, когда выучились читать, писать и молиться. Продолжайте же учиться прилежно; будьте внимательны в классе; думайте о том, что читаете; слушайте, как читают и отвечают другие; слушайте также, о чем я спрашиваю и что объясняю; замечайте все, что

делается в классе. После класса я спрошу у вас, что вы заметили».

Потом учитель указал детям их места на первой скамейке, где сидели самые маленькие.

Глава III. **Что делалось в классе.**

1. Урок начинался чтением. Учитель требовал, чтобы ученики читали внятно, громко, не торопясь, и произносили каждое слово, как следует. Когда кто-нибудь ошибался, учитель с охотою поправлял. Но видно было, что он не любил поправлять в третий и четвертый раз одно и то же. Всякое непонятное слово учитель немедленно объяснял. Он не только не сердился, когда его спрашивали, что значит какое-нибудь слово, но даже был этим очень доволен.

2. Когда один из учеников прочитал несколько строк, учитель стал спрашивать о том, что было прочитано и объяснено. Кто читал и слушал со вниманием, тот и отвечал хорошо, кто был рассеян, тот и отвечал дурно: одних учитель хвалил, другим делал выговор.

3. Ваня и Коля заметили, что одни ответы учитель называл *полными*, другие *неполными*. Так он спросил у одного ученика: «почему господа называют создателем?» — ученик отвечал: «потому что он создал мир». Учитель назвал этот ответ *неполным*, спросил другого ученика, и тот отвечал: «господа называют создателем потому, что он создал мир». Учитель назвал такой ответ *полным*. Ваня и Коля поняли, что в полном ответе должен быть повторен вопрос.

4. Когда все прочитанное и объясненное было повторено учениками, тогда стали продолжать чтение. За чтением опять последовали вопросы и объяснения. Раза три или четыре учитель обращался с вопросами к Ване и Коле. Наши знакомцы слушали внимательно и потому отвечали очень хорошо. Так был прочтен и объяснен весь рассказ.

5. Чтение кончилось. Ученики вынули грифельные доски. Учитель написал на большой классной доске несколько вопросов и сказал ученикам, чтобы они на своих досках написали ответы. У Вани и Коли не было грифельных досок, и они не могли писать. Один из учеников писал ответы мелом на большой классной доске. Учитель поправил и требовал, чтобы каждый ученик сделал то же на своей доске. Пересматривая доски учеников, учитель хвалил тех, у кого все ошибки были исправлены.

6. Когда ответы на все вопросы были написаны, учитель стал спрашивать урок. К этому классу было задано выучить на память небольшую басню. Многие отвечали отлично: без ошибки, ясно, громко и выразительно; объясняли каждое слово, когда учитель спрашивал. Видно было, что они в прошедший класс слушали внимательно и дома прочитали несколько раз заданную на урок басню. Таких учеников учитель называл *прилежными*. Но нашлись и такие ленивые ученики, которые почти ничего не знали. Ваня и Коля заметили, что уроков не знали те же ученики, которые были невнимательны в классе.

7. Объяснив новый урок, учитель приказал ученикам вынуть тетради и приготовить перья. Ваня и Коля заметили, что учитель хвалил тех, у кого тетрадки и книги были чисты и неизмяты, и очень был недоволен, когда увидал, что у одного ученика тетрадь была не сшита, а книга запачкана и измята.

«Хороший ученик», сказал при этом учитель: «должен быть внимателен в классе, прилежно повторять уроки дома, а книги и тетради держать в чистоте и порядке».

8. Едва учитель успел продиктовать объясненную им в классе басню, как зазвонил колокольчик. Наши новички и не заметили, как кончился класс. Много нового узнали они без всякого труда и чувствовали, что стоит им два раза прочесть заданный урок и они будут знать его очень твердо. «Вот что значит быть внимательным в классе», — подумали они, — «и вот

почему учитель хочет, чтобы все были внимательны».

9. После класса учитель подозвал к себе наших новичков и стал у них спрашивать, что они заметили. Ваня и Коля рассказали ему все, что делалось в классе: кого учитель спрашивал, чем он был доволен и чем недоволен. Учитель похвалил детей за внимание и сказал им, что, если они всегда будут так же вести себя в классе, как в этот раз, то скоро сделаются хорошими учениками.

ЗИМА.

1. Зимою солнышко хоть и светит, но мало греет. Оно не долго остается на небе. Зимние дни гораздо короче летних, а ночи длиннее. В России зимы продолжаются долго и бывают иногда очень холодны. Реки и озера замерзают так, что по льду можно ходить и ездить. Земля покрывается толстым слоем снега. Снег очень полезен, потому что под ним и в сильные морозы сохраняются невредимо семена трав, цветов и хлебов. Без снега семена могли бы вымерзнуть.

2. Лист еще в конце осени опадает с деревьев, и березовая или дубовая роща, тенистая летом, к зиме становится прозрачной. На голых сучьях, вместо листьев, развешиваются хлопья мягкого, белого снега. Одни только ели и сосны зелены и зимой. На них всю зиму остаются зеленые иголки, или *хвои*. Деревья, с хвоями вместо листьев, называются *хвойными*. Деревья, одетые листьями, — *лиственными*.

3. Зимой гораздо менее птиц в лесах и зверей на полях, а насекомые совсем исчезают. Иные из них погибают, оставляя яички, другие забираются глубоко в землю, как, например, муравьи. Некоторые насекомые засыпают на всю зиму и просыпаются только весной, когда земля оттает. (Что делается зимой с мухами?) Многие птицы улетают на зиму в теплые края, иногда за тысячи верст. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки,

соловьи покидают нас еще с осени. Дикие гуси, утки, лебеди еще с осени тянутся по небу с севера на юг длинными вереницами. Они очень хорошо чувствуют, что, чем южнее, тем теплее, и ищут таких стран, где не бывает зимы. (Знаете ли вы, какие это страны?) Таких птиц называют *перелетными*. Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуют с нами и потому называются *зимующими*. Остаются также и воробьи в своих теплых гнездах; но и те зимой прыгают не так весело, как летом.

4. Звери, большей частью, также скрываются на зиму в берлоги, норы и дупла деревьев. Иные засыпают на самое холодное время, как, например: еж, медведь, байбак, сурок. Но белка не засыпает, она приберегла себе с осени хороший запас орехов в дупле дерева и грызет их целую зиму. Животные, засыпающие на зиму, называются *зимоспящими*. Домашние животные, лошади, коровы и овцы, погибли бы зимой от голода и холода, если бы человек не выстроил для них теплых хлевов и конюшен и не приготовил сена и овса.

5. При наступлении зимы человек старается устроиться по-зимнему. Он вставляет двойные рамы в окна, сильно топит печи, надевает теплое платье, прячет колесные экипажи до весны и выдвигает из сарая сани. (Что у саней вместо колес?) Зимняя дорога гораздо легче летней, и потому зимой по всем дорогам тянутся большие обозы с различными тяжелыми товарами. Почтовая тройка весело бежит, побрякивая колокольчиком; даже деревенская кляча — и та зимой прибавляет шагу. Сани легко, со скрипом, скользят по снегу. Полевые работы прекращаются еще осенью. Но крестьяне без работы не остаются и зимой. Когда они перемолотят хлеб, то идут на заработки: нанимаются на *фабрики* или пускаются в извоз. Женщины зимой прядут и ткут. Вот почему крестьяне так весело похлопывают рукавицами, когда первый снег закроет кочки и лужи и ляжет гладким первопутком. Мальчики тоже рады первому снегу. Пришла для них пора играть в снежки, лепить баб, кататься на салаз-

ках и на коньках. Свечей в домах и лучины в избах горит зимой гораздо более, чем летом (почему?).

6. Весело зимой, особенно когда солнышко светит ярко, на снежных полях блестят миллионы искр, а деревья точно убраны дорогим хрусталем. Но весело зимой только тому, у кого есть теплый дом и теплое платье, кто в сильную стужу может сидеть дома перед яркопылающим огоньком печи и спокойно ждать сытного ужина и теплой постели. Но каково бедному, седому старику, нищему? Несмотря на стужу, должен он таскаться под окнами и *ради Христа* выпрашивать себе куска хлеба. На старике нет теплого тулупа, лапти его худы, армяк весь в дырах; голос его дрожит от старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Не хорошо и мальчику, который ведет слепого старика; бедняга перескакивает с ноги на ногу, дует себе в окоченевшие пальцы, а сильный холод выжимает у него слезы из глаз. Пустите их обогреться, накормите и подайте им, что можете. Лучше отказаться от новой игрушки или каких-нибудь сладостей и подать милостыню бедняку.

7. Но не всегда же зимой светлые дни: бывают и метели. Когда подымется вьюга, то сильный ветер несет хлопья снега, и свистя и завывая, крутит его в воздухе. В иную метель, как говорится, *зги не видно*, в десяти шагах нельзя различить человека, и нет ничего легче, как сбиться с дороги в такую непогодь. Не беда еще, если нет сильного мороза и путешественник успеет забиться в сугроб снега, под снегом тепло. Но если вьюга и мороз, тогда не мудрено и замерзнуть. Как отрадно в такую погоду добраться до деревни. Хотя ее и занесло снегом, хотя избы в ней черны, но зато в них тепло. Добрый крестьянин радушно встречает иззябшего, нежданного гостя и угощает его, чем бог послал. У нас нередко зимой замерзают бедные люди или отмораживают себе носы, уши, руки и ноги. Самые сильные *трескучие* морозы бывают обыкновенно посреди зимы около Крещенья, почему их и называют *крещенскими*. Большие морозы трескучими называют

потому, что от них иногда лопаются и трещат бревна в стенах домов. В такой холод, говорят, даже птицы замерзают в воздухе и падают на землю. Зиму, в которой много бывает сильных морозов, крестьяне зовут *лютой*, т. е. очень злой.

ВЕСНА.

1. День начинает заметно прибавляться еще с половины декабря; а к 9-му марта он займет уже половину суток. Начало весны потому и считается с 9-го марта. Солнце весною не только дольше остается на небе, но и греет с каждым днем заметно сильнее. Снег начинает мало-помалу таять, и вода ручейками сбегает с земли в реки и озера. (Откуда берется эта вода?) Скоро и лед на реках уступает влиянию лучей солнца. По берегам рек появляются большие *полыньи*. Пройдет еще с неделю — и весь лед подымется прибывающей водою, почернеет, начнет ломаться, и рыхлые льдины понесутся по течению реки. Воды в реке в это время прибывает столько, что она не может поместиться в берегах: выступает и разливается по окрестным лугам. Разлив рек зовут *водопольем*. Иная реченка такая маленькая, что летом ее переходили в брод, в водополье разливается на пять, на шесть верст и более. Наша Волга-матушка, в которую вливаются тысячи рек и реченок, расстилается весною, словно море. Люди спешат воспользоваться недолгим богатством воды, — и большие барки, нагруженные товарами, ходят весною там, где летом чуть не бродят куры.

На полях появляются сначала *проталины*; но скоро земля, мокрая, пропитанная водою, повсюду показывается из-под снега. Пройдет еще неделя, другая — и снег останется разве где-нибудь в глубоком овраге, куда не заглядывает солнце. Небо становится все синее, а воздух все теплее.

2. Еще не весь снег сойдет, когда там и сям начнет уже показываться, возле старой пожелтевшей травы,

новая, яркозеленая травка. На полях, где крестьяне еще с осени засеяли рожь или пшеницу, подымается и зеленеет *озимь*, словно зеленый бархат. Вместе с травой появляются и первые цветы. Голубенький подснежник пробивается в лесах из-под прошлогоднего листа. Появляется кое-где и желтый одуванчик, тот самый, что со временем наденет свою пушистую белую шапочку, круглую, как шар, и до того легкую, что стоит только на нее дунуть, — и она вся разлетится. Деревья также пробуждаются от зимнего сна, и, разогретые солнышком, наполняются соками. Если прорубить в это время кору березы или клена, то из-под нее закаплет сладкий и душистый сок.

Почки листьев подготовлены деревом еще с осени. Всю зиму оставались они в одном положении и были едва заметны: теперь же они начинают быстро наливаться, расти, скидать свою коричневую шелуху и развертываться в зеленые листья. На вербе появляются пушистые цветы, или барашки. Вы, вероятно, заметили их на вербовых ветках в вербное воскресенье? (Когда бывает вербное воскресенье?) Потом появляются чуть заметные, липкие и душистые листья березы. Прошло еще дней десять — и кудрявая, яркозеленая березка, с белым, опрятным стволом своим, стоит разубранная, будто на праздник: веселая, яркая, душистая. За березой спешит распуститься липа, ольха, дуб. *Лапчатые* листья клена не заставляют долго ждать себя. Кустарники и деревья друг перед другом спешат принарядиться на праздник весны. Сначала зелень на деревьях кажется жидкой, потому что листочки еще малы, да и сквозь зеленую яркую траву кое-где просвечивает еще черная земля. Но листочки и трава растут быстро, — к маю все зазеленеет: рощи снова станут непроглядными, а на полях запестреют тысячи цветов. Зимой царствует однообразие: все один и тот же снег. Но весной каждый день появляется что-нибудь новое: то проглянет голубенький глазок незабудки; то развернется благоухающая чашечка ландыша, а еще вчера ее не было; то заблестят в зелени беленькие цве-

точки земляники, из которых к концу весны выйдут сочные, красные ягоды. Вишни, яблони, груши покрываются белыми и бело-розовыми цветами. Все празднует весну, все цветет и благоухает.

Не везде весна начинается в одно и то же время. Чем южнее, тем и весна становится раньше. В *Крыму* уже в феврале рвут цветы, а в *Архангельске* и в апреле можно отморозить нос.

3. Птиц, вместе с весной, появлястся множество. (Откуда они возвращаются к нам? Почему они улетают на зиму?) Первые прилетают грачи и криком своим напоминают, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9-го марта. Но вот и жаворонок, поднявшись высоко в воздухе, запел свою звучную песню. Быстрые, острокрылые ласточки прилетают несколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикие голуби, кукушки появляются одни за другими и населяют поля, леса и рощи, недавно еще безмолвные.

Высоко в воздухе тянутся с юга на север стаи журавлей, диких уток, гусей и лебедей. (Почему с юга на север?) Скоро и соловей начнет свою звонкую песню. Одни из этих птиц, дикие гуси, журавли, лебеди, летят далее; другие остаются у нас на все лето. Те, которые остаются, принимаются вить гнезда: носятся, кричат, трудятся, собирают сухие веточки, солому, мох, траву, глину и строят жилища для будущих своих деток.

Хлопотливые муравьи, пестрые бабочки, неуклюжие жуки, а потом несносные комары и мошки, тысячи самых разнообразных, летающих и ползающих насекомых выходят на свет божий. Трудолюбивая пчелка, проспавшая долгую зиму в теплом улье, просыпается, покидает свою восковую келью и летит собирать сладкий мед с цветов.

В зверином царстве заметно меньше перемены. Диких зверей вообще можно видеть редко. Но зато нельзя не видеть, как рад весне домашний скот. Простояв долгую зиму в хлевах, лошади, коровы, овцы весело выбегают в поле, и пастуху не приходится долго вызывать их из дома своей длинной трубой.

4. Рады люди первому снегу, но рады еще более первым цветам. Всякое время года приносит свои удовольствия и свои заботы. (Какие удовольствия зимы? Что делают крестьяне зимой?) Двойные рамы вынимают в домах; свежий воздух и яркий свет врываются в комнату. Звуки с улицы, которых целые полгода не было слышно за двойными стеклами, раздаются громко. А для крестьян сколько предстоит работы! Но они работы не боятся. За зиму хлеб, овес, сено и даже солома — все переведется: одно на пищу людям, другое на корм скоту. Надобно приниматься за работу, чтобы было что есть к будущей осени и зиме.

Исправляет крестьянин телегу, *ладит* борону и соху и, когда земля немного пообогреется и пообсохнет, едет в поле. Он пашет, боронит поле и сеет на нем *яровое*, что должно быть посеяно и собрано в одном и том же году: овес, гречиху, ячмень, просо. В огородах копают гряды, садят картофель, лук, горох, бобы, капусту; сеют коноплю, свеклу, морковь, репу. В столицах люди достаточные переезжают на дачи, где садовники устраивают клумбы, садят и сеют цветы. Радуется весне и бедняк: слава богу — стало теплее! Божье солнышко светит для всех даром, для всех одинаково; дров нужно меньше и худое платье сноснее.

ЛЕТО.

1. В начале лета бывают самые долгие дни. Часов двадцать солнце не сходит с неба, и вечерняя заря еще не успевает погаснуть на западе, как на востоке показывается уже беловатая полоска, — признак приближающегося утра. И чем ближе к северу, тем дни летом длиннее и ночи короче.

Высоко-высоко подымается солнышко летом, не то, что зимой: еще немного повыше, и оно стало бы прямо над головой. Почти *отвесные* лучи его сильно греют, а к полудню даже и жгут немилосердно. Вот

подходит полдень; солнце взобралось высоко на прозрачный голубой свод неба. Только кое-где, как легкие серебряные черточки, видны *перистые* облачка — предвестники постоянной хорошей погоды, или *вёдра*, как говорят крестьяне. Выше уже солнце итти не может и с этой точки станет спускаться к западу. Точка, откуда солнце начинает уже склоняться, называется *полднем*. Станьте лицом к полудню, и та сторона, куда вы смотрите, будет юг, налево, откуда поднялось солнце, — восток, направо, куда оно клонится, — запад, а позади вас — север, где солнца никогда не бывает.

В полдень не только на самое солнце невозможно взглянуть без сильной, жгучей боли в глазах, но трудно даже смотреть на блестящее небо и землю, на все, что освещено солнцем. И небо, и поля, и воздух залиты горячим, ярким светом, и глаз невольно ищет зелени и прохлады. Уж слишком тепло! Над отдыхающими полями (теми, на которых ничего не посеяно в этом году) струится легкий пар. Это теплый воздух, наполненный испарениями: струясь, как вода, подымается он от сильно нагретой земли. Вот почему наши умные крестьяне и говорят о таких полях, что они *отдыхают под паром*. На дереве не шелохнется, и листья, будто утомленные жаром, повисли. Птицы попрятались в лесной глуши; домашний скот перестает пастись и ищет прохлады; человек, облитый потом и чувствуя сильное изнеможение, оставляет работу: все ждет, когда спадет жар. Но для хлеба, для сена, для деревьев необходимы эти жары.

Однакож, долгая засуха вредна для растений, которые любят тепло, но любят и влагу; тяжела она и для людей. Вот почему люди радуются, когда набегут грозовые тучи, грянет гром, засверкает молния и освежительный дождь напоит жаждущую землю. Только бы дождь не был с градом, что иногда случается среди самого жаркого лета: град губителен для поспевающих хлебов и *лоском* кладет иное поле. Крестьяне усердно молят бога, чтобы града не было.

2. Все, что начала весна, доканчивает лето. Листья вырастают во всю свою величину, и, недавно еще прозрачная, роща делается непроглядным жилищем тысячи птиц. На *заливных* лугах густая, высокая трава волнуется, как море. В ней шевелится и жужжит целый мир насекомых. (Какие луга называются заливными?) Деревья в садах отцвели. Яркокрасная вишня и темномалиновая слива уже мелькают между зеленью; яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но в тиши зреют и наливаются. Одна липа еще в цвету и благоухает. В ее густой листве, между ее чуть белеющими, но душистыми цветочками, слышен стройный, невидимый хор. Это работают с песнями тысячи веселых пчелок на медовых, благоухающих цветочках липы. Подойдите ближе к поющему дереву: даже пахнет от него медом!

Ранние цветы уже отцвели и заготовляют семена, другие еще в полном цвету. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинает желтеть, волнуясь, как море, под напором легкого ветра. Гречиха в цвету, и нивы, засеянные ею, будто покрыты белой пеленой с розоватым оттенком; с них несется тот же приятный медовый запах, которым приманивает пчел цветущая липа.

А сколько ягод, грибов! Словно красный *коралл*, рдеет в траве сочная земляника; на кустах развесились прозрачные сережки смородины... Но возможно ли перечислить все, что появляется летом? Одно зреет за другим, одно догоняет другое.

3. И птице, и зверю, и насекомому летом раздолье! Вот уже и молоденькие птички пищат в гнездах. Но пока еще у них подрастут крылья, заботливые родители с веселым криком снуют в воздухе, отыскивая корм для своих птенцов. Малютки давно уже высовывают из гнезда свои тоненькие, еще худо оперившиеся шейки и, раскрыв носики, ждут подачки. И корму довольно для птиц: та подымает оброненное колосом зерно, другая и сама потреплет зреющую ветку конопли или почнет сочную вишню; третья гонится за мошками, а они кучами толкутся в воздухе. Зоркий

ястреб, широко распустив свои длинные крылья, реет высоко в воздухе, зорко высматривая цыпленка или другую какую-нибудь молоденькую, неопытную птичку, отбившуюся от матери, — завидит и, как стрела, пустится он на бедняжку: не миновать ей жадных когтей *хищной*, *плотоядной* птицы. Старые гуси, гордо вытянув свои длинные шеи, громко гогочут и ведут на воду своих маленьких деток, пушистых, как весенние барашки на вербах, и желтых, как яичный желток.

Мохнатая, разноцветная гусеница волнуется на своих многочисленных ножках и гложет листья и плоды. Пестрых бабочек порхает уже много. Золотистая пчелка без устали работает на липе, на гречихе, на душистом, сладком клевере, на множестве разнообразных цветов, доставая всюду то, что ей нужно для изготовления ее хитрых, душистых сотов. Неумолкающий гул стоит в пасеках (пчельниках). Скоро пчелкам станет тесно в ульях, и они начнут *роиться*: разделяться на новые трудолюбивые царства, из которых одно останется дома, а другое полетит искать нового жилья где-нибудь в дуплистом дереве. Но па́сечник перехватит рой на дороге и посадит его в давно приготовленный для него новенький улей. Муравей уже много настроил новых подземных галлерей; запасливая хозяйка белка уже начинает таскать в свое дупло поспевающие орехи. Всем приволье, всем раздолье! Для всех широко открыл свою щедрую длань милосердный создатель и сыплет на землю — и тепло, и благодатный громовой дождь, и цветы, и плоды, и бесчисленные семена трав и хлебов!

4. Много, много летом работы крестьянину! Вот он вспахал озимые поля и приготовил к осени мягкую колыбельку хлебному зерну. Еще не успел он кончить пахоты, как уже настает пора косить. Косари, в белых рубахах, с блестящими и звенящими косами в руках, выходят на луга и дружно подкашивают под корень высокую, уже *осеменившуюся* траву. Острые косы блестят на солнце и звенят под ударами набитой

песком лопатки. Женщины также дружно работают граблями и сваливают уже подсохшее сено в копны. Приятный звон кос и дружные, звонкие песни несутся повсюду с лугов. Вот уже строятся и высокие круглые стога. Мальчики валяются в сене и, толкая друг друга, заливаются звонким смехом; а мохнатая лошаденка, вся засыпанная сеном, едва волочит на веревке тяжелую копну.

Не успел отойти сенокос, — начинается жатва. Рожь, кормилица русского человека, поспела. Отяжелевший от множества зерен и пожелтевший колос сильно понагнулся к земле; если еще его оставить на поле, то зерно станет сыпаться, и пропадет без пользы божий дар. Бросают косы, принимаются за серпы. Весело смотреть, как, рассыпавшись по ниве и нагнувшись к самой земле, стройные ряды жнецов *валят под корень рожь высокую*, кладут ее в красивые, тяжелые снопы. Пройдет недели две такой работы, и на ниве, где еще недавно волновалась высокая рожь, будет повсюду торчать срезанная солома. Зато на сжатой полосе рядами станут высокие, золотистые копны хлеба.

Не успели убрать ржи, как пришла уже пора приниматься за золотистую пшеницу, за ячмень, за овес; а там, смотришь, уже покраснела гречиха и просит косы. Пора дергать лен: он совсем ложится. Вот и конопля готова; воробьи стаями хлопочут над ней, доставая *маслянистое зерно*. Пора копать и картофель, а яблоки давно уже валятся в высокую траву. Все спеет, все зреет, все надобно убрать во-время; даже и длинного летнего дня не хватает!

Поздно вечером возвращаются люди с работы. Они устали; но их веселые, звонкие песни раздаются громко по вечерней заре. Утром вместе с солнышком крестьяне опять примутся за работу; а солнышко летом встает куда-как рано!

5. Отчего же так весел крестьянин летом, когда работы у него так много? И работа не легкая. Нужна большая привычка, чтобы промахать целый день тя-

желой косой, срезывая каждый раз добрую охапку травы, да и с привычкой много еще нужно прилежания и терпения. Не легко и жать под палящими лучами солнца, нагнувшись до самой земли, обливаясь потом, задыхаясь от жары и усталости. Посмотрите на бедную крестьянку, как она своей грязной, но честной рукой отирает крупные капли пота с разгоревшегося лица. Ей даже некогда покормить своего ребенка, хотя он тут же на поле барахтается в своей люльке, висящей на трех кольях, воткнутых в землю. Маленькая сестра крикуна сама еще ребенок и недавно начала ходить, но и та не без дела: в грязной, изорванной рубашенке сидит она на корточках у люльки и старается закачать своего расходившегося братишку.

Но почему же весел крестьянин летом, когда работы у него так много и работа его так трудна? О, на это есть много причин! *Во-первых*, крестьянин работы не боится: он вырос в трудах. *Во-вторых*, он знает, что летняя работа кормит его целый год и что надо пользоваться *вёдром*, когда бог дает его; а не то — можно остаться без хлеба. *В-третьих*, крестьянин чувствует, что его трудами кормится не одна его семья, а весь мир: и я, и вы, и все разодетые господа, хотя иные из них и с презреньем посматривают на крестьянина. Он, копаясь в земле, кормит всех своею тихой, не блестящей работою, как корни дерева кормят гордые вершины, одетые зелеными листьями.

6. Много прилежания и терпения нужно для крестьянских работ, но не мало также требуется знаний и опыта. Попробуйте жать, и вы увидите, что на это надобно много уменья. Если же кто без привычки возьмет косу, то немного с нею наработает. Сметать хороший стог сена — тоже дело не легкое; пахать надо умеючи, а чтобы хорошо посеять—ровно, не гуще и не реже того, чем следует, — то даже не всякий крестьянин за это возьмется. Кроме того, нужно знать, когда и что делать, как сладить соху и борону, как из конопли, например, сделать пеньку, из пеньки нитки, а из ниток соткать холст... О, много, очень много знает и умеет

делать крестьянин, и его никак нельзя назвать невеждой, хотя бы он и читать не умел! Выучиться читать и выучиться многим наукам гораздо легче, чем выучиться всему, что должен знать хороший и опытный крестьянин.

Сладко засыпает крестьянин после тяжких трудов, чувствуя, что он выполнил свой святой долг. Да и умирать ему не трудно: обработанная им нива и еще засеянное им поле остаются его детям, которых он вспоил, вскормил, приучил к труду и, вместо себя, поставил работниками перед богом и людьми.

ОСЕНЬ.

1. Уже с 9-го июля начинает понемногу убавляться день и прибавляться ночь. 11-го сентября день снова равен ночи. Это день осеннего равноденствия и начало осени. С этого числа ночь все увеличивается и к 12-му декабря становится втрое длиннее дня. В это время солнце едва покажется на небе и спешит спрятаться; в 9 часов утра еще темно; в 3 часа после обеда надобно уже зажигать свечи.

Облака почти не сходят с неба, и это уже не красивые летние облака, громоздящиеся серебряными горами или высоко бегущие по небу серебристыми барашками: небо застилается все ровной пеленой свинцоватого цвета. С конца августа в воздухе начинает холодеть. Свежесть замечается особенно по утрам, а в сентябре появляются иногда и легкие морозы. Просыпаясь поутру, вы видите, как побелела трава или крыша соседнего дома. Еще немного — и лужи, которых осенью довольно везде, начинают по ночам замерзать.

Мелкие осенние дождики совсем не похожи на летние грозовые дожди: они идут беспрестанно, и земля уже не просыхает скоро, как бывало летом. Ветер дует без устали, далеко разнося созревшие семена деревьев и трав и доставляя мальчику удовольствие высоко запустить бумажного змея.

2. Лист на деревьях начинает кое-где желтеть еще в конце августа; в сентябре вы замечаете, как на березе, все еще зеленой, появляются там и сям совершенно желтые, золотистые ветки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла их мимоходом. Первая распустилась береза, она же первая начинает желтеть. С каждым днем все больше и больше становится желтых листьев. Еще два-три дня — и трепетная осина стоит вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенний ветер срывает и это последнее убранство: крутя в воздухе легкие, высохшие листья, устилает ими мокрую землю.

Поля мало-помалу пустеют, даже копны хлеба уже свезены, и только высокие стога сена, обнесенные плетнем, остаются зимовать на лугах. Цветы исчезли, и пожелтевшая, перезревшая трава, где ее оставили, клонится к земле и как будто просит снега. Одна только озимь подымается ровным, зеленым бархатом. Но этим молодым, запоздавшим побегам суждено скоро погибнуть. Зато корешки хлебов сохранятся невредимо под снегом и весной выглянут снова на божий свет зелеными стебельками.

Все глохнет, пустеет, темнеет, теряет яркие цвета лета и приобретает однообразный, грязноватый, серый вид осени. В это время природа похожа на усталого, много поработавшего человека, которого одолевает сон. Еще пройдет несколько дней, и она, закрывшись пушистым белым одеялом, заснет на целую зиму.

3. Отлетные птицы одни за другими собираются в дальний путь. Первые подымают тревогу ласточки, и еще в конце августа они вдруг исчезают; они чувствуют приближение осени, и ранний отлет этих птичек предсказывает раннюю зиму. Потом потянутся с севера на юг длинные *вереницы* журавлей, уток и гусей. С криком, то длинной цепью, то углом, с передовым впереди, улетают от нас летние гости. Леса редеют, затихают и пустеют; только тяжелая мокрая ворона каркает, усаживаясь на обнаженную ветку, да галки с отчаянным криком носятся стаями.

Вот уж и деревья стоят все голые, только на рябине висят ее красные *гроздья*, дожидаясь мороза. Пусто, глухо и в полях и в лесах. Земля, почернелая, грязная, пропитанная дождем, смотрит уныло под свинцовым небом: хоть бы снег поскорее закрыл ее неприятную наготу. Появляется и снег; но долго еще он не может удержаться и, оставшись иногда на несколько часов, снова исчезает.

4. Работы у крестьянина осенью заметно убывает; но все же он не остается без дела. В начале осени нужно пахать и боронить и засевать *озимые* поля; потом надо свозить хлеб с полей в риги; телеги, спрятавшиеся под тяжелыми снопами, скрипят по всем дорожкам. Свезши хлеб, надобно его сушить в овине, а потом молотить. Удары молотильных цепов с раннего утра до позднего вечера слышатся осенью на гумнах. Намолотивши зерна, крестьянин складывает его в мешки и спешит на мельницу. Если же он не молотит и не сидит на мельнице, дожидаясь очереди, то, наверное, с топором в руках, поправляет что-нибудь около своей избы. Женщины мочат и потом треплют коноплю, чешут лен и приготовляют себе прядиво на долгие зимние вечера.

Но все же осенью работы, сравнительно с летом гораздо менее, и крестьянин спешит повеселиться. Осенью праздников много: крестьянские свадьбы устраиваются всегда в эту пору года, когда дела меньше и всякого добра много. Везде варят пиво, и веселые, подгулявшие толпы ходят в гости из избы в избу, из деревни в деревню. Сильно поработал мужичок за лето: надобно же ему отдохнуть и повеселиться.

5. В городах тоже заметна осень. Без зонтика, шинели и калош нельзя выглянуть на улицу. Сверху моросит мелкий, холодный дождик; с мокрых блестящих крыш каплет вода. Нога скользит по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшие заборы смотрят уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестах. Везде моют окна и вставляют двойные рамы. В комнатах становится темно

и глухо. Уличного шума не слышно; а по вечерам свистит и завывает в трубах ветер, нагоняя тоску. Но зато осенью же начинаются в столицах и больших городах театры, концерты и собрания. Только все это идет как-то вяло, пока веселый снег не забелеет на улицах и не ляжет санная дорога. Тогда все проснется и зашевелится. Яркий огонек затрещит в печи, дым столбами подымется из труб, снег заблестит бриллиантовыми искорками, бодро побежит лошадка, сани заскрипят, разрумянится и лицо старика: — весело покатится зимняя русская жизнь!

О ЧЕЛОВЕКЕ.

Я человек, хотя еще и маленький, потому что у меня есть такая же душа и такое же тело, как и у других людей.

Тело мое состоит из семи главных частей: головы, шеи, туловища, двух рук и двух ног.

---

1. Голова моя по форме несколько похожа на *шар*, но не так кругла, как мячик, а имеет *овальную* форму. С боков голова немного сжата, сзади выдалась; одна часть ее покрыта волосами, другая нет.

2. Верхняя часть головы называется *теменем*, выдающийся зад — *затылком*, передняя часть — *лицом*.

3. Различные части лица носят различные названия, а именно: лоб, виски, щеки, скулы, глаза, нос, рот, подбородок; по бокам головы расположены уши.

4. Голову с туловищем соединяет гибкая шея, отчего я могу делать головой различные движения: подымать, опускать ее и поворачивать в сторону. Передняя часть шеи называется горлом.

5. Туловище — самая большая часть моего тела, и вокруг него расположены другие части: голова и че-

тыре *члена*, т. е. две руки и две ноги. В туловище также несколько различных частей: *грудь*, *живот* и *спина*.

6. Одна рука называется *левой*, другая *правой*. Они совершенно похожи одна на другую и расположены *симметрически*, по обеим сторонам моего туловища. Руки называются *верхними* членами тела, ноги — *нижними*. Правая и левая нога также похожи одна на другую.

---

1. Рука состоит из трех частей: верхняя, от плеча до локтя, называется *плечевой* частью руки, или просто *плечом*; средняя, от локтя до кисти, называется *локтевой* частью, или *предплечьем*, а нижняя — *кистью*.

2. Нога также разделяется на три части: верхняя, от туловища до колен, называется *бедром*; средняя, от колена до ступни — *голенью*, а нижняя — *ступней*.

---

1. В кисти есть *ладонь* и *пальцы*. Пальцев на каждой руке по пяти. Каждый палец, кроме большого, состоит из трех суставов; в большом пальце только два сустава. На оконечностях мягких пальцев, сверху, расположены твердые *роговые ногти*.

2. Верхняя часть ступни называется *подъемом*, нижняя — *подошвой*, задняя — *пяткой*, напереди ступни расположены пять *пальцев*. Каждый из ножных пальцев имеет по три сустава и по ногтю (в большом два сустава); но ножные пальцы не так длинны, гибки и подвижны, как пальцы рук.

У птиц две ноги, но вместо рук — крылья; у лошади, коровы, кошки, кролика, у множества других зверей — по четыре ноги, а рук вовсе нет; у обезьян все четыре члена — руки. Птиц зовут *крылатыми*; зверей, у которых четыре ноги, — *четвероногими*, а обезьян — *четверорукими*; одного только человека можно назвать *двуруким*.

---

1. Цвет предметов, величину их, число и форму я различаю *зрением*; стук, крик, шелест, звон, слова другого человека и всякие другие звуки я различаю *слухом*; запах предметов — *обонянием*; вкус — *вкусом*. *Осязанием* я различаю форму и величину предмета; но, кроме того, посредством осязания же я узнаю тверд или жидок предмет, тяжел он или легок, тепел или холоден, шероховат или гладок.

2. Зрение, слух, осязание, обоняние и вкус называются пятью *внешними*, или *телесными*, *чувствами* человека, — в отличие от *внутренних*, или *душевных*, чувств, каковы: горе, радость, гнев, любовь, благодарность и мн. др.

3. Я гляжу глазами, слушаю ушами, обоняю носом, различаю вкус предметов языком, осязаю почти всем моим телом и в особенности концами пальцев; я говорю ртом, дышу ртом и носом, хожу ногами, работаю руками, жую зубами, перевариваю пищу желудком. Всякая часть моего тела, исполняющая какую-нибудь отдельную службу, называется *орудием*, или *органом*.

4. Все тело человеческое состоит из множества различных, необходимых для него органов, а потому все оно называется иногда *организмом*, т. е. соединением многих органов, из которых каждый выполняет свое особое дело, а все вместе дают человеку возможность жить *.

5. Человек, у которого недостает хотя одного важного органа или какой-нибудь орган перестает действовать как следует, ведет очень печальную жизнь. Тяжело жить человеку *слепому*, потерявшему зрение; не легко и *немому*, не имеющему возможности выразить словами своих мыслей и желаний; жалок и калека, который потерял употребление рук **.

6. Но есть еще более важные органы в теле человека, такие, без которых он уже решительно жить не может. Эти важные органы скрыты внутри челове-

---

* См. в «Хрестоматии» басню «Органы человеческого тела».
** См. в «Хрестоматии» басню «Богатство».

ческого тела и называются *внутренними*, в отличие от наружных, т. е. тех, которые видны снаружи.

---

1. Из всех пяти органов внешних чувств орган зрения самый необходимый для человека. Глаза расположены под лбом, в особенных углублениях, называемых *глазными впадинами*. Снаружи мы видим только наружную часть глаза.

2. В середине глаза мы различаем круглый черный *зрачок* и вокруг зрачка — цветной кружочек, называемый *цветным ободком*, или *райком*. У разных людей раек бывает разного цвета. Вокруг райка мы видим белок, имеющий овальную форму; а в углах глаза красноватые *мочки*. Глаз закрывается двумя *веками*. Нижнее веко неподвижно; верхнее же беспрестанно подымается и опускается — *мигает*. Веки опушены *ресницами*; над глазами растут *брови*.

Уши, как и глаза, орган *парный*. Мы видим только наружную часть уха, внутренняя же его часть скрыта в голове. Наружная часть уха называется *ушной раковиной*. Ощупывая ушную раковину, мы чувствуем, что в ней и под кожей есть что-то такое, что тверже мяса и мягче кости: это — *хрящ*. Внутри уха есть отверстие, *канал*, который ведет во внутреннюю часть слухового органа, скрытую в височной кости черепа.

Нос — орган одиночный и расположен посередине лица. В носу можно различить несколько частей: *корень*, или основание, носа, лежащее между глазами *переносье*, *кончик* носа и две *ноздри*. Верхняя часть носа — твердая косточка, нижняя — состоит из хряща. Внутри нос выстлан *слизистой оболочкой*. Носом мы различаем запах, носом же мы и дышим — даже более, чем ртом.

---

1. Рот очень сложный орган. Снаружи он закрывается двумя мягкими красными губами. Внутри рта мы различаем *челюсти*, *дёсны*, *зубы*, *нёбо*, *язык* и *глотку*.

2. Изо рта ведут внутрь тела два канала: один, которым мы дышим, проходит в передней части шеи и называется *дыхательным* горлом, другой идет сзади и называется *пищевым* горлом. В верхней части дыхательного горла скрыт *орган голоса*.

---

1. В каждом зубе различаются две части: верхняя — *коронка* и нижняя — *корень*. Сверху зуб покрыт гладкой блестящей эмалью. Человек родится без зубов; но через несколько месяцев по рождении зубы у ребенка начинают показываться один за другим; эти первые зубы называются *молочными*. На седьмом или осьмом году жизни молочные зубы выпадают и заменяются *постоянными*.

2. Зубы имеют различную форму, смотря по тому, где они сидят. Спереди, в обеих челюстях, находится в каждой по 4 плоских, острых зуба (всех 8). Они служат для того, чтобы ими, как ножами, разрезывать пищу, а потому и называются *резцами*. За резцами по обе стороны и в обеих же челюстях, сидит по одному длинному, острому зубу. Эти зубы называются *клыками*, или *глазными зубами*. Клыки служат для разрыва пищи: всех их 4. Далее расположены толстые зубы с плоскими коронками, на которых заметны бугорки; эти плоские зубы называются *коренными*. Коренными зубами мы раздавливаем, перемалываем пищу. Всех зубов у человека 32.

---

1. Рот — очень сложный орган, но зато он выполняет и несколько служб: ртом мы *едим*, *говорим* и *дышим*.

2. В произношении различных букв все части рта и даже нос принимают участие. Букву *а*, например, мы

можем произнести одной гортанью; чтобы произнести букву *п* или *б*, мы должны употребить наши губы; для произношения буквы *в* мы нижнюю губу прижимаем к верхним зубам; для того, чтобы произнести букву *к*, мы прижимаем язык к нёбу; букву *д* выделывают зубы и язык вместе; в произнесении буквы *н* принимает участие и нос.

---

1. Все мое тело одето снаружи кожей. Я чувствую всякое прикосновение к коже, и потому кожа называется *органом осязания*.

2. Кожа у большей части зверей почти вся покрыта шерстью; у человека почти вся кожа обнажена и гладка; но присматриваясь ближе, мы видим на ней маленькие точечки: это — небольшие отверстия, называемые *порами*, через которые проходит испарина. На верхней части головы, на коже, растут длинные, густые волосы. На всей коже также рассеяны небольшие беловатые волоски, но они так редки и малы, что их почти не видать.

---

1. Ощупывая части моего тела, я чувствую, что в нем, под кожей, есть что-то твердое — это *кости*. Снаружи, ощупью, я могу различить только самые главные и большие из костей.

2. Притрагиваясь к голове, я ощупываю *череп*. Череп состоит из нескольких выпуклых костей, похожих на черепки горшка, сложенные краями. Все кости черепа составляют один шарообразный костяной ящик, в середине которого скрыт очень важный и очень нежный орган — *мозг*.

3. В голове еще я нащупываю *две челюсти*: верхнюю и нижнюю. *Верхняя челюсть* так прикреплена к черепу, что может двигаться только вместе с ним, а сама по себе неподвижна. *Нижняя челюсть* движется отдельно от черепа, потому что не срослась с ним, а прикреплена к нему особенными крепкими и упругими *связками*. Я могу опускать ее, подымать, двигать ею

из стороны в сторону, что дает мне возможность закрывать и открывать рот, говорить и жевать. В обеих челюстях укреплены зубы.

---

1. Голова держится не на мягкой шее, а на *хребетном столбе*, идущем от затылка, через шею, по середине спины, во всю длину туловища. Хребетный столб сложен из 33-х небольших костей, называемых *позвонками*, почему и весь хребетной столб называют иногда *позвоночным хребтом*.

2. Позвонки, которые отчасти можно ощупать рукой, лежат один на другом и связаны между собой крепкими, упругими связками. Позвонки пусты в середине, и, будучи сложены вместе, составляют один длинный канал, наполненный, как и череп, мозгом. Спинной мозг соединяется с головным. Если бы позвоночный хребет был одной сплошной твердой костью, то человек не мог бы ни наклонять, ни разгибать, ни склонять на бок своего *стана*, не мог бы ни поворачивать шеи, ни двигать головой.

3. Позвоночный хребет составляет главную, *срединную* кость туловища. К нему прикреплены все остальные кости: к верхней части — *ребра* и к ним кости рук; к нижней — большие и крепкие *тазовые кости* и к ним кости ног.

4. *Ребра*, начинаясь от позвоночного столба, круто загибаются на обоих боках и составляют основание груди, или *грудную клетку*, где бьется *сердце* и лежат *легкие*, которыми мы дышим. Всех ребер у человека 12 пар. Семь верхних пар соединяются посреди груди плоской и широкой *грудной костью*, которую я могу ощупать рукой. Пять нижних пар ребер не сходятся между собой концами и называются *ложными* ребрами.

5. К нижней части позвоночного хребта прикреплены три *тазовые* кости, сросшиеся в одну крепкую и большую кость, называемую *тазом*. Эта кость поддерживает все туловище, и к ней-то прикреплены кости ног.

---

1. С грудной клеткой соединены кости каждой руки посредством двух костей: *лопатки* и *ключицы*. Лопатка — широкая, треугольная, плоская кость, лежит на ребрах сзади, на спине. *Ключица* — небольшая, тонкая, изогнутая кость, идет от плеча кверху грудной кости.

2. В верхней части руки находится одна толстая, длинная кость, называемая *плечевой*; в средней части руки две кости: одна потолще — *локтевая*, другая потоньше — *лучевая*.

3. В кисти множество костей, составляющих *запястье*, *пясть* и *пальцы*. Запястье соединяет кисть с локтевой частью руки, или *предплечьем*, пясть составляет ладонь; кости пальцев соединяются с пястью.

---

1. В верхней части ноги одна толстая длинная кость, называемая *бедром*; в средней — две кости: *большая берцовая* и *малая берцовая*. В колене есть еще одна небольшая косточка, похожая на чашку и называемая *предколенником*.

2. В ступне много костей. Кости ступни, как и кости кисти, разделяются на три части: *предплюсну*, *плюсну* и *кости пальцев*. В *предплюсну* упираются кости голени, средину ступни составляет *плюсна* и к ней прикреплены *кости пальцев*.

Все отдельные кости соединены между собой крепкими, упругими *связками* в один *остов*, или *скелет*. Скелет составляет как бы основание человеческого тела, на котором все оно держится.

---

1. Ощупывая наши члены, мы чувствуем, что в них кости покрыты чем-то мягким, но довольно упругим, это мясо, или *мускулы*. Мускулы упруги, как резина, и могут сжиматься или сокращаться и расширяться, что дает нам возможность двигать нашими

членами. Так, например, плечевая часть руки соединяется с локтевой посредством мускулов, когда эти мускулы сжимаются, то рука наша сгибается, когда разжимаются, то и рука наша выпрямляется.

2. Мускулов больших и маленьких очень много в теле человека: малейшее движение в лице выполняется сокращением и растяжением особенных мускулов. Язык наш есть тоже очень большой и гибкий мускул.

3. Мускулы укрепляются от упражнения. Кто много ходит, у того мускулы ног делаются крепкими, твердыми и сильными; кто много работает руками, у того делаются крепкими и сильными мускулы рук. У ленивцев мускулы вялы, слабы и скоро утомляются.

4. Мускулы прикрепляются к костям *сухими жилами*: сухими эти жилы называют для того, чтобы отличить их от тех мягких жил, в которых протекает кровь.

---

1. Но мускулы сокращаются, растягиваются и заставляют двигаться наше тело не сами собой, их сокращают и растягивают по воле человека тоненькие, как ниточки, *нервы*. Этих нервов множество во всякой самой маленькой частице человеческого тела, которая только имеет способность что-нибудь чувствовать или двигаться.

2. Нервы расходятся по всему телу, но выходят из мозга через отверстия, находящиеся в черепе и в позвонках хребетного столба. Нервы, идущие от мозга к глазам, называются *глазными*, идущие к слуховому органу — *слуховыми* и т. д. Нервы, проходящие в мускулы и заставляющие их сокращаться и растягиваться, называются *двигательными* нервами, потому что посредством их человек двигает всеми частями своего тела.

3. Если бы нервы, идущие от мозга к глазам, повредились и перестали действовать, то человек потерял бы способность зрения, хотя бы глаза его смотрели попрежнему. Если бы повредились и перестали действовать нервы, идущие от хребетного мозга в мускулы

ног, то человек потерял бы употребление ног, хотя они казались бы с виду совершенно здоровыми. Но если бы повредился и перестал действовать самый мозг, от которого нервы распространяются по всему телу, то человек перестал бы чувствовать и двигаться. Вот почему творец скрыл этот важный и нежный орган внутри крепких костей черепа и хребетного столба.

---

1. Если мы прорежем где-нибудь нашу кожу, то из-под нее покажется жидкая, красная, теплая кровь. Кровь протекает в теле человека в мягких, иногда очень тоненьких трубочках, называемых *жилами*. Те из жил, которые довольно толсты и проходят под кожей, можно видеть сквозь кожу. Щупая *пульс* на руке, на шее или на висках, мы чувствуем, как что-то бьется под кожей — это сжимается и расширяется жила, по которой пробегает теплая кровь.

2. Рассматривая руку, мы видим, как под кожей расходятся жилы, точно веточки дерева. Но самых тоненьких жил мы через кожу видеть не можем. Они проходят не только между мускулами, но и в мускулах, отчего мясо имеет красный цвет. Красный цвет наших щек и губ зависит также от кровеносных жил, проходящих под кожей. Если мы ударим довольно сильно по руке другой рукой, то заметим, что то место, где мы ударили, сначала побелеет, а потом покраснеет. Это зависит от того, что кровь сначала убежит из этого места, а потом прильет к нему в большем количестве.

3. Жилы расходятся, как бесчисленные ветки, по всему телу; но все они собираются к сердцу, которое находится в левой стороне груди под ребрами и беспрестанно бьется, т. е. сжимается и расширяется. Когда сердце расширится, то кровь в него вольется; когда сердце сожмется, то погонит кровь в жилы.

---

1. Для жизни мне, как и всякому другому человеку, необходимы пища и питье. Без пищи и питья я мог бы умереть от голода и жажды. Когда я долго не ем, то

испытываю неприятное чувство голода, усталость и слабость во всех членах; а когда поем, то становлюсь бодрее и сильнее.

2. Пищу я кладу в рот, пережевываю ее зубами, увлажняю слюной и проглатываю. Проглоченная пища проходит через пищевой канал в *желудок*, находящийся в нижней половине туловища.

3. Желудок переваривает пищу, т. е. переделывает в кровь из пищи то, что может быть переделано, а остальное, негодное, выбрасывает. Кровь льется сначала по жилам к сердцу, потом из сердца по другим жилам проходит в легкие.

4. Легкие находятся в груди. Этот большой и мягкий орган состоит из бесчисленного множества крошечных трубочек. Легкими мы дышим, т. е. вдыхаем и выдыхаем воздух. Воздух входит в легкие и выходит из них посредством дыхательного горла, носа и рта. Для дыхания необходим воздух, и без воздуха человек умер бы еще скорее, чем без пищи.

5. Кровь, побывав в легких и прикоснувшись к воздуху, делается яркокрасной. Из легких кровь опять льется в сердце, а сердце, расширяясь и сжимаясь, разгоняет ее по всему телу, которое питается кровью.

Кости, соединенные упругими связками, мускулы, прикрепленные к костям сухими жилами, кровеносные жилы и нервы — все это одето сверху кожей. Внутри же тела находится несколько важных отдельных органов, из которых мы знаем только самые главные: *мозг* — внутри черепа и хребетного столба, *сердце* и *легкие* — в груди и *желудок* — в животе.

---

1. Я и теперь еще не очень велик и не очень силен, когда сравню себя с большими, взрослыми людьми; но прежде был еще меньше и еще слабее, даже, как говорят, не мог ходить и говорить, хотя и не помню этого времени.

2. Пройдет еще несколько лет, я выросту, сделаюсь большим и сильным, сделаюсь *взрослым* человеком; пройдет еще десятка три лет, и я начну стариться: силы мои станут упадать, лицо покроется морщинами, глаза ослабеют, зубы выпадут: я сделаюсь стариком. Потом придется мне умереть: тело теряет способность чувствовать и двигаться, потом разрушается и превращается в землю, из которой оно создано; но душа моя не умрет никогда, потому что бог, давший мне смертное тело, дал мне бессмертную душу.

3. Но теперь тело мое живет, питается и растет, чувствует и движется, потому что оно одарено *жизнью*.

---

1. Я понимаю то, что мне говорят, могу выражать мои мысли и желания словами, так что меня понимают и другие люди: у меня есть *дар слова*.

2. Если я что-нибудь рассматриваю или слушаю внимательно, то потом могу, когда мне угодно, припоминать то, что видел и слышал. Я могу выучить урок и потом помнить и рассказать то, что выучил, помню лица и имена знакомых людей, помню названия множества предметов. У меня есть способность *памяти*.

3. Я представляю себе очень живо, какие буду иметь удовольствия, когда настанет лето; я воображаю, как я буду гулять, собирать ягоды, ловить рыбу, играть с товарищами. Я также очень живо могу представить себе лицо знакомого мне человека. Ночью я часто вижу сны и вижу во сне то, чего на самом деле нет. У меня есть *способность воображения*.

4. Я понимаю не все то, что мне говорят, и не все, что читаю в книге; но когда мне объяснят хорошенько, и я слушаю внимательно объяснения, то мне становится понятным и то, чего я прежде не понимал. Я теперь знаю не много, но прежде знал еще меньше; а чем больше буду учиться, тем больше буду знать и понимать. Случалось мне выучить наизусть и не понимать того, что я выучил; но когда мне объяснили, то я начал понимать то, чего прежде не понимал. У меня есть *ум*.

---

1. Мне приятно, когда меня хвалят, и неприятно, когда бранят; я люблю своих родителей, люблю многих из своих товарищей. Когда мне сделают добро или какое-нибудь удовольствие, то я чувствую благодарность. Я сержусь, когда мне досаждают; смеюсь, когда мне весело; плачу, когда мне грустно. У меня есть много *душевных внутренних чувств*.

2. Когда я выучу свой урок, сделаю все, что должен, когда за мной нет никакой шалости, тогда у меня на душе спокойно, легко и светло; когда же я поленюсь, или не послушаюсь, или нашалю, тогда моя душа беспокоится и недовольна моими поступками. У меня есть *совесть*.

3. Мне иногда не хочется учиться, но я могу принудить себя сесть за дело, зная, что должно трудиться и лениться стыдно. Мне иногда не хочется сделать того, что мне приказывают, но я могу принудить себя исполнить волю родителей или наставников, зная, что я должен им повиноваться и что они желают мне добра. Мне хочется иногда и того, чего не должно; но я могу принудить себя сделать то, что должно. У меня есть *воля*.

---

1. Я не видел и не могу видеть бога, потому что он дух, но верю, что он существует, видит все, знает все, управляет всем, любит нас и желает нам добра: в моей душе есть *вера в бога*.

2. Я иногда пошалю, иногда поленюсь, иногда рассержусь, иногда не послушаюсь, иногда сделаю или скажу какую-нибудь глупость, случается, что скажу неправду, но у меня есть желание быть умным, знать много, быть послушным, правдивым, добрым, и я могу сделаться таким, если постараюсь: *у меня есть желание и возможность сделаться умнее и добрее*.

---

1. Все эти способности — дар слова, память, воображение, ум, совесть, воля, вера в бога, желание и возможность сделаться лучше — называются *способностями душевными*.

2. В теле человека живет невидимая *душа*, без которой тело было бы мертво, не могло бы ни чувствовать, ни двигаться, несмотря на все свои прекрасно устроенные органы. Душа человека одарена множеством способностей, из которых некоторые есть и у животных. Но у животных нет дара слова, нет разума, нет совести, нет свободной воли; они не могут иметь понятия о боге, не имеют желания и возможности сделаться лучше.

Человек одарен прекрасно устроенным телом, одарен жизнью, одарен душой свободной, разумной и бессмертной, желающей добра и верящей в творца вселенной.

ЧУДНЫЙ ДОМИК.

Чудный я знаю домик и с полным хозяйством. Есть в нем мельничка, есть в нем и кухня, где день и ночь готовится теплая пища. В этом домике множество ходов и переходов, и проворные маленькие слуги разносят по ним теплую пищу во все уголки дома. Есть в этом доме неугомонный эконом. Ни днем ни ночью не засыпает он ни на минуту; все тук, да тук, и гонит проворных слуг во все уголки дома, где только спрашивается пища, питье или тепло. Есть в этом доме обширная зала, куда свободно входит чистый воздух; есть два светлых окошечка со ставеньками: ночью эти ставеньки запираются, днем отпираются. В доме живет невидимая хозяйка. Хозяйки этой не видно, но она-то всем распоряжается и все оживляет: для нее-то хлопочет эконом, для нее-то работают маленькие слуги, она-то смотрится в светлые окошечки, подымает и опускает ставеньки. Уйдет хозяйка из дома, —и все замолкнет: эконом перестанет стучать, слуги остановятся в переходах и во всем домике станет тихо, пусто и холодно, а ставеньки закроют окошки. Но куда же уходит хозяйка? Туда, откуда пришла, — на небо. На земле она только гостья, а домик без хозяйки рассыпается в прах.

ОТДЕЛ II.

ИЗ ПРИРОДЫ.

ЛОШАДЬ.

Лошадь самое красивое и самое большое из *наших домашних* животных. У лошади красивая длинная голова, гибкая шея, широкая грудь, длинное туловище и *четыре* высокие тонкие ноги, а на каждой ноге по *одному* твердому *копыту*. Все тело лошади *покрыто* короткой, но густой и блестящей *шерстью*. На шее у лошади длинная *грива*, на лбу, между ушами, *чолка*, на ногах у копыт *щетка*, а сзади красивый длинный *хвост*. Волосы на хвосте начинаются у *самого корня*. Лошади бывают различной *масти*: вороные, гнедые, рыжие, серые, пегие.

Глаза у лошади большие, *продолговатые* и смотрят понятливо. Два длинных уха бодро торчат *кверху*. Рот длинный, и в каждой челюсти три рода зубов: *резцы*, *клыки* и *коренные*.

Сравнивая заднюю ногу лошади с ногой человека, мы заметим, что лошадиная нога, как будто, состоит только из двух частей, и колено выгибается не вперед, как у нас, а назад. Однакоже, взглянув на остов лошади, мы увидим, что и в ее ноге три части; но *бедро* соединено так с туловищем, что его сразу и не заметишь. Колено лошади, вывороченное назад, собственно не колено, а то же, что у нас щиколодка; нижняя часть ноги, соответствующая нашей ступне, очень длинна; копыто лошади не что иное, как единственный палец

животного с огромным твердым ногтем. Мы не ошибемся, если скажем, что лошадь ходит на четырех *пальцах*.

Хребтовый, или *позвоночный*, столб у лошади очень длинен и идет *горизонтально* от черепа в хвост. В груди у лошади есть *легкие*, которыми она дышит, и *сердце*, которое бьется и разгоняет по ее жилам *красную*, *теплую* кровь. Молодых лошадок называют *жеребятами*. Они долго кормятся *молоком* своих маток. Потом лошади едят *траву*, сено, овес, любят соль и хлеб.

Лошадь.

У лошади все те же *пять внешних чувств*, какие и у человека. Особенно хорош у лошади слух. Ее не трудно приучить выступать под музыку мерными шагами. Лошадь очень сильна. Есть такие лошади, что могут возить по хорошей дороге *до 200 пудов* и более. Лошадь бегает быстро: хорошая скаковая лошадь может проскакать в четверть часа более 8 верст. Лошадь смела, она храбро идет в сражение; а в *степи* лошадиный *косяк*, собравшись в круг, головами в середину, защищается задними копытами от целой стаи волков. Лошадь скоро привыкает к хозяину и вообще доброе животное. Есть, впрочем, и злые лошади, которые лягаются и кусаются.

Лошадь помогает человеку *обрабатывать* поле. Она ходит и *в упряжи*, и *под верхом*. Из *толстой* лошадиной кожи выделывают подошвы. Из лошадиной шерсти сбивают *войлоки*. Лошадиным навозом *удобряют* поля. Кочевые народы едят лошадиное мясо и

приготовляют из кобыльего молока опьяняющий и питательный напиток *кумыс*.

Лучшие лошади — арабские; хороши — наши донские, вятские, шведки, громадные ломовые и удалые троечные.

КОРОВА.

Корова пониже лошади, но в длину бывает не меньше. Голова у нее шире и короче лошадиной. На голове два *рога*, пустые *(полые)* внутри; большие уши торчат в сторону, шея без гривы, короткая, широкая, под шеей висит подгрудок; грудь узкая. Туловище у коровы широкое, спина острием, кости выдались, бока оттопырились, хвост длинный, волосы *только на конце* хвоста. Ноги у коровы короче и толще лошадиных, на каждой ноге *по два* копыта. У коровы в верхней челюсти *нет резцов*, и потому она не откусывает траву, а отрывает ее, прижимая нижними резцами к твердой верхней челюсти. Она не может сразу хорошо пережевать траву или сено: пожует, проглотит и потом, когда пища несколько размягчится у ней в желудке, отрыгнет ее и, лежа спокойно, начнет опять медленно пережевывать зубами и перетирать *шерстким* языком. У коровы не один желудок, как у лошади, а четыре: в первом и втором приготовляется *жвачка*. Шерсть на корове бывает различной масти, но длиннее, чем у лошади, и не так лоснится. Из внешних чувств у коровы особенно развито обоняние. Коровам дают траву, сено и сытное пойло; они любят лизать соль.

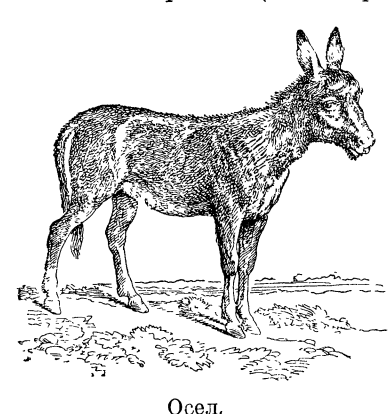
Корова.

Коровы доставляют людям молоко и все, что *делается из молока*. Толстые бычачьи и коровьи кожи идут на выделку сапожного товара, рога — для различных мелких вещей, из копыт вываривается столярный клей, навозом удобряют поля. На быках, а за границей и на коровах, ездят и пашут.

Лучшим рогатым скотом считается *тирольский* и *голландский*, а в России — *холмогорский*.

ОСЕЛ.

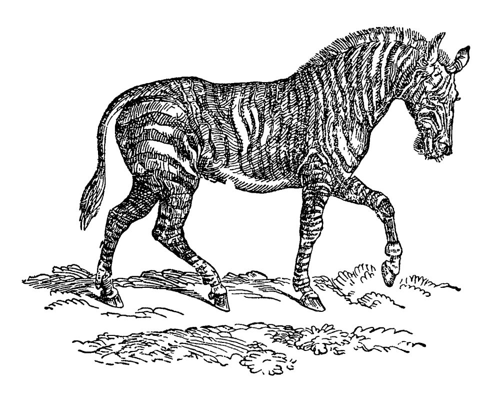
По устройству зубов и по нераздвоенным копытам осла причисляют к *лошадиному* отряду, хотя хвост его похож на коровий. (Какая разница между зубами лошади и коровы? Чем отличается хвост коровы от хвоста лошади?)

Осел.

При взгляде на осла, прежде всего кидается в глаза его смиренная, мохнатая морда и два непомерно длинные, подвижные уха. Ослы бывают различной масти, по большей части — темносерые; две более темные полосы идут крестообразно вдоль спины и поперек плеч. Ослиный рев слышен далеко, но чрезвычайно неприятен: это какое-то тяжелое, печальное завыванье с перерывами — точно колючая шишка репейника остановилась у него в горле. Однакоже ревом своим осел заменяет для крестьян барометр, предсказывая дурную погоду, которой ослы очень недолюбливают. Вообще это домашнее животное теплых стран и не может выносить холодных и продолжительных зим. У

нас ослы водятся только в Крыму и Бессарабии; в южной Германии и Швейцарии ослы еще плохи; только в Италии и Испании достигают они значительного роста, с порядочную лошадь, бывают стройны и красивы, не так обрастая неровной шерстью, как на севере.

Зебра.

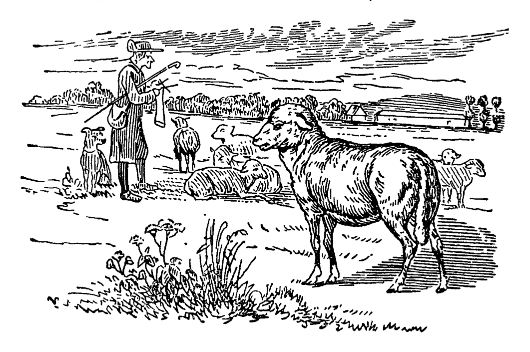
Нельзя однакоже не пожалеть, что осел не может приучиться к холодному климату, так как это одно из полезнейших домашних животных, содержание которого обходится недорого. Осел ест всякий бурьян, на который лошадь и не взглянет, и лакомится репейником, с которым может сладить только его неприхотливое горло; зато к чистоте воды он очень внимателен. Работает он медленно, но вынослив в работе; сил же у него более, чем можно было бы ожидать по его небольшому росту: забавно видеть, как иной осляк, ростом с полугодовалого теленка, тащит на себе, и притом в крутую гору, саженного туриста-англичанина, который должен сильно подгибать свои ноги, чтоб они не волочились по земле. Правда, осел не бегает так скоро, как лошадь, но шаг его верен, так что по узким горным тропинкам безопаснее ехать на осле, чем на лошади.

Ослиная кожа еще толще лошадиной; от таких ударов палкой, какими погонщики угощают ослов, самая ленивая лошадь пустилась бы вскачь; а осел едва-едва прибавляет шагу. Из ослиной кожи выделывают пергамент; ею же часто обтягивают барабаны.

К животным *однокопытным* причисляется также и житель африканских пустынь — полосатая зебра. Она очень красива, но довольно слабосильна, и до сих пор не успели еще сделать ее животным домашним.

ОВЦА.

Животных пород, полезных для человека, всего более в *отряде жвачных, двукопытных*. (Какие животные называются двукопытными? Почему они называются

Овца.

жвачными?) Достаточно сказать, что к этому отряду, кроме быков и коров, причисляют баранов и овец, коз самых разнообразных пород, верблюдов и оленей.

Кажется, нет на свете животного безобиднее и беззащитнее овцы; но едва ли есть и полезнее. Все в ней идет на пользу человека: из ее длинной, мягкой шерсти приготовляются и тончайшие и грубейшие сукна, т. е. главная и лучшая одежда человека; из овечьего меха шьют теплые тулупы, дающие нам возможность бороть-

ся с нашими северными морозами; баранье и овечье сало освещает нас в долгие зимние ночи; из бараньей кожи приготовляется лучший сапожный товар; мясо дает вкусное жаркое, а в странах пастушеских из овечьего молока приготовляется сыр.

У барана и овцы голова, сравнительно с туловищем, невелика; лоб навыкат, нос горбом; уши у иных пород торчат в сторону, у других висят; глаза — очень добрые, но, нельзя утаить, глуповатые. У баранов на лбу рога, очень красиво завитые в витушку; но потому-то именно и безобидные. Бараньи рога, как рога коров и коз, пусты, или *полы*, в средине, отчего этих животных называют *полорогими*. Хвост у иных пород не велик, у других же, как, например, у наших крымских, до того толст и тяжел, что под него пастухи подвязывают колесца, чтоб барану было легче таскать свой жирный *курдюк*.

Козел.

Шерсть на овце длинная, иногда белая, как снег, иногда сероватая или черная, иногда в пятнах или рыжеватая. Для добывания с овец шерсти их стригут раз, а в других местах и два раза в год; перед стрижкой овец тщательно моют, чтоб шерсть была чиста.

Овцеводство составляет важнейший промысел во всех странах, исключая самых северных. Чем холоднее страна, тем труднее развести в ней хорошую, *тонкорунную* овечью породу (*руно* — овечья шерсть). Лучшей породой считаются *мериносы* — испанская порода овец, которая разведена теперь по всей Западной Европе и в наших южных губерниях, где бесчисленные овечьи стада составляют главное богатство края.

К одному семейству животных с овцой причисляются *козлы* и *козы*, хотя с виду они мало похожи на баранов и овец.

Сухое *поджарое* тело козла, его угловатые формы, выдающиеся кости, рога, загнутые назад, а не в витушку, голая верхняя губа, борода под нижней губой, — все эти признаки очень отличают козла от барана. Но бараны и овцы, козлы и козы составляют одно *козловое семейство*, принадлежащее к отряду двукопытных, жвачных животных. Дикая, легконогая *серна*, с крючковатыми, загнутыми назад рогами, принадлежит также к *козловому семейству*.

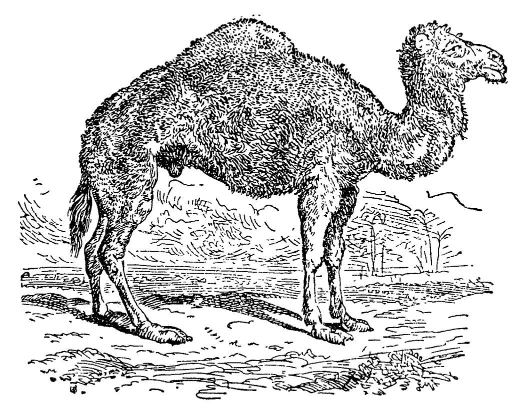
Мясо старых козлов имеет неприятный запах и в пищу не годится; но мясо молодых козлов очень вкусно. Козлиная кожа идет на сапожный товар; из нее же преимущественно выделывается сафьян. Козлиных пород много: самые дорогие породы, по длинной, шелковистой и мягкой шерсти, — *кашемирская* и *ангорская*.

ОДНОГОРБЫЙ ВЕРБЛЮД, ИЛИ ДРОМАДЕР.

Дромадер, т. е. бегун, которого арабы зовут также *кораблем пустыни*, служил людям уже во времена Авраама. В настоящее время верблюд как домашнее животное живет в юго-западной Азии, северной Африке, Греции и Турции, в Крыму, Астрахани и вообще в южных степях России. Теперь с успехом стали разводить верблюдов и в Северной Америке. В диком состоянии верблюды не встречаются.

Хотя по многим свойствам своим верблюд похож на знакомых нам животных, отрыгающих жвачку, каковы, например, корова и овца; но во многом от них и отличается. Верблюда нельзя назвать красивым животным. Неуклюжая, тяжелая, мозолистая стопа его, высокие некрасивые ноги, с наростами на передних коленях, кривая широкая спина, на которой подымается горб, а у иных и два, длинная, согнутая шея, которую верблюд на бегу вытягивает вперед, морда, похожая на овечью, короткий, всегда грязный хвост, длинные, жесткие волоса грязно-бурого цвета, — все эти при-

знаки не делают верблюда привлекательным по наружности. Но зато какие драгоценные полезные для человека свойства имеет это некрасивое создание! В пище верблюд очень неприхотлив и совершенно доволен, если ему удается покушать сухих и колючих степных растений; без воды же может оставаться до восьми дней. Верблюд велик, силен и ходит быстрой рысью; в длину он бывает более четырех аршин, а в вышину около трех; на него вьючат иногда от 15 до 20 пудов, и с та-

Дромадер.

ким грузом верблюд может пройти от 180 до 200 верст в день. Понятно, что такое животное является для человека истинным сокровищем в песчаных пустынях, где нет ни воды, ни травы и солнце жжет невыносимо. Не будь верблюда, и никакая торговля не была бы возможна в этих страшных пустынях; а теперь по ним тянутся целые караваны верблюдов, нагруженных дорогими товарами. Милосерд создатель, подаривший верблюда пустыням Африки и Азии, а снежным тундрам севера — легконогого оленя, питающегося мхом, добываемым из-под снега!

Верблюжье молоко и мясо, хотя редко, но употребляется в пищу, из верблюжьей шерсти делают сукно, и

даже навоз верблюжий идет на топливо, точно так же, как навоз лошадей и рогатого скота в наших южных степях, где, как и во всех степях, нет леса.

Известны две породы верблюдов: верблюды *одногорбые* и *двугорбые*, но обе эти породы одинаково полезны и сходны в главных своих признаках. Горбы верблюда состоят из жира и опадают, когда животное долго терпит голод и жажду: это — запасные кладовые верблюда про черный день, и жир горбов, всасываясь в кровь, питает животное и поддерживает его силы долгое время. Чтобы удобнее навьючивать высокое животное, его приучили становиться на передние колени и, таким образом, подставлять спину для вьюка.

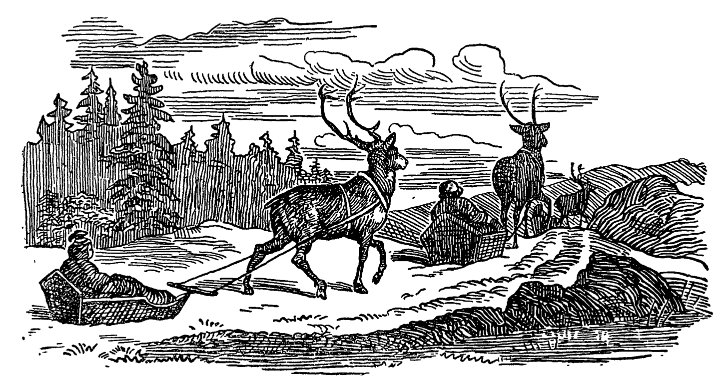
СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Для нас олень не более, как предмет любопытства, но для жителя Крайнего Севера это животное, не требующее почти никакого ухода, является совершенно необходимым и заменяет лошадь, овцу и корову.

Северные олени бывают двух видов: ручные (домашние) и дикие; в диком состоянии, впрочем, олени теперь встречаются уже редко. Ручные северные олени ростом обыкновенно бывают в вышину аршина полтора, а в длину аршина два с половиной; голову свою, с ветвистыми, несколько назад отброшенными рогами, всегда держат олени низко, понурив; растущая на теле их шерсть летом бывает короткая, темносерая, а зимой длинная, белая. Летом северные олени линяют, а осенью как самцы, так и самки сшибают с себя рога и в продолжение всей зимы, до весны, остаются без них. У молодых оленей рога бывают белые, у оленей среднего возраста — бурые, а у стариков — черные. На каждом роге у оленя во второй год вырастают две ветки, в третий три и т. д. На шее у оленей растет довольно длинная грива; ноги их, вооруженные раздвоенными копытами, тонки; хвост почти незаметный. Плоские широкие копыта и находящиеся за ними отростки, называемые шпорцами, дают легкому

животному возможность бегать по снегу, не проваливаясь. Олень животное двукопытное, жвачное, плотнорогое, травоядное.

Жители Крайнего Севера держат у себя оленей стадами, часто в несколько тысяч голов, и богатство человека измеряется там обыкновенно количеством оленей. Весь уход за оленями ограничивается только тем, что им предоставляют самим находить себе пищу; но

Северный олень.

чтобы они не разбрелись, то привязывают в разных местах по несколько оленей, что и заставляет других постоянно оставаться вблизи привязанных товарищей. Тощий, бесплодный и по виду не питательный белый мох (ягель) и разного рода лишаи составляют главную пищу оленей во всякое время года. Сверх того, в короткое лето, когда и в этих угрюмых странах показывается солнце, и, растопив ледяную кору, вызывает из земли бледную травку, а зачахлые деревья начнут покрываться небогатой зеленью, олени питаются травой и молодыми древесными листьями ивы, осины и березы. Зимой олени обыкновенно тощают, потому что с большим трудом должны добывать себе скудную пищу, раскапывая снег и копытами пробивая ледяную кору, плотно одевающую землю после осенних дождей. На лето

олени, водящиеся у обывателей наших северных владений, целыми стадами переселяются с хозяевами своими к югу, чтобы спастись там, в более гористых местах и отчасти в лесах, от страшных врагов своих — комаров и оводов. Весной и рано летом овода обыкновенно целыми роями летают над стадами оленей и, садясь к ним на спину, кладут в их густую шерсть свои яйца, величиной с горчичное зерно. Из этих яиц скоро выходят червячки, которые, отыскивая пищу, пробуравливают кожу оленей и углубляются в их тело, от чего вся спина оленей покрывается большими желваками, имеющими на вершинке своей небольшие отверстия. От нестерпимого зуда олени расчесывают себе всю спину до крови, большую часть дня проводят в воде, куда заходят по самую шею, отказываются совершенно от корма и часто умирают. В теле животного червячок мало-помалу превращается в личинку, вырастает до величины желудя и вываливается через устьице на землю, зарывается в нее и через несколько недель вылетает уже оводом.

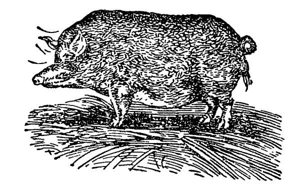
Осенью олени возвращаются обратно в свои родные места и если встречают по дороге реки или ручьи, то обыкновенно переплывают их очень быстро. Совершая эти путешествия, они постоянно следуют в известном порядке: впереди идут самки с оленятами, самцы же следуют за ними только через несколько дней.

Оленье молоко необыкновенно жирное и дает очень много масла; но так как это масло невкусно, то из молока чаще приготовляют сыр; мясо оленей приятно на вкус и питательно; из плотных оленьих рогов туземцы выделывают ножи, ложки, иглы; а кожа оленей вместе с шерстью идет на одежду. Самоед, тунгус, коряк и другие жители севера с головы до ног одеты в оленью кожу, и одежда эта так тепла и удобна, что решительно незаменима в том климате никакой другой. В одежде, сшитой из одних оленьих шкур и не нитками, а оленьими же высушенными жилами, туземцы отправляются в дальний путь не иначе, как на оленях. В свои высокие, легкие сани они впрягают по одному

или несколько оленей. Олени на ходу никогда не скачут, а бегут постоянно бойкой рысью и обыкновенно пробегают в час верст по десяти и более, но могут бежать и гораздо быстрее. Без оленей люди не могли бы жить постоянно в холодных странах Севера, где зима продолжается едва не целый год и никакие хлебные растения не могут вызреть.

СВИНЬЯ.

Свинья очень некрасива с виду, любит валяться в грязи и рыться в сору, ленива, неповоротлива, прожорлива и неразборчива в пище. Вот почему самое имя свиньи звучит как-то неприятно. Но, тем не менее, люди держат и откармливают свиней очень охотно. Питаясь полусгнившими листьями капусты, испортившимся картофелем, помоями, желудями, травой, корнями растений, словом, всякого рода *растительной* и *животной пищей*, свинья быстро растет, толстеет, покрывается большим слоем жира. Вся ее толстая *туша* идет в пищу, а из крепкой *щетины* делают щетки и кисти для красильщиков. Вот почему бедняки, которые не в силах содержать ни коровы, ни лошади, держат свиней, прокармливая их всякими остатками от своего бедного хозяйства.

Свинья.

Фигура у свиньи самая непривлекательная. Прежде всего кидается в глаза ее огромная голова с длинным, тупым рылом, отлично приспособленным к тому, чтобы взрывать землю. На конце рыла — подвижной *пятачок*, которым свинья ворочает во все стороны. Она вечно смотрит в землю исподлобья своими маленькими голубыми глазками. У иных свиней уши не очень велики и торчат кверху, особенно у *диких*, у других болтаются, как тряпки.

Верхняя челюсть свиньи, с выдвинутым рылом, кажется гораздо длиннее нижней; рот огромный, и во рту 44 зуба, по которым видно, что она животное *всеядное*.

Туловище у свиньи длинное и толстое, хребет выгнут кверху, передние ноги короче и прямее задних, тоненький хвост колечком. На каждой ноге свиньи по четыре копыта; на два передние она ступает, а два задние на каждой ноге несколько выше передних и до земли не дотрагиваются. Вот почему свинью зовут *многокопытным* и *парнокопытным* животным. Кожа у свиньи необыкновенно толста и покрыта редкой щетиной, которая на хребте длиннее и крепче.

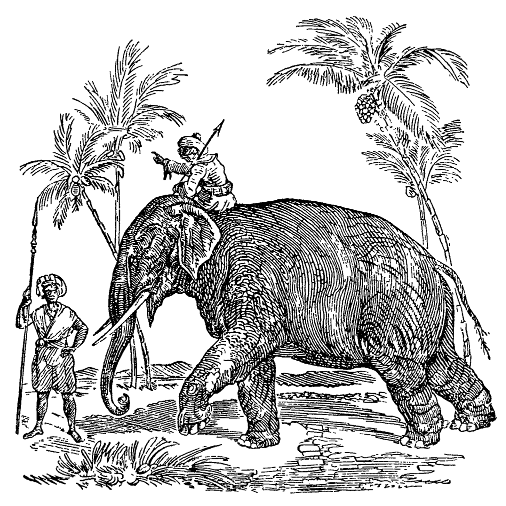
В наших больших лесах, особенно в Литве и на Кавказе, и чаще всего по берегам рек, где растет высокий тростник, водится много диких кабанов. Они очень сильны, свирепы, и охота за ними опасна. Кожа у дикого кабана так толста, что часто пуля в ней останавливается; а удар его трехгранных клыков страшен. Раненый кабан упорно преследует охотника.

СЛОН.

Из отряда животных *многокопытных* у нас водится одна свинья; но в жарких климатах к этому отряду принадлежат гиганты звериного царства: тапир, бегемот, носорог и слон. Кто бы мог подумать, что у нашей свинки такое знатное родство! А между тем, черты родственного сходства у свиньи и слона не подлежат сомнению.

Если вам никогда не удавалось видеть самого слона, то присмотритесь, по крайней мере, к нему на картинке, и, если вы в своем воображении увеличите свинью раз во сто, то, без сомнения, отыщете между ею и слоном некоторое сходство. Понятно, что у такой громадной свиньи (средний слон вышиной сажени полторы, а в длину более двух), при очень короткой, неповоротливой шее, не позволяющей ни опускать го-

лову, ни подымать ее, *подвижной пятачок* свиного рыла должен был вытянуться в длинный подвижной хобот: иначе животное не могло бы питаться ни травой, которая у него под ногами, ни древесными листьями, которые у него над головой, а такому зверю пищи нужно не мало. Уши у слона, как у старой свиньи, болтаются по сторонам двумя огромными тряпками, глаза также по росту не велики, прекрасные, карие и

Слон.

смотрят необыкновенно умно; рот приходится почти у самой груди; а изо рта, у самцов, торчат два громадные бивня, иногда по сажени в длину, дающие драгоценную слоновую кость. Толстая кожа слона мало покрыта шерстью, и хвост очень напоминает свиной. Хрюкают слоны так же, как свиньи. Но по устройству зубов видно, что слон животное *травоядное*, а не *всеядное*, как свинья; клыков у него совсем нет; громадные же бивни отлично служат ему для прочистки себе дороги в лесу или для защиты, но никак уже не могут служить для разрыва мясной пищи. Копыт на каждой ноге у

слона не по четыре, как у свиньи, а по пяти (животное *непарнокопытное*) и копыта эти сверху плотно обтянуты толстой кожей.

Самая интересная часть слонового тела — *хобот*. Он составляет продолжение носа, необыкновенно подвижен и имеет в длину сажень и более; животное, однако, совершенно произвольно может втягивать его в себя и сокращать до аршина. На конце хобота отросток в роде пальца, в середине хобота проходят две носовые ноздри. Хобот состоит из верхней кожаной оболочки, нервов и мускулов и потому представляет собой совершенный по чувствительности и по разнообразию движений орган осязания. Слон своим хоботом делает все, что делаем мы руками: он может свертывать его и развертывать, поворачивать в разные стороны, а кончиком своего хобота слон поднимает с земли самые маленькие монеты, отворяет ключом замки, раскупоривает бутылки, срывает цветы, набравши воды, брызгает ею, как из фонтана, и пр. Кроме удивительной чувствительности, хобот наделен необыкновенной силой, так что одним ударом его слон может убить человека, высоко поднимает с земли тяжести весом до 5 пудов; на себе же слон может нести от 50 до 100 пудов; вообще он обладает силой 6 лошадей. Когда слон идет обыкновенной своей походкой, то лошадь догоняет его только рысью, впрочем, слоны могут бегать и плавают хорошо. Живут слоны большими стадами, иногда до 400 голов, в тенистых лесах внутренней Африки, в Южной Азии и на островах Цейлоне и Суматре и доживают до 200 лет. Питаются слоны растительной пищей, любят хлебные растения и потому часто причиняют страшный вред полям, засеянным рисом. Содержание ручных слонов обходится весьма дорого, средним числом полагается слону в сутки пуда полтора вареного риса и столько же травы и листьев.

Делая слонов ручными, люди заставляют их исполнять различные работы: употребляют для подъема и перевозки всякого рода тяжестей, для поездок на охоту и на них же в ост-индской армии перевозят пушки.

Слонов не впрягают в экипажи, но обыкновенно садятся в палатку, устроенную на спине слона. Для управления слоном у головы его сидит вожатый (корнак): в руках вожатого острый молоток, которым он бьет слона в голову и, таким образом, управляет животным. Все правильные требования своего вожатого слон исполняет покорно, без гнева переносит заслуженное наказание, но за несправедливое и жестокое обращение мстит страшно.

Один путешественник рассказывает, что однажды вожатый, сидя на слоне, вздумал бить у него на голове твердые кокосовые орехи. Животное терпеливо перенесло жестокую боль, но, проходя в тот же самый день базарную площадь, слон остановился перед кучей кокосовых орехов, взял один орех хоботом и так ударил им по голове своего вожака, что тот мертвым свалился на землю.

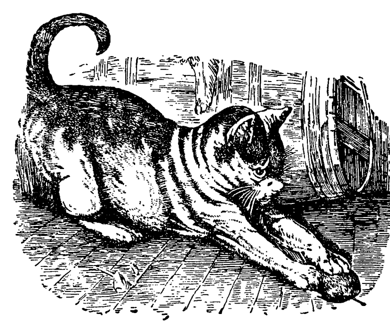
Так понятлив этот великан жарких стран! Не даром же его небольшие глаза смотрят очень умно. Но без хобота слон самое жалкое животное, и если он потеряет хобот, эту свою единственную, ловкую и сильную руку, то ему остается только умереть: вот почему он бережет свой хобот в борьбе со львом и тигром, которых он часто побеждает, подбрасывая хоботом кверху, и потом подхватывая на страшные бивни или бросая на землю и растаптывая тяжелыми ногами. Впрочем, слон очень мирного характера и никогда не нападает первый, а, напротив, старается скрыться, но раздраженный — страшен.

Примечание. До сих пор мы читали все о *копытных* животных, ноги которых вооружены копытами. Всех этих животных по устройству копыт мы можем разделить на *однокопытных*, куда относятся: лошадь, осел, зебра; *двукопытных*, куда относятся все *жвачные* животные: корова, верблюд, овца, коза, олень и др., и *многокопытных*, куда мы отнесли свинью, слона, бегемота, тапира. Кроме того, между *рогатыми* животными

мы заметили *плотнорогих* (какие?) и *полорогих* (какие?). Начертите табличку всех пройденных животных. Повторите по табличке все, что прочли.

КОШКА.

Наша хорошенькая Машка, которая так мило мурлычит, красиво выгибает спинку и виляет пушистым хвостом, принадлежит к одной породе с самыми страшными хищными зверями, тиграми, львами, барсами, и так на них похожа, что всю эту породу называют *кошачьей*. Рассмотрим же Машку повнимательнее. Голова у нее круглая, на голове торчат два небольшие, очень чуткие уха. Над глазами и ртом длинные щетинистые волосы. Рот, сравнительно с головой, очень велик; во рту *шероховатый* язык и 30 острых, как иголки, зубов; особенно остры и длинны четыре *кривые клыка*. Замечательны глаза кошки: они как будто расколоты по середине, но эта узенькая щель широко раскрывается в темноте, что нужно кошке для ее ночных охот за мышами. Все тело кошки мягко и гибко, хвост длинный и пушистый, ноги коротки, но сильны, а на каждой ноге по пяти пальцев, и каждый палец вооружен *острым изогнутым когтем*. Кошка, однакоже, умеет сделать свою лапку *бархатной*: ловко прячет свои *втяжные* когти, чтобы они не иступились даром, и мгновенно выпускает их, когда понадобится. Ходит она на *пальцах*, но не стучит когтями по полу, как собака, что дает ей возможность без малейшего шума подкрасться к мышке. Все тело

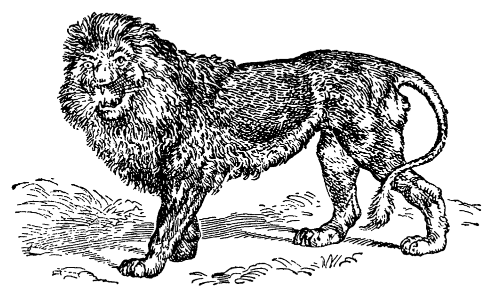
Кошка.

кошки покрыто короткой, но густой шелковистой шерстью. Кошка очень высоко прыгает и ловко лазит по деревьям и крышам, что показывает, как сильны ее лапы. Она чистоплотна, не любит мокроты и грязи; очень привязана к своим детям и защищает их отчаянно. Ест она все мясное, но любит более всего животрепещущую птичку или мышь, не пропускает и рыбы, если она ей попадется.

К человеку кошка не привязана, но только к тому дому, где живет. Кошка ласковое, но лукавое животное: завидя добычу, она притворяется будто ее не видит, подходит тихонько, едва заметно, приседает, полузакрывает горящие жадностью глаза, грациозно повертывает хвостом — и вдруг, как молния, с необыкновенной силой и ловкостью, кидается на бедную жертву.

ЛЕВ И ТИГР.

Льва и тигра гораздо безопаснее видеть в зверинце, чем на воле, а между тем, стоит нам только посмотреть, как эти страшные животные поворачиваются в своих

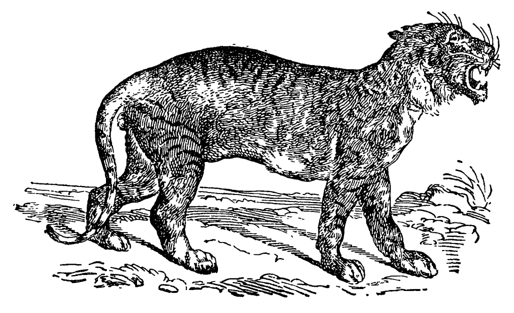

Лев.

клетках, прячут и выпускают свои длинные кривые когти, протягивают лапы, выгибают спину, играют хвостом, то полузакрывают свои глаза, то вновь открывают их во всю величину, — и вы убедитесь, что

они не что иное, как громадные *кошки*. Лев, имея гриву и прямое рыло, еще менее похож на кошку, но сходство тигра с кошкой с первого взгляда кидается в глаза.

Лев, которого по его величественному виду, громадной силе, страшному голосу назвали царем зверей, бывает обыкновенно серо-желтоватого цвета, до сажени в длину и аршина полтора в вышину. У него на конце длинного хвоста большой пучок волос, а на шее длинная, косматая грива; у львицы гривы нет.

Тигр.

В древние времена лев жил и в южной Европе, теперь в Европе он бывает только в зверинцах. В диком состоянии лев водится в Африке и Южной Азии. Самые большие львы встречаются в Персии. Лев, как говорят, кидается на человека только голодный и раздраженный.

Тигр — самое страшное и самое злое из всех хищных животных. Он бывает красновато-желтого цвета, с черными полосами. В длину он тоже иногда достигает сажени, но в вышину несколько меньше льва. Он необыкновенно ловок, быстр, делает огромные прыжки и нападает на всех животных, не исключая и человека, не только голодный, но и сытый.

Чтобы судить о силе этих животных, довольно сказать, что лев одним ударом лапы может перебить

крестец у лошади и уносит быка, как волк ягненка. Он выступает величаво, но, кидаясь на добычу, делает прыжки сажени в четыре. Вот почему, когда посреди ночи в пустыне раздается страшный рев льва, то все живое трепещет и спешит укрыться. Тигр не многим уступает льву в силе, а дерзостью и кровожадностью далеко превосходит его.

СОБАКА.

Из всех домашних животных самое привязанное к человеку, без сомнения, собака. Она живет с человеком повсюду, как в самых жарких, так и в самых холодных странах, оберегает его дом, имущество и стада, помогает ему на охоте, часто утешает его своей бескорыстной дружбой и нередко жертвует за него своей жизнью. В северных странах на собаках ездят, а в Китае их едят, собачий мех идет для дешевых воротников и теплых сапог, а кожа для перчаток.

Собачьих пород много: борзые, гончие, лягавые, водолазы, пуделя, моськи, мордашки, бульдоги и т. д.; одних главных собачьих пород насчитывают до 30. По росту собаки также очень разнообразны, начиная от самых маленьких, которые могут поместиться в кармане, до меделянских, овчарок и водолазов, величиной с доброго теленка. Морды собачьи не похожи одна на другую: у борзой, например, длинная, красивая, сухая морда, а у мордашки точно будто обрублена. Верхняя губа по большей части покрывает нижнюю. Уши или торчат кверху, как у дворняжек, или длинные и висят книзу, как у лягавых, язык длинный, широкий и *гладкий*; нос влажный и холодный, а сли-

зистая оболочка его имеет так много складок, что, если бы ее растянуть, то она могла бы закрыть всю собаку; вот почему у собак такое же чуткое обоняние, как у коров. Зубы у собаки — единственное ее оружие, а потому они остры и их больше, чем у лошади, а именно 42. Задние ноги у собак длиннее передних, и у некоторых, как, например, у борзых, очень длинны, что дает им возможность прыгать и бегать с необыкновенной быстротой. Хвост по большей части длинный, покрытый волосами, иногда косматый. Кожа покрыта шерстью, которая как по длине, так и по цвету бывает чрезвычайно разнообразна: иногда гладкая и блестит, а иногда завивается, как, например, у пуделя и овчарки, оберегающей стада от волков. Ноги оканчиваются не копытами, а лапами, на которых видны пальцы: на передних ногах по 4, а на задних по 5. На пальцах небольшие, несколько искривленные когти, но *не втяжные* и не столь кривые, как у кошки. Собаки, так же, как и кошки, ходят на пальцах, почему этих животных называют *пальцеходящими*, в отличие от *стопоходящих*, каковы, например, медведь, барсук, енот, которые, ходя, опираются на всю стопу, как человек.

Сен-Бернардская собака.

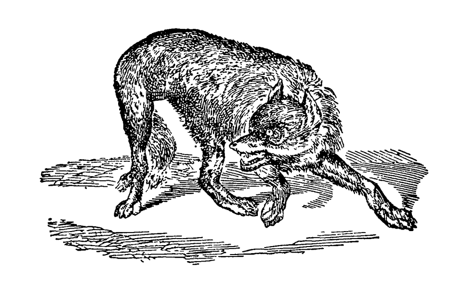
Собака ест и хлеб, и молоко, и овсянку, но охотнее всего мясо, а потому ее и причисляют к *плотоядным* животным. Щенки родятся слепыми и только через 10 или 12 дней начинают смотреть; они долго кормятся молоком матери. Собака может визжать, лаять, выть и ворчать. Во сне собака часто бредит. Собаки иногда подвергаются болезни, называемой *водобоязнью*. Беше-

ную собаку можно узнать по мутным глазам, опущенному хвосту, по пене, клубящейся изо рта, но более всего по хриплому лаю.

Вы, может быть, видали на картинках злую фигуру *гиены*, с нагнутой вниз головой, с жадными, смотрящими исподлобья глазами, с оскаленными зубами, с ощетинившеюся на спине шерстью: так и видно, что она должна питаться падалью и трупами. Это животное замечательно тем, что у него лапы с невтяжными когтями, как у собаки, а язык шероховатый, как у зверей кошачьей породы.

ВОЛК.

У волка нет ни одного признака, который резко отличал бы его от собаки; но всякий, кто хоть раз видел волка, узнает его легко по жадным, злым глазам, глядящим исподлобья, по сильной, неповоротливой шее и по всей его разбойничьей фигуре. Волки у нас водятся везде: в рощах, оврагах и зарослях; но в большие дремучие леса забираются неохотно. Волки рвут всякого рода животных, не брезгают и падалью. Они бегают иногда стаями и с страшной дерзостью нападают на стада и даже на людей. Волк, раз отведавший человеческого мяса, очень опасен. В образованных и густо населенных странах успели совершенно истребить волков: так, в Англии давно уже нет ни одного волка. Собака и волк — непримиримые враги, и трудно согласиться с теми, которые утверждают, что собака тот же волк, только сделавшийся домашним. Были попытки

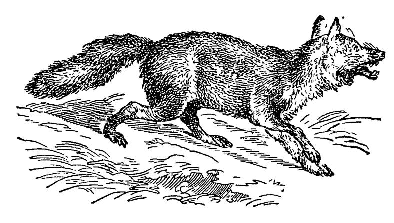

Волк.

сделать волка ручным, но они все только оправдали русскую пословицу: «сколько волка ни корми, а он все в лес глядит».

ЛИСИЦА.

И по *зубам*, и по *когтям* лиса принадлежит к одному отряду с волком и собакой; но вся ее фигура обличает в ней хитрость, ловкость, уменье притворяться. Мордочка у ней длинная, тонкая, верхняя губа немножко приподнята, точно улыбается; а из-за тонких губ скалятся белые, острые зубы. Глаза небольшие, проницательные; ушки всегда настороже; лапки маленькие, хорошенькие. Ходит лиса тихо, вкрадчиво, несколько нагнувшись вперед, точно просит дозволения войти. Одета кумушка чисто и прилично: рыжеватая шубка ее отливает золотом и всегда лоснится, как шелк. На горлышке у лисы белый галстучек, на груди белый жилет; свой пушистый хвост носит кумушка на отлете, очень осторожно и ловко. По всему видно, что лиса занимает не последнее место в благородной семье *пушных* зверей.

Лисица.

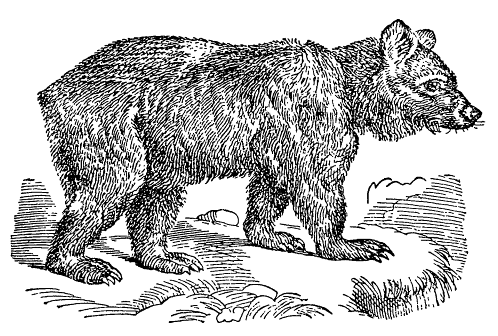
Живет лисанька по-барски: где-нибудь в глуши, подальше от людских глаз, роет она себе глубокую и очень поместительную нору с несколькими выходами на всякий случай. В норе у ней не одна комната, а полы выстланы мягким мхом: все очень уютно и прилично. Возле своего жилья лиса ведет себя скромно; но где-нибудь подальше, на сторонке, занимается разбойничьим промыслом. У кумушки-лисы зубки остры и аппетит отличный; но она не кидается, как волк, на всякую падаль. Напротив, лиса большая лакомка и любит разнообразие в пище: зайчик, мышка, птичка, курочка, гусек и даже рыбка попеременно

являются за ее столом; она непрочь освежиться после сытного обеда и кистью сочного винограда.

Лиса не труслива, но сильно не любит длиннорылых борзых, от которых ей не всегда удается унести свой пушистый хвост. Бежит она быстро и делает большие прыжки, ловко увертывается от собак, прилегает к земле, когда ее догоняют, и дает им перескочить через себя. Если лиса видит, что убежать ей уж нельзя, то защищается отчаянно; но в капкан попадется разве какая-нибудь глупая. Мех лисий ценен, особенно лисиц *чернобурых*, мясо же имеет сильный и неприятный запах.

МЕДВЕДЬ.

В наших северных лесах самый большой и самый сильный зверь — бурый, или обыкновенный, медведь. Прежде медведей было очень много, и русские, промышляя медвежьей шкурой, хорошо ознакомились со всеми привычками медведя и даже полюбили проказника Мишку, величая его Михайлом Потапычем, а медведицу Марьей Михайловной.

Медведь.

Медведь закутан в такую теплую, мохнатую шубу, что нельзя даже хорошенько рассмотреть, как он сложен. Морда у него вытянутая; устройство зубов

показывает, что он животное *всеядное*: ест плоды, коренья, ягоды, овес, мясо, большой охотник до меда и даже непрочь выпить стакан водки, после чего выделывает самые забавные штуки и валяется, как пьяный человек.

Замечательно устройство медвежьих лап: он ступает не только на пальцы, как собака, кошка и другие *пальцеходящие* звери, но на всю стопу, как человек, почему его причисляют к животным *стопоходящим*. Ходит медведь довольно тяжело, двигая лапами както вкось, почему его и назвали, очень удачно, косолапым, но может бегать быстро.

На каждой лапе у медведя по пяти пальцев с крепкими когтями. Передние лапы у него гораздо подвижнее задних, и медведь часто берет в лапу пищу, чего не делает собака. Он очень ловко лазит по деревьям и дает передними лапами отличные пощечины собакам, когда они на него нападают. Медведь очень силен, ловок и не труслив, если только на него не нападают врасплох. Но тем не менее у нас много смельчаков, которые, с рогатиной в руках и с винтовкой за плечами, ходят на медведя один на один и отлично справляются с косолапым Мишкой. Раненый, он редко обращается в бегство; но храбро защищается зубами и лапами до последнего издыхания. Бурый медведь на самые холодные месяцы забирается в берлогу. Там он предается зимнему сну, почему и причисляют его к *зимоспящим* животным. В это время он ничего не ест и очень худеет, потому что в нем совершается питание на счет его же собственного жира, которого у медведя очень много. Наш народ говорит, что в это время медведь сосет свою лапу, потому что спящий медведь прикрывает себе морду лапами и потому также, что весной у него действительно переменяется кожа на лапах: старая спадает и нарастает новая.

Медведь легко делается ручным, если его поймают еще маленьким; но так как он все же очень опасен по своей громадной силе, то ему подпиливают когти и зубы. Вы, вероятно, видали, как наши мужички водят

по городам и деревням медведей на цепях, продев одно кольцо цепи в ноздри или губы медведя. Такой медведь пляшет очень забавно, кувыркается, кланяется; но вы, без сомнения, согласитесь, что подобные шутки над бедным зверем слишком жестоки и что мужичок, водящий медведя, сделал бы лучше, если бы пахал землю вместо того, чтобы таскать за собой измученное животное.

Медвежий мех очень тепел, и хороший ценится дорого. Медвежьи окорока вкусны; а охотники любят покушать в особенности медвежьи лапы.

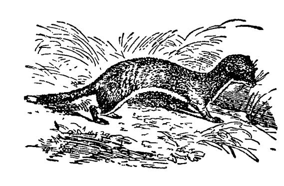
На берегах Ледовитого океана и даже на его плавающих льдах водятся громадные *белые медведи*. Они бывают по сажени в длину, отлично плавают, смелы и кровожадны, но питаются по большей части рыбой и *морскими* зверями. Белый медведь в берлоги не забивается и на зиму не засыпает.

Енот, мех которого так часто встречается на шубах, есть тоже небольшой медведь, который водится преимущественно в Америке, по берегам рек, и любит полоскаться в воде, за что и зовут его *полоскуном*.

ХОРЕК.

В наших деревенских домах заводится часто тайный враг, которого видеть очень трудно; но следы его появляются после каждой ночи. Ключница, отправившись поутру в погреб, находит, что кринки с молоком опрокинуты, и яйца, которые, казалось, спрятала она очень тщательно, выпиты; хозяйка, завернувши в птичник, видит страшное опустошение: пять-шесть цыплят лежат без голов, и кровь из них выпита. Достается также курам, индейкам, кроликам; но достается зато мышам и крысам. Этот невидимый хищник, появляющийся из своих глубоких нор только по ночам, никто другой, как *хорек*, или *тхор*. Хорек — небольшое, но очень *кровожадное* животное, любящее питаться теплой кровью зверьков и птиц. Его зубы очень

остры и несколько изогнуты, а невтяжные когти его так крепки, что хорек часто с успехом защищается против большой собаки. Хорек величиной с кошку, но только гораздо пониже и потоньше, с несколько выгнутой спиной, с мохнатым, довольно длинным хвостом, короткими ногами о пяти пальцах. Гибкое, тонкое тело хорька густо покрыто желтоватым пухом и темными волосами, концы которых черны, ноги и хвост черного цвета, на мордочке белые пятна, края ушей тоже белые. Хорек очень длинен и тонок; головка у него маленькая, и потому он пролезает даже в небольшие щели. Мех его тепел, красив и употребляется на шубы.

Ласочка.

К породе хорьков принадлежит множество *пушных* зверей, небольших, но отличающихся своим прекрасным мехом, который иногда ценится очень дорого. Мы перечислим здесь самых замечательных из зверьков хорькового семейства, которые все устройством тела очень похожи друг на друга.

1) *Соболь* водится только в больших лесах, в горах Сибири и Северной Америки. Он гнездится обыкновенно в дуплах деревьев, под колодами и между каменьями. Соболь очень похож на хорька, только хвост у него длиннее, пушистее, мордочка острее и мех гуще, теплее и красивее. Шкурка иного соболя стоит рублей до 20-ти.

2) *Куница* живет в лесах холодных стран. Она, как и соболь, отлично лазит по деревьям, гоняясь за птичками. Мех куницы также очень хорош, но дешевле соболиного.

3) *Ласочка*, или *ласка*, зимою вся белая, изредка попадается даже в наших северных деревнях, вырывая норы под полами домов. Хотя она тоже хорек и также душит цыплят, но наши деревенские хозяйки очень ее любят за прекрасную белую шкурку и за то еще, что она сильно истребляет мышей.

4) *Горностай* зимою также весь белый, кончик хвоста черный, похож на ласку, но мех пушистее, теплее и ценится дорого. Заметим кстати, что куницу, соболя, горностая и ласку считают различными видами одного и того же *куньего рода*.

5) К одному же семейству с хорьками принадлежит и *выдра*, живущая по берегам небольших речек. Она по преимуществу кормится рыбой, но не пропускает и маленьких зверьков; плавает и ныряет отлично. Рыбою кормится также и *норка*, мех которой, вы, вероятно, видали на шубах.

Все хорьковое семейство охотники преследуют безжалостно — иногда пулей, а иногда капканами.

Примечание. 1. Отряд *однокопытных*. 2. Отряд *двукопытных*. 3. Отряд *многокопытных*. 4. Отряд *хищных*. В отряде хищных мы знаем *пять семейств*: 1-е семейство — *кошачье*; в нем *роды*: кошки, львы, тигры, леопарды, барсы и др.; 2-е семейство хищных — *собачье*; в нем *роды*: собаки, волки, лисицы, шакалы; 3-е семейство — *гиеновое* — гиены; 4-е семейство — *медвежье:* бурый медведь, белый, енот; 5-е *хорьковое* семейство — хорьки, выдры, куницы. В *куньем роду* мы узнали следующие *виды*: собственно куницы, соболи, горностаи, ласки. Звери всех этих семейств, обладающие, вместо копыт, мягкими лапами, по устройству зубов, приноровленных к терзанию мяса других животных, причисляются к одному отряду — *хищных*.

БЕЛКИ, ЗАЙЦЫ, МЫШИ И ДРУГИЕ ГРЫЗУНЫ.

Наверное, каждому из вас знакома белка: это — маленькое, красивое, проворное создание, с остренькой мордочкой, цепкими лапками и длинным пушистым хвостом, который она загибает на спину и на голову,

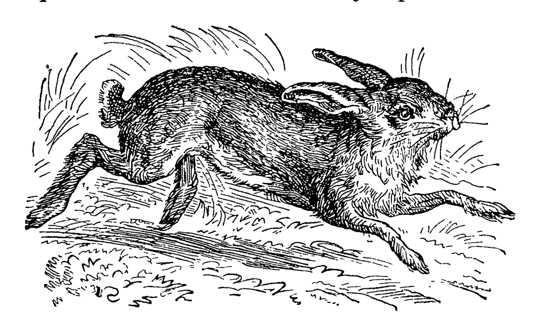
когда сидит, и расстилает по воздуху, когда прыгает. Но если белочка еще раз попадется вам в руки, то рассмотрите хорошенько этого маленького зверька, которого за его проворство, смышленость и ловкость иные называют обезьяною северных лесов. Передние ноги белки короче задних, вот почему она прыгает лучше, чем бегает. На передних лапках у белки по четыре пальца, а пятый так мал, что его можно счесть за бородавку; на задних лапках пять пальцев; на каждом пальце по одному цепкому когтю. Белка охотно сидит на задних лапках и ловко держит в передних пищу — орех, жолудь, каштан, яблоко, почку дерева или какое-нибудь семечко. Головка у белки небольшая, почти четвероугольная; верхняя губа раздвоена; верхняя челюсть заметно длиннее нижней. Всего замечательнее зубы белки: спереди у нее 4 острых резца — два вверху и два подлиннее внизу; но так как нижняя челюсть у белки короче, то нижние резцы едва достигают верхних. Клыков у белки вовсе нет, и там, где они бывают у других животных, остается довольно значительный промежуток, за которым в обеих челюстях и по обе стороны помещены плоские коренные зубы с бугорками, для перемалывания изгрызенной пищи. Зубы у белки, как и у других, подобно ей, *грызущих* животных, обладают замечательным свойством: стираясь от беспрестанного употребления, они беспрестанно нарастают вновь. Если белку долго держать в клетке и не давать ей ничего грызть, то зубы у нее так вырастут, что она не будет в состоянии сложить их. Устройство челюстей и зубов белки ясно показывает, что ей суждено не рвать, не кусать и не глотать целиком, а *грызть* свою пищу, и в самом деле,

Белка.

как вы, вероятно, заметили, белка прогрызает скорлупу самого твердого ореха с необыкновенным проворством и потом принимается также грызть и зерно.

Белка устраивает себе гнезда на деревьях и очень искусно защищает их от ветра, снега и холода. В пустые дупла деревьев собирает она себе на зиму запас различного рода орехов, плодов и древесных семян. Она обладает зоркими глазками, сильным чутьем, необыкновенно проворными ножками, с быстротою молнии перелетает с ветки на ветку, прыгает с вершины

Заяц.

дерева на землю и не убивается, но все это не всегда спасает ее от зубов хищных зверей, когтей орла и пули охотника, для которого нужна ее пушистая, мягкая шкурка.

Белка принадлежит к обширному отряду животных, которые все, по устройству своих зубов, похожих на беличьи, называются *грызунами*. Отряд грызунов очень многочисленен. К нему принадлежат более 600 *видов* различных животных. Из этих животных мы перечислим только тех, которые нам более известны или которые чаще попадаются нам на картинках.

Заяц тоже грызун и питается капустой, корою деревьев и молодым овсом. Но замечательно, что, тогда как в нижней челюсти зайца два передних зуба, в верхней у него четыре: два спереди — большие и

два сзади — маленькие. Нижние передние зубы сходятся только с маленькими, а верхними передними зубами заяц упирается в то, что грызет, нижними же подгрызает, как долотом. Этими задними верхними резцами заячье семейство, заключающее в себе несколько различных пород, отличается от всех прочих семейств отряда грызунов.

Но, если уже кого-нибудь можно назвать грызунами, то это, без сомнения, крыс и мышей. Эти грызут все: прогрызают полы, изгрызывают мебель, платья, книги, растения, и острые зубы их, устроенные, как у белки, наносят много вреда и в кладовых и на полях. Мышиных пород очень много: одни живут в домах, другие в полях, третьи по берегам речек; но все они вместе составляют одно *мышиное* семейство отряда грызунов.

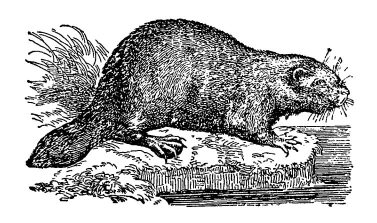

Мыши.

Ленивый, толстый *байбак*, засыпающий на зиму, *сурок*, которого показывают савояры, *суслик* и *овражек*, которые так вредны в наших степях, — все эти животные хотя и грызуны, но более других любят рыться в земле и вырывают себе для жилья глубокие и длинные норы. Они составляют особое *сурковое* семейство отряда *грызунов*.

Бобр-строитель, мех которого ценится так дорого, живущий по берегам рек Сибири и Северной Америки, по устройству зубов, тоже грызун, но так как ему суждено частью жить в воде и частью на суше, то ноги его и хвост имеют замечательные особенности: пальцы на лапах соединены плавательною перепонкою, а широкий плоский хвост покрыт рыбьею чешуею. Бобр устраивает свое жилье по берегам речек, где роет длинные норы, выходящие в воду. Там же, где бобров не пугает человек, они устраивают у самых берегов

замечательные жилища из веток, кольев, трав, скрепляя все это клейкою глиною. Эти дома бобров имеют два этажа: нижний скрыт под водой; верхний, сухой, где большей частью лежит сам бобр, находится над поверхностью воды. Но так как вода в речке, прибывая и подымаясь весной или от дождей, могла бы потопить и верхнее жилье, то бобры, собравшись целым обществом и дружно помогая один другому, обгораживают свои жилища большими и крепкими плотинами, сделанными из кольев, хворосту, травы и глины. Из этого вы уже видите, как умен и сметлив бобр, но он также запаслив и осторожен. Летом он собирает пищу (большей частью ветки молодых деревьев) на долгую зиму и устраивает на всякий случай несколько выходов из своего жилья. При малейшей опасности бобр уходит в воду, а если опасность грозит из воды, то выходит на сушу. Но, несмотря на весь свой ум, бобр часто делается добычей охотников, потому что шкура его мягка, тепла, пушиста и ценится дорого.

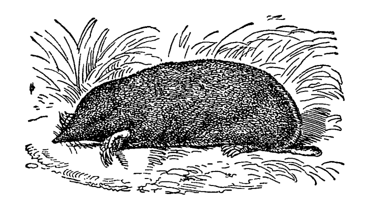
Бобр.

КРОТ.

Из всех млекопитающих крот один только находит себе пищу под землей, но зато и весь организм крота приспособлен к подземной жизни. Длиною он бывает, вместе с хвостом, не больше трех вершков. Его длинная головка оканчивается хоботообразным рыльцем; на конце рыльца твердый и подвижной хрящ, какой мы уже видели у свиньи, тоже любящей взрывать землю. Головка крота соединяется незаметно с длинным, ровным, мягким телом; короткие лапы очень велики сравнительно с туловищем, и передние, которые гораздо

сильнее задних, прекрасно приспособлены к тому, чтобы ими вырывать и выбрасывать землю: они вывернуты наружу и снабжены пятью широкими и плоскими, как лопатки, когтями. Сначала крот носом взроет, разрыхлит землю, а потом передними лапами прокладывает себе дорогу.

Задние ноги крота гораздо слабее передних и обращены подошвами вниз, они служат кроту только для передвижения. Все отверстия на голове крота очень тщательно защищены от земли, которая могла бы туда попадать; кожа, спускающаяся с верхней губы, прикрывает рот, а густые волосы закрывают малень-

Крот.

Еж.

кие черные глазки, которые так малы и незаметны, что многие считают крота слепым. Волосы защищают также уши крота или, лучше сказать, ушные отверстия, потому что ушных раковин у крота нет. Все тело крота покрыто мягким, скользким, лоснящимся мехом черного цвета.

Многие думали прежде, что крот питается корнями растений и потому очень вреден для полей, садов и лесов; но, осмотревши внимательно зубы животного, убедились, что они у крота вовсе не так устроены, как у грызунов, например, у зайца или белки. В верхней челюсти у крота 6, а в нижней 8 острых передних зубов; за ними — довольно острые согнутые клыки, а потом идут коренные зубы, следовательно, крот — маленький хищник. И действительно, в желудке кротов находили яички и личинки насекомых, дождевых

червей и других вредных для полей маленьких животных, но ни кусочка какого-нибудь растения. Вот почему крота, равно как и ежа, причисляют к отряду животных *насекомоядных*, которые, напротив, приносят пользу растениям, истребляя вредных насекомых.

Норы крота вырыты очень искусно: это целые подземные здания со множеством галлерей и переходов. Те небольшие черные куски земли, которых так много нарывают кроты повсюду, указывают отверстия, служащие для прохода воздуха в подземные жилища кротов; без них кроту нельзя было бы дышать, дышать же для него, как вы знаете, необходимо. Кроме истребления насекомых, вредных корням растений, пользы от кротов мало, впрочем, из шкурок их выделывают недорогой мех.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Каждому, вероятно, случалось видеть летучую мышь, когда она в сумерки снует взад и вперед около жилых мест и падает, завидя что-нибудь белое. По величине и устройству головы и туловища она очень походит на обыкновенную мышь; но в устройстве членов имеет много особенностей.

Летучая мышь.

Голова и туловище летучей мыши покрыты мягкими, темносерыми волосами, которые на брюшке принимают светлосерый оттенок; нос у нее тупой, плоский, с двумя очень заметными ноздрями, образующими длинные разрезы, идущие кверху; глаза маленькие и уши большие, с особым отростком в средине; длинно-растянутый рот усеян внутри острыми зубами. Рассматривая крылья летучей мыши, мы вовсе не замечаем на них перьев, как у птиц, это только тонкая, полупрозрачная перепонка, соединяющая и покрывающая сверху четыре

члена животного, из которых два передние гораздо длиннее задних. По этому признаку летучих мышей причисляют к отряду *рукокрылых* млекопитающих животных. Из-под перепонки, соединяющей члены, выдается по пяти пальцев задних ног, с острыми когтями: четыре длинных пальца на двух передних лапах прикрыты совершенно перепонкою, так что наружу выдается только по одному большому пальцу с острым цепким когтем, в виде крючка. На рыльце летучей мыши очень много желез, отделяющих жирную, зловонную жидкость, которою она увлажает себе тело и перепонку.

Днем летучих мышей не видно: только в сумерки вылетают они из своих притонов, находящихся обыкновенно под крышами, в разрушенных и покинутых зданиях, овинах или в дуплах деревьев. Далеко от своих гнезд летучие мыши не решаются отлетать: много-много, если шагов на сто. Зато это небольшое пространство пролетают они раз двадцать в минуту, беспрестанно чертя на лету неправильные линии: бросаясь из стороны в сторону, ловят они сумеречных бабочек, жуков и других насекомых. С наступлением темной ночи возвращаются они опять в свои притоны и засыпают до вечера. Летучие мыши принадлежат к роду животных зимоспящих; осенью они отыскивают места темные, сырые, но защищенные от стужи, и там, уцепившись за что-нибудь задними ногами и совершенно повиснув на них, спят всю зиму.

В мае самка приносит не более одного детеныша. Только-что родившаяся летучая мышь крепко прицепляется к груди матери, носится с нею повсюду и питается ее молоком в продолжение 10 недель, по истечении же этого времени, почувствовав в себе достаточно сил, молодая мышь оставляет мать и отправляется сама отыскивать себе пищу.

Сняться с земли, как птица, и подняться вверх летучая мышь не может; чтобы полететь, она должна непременно броситься с какой-нибудь высоты на воздух, который тогда упрется в ее перепонку, как упирается,

например, в зонтик, если, держа его в руках, прыгнуть с высоты. Кроме способности летать, летучие мыши имеют еще другую — лазить: цепляясь за стену или за дерево своими длинными, крючковатыми когтями и хватаясь попеременно то одним, то другим пальцем, подвигаются они вперед, очень медленно и с трудом. Летучие мыши — существа не только совершенно безвредные, но, напротив, полезные, потому что истребляют вредных насекомых.

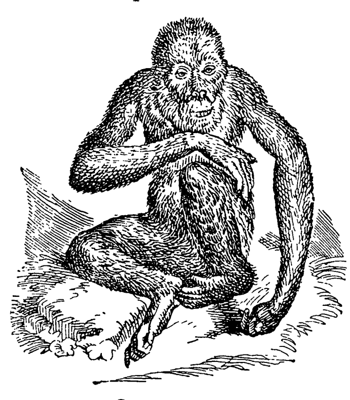
ОБЫКНОВЕННАЯ ОБЕЗЬЯНА.

Обыкновенная обезьяна называется турецкой обезьяной, маго и мартышкою. Ее приходится нам встречать часто не только в зверинцах, но и на плечах шарманщиков, разгуливающих с нею по улицам больших городов. Маго — животное, чуждое нашему климату. Ее родина — собственно северная Африка. Одичалая мартышка встречается изредка и в Европе, но единственно только в Испании, на скалах, окружающих Гибралтар.

По устройству тела и по понятливости своей обезьяна имеет большое сходство с человеком; в породах больших обезьян сходство это выдается еще резче; мартышка же ростом редко бывает выше аршина. Тело мартышки все покрыто серыми волосами, и одно только лицо остается свободным от волос и бывает телесного цвета. Хвост ее едва заметен; но есть и длиннохвостые обезьяны, преимущественно американские, у которых хвост так длинен, что они могут свертывать его узлом. Голова мартышки отличается от головы ребенка сильно выдающимся вперед ртом, что происходит от особого развития челюстей, почти не выдающимся, плоским подбородком, чересчур малым расстоянием между глазами и заходящими один за другой глазными зубами. Число и название зубов вообще такие, как и у человека, но члены тела устроены несколько иначе: у обезьян на всех четырех оконечностях такие же

длинные пальцы, способные схватывать и удерживать предметы, как у нас на руках, отчего обезьянам и дают название *четвероруких*. Такое устройство членов мешает обезьянам свободно ходить, но дает средство превосходно лазить, вот почему их называют иногда *лазунами*.

Маго живут в лесах теплого пояса, по большей части собираясь стадами. На деревья взбираются они, охватывая ствол, а не цепляясь за кору ногтями. По земле ходят с трудом, ступая на все четыре конечности. Хотя плоды и составляют главную их пищу, но они едят также насекомых и яйца маленьких птичек. Хищнические походы свои они совершают всегда под предводительством начальников, вооруженных палками. Обезьяны вообще живы, вертлявы, проворны, хитры, переимчивы, но, старея, глупеют и делаются злыми. Страсть их к подражанию известна всем.

Орангутанг.

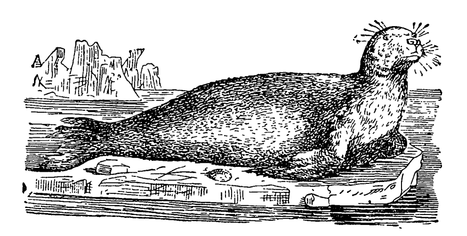
Кроме мартышки, мы заметим здесь еще одну большую обезьяну, *орангутанга*, живущего только в лесах жаркого климата. Орангутанг ростом бывает с большого человека, но верхние руки у него доходят до ступней. Взрослый он свиреп и не дается живой, но, взятый маленьким, легко делается ручным. Орангутанг устраивает себе шалаши на высоких деревьях, отбивается от нападающих палками, камнями, плодами деревьев; привезенный в страны, имеющие более холодный климат, скоро умирает от болезни легких.

Отряд *четвероруких* разделяется на несколько семейств. Орангутанг и мартышка принадлежат к одному семейству.

П р и м е ч а н и е. Мы узнали теперь 8 *отрядов* животных: 1) однокопытных, 2) двукопытных, 3) многокопытных, 4) хищных, 5) грызунов, 6) насекомоядных, 7) рукокрылых, 8) четвероруких. В каждом *отряде* мы узнали несколько *семейств* (какие?), в иных семействах по несколько *видов* (какие?). Составьте табличку всех животных, о которых мы прочли, по отрядам, семействам и видам. Повторите по табличке все, что прочли о животных.

ТЮЛЕНЬ.

Тюлень, или морская собака, живет в морях и именно в северных, из которых заходит иногда в устья рек. Голова его похожа на собачью, и звуки, которые он издает, похожи на лай. Трудно себе

Тюлень.

представить, что тюлень — животное млекопитающее; но тем не менее это справедливо, и маленькие живородящиеся тюленьчики питаются молоком матери. Массивное туловище тюленя удлинено сзади и сверху приплюснуто, толстая кожа покрыта короткими, гладкими, серебристыми волосами. Величиною совершенно взрослый тюлень бывает иногда около сажени. На круглой голове у него заметны ушные раковины и большие, ласковые глаза; ноздри, при погружении животного в воду, закрываются особенными кла-

панами; во рту находятся острые зубы. Короткие, загнутые назад, широкие передние ноги тюленя называются *ластами*, они плохо служат для ходьбы по суше, но зато отлично исполняют должность весел при плавании. Что ласты назначены для последнего употребления, — это заметно и по перепонке, соединяющей и покрывающей пальцы, так что их почти совершенно не видно. На задних, сильно вывернутых назад ногах, служащих тюленю при плавании, вместо руля, перепонка идет не так далеко и пальцы выдаются наружу. По особенному устройству своих членов, называемых ластами, тюлени причисляются к особому отряду животных — *ластоногих*, куда принадлежат моржи и сивучи, тоже жирные обитатели холодных морей.

Тюлени очень добрые и смирные животные. Они с любопытством высовывают свои головы из воды, когда заслышат шум; но так же быстро и прячутся. Плавают они на брюхе и на спине, ныряют отлично, живут более в воде, чем на суше; но не могут пробыть под водою более четверти часа: им непременно надобно вынырнуть, чтобы выдохнуть из легких испортившийся воздух и вдохнуть свежий; причем воздух вылетает из ноздрей с шумом. Зимою тюлени пробивают лед, чтоб просунуть сквозь него морду и подышать воздухом, чего рыбы не делают, обладая жабрами, добывающими воздух из воды. Тюлени часто выходят на берег или на льдину, чтобы отдохнуть или накормить своих детенышей, которых, впрочем, не оставляют на берегу, но уносят в воду, придерживая их передними ластами. На сухом пути тюлени очень неповоротливы, а потому их легко убивают, ударяя по голове чекушею (дубиною) или вонзая в толстое тело острые крючья. Питаются они рыбами, моллюсками (водяные животные, похожие на улиток) и морскими растениями.

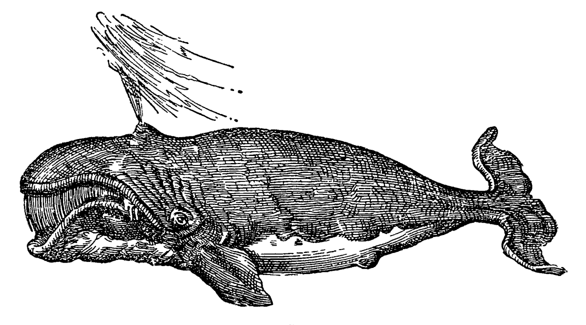
Пользу людям приносят тюлени своим жиром, которого у всех *ластоногих* очень много, и кожею, идущей на различные поделки. Тюленью кожу с шерстью можно иногда видеть у нас на ящиках и погреб-

нах. Жир тюлений известен в продаже под именем ворвани и идет, большей частью, на выделку кож.

Морж — тоже ластоногое животное и похож и видом, и образом жизни на тюленя; но два большие, торчащие вниз клыка отличают моржей с первого взгляда. Кость моржевых клыков употребляется на различные поделки; но она не так бела и крепка, как слоновая.

КИТ.

«*Чудо-юдо рыба кит*», говорится в русских сказках, но в том-то и дело, что кит вовсе не рыба, а зверь — такое же живородящее и млекопитающее животное, как корова или лошадь, и что киту, хотя изредка,

Кит.

необходимо высовывать голову из воды, чтобы подышать воздухом, которым дышим и мы с вами. Но кит, не будучи рыбой, которая, как вы знаете, дышит жабрами и не питается в детстве молоком матери, так похож на рыбу, что его причислили к особому отделу животных— *рыбообразных*, куда относится и дельфин, о котором вы, может быть, слыхали; но у дельфина есть зубы, а у кита зубов нет, и потому кита и дельфина причисляют к двум отдельным семействам отряда рыбообразных.

Величина и тяжесть кита такова, что из сорока слонов можно было бы слепить не более одного кита. В длину он бывает иногда до десяти саженей. Голова кита несоразмерно велика и составляет почти треть его туловища. Вместо передних членов, у него два плавательные пера; вместо задних — большой рыбий хвост, лежащий впрочем *горизонтально* (а как он у рыбы?). Уши у кита очень малы, а небольшие глаза его помещаются у самых плавательных перьев. Ноздри, похожие на отверстие насоса, находятся на вершине головы, и из них, когда животное дышит, выходит пар фонтаном. Кривой рот в длину имеет до двух сажен, а в ширину немного менее; язык бывает сажени в три; но глотка такая маленькая, что в нее едва можно просунуть руку. Зубы бывают у кита только в молодости, а потом, вместо зубов, вырастает у него во рту до четырехсот роговых пластинок, из которых каждая бывает до двух сажен длиною и в полвершка шириною, а к концу растрепливается на мелкие волокна. Из этих роговых пластинок добывают до 80 пудов так называемого *китового уса*, который вы, вероятно, видали. Усы эти служат киту вместо невода для ловли мелких морских животных, которыми он кормится. Зачерпывая огромное количество воды своим широким ртом, кит пропускает ее обратно через свои усы. Все, что может служить киту для пищи, остается у него во рту, за усами, и идет в глотку. Плавательные перья, которые бывают у кита более сажени, заменяют ему руки. Китовая самка иногда поддерживает ими своих детенышей, когда те устанут плавать. Хвост у кита сажени три в ширину и так силен, что одним ударом его кит может не только опрокинуть, но разбить в щепы большую лодку. Под кожей у этого громадного зверя холодных морей лежит слой жира, толщиною иногда в аршин и более. Китовый ус и китовый жир, называемый в продаже *ворванью*, употребляются в различных производствах. Несмотря на величину свою, кит питается только самыми маленькими рыбками, моллюсками, раками и т. п. небольшими водяными животными.

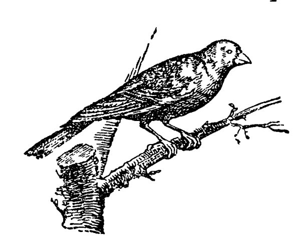
Он плавает очень быстро и проплывает иногда в час до четырех миль. Под водою кит может оставаться минут сорок и даже больше, но потом ему необходимо выплыть на поверхность воды и раз десять вдохнуть в себя воздух.

Множество кораблей отправляется для ловли китов в северные моря. Один из матросов садится на мачту и смотрит, не видно ли где-нибудь кита. Как только сторожевой завидит знакомый фонтан или голову чудовища, то дает знать об этом, и в то же время с корабля спускают лодку с матросами и гарпунщиками. В руках у гарпунщиков длинные, острые железные сваи с крючками (гарпуны), привязанные на длинной веревке. Тихо подплывает лодка к громадному животному, и гарпунщик изо всей силы вонзает в него свое оружие; в ту же минуту кит опускается в воду, и канат, к которому привязан гарпун, бежит с лодки с такой силой и быстротой, что если нечаянно он как-нибудь попадет на человека, то растращит его в то же мгновение. Побыв под водою несколько времени, кит непременно должен вынырнуть наверх, чтоб подышать воздухом. Тогда опять вонзают ему в тело гарпуны и острые копья; море окрашивается кровью животного. Кит бьется в это время с такой силой, что удары его тяжелого хвоста по воде бывают слышны за несколько верст. Наконец, он истекает кровью, теряет силы, поворачивается на бок и издыхает. Тогда подтягивают кита к кораблю, сходят на громадное животное, как на остров, вырезывают жир, а из пасти достают усы и язык, остальное же бросают на жертву акулам и хищным птицам.

Примечание. Еще узнали мы два новые отряда зверей: *ластоногих* и *рыбообразных*. Прибавьте их к табличке и опять повторите прочитанное.

КАНАРЕЙКА.

Желтенькая канарейка — одна из самых маленьких птичек; но и в ее тельце, покрытом перьями, много замечательного. Перышки у канарейки двух сортов: одни, маленькие, называются пухом, другие побольше— собственно перья, самые большие в хвосте и в крылышках. Каждое перышко устроено очень хитро: в нем есть стержень и бородка, снизу оно пусто и прозрачно, сверху украшено другими маленькими перышками. У канарейки круглая головка, с двумя черными, круглыми глазками, которые закрываются не веками, как у нас, а особенной кожицей, выдвигающейся, когда нужно, из-за углов глаз. Головка оканчивается твердым толстеньким клювом, заостренным к концу. Когда канарейка откроет свой клюв, то можно видеть, что у нее нет зубов, хотя и есть язык. Клюв, или носик, канарейки, как его обыкновенно называют, состоит из двух частей: верхней и нижней, напоминающих наши челюсти. На верхней части носика можно заметить две маленькие дырочки: это — ноздри канарейки, орган ее обоняния. Ушей у канарейки не видать; но однако не трудно убедиться, что канарейка слышит очень хорошо, а если она слышит, то, следовательно, у нее должен быть в голове слуховой орган, хотя снаружи и нет ушных раковин.

Канарейка.

Туловище у канарейки овальное, похожее формою на яйцо. Между туловищем и головою — шейка и звонкое горлышко; позади туловища — хвост. По бокам у канарейки, вместо рук, два крыла. Внизу туловища — две ноги и на каждой ноге по четыре пальца: три идут вперед, а один назад. Такое устройство пальцев дает птичке возможность держаться на тонкой веточке. На пальцах когти из твердого, рого-

вого вещества, из которого состоит и носик. Канарейка не может переступать нога за ногу, как ходит, например, петух, и если не летает, то прыгает обеими ногами разом. Канарейка поет очень приятно, и ее причисляют к числу *певчих* птиц. Она очень мило купается и разглаживает носиком свои перышки. Кормят ее канареечным, или конопляным, семенем, булкою, сахаром, зеленым салатом и другою травкою. Канарейка поет только при дневном свете, а в темноте засыпает. Осенью и весною канарейка линяет, т. е. теряет свои перышки, на место которых вырастают другие; на это время она прекращает свои песни. В иных домах разводят канареек и потому держат их по нескольку пар в большой клетке, приготовляя для них по углам гнездышки и хлопчатую бумагу. В эти гнездышки канарейка сама наносит хлопчатой бумаги, накладет собственных своих перышек и пуху, а потом *снесет* туда же несколько маленьких серых яичек, из которых через двенадцать дней выходят крошечные канареечки, почти совершенно без перышек; мать кормит их зернышками, которые размягчает прежде во рту, — кормит до тех пор, пока птенчики не оперятся и не начнут летать и сами кормиться.

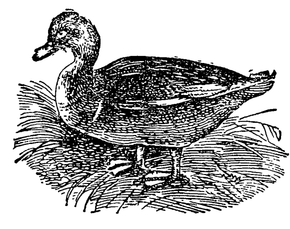
Канарейка дышит, и если ей зажать носик, то она может задохнуться, следовательно, у канарейки есть легкие; у нее есть сердце, которое очень сильно бьется, когда бедную птичку возьмут в руки; у нее есть теплая, красная кровь, протекающая в жилах; есть и желудок, переваривающий пищу. Для жизни канарейке, как и человеку, необходимы: пища, питье и воздух.

УТКА.

Утка очень мало похожа на канарейку, но, тем не менее, между этими двумя птицами гораздо более сходства, чем между всякою птицею и всяким зверем.

Голова утки широка, приплюснута сверху, с широким роговым носом; изогнутая шея довольно длинна,

хотя короче гусиной, туловище овальное, тяжелое; у нее широкий хвост, короткие крылья и две желтоватые ноги, каждая с тремя пальцами напереди, соединенными перепонкою, и одним маленьким позади. Эта перепонка показывает, что утка принадлежит к числу плавающих, или *водяных*, птиц: перепончатыми лапами своими утка загребает воду, как веслами. Перья уток по цвету бывают очень разнообразны, по большей частью сероватого, а у диких совершенно серого цвета. Дикие утки живут почти постоянно на воде и стараются выбирать такие места, где им удобно было бы строить свои гнезда. В эти гнезда они кладут весною по 14 серо-зеленоватых яиц, из которых недели через три выходят утята. Как только утята выходят на свет божий, так мать и ведет их тотчас же на воду плавать.

Утка.

Утка — самая прожорливая птица. Она ест с утра до поздней ночи, ест все, что ни попало: щиплет растущую по берегам молодую гусиную траву, жрет немилосердно водяной мох или шолк, зелень, цвет и все водяные растения; жадно глотает мелкую рыбешку, рачат, лягушек и всяких водяных, воздушных и земляных насекомых; за недостатком же всего этого, набивает полон зоб тиной и жидкой грязью и производит эту операцию несколько раз в день.

Дикие утки прилетают к нам весною, и всю весну и лето они живут парами, но к осени собираются в большие стада; а при наступлении зимы улетают в теплые края, где воды не замерзают.

Из более известных нам птиц, к *водяным*, кроме утки, принадлежат: лебедь, гусь, чайка и баба-птица, или пеликан, с огромным мешком под нижней челюстью: в этот мешок он прячет рыбу.

Заметим здесь кстати разницу между канарейкой и уткой в выводе детенышей. Обе они, как и всякие

другие птицы, несут яйца и, согревая их своим телом, сидят на них до тех пор, пока из яиц не выйдут детеныши; но этим и оканчивается сходство. Маленькая канареечка вылупляется из яйца совершенно голая, без перьев, слепая, слабая, не имея сил не только ходить или стоять, но даже клевать зерна, так что мать долго кормит ее из носика в носик, сначала размягчая и разжевывая зерна в мягкую кашку. Утенок, напротив, выходит из яйца уже молодцом: сам своим твердым носиком разбивает он яичную скорлупу и является на свет с открытыми глазами, весь в перьях, которые, впрочем, еще так мягки, что скорее похожи на пух; на ножках стоит он крепко, проворно бегает и через час уже ловко и быстро плавает по воде, ловит своим носиком мошек, хватает зерно, щиплет травку; заботливая же мать охраняет его от охотника и хищной птицы до тех пор, пока у него самого не подрастут крылья.

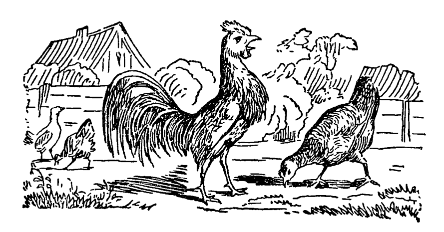
Все птицы выводятся или как канарейка, или как утки: тех птиц, которые выводятся как канарейки, каковы голуби, вороны, орлы, воробьи, чижики, соловьи и многое множество других, называют *птенцовыми*, потому что они долго остаются бесперыми птенцами; тех же птиц, которые выводятся, как утки, каковы гуси, куры, журавли, аисты и др., называют *выводковыми*. Все птицы разделяются на эти два большие отдела: выводковых и птенцовых.

КУРЫ.

Курица не птица — говорится в одной русской поговорке; но это несправедливо: курица — птица, хотя лучше бегает по земле, чем летает по воздуху. Это зависит от особенного устройства ее крыльев и ног.

Крылья у кур коротки и слабы, а ноги сильны и устроены хорошо. Вот почему курица ступает твердо, шаг за шагом, а не прыгает обеими ногами разом, как воробей. Если вам попадутся косточки курицы, то рассмотрите внимательнее ее ножку и крылышко.

Вы увидите, что нога курицы, как и наша, состоит из трех главных частей: *берцовой кости*, которая вся спрятана в туловище, *голени* (из двух костей), которая начинается у самого туловища, и *стопы* (из нескольких костей), или плюсны, со *шпорцами*, начинающейся высоко над землею и оканчивающейся четырьмя пальцами: тремя длинными вперед и одним, поменьше, назад. В крыле мы заметим также три части нашей руки: верхнюю с одной костью, среднюю с двумя и нижнюю

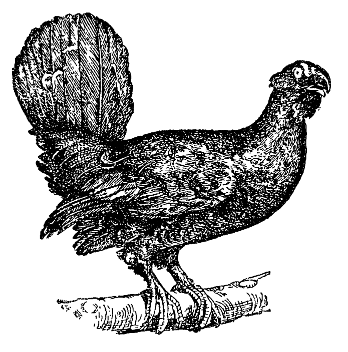
Куры.

с несколькими костями, так же, как и наша кисть. К нижней части прикреплены главные большие перья крыла, так что птица распростирает свое крыло, как мы пальцы, и машет им, как мы машем кистью руки. Мускулы, управляющие движениями крыльев, прикрепляются к грудной кости, выдающейся вперед гребнем. Чем сильнее крылья птицы, тем и гребень выше, толще и крепче. У курицы слабо развито крыло и хорошо развита *стопа*, а потому-то курица плохо летает, но хорошо ходит и ловко разгребает землю своими лопаткообразными когтями.

Петух гораздо красивее курицы. На голове и на щеках у него красные мясистые наросты — *гребешок* и *борода*, в хвосте и крыльях блестящие разноцветные перья, на ногах, повыше лап, острые отростки, *шпоры*, которыми петух наносит весьма чувствительные раны своему сопернику. Курица робка, глуповата и смирна, петух криклив, задорен, и два петуха редко разойдутся, не подравшись. В иных странах люди забавляются

петушьими боями, причем петухам надевают на шпоры маленькие стальные ножички: бои эти часто оканчиваются смертью одного из бойцов.

Из домашних птиц к *отряду куриному* принадлежат: индейские и цесарские куры и павлины с роскошными хвостами. Из диких птиц к тому же отряду относят блестящих фазанов, которых много у нас на Кавказе, рябчиков, куропаток и тетеревов.

Глухарь.

Глухой тетерев — с синим отливом в перьях и с красными бровями — одна из самых больших диких птиц куриного рода. Он водится в больших хвойных лесах и очень чуток; но, когда весною, сидя на ветке, начинает кричать, *токовать*, то ничего не видит и не слышит, так что охотник легко может к нему подкрасться. В ином глухаре бывает фунтов десять весу.

СОЛОВЕЙ.

Соловей — прекрасная певчая птичка, прилетающая к нам только на лето, носит очень простую серенькую одежду, по которой никак нельзя узнать, какие богатые таланты скрываются в этом маленьком создании. Он любит гнездиться в густых кустарниках, поближе к воде, особенно в кустах крыжовника и боярышника. Соловьи поют обыкновенно по утрам рано и по вечерам, а иногда и во всю ночь, особенно вскоре по возвращении из своего путешествия. Питаются они маленькими жучками и личинками насекомых, которых отыскивают в земле. Чтобы поближе и чаще слушать соловьев, люди ловят их и запи-

рают в клетки; но этот дурной обычай должно бы вовсе искоренить, потому что от него во многих местах соловьи совершенно перевелись. Вблизи жилья опасными врагами соловьев являются кошки. Бедные маленькие певцы сидят обыкновенно очень невысоко и когда поют, то закрывают глаза, как будто наслаждаясь сами собственной песней, а потому ловить их очень удобно. Совы также обижают соловьев; а глупые мальчишки часто разоряют соловьиные гнезда.

Соловей очень похож на воробья, только потоньше его, и вся небольшая фигурка соловья стройнее и благороднее. Точно так же похожа на воробья и канарейка, только цвет ее перышек не тот: вот почему и канарейку и соловья естествоиспытатели относят к одному отряду птиц, воробьиному. Этот певучий отряд очень многочислен, и к нему причисляются почти все мелкие пташки, пенье, чириканье и свист которых наполняют наши леса: жаворонки, коноплянки, чижики, подорожники, ласточки, дрозды, синицы и даже вороны, хотя они, как кажется, вовсе уж не похожи на воробьев.

Колибри.

Многочисленный воробьиный отряд птиц подразделяется на множество *семейств*, из которых наиболее нам известны следующие: семейство *жаворонковых*, семейство *воробьевых*, *дроздовых*, *ласточковых*, *синицевых*, *скворцовых*, *вороновых*. В каждом из этих семейств есть множество родов; так, например, есть множество родов ласточек, синиц и т. д.

Красивые, блестящие золотом и брильянтами, крошечные *колибри*, из которых некоторые бывают величиною не больше шмеля, причисляются также к воробьиному отряду птиц. Колибри живут только в самых жарких странах, а у нас, даже и в комнатах, не выживают долго. Цвета их перьев до того разнообразны и ярки, что крошечная птичка, перелетая с цветка на цветок, кажется носящимся в воздухе брильянтом.

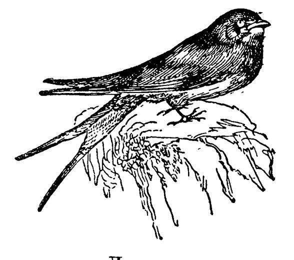
ЛАСТОЧКА.

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

— Не разоряй гнезда, — сказал мальчику отец:— весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, веселых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнездышка. Работа закипела, ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнездышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то перышко, то стебелек моха.

Ласточка.

Прошло еще несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остается в нем постоянно.

«Видно она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнездышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперед, как неутомимо добывали пищу своим деткам! Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил свое удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

— Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост, в сравнении с маленьким, легким

туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть, вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе — о южнорусских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Черном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где все цвело и зеленело, когда у нас выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнездышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

— Я не думал, что ласточки улетают так далеко,— сказал мальчик.

— Да и не одни ласточки, — продолжал отец: — жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют *перелетными*, также улетают от нас на зиму в теплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в южной Германии и Франции, другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померанцовых рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь еще дальше, перелететь все Средиземное море, чтобы вывести и выкормить детей где-нибудь на берегах Нила.

— Отчего же они не остаются в теплых странах целый год, — спросил мальчик, — если там так хорошо?

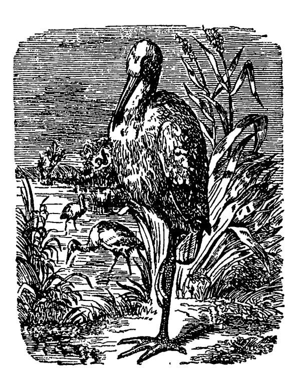
— Видно, им недостает корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись, как ласточки, пролетая тысячи четыре верст, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

Примечание. Класс зверей разделили мы на 10 *отрядов*. В классе птиц мы заметили еще прежде отрядов два большие *отдела*: *выводковых* и *птенцовых*, а в каждом из этих отделов найдем несколько отрядов. Покудова нам известны сле-

дующие отряды: *водных*, *куриных*, *воробьевых*. В каждом отряде заметили мы несколько *семейств* (какие?). Напишите табличку птиц. Расскажите по ней, что прочли о птицах.

АИСТ.

Кто бывал на юге России, тот, вероятно, видал длинноносого, длинноногого аиста, как он вытягивает свою шею где-нибудь на крыше дома или с величайшей важностью бродит по мокрым лугам и глотает лягушек десятками. В вышину аист достигает до полутора аршина; довольно большая голова его украшена длинным, острым, твердым носом, красного цвета; зато хвост очень короток. Яйцевидное туловище аиста поддерживается двумя длинными, красными, *голыми* ногами, почему аиста и причисляют к отряду птиц *голенастых*. По особенному устройству ног аист может простаивать целые часы на одной ноге, и в таком положении его чаще всего можно видеть на крышах домов и овинов.

Аист.

Цвет перьев аиста белый, но в крыльях у него есть и черные перья. Есть также и черный аист, но тот очень дик и живет в уединенных местах, тогда как белый редко совьет себе гнездо где-нибудь на дереве и всегда почти старается примоститься поближе к жилищу человека. Шея у аиста длинная, гибкая, покрытая белыми перьями, которые там, где шея сходится с туловищем, очень длинны, так что ветер часто развевает на аисте эту пушистую пелеринку.

Взглянув на длинные, голые и крепкие ноги аиста, можно уже догадаться, что ему суждено бро-

дить по мокрым лугам и болотам; а такая же длинная шея и длинный, острый, крепкий нос говорят, что аисту приходится вытаскивать свою пищу из воды и грязи. И действительно, аист принадлежит к породе птиц *болотных*. Он питается животною пищей, но не терзает ее, как хищные птицы, а глотает целиком змей, ящериц, мышей, кротов, лягушек, из которых иная еще долго бьется, проходя сквозь длинное горло аиста. Аист часто таскает и глотает с перьями маленьких птиц, цыплят и даже гусят, и в гнезде его нередко находят такие вещи, которые, конечно, ему вовсе не нужны, как, например, куски полотна, платки или рубашки. Но, несмотря на такие воровские наклонности, аиста все любят: он как-то сдружается с тем домом, на котором совьет свое гнездо, и хозяева думают, что он приносит им счастье. В тех странах, где много ядовитых змей, аист действительно оказывает людям важную услугу, истребляя вредных гадов тысячами: он ловко схватывает змею за шею и, нисколько не страшась ее ядовитых зубов, пропускает ее в свое длинное горло.

Аисты принадлежат к числу *перелетных* птиц. Ранней весною появляются они в *умеренных* странах Европы и проводят там целое лето. Осенью улетают в жаркую Африку, где зимы никогда не бывает, снова выводят там детенышей и спокойно проводят всю зиму, потому что там их также берегут и любят. Нельзя не удивляться непостижимому *инстинкту* аистов, которые не только находят себе воздушную дорогу за тысячу верст, но отыскивают именно ту деревню, тот дом и то гнездо, в котором жили прошлый год.

В гнезда, сделанные довольно грубо из хвороста, соломы и кусков дерна, самка аиста кладет от трех до пяти белых яиц; через двадцать один день появляются из них маленькие, уже одетые пухом аисты, которых, впрочем, заботливые родители, хотя и недолго, кормят сами мышами и лягушками. У молодых аистов и нос, и ноги серого цвета, красными становятся они впоследствии.

Перед отлетом в южные страны, аисты собираются большими стаями и суетливо носятся в воздухе. После такого сборища, оканчивающегося часто дракой, почти всякий раз находят на земле несколько мертвых аистов. Говорят, что аисты своими острыми и твердыми носами убивают тех своих товарищей, от которых не ожидают, чтобы они могли совершить далекое странствование.

В России много болот, а потому летом прилетает к нам много *болотных*, длинноногих, длинношеих, длинноносых птиц, принадлежащих к одному отряду с аистами, таковы: осторожный журавль, бывающий высотою аршина в полтора, синеватая цапля с черным хохлом на голове; выпь, которая, запрятавшись в камыши, *вопит*, ревет, как бык, почему в иных местах и называют ее быком, кулики самых разнообразных пород.

КОБЧИКИ И ДРУГИЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ.

Кобчик — птичка небольшая, да ноготок у нее востер. Кобчик немного более голубя, но с первого же взгляда видно, что у него должны быть вовсе неголубиные свойства. И клюв, и когти кобчика такого рода, что, без сомнения, должны держать в почтительном отдалении маленьких птичек. Клюв у него короткий, но толстый, крепкий, загнутый книзу острым крючком. Небольшие ноги сильны, почти донизу покрыты перьями, а мускулистые лапы вооружены каждая четырьмя острыми, крючковатыми когтями; три пальца идут вперед, один назад, первые суставы пальцев короче последних; особенно крепки, длинны и остры когти на задних пальцах и на среднем из передних. Этот крючковатый нос и острые, крепкие когти созданы для того, чтобы разрывать мускулы животных. В самом деле, кобчик принадлежит к породе *хищных* птиц и питается мясом воробьев, цыплят, гусят и других маленьких, беззащитных птичек.

Кобчики живут, как и вообще все хищные птицы, уединенно и летают высоко: остановившись в воздухе и трепеща крыльями, зорко высматривают они добычу и стрелою спускаются на нее. Гнездо свое кобчик вьет на высоких деревьях; самка кладет от трех до шести зеленоватых яичек с серыми крапинками; она кормит детенышей остатками своей кровавой пищи, приучая их смолоду терзать маленьких птичек. Насекомыми кобчики питаются редко, только в крайней необходимости: мясо позвоночных животных и притом животрепещущее, только что растерзанное, — самая любимая и почти единственная пища кобчиков; они ощипывают и разрывают пойманную птичку, а не глотают ее целиком, как аист, который одинаково проглатывает и лягушку, и цыпленка.

Орел.

Кривой, острый клюв, кривые, заостренные, крепкие когти, широкие, остроконечные крылья, образ жизни и пища кобчика составляют резкие признаки как его, так и всякой другой *хищной* птицы. Орел, коршун, сокол, ястреб имеют те же хищные признаки, хотя по величине и по виду своему отличаются от кобчика.

Кроме дневных хищных птиц, есть еще ночные: совы и филины. Острый, крючковатый клюв, острые, крепкие, крючковатые когти показывают, что и совы принадлежат к породе хищников. Глаза у сов напереди головы, полузакрыты перьями, которых на голове у совы весьма много; зрачки большие и так устроены, что сову ослепляет сильный дневной свет, зато ночью она раскрывает свои круглые глаза во всю величину и видит ими отлично. Вот почему днем совы прячутся в дуплах деревьев, в старых строениях и только после солнечного заката вылетают искать пищи, они тогда ловко ловят маленьких птичек, мышей и вообще маленьких животных. Ле-

тают совы тихо: крылья у них неспособны к быстрому полету, мягки, слабо рассекают воздух, но зато на этих мягких крыльях сова неслышимо подкрадывается к своей добыче. Слух у сов очень тонок, и из всех птиц только некоторые породы сов и филины имеют нечто вроде ушной раковины.

Филин.

Все птицы ненавидят сову, и если ей случится как-нибудь днем выпорхнуть из своего гнезда, то даже самые мелкие пташки с яростью нападают на нее: они знают, что днем сова ничего не видит и ее можно щипать безнаказанно. Филин охотится и днем и ночью.

ДЯТЕЛ.

Кто бывал в лесу, особенно в большом сосновом, тот, вероятно, часто слыхал странные звуки—точно кто-нибудь стучит молотком: тук-тук, тук-тук. Вы осматриваетесь кругом и не понимаете, кто бы это такой мог стучать. Но вот посмотрите: вдали, по стволу высокой сосны, пробежала вниз головою какая-то странная птица, величиною немного поменьше голубя. Она почти вся черная, только на голове у нее яркие, красные перышки, а короткий, крепкий хвост опущен вниз. Но как странно бегает эта птица! То вверх, то вниз по стволу, будто по ровному полу, то обежит кругом ствола, то перепорхнет на другое дерево: должно быть, у этой птицы ноги устроены каким-нибудь особенным образом, если она может так ловко бегать по стволам деревьев. И действительно, ноги и клюв дятла (потому что это и есть дятел, который так стучит по лесам) устроены замечательно: на каждой

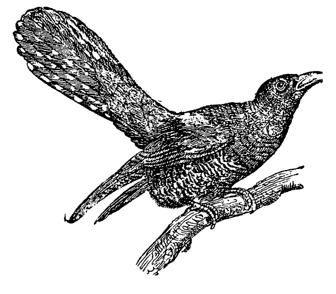
Дятел.

лапке дятла 4 пальца,— два идут вперед и два назад, и все вооружены острыми, цепкими когтями. Крепкий хвост дятла опущен вниз и, упираясь в деревья, помогает лазить странной птичке. Нос, или клюв, прямой, сильный, четырехгранный, а в клюве скрывается длинный, тонкий язычок с твердою и зубчатою оконечностью. Этот язычек птица может высовывать очень далеко, и он служит ей для ловли насекомых и червей, которыми она питается. Многие насекомые живут за корою деревьев, и там же многие жуки и бабочки кладут свои яички, из которых потом выходят червячки. Дятел стучит в дерево своим крепким носом, и если слышит звук, показывающий, что под корою пустота, то разбивает своим клювом, как долотом, кору, и засовывая под нее свой длинный язык, всегда покрытый липкою слизью, вытаскивает насекомое: жука, гусеницу, муравья. Но дятел не любит упускать своей добычи даром и, постучав в ствол дерева, быстро обежит его вокруг, чтобы посмотреть сначала, не выползло ли где-нибудь из-за коры насекомое, испуганное стуком.

Устройство пальцев на ногах дятла так замечательно, что естествоиспытатели причисляют эту птицу к особому отряду *парнопалых*, или *лазунов*. К этому отряду птиц относятся все попугаи. Но тогда как у дятла язык тонок, у попугаев, наоборот, он необыкновенно толст и мясист, что дает этим птицам возможность подражать голосу различных животных и даже словам человека. Попугаевых пород множество: все они водятся в лесах жарких стран и отличаются необычайною красотою перьев.

К *парнопалому* же отряду относится одна знакомая вам птица, которая оглашает наши леса своим громким, печальным криком,— это *кукушка*. Кроме своего странного, мерного крика, от которого она получила и название, кукушка замечательна еще тем, что не вьет себе гнезда, а раскладывает свои яйца по гнездам других птиц, которые так же, как и она, питаются насекомыми. Снесши яйцо на земле, кукушка берет его в нос и перетаскивает в заранее приисканное гнездо, выбирая новое для

каждого яйца. Бедная птичка, которую бездомная кукушка одолжит своим яичком, долго не узнает приемыша и сначала высиживает, а потом кормит его, как родное детище. Но кукушенок подрастает, и в нем начинает сказываться дурной характер его матери: он ест очень много и обижает своих названных братьев и сестер, а потом старается и вовсе от них избавиться, для чего подлезает под бедного птенчика, подымает его на себя, подносит к краю гнезда и выталкивает вон. Бедная мать никак не может узнать причины, почему ее птенцы все падают один за другим, и кормит неблагодарную кукушку, пока та оперится и улетит.

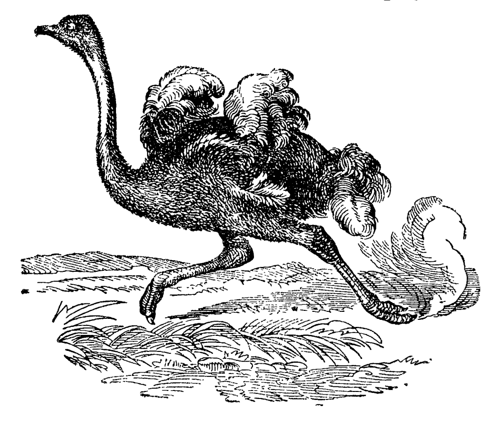

Кукушка.

СТРАУС.

Страусов можно у нас видеть только на картинах; но их прекрасные, длинные перья часто украшают дамские шляпы. Африканские страусы—самые большие: достигают до сажени в высоту и весят более двух пудов. Голова страуса, верхняя часть шеи и брюхо совершенно без перьев; но зато богатые, длинные, прекрасные перья находятся в крыльях и хвосте, особенно у самцов. Эти перья, однако, не приспособлены к полету: стержень их очень тонок и мягок, как это вы можете видеть на любом страусовом пере. Но если страус не летает, зато очень быстро бегает на своих крепких ногах о *двух пальцах*: его не может догнать даже самая быстрая лошадь. Шея у страуса очень длинна, сравнительно даже с длиной ног, голова маленькая, ушные отверстия обнажены, а глаза расположены так, что страус может видеть предмет обоими глазами разом.

Страусы живут стадами в песчаных пустынях Африки и южной Азии, гнезда вырывают в земле; несколько самок кладут в одно гнездо от 40 до 50 яиц и сидят на них поочередно. Каждое яйцо весит до 3 фунтов, следовательно, равняется по весу 24 куриным яйцам, и одним страусовым яйцом могут утолить голод четыре человека. Выходя из яйца, молодой страус бывает величиною с нашу курицу. В случае нужды, страус защищается

Страус.

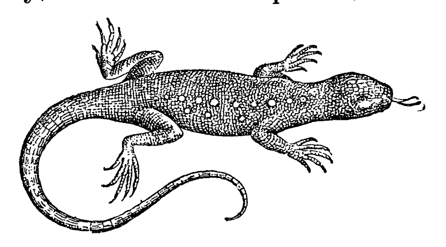
носом и лапами. Одним ударом лапы он может убить собаку. Страусов легко делают ручными и держат в особых зданиях для того, чтобы получать их перья неизломанными и неизмятыми, что часто случается у диких страусов. Яйца страусов вкусны и питательны, а из скорлупы этих яиц негры делают посуду.

Примечание. В классе птиц два большие отдела: *выводковых и птенцовых*. В *первом* отделе — *выводковых* — мы заметили *четыре отряда* — 1-й отряд—*куриных*, куда принадлежат: куры, тетерева, куропатки, фазаны, индейки, павлины и др. 2-й отряд — *голенастых*, или *болотных*, куда принадлежат: аисты, журавли, цапли, дрох-

вы, кулики и т. д., в 3-м отряде — *бегающих* — мы заметили одного страуса. К 4-му отряду, *водных*, принадлежат: утки, гуси, чайки, бабы-птицы, лебеди и т. д. *Птенцовый отдел* птиц состоит также из четырех отрядов: 1-й отряд — *хищных* дневных (орлы, ястреба, коршуны, кобчики и т. д.) и ночных (совы и филины); 2-й отряд — *воробьиных*, куда относятся: воробьи, канарейки, соловьи, вороны, грачи, колибри и многое множество других; 3-й отряд — *голубиных* (одни голуби); 4-й отряд — *парнопалых*, или лазунов: попугаи, дятлы, кукушки. Напишите полную табличку известных вам птиц. Расскажите по табличке все, что прочли о птицах.

ЯЩЕРИЦА.

Весною, подле старых стен или земляных валов, часто удается увидеть маленькое животное, вершка полтора в длину, зеленого или серого цвета, на четырех

Ящерица.

коротеньких ножках, с лапками о пяти пальцах, с узенькой мордочкой, хвостом, который длиннее самого животного и извивается по земле, как змейка, словом, — ящерицу. Но ящерица так пуглива и быстра, что не успеешь рассмотреть ее хорошенько, как она уже юркнула к себе в нору, вырытую где-нибудь поблизости. Если бы у вас достало смелости взять в руки и рассмотреть

это, впрочем, совершенно безвредное животное, то вы увидали бы, что вся кожа ящерицы покрыта тонкими чешуйками. Широкая, плоская головка ее, снабженная носовыми и ушными отверстиями, неприметно соединяется с шеей, а толстая шея с гибким, мягким туловищем, рыльце закруглено, челюсти далеко выдаются вперед, рот, хотя разрезан далеко, но раскрывается неширoко. Язык ящерицы, в виде тоненькой вилочки, далеко высовывается наружу; острых зубов во рту у нее очень много, и они сидят не только по краям, но даже в середине рта и в самом горле; маленькие, живые, острые глазки животного закрываются веками. Ящерица так некрасива, так, с одной стороны, напоминает нам кровожадного крокодила, которого мы видали на картинках, а с другой, гибкую, извивающуюся, скользкую змею; так быстро исчезает при малейшем шуме и так жадно и ловко кидается на свою добычу: бабочек, червей, муравьев, мух, жуков, — что люди невольно заподозрили ее острые, хотя совершенно безвредные зубы в ядовитости и часто преследуют бедняжку то палкой, то камнем. Особенно подозрительным кажется, что ее длинный и вертлявый хвост, который часто при самом легком ударе отскакивает от туловища, вертится после этого и оказывает признаки жизни до захождения солнца. Но острые зубки ящерицы, которыми она едва может прокусить кожу человека, вовсе не имеют тех ядовитых пузырьков, которые делают столь опасным укушение ядовитых змей; тонкий же, выдвижной, раздвоенный язычек ее опасен только для бабочек и мух, потому что помогает *насекомоядной* ящерице ловить их. В особенности неприятно то ощущение холода, которое испытываем мы, прикасаясь к коже крокодила, змеи и маленькой ящерицы. Холод кожи всех этих животных, принадлежащих к одному классу, *пресмыкающихся*, объясняется тем, что у всех у них, вследствие особенного устройства легких и сердца, кровь движется медленно и имеет весьма мало теплоты, — вот почему также ящерицы в холодных климатах на зиму забираются в глубокие норы и засыпают там до весны. У ящерицы есть

еще и то сходство с крокодилом, что оба эти животные по временам линяют, т. е. переменяют свою кожу, сбрасывая ее целиком или кусками, что ящерица делает очень ловко, пролезая между камнями. Сбросив старую кожу, под которой выросла уже новая, ящерица забирается в нору и дожидает там, пока новая одежда ее достаточно затвердеет. Ящерица — хотя и не птица, но точно так же, как крокодил и змея, несет яйца, из которых потом выходят маленькие ящерицы.

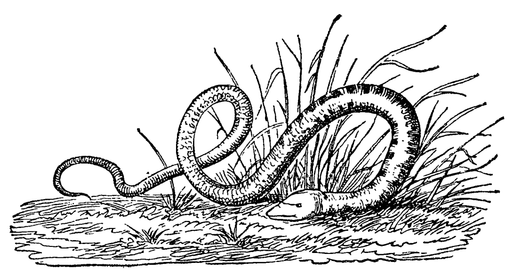
Разрезав брюшко ящерицы и рассмотрев ее внутренности, нашли, что у нее есть также сердце, легкие, желудок, мозг, жилы и нервы, но все это устроено несколько иначе, чем у млекопитающих и птиц, сообразно с образом жизни ящерицы. Мы найдем также, что у нее есть четыре маленькие ножки, однакоже она тащит свое тело по земле, т. е. *пресмыкается*, и во многом подходит к безногой змее, кровожадному крокодилу и тяжелой, неуклюжей черепахе. Из всех этих пресмыкающихся животных вполне пресмыкается, впрочем, только одна змея, у которой уже совершенно нет ног.

УЖ.

Уж, конечно, змея, но самая невинная змея: такая же безвредная, как и ящерица. В средних и южных местностях России можно встречать ужей очень часто. Они водятся в сырых местах, плотинах, сараях, овинах, под полами домов и иногда целыми десятками выползают из своих убежищ погреться на солнышке.

Рассмотрев ужа поближе, мы увидим, что тело его длинно и кругло (в длину уж иногда бывает больше аршина), покрыто чешуйками и твердыми щитками, головка серо-зеленоватая, спина отливает сталью, на боках и спине много белых и черных пятен, а поперек шеи идет желтоватая полоска —признак, отличающий ужа от других змей, иногда очень на него похожих. Голова ужа формою похожа на яйцо, несколько приплюснутое сверху, и покрыта чешуйками. В мордочке, закругленной спе-

реди, два носовые отверстия, идущие в пасть; глаза без век, пасть, как и у всех змей, раскрывается очень широко, потому что разрез ее идет далеко, а кости черепа подвижны и кожа на нем растягивается. Такая широкая пасть необходима змее потому, что она не жует, а глотает свою добычу целиком, добыча же эта часто бывает гораздо более змеиной головы. В пасти ужа мы заметим четыре ряда острых зубов: один ряд в верхней челюсти, другой в нижней, а два посредине нёба; все эти зубы остры, не способны перемалывать и раздавливать пищу, но

Уж.

только хватать добычу и удерживать ее. Небольшие зубы ужа могут нанести маленькую ранку; но эта ранка скоро заживает, потому что у него нет тех передних больших, выдающихся зубов, снабженных канальчиками в середине и ядовитыми пузырьками сверху, которые бывают у ядовитых змей. Когда ядовитая змея вонзит свои передние зубы в тело животного, то тем самым придавит ядовитые пузырьки, и крошечная капля яду, пройдя сквозь канальчики зубов, скатится в ранку и мигом отравит кровь. Жало же ужа, как и жало всякой змеи, хотя оно-то именно и наводит страх на людей, в сущности есть безвредный, вилообразный язычок, служащий змее органом осязания. Этим языком змея ощупывает предмет, но не может им чувствовать, вкусна ли пища, потому что он прячется в особенное влагалище всякий раз, как пища проходит в глотку животного. Глаза ужа, как и всякой другой

змеи, не имеют век, смотря на добычу прямо, неподвижно, не мигая, отчего и родилось мнение о волшебной силе змеиных глаз. Ушных раковин уж не имеет, но слышит отлично.

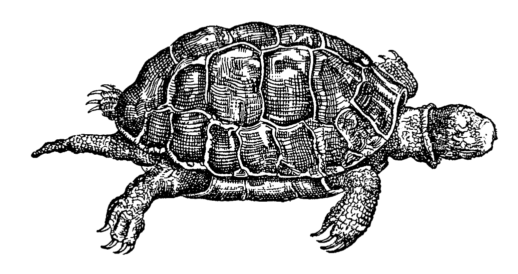
Ног у ужа, как и у других змей, нет; нет также плавательных перьев, которые мы замечаем у рыб; но, тем не менее, змеи движутся и плавают очень быстро. Они ползают на брюхе, извиваясь и упираясь изгибами своего тела в тот предмет, по которому ползут. Этому способствует особенная сила змеиных мускулов и гибкость позвоночного хребта, идущего во всю длину тела животного и состоящего у некоторых змей из трехсот позвонков, тогда как у человека, как мы знаем, их всего 33. От этих позвонков идут очень подвижные ребра, которые двигаются тем удобнее, что у змей нет грудной кости и все ребра между собой не срастаются. Ребер этих иногда бывает до двухсот пар.

Уж так же, как и другие змеи, шипит и иногда свистит. Кормится он лягушками, кротами, мышами, ящерицами, маленькими птичками и другими маленькими животными, которых сначала задушит, потом обольет слюною и, наконец, проглотит, не жевавши. Проглотив лягушку, например, которая вдвое больше его собственной головы, уж поневоле ложится и лежит неподвижно, как палка, ожидая, пока в его сильном желудке животное переварится. Точно так же кормится и огромный удав, только тот проглатывает иногда целого большого барана. На зиму ужи собираются в норы, недоступные для морозов, и лежат там неподвижно до весны. Кожу свою уж меняет ежегодно раз пять: когда придет время, она лопается сначала на морде, а потом уж сдирает ее с себя, проползая между камнями или в щели. Журавли, аисты и хищные птицы ударом носа в голову ужа убивают его тотчас же, потому что кости, составляющие его череп, не совсем срастаются.

Ужи-самки в августе месяце кладут в кучи листьев или дупла деревьев от двадцати до тридцати небольших яичек, которые, вместо известковой скорлупы, покрыты белой кожей и соединены одно с другим клейким ве-

ществом. Из этих яичек недели через три выходят маленькие змейки, которые сначала кормятся червяками и насекомыми, а потом, когда подрастут, принимаются за птичек, мышей и кротов.

Примечание. Класс *пресмыкающихся* животных имеет *три отряда:* 1-й — *ящеричных*, куда относится и наша маленькая, вовсе не страшная *ящерица*, и страшный житель рек жарких стран — *крокодил*, который тоже громадная ящерица; 2-й — отряд *змеиных*, в котором находятся *неядовитые*

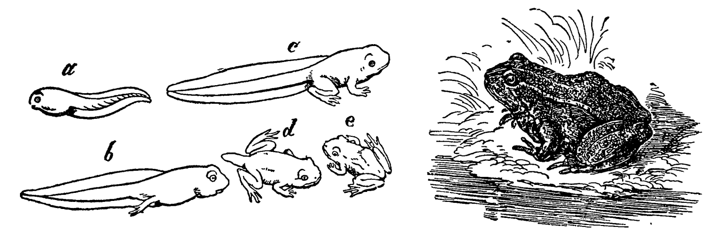
Черепаха.

змеи, как, например, наш уж и громадный удав, и *ядовитые*, каковы, например, гадюка и гремучая змея, яд которой убивает человека в несколько минут; к счастью, иссохшая, но еще неспавшая кожа на хвосте гремучки особенным, довольно сильным звуком предупреждает об опасности и человека и животное; 3-й отряд — *пресмыкающихся* составляют *черепахи*, покрытые твердою бронею.

ЛЯГУШКА.

В большом пруду жило вместе множество лягушек; всю зиму пролежали они в глубокой тине, без пищи, без дыхания, окоченелые, словно мертвые, им снилось солнечное сияние, хорошенькие мушки, водяные кувшинчики и жирные червячки в то самое время, когда по гладкой, ледяной поверхности пруда мальчишки катались

на коньках. Но вот весна постучалась в ледяную кровлю, и лед разлетелся в куски. Солнце пригрело воду, и лягушки проснулись, стали протягивать свои онемевшие члены и радостно подыматься кверху. Вот одна уж высунула мордочку из воды и квакнула во все горло, за ней другая, третья — и скоро образовался целый хор. Всю теплую майскую ночь, с вечера до утра кричат они без устали: два толстые мешка, находящиеся по обеим сторонам шеи у самцов, помогают им издавать сильные звуки. Теперь веселые лягушки начинают класть яички, развешивая по водяным растениям какое-то студе-

Превращения лягушки.

нистое вещество, похожее на белок: там и сям в нем видны белые точечки, из которых современем образуются лягушата. Яички положены, но никто о них не заботится; одно щедрое солнце, катясь по голубому небу, не забывает заглянуть и в тенистый уголок пруда, заросший водяными растениями, где без него маленькие точки никогда не сделались бы лягушками. Под влиянием благотворных лучей солнца точечки увеличиваются, а светлая студенистая масса разделяется на части. Вот что-то в ней зашевелилось: это, верно, молодая лягушка. Но какой у нее странный вид! Круглое, черное тельце и длинный, широкий хвост — вот и все животное. В теле нельзя различить ни головы, ни шеи, ни туловища, ни ног — только глаза и рот, да по сторонам две нежные кожицы протягиваются в воде: это жабры, которыми дышит маленькое творение; они так искусно устроены, что вбирают в себя воздух, находящийся в воде.

Весело смотреть, как движется молодая лягушка. У многих животных есть хвост: лошадь отгоняет им мух, собака выражает хвостом своим удовольствие, обезьянам хвост помогает карабкаться на деревья; но у всех этих тварей, кроме хвоста, есть еще другие орудия движения, у молодой же лягушки хвост все — рука, нога и плавательное перо. Посмотрите, как ловко управляет этим хвостом и как быстро движется с его помощью скользкий маленький *головастик:* так зовут молоденькую лягушку. Но пока головастик гоняется за червяками и водяными насекомыми, у него начинают показываться задние ноги. Сначала это только два крючка; но, день за днем, они увеличиваются и на них появляются пальцы, соединенные плавательной перепонкой. С такими ножками лягушке плавать уже гораздо удобнее, и она реже становится добычей жадной щуки. По мере того как растут у лягушки задние ноги, жабры ее уходят внутрь тела.

Когда лягушка научится управлять своими задними ногами и с помощью их быстро прыгать вперед, тогда начинают у нее появляться и передние, а с ними лягушке уже очень легко и удобно двигаться во все стороны. Вместе с тем, она вообще стала и больше, и сильнее, и умнее; голова, грудь и брюшко начинают обозначаться ясно. Но чем больше и ловчее становятся ноги, тем меньше и слабее делается хвост, а когда ноги совершенно вырастут, то хвост совершенно исчезнет. До сих пор лягушка могла жить только в пруду и в норах под водою отыскивала себе червячков, но теперь большая часть этих червячков уже превратилась в комаров и мух, которые летают над прудом или садятся на траву; лягушке в воде становится плохо, и она начинает посматривать, как бы ей выбраться на берег. Пока у лягушки были жабры, ей невозможно было оставаться долго вне воды, она погибла бы на суше, как погибает рыба, дышащая жабрами, но в то время, когда ее ножки делались сильнее и приобретали способность прыгать, жабры ее совершенно исчезли и заменились легкими, которыми она может и

на суше вдыхать воздух, как мы с вами. Теперь выползает лягушка на берег, учится прыгать все выше и выше и снимать вкусную муху с голубой незабудки, причем язык лягушки, широкий и длинный, в виде лопаточки, оказывает ей большую услугу: быстрее молнии высовывает она его и ловит им зазевавшееся насекомое.

Лягушка не только отделывается от своего хвоста, но также по временам и от своей кожи, с той только разницей, что хвост лягушки всасывается в ее тело и мало-помалу употребляется весь на выделку других ее членов, а кожу она сбрасывает прочь. Кожа эта так тонка, что, разостланная на бумагу, едва заметна, но найти такую кожицу удается весьма редко, потому что обыкновенно, как только лягушка сбросит ее, так немедленно же и скушает.

Не все лягушки довольствуются искусством прыгать между болотными фиалками и незабудками, водяными лютиком, осокой и камышом; иной захочется взобраться повыше, на кусты и деревья, засесть там в зеленых листьях между птицами и затянуть свою удивительную песню. Вы, вероятно, знаете древесную лягушку, этого предсказателя погоды, которую иногда садят на лесенку в стакан, до половины наполненный водою: в хорошую погоду взбирается лягушка на верхние ступеньки, в дурную — спускается на нижние и в самую воду. Древесная лягушка очень ловко прыгает с листка на листок и, притаившись на нижней стороне листка, терпеливо выжидает пеструю муху или красивую бабочку. На каждом пальце древесной лягушки есть пухлая кожица, которою она крепко присасывается к листьям и к гладкой коже деревьев. Цвет древесной лягушки зеленый и так подходит под цвет листьев, что бедная муха летает близехонько, не видя своего врага. Замечательно, что эта лягушка меняет свой цвет, смотря по цвету листьев: весною она зеленая, летом становится темнее, а к осени совсем темнеет. Она очень ловко ловит мух и бабочек, придерживаясь одной ногою за листик и бросаясь

всем телом вперед. В питье у нее также нет недостатка: ее тонкая кожица всасывает дождевые капли и росу.

Так из ничтожной черной точки выходит мало-помалу резвая лягушка, которая прыгает не только по цветам и траве, но и по деревьям.

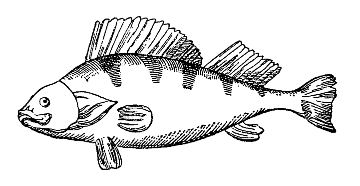
Часть жизни своей лягушка проводит в воде, а часть на суше, почему ее нельзя причислить ни к рыбам, хотя у нее смолоду и бывают жабры, как у рыб, ни к зверям, ни к птицам; для лягушки и подобных ей существ, саламандр, жаб и пр., должно было назначить особый класс, *земноводных*, которых зовут еще *голыми*, так как их тонкая кожа не покрыта ни чешуей, ни волосами, ни перьями. У лягушки есть череп, позвоночный столб, нервы, легкие и сердце, но кровь в ее жилах холодна.

Примечание. I-й класс — *звери*; II-й класс — *птицы*; III-й класс — *пресмыкающиеся;* IV-й класс — *земноводные*. В этом последнем классе два отряда: 1-й — *бесхвостые*, каковы лягушки и жабы, 2-й — *хвостатые*, какова, например, саламандра, о которой говорят, что она ядовита и не горит в огне, но и то и другое несправедливо. Это небольшое животное имеет много желез, которые отделяют большое количество слизи, а если бросить саламандру на уголья, то обильно отделяющаяся слизь спасает ее на несколько мгновений, но не долее. Составьте табличку всех животных, о которых прочли. Расскажите по табличке о двух последних классах: *пресмыкающихся* и *земноводных*.

ОКУНЬ.

Вы, конечно, не только видали окуня, но и кушали и, вероятно, знаете отчасти, что находится внутри его. Овальное тело окуня, очерченное двумя кривыми линиями, заострено с обеих сторон; с боков оно приплюснуто. Когда окунь плывет, то мы видим только узень-

кую полоску, т. е. спинку окуня. Он весь покрыт круглыми, жесткими, блестящими чешуйками, которые лежат краями одна на другой, как черепицы на кровле. В теле окуня мы замечаем голову, туловище и хвост, но не видим ни рук, ни ног, а вместо них *плавательные перья*, или *плавники*. На треугольной голове рыбы замечаем мы два глаза без век и две ноздри, которые имеют только одно внешнее отверстие и не сообщаются с горлом, как у людей и всех животных, дышащих ртом и носом. Ушей у окуня не видно вовсе, но слуховой орган, вероятно, скрыт в голове, потому что окунь очень хорошо слышит. По обеим сторонам головы мы видим у окуня две твердые крышечки; а приподнявши одну из них, заметим под нею красные зубчатые, бахромистые *жабры*. Такого органа мы не замечали еще ни у одного из животных, кроме лягушки в состоянии головастика. Твердые крышечки, закрывающие жабры, называются *жаберными крышками*. Рот у окуня очень велик сравнительно с величиной животного и открывается широко; а во рту мы заметим маленький язык и множество маленьких острых зубов, расположенных неправильно по всей полости рта; у щуки, например, есть зубы даже в горле.

Окунь.

Верхняя часть туловища окуня называется спинкой, нижняя брюшком; шеи окунь, как и всякая другая рыба, не имеет. Переднюю часть туловища называют иногда грудью. У окуня восемь *плавников*, или плавательных перьев, из которых некоторые весьма яркого красного цвета. На спине мы видим два плавника, один за другим; передний натянут на колючих косточках, которые окунь подымает, когда его вытащат из воды, как будто стараясь защититься. На хвосте мы видим также два плавника, *хвостовые*, соединенные в один хвост. Возле них, снизу, расположен еще плав-

ник, называемый *подхвостным*, на брюхе еще один; наконец, так называемые *грудные* плавники расположены около жабер. Плавники служат рыбе для того, чтобы она могла двигаться в воде: идти вперед, поворачивать в сторону, подыматься вверх и опускаться вниз; это очень мудро придуманные весла для плавающего животного.

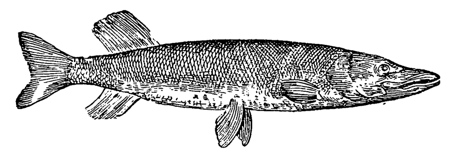
Когда вы ели окуня, то, вероятно, заметили, что вам приходилось отделять от костей более вкусное мясо; а в голове находили несколько больших черепных костей, с которыми соединен позвоночный столб, идущий во всю длину рыбы. От столба, по обе стороны, идут острые ребра, куски которых могут, если рыбу есть неосторожно, воткнуться в горло и наделать большой беды.

Когда чистят окуня, то из него вытекает небольшое количество холодной, красноватой крови. Жабры служат окуню для дыхания. Окунь, как и всякое другое животное, дышит также воздухом, но только тем воздухом, который находится в воде. Дыхание его совершается так: окунь, плавая, раскрывает рот и набирает в него воды, потом пропускает эту воду через особенное отверстие в жабры, а из жабер она опять выливается вон. Жабры — это легкие рыб: к ним приливает кровь (вот почему они красны) и прикоснувшись к воздуху, находящемуся в воде, отправляется обратно для питания тела. Когда вытащат окуня из воды, то бедная рыбка широко раскрывает свой ротик, как будто ловит воздух, но ей нужен не воздух, его уж слишком много, а вода, без которой жабры ее скоро засыхают, дыхание рыбы прекращается и она издыхает, или, как говорят, засыпает.

Из убитого окуня кухарка вынимает пузыри, наполненные воздухом, которые помогают рыбе плавать и называются *плавательными* пузырями. Рыба по воле может наполнять их воздухом и выпускать его оттуда: в первом случае она подымется вверх, как бутылка, которую вы, наполнив воздухом и заткнув пробкою, насильно погрузите в кадку с водой; когда же в пла-

вательном пузыре воздуха нет, то рыбе легче опуститься на дно.

Иногда в брюхе окуня находят икру; рассмотрите ее, и вы увидите, что она вся состоит из бесчисленного множества маленьких зернышек: это все будущие окуни. Всех зернышек в окуне более 300 000. Окунь кладет икру, прикрепляя ее слизью к камню или берегу реки, и потом оставляет ее. Часть этой икры съедят другие рыбы, а часть, под влиянием солнца, в 5 или 6 дней превратится в маленьких рыбок. Млекопитающие животные, не исключая тюленя и кита, рождают живых детенышей; птицы кладут яйца, а

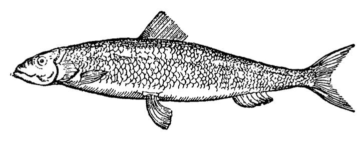
Щука.

рыбы мечут икру. Окунь питается червячками, маленькими водяными животными и маленькими рыбками. У окуня можно заметить все пять внешних чувств. В его плоской головке есть немножко смысла, который помогает ему избегать врагов и находить себе пищу. Есть у него и сердце, и жилы, в которых течет холодная красноватая кровь, есть мозг в голове и позвоночном хребте; есть нервы, мускулы и желудок, есть, кроме того, плавательные пузыри, вместо легких, есть жабры, есть мускулы, которыми он двигает члены своего тела; но органа голоса у него нет: окунь — нем, как и все животные, у которых нет легких.

СЕЛЬДИ.

Селедка не живет в пресной воде наших рек и озер; она любит соленую воду морей и потому называется морскою рыбою. Весною ежегодно оставляет она морские глубины и плывет к берегам и устьям рек, чтобы

сложить там свою икру, состоящую, как мы знаем, из крошечных яичек, из которых через несколько времени выходят крошечные селедочки; этих икряных яичек в одной селедке бывает до 70 000. Особенно много приходит сельдей икриться к берегам Немецкого моря, и здесь-то прежде всего люди начали их ловить. Сложив икру, селедки опять уплывают, а вместо них появляются мириады маленьких рыбок, которые потом также исчезают, уходя в глубину моря, как говорят одни, или на север, как утверждают другие, но вообще туда, где могут найти для себя пищу — маленьких морских животных.

Сельдь.

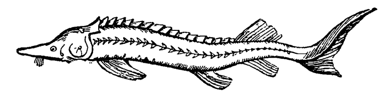
Издали еще можно заметить, как плывут сельди, преследуемые акулами и другими хищными морскими рыбами; бесчисленные стаи сельдей покрывают собою море верст на двадцать в окружности и плывут таким густым слоем, что, если бросить в них копье, то оно не потонет. Шум от плывущих сельдей похож на шум сильного дождя. Чешуйки на сельдях сидят очень не крепко; плывя тесною толпою, сельди обтирают друг о друга множество таких чешуек и, кроме того, теряют по дороге бездну икры, так что море кажется мутным, а сильный запах, издаваемый сельдями, и особенный свет, распространяющийся от них ночью на поверхности моря, указывают рыбакам на легкую добычу.

Сельдей начали ловить уже давно, лет 700 назад; но сначала эта ловля не приносила большой пользы, потому что вынутая из воды селедка тотчас же засыпает и начинает портиться. В 1416 году голландский рыбак Вильгельм Бюкель изобрел способ солить сельдей, так что теперь их можно сохранять в прок целые годы и развозить в самые отдаленные страны. С этих пор многие тысячи людей занялись сельдяною ловлею, и изобретение Бюкеля обогатило Голландию. Вот почему голландцы поставили Бюкелю памятник.

Ловят сельдей огромными сетями; к одной стороне этих сетей привязываются камни, к другой — пустые бочки, и сеть, опущенная в море, стоит, как стена. Сети для этой ловли плетутся иногда из пеньки, но чаще из грубого шелка, который крепче пеньки. В сетях сельди запутываются жабрами и при хорошем счастье можно вытащить за один раз от 100 до 140 тысяч селедок. В тот же день их солят в бочках или коптят в дыму. Одни голландские рыбаки привозят домой ежегодно до четырехсот миллионов сельдей. В России также ловят сельдей по берегам Белого, Каспийского и Черного морей, эти сельди крупнее, но хуже голландских.

СТЕРЛЯДЬ.

Кто живал на берегах Волги или какого-нибудь из ее бесчисленных притоков, тому, вероятно, случалось видеть красивую рыбку — стерлядь, а может быть, даже и отведать вкусной стерляжьей ухи. Но мы обратили внимание на стерлядь не потому, что она составляет лакомое, прихотливое блюдо, а потому, что она принадлежит к одной породе с такими рыбами, ловля которых так же важна для России, как ловля сельдей для Голландии, — к одной породе с осетром, белугой и севрюгой, этими громадными рыбами наших русских морей и рек.

Стерлядь.

Рассмотрите хорошенько стерлядь, и прежде всего вам бросятся в глаза твердые, колючие костяные *щитки*, расположенные рядами от головы до хвоста и которых вы не видали ни у селедки, ни у окуня. Эти твердые чешуи дают название целому отряду рыб, которых потому и называют *твердочешуйчатыми*. Нос у стерляди острый, выдался вперед; рот расположен снизу, на значительном расстоянии от конца носа,

не велик и не имеет зубов. С рыльца висят небольшие усики.

Осетровая порода, к которой принадлежит и стерлядь, очень полезна для людей: она дает, кроме вкусного мяса — осетрины, которое едят и свежим и соленым, отличный балык, который вырезывается из спины осетра, икру, визигу и рыбий клей, добываемый из плавательных пузырей осетров и белуг. Все рыбы осетровой породы водятся преимущественно в морях: Черном, Каспийском, Белом и Ледовитом, а оттуда проникают далеко в реки и речки, льющиеся в эти моря или непосредственно, или через другие большие реки. Самая меньшая рыба из всей осетровой породы — стерлядь, а потому она и заходит иногда в самые маленькие речки. Большие рыбы осетрового семейства весною многочисленными стаями подымаются из морей в реки для метания икры, а осенью многие из них идут зимовать в реки и лежат там на дне неподвижно, засыпая на всю зиму.

Всех этих рыб ловят при проходе из морей в реки и обратно, и эта ловля дает занятие многим тысячам людей. Осетр бывает величиною до сажени, а иногда и больше; старая белуга —до двух саженей. В брюхе белуг находят иногда проглоченную водяную птицу и довольно больших рыб, потому что она очень прожорлива и глотает все, что ни попадется. Когда белугу вытащат на берег, то воздух с некоторым шумом выходит из ее внутренностей, что дает повод говорить, что будто у белуги есть голос, хотя она нема, как все прочие рыбы.

Примечание. Рыбы, постоянно дышащие жабрами и живущие в воде, составляют особый класс животных, который также разделяется на отряды, семейства и роды. Но мы из всех отрядов рыб заметили только два: *первый отряд костистых*, куда принадлежат: окунь, ерш, лосось, ряпушка, корюшка, сиг, селедка, прожорливая щука, карп, головль, судак, многое множество других

и даже угорь потому, что угорь также рыба, хотя очень похож на змею; но присмотритесь к нему хорошенько, и вы найдете, что у него жабры и одно плавательное длинное перо на спине. Эта рыба замечательна тем, что выходит иногда на сушу добывать себе пищу. Угорь очень живуч и, разрезанный на части, долго шевелится, а пролежав замороженным несколько времени, снова оживает. *Второй отряд*, замеченный нами, к которому принадлежат все рыбы осетровой породы,называется *твердочешуйчатым*. Составьте табличку о всех животных, о которых читали. Коротко, целым классом, повторите все прочитанное.

ЯБЛОНЯ.

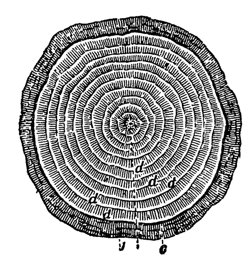
В саду у нас стоит старая, большая и развесистая яблоня. *Корни* ее глубоко сидят в земле, а кверху поднимается толстый *ствол*, покрытый снаружи серою растрескавшеюся *корою*. Вверху ствол разделяется на толстые *сучья*; сучья делятся на *ветки*, ветки на тоненькие молодые веточки, а на веточках, как зеленые мотыльки, дрожат *листочки*. Осенью листья желтеют и опадают, а на веточках остаются на всю зиму только маленькие, твердые коричневые *почки*.

Всю зиму яблоня стоит голая; но весною, когда пригреет солнышко и снег растает, корни яблони потянут из влажной земли питательные соки. Соки подымутся по стволу вверх, побегут по сучьям, веткам и веточкам и станут наполнять маленькие почки, просидевшие без движения всю зиму. Почки вздуются, размякнут, их коричневые чешуйки раздвинутся, и из-под них развернутся зеленые листики и бело-розовые цветочки. Когда цветочки отцветут, то на их месте появятся маленькие зелененькие яблочки — *завязь*. За лето яблоки вырастут, пожелтеют, покраснеют,—и к осени вся яблоня уберется спелыми, сочными плодами. Когда зернышки в яблоках почернеют, значит, яблоки

поспели, и начнут они тогда сами валиться в траву. Яблоки оборвут и обтрясут; достанется и на нашу долю не одно вкусное яблоко. Осенью опять начнут листья желтеть и падать, а к зиме останутся на яблоне только новые коричневые *почки*, — надежда будущего года. Так живет дерево год за годом.

ЧАСТИ ЯБЛОНИ.

Хотя яблоня наша не говорит, не чувствует и не движется по своей воле, но, тем не менее, она растет, питается, приносит плоды, а потом стареется, сохнет и умирает. У яблони, как и у животного, есть различные органы: *корень*, *ствол*, *кора*, *листья*, *цветы и плоды*, так что яблоню, как и всякое другое растение, можно назвать *организмом*. (Почему камень нельзя назвать организмом?)

Разрез древесного ствола:
a) сердцевина, b) кора, c) луб, d) годовые слои древесины

Корень яблони растет, как и ствол, и разделяется так же на ветки; только корень растет не вверх, а вниз, нижними концами своих молоденьких корешков. Эти молоденькие кончики корней, *мочки*, копаясь в земле, сосут из нее питательную влагу, будто сотни маленьких ртов огромного дерева. Обрежьте эти тонкие кончики, — и дерево засохнет от недостатка пищи, хотя вы и не тронули самого корня. Вот почему, при пересадке дерева, садовник заботится более всего, чтобы не портить этих молоденьких корней.

Ствол. Если перепилить горизонтально ствол дерева, то можно видеть, что он весь состоит из множества тонких слоев, которые *концентрическими* кругами идут от сердцевины дерева к коре. Сколько кругов в стволе, столько лет прожило дерево; последний круг у самой коры, самый молодой и мягкий, называется *заболонью*.

Каждый год, пока дерево растет, прибавляется у него по одному кругу.

Кора одевает ствол, сучья и ветки. Она также состоит из нескольких частей. Внутренняя ее часть называется *лубом*. (Из липового луба делают мочало и короба.) На молоденьком дереве кора гладка, на старом шероховата. Если отдерем кору от дерева, то найдем под ней мягкий, почти жидкий слой: это сгустившийся *образовательный сок* дерева, из которого образуется к середине древесина и кнаружи кора.

Листок яблони прикреплен к веточке тоненьким *черешком;* от черешка, посредине листа, идет главная жилка, а от нее маленькие жилочки расходятся, как ветки, по всему листу. По краям листа — зубчики; верхняя сторона листа зеленого, а нижняя — сероватого цвета. Если ножичком проскоблим кожицу на листе, то увидим под ней сочную *мякоть*. Посмотрев на листок сквозь увеличительное стекло, откроем на нем маленькие отверстия, *устьица*, которыми дерево вдыхает воздух. И ему, как и нам, необходимо дышать.

Чем питается яблоня?

У яблони нет рта, которым она могла бы пережевывать твердую пищу, зато кончиками своих корней она очень хорошо может высасывать из земли влагу, в которой *распущены* разные питательные для яблони вещества, как распускается сахар в стакане чая.

Вот почему для всякого растения необходимо нужен дождь; без влаги оно не может *питаться*, не может высасывать из *сухой* земли тех веществ, которые ему нужны. Для яблони еще не беда, если дождик долго не идет. Корни яблони сидят глубоко в земле, где всегда сыро; но маленькая травка без дождя желтеет и вянет очень скоро, потому что ее коротенькие корешки не находят влаги в верхнем, высохшем слое земли.

Настанет весна, снег растает и напоит землю, и корни яблони потянут из земли питательные *соки*. Соки эти побегут вверх по корням, по стволу, по веткам, как

бежит вода вверх по куску сахара, когда вы обмокнете его в воду одним концом. Если весною пробуравить кору дерева, то из-под нее закаплет сок. Вы, вероятно, пробовали, как сладок сок клена и березы. Сок подымается вверх не по всему стволу дерева, а только по молодым, еще мягким его слоям. Вот почему иная старая верба еще зеленеет и дает каждый год новые ветки, хотя вся середина ее давно уже истлела и в ней образовалось большое дупло.

Поднявшись по стволу, по сучьям, по веткам, сок входит в листья, которыми дерево дышит, как мы дышим легкими. Часть воды из сока испаряется, и он становится от этого гуще. Кроме того, через *устьица* листьев древесный сок напитывается воздухом, берет из воздуха то, что дереву нужно, и отдает то, что для дерева лишнее, но необходимо для животных, также дышащих воздухом. Вот этим-то соком, высосанным из земли и изменившимся в листьях, и питается яблоня. Оборвите с яблони все листья, — и она не принесет вам плодов, да и сама перестанет расти, а если вы будете обрывать листья несколько лет сряду, то дерево и совсем зачахнет.

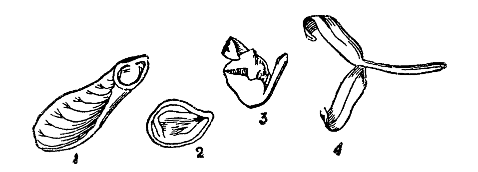
Из листьев уже готовый древесный сок, сгустившийся и отяжелевший, начинает спускаться опять вниз, и опять по веткам, сучьям и по стволу, пробираясь между корою и заболонью (самым молодым слоем дерева); и из него-то образуется та сочная *образовательная мякоть*, которую мы нашли под корою. Из этой-то мякоти и делается новый круг дерева и новый слой коры. Если вырезать на дереве кору кольцом, до самой древесины, то вверху этого надреза дерево будет расти попрежнему, а внизу рост его остановится, потому что соки, побывавшие в листьях, не могут уже сверху проходить вниз.

КЛЕНОВОЕ СЕМЕЧКО.

Старый роскошный клен растет у нас за домом; три человека едва могут обхватить его могучий ствол; тысячи ветвей подымаются на его толстых сучьях; под

тенью его бесчисленных лапчатых листьев, как под зеленой палаткой, обедаем мы в жаркие летние дни; в сильный дождь можно просидеть под этим зеленым навесом,— и разве несколько капель упадут на платье. Говорят, что этому дереву более ста лет, но знаете ли вы, из какого маленького семечка оно выросло?

Семечко это походило на крылышко мотылька, но в этом крылышке самое семечко занимало очень мало места. Семечко сидело, сросшись с другим таким же семечком, и крылышки были даны им недаром. Когда семечки созрели, ветер подхватил их под легкие крылышки

Прорастающее кленовое семечко *.

и отнес далеко от родимого дерева. Одно из этих семечек упало на этом самом месте, и вот из него-то, из этого крошечного семечка, выросло такое могучее дерево. Рассмотрим же чудное семечко.

В середине каждого кленового семечка спит малютка-зародыш, свернув два свои листочка и крошечный корешок.

Кто мог бы сказать, что этот зародыш, который надо рассматривать в увеличительное стекло, может превратиться в такое могучее дерево, как наш клен?

Упало семечко во влажную землю, размокло, *кожура* на нем лопнула,— и малютка-зародыш проснулся.

---

* 1 — один кленовый плодничок с крылом, в разрезанном семени виден зародыш; 2 — увеличенное семя в разрезе; свернутый зародыш в середине; 3 — отдельно зародыш с неразвернутыми зародышевыми листьями; 4 — зародыш, развернувший листики.

Он пустил беленький корешок вниз, а два первые листика выглянули наверх и позеленели. Как, однако, не похожи эти два мясистые *зародышевые листика* на будущие лапчатые листья клена. Но вот между зародышевых листиков выбежал кверху молоденький *стебелек* с крошечной почкой наверху, и почка эта раскрылась уже двумя лапчатыми кленовыми листочками. Растут эти новые листочки, а первые, зародышевые листики все худеют и, наконец, засыхают и отпадают. Они сделали свое дело: своими собственными соками кормили они малютку-растение, пока оно еще было слишком слабо, чтобы самому искать себе пищу в земле и воздухе. Укрепилось маленькое растеньице, стало питаться само, — и промежду новыми листочками появляется *новая почка*, выходит новый молодой *побег*, и на нем новые листики. И так, выгоняя побег за побегом, растет молодое деревцо, и через несколько лет тоненький стебелек превращается в толстый ствол, молодые побеги — в крепкие ветви, крепкие ветви — в толстые сучья с тысячами ветвей и на каждой-то ветке молодые побеги и на каждом-то побеге новые листья. Пройдет лет двадцать, — и дерево станет цвести и давать семена; пройдет сотня лет, — и люди целой семьей усядутся обедать под его широкими, бесчисленными листьями.

Прорастающий клен.

Великую же силу вложил творец в крошечное семечко, когда оно умеет из земли и воздуха сделать такое могучее дерево.

Если свесить семя репы, и потом самую репу, которая выросла из этого семени в какие-нибудь три месяца, то мы увидим, что репа в *миллион* раз весит более, чем весило самое семя. Весь этот материал высосало растение из воздуха листьями и из земли корешком. Не дремало же оно летом, хотя мы и не видали и не слыхали, как оно работало!

РАЗМНОЖЕНИЕ РАСТЕНИЙ.

Каким множеством разнообразнейших растений природа ежегодно украшает землю! На самом маленьком пространстве какое разнообразие видов и красок! Не менее можно удивляться быстроте, с которой природа закрывает растеньями каждое пустое место, кусок незанятого поля или заброшенной дороги, голую скалу, даже стены и кровли, и сеет траву и цветы, деревья и кустарники везде, где окажется хотя горсть плодородной земли. Мы видим это беспрестанно, но не обращаем внимания на это замечательное явление, потому что привыкли смотреть на него с детства. Величайшая мудрость создателя проявляется в самых простых и естественных явлениях, которых не замечают именно потому, что они так просты и естественны.

Большая часть растений обладает удивительною силой размножения. Растение, известное под именем табака, приносит ежегодно до 40 000 зернышек. Дуб живет более пятисот лет. Положим, что в это время он принесет желуди только 50 раз и даст каждый раз по 500 желудей, что составит 25 000 желудей, а из каждого может вырасти целое дерево. Если теперь предположить, что эти деревья также будут приносить желуди, а из желудей будут вырастать дубы, то скоро число дубов надобно будет считать сотнями миллионов. Такая сила размножения объясняет, откуда берется бесчисленное множество растений, покрывающих землю.

Если бы каждое зернышко, отделяясь от родимого растения, падало тут же на землю и оставалось лежать там, где упало, то под каждым растением набралась бы куча зерен и ни одно из них не могло бы пустить корней в землю и прорасти. Но бог своею премудростью устроил дела иначе. Многие зернышки, как только созреют, так и разносятся в разные стороны, они так малы и легки, что малейшее движение ветра уносит их далеко. Зернышки некоторых растений снабжены приметными перышками, которые помогают им летать. Такие перышки, или пух, бывают, например, на одуванчике, который дети любят раздувать, помогая, таким образом,

рассеянию его семян. Когда шишка сосны созреет вполне, то она трескается, и крылатые зерна рассыпаются из нее во все стороны. У степной травы, ковыля, к каждому острому зернышку прикреплен длинный, пушистый и легкий хвостик, и ветер несет созревший ковыль (*перекати-поле*) за сотни верст.

Когда осенью веют постоянные, сильные ветры, на которые мы часто жалуемся, то не должно забывать, что осенью именно созревают семена растений и что ветер делает то же самое, что и пахарь, когда он, выйдя на поле, раскидывает полною горстью семена ржи. Припомните также, что именно в это время дожди размачивают землю и делают ее способною принять в себя семена растений. Так все служит одно другому в великом создании божьем, и нельзя не видеть, что вся природа есть творение одного всеобъемлющего ума. Тот, кто повелел растениям производить семена, тот же посылает ветер, когда эти семена созреют, и дает дожди, чтобы растворить землю.

Но этого мало: многие птицы и животные способствуют, сами того не зная, размножению растений. У многих семян есть цепкие крючечки, которыми они прицепляются к животным, и даже к платьям людей, и рассеваются в самые отдаленные места. Другие семена так тверды, что остаются непереваренными в желудке птиц и таким образом появляется, например, вишневое дерево, где-нибудь на верхушке старой башни. Есть и такие семена, которые, попадая в реку, уносятся в море и остаются там до тех пор, пока их не прибьет к берегу, где они начинают прорастать. Конечно, множество семян пропадает даром, только удобряя землю (потому что ничто в природе совершенно даром не пропадает), множество служит пищей для животных и людей; но зато каждое растение приносит так много семян, что, если тысячная доля из них произрастет, то и того достаточно, чтобы покрыть землю растениями. Таким образом, все в природе — облака и дождь, ветер и буря, птицы и звери — содействуют распространению растений, повинуясь воле всемогущего создателя.

ПОЛЬЗА, ДОСТАВЛЯЕМАЯ ЧЕЛОВЕКУ ЖИВОТНЫМИ И РАСТЕНИЯМИ.

Человек как господин земли, данной ему в обладание, пользуется для удовлетворения своих потребностей и даже своих прихотей царством животным и растительным.

От животных мы получаем мясо, сало, ворвань, молоко, яйца, кожу, шерсть, щетину, кость, рога и копыта, пух, перья, китовый ус, жемчуг, перламутр, мед, шелк и некоторые другие предметы. Многие животные, не служа нам ни для пищи, ни для одежды, приносят удовольствие, например: соловьи, канарейки, попугаи; другие возят нас, третьи охраняют наш дом; многие служат нам, истребляя других вредных животных; но есть и такие, которые, сколько мы знаем, только вредны, как, например: ядовитые змеи, бесполезный, хотя величественный, лев, надоедающая муха и пр.

Царство растительное доставляет нам еще гораздо более пользы, чем царство животных. В *пищу* мы употребляем такое множество разнообразнейших растений, что перечесть их трудно. У одних растений мы съедаем плоды, каковы: яблони, груши, апельсины, ягоды и т. п. Другие нам служат своими цветами, например: артишоки, мясистой коронкой которых мы лакомимся; винные ягоды, у которых цветок скрывается внутри плода; роза, из душистых листьев которой варят варенье, и т. п. У третьих мы пользуемся семенами, таковы: пшеница, ячмень и все вообще хлебные растения; — конопля, лен, подсолнечник, из семян которых добывают различные масла. От четвертых идет нам в пищу сердцевина, как, например, сердцевина саговой пальмы, из которой делают саго. У пятых мы берем листья, как, например, у капусты, мяты, у чайного дерева, потому что, хотя иные чаи называются цветочными, но белые листики, которые мы замечаем между черными, вовсе не цветы, а только молодые, еще пушистые листочки того же чайного дерева. Шестые предлагают нам свой сок, например: сахарный тростник, береза, клен,

свекла, из сока которой также выделывают сахар. Седьмые дают нам свои луковицы, например: лук, чеснок, картофель. Восьмые — корни, например: морковь, свекла, репа и др., называемые потому *корнеплодными* растениями. Девятые служат нам всем своим телом, например, грибы. Мы уже не говорим здесь о лекарственном употреблении растений: растениям, идущим в лекарства, и числа нет.

Растения не только питают, но и одевают нас, таковы: лен, пенька, хлопчатобумажный кустарник, в плодниках которого, закрывая семена, вырастает белая, пушистая хлопчатая бумага. Многие растения доставляют краску, которой мы раскрашиваем наши ситцы, кисею, сукна, нашу мебель и стены домов.

Ветка чайного дерева.

Кроме пищи и одежды, растения дают нам материал для наших построек, для наших лодок и кораблей, для нашей мебели и для тысячи мелких вещей, которые мы употребляем: для бумаги, на которой мы пишем; для чернил, которыми мы пишем; только перья доставляют нам крикливые гуси.

Но всего этого мало: растения дают нам еще чистый воздух для дыхания; они берут из воздуха угольную кислоту, вредную для животного и человека, отделяют из нее для себя уголь и отсылают назад в воздух чистый кислород, без которого не может жить ни одно животное. Растения постоянно освежают воздух, который портится дыханием животных, животные, наоборот, вдыхая воздух, выдыхают угольную кислоту, необходимую растениям.

Растения кормят собой не только человека, но и все, что живет и дышит. Одни животные кормятся прямо растениями, а другие пожирают тех животных, которые кормились растениями, но все, что

живет, посредственно или непосредственно, кормится растениями. Лев разрывает маленькую серну, но серна выкормилась травою; орел терзает бедного зайчика, но зайчик выкормился корою молодых деревьев, листьями и зелеными стебельками овса; лиса лакомится курицею, а вкусное мясо курицы выработалось из хлебных зерен; бык и корова дают нам питательное мясо, но это мясо образовалось из травы и сена, переработанных в кровь в желудке животного. Крепкая, как сталь, слоновая кость выделывается из риса, листьев и травы, которыми кормится травоядный слон. Пчелка приносит нам мед, но она берет его из чашек тех же растений. Шелковичный червь прядет для нас шелковичную нитку, но материал, из которого выделывается эта нитка, — листья шелковичного дерева.

А сколько красоты придают растения нашей земле! Они прикрывают, оживляют и украшают те безжизненные камни, глины, пески, те безжизненные минералы, из которых состоит кора земного шара. Кто бывал в песчаной или каменистой пустыне, где на многие сотни верст вокруг нет ни деревца, ни травки, и потом вступит в более счастливую страну и, став посреди роскошного, яркозеленого луга, взглянет на волнующиеся поля, полные хлебных колосьев, на пестрые цветы, на тенистые рощи, в которых дышит прохладою, и на темные задумчивые леса, — тот невольно возблагодарит господа, создавшего землю и повелевшего ей облечься в роскошную растительную одежду.

КРЕМЕНЬ.

Все мы знаем, что кремень есть *камень*, и притом очень *твердый* камень, который трудно раздробить на части. Края кремня могут быть иногда так остры, что ими можно резать дерево и даже проводить черточки на стекле, которое нельзя разрезать ножом, а только самым твердым камнем — алмазом.

Кремень находят иногда очень большими кусками, которые бывают покрыты известковой корой. Цвета кре-

мень бывает различного: иногда серый, желтоватый, иногда совершенно белый, иногда черный, часто *дымчатый* с полосками. В тоненьких пластинках белый кремень очень прозрачен, и его, как мы узнаем после, употребляют для выделки прозрачного стекла; даже совершенно черный кремень и тот пропускает свет, когда полоски его тонки. Поверхность кремня гладка и блестит, если потереть кремень, то он издает особенный, ему свойственный, слабый запах. Вкуса кремень не имеет никакого, потому что не распускается в воде.

При ударе сталью о кремень выскакивают искры. Если несколько времени *высекать* искры стальным огнивом, то сталь сотрется, а если мы положим белый лист бумаги и над ним станем высекать огонь, то увидим на бумаге маленькие кусочки перегоревшей стали. Искра, следовательно, есть не что иное, как кусочек стали, раскалившейся докрасна от сильного удара по кремню. От сильного удара и трения не одна сталь нагревается. Две палки можно тереть одна о другую до того, что обе загорятся.

Если ударить несколько раз молотком по гвоздю, то можно ощущать осязанием, как шляпка гвоздя и молоток нагреваются. Неподмазанное колесо, при скорой езде, до того трется об ось, что из обоих идет дым, и оба могут загореться. Но чем тверже тела, тем от трения их происходит более тепла. Вот почему, чтобы высечь огонь, бьют по кремню не железом, а сталью, которая гораздо тверже железа.

Кремень, как и другие камни, выкапывается из земли, а потому и называется *ископаемым* телом.

ГЛИНА И ЧТО ИЗ НЕЕ ВЫДЕЛЫВАЕТСЯ.

Глина — такой необходимый, полезный для человека материал, что создатель щедро распространил его почти на всех местах земного шара. Глина составляет одну из главнейших частей той земли, по которой мы

ходим. По большей части она бывает с чем-нибудь смешана, в особенности с песком, и в чистом виде находится довольно редко. Она не прозрачна, не имеет такого блеска, которым отличаются железо, золото, медь и другие металлы, и той твердости, которою отличается кремень, булыжник и другие камни, хотя во многих камнях она бывает главною составной частью. Чаще всего попадается глина желтовато-серого цвета и реже глина голубая и белая.

Одно из главных свойств глины заключается в том, что она очень любит воду, жадно впитывает ее в себя и в смешении с водою делается мягкою и лепкою; а когда высохнет, т. е. когда вода от тепла превратится в пар и улетит в воздух, то глина твердеет, как камень, и даже трескается. Это свойство глины подало людям мысль приготовлять из нее кирпич, черепицу и различную посуду.

Кирпич из глины делают очень просто. Выбирают такое место, где поблизости можно было бы найти глину, песок и воду, и устраивают на нем кирпичный завод, состоящий из сарая с одной крышею без стен, для того, чтобы ветер мог под ним продувать свободно, и большой печи, в которой можно было бы обжигать кирпич. Возле сарая вырывают неглубокую яму, перемешивают глину, песок и воду или лопатами, или ногами, а иногда лошадьми, заставляя их топтаться в такой яме. После того накладывают глину в формы, вроде деревянных ящиков, открытых сверху; палкой снимают то, что оказывается лишним, и выкладывают из формы на доску уже сырой кирпич, или *сырец*, словом, делают почти то же, что и маленькие дети, когда они лепят из песка различные штуки, с тою только разницей, что формочки, наделанные детьми из песка, чем более высыхают, тем легче рассыпаются, а глина, напротив, чем становится суше, тем делается тверже. Налепив, таким образом, целую доску будущих кирпичей, раскладывают их осторожно под крышей сарая, где они не могут размокнуть от дождя и где в то же время их со всех сторон хорошо прохватывает ветром. Ис-

кусный и прилежный работник в один день может наработать таких, еще мягких кирпичей, более тысячи.

Давши хорошенько просохнуть кирпичам, их складывают потом на большую печь, которая устраивается так, что внизу есть у нее несколько топок, куда кладут дрова, а сверху на кирпичном дне, с отверстиями, пропускающими пламя, кладут в несколько рядов кирпичи ребрами так, чтобы между ними мог свободно проходить огонь. Затопив печи, понемногу начинают усиливать огонь, а когда увидят, что кирпичи уже достаточно обожжены, то также постепенно начинают уменьшать огонь, и, наконец, совершенно его тушат. От действия жара кирпич окончательно высыхает, делается красным, звонким и, сравнительно с сырцом, легким, потому что от него отделилась вода. Чем лучше обожжен кирпич, тем менее он напитывается водою и тем прочнее. Из кирпичей строят каменные дома, каменные мосты, церкви, из кирпичей выстроены громадные города, в которых живут миллионы людей.

Глиняную посуду лепить тоже не очень трудно, и вы скоро поймете это производство, если заглянете в мастерскую горшечника. Из особенной, тонкой белой глины, которая попадается очень редко, делают дорогую фарфоровую посуду. У нас хорошая фарфоровая глина находится в Черниговской губернии, в Глуховском уезде.

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ.

Соль есть единственный минерал, употребляемый человеком в пищу, в лекарствах же употребляются некоторые другие. Она не только улучшает вкус многих блюд, но полезна и даже необходима для здоровья; кроме того, солью же сохраняют в прок мясо, сало, рыб, птиц, грибы, огурцы и многие другие органические тела.

Какого цвета соль, — вы это знаете, но по цвету трудно отличить ее от сахара, зато по вкусу мы можем узнать везде присутствие соли. Соль совершенно распускается в воде, причем вода приобретает соленый вкус. Но вода не может распускать в себе сколько угодно соли, а только определенное количество, смотря по количеству самой воды, и, если переложить соли, то вода перестанет ее распускать, или, как говорится, *насытится* солью.

Распустив соль в воде, можно снова добыть ее оттуда: стоит только воду, насыщенную солью, кипятить до тех пор, пока вся вода, превращаясь постепенно в пар и улетая в воздух, выкипит; соль останется тогда на дне сосуда. Налейте соленой воды на плоское чайное блюдечко и поставьте его куда-нибудь на несколько дней: вода мало-помалу испарится, а на дне блюдечка появится множество маленьких шестигранных кристалликов, у которых все шесть площадок равны между собою и которые потому называются *кубиками*. Соляные кристаллы прозрачны и блестят.

Так как соль может быть в твердом и жидком виде, то ее добывают, или выкапывая из земли, как множество других камней и металлов, или доставая из вод, насыщенных солью, например, из озер, в которых соль оседает на дно кристаллами. Заметим, между прочим, что в море вода везде, хотя не в одинаковой степени, напитана солью; но в морской воде, кроме соли, есть и другие помеси, так что вкус этой воды горько-соленый, и она для питья не годится.

Твердую, каменную соль добывают у нас в Илецкой Защите (в Оренбургской губернии). Кроме того, у нас есть множество озер, в которых соль толстыми пластами оседает на дно, откуда ее и достают. Самое большое из таких озер, Эльтон, находится в Саратовской губернии. Есть у нас и соляные источники, вода которых приобретает соль, пробираясь в глубине земли между пластами каменной соли; из такой воды соль вываривается *в соляных варницах*.

СЕРА.

Желтая сера принадлежит также к минеральному царству и добывается из недр земли в чистом виде и в смешении с другими минералами. Она легко плавится, и не нужно большого огня, чтобы дать ей жидкий вид. При охлаждении сера, равно как и соль, принимает формы кристаллов, но только эти кристаллы уже не кубики, а две четырехсторонние пирамидки, сложенные основаниями. В воде сера не распускается и потому вкуса не имеет, но запах, хотя слабый, издает, особенно, если ее сильно потереть рукою. Ломается сера очень легко, в воде тонет, — следовательно, тяжелее воды, в огне сильно горит голубым пламенем и дает смрадные и удушливые пары, которые, попадая в легкие, возбуждают сильный кашель.

Сера употребляется в некоторых производствах: для серных спичек, для приготовления пороха, в котором она смешивается с селитрою и углем, а также и в лекарствах.

ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА.

Мы так привыкли пользоваться стеклом, что не можем себе представить, как жили люди, не зная его употребления. Без зеркал можно было бы еще обойтись; прекрасную стеклянную посуду можно было бы заменить глиняною, но чем заменить стекло в окнах, особенно в холодных странах, где необходимо иметь такие окна, которые бы, пропуская в комнату свет, не выпускали из нее тепла? А между тем лет двести тому назад, у нас в России, даже в городах, много было домов с оконницами из слюды,— камня, который весьма легко раздирается на тонкие прозрачные слои. У эскимосов и теперь, вместо стекол, употребляются куски льда; в землянке башкира часто в окнах бывает бумага, пропитанная постным маслом. Но слюда очень быстро портится от солнца, лед очень быстро тает, а пропитанная маслом бумага мало пропускает света, и потому все

эти материалы не могут вполне заменить собою стекла. В настоящее время употребление стекла до того уже распространено, что, кроме юрт дикарей, нет такой бедной избушки, в которой не было бы хотя несколько его кусочков. Но как же делается стекло? Вероятно, из каких-нибудь недорогих материалов, если оно по цене своей доступно всякому бедняку. Действительно, стекло делается из трех весьма дешевых веществ: песку или кремня, поташа и извести или мела. Из этих трех вещей нам менее всего известен *поташ*, потому что он не находится в природе в чистом виде, но приготовляется из золы. Песок берут самый мелкий и чистый, но, чтобы сделать его еще мельче, накаливают его в сильном огне, а потом бросают в холодную воду, отчего каждая песчинка трескается на несколько еще меньших кусочков. Все эти три вещества: песок, поташ и известь, кладутся в особенные печи, устраиваемые на стеклянных заводах, и действием сильнейшего жара превращаются в жидкую и прозрачную стеклянную массу.

Вы, вероятно, знаете, как выдуваются соломинкою мыльные пузыри: почти точно так же делается и стекло. Но для этого берется уже не соломинка, которая сгорела бы от жара жидкого стекла, а железная трубочка, обделанная с одного конца деревом, так, чтобы работник не мог обжечь себе губ. На один из концов этой трубочки набирают стеклянной жидкости, как дети набирают на соломинку жидкого мыла, чтобы выдуть мыльный пузырь, а в другой начинают дуть: тогда из жидкости образуется мягкий пузырь, которому не дают застыть и сделаться совершенно твердым, постоянно подогревая его в печи. Повертывая трубочку, то подымая ее вверх, то опуская вниз, дают стеклянному пузырю форму бутылки или графина, смотря по тому, что хотят приготовить. Для приготовления оконных стекол стараются сначала выдуть такую фигуру, которая, если ее обрезать сверху и снизу, походила бы на правильный *цилиндр*. Сбоку этого цилиндра проводят сначала черту холодною водою, а потом по этой черте проводят раскаленным железом, отчего цилиндр дает трещину в том са-

мом месте. Тогда его снова нагревают, меньше прежнего, и, осторожно развертывая в лист, выравнивают железным бруском. Таким образом приготовляются те прозрачные, гладкие пластинки, которые мы видим в окнах. Не легка эта работа: чтобы сделать простую бутыль, много должен поработать человек; но сколько должен поработать он, чтобы сделать гладкое, чистое и толстое зеркальное стекло в несколько аршин длиною и шириною!

ЖЕЛЕЗО.

Взяв в руки какую-нибудь железную вещь, мы легко убедимся, что железо — металл очень твердый. Но, спрашивается, как из такого твердого и вовсе негибкого металла приготовляют такие различные вещи? И действительно, очень было бы трудно давать железу разнообразные формы, если бы оно не имело свойства делаться мягким в сильном жару.

Всякий, вероятно, знает, как в огне легко разгорячается и раскаляется железо, причем и само оно делается красным, как огонь. Но если жар еще усилить, тогда железо начинает белеть, маленькие голубые искры отскакивают от него во все стороны, и оно делается до того мягким, что кузнец или слесарь, с помощью молотка и щипцов, делают из него все, что им угодно. Для того, чтобы сделать железо мягким, требуется сильный жар, и каждый, кто был в кузнице, вероятно, заметил, как кузнецы усиливают жар раскаленных угольев посредством больших раздувальных мехов. Если жар еще усилить, то железо начнет плавиться, т. е. превращаться в жидкость, но для этого жар должен быть страшно велик, потому что железо плавится трудно.

Если бы железо не имело этого последнего свойства, не могло плавиться, то мы имели бы очень мало железа, потому что в чистом виде оно почти никогда не находится в земле, откуда добывают как железо, так и все другие минералы.

Железо находят всегда в виде *руды*, т. е. в соединении с другими минералами: глиною, кремнем, серою.

Места, где выкапывают из земли железную руду, называются *железными рудниками*, а люди, занимающиеся добыванием как железа, так и других руд,— *рудокопами*. Накопав железной руды, которая иногда находится на большой глубине, а иногда лежит почти на поверхности, работники доставляют ее на *железные заводы*, где из этой руды добывают чугун, железо и сталь.

На железных заводах устроены большие *плавильные* печи, сажен по пяти вышиною, на толстых каменных стенах. В такую печь кидают железную руду вместе с угольями, известкой и глиной, которые помогают железу плавиться. Потом растапливают печь и до того увеличивают жар, что железная руда распускается. Расплавленное железо по своей тяжести опускается вниз и собирается в особенном, нарочно для того устроенном месте, откуда его выпускают в канавки, вырытые в песке, или в особенные глиняные формы. Железо в таком виде имеет в себе еще много угля, хрупко, темного цвета и называется *чугуном*. Из чугуна *выливаются* многие вещи: ядра, решетки, заслонки для печей, целые колонны, котлы и проч., но чугун хрупок и не имеет той *ковкости*, которою обладает железо. Заводы, на которых льют из чугуна различные вещи, называются *чугунолитейными заводами*.

Чтобы из хрупкого чугуна приготовить ковкое железо, должно чугун подвергать снова влиянию сильного жара и долго колотить тяжелым молотом, от этого чугун отделит от себя почти весь уголь, станет плотнее, словом, — сделается ковким железом. Первоначально железо приготовляется в форме больших полос и в таком виде называется полосовым железом. Из железных полос, которые повсюду развозятся заводом на продажу, кузнецы и слесаря приготовляют множество разнообразных вещей. Из чугуна же приготовляется также и сталь.

Хорошую сталь приготовить очень трудно: для этого снова раскаливают железо и соединяют его с углем, но в стали гораздо меньше угля, чем в чугуне: в чистом железе угля вовсе нет. Чистое железо, следо-

вательно, есть *тело простое*, чугун и сталь *тела сложные*.

Из стали делают такие вещи, в которых нужна особенная твердость, или упругость, как, например: иголки, острые сабли, бритвы, упругие часовые пружины, огнива, пилы и проч.

Железо в восемь раз тяжелее воды. Оно имеет свойство, лежа на воздухе и особенно в сыром месте или в воде, покрываться ржавчиною — красноватым хрупким веществом. Если кусок железа долго остается в сыром месте, то может весь превратиться в ржавчину и рассыпаться: так иногда ломается перержавевшая петля на двери или перержавевший ключ в замке.

Железо — самый полезный из металлов. Из него приготовляются тысячи самых необходимых вещей: топоры, сохи, оружие, подковы, замки, цепи, болты, петли и проч., из него же делают различные машины, пароходы, рельсы для железных дорог. Подумайте только, как необходим для человека даже простой железный гвоздь, и вы поймете, что если бы творец не создал железа и не распространил его по всей земле в таком огромном количестве, то люди никогда не достигли бы нынешней степени образования. Если горсть испанцев побеждала сотни тысяч первобытных жителей Америки, то это, главным образом, потому, что американцы не знали употребления железа: с топорами и копьями, сделанными из костей и кремней, трудно сражаться против людей, вооруженных стальными мечами.

Железная руда, добываемая в виде камней, нередко имеет свойство притягивать железо и намагничивать стальные полоски, такая руда называется *магнитным* камнем.

МЕДЬ.

По твердости своей и по блеску, который называется вообще металлическим блеском, медь имеет много сходного с железом, но отличается от него совершенно своим желто-красным цветом. В наших медных деньгах медь

сплавлена с чугуном и потому гораздо темней той, из которой делаются самовары, кухонная посуда, дверные ручки и прочие блестящие вещи. Медь тверже свинца и олова, но мягче железа, зато она легче его плавится и тянется, почему из нее удобнее делать различные тонкие вещи. В сыром воздухе, в соленой и кислой воде медь покрывается особенною яркою зеленью, эта зелень, называемая *ярью*, или *медянкою*, очень ядовита. Вот почему самовары, кастрюли и другую медную посуду, назначенную для приготовления пищи или питья, покрывают внутри *полудою*, т. е. слоем олова. Медь легко распускается в различных кислых и крепких жидкостях (кислотах) и тогда дает прекрасную зеленую или синюю краску, употребляемую в различных производствах. Иногда такою краскою покрывают обои, но обивать комнаты такими обоями очень вредно для здоровья.

Медь имеет еще одно драгоценное свойство — легко соединяться с другими металлами. Пользуясь этим свойством, приготовляют из меди бронзу, томпак, новое серебро и другие *искусственные металлы*. Медь издает очень приятный звук, почему из меди льют колокола, но чтобы звук был еще чище, прибавляют к ней серебра. Из меди также льются пушки, тогда как ружья делаются из железа, ядра — из чугуна, а пули — из свинца. Так как медь гораздо мягче стали, то на отполированной медной пластинке вырезают острым стальным резцом различные изображения, наполнив же эти углубления особенною черною краскою, отпечатывают на бумаге различные гравюры.

В чистом виде медь, хотя и находится в горах, но редко, чаще ее находят в виде медной руды, в соединении с другими минералами, и тогда должно ее отделять; причем поступают почти так же, как и при обработке железа. Меди находят гораздо менее, чем железа, и добывать ее труднее, а потому она и гораздо дороже.

ЗОЛОТО.

Золото по редкости своей, по прекрасному цвету, сильному блеску и потому, что почти никогда не находится в соединении с другими металлами и никогда не ржавеет, заслуживает вполне название *благородного* металла. Свойство золота никогда не ржаветь подало мысль покрыть им главы церквей, которые, оставаясь постоянно на воздухе и под дождем, тем не менее блестят ярко до тех пор, пока остается на них позолота.

Золото в девятнадцать раз тяжелее воды, следовательно, гораздо тяжелее железа. В чистом виде оно очень мягкое, а потому, если хотят из него сделать какую-нибудь вещь, то примешивают к нему медь или серебро. Расплавленное золото имеет зеленый блеск. Оно очень сильно тянется, из одного червонца можно выковать такой тонкий лист золота, что этим листом легко покрыть и лошадь и всадника. Оно раз в пятнадцать дороже серебра, и за фунт золота можно приобрести пятнадцать фунтов серебра.

Золото находят всегда в чистом виде, но по большей части очень маленькими кусочками; впрочем в России находили иногда куски пуда в два весу, но такие куски, называемые *самородками*, попадаются редко. Чаще же всего находят золото или в камнях маленькими крапинками, —тогда нужно разбить камень на мелкие кусочки, чтобы добыть из него золото, — или крошечными зернышками и блестками в песке, и тогда должно долго промывать песок, чтобы отделить от него благородный металл. Когда камень от действия воды и воздуха рассыпается в песок, тогда и золото из него освобождается. Вот почему золото находят большей частью на дне высохших рек, которые вынесли его вместе с песком из гор. Такие места, где находится золото в песке, называются *золотыми россыпями*. Золотых россыпей много в Калифорнии, Австралии и у нас в Сибири. Но не всякий золотоносный песок стоит промывать, потому что в ином золота слишком мало.

Из золота делают монету и различные драгоценные вещи; им же позолачивают другие металлы.

РТУТЬ.

Ртуть есть единственный металл, встречающийся в природе в жидком виде: капельками в различных камнях, особенно в известковых. Ртуть блестит, как серебро, и, по подвижности своих частичек, называется иногда живым серебром. Она в тринадцать раз тяжелее воды, следовательно, гораздо тяжелее железа. Вот почему железо в ртути не тонет, тогда как очень быстро тонет в воде. Частички ртути гораздо слабее связаны одна с другою, чем частички железа, но гораздо плотнее, чем частички воды. Бросьте на пол ложку ртути, — и она вся рассыплется серебристыми шариками, а не расплещется, как вода.

При сильном жаре ртуть кипит и превращается в пары.

Для добывания ртути из камней, в которых она находится в виде маленьких капель, камни толкут в порошок и порошок этот сыплют в железные кувшины, которые, закупорив плотно, ставят на жар. При этом ртуть превращается в пары и по трубочке, приделанной в крышке кувшина, переходит в другой сосуд, где охлаждается и сгущается.

Ртуть очень равномерно сжимается от холода и расширяется от тепла; по этому свойству ее употребляют для инструментов, называемых термометрами, которые служат для определения степени теплоты и холода. По причине сильного блеска ртути, отчего в ней все предметы ясно отражаются, она идет также для подкладки под зеркальные стекла. На ровном столе расстилают тонкий оловянный лист, намазывают на него ртуть, а сверху кладут стекло.

Кроме этого, ртуть употребляется при позолоте различных вещей. Для этого смешивают ее с золотом, отчего получается густая масса, которою натирают позолоченную вещь и потом сильно ее нагревают; ртуть превращается в пары, а золото остается на поверхности нагреваемой вещи в виде тонкого слоя. Такая позолота называется позолотою через огонь.

ВОДА.

Вода есть тело жидкое, т. е. такое, частицы которого так неплотно связаны между собою, что беспрестанно стремятся разойтись—разделиться, не могут держаться одна на другой, если их не подпереть с боков; поэтому-то воду, как и всякую другую жидкость, держат в сосудах. Однакоже, если вода находится в очень маленьком количестве, в виде капельки, то частицы ее могут еще держаться друг за друга, так что иная капелька долго дрожит на веточке растения, пока ветер не сбросит ее на землю: по этому свойству воду называют жидкостью *капельною*. Частицы воздуха держатся еще слабее друг за друга, чем частицы воды, и беспрестанно стремятся разойтись, отчего воздух не может держаться в виде капель, как вода.

Вода, как мы знаем, имеет свойство распускать в себе многие тела: соль, сахар, известку, остатки растений, животных и проч. Но так как вода, протекая в реках, озерах, пробираясь внутри земли или собираясь в колодцах, постоянно соприкасается с какими-нибудь телами, то в природе чистой воды вовсе нет; чище прочих вода дождевая и снеговая. Вода, заключающая в себе известь, называется известковою: она жестка, и мыло распускается в ней очень трудно. Вода морская имеет горько-соленый вкус от присутствия в ней различных солей. В некоторых реках вода наполнена органическими остатками, и такая вода скоро, как говорят, загнивает, издает запах и вредна для питья; но это гниет не вода, а находящиеся в ней органические частицы, чистая же вода везде одна и та же и не может гнить и портиться. В минеральных источниках вода приобретает вкус, запах, а иногда и цвет тех минералов, между которыми она пробиралась в земле, прежде чем вышла наружу в виде источника. Если воду очистить совершенно от всякой посторонней примеси, то она является жидкостью очень прозрачною, не имеет никакого определенного цвета, ни запаха, ни вкуса.

Всякий знает, что вода не всегда остается в жидком виде: на морозе она превращается в лед, а на

раскаленной плите — в пар. Из этого явления можем заключить, что вода, под влиянием тепла и холода, изменяет свой вид. Если налить воды в горшок и долго кипятить ее, то она мало-помалу вся выкипит. Куда же она делась? Превратилась в пары и улетела в воздух. Частицы воды, которые и так не очень плотно держались друг за друга, от теплоты еще более расходятся, так что вода в этом состоянии становится менее плотною, чем воздух, делается легче и подымается вверх. Чтобы убедиться, что вода не пропала без следа, а превратилась в пар и находится в воздухе, стоит только подержать над кастрюлькой, из которой идет пар, холодное блюдечко, и вы заметите, что на блюдечке скоро появятся капли воды. Откуда же взялись эти капли? Это те же пары воды: прикоснувшись к холодному блюдечку, они охладели, сгустились и превратились в капли.

Но не нужно нагревать воду, чтобы она превратилась в пар. Намочите платок и повесьте его даже в холодной комнате: через несколько времени вы заметите, что платок высох, т. е. вода из него испарилась, хотя вы пару и не видали. Но не видали вы его потому, что, вылетая из холодного платка в холодную же комнату, частицы воды охлаждались медленно, тогда как, выходя из горячей кастрюльки и попадая прямо в холодный воздух, они охлаждались очень быстро и превращались в маленькие капельки, собрание которых мы называем паром. Вот почему зимою мы видим, как идет пар от вспотевшей лошади, а летом мы этого пара не видим, хотя, конечно, лошадь летом потеет еще больше, чем зимою.

Таким образом, мы находим одну и ту же воду, при различной степени тепла и холода (температуры), в четырех различных видах: в виде льда, в виде жидкости, в виде пара или крошечных капель и в виде воздухообразном, или в виде *газа*, когда воды мы уже видеть не можем, хотя легко можем открыть ее присутствие. Внесите холодный кусок стекла (или какого-нибудь металла) в теплую комнату, — и вы увидите, что стекло запотеет, т. е. на нем появится вода. Откуда же

взялась эта вода? Из воздуха, где она была невидима, как самый воздух. Прикасаясь к холодному стеклу, она охладилась и превратилась в капли, как и тогда, когда мы держали холодное блюдечко над *видимыми* парами.

Не одна только вода имеет свойство под влиянием теплоты переходить из твердого состояния в жидкое, из жидкого в пары и из паров в состояние воздухообразное, или, как его еще иначе называют, *газообразное*. Мы знаем, что воск от теплоты делается жидким, железо точно так же при сильном жаре из твердого делается мягким, потом жидким; золото не только можно сделать жидким, но даже превратить в пар и газ. Жидкая ртуть при сильном морозе так замерзает, что ее можно ковать, как серебро; но если кипятить ртуть, то она превращается в пары, очень вредные для здоровья. Подвергая различные тела влиянию жара, физики (такие ученые люди, которые изучают свойства тел) убедились, что всякое тело от теплоты расширяется, а от холода сжимается. Но что значит: тело расширяется? Это значит, что тело занимает больше места, чем занимало прежде, не изменяясь в весе. Возьмите губку в один фунт весом и сожмите ее в руках: вес в ней останется тот же самый, но она будет занимать менее места; перестаньте сжимать губку, — и она опять распустится и займет прежнее место, но весу в ней от этого не прибудет. Стакан расплавленного свинца весит меньше, чем такой же стакан плотного свинца; масло, замерзая в бутылке, видимо уменьшается в объеме и т. д. Вот почему кусок плотного свинца потонет в свинце растопленном, и кусок твердого воску — в растопленном воске.

Исключение из этого общего правила составляет вода: стакан льда весит меньше, чем стакан воды; и если вы нальете водою бутылку до самых краев и, закупорив, поставите на мороз, то бутылка лопнет: лед занимает более места, чем занимала вода, из которой он сделался. Вот почему лед легче воды; а так как он легче воды, то плавает на ней, а не тонет. Если вы станете замораживать масло и воду в двух бутылках, то уви-

дите, что масло начнет застывать снизу, а вода, наоборот, станет застывать сверху. Этому удивительному свойству воды мы обязаны тем, что наши реки и озера зимою покрываются льдом только сверху, а внизу не замерзают, что дает возможность рыбам жить в воде и зимою: ледяная кора еще защищает воду от дальнейшего охлаждения. Если бы вода, как и все прочие тела, замерзая, сжималась, а не расширялась, то наши реки и озера зимою начали бы замерзать снизу, как масло в бутылке; вся вода превратилась бы в сплошную массу льда, и все водяные животные погибли бы зимою.

Мы не ошибемся назвать воду жидким минералом, но ее, равно как и воздух, чаще называют *стихией*.

ВОЗДУХ.

Положим на стол маленькое перышко и махнем на него развернутой книгой. Мы не дотронулись до пера: отчего же оно слетело на пол? Испугаться оно, конечно, не могло, потому что перо предмет *неодушевленный*. Между перышком и книгою, которою мы махнули, должно быть, есть-какое-нибудь третье тело, хотя мы его и не видим. Это третье невидимое нами тело, которое мы привели в движение книгою и которое в свою очередь двинуло перышко, называется *воздухом*.

Если мы опустим на воду, налитую в тарелку, бумажный кораблик и, не дотрагиваясь до кораблика, станем чем-нибудь волновать воду, то кораблик закачается и запрыгает. В этом явлении мы видим предмет, заставляющий прыгать кораблик, но хотя мы и не видали, что такое мы взволновали книгою, однако, зная наверное, что перышко не могло подвинуться само собою, мы убеждены, что взволновали какое-то невидимое тело. Когда воздух движется очень сильно, то развевает наше платье, срывает с нас фуражку, мешает нам идти, упираясь в наше тело. Мы видим, как ветер несет пыль, листья и множество легких предметов, но самого ветра мы не видим, хотя очень хорошо ощущаем его осязанием. Когда же осенью ветер воет и

свищет в трубе, то мы знаем, что это воет и свищет движущийся воздух. Махнув сильно палкою, мы слышим легкий свист: это свистит, конечно, не палка, а воздух, рассекаемый палкою. Поведя палкою по воде, мы тоже услышим звуки воды. Таким образом, не видя воздуха, мы тем не менее узнаем о его существовании посредством других наших внешних чувств: осязания и слуха. Но отчего же мы не видим воздуха? Если в окне вставлено очень чистое и прозрачное стекло, то нам кажется тогда, что стекла вовсе нет, и мы должны дотронуться до него, чтобы убедиться в его существовании. Мы не видим стекла, потому что оно очень прозрачно: воздух еще прозрачнее стекла. Однакоже, если слой воздуха очень уже толст, то его можно видеть: он получает синий цвет; точно так же получает цвет и вода, когда ее много. Голубое небо, расстилающееся над нашею головою, есть не что иное, как слой воздуха верст в пятьдесят толщиною, сквозь который мы видим небесные светила. Воздух, окружающий землю, называется *атмосферою*.

Не видя воздуха, мы не можем видеть его свойств, а должны узнавать их посредством опытов, наблюдая, как он действует на другие тела, например, на воду. Возьмем пустой стакан и глубокую чашку, наполненную водою, повернем стакан отверстием к поверхности воды и станем понемногу опускать его в воду. Мы увидим, что вода наполнит только небольшую часть стакана, а дальше не пойдет, хотя мы опустили бы весь стакан в воду. Что же мешает воде войти в стакан? В стакане не могло ничего быть другого, кроме воздуха, следовательно, воздух есть *тело*, которое занимает свое определенное место в стакане и не уступает этого места воде. Опуская стакан в воду, мы чувствуем, как он упирается. Это упирается не стакан, а воздух, который в стакане: наклоним стакан — и увидим, как он сам опустится и потонет. Это потому, что воздух вышел из стакана, и мы даже видим и слышим, как он выходит из воды большими пузырями, которые, достигнув поверхности, лопаются с шумом.

Опустим стакан в чашку с водою горизонтально, так, чтобы он весь наполнился водою, и потом, повернув стакан в воде вертикально, подымем его из воды, так однако, чтобы края его все еще оставались в воде; мы вытащим не только стакан, но и воду, вместе со стаканом. Отчего же вода остается в стакане и не падает вниз? Оттого, что воздух тяжестью своей давит на поверхность воды в чашке и вода уходит в стакан, где воздуха нет, потому что он был вытеснен оттуда водою. Высосите из какой-нибудь плотной трубочки воздух и потом, не позволяя воздуху в нее проникнуть, опустите ее одним концом в воду; как только вы откроете конец трубочки, находящейся в воде, так вода быстро подымается в трубку. Что же ее погонит туда?

Воздух, следовательно, есть тело прозрачное, имеющее тяжесть, но тяжесть эта незначительна, по крайней мере, мы можем убедиться, что воздух гораздо легче воды. Заткнем пустую бутылку пробкой, и мы увидим, что она не потонет; наполним ее водою, — и она немедленно пойдет ко дну: значит, бутылка с водою тяжелее бутылки с одним воздухом.

Кто не знает маленьких бузинных пистолетов, которыми так любят играть дети? Но думали ли вы, почему пробка выскакивает из такого пистолета прежде, чем до нее мы дотронемся палочкой? Потому, что между этой палочкой, плотно прилегающей к стенкам бузинной трубки, и пробкой есть третье тело, которое, когда мы его давим, выдавливает пробку. Двигая поршень взад и вперед, прежде чем пробка выскочит, мы ощущаем, что в трубочке что-то упирается: точно какая-нибудь пружина лежит между поршнем и пробкой. Это свойство тела сжиматься, когда его давят, и опять расширяться, когда его перестают давить, называется *упругостью*. Воздух очень упруг.

Если из обыкновенного пузыря вытеснить воздух, то пузырь съежится и, не впуская в него воздуха, нам никак не удастся снова дать пузырю шарообразную форму. Что же такое сжимает пузырь? Внешний воздух, который теснит его со всех сторон, а внутри пузыря

воздуха нет и упираться нечему. Впустим в пузырь *немножко* холодного воздуха, завяжем отверстие пузыря крепко-накрепко и положим его у затопленной печи: пузырь мало-помалу раздуется и, если мы не примем его во-время, — лопнет. Воздух не мог проникнуть в пузырь, следовательно, тот воздух, который мы впустили, нагрелся и от теплоты расширился, следовательно, воздух, как и всякое другое тело, от теплоты расширяется, а от холода сжимается. Зимою воздух холоден и густ, летом тепел и редок. Теплый воздух легче холодного и должен подыматься вверх: если легкий и большой шар наполнить очень теплым воздухом, то шар может полететь в холодном воздухе.

Но и без нагревания воздух стремится постоянно расширяться во все стороны: невидимые частички его стремятся беспрестанно разлететься, и если пузырь с небольшим количеством воздуха положить в безвоздушное пространство, то он быстро надуется и даже может лопнуть. Вода стремится *разлиться по земле*, воздух стремится *разлететься во все стороны*, вот почему воздух и другие тела, имеющие то же свойство, уже не называют жидкостями, а *газами*. Частички воды только плохо соединены друг с другом, частички газа стремятся одна от другой разлететься во все стороны. Так разлетаются и частички воды, но тогда только, когда вода подымется в виде газа. Понятно само собою, что воздух и все газы должны быть гораздо легче воды.

Если бы из комнаты, в которой мы теперь находимся, исчез весь воздух, то мы страшно почувствовали бы его отсутствие. Воздух необходим для дыхания всем животным, даже и рыбам, хотя они живут в воде. Если пустить рыбу в чан с водою и закрыть его плотно, так чтобы воздух к воде не прикасался, то рыба издохнет, хотя у нее будет довольно воды. Вы, вероятно, заметили, что, когда вода кипит, то на поверхности ее беспрестанно подымаются и лопаются пузыри: это вырывается воздух, выгоняемый жаром из воды. Если в воду, хотя и холодную, но которая долго кипела, опустить рыбу, то она издохнет, потому что в такой выкипяченной воде

не будет воздуха. Крот, роясь в своей норе, и червяк, закапываясь глубоко в землю, продолжают дышать. Где ни бывали люди, на высоких горах, и в глубоких пещерах, везде они находили воздух. Из этого мы заключаем, что воздух окружает землю, как море, и на дне этого воздушного моря мы расхаживаем, как плавают рыбы в воде; воздух проникает даже в воду и отчасти в землю. Возблагодарим же создателя, который с такою щедростью окружил землю этой драгоценной стихией, без которой мы погибли бы скорее, чем без хлеба и воды.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОДЫ.

Любопытно бы знать, откуда появляется вода в колодцах, ручьях, озерах и реках, из которых она вечно течет и никак не может вытечь, и, наконец, в огромных морях и океанах? Вода падает из облаков на землю в виде дождя или росы, просачивается внутрь земли, откуда вновь появляется в виде ключей, наполняющих колодцы и ручьи; ручьи текут в маленькие речки, маленькие речки в большие реки, а большие реки в моря. Но откуда же берется вода в облаках? Она подымается туда невидимо водяным паром от сырой земли, от влажных лугов, от луж, озер, рек и от самого моря, скопляется наверху в виде облаков и снова падает оттуда каплями. Так странствует беспрестанно вода между небом и землей, и этот постоянный оборот воды очень важен для людей, растений и животных: без воды ни растения, ни животные не могли бы существовать, а без животных, растений и воды не могли бы жить и люди.

ДОЖДЬ.

Мы знаем уже, что вода изменяет свой вид под влиянием теплоты: лед превращается в жидкость, а жидкость в пар; знаем также, что не нужно слишком большого тепла, чтобы вода испарялась: платок, намоченный водою, высыхает и на морозе; кусок льда даже и на

морозе уменьшается в объеме,— испаряется, хотя не так быстро, как на горячей плите. Нам известно также, почему иногда мы не видим испаряющейся воды и почему зимою видно, как пар валит клубами от разгоряченной лошади, а летом этого не видать, хотя лошадь потеет летом еще более, чем зимою. Припомнив все эти явления, мы легко объясним себе, как вода подымается с земли в атмосферу в виде пара и ниспадает оттуда на землю в виде множества капель, или дождя.

Когда воздух холоднее поверхности земли или воды, то видно даже, как реки, озера, моря, болота и влажные луга испаряются. Такие видимые испарения называются *туманами* и бывают иногда так густы, что в нескольких шагах нельзя рассмотреть человека. Но вода испаряется всегда, хотя мы не всегда видим эти испарения, и опытами доказано, что в воздухе всегда, как бы он сух нам ни казался, находятся пары воды. (Припомните опыт с холодным стаканом, внесенным в теплую комнату.)

Если пары, носящиеся высоко в воздухе, становятся для нас видимыми, то мы называем их облаками. Облака отличаются от тумана только тем, что они носятся в высших слоях атмосферы. Невидимые часто внизу, пары становятся видимыми наверху, потому, что чем дальше от земли слои воздуха, тем они холоднее. Земля как тело плотное и непрозрачное гораздо долее сохраняет тепло, получаемое ею от солнечных лучей, чем воздух: и чем реже воздух, тем менее он нагревается*. Но понятно, что воздух, чем выше, тем реже. Если положить несколько стоп бумаги одна на другую, то нижние листы будут сдавлены гораздо более, чем верхние; точно так же и нижние слои атмосферного воздуха более стиснуты и, следовательно, гуще, чем верхние. Вот почему невидимые испарения земли, подымаясь в верхние слои воздуха, становятся видимыми, делаются облаками.

* Всякое прозрачное тело, пропуская сквозь себя лучи света, нагревается ими гораздо менее непрозрачного. Солнечные лучи проходят сквозь стекла окон в комнату и, отражаясь от ее стен, сильно нагревают ее, а между тем само стекло нагревается очень мало.

Люди, всходившие на высокие горы, вершины которых выше облаков, убедились, что облака не более, как туман. Тот же самый холод, который превращает невидимые пары в видимые облака, превращает и облака из парообразного тумана в капли дождя. Если на облако, плавающее в воздухе, повеет холодным ветром, то пары, составляющие облако, сгустятся, превратятся в капли и, сделавшись тяжелее воздуха, станут падать на землю дождем.

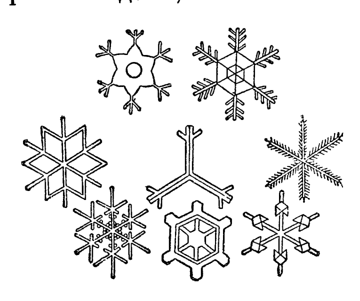
Облака могут находиться на различной высоте. Самые высокие, верстах в семи или восьми от земли, представляются нам легкими, серебристыми, будто составленными из белых перышек; а потому и называются *перистыми* облаками. На такой высоте очень холодно, в чем убедились люди, всходившие на высокие горы или подымавшиеся в воздушных шарах; и потому перистые облака, вероятно, состоят из замерзших пузырьков или ледяных кристалликов. Такие высокие, легкие облака могут ходить долго, не превращаясь в дождь, и вообще замечено, что перистые облака предвещают хорошую погоду. Когда же паров в воздухе набирается больше, тогда облака становятся тяжелее и опускаются ниже, собираются в большие кучи, похожие на скалы, крепости, башни, и бегут быстро по направлению ветра: понятно, что такие *кучевые* облака предсказывают дождь.

Не во всех странах земного шара выпадает одинаковое количество дождя, да и дождь не равен дождю. В Петербурге почти целую треть года бывают дождливые дни, но это еще не значит, чтобы Петербург был самое дождливое место на земном шаре. В странах жарких, но близких к морю, дождь хотя идет редко, да метко: в несколько минут наливает он столько воды, сколько не налить нашему мелкому дождику за целую неделю. Но есть такие жаркие, сухие степные места, вдалеке от моря и больших рек, где почти никогда не падает дождь. Растения в таких местах засыхают, почва трескается от жары, птицы, звери и насекомые или уходят, или погибают. Такие места находятся в середине Африки и в некоторых странах Азии. Есть и такие стра-

ны на земле, где проливной дождь идет несколько месяцев сряду, а потом несколько месяцев нет его ни капли. Такие дожди называются *периодическими* и зависят от таких же периодических ветров, которые несколько месяцев сряду дуют в одном направлении, принося пары воды, и потом столько же времени в другом, унося их прочь.

РОСА, ИНЕЙ, СНЕГ И ГРАД.

Ночью, когда солнце зайдет, поверхность земли, нагретая за день, начинает холодеть, потому что теплота ее уходит в воздух. Когда же земля станет холоднее воздуха, то на поверхности ее начинает собираться в капли тот невидимый водяной пар, который до того времени находился в воздухе, точно так же, как на стенках холодного стакана собираются капли воды, когда мы внесем его в теплую комнату. Капли эти, называемые росою, появляются на траве и на деревьях обыкновенно к утру, когда земля наиболее охладеет. Они блестят на солнышке и остаются довольно долго, пока, наконец, не высохнут, т. е. опять не превратятся в невидимый водяной пар. Во время засухи, когда земля ждет и не дождется дождя, роса, хотя немного, освежает растительность, жаждущую влаги.

Осенью, когда земля в продолжение ночи становится до того холодна, что небольшие частицы воды, дотронувшись до нее, могут превратиться в лед, роса, образовавшаяся на земле, на охладевшей крыше дома, на заборе или листьях дерева, превращается в *иней*, и мы, проснувшись поутру, после холодной, долгой сентябрьской или октябрьской ночи, замечаем, что земля, трава, листья, заборы и крыши побелели. Но поднявшее-

ся солнышко скоро снова превращает иней в росу, а росу в невидимый пар.

Если капли дождя падают на землю сквозь воздух, который холоднее облаков, то эти капли на пути уже замерзают и превращаются в кусочки твердого льда, или град; итак, мы можем сказать, что град есть замерзнувший дождь. Град бывает иногда очень крупен и идет даже посреди самого жаркого лета, если ветер вдруг охладит воздух, не успев охладить облаков. В Южной Америке бывает иногда град величиною с порядочное яйцо, и тогда он убивает не только птиц, но даже больших зверей.

Если облако, из которого готовится идти дождь, само очень охладеет, тогда водяные пары, составляющие его, превращаются в красивые снежинки — маленькие ледяные кристаллики, состоящие из крошечных кусочков льда, расположившихся симметрически вокруг общего центра. Снежинки очень разнообразны и иногда представляют собою весьма красивые звездочки.

ВЕТЕР.

Ваня стоял у окна и смотрел, как по осеннему небу быстро неслись, одно за другим, тяжелые свинцовые облака. Отец Вани сидел у камина и читал книгу.

— Скажи мне, папаша, — спросил Ваня: — отчего так бегут облака? Я спросил об этом у Федора, и он сказал мне, что облака гонит ветер. «А ветер же отчего?» — спросил я: — «ветер от облаков», — отвечал мне Федор. Я как-то этого не понимаю: ветер гонит облака, а облака гонят ветер.

— Ты напрасно спрашивал об этом у Федора, — сказал отец Вани, улыбнувшись: — спроси у него, как надобно закладывать лошадь, и он расскажет тебе это очень хорошо; у каждого надобно спрашивать о том, что он может знать. Если ты хочешь, я объясню тебе, отчего идут облака и дует ветер. Холодно ли у нас в передней?

— О, да! очень холодно, — отвечал Ваня: — гораздо холоднее, чем здесь.

— Это-то нам и нужно, — продолжал отец: — замечай же внимательно, что я буду делать, слушай, что буду объяснять, и спрашивай, если чего-нибудь не поймешь.

Сказав это, отец встал, зажег свечу, приотворил немного дверь, так что образовалась узкая и длинная щель из кабинета в переднюю, и поднес свечу сначала к низу щели; пламя свечи сильно нагнулось по направлению от передней к кабинету.

— Куда теперь дует ветер? спросил отец.

— Из передней в кабинет, — отвечал Ваня.

Отец поднял тогда свечу к верху щели, — и пламя сильно пошатнулось в противоположную сторону, по направлению из кабинета в переднюю.

— Теперь ветер дует из кабинета в переднюю, — сказал Ваня, не дождавшись отцовского вопроса.

Повторив этот опыт еще раза два, отец Вани затворил дверь, из которой сильно дуло в ноги, поставил свечу на стол и начал:

— Теперь ты видел, что в растворенную дверь внизу дует ветер из холодной передней в теплый кабинет, а наверху, наоборот, из теплого кабинета в холодную переднюю. Постараемся же объяснить себе, отчего это делается. Ты слыхал уже, что воздух, как всякое тело, от холода сжимается, становится гуще и, следовательно, тяжелее и, наоборот, от тепла расширяется, становится реже и легче. Ты знаешь также, что всякое тело, которое тяжелее воды, тонет в ней, а то, которое легче воды, подымается вверх; то же самое делается в воздухе, во всякой жидкости и во всяком газе. Чем воздух гуще, тем он тяжелее и тем сильнее жмется к земле; чем воздух теплее, тем он более стремится подняться вверх. Тяжелый же и легкий воздух, соединившись, всегда стремятся уравновеситься: тяжелый занять место внизу, а легкий вверху. Таким образом, между теплым воздухом кабинета и холодным передней установились два *течения* воздуха: одно вверху, другое, обратное —

внизу. Это-то течение, или стремление воздуха и называется ветром. На земном шаре так же, как и в нашем доме, не все места одинаково теплы и одинаково холодны. Ты, вероятно, слыхал, что в то время, когда у нас бывает зима, в другом месте, противоположном нашему, стоит самое жаркое лето. Ты, вероятно, знаешь также, что есть страны, где солнце круглый год подымается почти отвесно над головою и никогда не бывает зимы, и другие, где зима царствует большую часть года. Кроме того, ты, вероятно, замечал, что песок или камень накаляются гораздо сильнее и быстрее, чем земля, особенно влажная. Есть на земном шаре страны, почва которых вся состоит из песка или камня, тогда как другие имеют влажную почву, покрыты лесами и болотами; понятно, что в одно и то же время воздух в первых будет теплее, чем во вторых. Ты часто катался по реке и, вероятно, заметил, что над водою воздух прохладнее, чем над землею. Над морем воздух летом всегда прохладнее, а зимою всегда теплее, потому что вода в больших морях зимою не замерзает и сообщает теплоту воздуху. Следовательно, на земном шаре, в одно и то же время, в различных местностях, воздух имеет различную *температуру*. (Температурою называется степень тепла или холода какого-нибудь тела.) Вот почему воздух никогда почти не бывает в спокойном состоянии: почти всегда движется с большей или меньшей силою, а эти движения воздуха и называются ветрами. Ты, вероятно, заметил, что у нас морской западный ветер влажен и тепел, приносит облака и дождь; южный — сух и приносит летом жар, восточный по большей части холоден и сух, северный дует от Ледовитого моря, наполненного плавающими льдинами, и всегда холоден. В Петербурге ветры очень переменчивы, потому что Петербург окружен самыми разнообразными местностями: на севере у него большое Ладожское озеро, иногда долго покрытое льдом, на западе — море, хотя замерзающее зимою, но только у берегов, на юге и востоке — обширные равнины, по которым свободно гулять ветрам.

— Если ты будешь присматриваться к движению облаков, — продолжал отец Вани, — то заметишь, что облака движутся иногда в противоположные стороны. Это случается тогда, когда облака находятся на различных высотах и попадают поэтому в различные течения воздуха: одни плывут в низшем течении, другие — в верхнем. Если бы ты пустил перышко вверху дверной щели, то оно полетело бы в переднюю, пусти его внизу — и оно полетит в кабинет.

— Но отчего же облака бывают различного цвета? — спросил Ваня.

— От различного освещения их солнцем или луною, —отвечал отец,—от различия в расстоянии, на котором находятся от нас облака, и, наконец, от различной степени густоты пара.

МАГНИТ.

Вот маленькая железная полоска, которая по виду не имеет в себе ничего особенного и кажется самою простою железною полоскою, но в ней скрывается особенная, чудная сила, которая немедленно обнаружится, если мы поднесем эту палочку к иголке или какой-нибудь другой небольшой железной или стальной вещи. Еще мы не успели дотронуться до иголки, а она уже подпрыгнула и пристала к палочке. Но возьмем иголку, проденем ее в небольшую пробку и пустим плавать по воде, налитой в тарелку, так чтобы иголка находилась в горизонтальном положении наверху воды. Издали уже будет чувствовать такая плавающая иголка приближение нашей волшебной палочки.

Но это еще не все. Потрем иголку нашей железной палочкой, начиная от середины и проводя к концам, и притом так, чтобы одна половина иголки была натерта одним концом палочки, а другая другим, и заметим на самой палочке, каким концом ее мы терли острие и каким ушко. Положим, что тот конец, которым натерто острие, мы означим буквою С, а тот, которым натерто

ушко, означим буквою Ю, тогда мы увидим очень замечательное явление. Поднесем конец Ю к острию иголки, — и иголка побежит прочь или обернется к нам ушком; поднесем конец, означенный буквою С, — и иголка острием поплывет к нашей палочке; поднесем конец С к ушку иголки, — иголка отойдет: поднесем конец Ю, — и иголка приблизится.

Но этим еще не исчерпываются чудеса нашей палочки и иголки, натертой палочкой. Возьмите прочь вашу палочку: иголка получила уже от нее силу, которой прежде не имела. Посмотрите, как один ее конец всегда стремится в одну и ту же сторону, другой—всегда в противоположную; поверните ее как угодно, и она непременно сама станет в прежнее положение. Заметьте же, куда смотрит острие иголки, и вы увидите, что оно постоянно смотрит или на север или на юг, т. е. туда, где солнце бывает в полдень, или туда, где его никогда не бывает, но не на восток, где солнце восходит, и не на запад, куда оно заходит. Кроме того, вы заметите, что если острие иголки смотрит на юг, а ушко на север, то вы ничем не заставите смотреть острие на север, а ушко на юг.

Что такое притягивает иголку к палочке, что отталкивает ее, что заставляет ее становиться одним концом на север, а другим на юг, — этого никто не знает. Однакоже, хотя мы не знаем причины этого явления, но можем пользоваться им весьма хорошо. Положим, мы заметили, что острие иголки смотрит всегда на север, а ушко на юг, и, взяв такую иголку с собою, пошли в большой темный лес, находящийся от нашего дома к северу: положим, наконец, что, пробродив в этом лесу долго взад и вперед, мы потеряли дорогу и решительно не знаем, куда идти и как нам выбраться из лесу. Мы знаем, что дом наш лежит на юге, но не знаем, где юг и где север; можно бы узнать это по солнцу, да день, как говорится, выдался серый, солнце не показывается, и мы можем легко пробродить в лесу очень долго. Но вспомним, что у нас есть спасительная иголка, которая и без солнца знает, где север и где юг, положим же ее

на маленькую щепочку и пустим на первую попавшуюся лужу; острие иголки тотчас обернется на север, а ушко на юг.

Но что же это за чудная палочка? Это не более, как простая стальная палочка: она и сама получила от другого предмета ту силу, которую передала иголке. Вы уже знаете, что такое магнитный камень: это железная руда, обладающая магнитными свойствами. У нас в России магнитного камня находят много, особенно в Уральских горах. Магнитный камень не только сам обладает свойством притягивать и отталкивать железные вещи, но может сообщить его стальным и железным палочкам, с той только разницей, что в железе магнитные свойства удерживаются до тех пор, пока оно находится в соприкосновении с магнитом, а в твердой стали, натертой таким образом, как мы натирали иголку, сохраняется очень долго.

Давно уже было известно свойство магнита, но еще никто не знал в Европе, какую пользу можно из него извлечь: только в XIV веке один итальянец, по имени Джиойо, вздумал применить свойства намагниченной иглы к морским путешествиям. До тех пор, плавая по морям, моряки узнавали дорогу по солнцу, луне и звездам, а в туманную или облачную погоду решительно не знали, куда ехать, и потому боялись пускаться в далекие морские путешествия. Намагниченную иголку для этой цели не пускают на воду, как мы делали это с вами, но, сделав особую стальную стрелку с колпачком по средине, надевают ее этим колпачком на острый шпенек, вделанный в средине круглого ящика, так чтобы стрелка могла свободно обращаться вокруг. На том конце стрелки, который обращается к северу, пишут букву N (Nord — по-русски север), а на южном S (Süd — юг). По бокам отмечают восток и запад. Между востоком и севером, востоком и югом, югом и западом и т. д. делают еще несколько делений, указывающих направление на северо-восток, северо-запад, юго-восток и т. д. И с таким простым инструментом смело пускаются люди в море, зная, что в туманную погоду и ночью

всегда можно будет отыскать ту дорогу, по которой должно ехать. Такой инструмент называется *компасом*. Благодаря компасу, португальцы объехали Африку и проплыли в Индию; Колумб, плывя постоянно на запад, открыл Америку, и Магеллан — первый объехал вокруг всю землю.

Так полезно нам знание законов природы, и такие громадные выгоды может дать нам маленькая стрелка, если мы умеем быть наблюдательными и прилагать наши наблюдения к делу.

ОТДЕЛ III.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С РОДИНОЙ.

ПОЕЗДКА ИЗ СТОЛИЦЫ В ДЕРЕВНЮ.

Столица и ее окрестности.

Володя и Лиза во всю свою жизнь ни разу не выезжали из Петербурга. Можно себе представить, как они обрадовались, когда отец сказал им, что они на целое лето поедут в деревню, за 600 верст.

В день, назначенный для отъезда, к крыльцу подъехал укладистый тарантас, запряженный тройкою почтовых лошадей. Укладка продолжалась часа полтора, так что только к вечеру маленькая семья уселась в экипаж, и колеса его запрыгали по каменной мостовой.

Улицы через две, тарантас выехал на *набережную* Невы и поехал по длинному каменному мосту с чугунными перилами, сделанными точно из кружев. На широкой, величественной реке мелькали сотни лодок, летели один за другим дымящиеся пароходы, а вдали, как лес, стояли бесчисленные мачты стройных кораблей. Великолепная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественные церкви, обширные красивые площади, широкие, богатые, шумные улицы, чудесные памятники — все это дети видели уже часто, и все это им было не в диковинку.

За мостом тарантас поехал по одной из лучших улиц *столицы*. Сплошные ряды громадных каменных домов подымались высокими стенами по обеим сторонам. Тысячи раззолоченных вывесок пестрели на домах. За огромными зеркальными окнами великолепных ма-

газинов и богатых лавок были выставлены и разложены самые разнообразные товары. Здесь было все, что угодно: золотые и серебряные вещи, чудные изделия из дорогих каменьев, роскошные материи для платьев, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфеты и пирожные, редкие дорогие фрукты, заманчиво разложенная зелень... Но у крыльца одного из таких магазинов дети заметили бедняка в лохмотьях, который робко посматривал вокруг, не подаст ли ему кто-нибудь гроша; а этот грош нужен был ему для куска хлеба, одежды и найма квартиры где-нибудь в подвале этих роскошных домов.

Блестящие экипажи с грохотом неслись по мостовой; разряженные толпы народа двигались по тротуарам; беспрестанно попадались навстречу конные и пешие отряды солдат, оружие которых сверкало на солнце. Но Володе и Лизе хотелось поскорее за город, в леса, в поля, в деревню. Часа через полтора тарантас выехал за заставу и поехал по *шоссе* — гладкому, прямому, как стрела, с каменными мостиками, с каменными верстовыми столбами. По обеим сторонам его стояли красивенькие дачи с маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здесь было меньше, чем где-нибудь на Невском, но все еще очень и очень много.

Навстречу нашим путешественникам беспрестанно попадались: то громадные почтовые кареты с разодетыми кондукторами впереди, которые то и дело трубили в медные рожки, то блестящие городские экипажи, то длинные, тяжело нагруженные товарами обозы, даже городские, легковые извозчики с номерами на затылках. Все эти предметы были очень хорошо знакомы детям и мало напоминали собою деревню. Они даже плохо слышали колокольчик, который болтался под дугою, а нарядный ямщик, сидевший у них на козлах, походил более на кучера, чем иной бедный петербургский извозчик. Близость огромного, многолюдного города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечереть. Дети проснулись сегодня чуть ли не в три часа утра, провозились за укладкою целый

день, а потому глаза их слипались, головки клонились на подушки, которых было довольно в тарантасе. Скоро наши маленькие путешественники заснули и спали долго и крепко, как спят только усталые дети на вольном воздухе, под открытым небом, при небольшой, убаюкивающей качке экипажа, под усыпительные звуки почтового колокольчика. Короткая петербургская ночь была светла и тарантас быстро удалялся от Петербурга.

Солнце уже было высоко, и тарантас успел уехать более ста верст, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшиеся дети насилу могли вспомнить, что с ними делается, где они и что это за колокольчик звенит перед ними. Но едва только мелькнула у них мысль, что они в дороге, на пути в деревню, едут на почтовой тройке и притом еще с колокольчиком, как сна будто и не бывало! Весело и бодро вскочили они и с любопытством стали осматриваться кругом.

Твердое, каменистое шоссе уже исчезло. Экипаж тихо катился по мягкой, *простой почтовой дороге*, и почтовый колокольчик звонко побрякивал в чистом утреннем воздухе. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжных лошадей: он остановил тройку и слез с козел. Прежде всего поразила детей глубокая тишина, царствовавшая в полях. Только где-то, высоко, пел невидимый жаворонок. Серебряные трели его вольной песни звонко раздавались в прозрачном, чистом воздухе, наполненном благоуханиями полей. По обеим сторонам дороги, по волнистым холмам, подымались полосы разноцветных нив, то покрытых зеленеющими хлебами, то черных, *отдыхающих под паром*. На горизонте, где небо сходится с землею, тянулась синяя зубчатая полоса далекого леса. В лощине между двумя длинными холмами виднелись соломенные крыши большого *села*, разбросанного на скате. Позолоченный крест сельской церкви ярко горел на солнце. С другой стороны дороги можно было заметить вдали небольшую *деревню*, в которой не было церкви.

Дети молчали: новость и прелесть сельской картины глубоко на них подействовали.

Минут через двадцать тарантас застучал по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному через глубокий овраг. На дне оврага, в высокой траве, сверкала маленькая речка. За мостом вскоре начался густой, темный лес. Громадные вековые сосны протягивали над дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья с колючими, всегда зелеными ветвями. Колеса тарантаса врезались в песок, — и лошади пошли шагом.

Лес был большей частью сосновый, но кое-где виднелись пирамидальные ели с своими стройно расположенными сучьями, выгнутыми книзу, как крыши китайских домиков. Там и сям белели стройные березы с кудрявыми, яркозелеными верхушками, трепетали вечно дрожащие листочки осины. Внутри леса, между деревьями, царствовали тень, прохлада и тишина. По временам густой лес прерывался полянами. На опушках таких полян, покрытых свежей травой, береза, осина, небольшие елки и тонкий, гибкий орешник, перемешиваясь, составляли красивые группы. В высокой, сочной траве видно было много цветов; а кое-где блестели, как коралл, яркокрасные ягодки вызревшей земляники. Кукушка отзывалась где-то далеко в глуши леса; по временам раздавался звонкий, резкий крик иволги.

Высокий лес тянулся верст на пять, и дети не могли им налюбоваться. Но лошадям трудно было тащить тарантас по глубокому сыпучему песку, и кроме того, бедных животных беспокоили овода. Наконец, лес стал редеть и вместо больших сосен показались кустарники. Опушка леса продолжалась еще с полверсты; потом колеса экипажа застучали по более твердому грунту. Опять по обеим сторонам дороги пошли бесконечные поля, расстилающиеся по холмам до самого горизонта.

Через полчаса ямщик сильно погнал лошадей и остановился у небольшого домика. У крыльца стояла толпа ямщиков с медными бляхами на шляпах, две или три телеги и тройка только-что воротившихся лошадей. Это была станция. Володя обратил внимание на большой полосатый столб, на котором было крупными буквами написано: *от С.-Петербурга 154 версты.*

Деревня, уездный и губернский город.

Меняя лошадей на станциях, останавливаясь только напиться чаю и поесть, ночуя в экипаже, потому что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ехали наши путешественники два дня или, лучше сказать, двое суток, потому, что ехали день и ночь, уезжая в сутки верст по двести и более. Много они проехали маленьких *деревень*. В иных всего-то было 10 или 15 домов, низеньких, пошатнувшихся на бок, с почерневшими бревенчатыми стенами, с полусгнившими соломенными крышами. Много проехали они и больших *сел*, где иногда попадались прекрасные каменные церкви, несколько домов почище других и две-три маленькие грязные лавчонки, в которых деготь и баранки, пряники и колеса продавались вместе. Эти лавочки были беднее товаром, меньше и грязнее на вид самой жалкой из овощных лавок столицы.

Наши путешественники проехали также три уездные города и даже один губернский. *Губернский город* походил еще на город. По главным улицам его была каменная мостовая, кое-где попадались огромные каменные дома; но между ними немного было таких, к каким дети привыкли в столице. Только один *губернаторский дом*, да новые *присутственные места*, высокий, прекрасный *собор* и несколько старинных церквей могли бы, как казалось детям, стоять без стыда и на петербургских улицах. Но *гостиный двор*, посреди огромной, пустой площади, показался им и мал, и беден, и грязен. Тут были, правда, два-три магазина, но какое сравнение с петербургскими магазинами! Было десятка два вывесок; но какое сравнение с петербургскими вывесками! Народу и экипажей на улицах несравненно меньше.

Уездные города были еще меньше и беднее губернского: три, четыре немощеные улицы, обставленные низенькими деревянными домами, длинные, иногда полуразвалившиеся заборы; огороды и сады посреди города; деревянные столбики вместо тротуаров, коровы и

свиньи, бродящие по улицам; пустота, тишина, отсутствие движения! Только пять или шесть каменных домов; площадь, на которой помещались десятка два лавок; каменные *присутственные места*, выкрашенные когда-то желтой охрой; пять-шесть полуистертых вывесок сапожников и портных; вывешенный на палке крендель булочника, да изредка городские дрожки доказывали, что это не деревня, а город.

На третий день пути, Александр Сергеевич очень рано поутру, когда солнце только-что встало, разбудил разоспавшихся в тарантасе детей, говоря, что нужно выйти из экипажа и идти пешком. Дети встали, дрожа от свежести утреннего воздуха, и начали с любопытством осматриваться вокруг. Тарантас стоял на берегу реки, к которой круто спускалась дорога. На реке моста не было, но с той стороны реки два перевозчика в синих рубахах гнали к берегу на шестах небольшой, довольно ветхий паром. На этом берегу столпилось в ожидании парома множество крестьян и крестьянок, пешком и в телегах, и возов до десяти с различной кладью. Возы были нагружены сеном, соломой, мешками с мукой, горшками, кирпичом, дровами; на иных телегах мычали телята и бараны или визжали поросята, у других были привязаны сзади крестьянские лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидели и лежали на телегах и просто на земле, хотя трава была покрыта серебристой росою. За плечами у крестьянок висели корзины с яйцами, в руках были кадочки с маслом, иные держали кур, гусей, пучки луку, рыбу в судках и раков в корзинках, наполненных крапивой.

Александр Сергеевич узнал от крестьян, что они отправляются на торг в уездный город, который был виден на противоположном крутом и высоком берегу реки. Володя видел, какие товары крестьяне везли в город, но ему захотелось узнать, что они будут покупать там. С этим вопросом он обратился к седому старику, который, накрывшись тулупом, сидел на своей телеге, терпеливо дожидаясь перевоза. Старик с трудом понял,

о чем его спрашивал Володя, но, понявши, усмехнулся и ласково отвечал.

— Что нам нужно в городе? Как что? да вот, маленький барин, мне нужно купить соли, а соли в деревне не достанешь; нужен мне и топор, — мой совсем иступился; нужно еще две косы, — уж косовица подходит. Жене куплю в городе ситцевый платок, а детям по прянику. Ведь у нас в деревне, кроме черного хлеба, луку, молока да яиц, ничего не найдешь. Кто может, едет купить себе сапоги, а другому нужна шляпа, кушак или рукавицы. Вот зятьку моему понадобились стекла, замок к дверям и петли; он, вишь, строит себе избу, а стекол-то у нас в деревне не делают и слесарей нет; гвоздей тоже, чай, захватит, потому что и гвоздей у нас не найдешь. А там-от-ко стоит моя сноха с петухом и с корзиной яиц, ей нужно кумачу на кичку, ситцу на сарафан, иголки, чай, все вышли, а может, купит она железный ковш для воды или пару серпов. Да мало ли чего кому нужно! у нас же в деревне, почитай, ничего нету. Что есть, то, как видишь, и везем продавать. Всем же нам, барин, кроме того, нужны деньги...

Весело было переезжать широкую реку на пароме. По всей реке тянулись барки, нагруженные товаром, и медленно двигались по течению длинные неуклюжие плоты. На другом берегу с горы спускался длинный обоз. По всему было видно, что это было место бойкое, *торговое*, где сходились судоходная река и большая проезжая дорога. На высоком и крутом берегу был живописно раскинут небольшой, но промышленный город; красные, зеленые и серые крыши его пестрели посреди зеленеющих садов, позолоченные кресты и главы церквей весело играли на солнышке.

Проселочная дорога.

На четвертый день пути наши путники должны были переменить *почтовых* лошадей на *долгих* и свернуть с большой, *почтовой дороги* на *проселочную*.

На проселочной дороге картина несколько изменилась, да и ехать было гораздо беспокойнее. Колеса широкого тарантаса не попадали в глубокие колеи, прорезанные узкими крестьянскими телегами. Тарантас ехал как-то боком, и тряска увеличилась. Но дети не обращали на нее большого внимания: так занимало их все, что они видели. По обеим сторонам дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвела, налилась и начинала желтеть. Золотистыми, колеблющимися волнами разливалась она по обе стороны на необозримое пространство. Во ржи синело такое множество васильков, что дети, выйдя из экипажа, мигом нарвали два огромные пучка. Скоро два венка, сплетенные искусными ручками Лизы, свежие, синие и блестящие, перевитые с колосьями ржи, украсили русые головки детей.

На дороге почти никто не попадался. Изредка только проедет мужик с тяжелой сохой, пройдет косарь с блестящей косой или вдали покажется пастух и пестрое стадо. Здесь деревни были уже настоящие деревни: глухие, безмолвные, окруженные полями, лугами и лесами. Подъезжая к деревне, извозчик должен был всякий раз вставать с козел и отпирать скрипучие ворота околицы. Утлая огорожа, сделанная из жердей и кольев для того, чтобы скот, выходя из деревни, не вытаптывал полей, задолго еще предупреждала наших путешественников, что они приближаются к деревне.

Наступила рабочая летняя пора, и деревни были почти совершенно пусты. Все крестьяне были в поле на работе, только ребятишки играли на улицах, да какая-нибудь старуха выходила набрать воды в колодце и немилосердно скрипела длинным шестом, опуская бадью в воду.

Крестьянская изба.

Извозчик остановился кормить лошадей у знакомого крестьянина, изба которого была побольше и почище других. Приходилось простоять часа три, и путешественники наши вздумали, что не дурно было бы напиться чаю; но на вопрос о самоваре старушка усмехнулась.

— Какие у нас, батюшка, самовары!— сказала она:— мы и чаю-то, почитай что, отродясь, не пивали; а вот, когда сливочек или яичек милости вашей угодно, так это у нас есть.

Пришлось довольствоваться тем, что было, и дети с удовольствием съели даже засохшую булку, которая одна только и осталась у них от последнего города. Старуха, правда, принесла краюху черного хлеба, но он был так черств, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здесь в первый раз дети были в настоящей крестьянской избе. Нечего греха таить, она показалась им и грязна, и тесна, и душна. В углу стояла огромная печь, наверху половину избы занимали полати, закоптелые от дыма. Маленькие, запачканные окна мало пропускали света. Земляной пол был грязен. По голым стенам , между почернелыми бревнами которых торчал мох, ползало множество тараканов. Вся мебель избы состояла из двух больших лавок по стенам, скамейки и большого деревянного стола. На столе стояла деревянная же солонка и лежал хлеб, закрытый грубым полотенцем. У печи висел на веревочке глиняный рукомойник. В переднем углу видно было несколько почернелых образов, украшенных засохшими цветами и ветками березы. В другом углу, за ситцевой занавеской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кроме старушки и двух маленьких ребятишек, русые всклокоченные головки которых виднелись с полатей, не было никого, а, по словам старухи, семья у нее была большая: старик — муж ее, двое женатых сыновей, две взрослые, еще незамужние, дочери и даже внук,мальчишка лет 10, с ранней зори ушли на косовицу. Там они останутся целый день и воротятся только поздно, поздно вечером, а может быть, и заночуют в поле. Трудную и нероскошную жизнь ведут наши крестьяне в деревнях, но трудами их кормится вся Россия. Из таких маленьких, мрачных, курных изб выходят все те копейки и рубли, на которые выстроен и живет пышный Петербург со всеми своими богатыми лавками и магазинами. Бле-

стящие пароходы и громадные корабли, которые наши дети видели на Неве, пришли из разных государств большей частью за хлебом. Но хлеб в столицу собирается из самых отдаленных мест, по рекам, каналам и дорогам, из всех этих маленьких, бедненьких деревень. На подать, которую дает крестьянин, содержатся блестящие войска, строятся корабли и крепости, из нее же платится жалованье чиновникам. Из крестьянского оброка строятся великолепные дома, покупаются блестящие экипажи. Так, маленькие, незаметные, роющиеся в земле корешки питают пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своем тоненьком стебельке. Сорвите розу, — вместо нее появится другая; повредите корень, — весь куст завянет, и пышная роза не будет больше гордо качаться на тоненькой ветке.

Верст через семь или восемь, дорога пошла по крутому берегу живописной речки: она извивалась, как огромная блестящая змея, на дне глубокой лощины, посреди кустов лозы и орешника. По ту сторону речки расстилались далеко луга; на них, в разных местах, видны были косари, сверкающие своими стальными косами. Извозчик с видимым удовольствием смотрел на эти обширные, зеленые луга.

— Вот луга, так луга! — сказал он, обращаясь к Володе, который с позволения отца уселся возле ямщика на козлах: — какая бы ни была засуха, на них всегда есть трава, и покос всегда хороший.

— Отчего же это?— спросил Володя.

— Да оттого, маленький барин, — отвечал ямщик,— что всякую весну эта речонка разливается куда-как широко — вон под те самые лозы, верст, чай, на семь! Когда же вода потом сбудет, то и трава пойдет расти шибко да гонко, — да такая зеленая, сочная! Эти луга, барин ты мой милый, *поемные*, дорогие луга, славные луга! Много они, сердешные, кормят лошадушек, а лошадушки, барин, кормилицы наши. Что бы мы без них стали делать? Они нас и возят, милые, они нам и пашеньку пашут и боронят, а придется ли дровец из лесу привезти, — опять-таки за лошадушку. Они нам и навоз

дают: без навоза же наши поля родят плохо. Вот и выходит, барин, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поемные. Поле везде распахать можно, хоть бы из-под самого густого лесу: выруби деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землицу-то; а поемного луга уж не распашешь! Где бог дал, там он и есть; а где сена много, там и лошадка, и коровка, и овечка сыты... Эй, вы, сердешные, трогай! — прибавил ямщик, подстегнув слегка правую пристяжную.

Начинало вечереть. Поверхность речки блестела розовым светом. Кое-где чернели на ней стада диких уток. Длинноносый бекас со свистом перепархивал с одного берега на другой, а белые чайки, блестя в воздухе крыльями, с печальным криком носились над водою, зорко высматривали они, не выкажется ли где-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы — так называют этих чаек — большие охотники до рыбы и в этот вечер, наверно, охотились удачно. Рыба то и дело всплескивалась там и сям по реке, ловя комаров и мошек, которые, ища сырости и не находя ее вверху, кучами толклись над водою, предсказывая, что и завтра будет такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цветами — золотым, розовым и пурпуровым — серебряные облака, столпившиеся к западу. Отражая косвенные вечерние лучи, речка сверкала, как растопленное золото. Становилось прохладнее; а под ивами, свесившимися над водою, было уже совершенно темно. Утомленные длинной дорогой, дети чувствовали усталость, но до деревни, составлявшей цель их поездки, было уже недалеко.

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО.

Наше *отечество*, наша *родина* — *матушка* Россия. *Отечеством* мы зовем Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. *Родиной* мы зовем ее потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком и все в ней для нас родное; а *матерью* — потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими

водами, выучила своему языку, как мать, защищает и бережет нас от всяких врагов, и, когда мы уснем навеки, то она же прикроет и кости наши.

Велика наша родина — *мать-свято-Русская земля!* От запада к востоку тянется она на *одиннадцать тысяч* верст, от севера к югу на *шесть тысяч*. Не в одной, а в двух частях света раскинулась Русь: в *Европе* и *Азии*.

Самая большая по пространству часть России — в Азии; часть эту зовут *Сибирью*. В Сибири также население не велико: бродят дикие инородцы, но есть уже и теперь в ней довольно хороших русских городов и богатых сел. Сибирь — сторона богатая. В ее городах и по ее рекам много простых и драгоценных металлов, а в ее темных лесах много пушных зверей с дорогими мехами.

Самая населенная и образованная часть России — в Европе. В *Европейской России* две столицы; Санктпетербург и Москва, да в царстве Польском еще Варшава; множество *губернских* и *уездных* городов, а селам и деревням так и счету нет.

В России более восьмидесяти губерний и областей, много различных племен и народов, и кормит она более семидесяти пяти миллионов людей. Все эти губернии, все эти миллионы людей повинуются одному государю-*православному русскому царю*. Много есть на свете, и кроме России, всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина.

ЧТО БЫЛО В РОССИИ ЗА ТЫСЯЧУ ЛЕТ.

Теперь поезжай по России, куда хочешь, — везде услышишь русский язык, найдешь город или село, православную церковь, порядок и управу, никто тебя обидеть не смеет. Промышленные люди ездят с товарами и по глухим лесам, и по пустынным степям—везде, где только проложена дорога или течет судоходная река. На всем этом огромном пространстве, чуть не в полсвета, живет народ, мирно трудится и промышляет, чем бог послал.

Есть, правда, в России еще и такие народы, что не живут оседло на местах, а *кочуют*, например, калмыки между Волгой и Доном, киргизы за Волгой и Уралом, самоеды и лапландцы по северным *тундрам*, но они кочуют только там, где им указано место, и мирно пасут свои стада. Есть и такие народы, что не пашут, не сеют, ни домашнего скота не держат, а бродят по лесам и стреляют всякого зверя или ловят рыбу по берегам рек и морей, но и эти платят подать и рады-радехоньки, если их самих не обижают.

Не то было за тысячу лет тому назад! Непроглядные болотистые леса, что остались теперь только на северо-востоке Европейской России да в Сибири, занимали тогда всю среднюю Русь, тянулись по берегам Волги и Оки. По лесам этим бродили дикие языческие народы — чудь. Чудь больше жили в разброде, занимались звериной ловлей, и только кое-где построили себе городки. В степях тогда кочевали дикие, злые орды. Беспрестанно приходили они в южную Россию из азиатских степей, мимо Каспийского моря, грабили и жгли села и города, если какие им попадались, и не давали ни проезду, ни проходу мирным людям.

Правда, по Дунаю, по Днестру, по Западной Двине, по Волхову и у Ильменя-озера жили уже оседло славянские племена, обрабатывали землю и торговали; но и эти племена были еще грубыми язычниками, ссорились между собой и жили бедно.

Двое из славянских племен были получше и пообразованнее других: *поляне* и просто *славяне*. Поляне жили по среднему Днепру, занимались более земледелием, и у них уже был выстроен город *Киев*. Славяне жили по Ильменю и Волхову, занимаясь более торговлей, плавая по рекам и озерам, и у них также был город — Новгород-Великий. Были и у других племен города, но их всех немного.

Каждое славянское племя жило и управлялось особо; общие дела решались на *вече*. Но порядку было мало, и соседи сильно обижали славян: так, хозары пришли с юга, из степей, и брали дань с полян и соседей их,

северян и вятичей; а варяги пришли с севера из-за Балтийского моря и наложили дань на новгородских славян, кривичей, живших по верховьям Западной Двины, Днепра и Волги, и на чудские народы.

ПРИЗВАНИЕ КНЯЗЕЙ.

(862)

В 862 году новгородские славяне, кривичи и чудь прогнали варягов за море, перестали платить им дань и начали опять управляться сами собою. Однакоже им стало хуже еще, чем при варягах; род восставал на род, племя на племя, —и не было конца междоусобиям. Тогда стали они говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и давал нам правый суд». Согласились и отправили послов за море, к варяжскому племени, по названию *Русь*. Пришли послы к Руси и сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет, прийдите княжить и владеть нами». Собрались три русские князя, три брата, Рюрик, Синеус и Трувор, с родственниками своими, взяли с собой все племя Русь и пришли. Старший из братьев, Рюрик, поселился в Новгороде, второй, Синеус, — на Бело-озере и третий, Трувор, — в Изборске. С тех пор и стала наша земля называться русскою.

Вот почему начало русского государства считают с 862 года и в 1862 году поставили памятник *тысячелетия* России именно в *Великом Новгороде*.

Через два года Синеус и Трувор померли, а Рюрик стал княжить один и раздавал города своим приближенным людям.

Два рюриковых боярина, Аскольд и Дир, отпросились у князя в Царь-город: взяли с собой своих родственников и поплыли вниз по Днепру.

Едучи по Днепру, увидали они на горе город и спросили у жителей: «Чей это городок?» Отвечали им жители: «Были здесь три брата: Кий, Щек и Хорив; они построили этот городок, а потом изгибли, мы же вот сидим

здесь и платим дань хозарам». Аскольд и Дир остались в Киеве, собрали к себе много варягов и стали владеть полянами, тогда как Рюрик княжил в Нове-городе.

В 866 году пошли Аскольд и Дир на греков, у которых тогда царствовал Михаил. Михаил был на войне, но, получив весть, что Русь идет на Царь-город, воротился; а русские между тем вошли уже в цареградскую гавань и облегли город двумя стами больших ладей, так что царь едва мог пробраться в свою столицу. Всю ночь молился он с патриархом в церкви Влахернской богородицы, а потом вынесли с пением ризу богородицы из церкви и погрузили в воду. Тихое море вдруг заволновалось, поднялась буря и волны выбросили на берег ладьи язычников. Тогда греки кинулись на аскольдовых воинов и так перебили их, что мало кто воротился домой. С тех пор сложена церковная песнь: «*Взбранной воеводе*», которую и теперь поют православные всякий раз, как бог поможет им одолеть врагов.

ОЛЕГ.

(879—912)

Умирая, Рюрик передал княжение Олегу, своему родственнику: ему же поручил и сына своего Игоря, потому что Игорь был еще младенец. Олег, собравши много войска, пошел к югу и поплыл по Днепру. Взял сначала город кривичей Смоленск, а потом Любеч и посадил там своих правителей. Подплывая к Киеву, Олег оставил одних воинов позади, а другим приказал спрятаться в лодках. Приплыв же к самому городу, Олег вышел на берег с Игорем и послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы, идем в Грецию посланы от Олега и Игоря; придите повидаться с нами». Когда же Аскольд и Дир с своими родными пришли, то воины олеговы выскочили и окружили их. И сказал Олег Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжеского роду, я же княжеского роду, а вот и сын Рюриков». Аскольда и Дира убили, понесли на гору и там погребли.

Олегу очень понравилось в Киеве, он остался княжить там и сказал: «Пусть этот город будет матерью городам русским!».

Из Киева Олег расхаживал со своими варягами и славянами, покорял разные славянские и чудские народы и заставлял их платить себе дань: Новгороду же приказал платить варягам каждый год по 300 гривен. При Олеге прошел мимо Киева кочевой народ *угры*, или венгры, который, к счастью для нас, ушел за Карпатские горы.

В 907 году собрал Олег множество воинов и пошел к Царю-городу на конях и на лодках, и было этих лодок до 2000. Греки замкнули гавань цепью и затворили город. Олег велел вытащить лодки на берег и стал воевать около города: разорял дворцы, жег церкви, брал в плен или убивал жителей и все приближался к городу. Испугались греки и выслали сказать Олегу: «Не губи города, а возьми лучше дани, сколько хочешь». Олег согласился на мир, и греки выслали ему много разных кушаньев и вина, но он не принял ни того ни другого, зная, что хитрые греки приготовили все с отравой. Тогда еще пуще испугались греки и дали Олегу все, что он требовал: дали много серебра, золота, драгоценных тканей, плодов и вина, на Олега и на всех его воинов. Тогда Олег заключил с греками мир и утвердил его клятвою: русские клялись своим оружием, своим старшим богом Перуном и богом стад Волосом, а греки — по своему христианскому закону.

Обогащенный добычей, возвратился Олег в Киев, и народ прозвал своего умного и удачливого князя *вещим*, т. е. волшебником.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ.

Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хозарам: их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам. С дружиной своей в цареградской броне князь по полю едет на верном коне. Из

темного леса навстречу ему идет вдохновенный кудесник, покорный Перуну старик одному, заветов грядущего вестник, — в мольбах и гаданьях проведший весь век. И к мудрому старцу подъехал Олег:

— Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною? И скоро ль, на радость соседей-врагов, могильной засыплюсь землею? Открой мне всю правду, не бойся меня: в награду любого возьмешь ты коня.

— Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен; правдив и свободен их вещий язык и с волей небесною дружен. Грядущие годы таятся во мгле; но вижу твой жребий на светлом челе. Запомни же ныне ты слово мое: воителю слава — отрада; победой прославлено имя твое, твой щит на вратах Цареграда; и волны и суша покорны тебе, завидует недруг столь дивной судьбе. И синего моря обманчивый вал в часы роковой непогоды, и пращ, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы. Под грозной броней ты не ведаешь ран; незримый хранитель могучему дан. Твой конь не боится опасных трудов, он, чуя господскую волю, то смирный стоит под стрелами врагов, то мчится по бранному полю; и холод, и сеча ему ничего, — но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся; — однако чело и взор омрачилися думой. В молчанье, рукой опершись на седло, с коня он слезает угрюмый и верного друга прощальной рукой и гладит, и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга, расстаться настало нам время; теперь отдыхай: уж не ступит нога в твое позлащенное стремя. Прощай, утешайся да помни меня. Вы, отроки-други, возьмите коня! Покройте попоной, мохнатым ковром; в мой луг под уздцы отведите; купайте, кормите отборным зерном, водой ключевою поите».

И отроки тотчас с конем отошли, а князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег при звоне веселом стакана; и кудри их белы, как утренний снег над

славной главою кургана... Они поминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ, — промолвил Олег, — скажите, где конь мой ретивый? Здоров ли? Все так же ль легок его бег? Все тот же ль он бурный, игривый?»

И внемлет ответу: на холме крутом давно уж почил непробудным он сном. Могучий Олег головою поник и думает: «Что же гаданье? Кудесник, ты лживый, безумный старик! Презреть бы твое предсказанье: мой конь и доныне носил бы меня!» — и хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора, с ним Игорь и старые гости, и видят — на холме, у брега Днепра, лежат благородные кости; их моют дожди, засыпает их пыль, и ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил и молвил: «Спи, друг одинокий! Твой старый хозяин тебя пережил: на тризне *, уже недалекой, не ты под секирой ковыль обагришь и жаркою кровью мой прах напоишь!.. Так вот где таилась погибель моя! Мне смертию кость угрожала!»... Из мертвой главы гробовая змея, шипя, между тем, выползала; как черная лента, вкруг ног обвилась, и вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят на тризне плачевной Олега: князь Игорь и Ольга на холме сидят; дружина пирует у брега; бойцы поминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они.

А. Пушкин.

ИГОРЬ.

(912—945)

По смерти Олега стал княжить сын Рюрика — Игорь. Он также ходил по морю на греков, но первый поход его был неудачен. Когда русские вышли на берег, то греческое войско окружило их отовсюду. Была сильная сеча, и русские уже посадились в свои

* Тризна — языческие поминки; на могиле воина обыкновенно приносили в жертву его лошадь.

лодки, чтобы бежать, но другой греческий воевода встретил их на море в лодках и начал пускать на них трубами огонь, так что страшно было смотреть; многие бросались в воду, чтобы только уйти от огня. Кто из русских избежал смерти и воротился домой, рассказывал потом, что «у греков молния в руках, и потому нельзя было одолеть их».

Возвратясь в Киев, Игорь начал собирать еще большее войско, призвал из-за моря варягов, нанял степную орду печенегов и снова отправился к Цареграду в лодках по морю и на конях по берегу. Корсунцы (греки, жившие в нынешнем Крыму) послали сказать императору: «Идет Русь на тебя, все море покрыла кораблями». Болгары, жившие по Дунаю, также послали сказать: «Идут русские, наняли и печенегов».

Услышав это, царь послал к Игорю лучших своих бояр сказать ему: «Не ходи дальше, но возьми дань, какую взял Олег; я прибавлю и еще». Прислал и печенегам дорогие ткани и много золота. Тогда Игорь созвал дружину и передал ей слова царские. «Если так говорит царь, — сказала дружина Игорева, — то чего же нам больше? Возьмем без битвы и золото и серебро и дорогие ткани и пойдем домой: еще неизвестно, кто из нас одолеет, а с морем заранее не уговоришься». Послушал Игорь дружины, оставил печенегов грабить болгарскую землю, а сам взял у греков много золота и дорогих тканей и воротился в Киев.

Осенью Игорь с дружиною пошел собирать дань с древлян, народа славянского же племени, жившего в густых лесах по болотистым берегам Припети. Игорь собрал дани больше, чем было установлено, и пошел было назад в Киев, но на дороге раздумал и сказал дружине: «идите с данью домой, а я ворочусь и еще похожу» и, отпустив дружину свою домой, с небольшим числом людей воротился. Услыхав, что Игорь воротился, древляне стали думать с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то перетаскает все стадо, так и Игорь, — если не убьем его,

то изгубит он всех нас». И послали к Игорю спросить: «Ты взял уже всю дань, зачем же опять идешь?» Но Игорь не послушался. Тогда жители древлянского города Искоростеня вышли на Игоря, перебили всю его небольшую дружину и убили его самого, вырыли яму и тут же, невдалеке от города, похоронили. Так поплатился Игорь за свою чрезмерную жадность.

ОЛЬГА-ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

(945—964)

Убивши Игоря, древляне сказали: «Вот мы убили князя русского, возьмем же жену его Ольгу за князя нашего Мала, возьмем и сына его, младенца Святослава, и сделаем с ним, что хотим». И послали древляне двадцать лучших мужей своих к Ольге. Те в ладье спустились по Припети и Днепру к Киеву, стали под киевскими горами и послали сказать княгине, что пришли послы древлянские. Ольга призвала их и спросила: что им нужно? Древляне отвечали: «Послала древлянская земля сказать тебе так: мужа-де твоего мы убили за то, что был он хищен, как волк, наши же князья добры и хорошо управляют своею землею; выйди замуж за князя нашего Мала». «Ваша речь мне нравится, — отвечала Ольга, — и мужа своего мне уже не воскресить, я же хочу вас почтить перед людьми моими. Идите же теперь в свою ладью и разлягтесь в ней. Я пошлю за вами утром, а вы и скажете: не хотим-де ни на конях ехать, ни пешком идти, а несите нас в ладье».

Древляне ушли, а Ольга велела выкопать большую и глубокую яму за городом на дворе своего терема и утром послала за гостями, сказать им: «зовет-де вас Ольга на честь великую». Они же отвечали: «Не едем ни на возах, ни на конях, ни пешком не идем, но несите нас в ладье». — «Что ж делать? — отвечали киев-

ляне, — приходится нам вас слушаться, князь наш убит, а княгиня хочет выдти замуж за вашего князя» — и понесли их в ладье, а древлянские послы сидели и величались. Их принесли на двор княжеский и бросили в яму с ладьей. «Хороша ли вам честь?» — спросила Ольга у древлян, наклонившись над ямой, и велела засыпать их живыми землею.

Потом уже сама Ольга послала к древлянам сказать: «Если вы поистине хотите, чтобы я вышла замуж за вашего князя, то пришлите за мной побольше лучших людей ваших, чтоб мне идти к вам с великою честью, а то, иначе, киевляне меня не пустят». Древляне выбрали лучших мужей своих, управлявших древлянскою землею, и послали их за Ольгою. Когда же пришли древлянские послы, то Ольга велела жарко вытопить баню и сказала: «Пусть сначала вымоются в бане и придут ко мне». Когда древлянские послы вошли в баню, их там заперли, а баню зажгли.

После этого послала Ольга сказать древлянам: «Вот уж я иду к вам; наварите же побольше медов и приготовьте пир там, где убили мужа моего: я хочу прежде поплакаться над его могилой и сотворить тризну». Древляне так и сделали. Тогда Ольга взяла небольшую дружину и налегке пошла в древлянскую землю. Поплакала над могилой мужа своего и стала праздновать тризну, а отрокам своим велела прислуживать древлянам.

Когда же древляне спросили: «Где дружина наша, которую мы за тобой послали», то Ольга отвечала: «идут за мною с дружиною мужа моего». Древляне перепились на тризне, — и тогда дружина Ольгина напала на них и перебила до 5000 человек, а Ольга возвратилась в Киев.

На следующий год Ольга собрала много войска и пошла с сыном своим Святославом на древлян. Древляне вышли против нее, и когда оба полка сошлись, то Святослав бросил в древлян копье, копье пролетело между ушей лошади и ударило ей в ноги, потому что Святослав был еще дитя. Тогда воеводы сказали:

«Князь уже начал: пойдем, дружина, за князем». Древляне были разбиты, разбежались и затворились по городам. Ольга пошла на главный древлянский город Искоростень, потому что жители этого города убили мужа ее.

Простояла Ольга под городом целое лето, но не могла взять его. Тогда послала она сказать жителям: «До чего вы хотите досидеться в городе? — все ваши города отдались уже мне; взялися платить дань и спокойно пашут свои нивы, а вы хотите верно вымереть голодом, жалеючи дани». Древляне отвечали: «Рады бы мы дать тебе дань, но ты хочешь мстить нам за мужа своего». Отвечала им Ольга: «Вы знаете, что я уже отомстила за мужа, и раз, и два, и три, и отпраздновала по нем тризну; не хочу более мстить, дайте мне небольшую дань, и я, помирившись с вами, пойду домой». И спросили ее древляне: «Чего хочешь от нас? Рады дать тебе дань и медом и шкурами звериными». (Древлянская земля была вся в лесах, и много было в ней пчелиных бортей и зверя всякого.) Отвечала древлянам Ольга: «Не нужно мне ни меду, ни звериных шкур, не хочу на вас класть дани, как муж мой, — вы же теперь изнемогли в осаде, а потому и прошу у вас немногого: дайте мне по три голубя и по три воробья от каждого дома».

Обрадовались древляне такой легкой дани, собрали от каждого двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. «Вот теперь вы покорилися мне и моему сыну», — сказала Ольга, — «идите же в свой город, а я завтра отступлю и пойду к себе домой».

Когда древляне ушли, Ольга раздала голубей и воробьев своим воинам и приказала к хвосту каждой птицы привязать по тряпочке с серой, а когда смеркнется, зажечь эти тряпочки и пустить птиц. Все так и случилось, как рассчитала Ольга: голуби воротились в свои голубятни, воробьи забились под свои стрехи, и разом загорелись все дома в городе, так что невозможно было тушить. Побежали все люди из города, а Ольга

велела убивать их, или брать в плен и обращать в рабов. Потом пошла Ольга по всей древлянской земле и наложила на нее тяжелую дань.

Так мстила язычница Ольга по языческим обычаям за смерть мужа. Но с тех пор княжила она в Киеве спокойно и мудро. В это время, вероятно, узнала Ольга христианскую религию. Еще со времен Аскольда и Дира в Киеве были уже христиане. Сжалился бог над русской землей и внушил Ольге — отбросить язычество и принять христианскую веру, несмотря на то, что княгиня была уже преклонных лет, когда человек охотнее держится старого. Ольге было уже более 60 лет, когда она, в 955 году отправилась в Грецию, в Царь-город и приняла там христианство. Патриарх крестил ее и дал ей христианское имя Елены, а царь греческий был ее крестным отцом.

Возвратившись в Киев, Ольга думала преклонить и сына своего Святослава принять христианство. «Я познала истинного бога, сын мой, — говорила она ему, — и радуюсь; узнай и ты, и будешь радоваться». Святослав же отвечал: «Как мне одному принять новую веру? Дружина станет смеяться надо мной». Ольга молилась за сына, но принуждать его не хотела говоря: «Да будет воля божия. Если бог хочет помиловать род мой и землю русскую, то обратит их к себе, как обратил меня». Желание Ольги скоро сбылось, и вот почему летописец назвал ее *зарею* христианства в России, а церковь причислила к лику святых.

Однако, приняв христианскую веру от греков, Ольга показала, что не дает этому хитрому народу никакого первенства над собою; и когда царь греческий прислал просить у нее вспомогательного войска и богатых даров, то Ольга отвечала: «Пусть царь постоит у меня на реке Почайне столько, сколько я стояла и ждала у цареградской гавани, то тогда дам ему и войско и дары». Видно, гордые греки оскорбили Ольгу небрежным приемом.

СВЯТОСЛАВ.

(964—972)

Когда Святослав вырос и возмужал, то начал собирать много храбрых воинов и, ходя легко, как барс, только и делал, что воевал. В походах не брал с собою ни возов, ни котлов и не варил мяса, а, изрезав тонкими ломтями конину или какое другое мясо, пек его сам на углях. Шатра у него не было, а спал всегда под открытым небом, подложив седло под голову. Так же жили и все его воины. Когда же Святослав хотел идти на кого-нибудь войной, то посылал сказать: «Иду на вас». Святослав воевал беспрестанно: ходил на Оку и на Волгу, на Оке нашел вятичей и спросил у них: «Кому вы дань даете?» Они отвечали: «Хазарам, по шелегу от каждой сохи».

Тогда пошел Святослав на хазар и победил их, а вятичей обложил данью. Потом пошел на Дунай, на болгар и победил их, взял главный их город Переяславец, куда сходилось много товаров из Греции и из России, и стал тут княжить.

Узнав, что Святослав далеко, в Переяславце, печенеги (степная орда) подошли к Киеву и облегли его со всех сторон, так что нельзя было никому выйти из города, ни вести послать, и киевляне изнемогали от голода и жажды. В Киеве в это время была Ольга с внуками своими, детьми Святослава: Ярополком, Олегом и Владимиром. На другой стороне Днепра собралось немного русского войска, но нельзя ему было пройти в Киев. Сильно опечалились жители Киева и говорили: «Нет ли кого-нибудь кто бы мог перейти на ту сторону и сказать им: если к утру никто нас не выручит, то мы должны будем сдаться печенегам». Вызвался один мальчик: «я перейду», говорит. Взял узду и, ходя по печенежскому стану, стал спрашивать на печенежском языке: не видал ли кто его лошади? Печенеги приняли его за своего. Когда же мальчик подошел к Днепру, то скинул платье и бросился вплавь. Тут печенеги догадались, кинулись за ним и стали

пускать в него стрелами, но не могли уже ничего сделать. Люди с той стороны Днепра подъехали в лодке и взяли мальчика. Когда мальчик передал слова киевлян, тогда воевода Претич сказал: «Пойдем завтра утром в лодке, возьмем княгиню и молодых князей и умчим их на эту сторону. Если же этого не сделаем, то Святослав нас погубит». На другой день, на рассвете, Претич с воинами сел в лодку, и начали они громко трубить; а киевляне отвечали на это радостными криками. Печенеги подумали, что пришел сам Святослав, и побежали от города, а Ольга с внуками вышла к лодке. Князь печенежский воротился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?» — «Лодка с той стороны», — отвечал Претич. — «А ты князь ли?»— спросил печенег. — «Нет, я не князь, — отвечал Претич,— я воевода его, пришел в передовых, а за мной идет войско с князем, — народу и не перечесть!». Испугался печенежский князь и сказал Претичу: «Будь мне другом!». — «Пожалуй» — отвечал Претич. Подали друг другу руки и поменялись оружием: печенег дал коня, саблю, стрелы, а Претич броню, щит и меч.

Когда печенеги отступили от Киева, то киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли, а о своей не заботишься: чуть было не взяли нас печенеги, мать твою и детей твоих, а если не воротишься, то придут опять и возьмут. Разве тебе не жаль ни родины своей, ни старухи матери, ни детей?» Услышав это, Святослав тотчас сел с дружиною на коней и воротился в Киев. Пожалел он, что натерпелась мать его такого страху; потом собрал войско и прогнал печенегов далеко в степь.

Но на другой же год соскучился Святослав в Киеве и сказал матери и боярам: «Не нравится мне здесь жить и хочу я переселиться в Переяславец, на Дунай: там должна быть средина земли моей, потому что там сходится много всяких богатств: от греков идет золото, ткани драгоценные, вина, плоды южные; от чехов и венгров — серебро и дорогие камни, а из Руси —меха,

воск, мед и рыбы». На это сказала сыну Ольга: «Ты видишь, что я больна, как же ты хочешь меня покинуть; похорони меня прежде, а потом иди, куда вздумается». Через три дня Ольга умерла. Сын и внуки, и все люди с плачем провожали ее до могилы. Похоронил ее христианский священник и не делая над нею языческой тризны.

По смерти матери Святослав посадил Ярополка в Киеве, Олега в древлянской земле, Владимира дал новгородцам; сам же опять отправился на Дунай, в Переяславец. Но болгары затворились и не хотели пускать Святослава. Святослав стал под городом, болгары вышли и напали на него. Началась сеча и продолжалась целый день; к вечеру одолел Святослав, взял город и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, взять ваш город, как взял Переяславец». Греки отвечали: «Мы не можем вам противиться, возьми дань на себя и на дружину; скажи нам только: сколько вас, чтобы мы могли рассчитать дань, по числу людей». Хитрые греки желали только выведать: сколько народу у Святослава. «Нас двадцать тысяч»,— отвечал Святослав,— и десять тысяч прибавил: русских всего было десять тысяч. Тогда греки собрали сто тысяч войска на Святослава и окружили его. Видя множество греческого войска, русские было испугались, но Святослав сказал: «Уже нам некуда деться, волею ли, неволею, а должны биться. Не посрамим же земли русской, но ляжем здесь костьми. Мертвым срама нет, а если побежим, то падет на нас стыд; от стыда же убежать некуда. Станем крепко: я пойду вперед. Если сложу свою голову, тогда делайте, что хотите». Отвечали воины: «Где твоя голова ляжет, князь, там и мы свои сложим». Началась страшная сеча: Святослав одолел — греки бежали. Тогда пошел Святослав к Царь-городу, грабя и разоряя все на дороге.

Сильно испугался греческий царь, созвал бояр во дворец и стал говорить им: «Что нам делать? — не можем никак одолеть Святослава». Отвечали бояре

царю: «Пошли к нему дары и испытай, что он больше любит: золото или драгоценные ткани». Так и сделали.

Когда сказали Святославу, что пришли греки с поклоном, он приказал ввести их. Пришли послы, поклонились князю Святославу, разложили перед ним золото и драгоценные ткани. Святослав и не взглянул на то, что принесли, а только небрежно сказал отрокам: «спрячьте».

Когда возвратились послы к царю и рассказали, что Святослав и не взглянул даже на золото и драгоценные ткани, то один боярин посоветовал царю: «попробуй послать ему оружие». Царь послушал совета и послал Святославу меч и другое оружие. Увидав оружие, Святослав обрадовался, стал рассматривать, хвалил и приказал благодарить царя за подарок.

Узнав об этом, греческие бояре сказали царю: «Лют должен быть человек этот, пренебрегает золотом, а хватается за оружие. Соглашайся скорее на дань!».

Послал царь к Святославу, который уже был недалеко от Царь-города, и велел ему сказать: «Не ходи к городу, а возьми дани, сколько хочешь». Взял Святослав дань, взял на живых и на убитых, взял, кроме того, много даров и воротился в Переяславец с великою славою.

Однакоже дружины осталось у Святослава мало, и стал он с ней советоваться. «Нас осталось мало, — сказал он, — русская земля далеко, а печенеги с нами в войне. Если проведают греки, что нас немного, и обступят нас в городе, то неоткуда ждать нам помощи. Заключим же мир с царем. Он взялся платить дань — довольно и этого. Если же перестанет платить, соберем войско в Руси и пойдем на Царь-город». Понравилась речь эта дружине, и мир с царем был заключен, записан и подтвержден клятвами с обеих сторон.

По заключении мира, Святослав захотел повидаться с царем; и царю также захотелось видеть русского героя. Решено было устроить свидание на берегу Дуная.

Царь греческий Иоанн, в блестящих латах, подъехал на коне к берегу. Царя окружало множество всадников в богатых доспехах, покрытых золотом. Святослав с другого берега сел в лодку и поплыл, работая сам веслом наравне с прочими гребцами. Он был среднего роста, широкоплеч, с голубыми глазами и длинными усами. Волосы его были подстрижены, а книзу спускался только длинный чуб. Одет он был очень просто: в белой рубахе такой же, как и у других воинов, только почище. В одном ухе у него блестела золотая серьга, украшенная рубином и двумя жемчужинами. Глядел он мужественно и сурово. Не выходя из лодки, Святослав поговорил немного с царем и отправился назад.

Тогда начали русские советоваться, как им воротиться домой. Старый воевода Игоря, Свенельд, советовал идти на конях, потому что на днепровских порогах стояли печенеги, — но Святослав не послушался и поплыл в лодках.

Узнав об этом, переяславцы послали сказать печенегам: «Святослав возвращается в Русь со множеством богатств и небольшой дружиной: стерегите его!». Печенеги заступили пороги и, когда Святослав пришел, то нельзя уже было обойти пороги. Русские перезимовали в Белобережье, много страдая от голода. Весною тронулись было опять в путь, но печенеги напали и одолели русских, а Святослава убили. Воевода же Свенельд воротился в Киев и принес весть о гибели князя.

ПЕРВЫЕ УДЕЛЫ И МЕЖДОУСОБИЯ.

(972—980)

По смерти Святослава, Ярополк сидел в Киеве, Олег в древлянской земле, а Владимир в Новгороде.

Но недолго они пробыли в мире. На третий же год перессорились князья и вот по какому случаю: сын киевского воеводы Свенельда, Лют, поехал из Киева в лес на охоту и заехал в леса князя древлянского,

Олега. Здесь встретил его сам Олег, который также был на охоте и, узнав, что это сын Свенельда, убил его. С тех пор отец убитого все подбивал Ярополка на месть, говоря: «пойди на брата своего и возьми себе древлянскую землю».

На третий год Ярополк пошел на Олега и разбил его. Убегая в город Овруч, по мосту, перекинутому через городской ров, воины Олега толпились и спихивали с моста друг друга. Такая была свалка, что спихнули нечаянно самого Олега, а за ним попадало еще много людей и лошадей. Войдя в Овруч, Ярополк послал искать своего брата и услыхал, что один древлянин видел, как Олега спихнули с моста. Стали вытаскивать трупы изо рва, вытаскивали с утра до полудня, и, наконец, на самом низу нашли труп Олега. Внесли его во дворец и положили на ковре. Пришел Ярополк, стал плакать над трупом брата и сказал Свенельду: «Посмотри, этого ли ты хотел?»

Когда Владимир услыхал в Новгороде, как Ярополк убил Олега, то испугался и убежал за море. Ярополк послал своих посадников в Новгород и владел один на Руси, но недолго.

На третий год Владимир воротился в Новгород с варягами и сказал посадникам ярополковым: «Идите к брату моему и скажите: Владимир идет на тебя — приготовься!».

Подошел Владимир к Киеву со множеством войска. Ярополк заперся в городе с воеводою Блудом, которому доверял много. Владимир задумал хитростью взять город и подослал сказать Блуду: «помоги мне: если я убью брата, то ты будешь мне вместо отца. Ведь не я начал избивать братьев, а Ярополк, я же из страху пришел на него». Забыл Блуд, чей хлеб он ел и сколько Ярополк осыпал его дарами и честью, и передался на сторону Владимира.

Замыслив погубить Ярополка, Блуд стал говорить ему: «Киевляне пересылаются со Владимиром, хотят ему отдаться. Беги же из Киева!». Ярополк, поверив Блуду, убежал из Киева и затворился в маленьком

городке Родне. Владимир пошел в Киев, а потом осадил Ярополка в Родне, где скоро сделался страшный голод. Тогда Блуд стал опять говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата, нам их не одолеть: заключай поскорее мир». Ярополк на это согласился. Тогда Блуд послал к Владимиру сказать: «Я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядись, как бы убить его». Ярополк собрался идти к Владимиру, но верный слуга, Варяжко, сказал ему: «Не ходи, князь, убьют тебя! Убежим лучше к печенегам и приведем оттуда войско». Однакоже Ярополк не послушал совета верного слуги и пошел к Владимиру. Как только Ярополк вошел в терем, Блуд захлопнул за ним двери, а два варяга убили князя мечами. Увидев, что княз погиб, Варяжко бежал к печенегам и долго с ними воевал против Владимира, мстя за своего князя.

ВЛАДИМИР-ЯЗЫЧНИК.

(980—988)

Начал Владимир один княжить в Руси и поставил в Киеве на холме, за своим дворцом, много кумиров языческих: Перуна деревянного с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Даж-бога и других. Киевляне приносили им богатые жертвы, даже, чего прежде не бывало, приносили в жертву сыновей своих и дочерей: так осквернилась кровью земля русская!

Раз, возвратившись в Киев, после нескольких побед над соседними народами, Владимир захотел отблагодарить богов своих. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на мальчиков и девиц, и на кого падет жребий, того и принесем в жертву богам».

В это время жил в Киеве один варяг, который пришел из Греции и исповедывал христианскую веру, а у этого варяга был сын — прекрасный лицом и душою. На него-то и пал страшный жребий.

Посланные к варягу пришли и сказали ему: «Боги выбрали твоего сына, отдай его нам, и мы принесем его в жертву богам». Отвечал им варяг: «Не боги то, а

дерево, сегодня они есть, а завтра сгниют, и сделаны они вашими же руками. Бог же один, тот, которому поклоняются греки. Он все сотворил, и небо, и землю, и человека; а ваши боги что сделали? Они сами сделаны. Не отдам сына своего бесам!».

Узнав об отказе варяга, народ собрался с оружием и разломал забор около варяжского дома. Варяг стоял в сенях с сыном и говорил оттуда народу: «Если ваши боги — точно боги, то пусть пошлют одного бога, чтобы взять моего сына. А вы о чем хлопочете?» Народ завопил в ярости, схватился за топоры, подрубил сени и убил обоих варягов. Никто не знает, где похоронили этих первых мучеников русских.

Так царствовало в России язычество, но уже приближался конец ему.

КРЕЩЕНИЕ РУСИ.

(988)

Когда слух разнесся о том, что Владимир очень любит рассуждать о различии вер, чья лучше, то стали к нему приходить люди разных вер и каждый уговаривал принять свою веру. Пришли болгары с Волги и рассказали Владимиру, в чем состоит их магометанская вера. Но не понравились Владимиру магометанские обряды и запрещение пить вино. «Русь любит выпить,— сказал Владимир, — не может быть без этого». Пришли потом немцы от папы. Выслушал их Владимир, но, видно, не понравились ему немцы, и сказал он им: «Никто из отцов наших не принимал вашей веры: идите себе!». Прислали потом послов жиды хозарские, и рассказали эти послы Владимиру, в чем состоит еврейская вера. Выслушал Владимир евреев и спросил их: «А где земля ваша?» Они отвечали: «В Иерусалиме». — «Там ли, полно?» — спросил Владимир. Тогда евреи отвечали: «Разгневался бог на отцов наших и расточил нас по разным странам, а землю нашу отдал христианам». — «Чего же вы хотите? — сказал

Владимир: — не того ли, чтобы и с нами случилось то же?»

После всех прислали греки к Владимиру своего мудреца. И рассказал он князю, в чем состоит истинная христианская вера. Выслушал Владимир внимательно греческого мудреца и отпустил его с большой честью.

Созвал потом Владимир бояр, городских старцев и рассказал им, как приходили послы от болгар, жидов, греков и немцев и как уговаривали его принять каждый свою веру. «Всякий хвалил свою веру, — сказали бояре и старцы, — если же хочешь узнать правду, то выбери лучших людей и пошли их к разным народам посмотреть, как они служат своему богу». Владимир так и сделал.

Когда послы воротились назад, то князь собрал опять бояр и старейшин и приказал послам перед всею дружиной рассказать: что они где видели. Рассказали послы, как были они у болгар и у немцев, но что ни то, ни другое богослужение им не понравилось. «Когда же мы пришли к грекам, — продолжали послы, — и ввели они нас в то место, где служат богу своему, то мы не знали, на небе ли мы, или на земле, и не можем позабыть этой красоты. Знаем только одно, что там поистине пребывает бог и что мы здесь не останемся: всякий человек, попробовав сладкого, отворачивается от горького».

Выслушали бояре и сказали князю: «Если бы был дурен закон греческий, то и бабка твоя, мудрейшая из людей, не приняла бы его».

Владимир решился принять христианскую, православную веру, но ему казалось стыдно просить веры у греков: не хотел он, чтоб коварные греки над ним возгордились. И решился он сначала показать грекам свою силу, а потом уже креститься.

В 988 году пошел Владимир на Корсунь (греческий город в нынешнем Крыму, около того места, где стоит теперь Севастополь). Корсунцы заперлись в городе и крепко оборонялись. Владимир велел насыпать вал вокруг города, но корсунцы подкопали городскую

стену и уносили по ночам землю с валу к себе в город, так что вал не увеличивался. В это время один корсунянин пустил стрелу в стан русский, а на стреле было написано: «на восток от тебя колодцы, из них по трубам идет вода в город; вели копать и перейми воду». Когда переняли воду, то корсунцы изнемогли от жажды и сдались. Войдя в город, Владимир послал сказать греческим царям Василию и Константину: «Вот, я взял ваш славный город; слышу же я, что у вас есть сестра девица; если не отдадите ее за меня, то сделаю с Царе-градом то же, что и с Корсунью».

Услышав это, цари опечалились и послали сказать Владимиру: «Нельзя христианок отдавать за язычников. Если же крестишься, то и сестру нашу получишь и царство небесное; без этого же не можем выдать за тебя сестры нашей». И отвечал Владимир послам царским: «Скажите царям, что я готов креститься, что прежде уже испытал закон ваш и что нравится мне ваша вера и ваше богослужение. Пусть священники придут с сестрою вашею и крестят меня».

Насилу уговорили цари свою сестру Анну идти за Владимира: «Как в плен иду, — говорила она, — лучше бы мне умереть здесь!». С плачем провожали ее родственники, как на смерть.

Когда греческий корабль с царевною, священниками и греческими боярами прибыл в Корсунь, корсунцы вышли навстречу, ввели царевну в город и посадили ее во дворце. В это самое время разболелись у Владимира глаза. И послала ему царевна сказать: «Если хочешь выздороветь, то крестись скорее». Владимир согласился. И епископ корсунский со священниками крестил Владимира. После же крещения Владимир скоро обвенчался с царевной и пошел в Киев, взяв с собою священников, мощи, сосуды церковные и иконы.

Возвратившись в Киев, Владимир велел повалить кумиров: одних изрубить, а других бросить в огонь, Перуна же привязать к лошадиному хвосту и стащить в реку. Потом Владимир приказал оповестить народу: «кто не придет к реке креститься, богатый ли, бедный

ли, — будет мне врагом». И люди шли с радостью, говоря: «если бы эта вера была нехороша, то князь и бояре не приняли бы ее». На другой день Владимир вышел с священниками на Днепр, и сошлось людей многое множество. Все вошли в воду и кто стоял в ней по шею, кто по грудь; малолетние у берега, взрослые подальше, иные держали младенцев на руках; а священник на берегу совершал обряды крещения. И была в этот день великая радость и на земле и на небе.

Так русские приняли христианскую веру; но не скоро еще она распространилась по всей России, и долго держались языческие суеверия в особенности там, где волхвы и кудесники, не желая утратить прежней своей власти, сбивали народ с толку.

ВЛАДИМИР-ХРИСТИАНИН.

(988—1014)

Приняв крещение, Владимир сделался ревностным христианином, строил церкви, ставил их по тем местам, где недавно стояли кумиры языческие и приносились кровавые жертвы; рассылал священников по городам и селам крестить людей; устраивал школы и брал в них детей лучших граждан; причем матери плакали по своим детям, как по мертвецам, не понимая еще пользы учения.

Владимир любил свою дружину, рассуждал с нею обо всех делах, награждал щедро. Он любил жить весело, и на дворе княжеском беспрестанно давались пиры, при князе и без князя. На пирах этих было большое обилие всего, и гости требовали, чего хотели. Так, однажды, подгулявши, начали они роптать на князя, говоря: «худо нам жить у него: дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услыхал это Владимир и велел сделать серебряные ложки. «Серебром и золотом, — говорил он, — я не найду дружины, а с дружиной добуду и серебра и золота».

Помня слова евангельские «Блаженни милостивии, яко тии помиловани будут», Владимир не забывал

нищих и убогих, приказывал им приходить на княжеский двор, оделял их пищей, питьем и деньгами. «Но, — подумал Владимир, — больные и калеки не могут сами дойти до двора моего» и приказал устроить большие возы, нагрузить их мясом, овощами, рыбой, боченками с медом и квасом и развозить по городу, спрашивая: «где больные и нищие, что не могут ходить?», и раздавать, что нужно.

На пиры княжеские, к светлому солнышку-князю Владимиру, как прозвал его русский народ, съезжались со всех концов России. Бывало тут много умных, старых людей, умные речи которых любил слушать Владимир; бывало много сильных, могучих богатырей, сослуживших не одну службу ласковому князю. Народ наш ни про кого не сложил столько песен, как про князя Владимира и про его могучих богатырей.

С соседними государями: польским, венгерским, чешским жил Владимир в любви и согласии, но часто приходилось ему воевать с кочевыми степными варварами.

Раз напали на Русь печенеги, и Владимир встретил их на реке Трубеже; и стоял Владимир по сю сторону реки, а печенеги — по другую и не смели перейти реку ни печенеги, ни наши. Тогда князь печенежский подъехал к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Вышли ты своего богатыря, а я своего, — и пусть поборются. Если твой одолеет, мы не будем воевать три года; если же наш, — то три года будем опустошать твою землю».

Воротившись к себе в стан, Владимир велел клич кликать по палаткам: «Нет ли такого богатыря, чтоб поборолся с печенегом?» И не нашлось никого.

На другой день приехали печенеги и привели своего богатыря, а у нас никого не было. Сильно опечалился Владимир и не знал, что делать. Приходит к нему один старик и говорит: «Княже, вышел я на войну с четырьмя сыновьями, а пятый, младший, остался дома. С самого детства никто не мог побороть этого, моего младшего сына, а раз, когда я бранил его, а он

сидел и мял руками воловью кожу, то рассердился на меня и разорвал кожу руками».

Обрадовался князь и послал за младшим сыном старика. Когда молодой богатырь пришел, то князь рассказал ему в чем дело. «Не знаю, князь, — отвечал юноша,— могу ли я бороться с печенегом. Пусть прежде испытают меня. Нет ли здесь быка большого и сильного?»

Нашли такого быка, раздражили его каленым железом и пустили. Когда бык бежал мимо, то богатырь схватил его рукою за бок и вырвал у него кожу и с мясом, сколько рука захватила. Сказал тогда Владимир: «можешь бороться с печенегом».

На другое утро пришли опять печенеги со своим богатырем; пришел и наш. Печенежский богатырь был очень велик ростом и страшен видом, а наш гораздо поменьше. И стал печенег над ним издеваться.

Размерили место между обоими войсками и пустили борцов. Схватились борцы и начали давить друг друга руками. Наш сдавил печенега до смерти и ударил о землю. Увидя это, печенеги кинулись бежать, а русские погнались за ними: многих порубили, а других прогнали в степь. Рад был Владимир, и заложил на этом месте город Переяславль, — а молодого богатыря и старика отца его сделал большими людьми.

Стараясь оградить Русь от нападения степных дикарей, Владимир выстроил много городов по нашей степной границе, населяя их жителями других мест.

У Владимира от различных жен было 12 человек детей, и он разделил между ними русскую землю на 12 уделов. Но и сам Владимир еще при жизни своей испытал, как дурно было такое деление единой русской земли. Ярослав, сидевший в Великом Новгороде, отказался платить дань отцу. Владимир стал собираться войною на непокорного сына: велел рубить просеки по лесам и стлать мосты по болотам для прохода войска; но сам захворал. В это самое время печенеги опять напали на Русь. Владимир послал против них своего

любимого сына, Бориса, но сам еще более разболелся и помер в селе Берестове, недалеко от Киева.

Приближенные скрыли его смерть, а ночью обернули тело князя в ковер и, проломав в тереме пол, спустили на землю; положивши в сани, тайно ночью привезли в Киев и поставили в церковь святой богородицы. Но старший сын Владимиров, Святополк, которого киевляне не любили, все же узнал ранее других о смерти отца и поспешил в Киев, чтоб занять великокняжеский престол: боялся Святополк, что киевляне, любя Бориса больше всех других князей, выберут его киевским князем.

СВЯТОПОЛК-БРАТОУБИЙЦА.

(1015—1019)

Не найдя печенегов, Борис возвратился с войском назад, когда пришла к нему весть о смерти отца. Горько плакал Борис по отце, а дружина отцовская говорила ему: «у тебя и дружина отцовская и войско, пойди в Киев и сядь на место отца твоего!».

«Нет, — отвечал Борис, — не подыму я руки на брата старейшего. Пусть он будет мне вместо отца». Тогда воины ушли от Бориса, и он остался один на реке Альте с немногими отроками своими. Святополк же, задумав погубить Бориса, послал к нему сказать: «хочу жить с тобою в любви и прибавлю еще к тому, что дал тебе отец». А между тем, сам ночью отправился в Вышгород, призвал к себе какого-то злодея Путшу и вышегородских старшин и спросил их: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» — «Головы свои за тебя сложим», — отвечали Путша и вышегородцы. Тогда Святополк сказал им: «ступайте же тайно и убейте брата моего Бориса». Они обещали сделать все, что он хотел.

Ночью пришли убийцы к реке Альте, где стоял стан Бориса, и когда стали подходить к его палатке, то услыхали, что Борис поет заутреню; к нему уже пришла весть, что хотят погубить его.

Помолившись, лег Борис на постель, а убийцы, как дикие звери, бросились на шатер и закололи копьями Бориса и любимого отрока его, Георгия, который собою хотел закрыть князя. Убийцы завернули Бориса, который еще дышал, в шатерное полотно, положили на воз и повезли. Узнав, что Борис еще дышит, Святополк послал двух варягов, и те покончили князя.

Убив Бориса, окаянный Святополк стал думать, как бы ему убить и Глеба, и послал сказать в Муром, к Глебу, который еще не знал о смерти отца: «Отец заболел и зовет тебя; приезжай поскорее». Глеб немедленно выехал к Киеву с малой дружиной. Но еще на дороге пришла ему весть из Новгорода, от Ярослава, об отцовской смерти: «Не ходи в Киев, — извещал Ярослав, — отец помер, а брат твой Борис убит Святополком». Услыхав о смерти отца и брата, Глеб стал плакать и молиться, а в это самое время пришли убийцы, подосланные Святополком, и по их приказанию повар Глебов зарезал князя.

Окаянный Святополк убил и третьего брата, Святослава. Святослав бежал было в Венгрию, но убийцы догнали его. После этого стал Святополк думать: «перебью всех братьев и стану один владеть в русской земле». Но гроза на него уже приближалась из Новагорода.

Новгородцы дали Ярославу войско, и он пошел на Святополка. Святополк собрал также много войска: руси и печенегов и вышел к Любечу. Оба брата стали друг против друга на берегах Днепра, и ни тот, ни другой не смели начать битвы. И стояли они так три месяца. Однажды воевода Святополков, ездя по берегу, стал корить новгородцев: «зачем вы, плотники, пришли сюда, с вашим хромым князем? (Ярослав был хром.) Вот, мы заставим вас строить нам дома». Рассердились новгородцы и сказали Ярославу: «Завтра же перейдем на ту сторону, а если кто не пойдет с нами, того сами убьем». Начались уже заморозки. Святополк стоял с войском между двумя озерами и пил всю ночь со своей дружиной. На рассвете перешел Ярослав с войском

на другой берег. Новгородцы оттолкнули лодки от берега, чтоб никому нельзя было воротиться назад, и пошли на врагов. Началась злая сеча. Печенегам из-за озера нельзя было помочь Святополку, и новгородцы притиснули Святополка с дружиной к озеру и заставили их отступать по льду, лед же обломился. Видя, что все пропало, Святополк бежал и скрылся в Польше, а Ярослав занял Киев.

На следующий же год Святополк пришел опять на Ярослава с Болеславом, королем польским. Ярослав с варягами и русью встретил поляков на реке Буге. Ярославов воевода и воспитатель начал издеваться над королем Болеславом, говоря: «вот мы проткнем щепкой брюхо твое толстое». Болеслав был так толст, что едва мог взлезть на лошадь, но был умен и сказал дружине: «если вам не жаль, что так издеваются надо мною, то я один пойду на врагов!». Сел на лошадь и поехал через реку в брод, а за ним кинулось войско его. Нападение было так быстро, что Ярослав не успел приготовиться к отпору, был разбит и убежал в Новгород только с четырьмя человеками, а Болеслав с Святополком заняли Киев. Польское войско разместили по городам, Святополку скоро показались тяжелы такие гости, и он велел избивать поляков. Тогда Болеслав, ограбивши Киев, ушел в Польшу.

Прибежав в Новгород, Ярослав хотел уже уйти за море, но новгородцы его не пустили, говоря: «хотим еще биться с Святополком». Стали сбирать деньги, войско, призвали варягов. Святополк, оставленный Болеславом, узнав, что брат опять идет на него, бежал к печенегам, собрал там множество войска и пошел на Ярослава. Братья встретились на берегу реки Альты. И только что показалось солнце, началась сеча, да такая, какой еще и не видали на Руси! Рубились мечами, схватывая друг друга за руки, кровь по удольям текла ручьями. К вечеру Ярослав одолел.

Святополк бежал: на него напал такой страх, что он, как Каин, дрожал всем телом и не мог идти: отроки взяли его на носилки и понесли. Но как только хотели

где-нибудь остановиться для отдыха, то убийца кричал: «Бегите со мною, за нами гонятся!», хотя не видно было никого, кто бы гнался за ними. Братоубийца не мог оставаться на одном месте. Пробежал он через всю Польшу и погиб где-то в пустыне между польской и чешской землей.

Ярослав вошел в Киев, но недолго был мир на русской земле. На пятый же год другой брат Ярослава, Мстислав, князь Тмутараканский, пошел на Ярослава войной. Это был князь воинственный, храбрый и искусный в битвах, не раз побеждавший народов прикавказских. Ярослав в это время был в Новгороде, призвал варягов и пошел на брата. Братья встретились у Листвена. Началась страшная битва, а в это время была и страшная гроза: блистали и молния, и оружие. Мстислав одолел ярославовых варягов и Ярослав бежал. Однакоже, после битвы, Мстислав послал сказать брату: «Ты мне старший брат, сиди в своем Киеве, а мне пусть будет эта земля по ту сторону Днепра». И остался княжить в Чернигове. С тех пор был мир между братьями в русской земле. Когда же, в 1036 году, Мстислав помер, то Ярослав сделался единодержавным князем Руси.

ЯРОСЛАВ И ПЕРВЫЕ ЕГО ПРЕЕМНИКИ.

1036—1054)

По смерти брата своего Мстислава, Ярослав стал княжить один в русской земле, только в Полоцке был свой особый князь, Брячислав Изяславич, от старшего сына Владимирова, Изяслава. В княжение Ярослава была тишина в русской земле, и соседи ее не смели трогать.

Ярослав любил церковь и ученье, устраивал школы, приказывал переводить церковные книги с греческого языка на славянский, строил церкви, украшал их золотом, серебром и дорогими иконами. Так, он построил Софийский собор в Киеве и такой же в Новегороде. Строил города в отдаленных пределах России для

защиты от врагов: Ярославль — на Волге, Юрьев, нынешний Дерпт, — на Чудской земле.

Ярослав первый дал письменные законы, известные под именем «Русской правды», которые впоследствии добавлялись другими князьями. Помня великие услуги новгородцев, не раз спасавших его в борьбе с Святополком, Ярослав дал Новгороду *льготные грамоты*, и, ссылаясь на эти грамоты, новгородцы долго управлялись сами собою. Собирая по звуку колокола вече на *Ярославовом дворе*, решали они сами все важнейшие дела: объявляли войну и заключали мир, призывали князей, а поссорившись с ними, изгоняли; избирали посадников, тысяцких и другие земские власти, — тогда как в прочих городах все почти зависело от князя.

Перед смертью Ярослав призвал детей своих, завещал им жить мирно, не ссориться, слушаться старшего брата, как слушались отца, и разделил между ними всю русскую землю на пять областей: Изяславу отдал Киев и Великий Новгород, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленск, а Игорю — Владимир на Волыни. «Ты же,— сказал он Изяславу, — если кто захочет обидеть брата, помогай обиженному». Вскоре Ярослав разболелся и помер. Тело его положили в мраморном гробу в церкви святой Софии.

Но недолго дети Ярослава соблюдали завет отца своего жить в любви и мире. Начались ссоры из-за того, что Ярослав, назначив уделы сыновьям своим, не дал ничего ни родному внуку своему Ростиславу, сыну своего старшего сына Владимира, умершего еще при отце, ни двоюродному, Всеславу, сыну Брячислава Полоцкого. Потом Святослав Черниговский, уже без всякого права, захотел отнять Киев у старшего брата, так что Изяславу несколько раз приходилось бежать из Киева и искать себе помощи у чужеземцев.

После Изяслава, великим князем Киевским сделался Всеволод Ярославич, так как Святослав Черниговский уже помер. Всеволод был тоже князь слабый,

которого поддерживал только храбрый, мужественный сын его, Владимир, прозванный Мономахом.

По смерти Всеволода, уже не оставалось в живых никого из детей Ярослава, а были только внуки и правнуки, а великим князем был признан старший из внуков, сын Изяслава, Святополк.

По обычаю того времени, не сын наследовал отцу в его уделе и в великом княжении, а старший в роде, чаще всего брат покойного. Но дети не хотели уступать дядям отцовского наследства, и оттого возникали беспрестанные распри и междоусобия между князьями. Один князь губил другого, захватывал в плен или выгонял из удела, а изгнанные искали часто защиты и помощи у чужеземцев и приводили на русскую землю то венгров, то варваров-половцев. Чем дальше, тем более размножались княжеские роды: русская земля дробилась, и при каждом новом переделе не обходилось без распрей и междоусобных войн. Народ бедствовал: духовенство громко обвиняло князей, но дружина, для которой война была ремеслом, часто ссорила их, а князья наши и без того любили войну.

ОСНОВАНИЕ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

При Ярославе основалась Киево-Печерская лавра. И вот какое было ее начало.

В Берестове, близ Киева, где любил проживать Ярослав, был священник по имени Иларион, человек добродетельный, книжник и постник. С Берестова он часто ходил на холм, на берегу Днепра, и молился там богу в густом лесу. Здесь выкопал он для молитвы небольшую пещерку, сажени в две, и в ней часто отпевал часы и молился тайно.

Ярослав знал Илариона, любил его и сделал потом митрополитом киевским, а пещерка так и осталась.

Через несколько времени, один человек из города Любеча пошел в Грецию и в одном из афонских монастырей, на «Святой горе», постригся в монахи под именем Антония. Игумен монастыря сказал Антонию:

«Ступай в Русь опять: над тобой будет благословение Святой горы и размножатся от тебя на Руси монахи».

Антоний пришел в Киев, долго искал места, где бы поселиться: нашел, наконец, пещерку, вырытую Иларионом, и поселился в ней. Здесь вел он строгую монашескую жизнь: молился богу, ел сухой хлеб, и то через день, самую воду пил умеренно и все раскапывал пещерку дальше и дальше, не давая себе покоя ни днем, ни ночью.

Когда Ярослав помер, то Антоний сделался уже так известен, что сын Ярослава, великий князь киевский Изяслав, приходил к нему с дружиною, прося молитвы и благословения. Собралось к Антонию 12 человек братии, выкопали большую пещеру, устроили в ней кельи и церковь. Антоний поставил над братией игуменом Варлаама, а сам сказал: «Вот вам игумен, я же привык к уединению и пойду искать себе другого места». Выкопал себе в горе новую пещеру и стал в ней жить.

Число монахов размножалось, и они спросили совета у Антония, как бы им устроить монастырь. Антоний послал одного из монахов к князю Изяславу сказать: «Князь, бог умножает братию, а места ей мало, дал бы ты нам гору, что над пещерой». Изяслав дал с радостью. Игумен и братия заложили большую церковь, обнесли монастырь стеною, поставили много келий. И таким образом начался Печерский монастырь.

Когда Варлаам был переведен в другой монастырь, то Антоний выбрал игуменом Феодосия. При Феодосии число монахов возросло до 100 человек. Монастырь принял устав греческого студийского монастыря, и этот устав распространился потом и по другим монастырям русским. Антоний же, прожив безвыходно 40 лет в своей пещере, в ней и скончался, там и теперь покоятся его мощи.

При Феодосии пришел в монастырь 17-летний юноша и постригся в монахи под именем Нестора. Этот-то Нестор и описал нам, как устроилось русское государство, как жили наши предки и что делали наши первые князья. Мощи летописца Нестора и теперь

почиют в киевских пещерах. Летопись Нестора переписывалась потом много раз и разошлась по другим монастырям, а другие летописцы, — такие же монахи, как и Нестор, — прибавляли к ней год за годом то, что случалось в их время: так и дошло до нас предание о том, как жили и что делали наши предки.

Все, что вы до сих пор прочитали из русской истории, взято, почти слово в слово, с небольшими изменениями, из летописи преподобного Нестора.

Хрестоматия

ОТДЕЛ I.

БАСНИ И РАССКАЗЫ В ПРОЗЕ.

ИГРАЮЩИЕ СОБАКИ.

Володя стоял у окна и смотрел на улицу, где грелась на солнышке большая дворовая собака, Полкан.

К Полкану подбежал маленький Мопс и стал на него кидаться и лаять; хватал его зубами за огромные лапы, за морду и, казалось, очень надоедал большой и угрюмой собаке. «Погоди-ка, вот она тебе задаст!» сказал Володя: «проучит она тебя». Но Мопс не переставал играть, а Полкан смотрел на него очень благосклонно.

— Видишь ли, — сказал Володе отец, — Полкан добрее тебя. Когда с тобою начнут играть твои маленькие братья и сестры, то непременно дело кончится тем, что ты их приколотишь. Полкан же знает, что большому и сильному стыдно обижать маленьких и слабых.

ДВА КОЗЛИКА.

Два упрямые козлика встретились однажды на узком бревне, переброшенном через ручей. Обоим разом перейти ручей было невозможно; приходилось которому-нибудь воротиться назад, дать другому дорогу и обождать. «Уступи мне дорогу», сказал один. — Вот еще! Подика-ты, какой важный барин, — отвечал другой: — пяться назад; я первый взошел на мост».—

«Нет, брат, я гораздо постарше тебя годами, и мне уступить молокососу! Ни за что!» Тут оба, долго не думавши, столкнулись крепкими лбами, сцепились рогами и, упираясь тоненькими ножками в колоду, стали драться. Но колода была мокра: оба упрямца поскользнулись и полетели прямо в воду.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛ.

Прекрасная, сильная лошадь без всякой поклажи и тяжело навьюченный осел шли по дороге за своим хозяином. «Любезная лошадь, — сказал осел, — возьми на себя хотя маленькую часть моей ноши: я задыхаюсь под тяжестью!» Лошадь гордо отказалась. Вздохнул бедный осел и, опустив уши, побрел далее, но, протащившись еще кое-как с версту, пошатнулся, упал и издох. Теперь только увидел хозяин, как он был несправедлив к бедному животному и что напрасно баловал он сильную, молодую лошадь. Погоревал хозяин, попенял на себя, но делать нечего, надобно было ехать далее. И вот он навьючил всю ослиную ношу на гордую лошадь, да прибавил к ноше еще и ослиную кожу, которой не захотел даром бросить на дороге.

— Поделом мне! — подумала лошадь: — если бы я сжалилась над моим бедным спутником, то и он был бы жив, да и мне не пришлось бы теперь так тяжело.

ВЕТЕР И СОЛНЦЕ.

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге. «Посмотри, — сказал Ветер, — как я налечу на него: мигом сорву с него плащ». Сказал, — и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду,

но ехал все дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождем и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уже Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдернуть. Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу. «Видишь ли, — сказало тогда кроткое Солнце сердитому Ветру: —лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом».

ДВА ПЛУГА.

Из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской были сделаны два плуга. Один из них попал в руки земледельца и немедленно пошел в работу; а другой долго и совершенно бесполезно провалялся в лавке купца. Случилось через несколько времени, что оба земляка опять встретились. Плуг, бывший у земледельца, блестел, как серебро, и был даже еще лучше, чем в то время, когда он только-что вышел из мастерской; плуг же, пролежавший без всякого дела в лавке, потемнел и покрылся ржавчиной. «Скажи, пожалуйста, отчего ты так блестишь?»— спросил заржавевший плуг у своего старого знакомца. «От труда, мой милый», отвечал тот: «а если ты заржавел и сделался хуже, чем был, то потому, что все это время ты пролежал на боку, ничего не делая».

ОРГАНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА.

Однажды органы человеческого тела перессорились между собою и решились не служить более друг другу. Ноги сказали: «почему мы именно должны носить все тело? Пусть оно сделает само себе другие ноги, да и ходит сколько угодно». Руки также сказали:

«и мы не хотим работать для других, устройте себе другие руки, и пусть они для вас трудятся». Рот проворчал: «глуп же я буду, если ни-за-что, ни-про-что стану пережевывать пищу для желудка, чтобы он ее потом переварил, развалившись, как какой-нибудь важный барин. Нет, поищи себе другого рта, а я тебе больше не слуга». Глаза находили также очень странным, что они должны смотреть за все тело и стоять беспрестанно на страже. Так разговаривали между собою все органы человеческого тела и решились не служить более друг другу. Что же случилось? Так как ноги не хотели ходить, руки перестали работать, рот перестал есть и глаза закрылись, то все тело, оставшись без движения и пищи, начало слабеть, хиреть и едва было совершенно не замерло. Всем органам, составляющим тело, стало тяжело и пришлось бы еще хуже, если бы они не догадались, как глупо они поступали. «Нет, так жить плохо», подумали они; помирились, стали попрежнему друг на друга работать, — и все тело поправилось и сделалось здоровым и сильным.

БРАТ И СЕСТРА.

Сережа и Аннушка остались дома одни, и брат сказал сестре: «Пойдем, поищем, не осталось ли в доме чего-нибудь вкусного, и полакомимся». — «Если бы ты повел меня в такое место, где нас никто не увидит, то, пожалуй, я пошла бы с тобою», — отвечала Аннушка. — «Пойдем в кладовую; там мы найдем что-нибудь хорошенькое, и никто нас не увидит». — «Нет, Сережа, там может нас увидеть сосед: он колет на дворе дрова». — «Ну, так пойдем в кухню», — уговаривал Сережа сестру: «там стоит целый горшок меду, и мы намажем себе по большому ломтю хлеба». — «В кухне увидит нас соседка: она, верно, теперь сидит у окна и прядет». — «Ах, какая же ты трусиха, Анюта, — сказал маленький лакомка, — пойдем, если так, в погреб кушать яблоки; там уже наверное нас

никто не увидит». — «Ах, милый Сережа, неужели ты думаешь, что в погребе никто уже нас не увидит?.. Разве ты не знаешь о том, кто видит через стены и от которого и в темноте нельзя скрыться?» Сережа испугался. «Правда твоя, сестрица, — сказал он: — бог видит нас и там, где человеческий глаз ничего не видит; а потому ни наедине, ни в темноте не должны мы делать ничего такого, чего не смели бы сделать при других и при свете».

ЛЮБОПЫТСТВО.

Павлуша (*с любопытством*). Что это там у тебя в переднике, Лиза? — *Лиза.* А тебе это очень нужно знать? — *Павлуша* (*шутя*). Покажи же, а не то я насильно посмотрю. — *Лиза.* Ничего там нет. — *Павлуша.* Неправда: ты что-то прячешь от меня. Покажи, пожалуйста, покажи. — *Лиза.* Не тронь: может быть, это подарок тебе к новому году. — *Павлуша.* Как? Что? Подарок к новому году? Покажи же, душечка-сестрица, покажи, что там такое (*хочет вырвать передник из рук сестры, но Лиза не дает*). Скажи, по крайней мере, что это такое? Верно, кошелек? Не правда ли, кошелек? — *Лиза.* Зачем тебе кошелек; разве я тебе не вывязала кошелька? — *Павлуша.* Что ж бы это было такое? Ах, знаю: ты связала мне шарфик. — *Лиза.* У тебя два шарфика. На что же тебе третий? — *Павлуша.* Как ты меня мучишь, сестрица! Какая ты скрытная! — *Лиза.* Какой ты любопытный! *Павлуша.* Знаю, знаю. Это, верно, батюшка купил мне что-нибудь к новому году, какая-нибудь игрушка? — *Лиза.* Может быть, батюшка и купил тебе что-нибудь, но ты знаешь, как он не любит, чтобы угадывали заранее его подарки. — *Павлуша.* Да я ему не скажу и в новый год притворюсь, как будто ничего не знаю. — *Лиза.* Я и не знала, что ты умеешь так притворяться. Покажи-же, как ты это сделаешь.— *Павлуша.* Уж сделаю как-нибудь, но помоги мне, пожалуйста, отгадать, что там у тебя такое. Что-нибудь

из царства растительного? — *Лиза.* Нет. — *Павлуша. Из царства животного?* — *Лиза.* Нет. — *Павлуша. Из царства минерального?* — *Лиза.* Нет. — *Павлуша.* Теперь же я тебя поймал: конечно, нет в твоем переднике чего-нибудь *из царства духов.*— *Лиза.* Конечно, нет! (*опускает со смехом передник и показывает, что в руках у нее ничего нет*). К какому царству принадлежит ничто? — *Павлуша.* Ах ты, плутовка! Зачем же ты так таинственно закрывала руки передником, как будто бы у тебя и бог знает что такое? — *Лиза.* Мне просто было холодно без перчаток; а ты сам себя наказал своим любопытством. — *Павлуша.* Хорошо, хорошо, но, знаешь ли, что я скажу тебе, Лиза! В другой раз уже ты меня так не проведешь.

ПЕРСИКИ.

Отец привез из города пять персиков. Дети его в первый раз видели эти плоды и не могли насмотреться на хорошенькие яблоки с красными щечками, покрытыми нежным пухом. Отец подарил каждому из детей своих по персику, а пятый отдал матери. Вечером, когда дети собирались уже спать, отец спросил у них, вкусны ли показались им хорошенькие яблоки. — «Ах, очень, — отвечал старший сын, — мое было такое вкусное, сладкое, сочное. Я спрятал косточку, потом посажу ее, и у меня вырастет целое дерево». — «Браво,— сказал отец: — ты будешь у меня хороший хозяин».— «Я свой тотчас же съел, — отвечал младший, — а косточку бросил. Матушка дала мне еще половину своего. Какое вкусное яблочко: так и тает во рту!»— «Ну, ты поступил не очень умно, — сказал отец, — но от тебя нельзя и требовать другого: время рассудка еще придет».

— Я, — сказал второй сын, — подобрал косточку, которую бросил младший брат, и разбил ее. Там было превкусное зернышко. А персик мой я продал и взял за него столько денег, что когда поеду в город, то могу купить себе на них целую дюжину!»

Отец покачал головою и сказал: «Умно, но не по-детски. Не дай бог сделаться тебе купцом. А ты, Эдмунд?» — спросил он, обращаясь к третьему сыну.

— Я отнес мой персик, — отвечал Эдмунд, — сыну соседа, маленькому Георгу, который лежит в лихорадке. Он не хотел его брать: я положил персик к нему на постель и убежал.

— Скажите же мне теперь, кто сделал лучшее употребление из своего персика? — спросил отец.— «Брат Эдмунд!» — отвечали все трое в один голос. Эдмунд же стоял и молчал. Мать обняла его со слезами на глазах.

ГУСИ.

Вася увидел вереницу диких гусей, которые неслись высоко в воздухе.

Вася. Могут ли так же летать наши домашние гуси?— *Отец.* Нет.—*Вася.* Кто же кормит диких гусей?—*Отец.* Они сами отыскивают себе пищу. — *Вася.* А зимою? — *Отец.* Как только наступает зима, дикие гуси улетают от нас в теплые страны, а весною возвращаются снова. — *Вася.* Но почему же домашние гуси не могут летать так же хорошо и почему не улетают они от нас на зиму в теплые страны? — *Отец.* Потому, что домашние животные потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у них не так тонки, как у диких.—*Вася.* Но почему это случилось с ними? — *Отец.* Потому, что люди об них заботятся и отучили их пользоваться их собственными силами. Из этого ты видишь, что и люди должны стараться делать сами для себя все, что только могут. Те дети, которые полагаются на услуги других и не приучаются сами делать для себя все, что только могут, никогда не будут сильными, умными и ловкими людьми. — *Вася.* Нет, теперь я буду стараться сам все для себя делать, а не то, пожалуй, и со мной может сделаться то же, что с домашними гусями, которые разучились летать.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Индеец Северной Америки, возвратившись в свою хижину, открыл, что окорок ветчины, который он повесил на дерево провялиться, был украден. Осмотрев внимательно местность, индеец пустился преследовать вора и спрашивал у всех, кто встречался ему: не видали ли они старого, белого человека, небольшого роста, с коротким ружьем и с небольшою собакою, у которой очень длинный и мохнатый хвост. Многие отвечали ему, что действительно встречали такого человека; но в то же время спрашивали, как он мог делать такое подробное описание лица, которого никогда не видал. «Что вор небольшого роста», отвечал индеец, «это я заключил из того, что он должен был подкладывать камни, чтобы снять ветчину, которую я повесил стоя на земле; что он старик — я знаю это по его коротким шагам, следы которых остались на упавших листьях в лесу; что он белый — я знаю это потому, как он выворачивает свои пятки, чего индеец никогда не делает. Ружье его должно быть коротко, это я видел потому, что, поставив его у дерева, он сдернул немного кору. Собака его не велика— это видно по ее следам; а что у нее пушистый хвост — это я заметил по знаку, который она оставила на песке, когда сидела и облизывалась, пока хозяин ее крал мою ветчину».

ВЕРНАЯ СОБАКА.

Даже животные чувствуют благодарность к тем, кто желает им добра; неужели же человек может быть неблагодарным? Животные привязаны и преданы своим господам; в особенности отличаются этим собаки.

Один купец отправился в дорогу верхом и следом за ним бежал его верный пудель. Купец ехал за тем, чтобы получить большую сумму денег. Получив деньги и привязав их в мешке к седлу, поехал он домой. Дорогой мешок отвязался и упал, а купец и не

заметил. Зоркий пудель видел, как упал мешок; попробовал было поднять его зубами, но почувствовал, что он был ему не под силу. Тогда пудель, оставив мешок, догнал своего господина, забежал вперед, стал кидаться на лошадь и лаять с ожесточением и упорством. Не зная, в чем дело, купец кричал на пуделя, бранил его, ударил кнутом, — ничего не помогало. Верное животное продолжало кидаться на лошадь с такой яростью, как будто хотело стащить долой своего хозяина. Видя, что ничего не помогает и что купец все едет дальше и дальше, пудель стал кусать за ноги лошадь, чтобы заставить хозяина воротиться. Купец испугался: ему пришло на мысль, что пудель его *взбесился*, и, зная как опасны бешеные собаки, купец решился застрелить своего верного слугу. Долго еще, однакоже, старался он отделаться от пуделя то ласками, то угрозами, то ударами кнута; но, видя, что ничто не помогает, вынул пистолет и с стесненным сердцем выстрелил в верную собаку. Бедное животное упало; но через минуту опять поднялось и с жалобным визгом, обливаясь кровью, старалось следовать за хозяином. Купец очень любил своего верного пуделя, ему было тяжело смотреть, как он страдает, и потому он, пришпорив лошадь, ускакал вперед. Отъехав немного, купец захотел взглянуть, что сталось с бедным животным, и тут только, оборачиваясь назад, заметил он, что мешка с деньгами не было у седла. Понял тут купец, зачем так упорно лаяла и кидалась на него верная собака, и ему было больше жаль собаки, нежели денег. Он тотчас же поскакал назад, но не нашел уже пуделя на том месте, где его оставил. Следы крови по дороге показывали, что собака воротилась назад. Как больно было доброму купцу, когда, отправившись по кровавым следам, он нашел верное животное издыхающим у мешка с деньгами. Понятливо смотрела собака на своего хозяина и ласково лизала ему руку. Через несколько минут пудель издох; а купец, не радуясь найденным деньгам, воротился домой.

БОДЛИВАЯ КОРОВА.

(Из рассказов хуторянина.)

Была у нас корова, да такая характерная, бодливая, что беда. Может быть, потому и молока у нее было мало. Помучились с ней и мать и сестры. Бывало, прогонят в стадо, а она или домой в полдень придерет, или в житах очутится, — иди, выручай! Особенно, когда бывал у нее теленок, — удержу нет! Раз даже весь хлев рогами разворотила, к теленку билась, а рога-то у нее были длинные да прямые. Уж не раз собирался отец ей рога отпилить, да как-то все откладывал, будто что предчувствовал, старый. А какая была увертливая да прыткая! Как поднимет хвост, опустит голову да махнет, — так и на лошади не догонишь. Вот раз, летом, прибежала она от пастуха еще задолго до вечеру,— было у ней дома теля. Подоила мать корову, выпустила теля и говорит сестре, — девочке эдак лет двенадцати: «погони, Феня, их к речке, пусть на бережку попасутся, да, смотри, чтоб в жито не затесались. До ночи еще далеко: что им тут без толку стоять!». Взяла Феня хворостину, погнала и теля, и корову; пригнала на бережок, пустила пастись; а сама под вербой села и стала венок плести из васильков, что по дороге во ржи нарвала; плетет и песенку поет.

Слышит Феня, что-то в лозняке зашуршало; а речка-то с обоих берегов густым лозняком обросла. Глядит Феня, что-то серое сквозь густой лозняк продирается, и покажись глупой девочке, что это наша собака, Серко. Известно, — волк на собаку совсем похож; только шея неповоротливая, хвост палкой, морда понурая и глаза блестят; но Феня волка никогда вблизи не видала. Стала уже Феня собаку манить: «Серко, Серко!» как смотрит,— теленок, а за ним корова несутся прямо на нее, как бешеные. Феня вскочила, прижалась к вербе, не знает, что делать; теленок к ней, а корова их обоих задом к дереву прижала, голову наклонила, ревет, передними копытами землю роет, а рога-то

прямо волку выставила. Феня перепугалась, обхватила дерево обеими руками, кричать хочет — голосу нет. А волк прямо на корову кинулся, да и отскочил: с первого разу, видно, задела его рогом. Видит волк, что нахрапом ничего не возьмешь, и стал он кидаться то с той, то с другой стороны, чтобы как-нибудь сбоку в корову вцепиться, или теля отхватить, — только куда ни кинется, везде рога ему навстречу. Феня все еще не догадывается, в чем дело, хотела бежать да корова не пускает, так и жмет к дереву. Стала тут девочка кричать, на помощь звать: «ратуйте, кто в бога вируе, ратуйте!» Наш казак орал тут на взгорке, услышал, что и корова-то ревет и девочка кричит, кинул соху и прибежал на крик. Видит казак, что делается, да не смеет с голыми руками на волка сунуться; такой он был большой да остервенелый; стал казак сына кликать, что орал тут же на поле. Как завидел волк, что люди бегут, унялся, огрызнулся еще раз, два, завыл, да и в лозняк. Феню казаки едва домой довели,— так перепугалась девочка. Порадовался тогда отец, что не отпилил корове рогов.

ЧУЖОЕ ЯИЧКО.

(Из рассказов хуторянина.)

Рано утром встала старушка Дарья, выбрала темное, укромное местечко в курятнике, поставила туда корзинку, где на мягком сене были разложены 13 яиц, и усадила на них хохлатку. Чуть светало, и старуха не рассмотрела, что тринадцатое яичко было зеленоватое и поменьше прочих. Сидит курица прилежно, греет яички; сбегает поклевать зернышек, попить водицы,— и опять на место; даже вылиняла, бедняжка. И какая стала сердитая: шипит, клохчет, даже петушку не дает подойти, а тому очень хотелось заглянуть, что там в темном уголке делается. Просидела курочка недели с три, и стали из яичек цыплята выклевываться один за другим: проклюнет скорлупку

носом, выскочит, отряхнется и станет бегать, ножками пыль разгребать, червячков искать.

Позже всех проклюнулся цыпленок из зеленоватого яичка. И какой же странный он вышел, кругленький, пушистый, желтый, с коротенькими ножками, с широким носиком. «Странный у меня вышел цыпленок, — думает курица: — и клюет, и ходит-то он не по-нашему; носик широкий, ноги коротенькие, какой-то косолапый, с ноги на ногу переваливается». Подивилась курица своему цыпленку, однакоже, какой ни на есть, а все сын. И любит, и бережет его курица, как и прочих; а если завидит ястреба, то, распустивши перья и широко раздвинув круглые крылья, прячет под себя всех своих цыплят, не разбирая, какие у кого ноги.

Стала курочка деток учить, как из земли червячков выкапывать, и повела всю семью на берег пруда: «там-де червей больше и земля мягче». Как только коротконогий цыпленок завидел воду, так прямо и кинулся в нее. Курица кричит, крыльями машет, к воде кидается; цыплята тоже перетревожились: бегают, суетятся, пищат; и один петушок с испугу даже вскочил на камешек, вытянул шейку и в первый еще раз в своей жизни заорал осиплым голоском: «ку-ку-ре-ку!». Помогите, мол, добрые люди, братец тонет! Но братец не утонул, а превесело и легко, как клок хлопчатой бумаги, плавал себе по воде, загребая воду своими широкими, перепончатыми лапами. На крик курицы выбежала из избы старая Дарья, увидела, что делается, и закричала: «Ах-ти, грех какой! видно, это я сослепу подложила утиное яйцо под курицу».

А курица так и рвалась к пруду: насилу могли отогнать бедную.

ГАДЮКА.

(Из рассказов хуторянина.)

Вокруг нашего хутора, по яругам и мокрым местам, водилось немало змей. Я не говорю об ужах: к безвредному ужу у нас так привыкли, что и змеей-то

его не зовут. У него есть во рту небольшие острые зубы, он ловит мышей и даже птичек и, пожалуй, может прокусить кожу; но нет яду в этих зубах, и укушение ужа совершенно безвредно. Ужей у нас было множество, особенно в кучах соломы, что лежала около гумна: как пригреет солнышко, так они и выползут оттуда; шипят, когда пойдешь, язык или жало показывают; но ведь не жалом змеи кусают. Даже в кухне под полом водились ужи; как станут, бывало, дети, сидя на полу, молоко хлебать, так уж и выползет и к чашке голову тянет, а дети его ложкой по лбу.

Но водились у нас не одни ужи; водилась и ядовитая змея, черная, большая, без тех желтых полосок, что видны у ужа около головы. Такую змею зовут у нас *гадюкою*. Гадюка нередко кусала скот, и если не успеют, бывало, позвать с села старого деда Охрима, который знал какое-то лекарство против укушения ядовитых змей, то скотина непременно падет, — раздует ее, бедную, как гору. Один мальчик у нас также умер от гадюки. Укусила она его около самого плеча и, прежде, чем пришел Охрим, опухоль перешла с руки на шею и грудь; дитя стало бредить, метаться и через два дня померло. Я в детстве много наслышался про гадюк и боялся их страшно, как будто чувствовал, что мне придется встретиться с опасной гадиной.

Косили у нас за садом, в сухой балке, где весной всякий год бежит ручей, а летом только сыровато и растет высокая густая трава. Всякая косовица была для меня праздником, особенно как сгребут сено в копны. Тут, бывало, и станешь бегать по сенокосу и со всего размаху кидаться в копны и барахтаться в душистом сене, пока не прогонят бабы, чтобы не разбивал копен. Вот так-то и в этот раз бегал я и кувыркался; баб не было, косари пошли далеко, и только наша черная, большая собака, Бровко, лежала на копне и грызла кость. Кувыркнулся я в одну копну, перевернулся в ней раза два и вдруг вскочил с ужасом. Что-то холодное и скользкое мазнуло меня по руке. Мысль о гадюке мелькнула в голове моей, и что же? Огром-

ная гадюка, которую я обеспокоил, вылезла из сена и, подымаясь на хвост, готова была на меня кинуться. Вместо того, чтобы бежать, я стою, как окаменелый, будто гадина зачаровала меня своими безвекими, неморгающими глазами. Еще бы минута — и я погиб; но Бровко, как стрела, слетел с копны, кинулся на змею, и завязалась между ними смертельная борьба. Собака рвала змею зубами, топтала лапами; змея кусала собаку и в морду, и в грудь, и в живот. Но через минуту только клочки гадюки лежали на земле, а Бровко кинулся бежать и исчез.

Тут только воротился ко мне голос: я стал кричать и плакать; прибежали косари и косами добили еще трепетавшие куски змеи.

Но страннее всего, что Бровко с этого дня пропал и скитался неизвестно где. Только через две недели воротился он домой: худой, тощий, но здоровый. Отец говорил мне, что собаки знают траву, которою они лечатся от укушения гадюки.

БОГАТСТВО.

Один небогатый молодой человек встретился со своим прежним учителем и горько жаловался ему на свои неудачи в жизни. Он был когда-то лучшим учеником в школе, и те, которые учились гораздо хуже его, пользовались теперь богатством и известностью, тогда как он во всем терпел недостатки. «Неужели же ты в самом деле так беден, как говоришь?» — сказал ему учитель: — «ты, кажется, пользуешься очень хорошим здоровьем, и эта рука», продолжал учитель, взяв за правую руку своего бывшего ученика: — «сильна и способна к работе. Позволил ли бы ты отрезать ее за тысячу рублей?» — «Сохрани боже, ни за десять», — отвечал молодой человек. «А за сколько же отдал бы ты твои зоркие глаза, которые так ясно видят божий мир, — твой острый слух и твои молодые ноги? Я думаю, ты не променял бы их

и за целое королевство?» — «Конечно, нет», — отвечал юноша. «Как же ты жалуешься на свою бедность, обладая такими богатствами?»

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ДИКАРЬ.

Дикий индеец попросил у своего соседа табаку. Сосед был человек не скупой, полез в карман и вынул оттуда полную горсть. На другое утро первый опять пришел к своему соседу и принес ему серебряную монету, которую нашел в табаке. «Почему же ты не оставил ее у себя?» — спросил случившийся при этом белый человек: — «тот, кто подарил тебе табак, подарил и деньги».

Тогда дикарь положил руку на сердце и сказал: «Здесь у меня сидят два человека — добрый и злой. Добрый говорил мне: «деньги тебе не принадлежат; отдай их тому, чьи они». Злой человек говорил мне: «тебе их отдали — они твои». Добрый сказал на это: «не правда, табак твой, а деньги не твои». Злой человек опять сказал: «не беспокойся: поди и купи себе водки». Я не знал, на что решиться и лег спать. Но злой и добрый человек не переставали драться у меня в сердце и не дали заснуть всю ночь; утром я вскочил и понес деньги назад.

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Два путешественника шли вместе и остановились ночевать в одной гостинице. Ночью их разбудил крик, и они узнали, что в деревне пожар. Один из путешественников поспешно стал одеваться, чтобы идти на помощь; другой удерживал его, говоря: «Пойдем нашей дорогой, тут и без нас людей довольно. Какое нам дело до чужих!» Но товарищ не послушал его и поспешил к горящему дому. Перед домом, который уже весь был объят пламенем, стояла женщина и в отчаянии кричала: «дети мои, дети мои!» Услышав эти крики, чужестранец в ту же минуту кинулся в огонь, несмотря

на яростное пламя и обрушивающиеся балки. «Он погиб, наверное, погиб!» — кричали многие, но через минуту путешественник, с обгоревшими волосами и пылающим платьем, показался из огня, а в руках у него было двое детей, которых он передал рыдающей матери. Несчастная женщина сначала обняла своих детей, как будто еще не веря, что они возвращены ей, а потом бросилась к ногам чужестранца. В эту самую минуту рухнул горевший дом.

— Кто приказал тебе броситься на такое безумное дело? — спросил чужестранца его товарищ.

— Господин огня! — отвечал мужественный человек: — он же и господин дома, отец детей и спаситель! Он сказал в моем сердце: «иди!», а я только исполнил его волю.

ДЕДУШКА И ВНУЧЕК.

Жил-был на свете дряхлый старичок. Глаза его помутились от старости, колена тряслись, и слышал он, бедный, плохо. Когда он сидел за столом, то едва мог держать в руке ложку, проносил ее мимо рта и проливал суп на скатерть. Сын его и невестка смотрели на него с отвращением и, наконец, поместили его в уголке за печкой, куда приносили ему скудную пищу в старой, глиняной миске.

У старика часто навертывались слезы на глаза, и он грустно посматривал в ту сторону, где накрыт был стол. Однажды миска, которую слабо держали его руки, упала и разбилась вдребезги. Молодая невестка разразилась упреками несчастному старику. Он не смел ответить и только, вздохнувши, поник головой. Ему купили деревянную миску, из которой он с той поры и ел постоянно.

Несколько дней спустя, сын его и невестка увидели, что ребенок их, которому было четыре года, сидя на земле, складывает дощечки. «Что ты делаешь?» — спросил его отец.

— Коробочку, — ответил он, — чтобы кормить из нее папашу с мамашей, когда они состарятся.

Муж и жена, молча, переглянулись, потом заплакали и с тех пор стали опять сажать старика за свой стол и никогда больше не обращались с ним грубо.

РАСКАЯНИЕ.

Отец своими руками насадил целый ряд плодовых деревьев лучшей породы. Он очень обрадовался, когда через три или четыре года показались на них первые плоды, хотя, как обыкновенно на молодых деревьях, этих плодов было немного. Но отцу очень хотелось попробовать, каковы они будут на вкус.

Плоды еще не созрели, когда в сад забрался сын соседа — мальчик шаловливый и злой. Он подговорил хозяйского сына, который был моложе его, и они вдвоем так усердно похлопотали около маленьких деревьев, что на них остались одни листья. Пришел хозяин сада и, взглянув на опустевшие деревья, очень огорчился. «Бессовестные дети», — сказал он, — «вы лишили меня удовольствия, которого я так долго ожидал!». Эти слова, сказанные без гнева, но с горестью, глубоко запали в сердце хозяйского сына. Он побежал к своему злому соседу и сказал ему:

— Ах, если бы ты знал, как огорчился батюшка, когда увидал, что мы наделали! Теперь у меня не будет ни минуты покоя. Батюшка не будет любить меня больше, как прежде, но, наверное, накажет презрением, которое я вполне заслужил.

— Глуп, брат, ты, как я вижу! — отвечал ему сын соседа: — почем же узнает твой отец, кто это сделал? Ты только смотри, сам не проговорись.

Но когда Володя (так звали хозяйского сына) воротился домой и увидел, что отец встречает его попрежнему дружески, то в сердце у него что-то кольнуло, и он почувствовал, что сам не может подбежать к отцу с прежней радостью.

«Как же мне, — подумал он, — смотреть весело на того, кого я так огорчил. О, нет! Я не могу попрежнему веселиться. Что-то давит мне сердце».

Через несколько времени отец пошел с детьми в сад и дал каждому из них по нескольку прекрасных плодов, в том числе и Володе. Дети прыгали весело и ели, но Володя закрыл лицо руками и горько заплакал.

— Что с тобою, дитя мое, о чем ты плачешь? — спросил его заботливо отец. Володя не мог выдержать более душевной муки и, рыдая, сказал отцу: «Ах! я не стою того, чтобы ты называл меня своим сыном, и не могу переносить долее, что ты считаешь меня добрым мальчиком, когда я сделал такое злое дело. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше; не дари мне ничего, накажи меня, чтобы я мог к тебе опять приходить спокойно; избавь меня от мучений, которые я чувствую. Накажи меня за мой бессовестный поступок, потому что я... я обобрал молодые деревья!» Услышав это, отец взял сына за руку, ласково привлек его к себе, обнял и сказал: «Я прощаю тебя, дитя мое, и дай бог, чтобы тебе не пришлось в другой раз что-нибудь скрывать от меня: тогда мне не будет жаль моих яблоков».

ПАУК.

Мальчик пошел со своим отцом в виноградник. Там увидал он пчелу, запутавшуюся в паутину. Паук уже готовился вонзить свои ядовитые зубы в тело бедного насекомого, но мальчик разорвал сети хищника и освободил пчелу.

— Ты очень мало ценишь искусство этого насекомого, разрывая его хитрую сеть, — сказал отец мальчику: — разве ты не видишь, как правильно и красиво переплетены эти тонкие ниточки?

— Я думаю, — отвечал мальчик, — что паук так искусно плетет свою сеть для того, чтобы ловить в нее и потом убивать других насекомых, а пчелка собирает мед и воск. Вот почему я освободил пчелку и разрушил хитрое тканье паука.

Отцу понравилось суждение мальчика. — Правда твоя, — сказал он сыну, — но, может быть, ты посту-

пил с пауком не совсем справедливо. Развешивая свою ткань по ветвям винограда, он защищает зреющие кисти от мух и ос и истребляет вредных насекомых.

— Делает ли он это для того, — спросил мальчик,— чтобы сберечь для нас виноград, или для того, чтобы самому поживиться осами и мухами?

— Конечно, — отвечал отец, — ему нет дела до нашего винограда.

—В таком случае, — отвечал мальчик, — добро, которое делает паук, не может быть вменено ему в заслугу.

— Правда твоя, — отвечал отец; — мы должны благодарить за это природу, которая и вредных созданий умеет заставить делать добро и приносить пользу.

— Но скажите, батюшка, — продолжал мальчик,— почему паук в одиночку ткет свою паутину, тогда как пчелы целым обществом делают свои соты?

— Потому, — отвечал отец, — что только добрая цель может прочно соединять многих, союз злых разрушается сам собою.

ПЕСНЯ ПТИЧКИ.

В тесной, крепкой тюрьме большого венгерского города сидел бедный заключенный. Злые люди заковали его в цепи и бросили в тюрьму.

В тюрьме было сыро, темно и холодно. Вместо постели, ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлеб и воду. Он сидел там много лет — бледный, больной, грустный. Солнце редко светило в его узкое окошко, свежий воздух не проходил в тюрьму. Печально думал он о своих милых родных, о маленьких детях своих; думал, что, может быть, давно уже все забыли его, считая умершим. Что-то делается на земле, на родине?

Он подошел к окну. Был чудный летний вечер. Солнце садилось за лесом, освещая красноватым светом его вершины; люди шли и ехали по улицам. Тюрьма была высоко, и люди казались внизу маленькими. Он

закричал им, но никто его не услыхал. В синем небе летали птицы. Перед окном тихо пролетал орел.

— Орел, орел! — закричал ему заключенный, — сядь ко мне на окошко, расскажи, что делается на земле, пропой мне песню.

«Нет, — отвечал орел, — окно твое очень мало — мне негде сесть. Я не расскажу тебе, что делается на земле, потому что редко спускаюсь на землю. Я вью гнездо свое на высочайших скалах и старых дубах, подальше от злых людей, чтобы они не разорили моего гнезда. Я не спою тебе песни, потому что никогда не пою на земле. Я поднимаюсь высоко, высоко, и мои песни слышит только вечное солнце...»

И могучими взмахами широких крыльев орел гордо поднялся к небу и скрылся из глаз.

— Лебедь, лебедь! расскажи, что делается на земле, пропой мне песню!

— Нет, — отвечал лебедь, — я не расскажу тебе, что делается на земле. Я плаваю всегда в воде, чистой, прохладной воде, между зелеными камышами. Когда вода утром, на заре, станет розовая, я громко кричу заре: здравствуй! Я не спою тебе песни,— я спою песню, когда стану умирать...» И лебедь поплыл по воздуху, блистая белыми крыльями.

— Воробушки, воробушки! сядьте на окошко, расскажите, что делается на земле? Спойте песенку! — «Чилик, чилик! Нам некогда! Нам еще нужно поклевать зернышек, которые мельник нечаянно рассыпал...»

Но вдруг порхнула серенькая птичка, повертелась перед окном и села на железную решетку.

— Здравствуй, соловушек! Спасибо тебе, милая птичка, что навестила меня! Расскажи, что делается на земле, спой мне песенку.

«Я расскажу тебе, что делается на земле, я спою тебе песенку», — начал соловушек.

И полились такие звуки, что бедный заключенный заплакал от радости, упал на солому и все плакал и все слушал...

«Вчера утром на заре, — пел соловушек, — было так свежо и прохладно! Я прилетел к твоему домику, сел на зеленый ореховый куст перед раскрытым окошком и все пел и пел. В колыбельке спал твой малютка, — он раскрыл свои большие, светлые глазки и спрашивал: «где папа? где папа?» и слушал мои песни...

«Твои родные плачут, вспоминая о тебе. Они тебя любят, очень любят, очень хотят тебя увидеть. Не унывай! Бог видит, как ты невинен: злые люди отпустят тебя и ты опять выйдешь на волю, на свет, на свежий воздух!

«Дети твои будут тебя ласкать и целовать. Будет тихий, летний вечер, длинные тени потянутся от деревьев, на солнце засверкают стекла окошек: ты будешь на крыльце рассказывать детям, как ты страдал.

«Будешь их учить, чтобы они, когда вырастут, не давали злым людям делать злые дела; чтобы они не сердились на злых людей, а просили бы бога, чтобы все люди любили друг друга, как брат брата...

«И дети твои послушают тебя. Когда они вырастут, ты увидишь их добрыми и честными, увидишь, как они будут помогать бедным. Ты будешь жить долго, долго! Волосы твои поседеют, но сердце будет радостно биться!

«И когда ты умрешь, все будут о тебе плакать и молиться и понесут тебя на зеленое кладбище, в светлый, солнечный день. Над могилой твоей посадят розовый куст, и я буду по зарям петь над твоей могилой»...

ОСЬ И ЧЕКА.

Ехал извозчик Семен с кладью глухой дорогой, по голому, ровному, степному месту. Беда не по лесу ходит; а пойдет беда, растворяй ворота, так одно за другим на тебя и валится. Задымилась у извозчика ось, а до деревни далеко. Как ни бился сердечный, что ни делал — нет, ничем не уймет; кладь тяжелая, а как уже раз загорелась ось, то, известно, хоть брось тотчас; зальет, засыплет землей, бьется один, как рыба об лед;

справился кой-как, — с версту проехал, опять стой, опять то же!

Наезжает сзади шажком другой извозчик, Архипка, по пути; Семен оглянулся, а у того ось запасная сбоку подвязана. Крепок задним умом русский человек, — догадался Семен наш, что надо было бы и ему взять с собою запасную ось. Обрадовавшись находке, снимает он шапку, кланяется товарищу и просит: «Уступи, брат, ось запасную, сделай милость; вот и деньги сейчас отдам, что хочешь бери, только уступи». Тот подошел, поглядел: «Да, говорит, не ладно у тебя дело: пожалуй, возьми, коли хочешь... за два целковых!»

У бедного Семена волос дыбом стал, и обе руки полезли в затылок. Он сказать сказал, как слышали: «что хочешь возьми, только продай», да он, видишь, думал, что съехался с православным, что господь послал ему помощь, а не беду; думал, что тот отдаст ось, как следует в таком случае, за свои деньги, по-христиански,— не разживаться же чужой бедой; а тут вышло не то. — «Помилуй», — говорит, — «да она, где хочешь возьми ее, больше полтинника не стоит!» — «За морем телушка — полушка, — сказал тот, — да рубль перевозу. Поди да купи, коли нашел за полтинник». А сам-было и поехал дальше. Семен за ним, и просит и кланяется, — нет: два целковых да и полно. Кинул наш мужик шапку об земь, так ему было жаль денег,—да делать нечего: не ночевать тут; достал рублевики и отдал. «На, говорит, земляк, господь с тобой; дай тебе бог разжиться с легкой руки этими рублями».

«Не видал я твоих рублей, — молвил тот, — нешто я тебя неволю, что ли? На, возьми их, да подай сюда ось, я при своем буду, а ты при своем». — «Нет, земляк, не ты неволишь, беда неволит. Быть так, ступай с богом, спасибо, что устроил, а то пролежал бы я здесь сутки. Пособи, пожалуйста, поднять передок, да подвести ось». Тот пособил, справились и поехали вместе.

Только что тронулись,— Архипка хвать!— чеки нет на задней оси; колесо скатилось, телега лежит на боку.

«Стой!», — кричит он Семену, — «стой, брат, вот и у меня беда случилась. Как тут быть! Чеки-то у меня запасной нет, а тут вокруг ни прута; да вот что, земляк, погоди, мы справимся! у меня топор есть, подай-ка, пожалуйста, обломок оси твоей, ведь уж она у тебя никуда не пойдет; я как-раз вытешу чеку, да и поедем вместе». — «Пожалуй, — говорит Семен, — возьми; только ты мне за нее три целковых подай». — «С ума, что ли, ты, брат, спятил? — три целковых за чеку, за обломок оси? Да он и гроша не стоит!» — «Вольному воля, — сказал Семен: — при тебе деньги, при мне товар. Поди, может статься, где купишь и за грош».

Ударил Архип руками об полы,— хоть пропадай; не велика штука чека, а без нее не уедешь; либо сядь да сиди, либо подай три целковых. Достал он мошну, вынул деньги, чуть не заплакал, и отдал Семену.

ЧТО ЗНАЕШЬ, О ТОМ НЕ СПРАШИВАЙ.

Мужик воз сена везет, а другой идет ему навстречу. «Здорово!» — «Здорово!» — «А что везешь?» — «Дрова». — «Какие дрова, ведь у тебя сено!» — «А коли видишь, что сено, так зачем и спрашиваешь!».

Тогда только мужик наш, почесав затылок, подумал про себя: «а ведь и вправду, для чего ж я спрашивал?».

МЕДВЕДЬ И БРЕВНО.

Идет медведь по лесу и разнюхивает: нельзя ли чем съестным поживиться. Чует—мед!» Поднял Миша морду кверху и видит на сосне улей, под ульем гладкое бревно на веревке висит; но Мише до бревна дела нет. Полез медведь на сосну, долез до бревна; нельзя лезть выше,— бревно мешает. Миша оттолкнул бревно лапой: бревно легонько откачнулось назад,— и стук медведя по башке. Миша оттолкнул бревно покрепче,—бревно ударило Мишу посильнее. Рассердился Миша и хватил бревно изо всей силы: бревно откачнулось сажени на две назад,— и так хватило Мишу, что чуть он с дерева

не свалился. Рассвирепел медведь, забыл и про мед, хочется ему бревно доканать: ну его валять, что есть силы, и без сдачи ни разу не остался. Дрался Миша с бревном до тех пор, пока, весь избитый, не свалился с дерева; а под деревом-то были колышки натыканы, — и поплатился медведь за безумный гнев своей теплой шкурой.

БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ.

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что беда! Стала она расти не по дням, а по часам, что день, то на вершок прибавляется. И стала щука зубастая в Шексне похаживать, лещей, окуней полавливать: издали завидит леща, да и хвать его — только хрустит на зубах; не то, что лещей, стала ловить уток, гусей, всякую водяную птицу. Разлетелась водяная птица, а рыбам мелким куда деваться? Собралась вся мелкая рыбешка и стала думу думать; пришел на совет и Ерш Ершович и заорал: «полноте думу думать, голову ломать, мозги портить: послушайте-ка, что я вам скажу. Не житье вам больше в Шексне, не дает проходу зубастая щука; переберемтесь-ка лучше из Шексны в мелкие речки: Сизму, Колому да Славянку». Вот и пошла рыба сама из Шексны в мелкие речки; много ее по дороге рыбаки поймали, славную сварили уху! да на том и заговелись. С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Закинет рыбак удочку, да ничего и не вытащит; когда-некогда попадется остроносая стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот что наделала в Шексне щука зубастая.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ.

Жил кузнец припеваючи, никакого лиха не знал. «Что это,—говорит кузнец, — никакого я лиха на веку своем в глаза не видал! Хоть посмотрел бы, какое там такое лихо на свете». Вот и пошел кузнец лиха искать.

Шел, шел, зашел в дремучий лес; ночь близко, а ночевать негде и есть хочется. Смотрит по сторонам и видит неподалеку стоит большущая изба. Постучал — никто не отзывается; отворил дверь, вошел — пусто, не хорошо! Забрался кузнец на печь и лег спать, не ужинавши.

Стал было уже засыпать кузнец, как дверь отворилась и вошло в избу целое стадо баранов, а за ними Лихо, баба огромная, страшная, об одном глазе. Понюхало Лихо по сторонам и говорит: «Э, да у меня никак гости; будет мне, Лиху, что позавтракать: давненько я человеческого мяса не едала». Вздуло Лихо лучину и стащило кузнеца с печи, словно ребенка малого. «Добро пожаловать, нежданый гость; спасибо, что забрел; чай ты проголодался и отощал»; и щупает Лихо кузнеца, жирен ли, а у того от страха все животики подвело. «Ну, нечего делать, давай сперва поужинаем», говорит Лихо; принесло большое беремя дров, затопило печь, зарезало барана, убрало и изжарило.

Сели ужинать. Лихо по четверти барана за раз в рот кладет, а кузнецу кусок в горло не идет, даром, что целый день ничего не ел. Спрашивает Лихо у кузнеца: «Кто ты таков, добрый человек?» — «Кузнец». — «А что умеешь ковать?» — «Да все умею». — «Скуй мне глаз!» — «Изволь, — говорит кузнец, — да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз». Лихо принесло две веревки, одну толстую, а другую потоньше. Кузнец взял веревку потоньше, связал Лихо, да и говорит: «а ну-ка, бабушка, повернись!». Повернулось Лихо и разорвало веревку. Вот кузнец взял уже толстую веревку, скрутил бабушку хорошенько. «А ну-ка, теперь повернись!» Повернулось Лихо и не разорвало веревок. Тогда кузнец нашел в избе железный шкворень, разжег его в печи до бела, поставил Лиху на самый глаз, на здоровый, да как ударит по шкворню молотом — так глаз только зашипел. Повернулось Лихо, разорвало все веревки, вскочило как бешеное, село на порог и крикнуло: «хорошо же, злодей! теперь ты не уйдешь от меня».

Пуще прежнего испугался кузнец, сидит в углу ни жив, ни мертв; так всю ночку и просидел,— даром, что спать хотелось. По утру стало Лихо выпускать баранов на пашню, да все по одному: пощупает, точно ли баран, хватит за спину, да и выкинет за двери. Кузнец вывернул свой тулуп шерстью вверх, надел в рукава и пошел на четвереньках. Лихо пощупало: чует — баран; схватило кузнеца за спину, да и выкинуло из избы. Вскочил кузнец, перекрестился и давай бог ноги. Прибежал домой; знакомые его спрашивают: «отчего это ты поседел? «У Лиха переночевал», — говорит кузнец: —«знаю я теперь, что такое Лихо, и есть хочется, да не ешь, и спать хочется, — да не спишь».

ВАРЕНЫЙ ТОПОР.

Пришел солдат в село на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вон там, родимый, на гвоздике повесь». — «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?»—«Где хочешь, там и заночуешь».—«Ах ты, старая дура! погоди, я те глухоту-то вылечу». И полез было солдат к ней с кулаками: «подавай, старая, на стол!» «Да нечего, родимый!». — «Вари кашицу!».— «Да не из чего, родимый!». — «Давай топор, я из топора сварю». «Что за диво! — думает старуха, — дай-ка посмотрю, как он из топора кашу сварит», — и принесла топор. Солдат положил топор в горшок, налил воды, поставил в печь и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «всем бы кащица взяла, только бы круп подсыпать». Принесла баба круп. Солдат опять стал варить, попробовал и говорит: «совсем бы каша готова, только бы маслицом сдобрить». Принесла ему баба и масла. Сварил солдат кашу: «ну, старуха, говорит, давай теперь хлеба да соли, да берись за ложку: станем кашицу есть». Похлебали вдвоем кашу, старуха и спрашивает: «а что же, служивый, когда топор будем есть?» Солдат ткнул в топор вилкою и говорит: «еще не доварился, сама завтра довари!».

ОХОТНИК ДО СКАЗОК.

Жил себе старик со старухою, и был старик большой охотник до сказок и всяких рассказней. Приходит зимою к старику солдат и просится ночевать. «Пожалуй, служба, ночуй, — говорит старик, — только с уговором: всю ночь мне рассказывай. Ты человек бывалый, много видел, много знаешь». Солдат согласился. Поужинали старик с солдатом, и легли они оба на полати рядушком, а старуха села на лавке и стала при лучине прясть.

Долго рассказывал солдат старику про свое житье-бытье, где был и что видел. Рассказывал до полуночи, а потом помолчал немного и спрашивает у старика: «А что, хозяин, знаешь ли ты, кто с тобою на полатях лежит?» — «Как кто? — спрашивает хозяин, — вестимо, солдат».— «Ан, нет, не солдат, а волк». Поглядел мужик на солдата и точно — волк. Испугался старик, а волк ему и говорит: «да ты, хозяин, не бойся, погляди на себя, ведь и ты медведь». Оглянулся на себя мужик, — и точно, стал он медведем.

«Слушай, хозяин, — говорит тогда волк, — не приходится нам с тобою на полатях лежать; чего доброго, придут в избу люди, так нам смерти не миновать. Убежим-ка лучше, пока целы». Вот и побежали волк с медведем в чистое поле. Бегут, а навстречу им хозяинова лошадь. Увидел волк лошадь и говорит: «давай съедим!» — «Нет, ведь это моя лошадь», — говорит старик. «Ну так что же что твоя: голод не тетка». Съели они лошадь и бегут дальше, а навстречу им старуха, старикова жена. Волк опять и говорит: «Давай старуху съедим». — «Как есть? да ведь это моя жена», — говорит медведь. «Какая твоя!» — отвечает волк. Съели и старуху.

Так-то пробегали медведь с волком целое лето. Настает зима.

— «Давай, — говорит волк, — заляжем в берлогу; ты полезай дальше, а я спереди лягу. Когда найдут на нас охотники, то меня первого застрелят, а ты смотри:

как меня убьют да начнут шкуру сдирать, выскочи из берлоги, да через шкуру мою переметнись, — и станешь опять человеком». Вот лежат медведь с волком в берлоге; набрели на них охотники, застрелили волка и стали с него шкуру снимать. А медведь как выскочит из берлоги да кувырком через волчью шкуру... и полетел старик с полатей вниз головой. «Ой, ой! — завопил старый, — всю спинушку себе отбил». Старуха перепугалась и вскочила. «Что ты, что с тобой, родимый? отчего упал, кажись и пьян не был!» — «Как отчего? — говорил старик, — да ты, видно, ничего не знаешь!» и стал старик рассказывать: мы-де с солдатом зверьем были; он волком, я медведем; лето целое пробегали, лошадушку нашу съели и тебя, старуха, съели. Взялась тут старуха за бока и ну хохотать. «Да вы, говорит, оба уже с час места на полатях во всю мочь храпите, а я все сидела, да пряла».

Больно расшибся старик: перестал он с тех пор до полуночи сказки слушать.

НИКИТА КОЖЕМЯКА.

В старые годы проявился невдалеке от Киева страшный змей. Много народу из Киева потаскал он в свою берлогу; потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-на-крепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собаченка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записку к отцу, к матери, привяжет записочку собаченке на шею и пошлет ее домой. Собаченка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут к царевне: «узнай-де от змея, кто его сильней». Стала царевна от змея допытываться и допыталась: «есть, говорит змей, в Киеве Никита Кожемяка, — тот меня сильней». Как ушел зверь на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: «есть-де в Киеве Никита Кожемяка; он один сильнее змея; пошлите Никиту меня из неволи выручать».

Сыскал царь Никиту, и сам с царицею пошел его просить: выручить их дочку из тяжкой неволи. В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидал Никита царя, испугался; руки у Никиты задрожали,—и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручать царевну, — не пошел.

Вот и придумали царь с царицею собрать пять тысяч малолетних сирот (осиротил их лютый змей) и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он 300 пуд пеньки, насмолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел. Подходит Никита к змеиной берлоге; а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит. «Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу», сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать. Видит змей беду неминучую, некуда ему от Никиты спрятаться: вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они билися, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту: «Не бей меня, Никитушка, до смерти. Сильнее нас с тобой никого на свете нет; разделим же весь свет поровну; ты будешь владеть в одной половине, а я в другой».

— «Хорошо, — сказал Никита; — надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было». Сделал Никита соху в 300 пуд, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею: «землю мы разделили, теперь давай море делить, чтобы и о воде промеж нас спору не вышло». Стали воду делить: вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени в две высотою. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают; оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

БОГАТЫРЬ ВОЛЬГА И ОРАТАЙ МИКУЛУШКА.

Давным давно это было: народился в Киеве молодой богатырь, Вольга Святославович. Стал Вольга расти, матереть, захотелось ему много мудрости: захотел он ходить щукой-рыбой в глубоких морях, летать под облака птицей-соколом, серым волком рыскать по полю. Уходили от Вольги все рыбы в синие моря, улетали от него все птички за высокие облака, убегали все звери в темные леса. Набрал тогда себе Вольга дружинушку храбрую: тридцать молодцов без единого; сам Вольга тридцатый.

Пожаловал Вольге родной его дядюшка, ласковый Владимир-князь, стольный киевский, три города с крестьянами. Вот и собрался Вольга-богатырь со своею дружинушкою храброю ехать в свои города *за получкою*.

Выехал Вольга с дружиною в чистое поле и слышит в поле ратая: орет в поле ратай, а самого не видно; орет он, понукивает; сошка у ратая поскрипывает, а омешики по камешкам почеркивают.

Захотелось Вольге поехать посмотреть на ратая. Едет Вольга со своею дружиною по полю чистому; едут они день, едут другой и только на третий день к обеду доехали до ратая. Видят,— орет в поле ратай, понукивает, с края в край бороздки пометывает; в один край уйдет, другого не видать; коренья, каменья вывертывает, а большие все камни в бороздку валит. Кобылка у ратая соловая, сошка у него кленовая, а гужики шелковые.

И стал говорить Вольга: «Божья-те помощь, оратаюшко! Орать, да пахать, да крестьянствовати, с края в край бороздки пометывати!»

Отвечает оратай Вольге-богатырю: «Спасибо тебе, Вольга Святославович, с твоею дружинушкою храброю; а мне надобна божья помощь крестьянствовати. Далеко ль ты, Вольга, едешь? Куда путь держишь со своею дружиною?»

— Еду я, — отвечает Вольга, — к своим городам за получкою; подарил мне их Великий князь, стольный-киевский.

— Был я третьего дня в твоих городах, — говорит ратай, — ездил на своей кобылке солoвенькой; увез я оттуда только соли два меха, в каждом мехе по сорока пуд; а живут в твоих городах все разбойнички, просят с проезжих людей деньги подорожные. Была со мною палочка подорожная и расплатился я с ними, как следует: который стоймя стоял, тот сидьмя сидит; а который сидьмя сидел, тот лежмя лежит.

— Ай да оратай-оратаюшко, — говорит Вольга, — когда так, то поедем со мною в товарищах в мои города за получкою.

Вот оратай гужики шелковые повыстегнул, кобылку из сошки повывернул и поехал с Вольгою в товарищах; да остановился на дороге и говорит: «Оставил я, Вольга, сошку в бороздочке не для-ради какого проезжаго, а для ради мужика-деревенщины. Вот как бы ту сошку мне с земельки повыдернуть, из омешиков земельку повытряхнуть и бросить бы сошку за ракитов куст.

— Не для чего тебе самому, оратаюшко, за этим пустым делом ворочаться, — сказал Вольга оратаю и послал своих пятерых богатырей, пятерых молодцов могучих, чтоб они сошку из земельки повыдернули, из омешиков земельку повытряхнули и бросили бы сошку за ракитов куст.

Приехали к сошке пять молодцов могучих: сошку за обжи вокруг вертят, а не могут сошки из земли выдернуть, не то чтоб уж бросить за ракитов куст.

Посылает тогда Вольга богатырей своих целый десяточек. Приехали богатыри: сошку за обжи вокруг вер-

тят, а не могут сошки от земли поднять, не то чтоб уж бросить за ракитов куст.

Посылает тогда Вольга всю свою дружинушку храбрую: стала вся дружина сошку за обжи вертеть, а сошка сидит в земле и не двинется.

Подъехал тогда сам оратай-оратаюшко на своей кобылке соловенькой; взял он сошку одною рукою, из земельки ее повыдернул, из омешиков земельку повытряхнул и бросил сошку за ракитов куст.

Стал тут Вольга Святославович оратая расспрашивать: «Скажи ты мне, оратай-оратаюшко, как тебя по имени звать, как величать по отечеству?»

Отвечал оратай Вольге Святославовичу: «Как я ржи напашу, да и во скирды сложу, домой выволочу, да дома вымолочу; дров нарублю, да и пива наварю, да и мужичков напою — станут мужички меня покликивати: «здравствуй на многие лета, молодой Микулушка-Селянинович!»

ЮПИТЕР И ЛОШАДЬ.

«Отец животных и людей, — сказала лошадь, приближаясь к трону Юпитера: — говорят, что я одно из прекраснейших животных, и я сама полагаю, что это правда; но мне кажется, что многое во мне следовало бы улучшить».

— Что же, по твоему мнению, можно было бы улучшить в тебе? Говори: я готов у тебя поучиться, — сказал Юпитер, улыбаясь.

— Может быть, — продолжала лошадь, — я была бы еще быстрее, если бы мои ноги были повыше и потоньше; длинная лебединая шея придала бы мне еще больше красоты; грудь пошире дала бы мне побольше силы; а так как ты назначил меня носить твоего любимца человека, то мог бы положить мне на спину готовое седло.

— Хорошо, — сказал Юпитер, — подожди минуту! И повелел земле произвести верблюда.

Увидя это новое животное, лошадь задрожала от страха и отвращения.

— Вот высокие, тонкие ноги, каких ты желала, — сказал Юпитер: — вот длинная лебединая шея, широкая грудь и готовое седло. Хочешь ты, чтобы я тебя так же переделал?

Лошадь продолжала дрожать.

— Ступай же, — сказал Юпитер, — на этот раз будет с тебя и этого урока. Ты же, — продолжал он, обращаясь к верблюду, — существуй и, несмотря на твой непривлекательный вид, будь одним из самых полезных, добрых и умных животных.

С тех самых пор верблюд существует на земле; а лошадь содрогается всякий раз, как только его увидит.

ЮПИТЕР И ОВЕЧКА.

Бедная овечка так много обид терпела ото всех, что, наконец, ей стало невмочь, и она пошла к Юпитеру с горькою жалобою на свою судьбу.

— Я и сам вижу теперь, мое бедное создание, — сказал Юпитер, сжалившись над овцою, — что создал тебя слишком беззащитною. Выбирай же теперь сама, чем я могу исправить мою ошибку. Не хочешь ли, я дам тебе острые зубы и крепкие когти?

— Ох, нет! — сказала овечка, — я не хочу иметь ничего общего с кровожадными зверями.

— Или, может быть, — продолжал Юпитер, — ты желаешь, чтобы я влил яду в твою слюну?

— Ах нет, нет! — отвечала овечка, — ядовитых змей все ненавидят.

— Что же дать тебе такое? Пожалуй, я посажу крепкие рога у тебя на лбу и дам силу твоей шее.

— И это будет нехорошо, добрый отец: с крепкими рогами на лбу я легко могу сделаться такою же бодливою, как козел.

— Однакоже, — сказал Юпитер, — ты должна иметь возможность вредить другим, если хочешь, чтобы другие боялись тебе вредить.

— Если так, — сказала со вздохом овца, — то оставь же меня такою, какою ты меня создал. Я боюсь, что

возможность наносить вред может возбудить во мне желание вредить; но лучше переносить обиды самому, чем наносить их другим.

С этих пор овца терпеливо выносит все обиды и не жалуется уже более на свою беззащитность.

ПТИЦЫ.

В одной хорошенькой малороссийской деревеньке было столько садов, что вся она казалась одним большим садом. Деревья цвели и благоухали весною, а в густой зелени их ветвей порхало множество птичек, оглашавших окрестность звонкими песнями и веселым щебетаньем; осенью же появлялось между листьями множество розовых яблок, желтых груш и сине-пурпуровых слив. Но вот несколько злых мальчиков, собравшись толпою, разорили птичьи гнезда. Бедные птицы покинули сады и больше уже в них не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна; но в садах было тихо и печально. Вредные гусеницы, которых прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь беспрепятственно и пожирали на деревьях не только цветы, но и листья: и вот обнаженные деревья посреди лета смотрели печально, будто зимою. Пришла осень, но в садах не было ни розовых яблок, ни желтых груш, ни пурпуровых слив; на ветках не перепархивали веселые птички; деревня не оглашалась их звонкими песнями.

ГРЯДКИ ГВОЗДИКИ.

Трое детей выпросили у матери каждый по небольшой грядке гвоздики и дожидались с нетерпением, когда цветы распустятся, потому что на гвоздике уже показались почки.

У младшего из братьев однакоже не достало терпения дожидаться, пока почки развернутся сами, и он, прибежав рано утром к своей грядке, расковырял сначала одну почку: хорошенькие пестрые лепестки показались из-за зеленой оболочки. Мальчику это понравилось, и

он проворно раскрывал одну почку за другою; наконец, вся его грядка зацвела.

— Посмотрите, посмотрите, — кричал он братьям, — прыгая от радости вокруг своей грядки и хлопая в ладоши: — посмотрите, моя гвоздика уже цветет, а на ваших грядках только листья да зеленые почки.

Но радость мальчика была непродолжительна. Солнце поднялось повыше, и пестрые цветочки, раскрытые насильственно и прежде времени, печально наклонились к земле, а к полудню потемнели и совершенно завяли.

Преждевременная радость мальчика превратилась в печаль, и он горько плакал, стоя у своих увядших цветов.

СУМКА ПОЧТАЛЬОНА.

Коля был добрый, но очень рассеянный мальчик. Он написал очень миленькое письмо к своей бабушке в Петербург: поздравлял ее с светлым праздником, описывал свою деревенскую жизнь, чему он учится, как проводит время, — словом, письмо было очень, очень миленькое; но только Коля, вместо письма, вложил в пакет поллиста чистой бумаги, а письмо осталось лежать в книге, куда Коля его сунул. Пакет запечатан, адрес написан, почтовая марка приложена — и пустой поллист бумаги отправился в Петербург поздравлять бабушку с праздником.

Верст пятьсот проскакал Колин пакет, точно торопясь за каким-нибудь важным делом. Вот он и в Петербурге, а через несколько минут и в сумке почтальона, который бежит по улицам, звонит у подъездов и раздает письма по адресам. Но Колиному пакету не лежалось в сумке: он, как все пустые существа, был очень болтлив и любопытен.

— Вы куда отправляетесь, и что в вас написано?— спросил пакет Коли у своего соседа,— толстого, красивого пакета из веленевой бумаги, украшенного большою гербовою печатью, на которой была княжеская корона и множество украшений.

Богатый пакет отвечал не сразу; он сначала посмотрел, с кем имеет дело, и, видя, что дерзкий, осмелившийся вступить с ним в разговор, был хорошенький, глянцевитый, чистенький пакетец, удостоил его ответа.

— По адресу, который на мне написан, мой милый малютка, вы уже можете заключить, что я еду к очень и очень важному лицу. Представьте же себе, каково мне лежать в этой темной, вонючей сумке, рядом с такими пакетами, каков, например, мой сосед с левой стороны. Жаль, что вы не видите этого серого, запачканного урода, запечатанного каким-то хлебным мякишем, вместо сургуча, и какою-то солдатскою пуговицею, вместо печати. И адрес-то какой на нем? каракульки! И едет-то он куда: на Петербургскую сторону, в Немощенную улицу, и то еще в подвал! Фи, невольно испачкаешься, лежа возле такого соседа!

— Я не виноват, что нас положили рядом, — отвечал сурово солдатский пакет,—и мне, признаться, скучно лежать возле такого надутого, но пустого и глупого барина, как ты. Обертка-то твоя хороша, но что в середине? Все пустые фразы, в которых нет ни слова правды. Тот, кто писал тебя, терпеть не может того, к кому ты написан; а между тем, посмотри, сколько желаний, искренних поздравлений, и в конце — глубочайшее уважение и совершеннейшая преданность! А все это вздор и ложь! Нет тут ни уважения, ни преданности, и потребуй-ка от этого покорнейшего слуги какой-нибудь действительной услуги, тогда и узнаешь, чем пахнет эта услужливость и уважение.

— Грубиян, невежда, как ты смеешь! Я удивляюсь, как почтальон не выкинет тебя на улицу за такие дерзости! Ты посмотри только на мой герб.

— Что герб! — отвечал грубо солдат: — герб у тебя хорош; но под гербом-то что? Пустышка, глупые фразы! ни одной капли правды,— все ложь, гордость, да чванство!

Гербовый пакет готов был лопнуть с досады и лопнул бы наверное, если бы в это самое время почтальон

не вытащил его из сумки и не передал раззолоченному швейцару.

— Слава богу! одним дураком меньше, — продолжал расходившийся солдатский пакет; — и это глупое, надутое животное смело еще досадовать, что лежит вместе со мною... Если бы только он знал, что во мне написано!

— Что же такое написано в вас? — спросил Колин пакет, очутившийся по соседству с серым пакетом, запечатанным солдатскою пуговицею.

— Да вот что, мой любезный чистенький господинчик. Я несу известие бедной, дряхлой старушке, что сын ее, о котором она не слыхала уже лет десять, с тех самых пор, как его взяли в рекруты, жив, здоров и скоро будет в отпуск. Правда, я запечатан плохим сургучом; но как будет дрожать рука старушки, разламывая этот сургуч! Правда, я написан каракульками, — и не мудрено: меня писал солдат, выучившийся этому искусству самоучкою, писал — куды плохим пером и на самой серой бумаге; но если бы ты видел, какая теплая слеза скатилась с его усов и упала на меня? Славная слеза, я бережно несу ее матери. Я знаю, что меня ожидает славная участь: не то, что гордого барина, который, слава богу, убрался восвояси. В него едва взглянут, а потом изорвут и бросят, сначала под стол, а потом в помойную яму. Мою же каждую каракульку мать подарит доброю, горячею слезою, перечтет меня тысячу раз, тысячу раз прижмет к своему любящему сердцу и спрячет потом на груди, на своей доброй материнской груди. Эх, как бы поскорее принес меня этот несносный почтальон!

— А вы куда и с чем отправляетесь? — спросил любопытный Колин пакет, обращаясь к своему соседу с другой стороны, пакету с черной печатью.

— По цвету моей печати, — отвечал тот, — вы видите, что я несу грустную новость. Бедный мальчик, который теперь лежит в больнице, прочтет во мне, что его отец скончался. Я также все облито слезами, но только не радостными слезами. Меня писала дрожащая

рука женщины, потерявшей своего любимого мужа — рука матери, извещающей больного сына, что он потерял отца. Бедный Ваня! как-то он перенесет это известие! Я воображаю, как испугается он, увидя мою зловещую печать, как задрожит, прочтя во мне страшную новость, как упадет лицом на свою подушечку и зальется слезами. Эх, право, лучше бы мне провалиться сквозь землю, чем ехать с таким известием.

Рука почтальона, остановившегося около какого-то учебного заведения, вытащила из сумки печальное письмо с черною печатью. У Колина письма очутился новый сосед, и этот был уже совсем иного свойства.

— Ха! ха! ха! — отвечал он на вопрос Колина письма,—если бы вы только знали, какие уморительные вещи во мне написаны! Человек, написавший меня, превеселого нрава; я знаю, что тот, кто будет читать меня, непременно захохочет; во мне все написаны пустяки, но все такие забавные пустяки!

Другие письма, услышав разговор, также в него вмешались. И каждое спешило высказать, какую новость оно несет.

— Я несу богатому купцу известие, что товары его проданы по высокой цене. — А я несу другому, что он банкрот. — Я иду разбранить Васю, что он так давно не пишет к своим родителям. — Меня писал деревенский дьячок, от имени Акулины Трифоновны к ее мужу в Петербург, и я сверху до низу набито поклонами. — А во мне, что ни слово, то ложь, даже совестно ехать с таким грузом, право!—В разговор вмешались и повестки. — То-то обрадуется тот, кто получит меня, — сказала одна повестка. — Есть чему радоваться, перебила другая, ты только на 10 рублей, а я на 5000. — Но тот, кому я адресована, — отвечала первая, — не знает, чем разговеться в праздник, а на тебя не обратят внимания.—Обрадуется и мне молодчик, к которому я послана: прокутит он денежки в два, три дня, спустит он их все по трактирам да по кондитерским: как будто не знает, что матери, которая их посылает, стоила много труда и лишений каждая копейка в этой сотне

рублей и что она даже свою маленькую дочь оставила к празднику без подарка.

Так болтали между собою в сумке почтальона повестки и письма; а он, между тем, бегал по улицам и равнодушно разносил по домам радость и горе, смех и печаль, любовь и злобу, дружбу и ненависть, правду и ложь, важные известия и глупые, пустые фразы. Дошла, наконец, очередь и до Колина письма: почтальон отдал его дворнику, дворник горничной, горничная старой бабушке, которая сидела у окошка и, смотря в четыре глаза, вязала чулки. Бабушка распечатала пакет, вынула пустой лист и смотрела на него с удивлением, не понимая, кто это так глупо подшутил над нею.

СЛЕПАЯ ЛОШАДЬ.

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город, Винета; а в этом городе жил богатый купец, Уседом, корабли которого, нагруженные дорогими товарами, плавали по далеким морям. Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он от того, что в его доме было решительно все, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и на серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшнях Уседома было много отличных лошадей; но ни в уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее *Догони-Ветра*, — так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер

качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки. Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов, с зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, — и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду. Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почуяв на узде чужую руку, конь рванулся вперед; своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забегал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался, как вихрь. Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня? Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собой разъяренных злодеев. Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена клочьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал, что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса. Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводил измученного коня, как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени. С тех самых пор Догони-Ветер начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп. Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял попрежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса. Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через пол-

года ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда негодной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода: слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере. Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный, слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте, но, наконец, голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадется ли где-нибудь хоть клок соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось *вечем*. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным, и требовать от народа суда и защиты. Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и думая, может быть, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать: колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то, что было еще рано,

толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты. Все на Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина и удивились, увидя посреди площади бедного коня—слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом. Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол. Потребовали на площадь неблагодарного купца и, несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь попрежнему и кормить ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади.

Говорят, впрочем, что не нужно было ни разу принуждать Уседома к исполнению вечевого приговора; купец почувствовал всю черноту своего поступка: кормил и холил слепую лошадь до самой ее смерти.

ОТДЕЛ II.

СТИХИ.

ПТИЧКА.

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет —
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы
Лето знойное пройдет—
И туман и непогоды
Осень поздняя несет;
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине-море,
Улетает до весны.

А. Пушкин.

МУХА.

Бык с плугом на покой тащился по трудах, а Муха у него сидела на рогах, и Муху же они дорогой повстречали. «Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос. А та, поднявши нос, в ответ ей говорит: «Откуда?.. мы пахали!».

И. Дмитриев.

ЧИЖ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодейка-западня; бедняжка в ней и рвался и метался, а Голубь молодой над ним же издевался. «Не стыдно ль», говорит, — «средь бела дня попался! Не провели бы так меня: за это я ручаюсь смело». Ан смотришь, тут же сам запутался в силок. И дело! Вперед чужой беде не смейся, Голубок!

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД.

Голодная кума Лиса залезла в сад; в нем винограду кисти рделись. У кумушки глаза и зубы разгорелись; а кисти сочные, как яхонты, горят; лишь то беда, висят они высоко: отколь и как она к ним ни зайдет, хоть видит око, да зуб неймет. Пробившись попусту час целый, пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж! На взгляд-то он хорош, да зелен — ягодки нет зрелой: тотчас оскомину набьешь».

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая, Петух нашел Жемчужное Зерно и говорит: «Куда оно? какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко так ценят? А я бы, право, был гораздо боле рад зерну ячменному: оно не столь хоть видно, да сытно».

Невежи судят точно так: в чем толку не поймут, то все у них пустяк.

И. Крылов.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖ.

Был дом, где под окном и Чиж и Соловей висели и пели. Лишь только Соловей, бывало, запоет, сын маленький отцу проходу не дает: все птичку показать к нему он приступает, что этак хорошо поет. Отец, обоих сняв, мальчишке подает. «Ну, — говорит, — узнай, мой свет, которая тебя так много забавляет?» Тотчас же на Чижа мальчишка указал: «Вот, батюшка, она!» — сказал. И мальчик от Чижа в великом восхищенье: «Какие перышки! куда как он пригож! затем ведь у него и голос так хорош!».

И. Хемницер.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка к старости слаба глазами стала; а у людей она слыхала, что это зло еще не так большой руки: лишь стоит завести Очки. Очков с полдюжины она себе достала; вертит Очками так и сяк: то к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полижет. Очки не действуют никак. «Тьфу, пропасть! — говорит она, — и тот дурак, кто слушает людских всех врак: все про Очки лишь мне налгали; а проку на-волос нет в них». Мартышка тут с досады и с печали о камень так хватила их, что только брызги засверкали.

СЛОН И МОСЬКА.

По улицам Слона водили, как видно, напоказ, — известно, что Слоны в диковинку у нас, —так за Слоном толпы зевак ходили. Отколе ни возьмись, навстречу Моська им. Увидевши Слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться, — ну, так и лезет в драку с ним. «Соседка, перестань срамиться, — ей Шавка говорит, — тебе ль с Слоном возиться? Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет вперед, и лаю твоего совсем не примечает». — «Эх, эх!» ей Моська отвечает: — «вот то-то мне и духу придает, что я, совсем без драки, могу попасть в большие забияки. Пускай же говорят собаки: «ай, Моська! знать она сильна, что лает на Слона!».

И. Крылов.

О РЫБАКЕ И РЫБКЕ.

Жил старик со своей старухой у самого синего моря; они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года. Старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу. Раз он в море закинул невод, пришел невод с одной тиной. Он в другой раз закинул невод, пришел невод с травой морской; в третий раз закинул он невод, пришел невод с одною рыбкой, с непростою рыбкой, золотою. Как взмолится золотая рыбка, голосом молвит человечьим: «отпусти ты, старче, меня в море, до-

рогой за себя дам откуп: откуплюсь, чем только пожелаешь». Удивился старик, испугался: он рыбачил тридцать лет и три года, и не слыхивал, чтоб рыба говорила. Отпустил он рыбку золотую и сказал ей ласковое слово: «Бог с тобою, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо; ступай себе в синее море, гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе, рассказал ей великое чудо. «Я сегодня поймал-было рыбку, золотую рыбку, непростую; по-нашему говорила рыбка, домой в море синее просилась, дорогою ценою откупалась: откупалась, чем только пожелаю. Не посмел я взять с нее выкуп; так пустил ее в синее море». Старика старуха забранила: «дурачина ты, простофиля! Не умел ты взять выкупа с рыбки! Хоть бы взял ты с нее корыто: наше-то совсем раскололось».

Вот пошел он к синему морю. Видит: море слегка разыгралось. Стал он кликать золотую рыбку; приплыла к нему рыбка и спросила: «чего тебе надобно, старче?». Ей с поклоном старик отвечает: «смилуйся, государыня-рыбка! Разбранила меня моя старуха, не дает старику мне покою: надобно ей новое корыто; наше-то совсем раскололось». Отвечает золотая рыбка: «не печалься, ступай себе с богом! будет вам новое корыто». Воротился старик ко старухе; у старухи новое корыто. Еще пуще старуха бранится: «дурачина ты, простофиля! Выпросил, дурачина, корыто! В корыте много ли корысти? Воротись, дурачина, ты к рыбке, поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю: помутилося синее море. Стал он кликать золотую рыбку; приплыла к нему рыбка, спросила: «чего тебе надобно, старче?» Ей старик с поклоном отвечает: «смилуйся, государыня-рыбка! Еще пуще старуха бранится, не дает старику, мне, покою: избу просит сварливая баба». Отвечает ему золотая рыбка: «не печалься, ступай себе с богом! Так и быть: изба вам уж будет».

Пошел он к своей землянке, а землянки нет уж и следа; перед ним изба со светелкой, с кирпичною, беле-

ною трубою, с дубовыми, тесовыми воротами. Старуха сидит под окошком; на чем свет стоит, мужа ругает: «дурачина ты, прямой простофиля! Выпросил, простофиля, избу! Воротись, поклонися рыбке: не хочу быть черною крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю: не спокойно синее море. Стал он кликать золотую рыбку; приплыла к нему рыбка, спросила: «чего тебе надобно, старче?» Ей с поклоном старик отвечает: «смилуйся, государыня-рыбка! Пуще прежнего старуха вздурилась, не дает старику мне покою: уж не хочет быть она крестьянкой, хочет быть столбовою дворянкой». Отвечает золотая рыбка: «не печалься, ступай себе с богом!»

Воротился старик ко старухе; что ж он видит? Высокий терем, на крыльце стоит его старуха в дорогой собольей душегрейке, парчевая на маковке кичка, жемчуги окружили шею; на руках золотые перстни, на ногах красные сапожки. Перед нею усердные слуги; она бьет их, за чупрун таскает. Говорит старик своей старухе: «здравствуй, барыня-сударыня, дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна!» На него прикрикнула старуха, на конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит; еще пуще старуха вздурилась; опять к рыбке старика посылает. «Воротись, поклонися рыбке: не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть вольною царицей». Испугался старик, взмолился: «что ты, баба, белены объелась? Ни ступить, ни молвить не умеешь, насмешишь ты целое царство». Осердилася пуще старуха, по щеке ударила мужа. «Как ты смеешь, мужик, спорить со мною, со мною, дворянкою столбовою? — Ступай к морю, говорят тебе честью: не пойдешь, поведут по неволе».

Старичок отправился к морю: почернело синее море. Стал он кликать золотую рыбку; приплыла к нему рыбка, спросила: «чего тебе надобно, старче?» Ей с поклоном старик отвечает: «смилуйся, государыня-рыбка, опять моя старуха бунтует: уж не хочет быть она дворянкой, хочет быть вольною царицей». Отвечает золотая рыбка: «не печалься, ступай себе с богом! Добро!

Будет старуха царицей!» Старичок к старухе воротился. Что ж? Перед ним царские палаты, в палатах видит свою старуху: за столом сидит она царицей, служат ей бояре да дворяне, наливают ей заморские вина; заедает она пряником печатным; вкруг ее стоит грозная стража, на плечах топорики держат. Как увидел старик, испугался, в ноги он старухе поклонился, молвил: «здравствуй, грозная царица! Ну, теперь твоя душенька довольна?» На него старуха не взглянула, лишь с очей прогнать его велела. Подбежали бояре и дворяне, старика в зашеи затолкали. А в дверях-то стража подбежала, топорами чуть не изрубила; а народ-то над ним насмеялся. «По делом тебе, старый невежа! Вперед тебе, невежа, наука: не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит, — еще пуще старуха вздурилась: царедворцев за мужем посылает. Отыскали старика, привели к ней. Говорит старику старуха: «воротись, поклонися рыбке: не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою, чтоб жить мне в окиане-море, чтоб служила мне рыбка-золотая и была бы у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить, не дерзнул поперек слова молвить. Вот идет он к синему морю, видит, на море черная буря: так и вздулись сердитые волны, так и ходят, так воем и воют. Стал он кликать золотую рыбку, приплыла к нему рыбка, спросила: «чего тебе надобно, старче?» Ей старик с поклоном отвечает: «смилуйся, государыня рыбка! что мне делать с проклятою бабой? уж не хочет быть она царицей, хочет быть владычицей морскою: чтобы жить ей в окияне-море, чтобы ты сама ей служила и была бы у ней на посылках».

Ничего не сказала рыбка, лишь хвостом по воде плеснула и ушла в глубокое море. Долго у моря ждал он ответа, не дождался, к старухе воротился. Глядь: опять перед ним землянка, на пороге сидит его старуха, а перед нею разбитое корыто.

А. Пушкин.

ЧИЖ И ЗЯБЛИЦА.

Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет: «Ах, скоро ль солнышко взойдет, и с домиком меня застанет? Ах! Скоро ли оно проглянет? Но вот уж и взошло! Как тихо и красно! Какая в воздухе, в дыханье, в жизни сладость: ах, я такого дня не видывал давно!» Но без товарища и радость нам не в радость: желаешь для себя, а ищешь разделить! «Любезная Зяблица! — кричит мой Чиж соседке, смиренно прикорнувшей к ветке, — что ж ты задумалась? Давай-ка день хвалить. Смотри, как солнышко...» Но солнце вдруг сокрылось, и небо тучами отвсюду обложилось: все птицы спрятались, кто в гнезда, кто в реку, лишь галки стаями гуляют по песку и криком бурю вызывают, да ласточки еще над озером летают; бык, шею вытянув, под плугом заревел; а конь, поднявши хвост и разметавши гриву, ржет, пышет и летит чрез ниву. И вдруг ужасный вихрь со свистом возшумел, со треском грянул гром, ударил дождь со градом, и пали пастухи со стадом. Потом прошла гроза, и солнце рассвело, все стало ярче и светлее, цветы душистее, деревья зеленее, — лишь домик у Чижа куда-то занесло. О, бедненький мой Чиж! Он, мокрыми крылами насилу шевеля, к соседушке летит и ей со вздохом и слезами, носок повеся, говорит: «ах! всяк своей бедой ума себе прикупит; впредь утро похвалю, как вечер уж наступит».

И. Дмитриев.

МОТ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодец, в наследство получив богатое именье, пустился в мотовство и при большом раденье спустил все чисто; наконец, с одною шубой он остался, и то лишь для того, что было то зимой,— так он морозов побоялся. Но, Ласточку увидя, малый мой и шубу промотал. «Ведь это все, чай, знают, что ласточки к нам прилетают перед весной: так в шубе, — думал он, — нет нужды никакой: к чему в ней кутаться, когда во всей природе к весенней клонится приятной все погоде и в северную глушь морозы загнаны!» Догадки малого умны, да толь-

ко он забыл пословицу в народе, что ласточка одна не делает весны. И подлинно: опять отколь взялись морозы, по снегу хрупкому скрипят обозы, из труб столбами дым, в оконницах стекло узорами заволокло. От стужи малого прошибли слезы и Ласточку свою, предтечу теплых дней, он видит на снегу замерзшую. Тут к ней, дрожа, насилу мог он вымолвить сквозь зубы: «проклятая! сгубила ты себя, а, понадеясь на тебя, и я теперь не во-время без шубы!»

И. Крылов.

ПЕСНЯ ПАХАРЯ.

Ну! тащися, Сивка, пашней-десятиной, выбелим железо о сырую землю. Красавица-зорька в небе загорелась, из большого леса солнышко выходит. Весело на пашне... Ну! тащися, Сивка! Я сам-друг с тобою,— слуга и хозяин. Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вею... Ну! тащися, Сивка! Пашенку мы рано с Сивкою распашем, зернышку сготовим колыбель святую. Его вспоит, вскормит мать земля сырая; выйдет в поле травка... Ну! тащися, Сивка! Выйдет в поле травка, вырастет и колос, станет спеть, рядиться в золотые ткани. Заблестит наш серп здесь, зазвенят здесь косы: сладок будет отдых на снопах тяжелых! Ну! тащися, Сивка! Накормлю досыта, напою водою, водой ключевою. С тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мне, боже, хлеб — мое богатство!

А. Кольцов.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК.

Однажды Лебедь, Рак да Щука везти с поклажей воз взялись, и вместе трое все в него впряглись; из кожи лезут вон; а возу все нет ходу! Поклажа бы для них казалась и легка, да Лебедь рвется в облака, Рак пятится назад, а Щука тянет в воду. Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам; да только воз и ныне там.

ЩУКА И КОТ.

Зубастой Щуке в мысль пришло за кошачье приняться ремесло. Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил, иль, может быть, ей рыбный стол наскучил; но только вздумала Кота она просить, чтоб взял ее с собой он на охоту— мышей в амбаре половить.

— Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? — стал Щуке Васька говорить: — смотри, кума, чтобы не осрамиться: недаром говорится, что дело мастера боится.

— И, полно, куманек! Вот невидаль — мышей! Мы лавливали и ершей.

— Так в добрый час, пойдем!

Пошли, засели. Натешился, наелся Кот, и кумушку проведать он идет; а Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, — и крысы хвост у ней отъели. Тут, видя, что куме совсем не в силу труд, кум замертво стащил ее обратно в пруд.

И дельно! Это, Щука, тебе наука, вперед умнее быть и за мышами не ходить.

И. Крылов.

ШКОЛЬНИК.

— Ну, пошел же, ради бога! Небо, ельник и песок:невеселая дорога... — Эй, садись ко мне, дружок! Ноги босы, грязно тело и едва прикрыта грудь... Не стыдися, что за дело? Это многих славных путь. Вижу я в котомке книжку. Так, учиться ты идешь... Знаю: батька на сынишку издержал последний грош. Знаю, старая дьячиха отдала четвертачок, что проезжая купчиха подарила на чаек. Или, может, ты дворовый, из отпущенных? Ну, что ж, случай тоже уж не новый: не робей, не пропадешь... Скоро сам узнаешь в школе, как архангельский мужик, по своей и божьей воле, стал разумен и велик. Не без добрых душ на свете, — кто-нибудь свезет в Москву, будешь в университете, — сон свершится наяву! Тут уж поприще широко: знай работай, да не трусь!..

Н. Некрасов.

ЗИМА.

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь.
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки *Жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

А. Пушкин.

ПЕТУХ, КОТ И МЫШЕНОК.

О, дети, дети! как опасны ваши лета! Мышенок, не видавший света, попал было в беду, и вот как он об ней рассказывал в семье своей.

— Оставя нашу нору и перебравшись через гору, границу наших стран, пустился я бежать, как молодой мышенок, который хочет показать, что он уж не ребенок. Вдруг сразмаху на двух животных набежал: какие звери — сам не знал. Один так смирен, добр, так плавно выступал, так миловиден был собою. Другой — нахал, крикун, теперь лишь будто с бою. Весь в перьях; у него косматый крюком хвост, над самым лбом дрожит нарост какой-то огненного цвета и будто две руки, служащи для полета; он ими так махал и так ужасно горло драл, что я, таки не трус, а подавай бог ноги — скорее от него с дороги. Как больно! Без него я верно бы в другом нашел наставника и друга! В глазах его была написана услуга: как тихо шевелил пушистым он хвостом! С каким усердием бросал ко мне он взоры, смиренны, кроткие, но полные огня! Шерсть гладкая на нем, почти как у меня; головка пестрая и вдоль спины

узоры; а уши, как у нас, и я по ним сужу, что у него должна быть симпатия с нами, высокородными мышами.

— А я тебе на то скажу, — Мышенка мать остановила, — что этот доброхот, которого тебя наружность так прельстила, смиренник этот... Кот! Под видом кротости, он враг наш, злой губитель; другой же был Петух, миролюбивый житель. Не только от него не видим мы вреда иль огорченья; но сам он пищей нам бывает иногда. Вперед по виду ты не делай заключенья.

И. Дмитриев.

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ.

Осел увидел Соловья и говорит ему: «Послушай-ка, дружище! Ты, сказывают, петь великий мастерище: хотел бы очень я сам посудить, твое услышав пенье, велико ль подлинно твое уменье?» Тут Соловей являть свое искусство стал: защелкал, засвистал на тысячу ладов, тянул, переливался; то нежно он ослабевал, и томной вдалеке свирелью отдавался, то мелкой дробью вдруг по роще рассыпался. Внимало все тогда любимцу и певцу Авроры; затихли ветерки, замолкли птичек хоры, и прилегли стада. Чуть-чуть дыша, пастух им любовался, и только иногда, внимая Соловью, пастушке улыбался. Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом, — «изрядно», говорит: «сказать неложно, тебя без скуки слушать можно, а жаль, что не знаком ты с нашим петухом: еще б ты боле навострился, когда бы у него немного поучился». Услыша суд такой, мой бедный Соловей вспорхнул — и полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от этаких судей!

И. Крылов.

СКАЗКА О КУПЦЕ КУЗЬМЕ ОСТОЛОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ.

Жил-был купец Кузьма Остолоп, по прозванью Осиновый-лоб. Пошел Кузьма по базару посмотреть кой-какого товару. Навстречу ему Балда идет, сам не зная куда. «Что, дядюшка, так рано поднялся, чего ты

взыскался?» Кузьма ему в ответ: «нужен мне работник — повар, конюх и плотник. А где найти мне такого служителя, не слишком дорогого?» Балда говорит: «буду служить тебе славно, усердно и очень исправно, в год за три щелчка тебе по лбу, есть же давай мне вареную полбу». Призадумался наш Кузьма Остолоп, стал почесывать лоб. Шелк щелку ведь розь — да понадеялся на русский *авось*. Кузьма говорит Балде: «ладно; не будет нам обоим накладно. Поживи-ка на моем подворье, окажи свое усердье и проворье».

Живет Балда в купеческом доме, спит-себе на соломе, ест за четверых, работает за семерых: до-света все у него пляшет, лошадь запряжет, полосу вспашет, печь затопит, все заготовит, закупит, яичко испечет, да сам и облупит. Хозяйка Балдой не нахвалится, их дочка о Балде лишь и печалится, сынок их зовет его тятей; кашу заварит, няньчится с дитятей; один Кузьма лишь Балду не любит, никогда его не приголубит, о расплате думает частенько. Время идет, и срок уже близенько. Кузьма не ест, не пьет, ночи не спит: лоб у него заранее трещит. Вот он жене признается: «так и так, что делать остается?» Ум у бабы догадлив, на всякие хитрости повадлив. Хозяйка Кузьме говорит: «знаю средство, как удалить от нас такое бедство: закажи Балде службу, чтоб стало ему не в мочь; а требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь: тем ты и лоб от расправы избавишь и Балду-то без расплаты отправишь».

Стало на сердце у Кузьмы веселее, начал он глядеть на Балду посмелее. Вот он кричит: «поди-ка сюда, верный мой работник Балда! Слушай: платить обязалися черти мне оброк до самой моей смерти. Лучшего бы не надобно дохода, да есть на них недоимки за три года. Как наешься ты своей полбы, собери-ка с чертей оброк мне полный».

Балда, с Кузьмой понапрасну не споря, пошел да и сел у берега моря; там он стал веревку крутить, да конец ее в море мочить. Вот из моря вылез старый Бес: «зачем ты, Балда, к нам залез?» — «Да вот веревкой хочу море морщить, да вас, проклятое племя, корчить».

Беса старого взяла тут унылость. «Скажи, за что такая немилость?» — «Как за что? Вы не платите оброка, не помните положенного срока; вот ужо будет нам потеха, вам, собакам, великая помеха!» — «Балдушка, погоди ты морщить море, оброк сполна ты получишь вскоре. Погоди, вышлю к тебе внука». Балда мыслит: «этого провесть не штука!»

Вынырнул подосланный бесенок, замяукал он как голодный котенок. «Здравствуй, Балда мужичок! какой тебе надобно оброк? Об оброке век мы не слыхали, не было чертям такой печали; ну, так и быть, — возьми, да с уговору, с общего нашего приговору,— чтобы вперед не было никому горя: кто скорее из нас обежит около моря, тот и бери себе полный оброк; между тем там приготовят мешок». Засмеялся Балда лукаво: «Что ты это выдумал, право? Где тебе тягаться со мною, со мною, с самим Балдою? Экого послали супостата. Подожди-ка моего меньшого брата».

Пошел Балда в ближний лесок, поймал двух зайцев, да в мешок. К морю опять он приходит; у моря бесенка находит. Держит Балда за уши одного зайку: «Попляши-ка ты под нашу балалайку; ты, бесенок, еще молоденек, со мною тягаться слабенек: — это была бы лишь времени трата, обгони-ка сперва моего брата. Раз, два, три! Догоняй-ка». Пустились бесенок и зайка: бесенок по берегу морскому, а зайка в лесок, до дому. Вот, море кругом обежавши, высунув язык, морду поднявши, прибежал бесенок, задыхаясь, весь мокрешенек, лапкой утираясь, мысля: дело с Балдою сладит. Глядь: а Балда братца гладит, приговаривая: «Братец мой любимый, устал, бедняжка! Отдохни, родимый». Бесенок оторопел, хвостик поджал, совсем присмирел, на братца поглядывает боком. «Погоди», говорит, «схожу за оброком». Пошел к деду, говорит: «Беда! обогнал меня меньшой Балда!» Старый бес стал тут думать думу, а Балда наделал такого шуму, что все море смутилось и волнами так и расходилось.

Вылез бесенок. «Полно, мужичок: вышлем тебе весь оброк». — «Нет», говорит Балда, «теперь моя череда, —

условие сам назначу, задам тебе, враженок, задачу. Посмотрим, какова у тебя сила. Видишь там сивая кобыла. Кобылу подыми-ка ты, да неси ее полверсты, снесешь кобылку — оброк уж твой, не снесешь кобылы — будет он мой».

Бедненький бес под кобылу подлез, понатужился, понапружился, приподнял кобылу, два шага шагнул, на третьем упал, ножки протянул. А Балда ему: «глупый ты бес, куда ж ты за нами полез? и руками то снести не смог, а я, смотри, снесу промеж ног». Сел Балда на лошадку верхом, да версту проскакал, так, что пыль столбом. Испугался бесенок и к деду пошел, рассказывать про такую победу. Делать нечего — черти собрали полный оброк, да на Балду взвалили мешок.

Идет Балда, покрякивает; а Кузьма, завидя Балду, вскакивает, за хозяйку прячется, со страху корячится. Балда его тут отыскал, отдал оброк, платы требовать стал. Бедный купец Кузьма Остолоп подставил лоб. С первого щелчка — прыгнул Кузьма до потолка; со второго щелчка лишился Кузьма языка; а с третьего щелчка —вышибло ум у старика. А Балда приговаривал с укоризною: «не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизною!..»

А. Пушкин.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько Медведя толк ногой: «Смотри-ка», говорит, «кум милый мой, что это там за рожа? Какие у нее ужимки и прыжки! Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее хоть чуть была похожа; а ведь, признайся, есть из кумушек моих таких кривляк пять-шесть; я даже их могу по пальцам перечесть».

— «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» ей Мишка отвечал. Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

И. Крылов.

ПОЛЕВОЙ ЦВЕТОК.

Простой цветочек, дикий, не знаю как, попал в один пучок с гвоздикой. И что же? — от нее душистым стал и сам.

Хорошее всегда знакомство в прибыль нам.

И. Дмитриев.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ.

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет! Весна идет!
Мы молодой весны гонцы!
Она нас выслала вперед...»
Весна идет, весна идет! —
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

Ф. Тютчев.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ.

Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю. Тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою. Стану сказывать я сказки, песенку спою; ты ж дремли, закрывши глазки, баюшки-баю.

По камням струится Терек, плещет мутный вал; злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал. Но отец твой, старый воин, закален в бою: спи, малютка, будь спокоен, — баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время, бранное житье; смело вденешь ногу в стремя и возьмешь ружье. Я седельце боевое шелком разошью... Спи, дитя мое родное, баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду и казак душой. Провожать тебя я выйду, — ты махнешь рукой... Сколько

горьких слез украдкой я в ту ночь пролью!.. Спи, мой ангел, тихо, сладко, баюшки-баю.

Стану я тоской томиться, безутешно ждать, стану целый день молиться, по ночам гадать; стану думать, что скучаешь ты в чужом краю... Спи ж, пока забот не знаешь, баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу образок святой: ты его, моляся богу, ставь перед собой, да готовясь в бой опасный, помни мать свою... Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю.

М. Лермонтов.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

— Приятель дорогой, здорово! Где ты был?

— В кунсткамере, мой друг. Часа там три ходил; все видел, высмотрел; от удивленья, поверишь ли, не станет ни уменья пересказать тебе, ни сил. Уж подлинно, что там чудес палата! Куда на выдумки природа таровата! Каких зверей, каких там птиц я не видал! Какие бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки! Одни — как изумруд, другие — как коралл! Какие крохотны коровки! есть, право, менее булавочной головки!

— А видел ли слона? Каков собой на взгляд? Я, чай, подумал ты, что гору встретил?

— Да разве там он?

— Там...

— Ну, братец, виноват: слона-то я и не приметил.

И. Крылов.

БЕРЕЗА.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят.
И радостен для взгляда

Весь траурный наряд.
Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

А. Фет.

ЛАСТОЧКИ.

Мой сад с каждым днем увядает; помят он, поломан и пуст; хоть пышно еще доцветает настурций в нем огненный куст... Мне грустно! Меня раздражает и солнца осеннего блеск, и лист, что с березы спадает, и поздних кузнечиков треск. Взгляну-ль по привычке под крышу, — пустое гнездо над окном; в нем ласточек речи не слышу, солома обветрилась в нем... А помню я, как хлопотали две ласточки, строя его, как прутики глиной скрепляли, и пуху таскали в него. Как весел был труд их, как ловок! Как любо им было, когда пять маленьких, быстрых головок выглядывать стали с гнезда! И целый-то день говоруньи, как дети, вели разговор... потом полетели, летуньи! Я мало их видел с тех пор. И вот — их гнездо одиноко! Они уж в иной стороне — далеко, далеко, далеко... О! если бы крылья и мне!

А. Майков.

ВЕСНА.

Весна! Выставляется первая рама,
И в комнату шум ворвался:
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.
Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна.

А. Майков.

УРОЖАЙ.

Красным полымем заря вспыхнула; по лицу земли туман стелется; разгорелся день огнем солнечным, подобрал туман выше темя гор; нагустил его в тучу черную. Туча черная понахмурилась, понахмурилась,— что задумалась, словно вспомнила свою родину... Понесут ее ветры буйные во все стороны света белого... Ополчается громом, бурею, огнем-молнией, дугой-радугой; ополчилася,— и расширилась, и ударила, и пролилася слезой крупною — проливным дождем на земную грудь, на широкую. И с горы небес глядит солнышко; напилась воды земля досыта.

На поля, сады, на зеленые, люди сельские не насмотрятся; люди сельские божьей милости ждали с трепетом и молитвою. Заодно с весной пробуждаются их заветные думы мирные. Дума первая: хлеб из закрома насыпать в мешки, убирать воза. А вторая их была думушка: из села гужом впору выехать. Третью думушку как задумали, — богу-господу помолилися, чем свет по полю все разъехались — и пошли гулять друг за дружкою, горстью полною хлеб раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахивать, бороны зубьем порасчесывать.

Посмотрю пойду, полюбуюся, что послал господь за труды людям: выше пояса рожь зернистая дремлет колосом почти до земли. Словно божий гость, на все стороны дню веселому улыбается, ветерок по ней плывет-лоснится, золотой волной разбегается.

Люди семьями принялися жать, косить под корень рожь высокую. В копны частые снопы сложены, от возов всю ночь скрипит музыка. На гумнах везде, как князья, скирды широко сидят, подняв головы. Видит солнышко — жатва кончена: холодней оно пошло к осени, но жарка свеча поселянина пред иконою божьей матери.

А. Кольцов.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы растворилися, на конях, на санях гости въехали. Им хозяин с женой низко кланялись; со двора повели в светлу горенку. Перед спасом святым гости молятся, за дубовы столы, за набраные, на сосновых скамьях сели званые. На столах кур, гусей много жареных; пирогов, ветчины блюда полные.

Бахромой, кисеей принаряжена, молодая жена, чернобровая, обходила подруг с поцелуями; разносила гостям чашу горького.

Сам хозяин за ней брагой хмельною из ковшей вырезных родных подчует; а хозяйская дочь медом сыченым обносила кругом с лаской девичьей.

Гости пьют и едят, речи гуторят про хлеба, про покос, про старинушку: как-то бог и господь хлеб уродит нам? как-то сено в степи будет зелено? Гости пьют и едят, забавляются от вечерней зари до полуночи. По селу петухи перекликнулись; призатих говор — шум в темной горенке; от ворот поворот виден по снегу.

А. Кольцов.

ЛИСИЦА И ОСЕЛ.

«Отколе, умная, бредешь ты, голова?» Лисица, встретяся с Ослом, его спросила. «Сейчас лишь ото Льва! Ну, кумушка, куда его девалась сила! Бывало зарычит, так стонет лес кру́гом, и я без памяти бегом, куда глаза глядят, от этого урода; а ныне, в старости, и дряхл, и хил, совсем без сил, валяется в пещере, как колода. Поверишь ли, в зверях пропал к нему весь прежний страх. И поплатился он старинными долгами! Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему по-своему: кто зубом, кто рогами...» — «Но ты коснуться Льва, конечно, не дерзнул?»—Лиса Осла перерывает. «Вот-на!», Осел ей отвечает: «а мне чего робеть? и я его лягнул: пускай ослиные копыта знает!».

Так души низкие, будь знатен, силен ты, не смеют на тебя поднять они и взгляды; но упади лишь с высоты, от первых жди от них обиды и досады.

И. Крылов.

ПЕСНЯ БЕДНЯКА.

Куда мне голову склонить? Покинут я и сир: хотел бы весело хоть раз взглянуть на божий мир. И я в семье моих родных когда-то счастлив был; но горе — спутник мой с тех пор, как я их схоронил. Я вижу замки богачей и их сады кругом... Моя ж дорога мимо их с заботой и трудом. Но я счастливых не дичусь; моя печаль в тиши, я всем веселым рад сказать — *бог помочь*! — от души.

О, щедрый бог! Не вовсе ж я тобою позабыт, источник милости твоей для всех равно открыт. В селеньи каждом есть твой храм с сияющим крестом, с молитвой сладкой и с твоим доступным алтарем. Мне светит солнце и луна; любуюсь на зарю; и, слыша благовест, с тобой, создатель, говорю. И знаю: будет добрым пир в небесной стороне; там буду праздновать и я, там место есть и мне.

В. Жуковский.

УТРО.

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака. Белый пар по лугам расстилается. По зеркальной воде, по кудрям лозняка от зари алый свет разливается. Дремлет чуткий камыш. Тишь-безлюдье вокруг. Чуть приметна тропинка росистая. Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг с листьев брызнет роса серебристая. Потянул ветерок, воду морщит, рябит. Пронеслись утки с шумом и скрылися. Далеко-далеко колокольчик звенит. Рыбаки в шалаше пробудилися, сняли сети с шестов, весла к лодкам несут... А восток все горит-разгорается. Птички солнышка ждут, птички песни поют. И стоит себе лес, улыбается. Вот и солнце встает, из-за пашен блестит, за морями ночлег свой покинуло; на поля, на луга, на макушки ракит золотыми потоками хлынуло. Едет пахарь с сохой, едет — песню поет; по плечу молодцу все тяжелое... Не боли ты, душа! отдохни от забот! Здравствуй, солнце да утро веселое!

И. Никитин.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ.

Увидя, что мужик, трудяся над дугами, их прибыльно сбывает с рук (а дуги гнут с терпеньем и не вдруг), Медведь задумал жить такими же трудами. Пошел по лесу треск и стук, и слышно за версту проказу. Орешника, березника и вязу мой Мишка погубил несметное число; а не дается ремесло. Вот идет к мужику он попросить совета, и говорит: «сосед, что за причина эта? Деревья-таки я ломать могу, а не согнул ни одного в дугу. Скажи, в чем есть тут главное уменье?»

— В том, — отвечал сосед:—чего в тебе, кум, вовсе нет, — в терпеньи.

И. Крылов.

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ.

Свинья под Дубом вековым наелась желудей досыта, доотвала; наевшись, выспалась под ним, потом, глаза продравши, встала и рылом подрывать у Дуба корни стала. «Ведь это дереву вредит», — ей с Дуба Ворон говорит: — «коль корни обнажишь, оно засохнуть может». «Пусть сохнет» — говорит Свинья: — «ничуть меня то не тревожит, в нем проку мало вижу я; хоть век его не будь, ничуть не пожалею; лишь были б желуди, ведь я от них жирею». — «Неблагодарная!» — промолвил Дуб ей тут: — «когда бы вверх могла поднять ты рыло, тебе бы видно было, что эти желуди на мне растут».

ВОЛК И КОТ.

Волк из лесу в деревню забежал не в гости, но живот спасая; за шкуру он свою дрожал: охотники за ним гнались и гончих стая. Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота, — да тс лишь горе, что все ворота на запоре. Вот видит Волк мой на заборе Кота, и молвит:

— Васенька, мой друг, скажи скорее, кто здесь из мужичков добрее, чтобы укрыть меня от злых моих врагов? Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов? Все это ведь за мной».

— Проси скорей Степана: мужик предобрый он, — Кот Васька говорит».

— То так, да у него я ободрал барана.

— Ну, попытайся ж у Демьяна.

— Боюсь, что на меня и он сердит: я у него унес козленка.

— Беги ж, вон там живет Трофим.

— К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним: он на меня с весны грозится за ягненка.

— Ну, плохо ж! — Но, авось, тебя укроет Клим!

— Ох, Вася, у него зарезал я теленка!

— Что вижу, кум? Ты всем в деревне насолил, — сказал тут Васька Волку: — какую ж ты себе защиту здесь сулил? Нет, в наших мужичках не столько мало толку, чтоб на свою беду тебя спасли они. И правы, — сам себя вини: что ты посеял, — то и жни.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

В прекрасный летний день, бросая по долине тень, Листы на дереве с зефирами шептали, хвалились густотой, зеленостью своей и вот как о себе зефирам толковали: «не правда ли, что мы краса долины всей? что нами дерево так пышно и кудряво, раскидисто и величаво? Что б было в нем без нас? Ну, право, хвалить себя мы можем без греха! Не мы ль от зноя пастуха и странника в тени прохладной укрываем? Не мы ль красивостью своей плясать сюда пастушек привлекаем? У нас же раннею и позднею зарей насвистывает соловей. Да вы, зефиры, сами почти не расстаетесь с нами». — «Промолвить можно бы спасибо тут и нам», им голос отвечал из-под земли смиренно. «Кто смеет говорить столь нагло и надменно? Вы кто такие там, что дерзко так считаться с нами стали?» Листы, по дереву шумя, залепетали. «Мы те», им снизу отвечали, «которые, здесь роясь в темноте, питаем вас. Ужель не узнаете? Мы Корни дерева, на коем вы цветете. Красуйтесь в добрый час! Да только помните ту разницу меж нас, что с новою весною лист новый народится, а если корень иссушится, — не станет дерева, ни вас».

И. Крылов.

ВСЕНОЩНАЯ В ДЕРЕВНЕ.

Приди ты, немощный, приди ты, радостный! Звонят ко всеношной, к молитве благостной! И звон смиряющий всем в душу просится; окрест сзывающий в полях разносится!.. В Холмах, селе большом, есть церковь новая; воздвигла божий дом сума торговая: и службы божии богато справлены, икон подножия свечьми уставлены. И стар, и млад войдет: сперва помолится, поклон земной кладет, кругом поклонится...И стройно клирное несется пение, и дьякон мирное творит глашение: о благодарственном труде молящихся, о граде царственном, о всех трудящихся.

Аксаков.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР.

Знать, солнышко утомлено;
За горы прячется оно,
Луч погашает за лучем
И, алым тонким облачком
Задернув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: — на горах,
В долинах, рощах и лугах;
Того согрей, тем свету дай
И всех притом благословляй.
Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.
Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей,
А тех на гнездышке согрей.
И вишням дай румяный цвет;

Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зеленый сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.
А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на темный луг и лес.
А где под острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел,
И с ними ряд возов скрипел.
И так совсем не мудрено,
Что разгорелося оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: добрый сон!

В. Жуковский.

МОЛИТВА ДИТЯТИ.

Молись, дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.
Быть может, ангел твой хранитель
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель,
К престолу бога отнесет.
Молись, дитя, мужай с летами.
И дай бог, в пору поздних лет,
Такими ж светлыми очами
Тебе глядеть на божий свет.

И. Никитин.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДУМА.

На восьмой десяток пять лет перегнулось, как одну я песню, песню молодую, пою-запеваю старою погудкой; как одну я лямку тяну без подмоги! Ровесникам детки давно помогают, только мне на свете перемены нету. Сын пошел на службу, а другой в могилу; две вдовы невестки, у них детей куча,— все мал-мала меньше; за̀дной головою ничего не знают; где пахать, что сеять, позабыли думать. Богу, знать, угодно наказать под старость меня, горемыку, такой тяготою. Сбыть с двора невесток, пустить сирот в люди, — старики на сходке про Кузьму что скажут? Нет, мой згад, уж лучше, доколь мочь и сила, доколь душа в теле, буду я трудиться; кто у бога просит, да работать любит, — тому невидимо господь посылает. Посмотришь, — один я батрак и хозяин, а живу чем хуже людей семьянистых? Лиха-беда в землю-кормилицу ржицу мужичку закинуть; а там бог уродит, Микола подсобит собрать хлебец с поля; так его достанет год семью пробавить: посбыть подать с шеи, и нужды поправить, и лишней копейкой божий праздник встретить.

А. Кольцов.

УРОК.

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят
Весь седой ворчун-старик,
Отставной солдат.
— Я согнулся, я уж слаб,
А виды видал;
Унтер не был бы, когда б
Грамоте не знал.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

У меня ль в саду цветок
Посадил я каждый сам,

И из тех цветов венок
Грамотному дам.
Битый, — правду говорит
Молвь людей простых, —
Стоит двух, кто не был бит:
Грамотей — троих.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Митя, видишь карандаш?
За моей следи рукой:
Это *иже*, а не *наш*;
Экой срам какой!
Да, прислушайтесь: с полком
В Греции я был,
В двадцать значит... а в каком,
Значит, позабыл.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Отстояли мы друзей!
Раз иду себе один,
Вижу школа для детей
У ворот Афин.
В школе учится моряк,
Детям не подстать;
Я взглянул — и как дурак
Начал хохотать.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Но учитель мне сказал:
«Ты глупей ребенка сам
Ты героя осмеял,
Страшного врагам.
Он за греков мстил, — пред ним

Трепетал султан,
И упал, сожжен живым,
Вражий капитан».
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Гордость края моего —
Он Канари * — да
В мире встретили его
Горе и нужда;
Он, умея побеждать,
Сел букварь учить,
Все за тем, чтобы опять
Греции служить!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Весь зардевшись, в стороне,
Я в смущении стоял;
Но герой сжал руку мне,
Слово мне сказал...
Мне послышался завет
Бога самого:
«Знанье — вольность, знанье — свет;
Рабство без него!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Беранже (перевод Курочкина).

Конец.

---

* Канари — знаменитый греческий моряк, содействовавший много освобождению Греции из-под власти турок; он, своими брандерами, сжег множество турецких кораблей, и о нем говорили: «Турки боятся Канари более, чем подводных скал Архипелага».

Детский мир и Хрестоматия

Часть вторая

Детский мир

ОТДЕЛ I.

ИЗ ПРИРОДЫ.

ВСЯКОЙ ВЕЩИ СВОЕ МЕСТО *.

Богатый дядя, уезжая надолго за границу, подарил двум своим племянникам по большому сундуку с самыми разнообразными вещами. Здесь были игрушки и книги, чучела животных и картины, засушенные растения и раковины, куски камней и образчики металлов. Само собою разумеется, что дети обрадовались такому богатому подарку: сейчас же поспешили опустошить сундуки и посмотреть, что в них находится. Но вещей было так много и они были так разнообразны, что дети никак не могли даже хорошо познакомиться с своим богатством: часто они напрасно и долго искали какую-нибудь вещь, хотя, казалось, видели ее недавно и даже не знали хорошенько, что у них есть и чего нет. Они, правда, разложили свои вещи довольно аккуратно, по кучкам; но в каждой кучке было столько разнообразных предметов, что невозможно было припомнить, где что

* Статья эта может быть прочитана с большой пользой только в том случае, если читающий хорошо и систематически ознакомился с первой частью „Детского мира"; если же этого почему-либо не было сделано, то следует эту статью пропустить. По прочтении статьи полезно составить таблицу и по ней резюмировать целым классом и вкратце все, прочитанное о животных в первой части „Детского мира". Такое повторение и систематизация приобретенных уже знаний составляют одно из могущественных средств развития вообще и укрепления памяти в особенности.

лежит. Раз дети долго искали какую-то блестящую раковину, которая понравилась им обоим — перерыли все, но не находили ее. В это самое время в детскую вошел отец, и дети рассказали ему свое горе.

— Это происходит оттого, друзья мои, — сказал детям отец, — что ваши вещи, как я вижу, в большом беспорядке. Хотя вы и разложили их по кучкам, но не так, как следует. Надобно разложить *их по родам и видам*, каждый предмет на свое место, и тогда вы будете знать, где что лежит, и легко отыщете то, что вам нужно.

— Но что значит разложить по родами и видам, — спросили дети в один голос, — и как это сделать?

— Очень легко: положите игрушки к игрушкам, картины к картинам, все чучела животных соберите в одно место, растения в другое, камни в третье; книги поместите особо.

Дети с помощью отца исполнили то, что он им советовал.

— Вот теперь получше, — оказал отец, — но все еще порядка мало. Вы, например, расставили книги, судя по формату, — большие к большим, а меньшие к меньшим, тогда как книги должно размещать по содержанию. Поставьте же учебники к учебникам, сказки к сказкам, путешествия к путешествиям; в книгах различного формата может быть одно и то же содержание и наоборот. Дурно также вы расставили животных и разложили растения. Посмотрите: у вас рядом с фигурою слона стоит чучело орла, хотя орел птица, а слон зверь.

Дети с помощью отца расставили книги, как следует, и сами отделили птиц от других животных.

— Немного более порядка, а все еще мало. Посмотрите, у вас слон стоит вместе с крокодилом, хотя эти животные совершенно различны: слон живет на суше и рождает живых детей, а крокодил живет в воде, хотя и не рыба, и кладет яйца, хотя и не птица. Отделите сначала животных, называемых зверями, т. е. таких, которые покрыты шерстью, рождают живых детенышей и кормят их своим молоком, почему и называются *млекопитающими.*

С помощью отца дети отделили зверей от всех прочих животных.

— Вот теперь уже больше порядка, а все же мало. Посмотрите, у вас осел стоит рядом с кошкой, хотя у осла копыта, а у кошки лапы. Отделите же в сторону всех зверей, у которых ноги вооружены копытами.

Дети без труда исполнили приказание отца.

«Хорошо, — сказал отец: — но и тех животных из *класса* зверей, ноги которых вооружены копытами, можно расставить в большем порядке. Поставим сначала *однокопытных* (какие?), затем *двукопытных* (какие?), и, наконец, *многокопытных* (какие?). Вот у нас три *отряда* копытных животных. В этих отрядах мы найдем еще различные *семейства*. В первом отряде — *однокопытных* — одно семейство с несколькими видами (какие?), во втором отряде — животных *двукопытных*, жвачных, мы можем разместить наши фигурки в несколько семейств. В первое семейство — *бычачье* — пойдут бык и корова, буйвол, зубр; во второе — *козловое* — станут: коза, овца, легконогая серна. Третье семейство будет *оленье*: здесь поместятся олени всех пород и кабарга с загнутыми вниз клыками. Затем поставим жирафа с вытянутою шеей и длинными передними ногами; это четвертое семейство. Пятое семейство составят тоже *жвачные* животные, но у которых не два копыта, а скорее два большие мозоля на каждой ноге. В это *мозоленогое* семейство войдут горбатый верблюд и хорошенькая лама с вытянутою шеей. Так у нас будет в отряде двукопытных жвачных животных пять семейств (какие?) и в каждом семействе несколько родов животных (какие?).

В третьем отряде — животных многокопытных — мы заметим два семейства: семейство *парнокопытных*, где поместятся дикий кабан и наша домашняя свинья (почему?) и *непарнокопытных*, где станут: слон, бегемот, носорог и тапир.

Теперь займемся животным, у которых не копыта, а лапы с когтями. Из них мы легко устроим 4-й отряд — *хищных* (какие признаки хищных зверей?). В хищном

отряде мы уже знаем 4 семейства: *кошачье* со втяжными когтями (на какие роды делится кошачье семейство?); второе семейство хищных будет — *собачье* (какие роды?), третье семейство — *гиеновое*, четвертое — *медвежье*. (Какие звери относятся к этому семейству?) Пятое семейство хищного отряда — хорьковое (какие роды и виды вы знаете хорькового семейства?).

Затем, поместим пятый отряд—*грызунов*. (Признаки грызунов? Какие звери относятся к этому отряду?)

Далее пойдет шестой отряд — *насекомоядных* (кого вы отнесете к этому отряду?) Затем поместим седьмой отряд — *рукокрылых*. (Какое рукокрылое животное вы знаете)? Восьмой отряд составят *четверорукие*. (Каких животных называют четверорукими?) Наконец, поставим два отряда морских зверей: 9-й *ластоногих* и 10-й *рыбообразных*. (Какие звери относятся к первому и какие ко второму отряду?)

Вот и все *млекопитающие* животные, каких мы с вами узнали. Теперь займемся размещением *птиц*, которых легко отличить по перьям, по двум ногам и по клюву. Прежде всего разделим птиц на два большие отдела: *выводковых* и *птенцовых*. (Чем они различаются?) В каждом отделе найдем несколько отрядов. Первым отрядом поставим — *куриный*. (Какие птицы относятся к этому отряду?) Второй отряд будет — *голенастых* или *болотных*. (Какие птицы принадлежат к этому отряду? Почему они так называются?) Третий отряд—птиц *бегающих*. (Какую вы знаете бегающую птицу?) Четвертый отряд составят птицы *водные*. (Какие?)

В *птенцовом* отделе птиц мы знаем также 4 отряда: 1-й—*хищных*, дневных и ночных (какие?), 2-й—*воробьиных* (какие?), 3-й — *голубиных*, куда относятся одни голуби, разнообразнейших пород, и 4-й — парнопалых, или *лазунов*. (Какие птицы относятся к этому последнему отряду? Почему они так названы?)

Вот мы устроили два класса животных: зверей и птиц. О других классах мы знаем не много, но постараемся и животных этих классов разместить, как можем. Сначала разместим класс *пресмыкающихся*, где заметим

3 отряда: *ящеричный*, *змеиный* и *черепаший*. (Каких животных вы знаете в каждом из этих отрядов?)

Четвертый класс составят у нас животные *земноводные*. (Какое земноводное животное вы знаете и почему оно так называется?)

Пятый класс займут у нас *рыбы*, у которых мы узнали с вами всего два отряда: *костистых* и *твердочешуйчатых*. (Чем отличаются рыбы от всех прочих классов и каких рыб из каждого отряда вы знаете?)

У всех этих пяти классов животных (каких именно классов?) есть один общий признак: это все животные *позвоночные*, т. е. такие, у которых есть позвоночный хребет. У всех же остальных животных, которых мы еще не привели в порядок, нет позвоночного хребта, и теперь мы займемся именно этими *беспозвоночными* животными.

На время, — прибавил отец, — мы не тронем животных беспозвоночных и приведем их в порядок тогда, когда что-нибудь о них узнаем. Теперь же вы уже знаете, для чего нужен порядок и *система*: иначе мы не могли бы помнить такого множества животных, растений, минералов, какие известны каждому, кто изучал естественные науки. Да и вообще умные люди давно заметили, что для того, чтобы занятия наши шли успешно, всякой вещи должно быть свое место, а всякому делу свое время.

ХРУЩ, ИЛИ МАЙСКИЙ ЖУК.

Это маленькое насекомое очень хорошо знакомо каждому из нас; но, рассмотрев его поближе и повнимательнее, мы откроем в нем много любопытного, чего прежде не замечали.

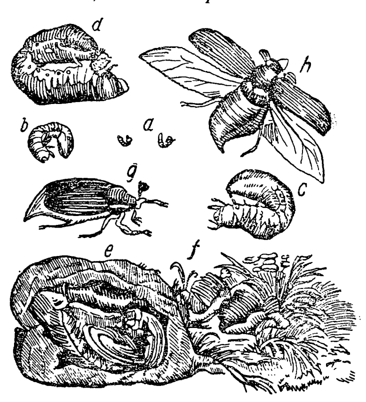
Небольшое тело хруща весьма заметно разделяется на три части: голову, туловище и члены. Головка у него очень небольшая и весьма мало подвижная; на ней мы заметим два большие блестящие глаза и рот, состоящий из шести частей, называемых *жвалами*, которые имеют способность двигаться из стороны в сторону и зубцами своими перетирают пищу; такого сложного рта мы не

видели еще ни у одного животного. На голове хруща заметим еще два маленькие члена вроде двух тоненьких усиков, утолщающихся к концу и усаженных роговыми пластинками; усики эти называются *щупальцами*, ими хрущ, как и всякий другой жук, ощупывает предметы, к которым прикасается. Туловище хруща начинается тотчас за головою и оканчивается назади острием; в туловище можно различить переднюю часть, или грудь, и заднюю, или брюшко. Сверху нельзя заметить, где оканчивается грудь и где начинается брюшко; но снизу это очень хорошо видно. Грудь состоит из трех колец неодинаковой величины. Первое и ближайшее к голове, сравнительно с другими, очень велико: если смотреть сверху, то кажется, что оно одно образует всю грудь; оно, как и вся грудь, покрыто волосами. Второе, очень маленькое колечко, выходит наверху между крыльями, сердцевидным щитком. Третьего кольца сверху совершенно не видно, но внизу оно довольно широко. К каждому из этих грудных колец прикреплено по паре ног. Брюшко хруща, которого сверху за крыльями почти не видать, состоит тоже из шести колец черного цвета; на каждом из этих колец по два белых пятнышка; роговидное окончание брюшка выходит треугольником и имеет светлокоричневый цвет. Все члены хруща прикреплены к грудным его кольцам попарно и называются ножками; две первые пары сидят близко одна возле другой, задние, укрепленные на третьем кольце груди, отодвинуты несколько далее. Каждая ножка состоит из пяти члеников, или *суставцев*; последний из суставцев, соответствующий лапе зверя, называется лапкою и снабжен крючковатыми коготками. Эти суставчатые, членистые ножки помогают маленькому животному двигаться; а крючковатые лапки дают ему возможность сидеть крепко, уцепившись за листок дерева или за ветку.

Таким образом, мы видим, что хрущ, как и всякий другой жук, состоит из множества отдельных члеников, или суставцев; в груди три суставца, в брюшке шесть, в каждой ножке по пяти, рот из шести суставцев; даже щупальцы и те не простые, а состоят тоже из суставцев.

Вот почему хруща причисляют к животным *членистым*, или *суставчатым*, к которым мы причислим и осу, и муху, и пчелу, и муравья, и паука, и множество других животных, если рассмотрим их хорошенько.

Сверху, на спине хруща, мы видим два светлокоричневые блестящие крыла, жесткие, глянцевитые, по которым вдоль идут выпуклые полоски, но это, собственно, не крылья, — трудно было бы летать на таких жестких и тяжелых крыльях, — а только крышки для настоящих крыльев, или, как их называют, — *надкрылья*. Когда жук собирается лететь, то он подымает эти плоские роговые крылья и развертывает из-под них два другие крыла — тонкие, нежные и большие. Эти последние, мягкие крылышки так тонки, что почти прозрачны; но тем не менее в них достаточно силы и крепости, чтобы поддерживать на воздухе довольно увесистое тело жука. При полете жук производит своими крыльями особенного рода знакомое нам *жужжанье*; но голоса собственно он не имеет.

Превращения майского жука.

Хрущ безопасен для людей; он не может ни кусаться, ни колоться, но сильно вредит деревьям и кустам, пожирая на них лист. Самка хруща кладет яички в землю и потом вовсе о них не заботится. Из яичек жука выползают не жуки, но маленькие, голые червячки белого цвета, вовсе на жука не похожие и уже из червячков, через три года на четвертый, делаются хрущи. Такой переход животного из одной формы в другую называется *превращением* (метаморфозой). Превращений мы не замечали с вами ни у зверей, ни у птиц, ни у рыб и видели нечто подобное только у лягушек.

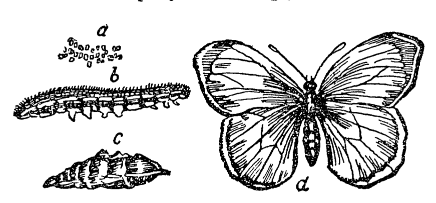
Если случайно раздавить жука, то из него потечет не красная, но белая кровь. Костей при этом у жука не окажется; а наоборот, мы увидим, что внешняя оболочка, покрывающая его голову, грудь и брюхо, не говоря уже о крепких роговых крыльях, гораздо тверже и жестче того, что мы находим внутри жука. У зверей, птиц, рыб, земноводных и пресмыкающихся мы видели кости внутри; а здесь, напротив, кости заменяются твердым наружным покровом, и к этому покрову прикрепляются мускулы, дающие животному возможность двигаться. Заметив это, мы, конечно, не будем уже искать в жуке ни позвоночного хребта, ни ребер, а потому и не причислим его к животным *позвоночным*. Внутри жука естествоиспытатели нашли желудок, сердце и нервы, что дает жуку возможность, как и всякому другому насекомому, питаться, чувствовать и двигаться. Для дыхания жукам так же необходим воздух, как и всему, что живет, но дыхательный орган у жука устроен совершенно иначе, чем у животных, о которых мы до сих пор читали. Это не легкие и не жабры, а маленькие трубочки, находящиеся в теле животного, отверстия которых выходят устьицами между кольцами груди и брюха. В этих трубочках кровь жука соприкасается с воздухом и из них уже расходится по всему телу. Органов обоняния и слуха у жуков не открыли; органы осязания есть, но не распространены у них по всему телу, покрытому толстою, жесткою кожею, а находятся в щупальцах, которые торчат у жука на голове и беспрестанно шевелятся.

Если мы встретим животное, которое, подобно жуку, состоит из множества члеников, или суставцев, то причислим его к обширному отделу животных суставчатых; но если мы встретим такое суставчатое животное, у которого, как у жука, три пары ног, то мы причислим его к классу *насекомых*. Паука, например, мы назовем животным суставчатым, но не можем назвать его насекомым, потому что у него не шесть, а восемь ног; не назовем мы также насекомым и сороконожку, хотя смело можем назвать ее животным суставчатым; пчела же,

оса и муха, хотя они и мало похожи на жука, должны быть причислены к насекомым: они не только состоят из суставчиков, но имеют по шести ног.

БАБОЧКА.

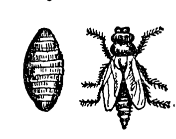
Зачем пестрая бабочка так деятельно перепархивает с цветка на цветок и прячет свою головку в душистые чашки цветов? Верно и у нее есть ротик, верно и она отыскивает себе пищу в цветах. Да, рот есть и у бабочки, только очень маленький, но это потому, что она свою пищу не ест, а пьет длинным *язычком*, который у нее образован из челюстей, свернутых в трубочку, так что лучше назвать его маленьким *хоботком*. Свой хоботок бабочка то вытягивает, чтобы добыть себе соку из цветовой чашечки, то свивает спиралью, чтобы удобнее было летать с ним. У некоторых бабочек хоботок, или язычок, длинен, а у других его вовсе нет. Но чем же живут эти последние? — твердой пищи они жевать не могут, а хоботка для всасывания жидкой у них нет? — Ничем! Такие бабочки ничего не едят во всю жизнь: зато и живут только один день и, положив яички, умирают. На голове бабочки мы заметим щупальцы и два большие, очень сложные глаза, составленные из нескольких тысяч маленьких глазков. На чешуйчатой, несколько поднятой груди бабочки сидят два непрозрачные, большие крыла и шесть маленьких, длинных пятисуставчатых ног. Там, где брюшко сходится с грудью, прикреплены еще два задние крыла. Все четыре крыла бабочки усажены бесчисленным множеством маленьких, разноцветных чешуек, похожих на блестящую пыль. Если рассмотреть эти чешуйки в микроскоп,

Превращения бабочки: а) яички; в) личинки; с) куколка; d) бабочка.

то можно видеть, что они, как перышки, одним острым концом сидят в крыле, а другим, широким, уложены друг на друга, словно черепицы на кровле. От чешуек зависят те яркие цвета бабочкиных крыльев, которыми мы так любуемся, и они же, заменяя перья, помогают бабочке летать. Бабочка, у которой по неосторожности мы сотрем с крыльев эту красивую пыль, почти не может летать.

Как по цвету, так и по величине, бабочки бывают очень разнообразны. Живут они вообще весьма недолго, некоторые один день. Яички свои они кладут в таких местах, где детки, которых мать никогда не увидит, могут найти себе обильную пищу. Все бабочки подвергаются превращениям: из яичек, которые кладет бабочка где-нибудь на листке, выходит червячок — *гусеница*; гусеница много ест и когда вырастет, то сделается неподвижной *куколкой*, а из куколки вылетит опять новая бабочка, которая положит яички и замрет.

Овод и его куколка.

Красивое создание бабочка, когда, пройдя все свои превращения, она сделается, наконец, крылатым животным; красивое и безвредное, потому что пьет только сок цветов; но гусеница — та же бабочка, только в другом виде — очень прожорлива и наносит большой вред садам, полям, лесам и огородам. Хорошо еще, что птицы тысячами истребляют яички бабочек, а лягушки, ящерицы и другие насекомоядные животные пожирают их самих.

Моль, которая наносит такой страшный вред платьям и мебели, вредна не тогда, когда летает, но когда ползает в виде маленьких беленьких червячков.

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЯК.

Хорошенькая лента, красивый пестрый платочек, чудесное, блестящее, крепкое платье — сделаны из шелка. Но откуда же берется шелк? Из чего он делает-

ся? Вы засмеетесь, если вам сказать, что он делается из *земли*, *воздуха* и *воды*, и подумаете, что это шутка, но тем не менее это совершенно справедливо.

Маленькое зернышко сидит вместе с другими в мясистой, вкусной ягодке, по форме несколько похожей на малину, по цвету также темнокрасной или белой. Эту ягодку зовут *шелковицей*, а дерево, на котором она растет, — *шелковичным* деревом. В каждой такой ягодке, как и на ягодке малины, множество зернышек и одного из этих зернышек достаточно, чтобы из него выросло большое шелковичное дерево. Прилежно сосет шелковичное зернышко пищу, а пищу его составляют: земля, вода и воздух. И что же строит оно из этой пищи? Вниз, под землю, пускает оно сильные, крепкие корни, вверх — ствол, из ствола выгоняет сучья, из сучьев ветки, из веток листья, между листьями появляются маленькие цветы, а из цветов делается снова шелковичная ягода. Но откуда же берется шелк?

Для шелка нужно еще другое зернышко, или, лучше сказать, другой зародыш, который почти еще меньше первого. Щедрый создатель позаботился сотворить такой зародыш для дерева, которое сотворил для зародыша. Зародыш этот — маленькое яичко, величиною с булавочную головку, снаружи оно покрыто твердою скорлупою, внутри мягко. Солнце знает уже, что ему делать с этим яичком: оно до тех пор греет его своими теплыми лучами, пока мягкая масса, находящаяся внутри яичка, не превратится в крошечного червячка, который так мал, что даже и в яичке с булавочную головку ему достаточно места, чтобы лежать свернувшись. Полежит, полежит да и соскучится червячек: ему захочется выглянуть из своей тесной келейки на божий свет. Но как пробить твердую скорлупу? Для этого червячку даны два острые зуба, которыми он прогрызает себе дыру в стенах своей тюрьмы. Долго трудится он, но наконец выглядывает на божий свет; радостно простирает на зеленом листочке шелковицы свое измятое тельце и пьет ароматный воздух. После тяжелой работы у червячка появляется отличный аппетит, и он имеет

уже средства удовлетворить ему: на головке у него два выпуклые глаза, которыми он видит пищу, на брюшке шестнадцать ножек, шесть спереди и десять сзади, которыми он ползет к молодому, нежному листку, только что развернувшемуся из почки. Этот листок — завтрак, обед и ужин шелковичного червячка; а он день и ночь только и делает, что ест да пьет. Но прилежное деревцо идет на перегонку с обжорливостью насекомого и едва червячек успеет кончить один лист, как смотришь, возле уже развернулся другой. Наконец, червяк до того откормится, до того растолстеет, что ему становится тесно в собственной коже, тогда он призадумывается, перестает есть и сидит неподвижно, бледнеет и, кажется, готовится издохнуть, а кожа на нем действительно лопается. Повернется червяк несколько раз— и скинул старое платье, которое сделалось для него слишком тесно. Что же, неужели он останется голым? Как бы не так! Под старой кожей у него давно заготовлена новая, свежая — и красивее, и шире прежней. Переодевшись, опять начинает червячок есть без устали и день, и ночь, пока новая кожа станет ему слишком тесна: опять переодеванье и в третий и в четвертый раз, и каждый раз новое платье и светлее, и шире старого. Через шесть или семь недель из крошечного червячка, который выполз из яичка, величиною с булавочную головку, выходит большая гусеница, величиною с мизинец, которая из сока шелковичных листьев заготовила внутри себя много материала для будущих своих работ. Из этого сока приготовляет она тонкую, светлую нитку и, прикрепив ее одним концом к веточке дерева, начинает делать странные движения: вертясь во все стороны, выпускает она из нижней губы тонкие нити, которые навертывает вокруг себя точно так, как мы навертываем клубок ниток, с той только разницей, что мы начинаем навертывать клубок изнутри, а гусеница снаружи, и сначала прядет внешние нити, а потом внутренние. Так работает гусеница семь или восемь дней и, ни разу не порвавши своей нити, свивает из нее вокруг себя порядочный клубок белого, слегка желтоватого

цвета величиною в маленькое куриное яйцо. Такой клубок зовут *коконом.* Наружный слой кокона состоит из множества скрепленных и склеенных между собою ниток; но под этим наружным слоем свернута очень правильно тоненькая ниточка, такая длинная, что дитя должно пробежать четверть часа, чтобы развить ее до конца.

Внутри кокона шелковичный червяк устраивает себе маленькую комнатку, и, наработавшись вволю, лежит в ней усталый и бессильный. Шесть недель он ел без устали, четыре раза менял свое платье и восемь дней кружился, прял и свивал тонкие нити: теперь пора ему и отдохнуть. В последний раз снимает он свое рабочее платье. Ему не нужны более его 16 ножек: ему некуда бежать; ему не нужны его глаза: в его комнате темно и смотреть не на что; ему не нужны и зубы, которые изгрызли столько листьев, — и вот все это, вместе с мохнатой кожей, твердеет и превращается в жесткую оболочку *куколки,* в которой бывший червячек лежит неподвижно и кажется мертвым. Под жесткой кожей куколки (так зовут в то время умного червяка) вырабатывается нечто совершенно новое. Через 14 дней темная, твердая кожа куколки лопается и из нее выходит бабочка. Два большие глаза видны у нее на головке, 4 крыла дают ей возможность летать по воздуху, а 6 ног пригодятся ей, чтобы садиться на цветы. По всему видно, что этому маленькому насекомому назначено летать в солнечных лучах и в теплом воздухе. Но как же бабочке выйти из своей тюрьмы, в которую она сама себя заперла? Ножки ее слабы и не могут разорвать тысячи ниток; прежних зубов у нее вовсе нет; нежный язычек бабочки годится только для того, чтобы пить мед из цветочных чашечек. Пришлось бы бабочке погибнуть непременно в ее твердой тюрьме, если бы бог не дал ей другого средства: из собственного своего сока сплела гусеница кокон, нескольких капель другого сока, который есть у бабочки, довольно, чтобы проесть нитки кокона и открыть ей дверь, через которую она и вылетает на свет божий.

Человек нашел возможность воспользоваться трудами шелковичного червячка и только немногим бабочкам позволяет выбраться из тюрьмы, потому что дыры, которые они при этом делают в коконе, портят шелк. Только немногим бабочкам позволяет человек носиться в воздухе за тем, чтобы они снова могли положить на ветви дерева свои яички, из которых со временем образуются полезные червячки. В прочих коконах посредством жара умерщвляют куколок, потом развивают тонкие нити, прядут из них более толстые, красят их в самые разнообразные цвета и ткут прекрасные шелковые материи, платки и ленты.

Таким-то образом шелк делается из сока шелковичной гусеницы; сок шелковичной гусеницы — из сока шелковичных листьев; а сок шелковичных листьев добывает дерево из земли, воды и воздуха. Вот как шелковое платье делается из *земли*, *воды* и *воздуха* с помощью двух крошечных зародышей: зернышка шелковичной ягоды, величиной с небольшую песчинку, и яичка шелковичной бабочки.

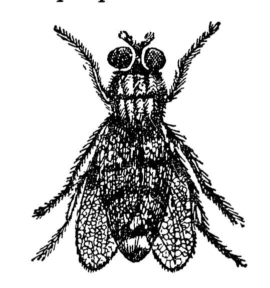
Шелковичная бабочка далеко не так красива, как ее подруги: крылышки ее—скромного, светлосерого цвета; но это именно одна бабочка, за которою человек ухаживает так заботливо; он строит для нее особые дома, отапливает комнаты, садит ее любимые деревья, приготовляет ей пищу и даже не раз подвергал за нее свою собственную жизнь опасности.

КОМНАТНЫЕ МУХИ.

Комнатные мухи очень нам знакомы: они надоедают нам все лето и только зимою оставляют нас в покое. Мы знаем, сколько у мухи крылышек, но не знаем, как замечательны ее глаза: только в *микроскоп* можно рассмотреть, что глаза мухи состоят из множества крошечных глазок, которые смотрят во все стороны и предостерегают муху от опасности. Изо рта у мухи высовывается хоботок, которым она всасывает жидкости. Если ей попадется какая-нибудь твердая пища, например, са-

хар, то она сначала размягчает его маленькой светлой каплей, которую выпускает из хобота. Тело мухи усеяно бесчисленными, едва заметными волосками, а крылья чрезвычайно тонки и прозрачны.

Но откуда появляются мухи? Они появляются из *куколок*, которых обыкновенно не видать, но которые находятся в конюшнях, хлевах, вообще в тенистых и сырых местах. Из таких куколок через 14 дней выходит маленькая мушка. Но прежде еще куколка бывает червячком или, как говорят, *личинкою*, личинка же выходит из яичка. Таких яичек несет муха в четверть часа 90, так что из одной мухи в год может разродиться несколько миллионов мух. Беда была бы человеку от множества этих насекомых, если бы зимние холода не убивали большей части личинок и куколок, а куры не выкапывали их из сору; если бы ласточки, воробьи и другие маленькие птички не ловили самих мух тысячами в воздухе, а пауки не заманивали их в свои невидимые тенета. Мухи ползают очень хорошо по самым гладким предметам, по стеклу и фаянсу, они могут ползать даже кверху ногами, потому что у них на лапках есть маленькие подушечки, из которых вытекает клейкий сок. Этим-то соком они более всего пачкают мебель, картины и посуду.

Комнатная муха под микроскопом.

Примечание. Между бабочкой, мухой и жуком мы замечаем большое сходство: это не только животные *суставчатые*, но и *насекомые*, потому что имеют по шести ног и выносят, прежде чем появятся в полном своем виде, несколько *превращений*. Комар, оса, пчела, стрекоза, муравей, таракан, блоха и пр. и пр.— тоже насекомые. Насекомых такое множество, что мы даже перечислить их не беремся. Некоторый порядок между

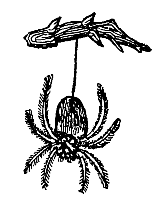
ними мы можем установить, разбирая их по крыльям. Те насекомые, которые имеют такие же жесткие надкрылья, как *жук*, составят отряд *жесткокрылых*; те, у которых крылья покрыты чешуйками, как у бабочек, называются *чешуйчатокрылыми*; осы, пчелы, муравьи и др. — *перепончатокрылыми*, потому что крылья их составляет прозрачная перепонка. Отрядов насекомых очень много.

Божья коровка.

ПАУК.

Паука нельзя назвать красивым животным; многие чувствуют к нему отвращение и даже боятся его: такой у него разбойничий вид. Но не забудем, что ядовитые змеи бывают иногда очень красивы и что гусеницы прелестных бабочек, за которыми дети так любят гоняться, часто приводят в отчаяние земледельца и садовника; паук же не только безвреден, но даже очень полезен, истребляя множество наших крылатых мучителей — комаров и мух. И посмотрите, как мудро приспособлено к этому занятию все телесное устройство маленького хищника. Голова и грудь паука совершенно срослись; но зато круглое, шарообразное брюшко его, едва прикрепленное к груди, втрое больше всего остального тела. В нем паук запасает себе пищу на ненастные дни, когда мухи и комары скрываются в дупла деревьев и всякого рода щели. Такое время — пост для паука; но в теплую погоду ему раздолье и он ест очень много, зато он может оставаться без пищи целые месяцы.

Паук.

Как опытные охотники, пауки стерегут свою добычу в разных местах и, смотря по месту, где производят свою ловлю, различаются между собою одеждою. Пауки, стерегущие свою добычу в лесу, бывают обыкновенно зеленого цвета, под цвет листьев; те же, которые

живут на полях или таятся в углах зданий, бывают серые, темные, под цвет с теми местами, где раскидывают свои сети. *Восемь* зорких глаз торчат у паука на голове и *восемь* длинных ног дают ему возможность бегать очень скоро. Пауки охотятся самым разнообразным образом. Многие из них тихо подкрадываются к комару, который, утомясь от ночных подвигов, сладко дремлет на каком-нибудь листке. Крылатому, длинноногому злодею снится, может быть, как он летит через окошко в спальню, садится на белое личико ребенка, глубоко запускает свое острое жало и пьет с наслаждением чистую кровь — пьет, дрожит от удовольствия, краснеет и пухнет... Но наказание близко! Паук подкрадывается осторожно, измеряет глазами расстояние, отделяющее его от добычи, делает еще несколько неслышных шагов... вдруг сильный, смелый, быстрый прыжок — и злому комару уже не вырваться из цепких лап паука. Во рту паука два острые зуба: пустые в средине, они наполнены ядовитою жидкостью, и при укушении острый яд их проникает в тело насекомого. Зубы паука, не опасные для человека *, очень опасны для мягкого тела мухи, и вытекающий из них яд быстро умерщвляет ее.

Впрочем для мух гораздо опаснее те пауки, которые не гонятся за ними, а плетут для них хитрую сеть. Мухи и комары любят кучами плясать в воздухе по вечерам, и пауки, подметив те места, где толкутся крылатые насекомые, расстилают там свою незаметную паутину. Но как и из чего они ее делают? — В толстом брюшке паука находится много клейкого соку, который животное выпускает разом через тысячи отверстий в брюшке

* Впрочем, в наших южных степях живут в земляных норах пауки, называемые *тарантулами*, укушение которых, если не смертельно, то производит, однако, сильную боль и опухоль и у человека; но бараны выкапывают из земли тарантулов своими тоненькими ножками, едят и только толстеют от этой пищи. Тарантулы так боятся баранов, что никогда не всползут на человека, одетого в шерстяное платье, и если пастух, ложась спать на землю, постелет овчиный тулуп, то ему нечего бояться тарантула.

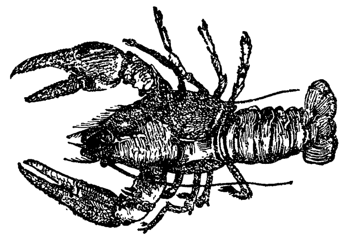
и сплетает из этих первых тончайших, невидимых нитей ту тонкую нитку, которую в отдельности мы все же едва можем рассмотреть, несмотря на то, что она сплетена из множества других. Сок, выходя на воздух, твердеет, и липкая паутина делается достаточно крепкой, чтобы удержать маленькое животное. На такой паутине паук смело спускается с дерева на землю, или с потолка на пол, и снова подымается вверх легче и ловче всякого матроса, по таким же паутинам бегает он взад и вперед и не проваливается. Чтобы понять такую удивительную ловкость, надобно рассмотреть ножки паука. Ножек у него *восемь* и на каждой по три лапки; две больших и одна маленькая, а на каждой лапке множество зубчиков и крючков. Так как у паука восемь ног, то, следовательно, он имеет двадцать четыре лапки; если одна из них как-нибудь оборвется на скором бегу, то еще двадцать три готовы поддержать его.

Как много у нас пауков, мы можем судить об этом по множеству паутины, особенно осенью, когда на домах и на заборах почти все углы затканы ею; в лесу нельзя сделать двух шагов, чтобы паутина не попала в лицо, и даже по полям носятся ее длинные серебристые нити. На этих нитях плавают по воздуху тоже крошечные, черненькие паучки: эти уж в воздухе преследуют свою добычу. Одни пауки охотятся днем, другие вечером, третьи ночью; одни в лесу, другие в кустах, третьи в траве; те в строениях; те, носясь по воздуху, — охотятся и истребляют мириады вредных насекомых.

Самка паука несет яички, из которых выходят *без превращений* маленькие паучата. Мать любит нежно своих детей и защищает их с опасностью собственной жизни; она опутывает свои яички толстою, мягкою паутиною, делает из них крошечные клубочки и эти клубочки прикрепляет к своему телу. Замечено, что пауки, таскающие с собою мешочки с яичками, ужасно беспокоятся, когда у них отымут хотя один такой мешочек, и показывают признаки величайшей радости, когда получат его обратно. Есть порода пауков, которая, выкапывая нору в земле, кладет в нее мешочки с яйцами;

при входе в это жилище паук очень искусно устраивает подъемную дверь, которую закрывает землею и очень сильно удерживает снизу своею спинкою, когда враг хочет ее открыть. Так-то и в разбойничьей породе пауков живет нежное и сильное чувство материнской любви.

Пауки, как мы уже знаем, принадлежат к животным суставчатым, но к насекомым их причислить нельзя. Пауки имеют столько особенностей и пород их такое множество, что естествоиспытатели назначали для пауков особый *класс* между животными суставчатыми — класс *паукообразных*.

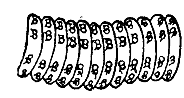
Рак.

Примечание. В *отделе* животных *суставчатых* мы знаем, следовательно, два класса: 1-й класс *насекомых* и 2-й класс *паукообразных*. В этом отделе есть, кроме того, еще 3-й класс, *ракообразных*, т. е. членистых животных, покрытых раковиною; представителем этого класса может служить для нас рак; к классу же пауков относится ядовитый скорпион, хотя с виду скорпион и похож на рака.

ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯК.

Сравнивая дождевого червя с орлом, например, мы найдем между ними мало сходства, но, тем не менее, дождевой червяк чувствует, движется, отыскивает себе пищу, кладет яички, из которых выходят потом другие черви; следовательно, и дождевой червяк — животное, только животное низшего разряда. У него нет ни глаз, ни ушей, нет собственно ни головы, ни членов, следовательно, его нельзя причислить к отделу животных *членистых*, или *суставчатых*; все его длинное, мягкое, крас-

ное тело покрыто кожицею и состоит более, чем из ста колец, из которых каждое подвижно. Первое большое кольцо образует верхнюю губу; второе, меньшее, вытянутое хоботком, — нижнюю. Настоящих ног у червя не заметно, но на одной стороне колец находятся волоски, сидящие рядами. С помощью этих волосков передвигается дождевой червь, извиваясь всем телом, чему способствует кольцеобразное его строение. Между кольцами червя естествоиспытатели нашли маленькие устьица (отверстия), которыми червяк дышит и из которых он выпускает жидкость, увлажающую его тело. Костей у дождевого червя нет; но желудок, в виде черной жилки, тянется, начиная от самого рта во всю длину животного. Черный цвет этого желудка зависит от находящейся в нем пищи.

Несколько колец дождевого червя (увеличенные).

Дождевой червяк живет, как известно, в земле, особенно во влажной и жирной. На поверхность земли выходит он только в теплую, влажную погоду, и то ночью, чтобы запастись влагою и пищей. Если в такую погоду выйти в сад до восхождения солнца, то можно увидать множество червей, но для этого должно идти очень осторожно, потому что хотя у червей нет ни глаз, ни ушей, зато осязание у них очень чутко. Утки, куры, сороки, вороны, кроты и ежи уничтожают множество червей, садовники истребляют их также, а рыбаки ловят для того, чтобы насадить на крючок. Жирная земля, гниющий кусочек растения, нежный корешок и листик — вот что составляет пищу дождевых червей, но на полях и лугах это ничтожное животное может наделать много зла.

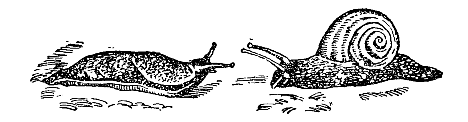
Дождевой червяк не любит ни сильных засух, ни сильных морозов: от тех и других он забирается поглубже в землю, зимою больше, чем на сажень. В воде, на солнце и на холоде он умирает; особенно страшна ему соленая вода, которою садовники выживают червей из сада. Размножаются дождевые черви яичками;

из яичек червя выползают, без всяких превращений, такие же червяки, только гораздо меньше, с меньшим числом колец, которые прирастают потом. Замечательно еще, что червяк не умирает, если его разрезать поперек, а каждая его часть начинает жить своей особенной жизнью.

Примечание. К *отделу* червей принадлежат из знакомых нам животных и полезные пиявки, и вредные глисты, но гусеница, хотя ее и зовут часто червяком, есть, как мы уже знаем, только временная форма насекомого.

УЛИТКА.

В тесных, сырых садах, на валах, стенах и полях часто можно видеть простую улитку. Это безвредное животное очень замечательно. Если вам случится найти его, то возьмите его в руки и рассмотрите поближе.

Улитки.

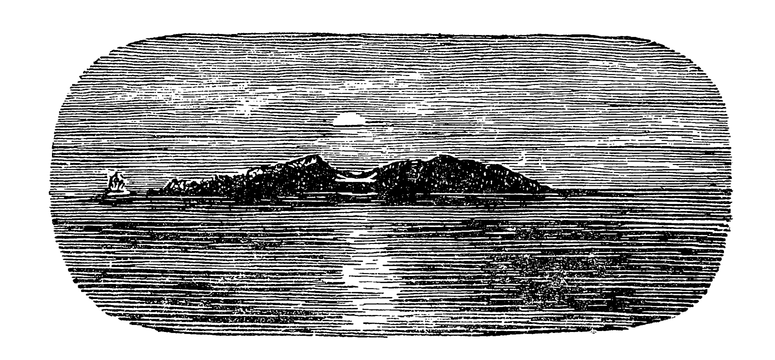
Прежде всего кидается в глаза сделанный искусно из известки домик улитки: та спиральная раковина, которая держится у нее на спине. С одной стороны раковина эта завертывается острием, с другой — открывается широко; но как только вы взяли в руки раковину, так животное и ушло в нее; вы видите только, что в середине лежит какое-то мягкое, скользкое, студенистое вещество, но дотроньтесь до этого вещества пальцем и вы заметите, как оно начнет ежиться, стараясь спрятаться глубже в раковину; следовательно, это — животное: оно ощущает ваше прикосновение и движется, стараясь от него укрыться. Положите же раковину на землю и, отойдя немного в сторону, дожидайтесь терпеливо. Животное успокоится и понемногу станет

выдвигать из раковины сначала голову, мягкую, слизистую, но в которой вы ясно заметите четыре такие же мягкие отростка, или щупальцы, а на конце двух из этих щупальцев черненькие точки — глаза животного. За головою животное выдвинет из раковины такое же мягкое, слизистое брюшко, называемое *ногою*; посредством этой ноги улитка ползает и плавает и ею же присасывается она к деревьям, заборам, листьям капусты, а в воде — к камням или к каким-либудь водяным растениям. Самая раковина прикреплена к спине животного, на которой в складках, называемых епанчею, есть органы, отделяющие известковую массу и выделывающие из нее раковину. Острый верхний зачаток раковины родится вместе с животным, когда оно выходит из яичка, потом раковина растет по мере роста животного и принимает спиральную форму, потому что самое животное, вырастая, мало-помалу подвигается далее спиралью. Трудно было бы понять иначе, как такое малоподвижное животное, как улитка (многие породы улиток всю жизнь остаются на одном и том же месте), не обладающее ни лапками, ни ножками, выделывает такую крепкую, искусную раковину.

В улитке нельзя ясно отличить ни головы, ни груди, ни брюха, все животное мягко и способно принимать самые разнообразные формы. Вот почему улитку причисляют к особому отделу животных — *мягкотелых*. Улитки размножаются яичками, кормятся растительной пищей и имеют свойство выделять из нее известку для своих раковин. Множество разнообразных раковин, которые мы находим на берегах рек, озер и морей, не более, как домики *мягкотелых* животных. Иногда эти раковины состоят из двух красивых блюдечек, которые, будучи скреплены с одной только стороны, могут раскрываться и закрываться. Такие раковинки называются створчатыми (как двери) и в таких раковинках живут устрицы, которых любители кушают с большим удовольствием, в подобных же раковинах живут и те мягкотелые животные, которые производят драгоценный *жемчуг*.

КОРАЛЛОВЫЕ ПОЛИПЫ.

Много мы с вами рассмотрели животных, но какого бесчисленного множества мы еще не знаем! Воздух, земля и вода наполнены животными. За корой дерева, в бугорке, образовавшемся на листочке, во внутренностях животных, в капле болотной воды шевелятся мил-

лионы животных существ, до того разнообразных, что трудно назвать их одним именем животных, но между тем все они живут, чувствуют, движутся, питаются, производят себе подобных и умирают. Какое, кажется, бесконечное расстояние между орлом, свободно реющим в воздушных пространствах, обезьяною, так похожей на человека, слоном, который обладает умом почти человеческим, и неподвижною улиткою, которая, присосавшись к доске, брошенной в воду, проводит всю жизнь свою на одном месте; а между тем, сама улитка покажется нам еще очень большим и сложным животным, если сравнить ее с инфузорией, видной только в микроскоп и которая вся — один крошечный пузырек, или с полипом, который, будучи скорее похож на какое-то странное морское растение, чем на животное, выражает всю свою жизнь только тем, что пошевеливает усиками, или, наконец, с губкой, которою стирается

мел с доски и которую также многие считают животным.

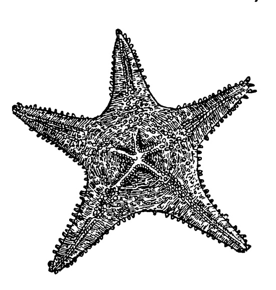
Самые замечательные из полипов — *коралловые полипы*, живущие единственно в морях на небольшой глубине. Это животные очень маленькие, но так как их бывает в одном месте страшное множество и они работают целыми обществами, то производят великие дела, хотя, конечно, не думая сделать их. Вся жизнь кораллового полипа состоит в том, что он, прильнув к какому-нибудь камню, лежащему не очень глубоко в море, шевелит своими усиками или щупальцами и таким образом вгоняет себе в рот воду с различными плавающими в ней веществами. Эти вещества питают полипа, а часть их переделывается внутри его в твердую известковую массу. Само собой разумеется, что у такого животного нет ни сердца, ни легких, ни глаз, ни костей, ни мозга; все оно — один желудок. Но вот известковый кусочек коралла все увеличивается внутри животного и, наконец, так вырастает, что животному остается только умереть. Тем бы все и кончилось; но во время своей жизни полип дает существование нескольким другим полипам, которые, не отделяясь, но группируясь вокруг прежнего, как почки вокруг ветки, продолжают жить, как жили их родители: хватают усиками пищу, переделывают ее в твердый каменистый коралл, который основанием соединен с прежним, и умирают, дав жизнь новым живым почкам, новым полипам. Проходят десятки, сотни лет, мириады полипов отживают, другие мириады появляются на их место, и их известковыми отложениями, распространяющимися во все стороны, как ветви, застилается дно моря на несколько верст: масса

1) Красный коралл. 2) полип *.

* 1) Красный коралл, произведение маленьких животных — полипов, заметных на его ветках. 2) Полип, отдельно взятый и сильно увеличенный. Около отверстия рта расположены, наподобие лучей, мягкие и гибкие органы для схватывания маленьких слизней, плавающих в воде.

твердых кораллов разрастается не только в ширину, но и вверх. Морской песок и морские растения, приносимые водою, помогают работе полипов, которая прекращается, когда доходит до поверхности моря, потому что коралловые полипы могут жить только в воде. Таким образом, под водой образуется весьма опасная мель, о которую часто разбиваются корабли, пока мореходцы, наконец, узнают ее и означат на карте, где она лежит. Полипы кончили свою работу, но море и ветер ее продолжают: море приносит песок и морские растения, семена трав и деревьев, яички различных животных; ветер приносит пыль и с нею также много зародышей растений и животных; новый остров показывается из-под воды. Птицы прилетают на него; морские звери выползают подышать воздухом; на острове появляются травы, цветы, деревья; все это растет, плодится, отживает, гниет, увеличивая черноземный плодотворный слой земли и усиливая растительное животное богатство острова. Пройдет еще сотня, другая лет, — и новое прекрасное жилище для человека готово.

Морская звезда.

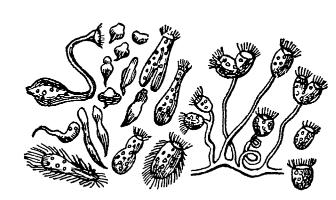
Так, ничтожное, почти неподвижное, почти бесчувственное животное, работая по воле божией в глубинах моря, изменяет самый вид земли и создает новые острова. Коралловые полипы живут только в морях очень теплых стран, а потому там только появляются коралловые острова. По форме тела, расположенного по большей части лучами, всех животных, подобных полипам, естествоиспытатели причисляют к особому отделу, *лучистых*. Сюда относится и красивая морская звезда.

Губка, впрочем, о которой мы упомянули в этой статье, не принадлежит к лучистым животным. Губка растет, как и полип, в морях, под водою, прицепившись к камню, и ее причислили бы к водным растениям, если бы не заметили, что из скважин губки периодически вы-

прыскивается вода и что это прекращается, когда до нее дотронутся. Поэтому некоторые думают, что губка — своего рода коралл, образуемый животным, а слизь, ее наполняющая, — само животное. Но в губке так мало жизни, она так похожа на растение, что ее помещают на границе животного и растительного царства.

ИНФУЗОРИИ, ИЛИ НАЛИВОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ.

Много, много мы видим животных простыми глазами: еще более увидим мы, вооружившись микроскопом, — инструментом, в котором увеличительные стекла сложены так, что показывают предмет в несколько тысяч раз более его настоящей величины. Животные, которых можно видеть только в микроскоп, называются животными *микроскопическими*. Таких животных находят преимущественно в стоячей воде, в болотах и канавах; но их можно найти и во всякой воде, если она только заключает в себе какие-нибудь органические вещества и, сверх того, была подвергнута действию солнечных лучей; даже и в дождевой и соленой морской воде могут показаться микроскопические животные, если такая вода постоит некоторое время на солнце.

Инфузории.

Этих микроскопических животных называют также *инфузориями*, или *наливочными* животными, потому что они являются в воде всякий раз как мы *нальем* ее на какие-нибудь животные или растительные вещества, например, хотя на сенную труху, и поставим в тепло. Постояв несколько дней, а летом, в жаркое время, несколько часов, вода, налитая таким образом, обыкновенно затянется тонкой плевою и тогда, если мы возьмем одну каплю такой воды и станем наблюдать ее в микроскоп, то найдем в ней целый мир бесконечно-малых, бесконечно-разнообразных живых существ — инфузорий.

Какою деятельностью кипит этот маленький мир! Одни из инфузорий кружатся по поверхности капли; другие, столпившись в кучу, греются на солнечном луче; третьи — то мгновенно рассыпаются в разные стороны, то гонятся за какой-нибудь чуть-чуть приметной частичкой растения. Стоит только чем-нибудь прикоснуться к капле воды, — и все эти живые крошки стремительно опускаются на дно: капля воды для них глубокое море. Как они разнообразны по величине своей и внешнему виду! Одни представляют какую-то студенистую массу, другие совершенно прозрачны; некоторые покрыты волосами; некоторые формой своей напоминают раков и рыб,—имеют нечто в роде плавательных перьев, клешней, хвостов, лап, хоботков и когтей. Несмотря на свою ничтожную величину, инфузории имеют также различные органы, посредством которых питаются, пожирают друг друга и размножаются. Они также одарены некоторого рода чувствительностью: по крайней мере, ясно выражают чувство страха и боли. По мере того, как капля воды, которую мы наблюдаем под микроскопом, высыхает, а луч солнца в то же время начинает пригревать инфузории сильнее, они становятся вялыми, их движения делаются медленнее, они начинают дрожать и, вместе с тем, как капля высохнет совершенно, — умирают. Умирая, некоторые инфузории разлагаются мгновенно, так что через несколько секунд не остается уже ни малейших признаков их существования; разложение других продолжается долее, — несколько дней, даже до недели.

Если подумаем, что в таком крошечном животном, которое мы едва видим в микроскоп, увеличивающий в несколько тысяч раз, есть отдельные и притом не простые, а сложные органы, есть чувство и даже некоторого рода соображение, то удивление овладевает умом нашим, удивление и благоговение к создателю, который творит одинаково свободно и в безграничных пространствах, наполненных громадными мирами,—между которыми земля, где мы живем, далеко не самый большой,— и в крошечной инфузории, которую, увеличив даже

в 20 тысяч раз, мы едва видим. А сколько же есть еще звезд, недоступных самым сильным телескопам нашим; сколько есть еще животных, которых мы не можем видеть ни в какие микроскопы! Бесконечно и беспредельно всемогущ господь и безграничной мудрости полны дела его.

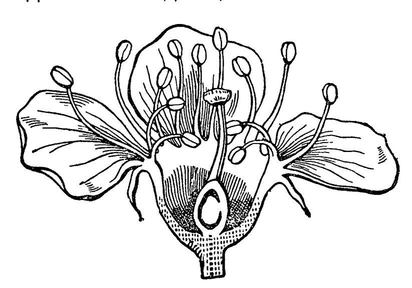
Примечание. Все царство животных мы разделили на две *половины:* к *первой* относятся все животные позвоночные; ко *второй* — беспозвоночные. *Первую половину*, т. е. животных позвоночных, мы делили на *классы* (какие?), классы — на *отряды*, отряды — на *семейства*. Во второй половине такое неисчислимое множество разнообразных животных, что их сначала разделяют на *отделы*, отделы на *классы*, классы на *отряды* и т. д. Из всего этого бесчисленного множества животных беспозвоночных мы узнали весьма немногих. Из *I-го отдела*, животных *суставчатых*, мы узнали жука, бабочку, простую и шелковичную, и муху; все эти животные, отличающиеся *превращениями* и имеющие по шести ног, принадлежат к *классу насекомых*, куда относятся также: пчелы, осы, комары, муравьи, клопы, блохи и мн. др. 2-й *класс* в отделе суставчатых животных составили пауки и скорпионы; 3-й класс — *ракообразные*: раки. Во *II-м отделе*, т. е. в отделе червей, мы знаем дождевого червя, пиявку и глиста. В *III-м отделе*, животных *мягкотелых*, знаем улитку садовую, жемчужную и устрицу. В *IV-м отделе*, животных *лучистых*, знаем коралловых полипов. В *V-м отделе*, отделе *инфузорий*, не знаем ни одного отдельного животного.

ВИШНЯ.

Вишневое дерево у нас невелико, но на юге бывает так же толсто и высоко, как у нас яблоня. Кора на молодой вишне красивая, гладкая, темнокоричневая; листочки заострены к концу, по краешкам зубчаты, глянцевиты и прекрасного зеленого цвета. Но мы обратим осо-

бенное внимание на цветы вишни, которыми она одевается в конце мая или в начале июня.

Сорвем один из вишневых цветков и рассмотрим его хорошенько. Какой это сложный орган и как разнообразны его части! Снизу видна цветочная *ножка*, которою цветочек прикрепляется к ветке. Это то же, что черешок у листа, но подлиннее и кверху потолще. Эту толстую часть ножки называют *донцом* (или тором), потому что к этому донцу прикреплены все остальные части цветка. Снаружи видим мы на донце пять зеленых листочков; все эти листочки вместе называются *чашечкой цветка*. В середине зеленой чашечки мы видим еще пять листочков, только уже не простых зеленых, а белых с розовым отливом. Эти красивенькие листочки называются *лепестками*, а все лепестки вместе — *венчиком*. Цветочный венчик — самая красивая часть во многих растениях, и ею-то любуемся мы в наших клумбах. Но чашечка и венчик еще не самые главные части цветка. Это только теплая, красивая, а иногда душистая одежда других более важных частей цветка: *тычинок* и *плодничка*. Вот эти тоненькие ниточки с мешочками наверху называются тычинками. А мешочки эти, или *гнездышки*, наполнены желтыми *пылинками*. Оборвем все лепестки и тычинки, чтобы нам удобнее было рассмотреть средину и самый важный орган цветка. Вот теперь перед нами один только *плодник*. Он похож на зеленый кувшинчик с длинным, тонким горлышком, которое как будто раскрывается наверху. Каждая из этих трех частей плодничка имеет свое название: нижняя, толстенькая часть называется *завязью*, длинное горлышко — *столбиком*, а наверху столбика — *рыльце*.

Вишневый цветок в разрезе.

КАК ИЗ ВИШНЕВОГО ЦВЕТКА ДЕЛАЕТСЯ ВИШНЯ.

Мы видели уже, какой сложный орган вишневый цветок, как много в нем различных частей и как разнообразны эти части. Но и дело цветку предстоит немалое: он должен сделать сочную, вкусную вишню, внутри вишни твердую косточку, а в твердой косточке душистое зернышко, из которого могло бы вырасти со временем новое вишневое дерево. Посмотрим же, как выполнит эту работу вишневый цветок.

Цветок развертывается весною из почки, точно так же, как и лист. Когда же цветок совершенно развернется, а плодничок и тычинки созреют, тогда из гнездышек, что сидят наверху тычинок, начинает сыпаться желтая *цветочная пыль*. Много этой пыли разлетелось по воздуху; но одна пылинка упала на рыльце плодничка и завязла в липком соке, которым покрыто рыльце. И вот пылинка, питаясь этим соком, растет, вытягивается в тончайшую ниточку и проникает одним концом в столбик плодника, а через столбик в самую середину завязи. Там, в середине завязи, цветочная ниточка находит уже крошечную *семенную почку*, а в этой семенной почке — крошечную зародышевую клеточку и прилипает к ней одним своим концом. Вот и готов зародыш будущего зернышка вишни! Цветок окончил свое дело: белые лепестки его осыпаются, зеленая чашечка засыхает, тычинки, рыльце и даже столбик плодничка вянут и опадают. На цветочной ножке остается одна нижняя часть плодничка или завязь с дорогим зародышем зернышка внутри. Завязь растет, изменяется в форме и цвѐте: зародыш в ней превращается мало-помалу в душистое горькое зернышко; семенная почка, где лежал зародыш, — в твердую белую косточку, а сам плодничок — в мясистую сочную вишню. Вот и зеленая твердая вишня сделалась мягкою и красною: вот она и готова!

У многих других цветущих растений цветок похож на вишневый, но цветок каждого дерева имеет и свои особенности. У иных цветов не один плодничок, как у вишневого, а несколько, и в каждом плодничке созре-

вает по нескольку семян. Так, например, у мака стенки плодничка превращаются в большую маковую головку, закрытую сверху красивой крышечкой, похожей на звезду. Внутри маковая головка перегорожена тонкими стенками на несколько комнаток, и в каждой комнатке не одно, а бесчисленное множество крошечных маковых зернышек. Когда головка созреет, пожелтеет и высохнет, тогда зернышки легко из нее высыпаются в дырочки, находящиеся под крышкой.

У ореха стенки плодничка превращаются в твердую шелуху, которую надобно раскусить, чтобы добраться до зерна. Но если орех не попадет к вам на зубы, а вывалится из зеленой чашечки, в которой он сидит, упадет на влажную землю и пролежит под снегом до весны, то твердая шелуха на нем лопнет сама собою и белое зернышко проглянет на свет божий: пустит корешок книзу, а два зародышевые листочка выгонит кверху. Не случалось ли вам найти такой проросший орех?

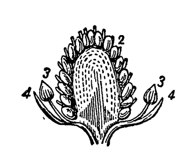
У яблони плодничок сидит в самом донце, точно в рюмочке; в плодничке пять комнаток и в каждой комнатке по две семенные почки, которые потом, когда до них дотронутся цветочные пылинки, превратятся в яблочные семечки. Но листья чашечки на цветке яблони не опадают, как на цветке вишни, а заворачиваются кверху и совсем закрывают плодничок, когда в нем завелись уже семечки. Вы, верно, заметили хохолок наверху яблока — это высохшие кончики листочков чашечки. Разрезав яблоко пополам, мы ясно увидим бывший его пятикомнатный плодник, кожистый, колючий, который мы зовем сердцевиною яблока; а в каждой комнатке увидим два темных зернышка, если яблоко созрело. Вкусное же мясо яблока образовалось из мясистого донца и из листков чашечки, завернувшихся кверху хохолком.

Так, бесчисленное множество растений приготовляют каждое лето множество различных плодов: одно готовит сочное яблоко, другое красную вишню, третье красивый жолудь, четвертое вкусную ягоду и все работают прилежно.

ЗЕМЛЯНИКА.

Земляника так заманчиво, так весело блестит в зеленой траве, сначала беленьким цветочком, а потом красною ягодкою, что не мешало бы нам знать, как она растет и из чего это выходит у нее такая вкусная, душистая ягода.

Цветочек земляники не очень пышен и красив; но сорвем его, рассмотрим поближе, и он научит нас многому. Разрезав вдоль тонкую ножку, на которой держится цветок, мы легко различим в ней две части: одну наружную, покрытую с внешней стороны маленькими волосками, и другую—сердцевину. Наверху ножки сердцевина выставляется выпуклой подушечкой, которая служит *донцом* для цветочка земляники. Чашечка земляничного цветка состоит из двух кружков, каждый в пять зеленых листочков. Листочки верхнего кружка длиннее, листочки нижнего — шире, заострены вверху. Листочки чашечки до половины срослись между собою краями и, кроме того, верхние листочки срослись с нижними, а нижние с донцом. Там, где листочки чашечки отделяются от донца, выходят пять широких, почти круглых, белых лепестков, составляющих венчик земляничного цветка. В середине цветка, на сильно выпуклом донце, сидит не один, как у яблони и вишни, а множество плодничков; и вокруг их до 20 тычинок с пыльниками. Одни из этих тычинок побольше, другие поменьше. Когда оплодотворение совершится, тогда цветочное донцо начинает быстро расти, выдается вверх и скоро превращается в сочную, вкусную ягоду. Белые лепестки опадают, листья чашечки и тычинки с пыльниками также, но плоднички, с семечками внут-

Ягода земляники в разрезе*.

* Вертикальный разрез ягоды земляники: 1) мягкое и сочное цветочное ложе, или тор; 2) отдельные плоднички, на нем расположенные; 3) тычинки, прикрепленные у основания чашечки; 4) листочки чашечки.

ри, остаются, только столбики на них засыхают. Таким образом, мы видим, что те твердые, маленькие, желтоватые бугорки, которыми усеяна ягодка земляники, не что иное, как плоднички с семенами внутри, а самая ягода есть бывшее мясистое донцо земляничного цветка, образовавшееся из сердцевины цветочной ножки. Кушая малину, вы легко заметите, что она совсем не так образовалась, как земляника: в малине вы кушаете плоды растения, а донцо, на котором сидят эти плоды, бросаете.

Сладкая винная ягода, или фига, растущая в теплых краях, на фиговых деревьях, также делается из мясистого *донца*. Но тогда как цветочное донцо у земляники выпукло, у фиги оно вогнуто; а цветы фиги, которых у нее на одном донце несколько, распускаются и цветут в углублении донца, которое мало-помалу закрывается и образует ягоду. Кушая мягкое, сладкое донцо фиги, мы находим в середине его не только зернышки, но и остатки цветов, остатки плодников и тычинок.

Листья земляники отделяются от главного стебля у самой земли, так что земляника растет кустиком. Они держатся по три вместе, на длинных веточках или черешках с бороздками по середине и очень красивы, верх их яркозеленого цвета, а испод покрыт серебристыми пушистыми волосками. От главного стебля земляники отделяются у самой земли длинные молодые побеги, которые пускают от себя корешки в землю и дают новые кустики земляники.

БЕРЕЗКА И ЕЕ СЕМЕЙСТВО.

У каждого дерева есть своя особая физиономия. Толстый коренастый дуб, с твердыми, как железо, сучьями, на которых даже сильный ветер шевелит только тоненькими веточками, напоминает сильного богатыря, смело и упорно подставляющего невзгодам свою могучую грудь; от сосны и елки, от их неумирающей, колючей, темной зелени веет грустью; роскошная, пахучая липа — в бесчисленных листьях, в душистых

цветах которой гудит целый рой золотистых пчел, — богатая хлебосольная хозяйка; дуплистая ива, шелестя своими длинными висячими космами, навевает задумчивость; стройная, трепещущая, робкая осина хороша только перед смертью — осенью, когда рождающиеся холода уберут ее пурпуром и золотом. Но нет у нас дерева веселее, приветливее, милее стройной, кудрявой березки: ее длинный, гибкий ствол покрыт опрятной белой одеждой, ее яркая, кудрявая зелень весною первая радует наши глаза, утомленные однообразным видом снега. Если было бы нужно с чем-нибудь сравнить березку, то я сравнил бы ее с хорошенькой девочкой, в белом платье, в зеленом передничке, когда она утром, умывшись холодной водой, выбежит в сад; от нее так и дышит свежестью, чистотою и весельем.

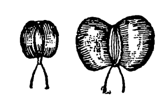
Березка.

Листья березки — маленькие, зелененькие сердечки, заостренные вверху, с зазубринами по краям. Они особенно милы весною, когда только что развернутся: тогда они имеют блеск, смолистый запах и липнут к рукам. Кроме листьев, вы, вероятно, заметили на березовых ветках хорошенькие длинные *сережки*: это цветы березы. Таких сережек на каждой березе два сорта: на тех сережках, которые подлиннее, находятся тычинки и в них приготовляется плодотворная пыль; на других, покороче, — тысячи плодников, готовых жадно подхватить эту пыль.

Мы знаем, что у яблони, вишни и земляники точно так же, как и у множества других растений, плодники и тычинки сидят на одном цветке; у березы, напротив, они находятся на различных цветках, хотя на одном и том же дереве.

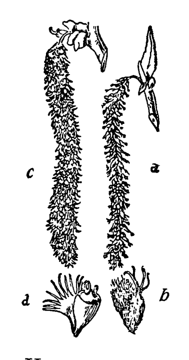
Тычинковые сережки подготовляются березой еще с осени и рано начинают развиваться весной, даже раньше листьев. Когда же, вместе с душистым листом, появятся тоненькие, зеленые плодниковые сережки, тогда, при малейшем ветре, из вызревших пыльников летит желтая, едва приметная цветочная пыль — цветень. Бесчисленное множество пылинок цветени слетит с каждой березы на землю, но много их падает и на липкие плоднички.

Получив цветочную пылинку, плодничок закрывается и начинает приготовлять семя, которое мы можем назвать крылатым, потому что у каждого дозревшего семени березы, как оно ни мало, есть два крылышка и каждое крылышко в два раза больше самого семени. Осенью, когда крылатые семена дозреют и выпадут, ветер подхватит их и понесет в разные стороны, — и несет далеко, далеко: так приспособлено каждое семечко к воздушному путешествию. Бесчисленные миллионы этих семян, попадая на воду, на песок, на другие деревья, засыхают и погибают, но многие найдут себе удобную почву и пустят корешки. Впрочем, семя березы самое неприхотливое в выборе места: оно может пустить свой корешок и на крыше старого дома и наверху старинной колокольни, куда нанесло ветром несколько горстей пыли. Береза по преимуществу северная красавица и менее всех прочих деревьев боится холода: она растет даже на границах сибирских тундр, невдалеке от Ледовитого океана, где уже ни одно дерево не может выносить мертвящей стужи: березка гнется, из стройного дерева делается маленьким кривым кустарником, но все еще держится.

Семя ольхи и березы.

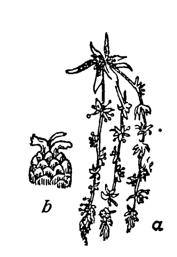
На постройку береза употребляется редко, но для топлива это лучшее и наиболее употребительное дерево. Вы, вероятно, заметили, как весело трещит и пылает на огне кора березы, это потому, что в коре березы, или бересте, как ее называют, много горючего, липкого и душистого вещества — смолы. Из бересты делают (или

гонят) деготь, для чего складывают ее в большую кучу, насыпают сверху землею, чтобы береста не могла гореть пламенем, и, приготовив сток для дегтя, поджигают. Под землею береста тлеет медленно, выпуская из себя жидкую смолу — деготь. Берестою же, так как она, по обилию смолы, очень трудно гниет, обкладывают иногда столбы, которым назначено долго простоять в земле. Молодые, липкие почки и душистые листья березы настаивают в спирте и приготовляют из них лекарство, очень полезное при порезах. Ствол бе-

Цветы осины:

a) тычинковая сережка;
b) один тычинковый цветок (увеличенный);
c) плодниковая сережка;
d) один увеличенный цветок.

a. Пыльниковая сережка дуба.
b. Один плодниковый цветок (увеличенный).

резы часто крив, сучковат и негоден для построек, но древесина ее бела, крепкая и слои ее очень красивы, а потому из березы делают иногда мебель. Из бугорчатых наростов на корне и стволе березы вырезывается карельская береза, которая, по красоте и прихотливости своих слоев, ценится дорого столярами.

Весною, когда соки дерева, разогретые первыми лучами солнца, побегут вверх, чтобы заняться приготовлением молодых веток, листьев и цветов, кору березы пробуравливают и вставляют в дырочку желобок, по

которому течет из дерева сладкий, душистый сок. В Троицын день губят много молодых березок, убирая ими комнаты, крыльца и крыши. Это, конечно, очень красиво — но сколько при этом погибает молодого леса!

Берез несколько пород, из которых мы заметим две: одну кудрявую, веселую, и другую, которая, подобно плакучей иве, опускает к земле свои длинные космы и точно роняет слезы; такие грустные березки так, как и ивы, называют плакучими.

Дуб.

По форме своих цветов береза причисляется к семейству *сережчатых* растений. К этому семейству принадлежат, кроме березы: осина, ольха, ива, тополь, орешник, платан или чинар, растущий только в теплых климатах, и даже дуб, хотя крупные плоды его, называемые желудями, твердые, вырезные листья и крепкий, могучий ствол вовсе не напоминают березы.

Ива, о которой мы будем еще говорить, имеет, в свою очередь, множество пород: верба, лоза, ветла и даже кустарник, называемый у нас тальником, принадлежат к породе ив.

Орешник уже не дерево, а рослый кустарник, тоже с сережчатыми цветами и с плодами, очень хорошо знакомыми детям.

Дуб, могучее и полезное дерево, имеет до ста различных пород. Твердое дерево дуба ценится дорого и употребляется для поделок, требующих особенной крепости. Жолуди дуба — любимая пища свиней. На листьях его образуются часто круглые чернильные орешки. Орешки эти происходят оттого, что одно насекомое, из породы ос, называемое *орехотворкою*, проткнувши кору дубового листа, кладет под нее свои яички. Чернильные

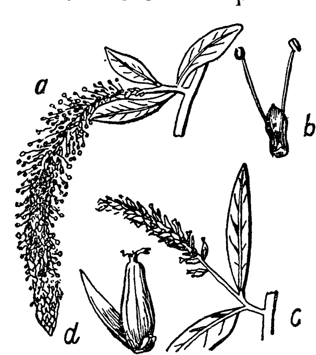
орехи, следовательно, не плоды дерева, а болезненные наросты на его пораненных листьях.

Стройный, прекрасный *тополь* имеет также несколько пород: серебристый тополь, у которого нижняя сторона листа блестит, как серебро; пирамидальный, вытягивающийся кверху стройной, зеленой пирамидою; душистый и другие.

Все эти разнообразные деревья и кустарники по расположению своих цветов причисляются к одному *семейству сережчатых*.

ИВА.

На противоположных берегах без умолку журчащего ручья стоят две ивы с красноватыми, гибкими ветвями. Обе они выросли из двух родных семечек, которые когда-то сидели рядышком на цветке старой ивы. Когда эти семена еще спали в своей теплой колыбельке, сильный порыв ветра выхватил их оттуда и забросил одно семечко — по эту сторону ручья, а другое — по ту. Они попали в мягкую, сырую почву, пустили корешки и, мало-помалу, сделались сами большими деревьями. Не одни они были здесь, — вокруг их выросли и другие деревья, и двум родным ивам, двум сестрам нельзя было даже взглянуть друг на друга; вот почему они опустили свои ветки и шелестят так грустно своими плачущими листочками, вот почему и люди считают иву за печальное дерево, часто садят ее на могилах уснувших друзей своих и называют ее плакучею. В самом деле, с ветвей ивы скатываются, точно слезы,

a. Тычинковая сережка ивы. b. Отдельный тычинковый цветок. c. Плодниковая сережка. d. Плодниковый цветок.

светлые капельки; но эти капельки приготовляет не ива, а живущие на иве насекомые.

Однакоже и плакучая ива имеет свои веселые дни. Ранней весною, когда другие деревья и кустарники еще спят, почки ивы начинают уже пробуждаться. Завернутые на зиму в темнокоричневые чешуйки, спят они до тех пор на ветвях, но едва повеет теплотой весны, они разрывают свою темницу и выглядывают оттуда белыми и мягкими, как шелк, барашками. Барашки — цветы ивы; но эти цветы на обеих ивах различны. На одной иве барашки желтоватого цвета и множество пыльничков выглядывает у них из-за чешуек; а в этих пыльничках вызревает золотистая пыль. Медом пахнут эти барашки, и пчелки толпою спешат к ним позапастись душистой пищей. «Хорошо», — говорят пчелам золотые барашки: — «берите себе мед, господь с вами, но зато сослужите нам службу: там за ручьем растет родная наша ива, слетайте к ней, скажите ей от нас — здравствуй, и снесите ей в подарок, сколько можете, нашей золотой пыли». Золотым пчелкам такая услуга ни по чем: поработавши хлопотливо на ивовых барашках, они и так все перепачкают свое мохнатое платье золотой пылью и им только стоит полететь к другой иве и отнести подарок. На другой иве барашки нежнее и зеленее, но также пахнут медом и манят к себе пчелок. Но из-за каждой чешуйки выглядывают уже не *пыльники*, а по два *плодничка* с открытыми устьицами, которые жадно ожидают золотого подарка родной сестры. Пчелки принесут этот подарок и верно передадут его, кому он послан, а в награду за посольство и здесь получают мед. С радостью принимают плодниковые барашки подарки родной, хотя и далекой сестры, прячут их и делают с помощью их свои маленькие зернышки. Осенью снова налетит ветер, снова разнесет зерна, и хотя многие тысячи их погибнут, но их так много, что какое-нибудь непременно упадет на плодородную землю и сделается со временем ивой. Так, благодаря пчелкам, пересылает одна ива другой благотворный подарок.

На яблоне и вишне тычинки и плоднички в одном цветке; на березе — в двух различных цветках, но на

одном и том же дереве; на иве—на двух разных деревьях; на одном — цветки с плодничками, на другом с тычинками. Ива, следовательно, живет на два дома и ее зовут *двудомным* растением, береза растение *однодомное*.

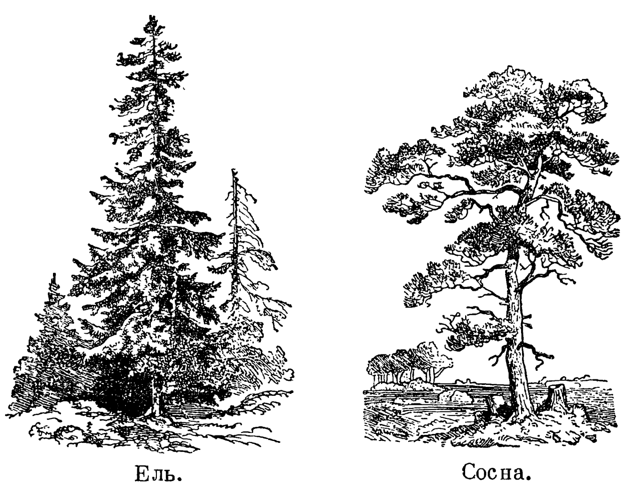
К двудомным растениям принадлежит и обитательница жарких стран — *финиковая пальма*, у которой, кроме такого расположения цветов на двух деревьях, нет ничего общего с нашей ивой. На одной пальме — плоднички, на другой — тычинки; финики не вырастут на первой пальме и плоднички ее засохнут без плода, если услужливый ветер не принесет золотистой пыли от родной сестры, растущей иногда где-нибудь очень далеко, за морями, за сотни верст.

ХВОЙНЫЕ ДЕРЕВЬЯ.

Все наши большие леса состоят из елей и сосен, а на северо-востоке России также из кедров, пихт и лиственниц. Кто видел эти деревья, тот, вероятно, и сам подумал, что все они сродни друг другу. Высокий, стройный ствол, смолистая кора, а более всего иглистые листья и всегдашняя зелень, остающаяся как летом, так и зимою, соединяют все эти деревья в одно семейство и в то же время отличают их от прочих деревьев. Такие деревья называют *хвойными*, потому что острые, как иглы, листочки их называются *хвоями*. Русский народ любит свои родные хвойные леса и называет их *красными*, т. е. прекрасными, в отличие от тех лесов, которые, состоя из лиственных дерев, на зиму теряют свою листву и остаются черными, почему их называют *черным лесом*, или просто *чернолесьем*. Хвойные леса в прежние времена покрывали собой всю среднюю и северную полосу России, но, с размножением народонаселения, количество лесов очень поуменьшилось. Впрочем и теперь еще в наших северных и северо-восточных губерниях, особенно в Вологодской и Архангельской, тянутся непроглядные хвойные леса на многие тысячи верст. На самом севере, в климате очень холодном, хвой-

ных лесов не бывает: там держится только одна кривая березка.

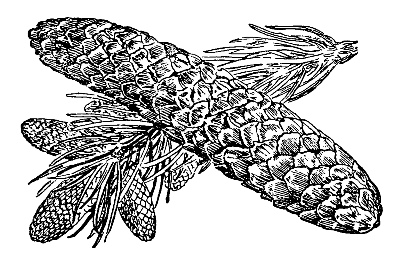
Хвойные леса очень полезны для человека: они дают ему огромные и крепкие бревна для различного рода построек, очень хороший материал для топлива, смолу, деготь и скипидар; а кедры доставляют еще и лакомство — кедровые орехи. Те из хвойных деревьев, которые по прямизне и высоте могут идти на постройку корабельных мачт, называются *мачтовыми* и ценятся дорого.

Ель. Сосна.

В наших лесах часто *ель* и *сосна* стоят вместе. Ель узнать не трудно: она гораздо ряснее сосны. Это зависит от того, что у ели между главными ветками вырастает еще множество мелких веточек, на которых гораздо больше зеленых игл, чем на главных. Кроме того, иглы или листики на ели расположены *поодиночке*, а на сосне *всегда по два листика* разом, основания которых обняты одною беловатою пленочкою. Если ель растет в тесноте, между другими деревьями, то нижние сучья ее опадают, если же на свободе, как, например, в садах, то длинные, несколько обвисшие книзу сучья ели, начи-

наются у самой земли и идут пирамидой кверху. У сосны нижние сучья также усыхают, а верхние часто располагаются зонтиком; кора на стволе имеет несколько рыжеватый оттенок, а на старых сучьях этот оттенок увеличивается. По свойству древесины сосна и ель еще сильнее различаются; дерево сосны имеет красноватый оттенок, твердо, ровно, слоисто, пропитано смолою, а потому превосходно для всякого рода прочных построек и дает жаркий и продолжительный огонь в печи; еловая древесина беловата, дрябла, мягка, легко гниет, сучковата, а в печке — сырая только трещит, сухая же сгорает как солома, оставляя мало жару. Сосна любит по преимуществу почву сухую, песчаную; ель, напротив, растет на почвах влажных, глинистых. Сосна и ель достигают огромной высоты, двадцати и более сажен, а в толщину бывают иногда до двух аршин в *диаметре*.

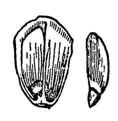
Елозые шишки, плодниковые и тычинковые.

Цветы сосны и ели заключаются в шишках, из которых одни — тычинковые, а другие—плодниковые. Тычинковые длинненькие, зеленоватые, мягкие шишки состоят из тычинок, а на плодниковой шишке за каждой чешуйкой находятся два семенные гнездышка. Во время оплодотворения пыль падает за отвернутые чешуйки, тогда чешуйки закрываются и почти под каждой начинает вызревать пара твердых семян, которые лежат открытые, *голые*, а не скрыты в завязи, как семена клена, яблони и др. Плодниковые или семенные шишки на ели вызревают в продолжение года, на сосне — в продолжение двух лет. Когда шишка дозреет, то снова раскрывается и из-за чешуек ее выскакивают семена, при которых есть небольшие крылышки.

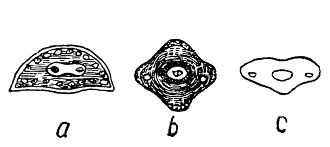
Иглы свои и ель и сосна меняют точно так же, как и лиственные деревья меняют листья: под каждым хвой-

ным деревом вы найдете множество красноватых, отживших уже игол. Но тогда как на лиственных деревьях все листья опадают осенью и появляются вновь весною, на хвойных перемена эта совершается постепенно, в продолжение целого года, и новые хвои постепенно заменяют опавшие. Вот почему оба эти дерева постоянно зелены. Иглы на сосне остаются два года, на ели — один год.

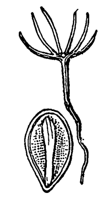
Сибирский кедр тоже принадлежит к роду сосен, только иголки на нем расположены не попарно, а по

Семена сосны.

Разрез игол:
a) сосны, b) ели, c) пихты.

Прорастающее семя сосны.
Шесть (а не два) первых листков, или игол.

пяти, и за чешуйками шишек образуются вкусные орехи. *Лиственница* — самое высокое и самое прочное из хвойных деревьев. Иглы на лиственнице мягки, ярко-зеленого цвета, сидят поодиночке, как на ели, и на зиму опадают; потому, быть может, народ и дал этому дереву название *лиственницы* т. е. теряющей зимою свои хвои, как лиственное дерево теряет листья. По своему пирамидальному виду лиственница походит на ель; но древесина ее гораздо тверже, тяжелее и крепче даже, чем у сосны. В воде лиственница не гниет и потому ее употребляют на постройку кораблей и на сваи, которые должны находиться под водою. Из лиственницы же добывается лучший скипидар, а кора ее идет на выделку кож. Это полезное дерево растет у нас в губерниях Архангельской, Вологодской, Вятской, Оренбургской и по всей Сибири

К роду хвойных деревьев принадлежат также *пихта*, *кипарис*, пахучее, желтоватое и прочное дерево, на котором часто пишут иконы, *можжевельник*, смола и ягоды которого употребляются для курения, и некоторые другие.

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ.

Белая лилия — прекрасный, душистый, величественный цветок, служащий по снежной белизне своей эмблемою чистоты,— растет у нас только в цветниках; но в жарком и сухом климате, в горах Персии, Аравии и Палестины, ее встречают и в диком состоянии. Если мы не пожалеем прекрасного растения и выдернем его из земли, то увидим, что зеленый стебель растения выходит из большой луковицы желтоватого цвета, которая вся состоит из длинных сочных чешуек, наложенных одна на другую. Разрезав луковицу вдоль, найдем, что чешуйки ее прикреплены к длинному стержню. Внизу этот стержень, сросшись с чешуйками, образует *донцо* луковицы, от которого книзу висит пучок тоненьких корешков, а кверху идет стебель круглый и высокий.

Мы еще не видали луковицы и потому познакомимся с нею поближе. Что такое луковица? — ни корень, ни стебель, ни лист. Но если уже сравнивать ее с знакомыми нам частями растения, то более всего походит она на почку. Луковица, как и почка, представляет собрание не вполне развитых листьев и стебля будущего растения. Когда луковицу посадят, то от нее пойдут корешки в землю, а стебель растения потянется кверху, сама же луковица, давшая жизнь растению, сгниет; но возле нее образуется несколько молоденьких почек или молоденьких луковиц, из которых каждая на будущее лето может дать особое растение. Растения, размножающиеся луковицами, называются *луковичными*. Наш обыкновенный лук есть тоже луковичное растение и в луковице его ясно можно видеть, как чешуйки или листья этой подземной почки вложены один в другой.

В луковице чеснока вы легко можете найти между листьями маленькие луковицы, или *глазки*.

Даже картофелина, или *клубень* картофеля, как ее называют, есть тоже луковица или почка, но только листочки этой почки срослись в одну плотную массу, в которой однако можно приметить отдельные глазки. Картофель размножается клубнями, которые садят в землю или целыми, или разрезав их на части, но так, чтобы в каждой части был глазок. Старая картофелина, выгнав стебель кверху, на котором появятся со временем маленькие лиловые цветочки и семена, и пустив мочковатое корневище книзу, сама гниет, но на мочках корневища образуется множество новых клубней.

Лук, чеснок и картофель полезны человеку своими луковицами, но морковь, репа, свекла, редька полезны своими корнями, почему эти последние растения и называют *корнеплодными*. Картофель же и лук нельзя назвать корнеплодными растениями. Корнеплодные растения размножаются не корнями, а семенами, вызревающими на стеблях: семя, посаженное в землю, дает толстый, мясистый корень книзу, иногда длинный, как у свеклы и моркови, иногда круглый и полукруглый, как у брюквы и репы, а кверху выгоняет небольшой пучок листьев, называемый ботвою. В первый год на листве, или на ботве, вы не найдете ни цветов, ни семян, но если на другой год вы посадите корень моркови, свеклы или репы, то они дадут уже цвет и семена. Во всяком большом огороде вы встретите несколько таких корнеплодных растений, посаженных на семена, и пожалуй, по незнанию можете принять их за какие-нибудь другие неизвестные вам растения.

Но возвратимся к нашей белой лилии. Стебель лилии подымается аршина на полтора в вышину и от него идут листья во все стороны, которые внизу широки и довольно круглы, но чем выше, тем у́же и острее. На верхушке лилейного стебля появляется несколько больших, белых пахучих цветов на коротеньких цветочных ножках. У цветов лилии нет чашечки, а только белая коронка, или венчик, состоящая из шести боль-

ших лепестков, красиво отогнутых назад. По числу листьев, составляющих цветочный покров, бывает в лилии шесть тычинок с желтыми большими пылинками. Тычинки эти в основании своем прикреплены к листьям венчика, плодник же занимает середину цветка. Завязь плодника представляет коробочку с тремя внутренними гнездышками; в каждом гнездышке вызревает по нескольку желтых семян. Но из семян трудно вырастить лилию: гораздо скорее разводится она луковицами.

ОДУВАНЧИК.

Признайтесь откровенно, сколько вы в недолгий ваш век истребили одуванчиков? Сколько сорвали и разогнали по ветру тех пушистых и белых шаров, которые появляются среди лета везде, где только есть клочек земли, способный вырастить какую-нибудь травку: в саду на зеленой кайме цветника, на лугу, по окраине поля, засеянного хлебом, даже посреди дороги, на тех узких полосках, которые оставило нетронутыми колесо крестьянской телеги, пробираясь по глубокой колее? Сколько сорвали вы для венков и цветочных цепочек тех желтых цветочков с полными яркими головками и пустыми в середине, дудчатыми ножками, белый сок которых оставлял темные пятна на ваших руках и вашем платье? Много, очень много! Много также вы потоптали зеленых листьев одуванчика, почти стелющихся по земле, с большими зубцами по краям, с розовой жилкой по середине. Но вы, может быть, до сих пор не обратили внимания даже на то, что белый, пушистый шар, яркий желтый цветок и пучек вырезных листьев принадлежат одному и тому же растению, может быть, не заметили даже, что дудчатая ножка вырастает из середины этого пучка листьев и что пушистый белый шар делается из желтого цветка, а между тем это явление, повторяющееся перед вашими глазами в тысячах экземпляров, стоит того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Сорвем же еще один из желтых цветочков одуванчика и поищем в нем тех частей, которые нашли в вишневом цветке: чашечки, венчика, тычинок с пыльниками и плодничка со столбиком и рыльцем. Все эти части цветка также находятся у одуванчика. Но будьте осторожны. Этот простой цветочек устроен очень хитро и может ввести вас в ошибку. С первого взгляда можно подумать, что эти зеленые листья, обнимающие испод цветка и из которых нижние несколько отворочены, составляют венчик, а эти желтые лепестки, которых так много на цветке и из которых каждый книзу сросся в трубочку, а кверху вытянут ленточкой, что все эти желтые листики вместе составляют венчик цветка. Но где же в таком случае будут тычинки с пыльниками и плодничок с завязью! Оборвем же с цветка все желтые трубочки с тем, что находится в средине них, — все, кроме одной, которую оставим для того, чтобы рассмотреть ее было удобнее. Теперь разорвем же полегоньку и эту последнюю желтую трубочку, и мы увидим скрывающийся в ней плодничок, воткнутый острым концом в плоское, круглое донцо цветка, на котором сидели все желтые, сорванные нами лепестки. На верхушке завязи найдем маленькую кисточку, состоящую из тончайших волосков, поднятых кверху. От завязи, из средины кисточки, подымается вверх желтый лепесток и внутри его столбик, очень тонкий, но раскрывающийся наверху рыльцем в виде двух, еще более тоненьких, книзу закрученных ниточек. Рассмотрев этот столбик, мы заметим, что его, не доходя до рыльца, плотно обнимают вокруг пять тонких, как ниточки, тычинок, которые вверху срослись кольцом, а внизу расходятся и прикреплены к трубочке желтого лепестка с ее внутренней стороны. Если осторожно выдернуть столбик, то останется трубочка, посреди которой он сидел, состоящая из тычинок. Мы нашли завязь, нашли у нее столбик и рыльце, нашли тычинки и, без сомнения, угадаем, что сама желтая трубочка, переходящая наверху в ленточку, есть венчик этого маленького цветка, состоящий не из пяти лепестков, как у виш-

ни, но из одного свернутого в трубочку. Впрочем, рассматривая подробнее этот венчик, ботаники нашли, что он также сросся из пяти листиков, что показывают оставшиеся на нем полоски. Но где же чашечка этого маленького отдельного цветка? Ботаники считают за эту чашечку хохолок или косточку, которая обнимает венчик снизу. Вот и все части цветка, но как они странно расположены! Вовсе не так, как у вишни: завязь снизу, чашечка и венчик над нею, сверху.

Части одуванчика *.

Когда одуванчик отцветет, тогда венчик с каждого его цветочка, завянув, спадет; верхняя часть пестика с рыльцем также отвалится, а нижняя, с кисточкою наверху, вытянется: кисточке станет посвободнее и она развернется пушистым хохолком, а все хохолки вместе составят тот белый пушистый шар, каким является одуванчик после обсеменения. Завязь, превратившаяся в плод одуванчика, с зрелым семечком внутри, едва держится своим острым концом в мягком донце цветка: подует ветер и плоды одуванчика, окрыленные легкими

* *Сложный цветок одуванчика.* 1) Цветочная ножка, поддерживающая расширенное цветочное ложе, на котором видны углубления, где прикреплялись отдельные цветочки. Книзу от тора висят отогнутые зеленые листочки, составлявшие общий цветочный покров. 2) Отделенный от общего тора один из цветков, представляющий внизу округленную завязь, плотно обхваченную чашечкою, края которой возвышаются над завязью в виде пучка волосков; лепесток язычковый состоит из 5 лепестков, сросшихся между собою. Из трубочки венчика выставляется столбик с раздвоенным рыльцем. Около столбика пять тычинок, сросшихся между собою вверху. 3, 4, 5) Тот же цветок в различных положениях. 6) Плод одуванчика (сухая семянка), это созревшая завязь, оканчивающаяся пушистым хохолком или чашечкой. 7) Конец столбика с раздвоенным рыльцем.

хохолками, понесутся по воздуху и, где воткнутся в землю, там на будущий год, если что-нибудь не помешает, вырастет новый цветок, новый одуванчик.

Все крылатые плоды одуванчика разлетелись во все стороны; что же от него осталось? Какой странный вид имеет теперь обнаженный цветок! На дудчатой ножке его торчит какая-то белая, мягкая, выпуклая подушечка со множеством черненьких точек, показывающих места, где были воткнуты острые носики завязей, точно рабочая подушка швеи, из которой повысыпались иголки. Это и есть общее донцо всех цветов одуванчика, из которых каждый имел все части цветка и вырастил семя, улетевшее теперь далеко. Таким образом, мы видим, что желтый одуванчик не один цветок, как, например, цветок вишни, яблони, тюльпана или колокольчика, но целое собрание цветов, сидящих на одном общем донце, — целая корзинка цветов. Такие растения, у которых на одном донце бывает множество цветов, — называются *сложноцветными* растениями; таковы: яркосиние васильки, желтые, большие подсолнечники, красивые астры.

Но что это за зеленые листочки, составляющие испод подушечки? Одни из них обнимают ее плотно, другие отвернулись вниз. Мы сочли было их за чашечку одуванчика, но теперь, зная, что в одуванчике цветков много и что каждый из них имеет свою чашечку, решительно не понимаем, что это за общая чашечка цветка. Ботаник выводит нас из недоумения, доказывая, что эти зеленые листья, обнимающие донцо сложного цветка, — не чашечка, а действительно листья, хотя и непохожие на те зубчатые, которые у одуванчика почти лежат на земле. Листочки, появляющиеся у иных растений не на стебле, где обыкновенно бывают листья, а на цветочной ножке, как, например, у фиалки, и иногда под самым цветком, как у одуванчика или подсолнечника, называются *прицветниками*. У василька, например, из таких листьев-прицветников составляется та чешуйчатая красивая корзинка, из которой выходят яркосиние, зубчатые колокольчики прекрасного цветочка.

Спустимся теперь вниз по цветку. Ножка, на которой держится цветок и которая потому называется цветочною ножкой, гораздо длиннее у одуванчика, чем у вишни, пуста в середине и идет почти из самой земли, из середины пучка зубчатых листьев. Само растение, пускающее цветочную ножку и у самой земли зубчатые листья кверху, а толстый, крепкий корень книзу, почти скрыто в земле. Цветочная ножка торчит еще несколько времени по обсеменении цветка, но потом падает и сгнивает; вянут также и листья, но маленькое растение с толстым, почти прямым корешком, уходящим довольно глубоко в землю, остается и весною дает новые ножки с цветами и новый пучок зубчатых листьев.

Белый сок одуванчика, оставляющий темные пятна на ваших руках, также замечателен. Наберите побольше этого соку в тарелку и через несколько дней вы заметите на нем пенку; возьмите эту пенку между пальцами и вы почувствуете, как она упруга: точно резина. Это она и есть; но только резины из одуванчика никто не добывает, а добывают ее из сока особых деревьев, растущих в жарких странах. Из древесного сока добывается и гуттаперча, из которой теперь делают столько прекрасных вещей.

Вот сколько нового расскажет нам одуванчик, если мы сумеем с ним заговорить. Но, чтоб понимать речь природы, должно много учиться: для человека необразованного все немо вокруг.

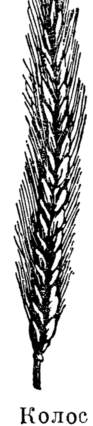
РЖАНОЙ КОЛОСОК.

Все, что очень полезно, почти всегда бывает и очень просто с виду. Каким простым, незанимательным покажется нам колос ржи, если мы сравним его с прекрасною розою или пышным тюльпаном. Но без роз и без тюльпанов человек очень бы мог прожить, а без ржи нам, в нашем холодном климате, пришлось бы плохо. Впрочем, в том, что кажется простым с первого взгляда, можно найти много нового, если рассмотреть его повнимательнее; так и в колосе ржи мы увидим много та-

кого, чего не видали у других, уже знакомых нам растений.

Выдернем стебелек ржи из земли и увидим целый пучек тоненьких корешков, расползающихся во все стороны. Иногда из одного и того же пучка выходит три, четыре стебля. Особенно *кустится озимая рожь*, которая, лежа под снегом, успеет укорениться в земле.

И стебелек у ржи не такой, как у других, известных нам, растений. Это — длинная, тоненькая *соломинка* с несколькими *коленцами* или *узелками*. Между узелками соломинка в середине пуста.

Колос ржи.

Но где же листья этого растения? Теперь, когда уже колос налился и созрел, листьев на соломине нет; а прежде, весною были. И какие замечательные листья. Совсем не похожие на те, какие мы видели у яблони, клена, земляники, одуванчика. На листьях ржи нет черешка, они выходят из тех мест соломинки, где теперь видны только узелки. Жилки на этих узких и длинных листьях не расползаются во все стороны, как на листочке яблони, а идут прямыми линиями, вдоль всего листа. Подобные листья мы видали только у лилии и обыкновенного лука. Своею нижнею частью бесчерешковые листья ржи обхватывают соломинку, а верхняя часть их заворачивается и, качаясь в воздухе, вдыхает из него те газы, какие нужны растению, чтобы вырасти, образовать колос и наполнить его зерном. Когда листья, а также и корешки, высасывающие из земли питательные соки, необходимые для растения, сделали свое дело, словом, когда рожь выколосилась, выцвела, стала наливаться и зреть, тогда листья засохли и осталась возле узелка только нижняя часть каждого листа, плотно обхватившая соломинку.

Да разве рожь цветет? — спросите вы. Цветет; но только такими простенькими цветочками, что неудивительно, если вы их не заметили. Сорвите колосок

ржи в начале июня, когда вам скажут, что рожь цветет, и вы увидите, что весь колос будто осыпан бледно-зеленым пухом. Если же посмотрите на этот пух в увеличительное стекло, то убедитесь, что это — тычинки с мешочками, наполненными плодотворной пылью, высунувшиеся из маленьких колосков, составляющих колос ржи. В самых же колосках скрываются плоднички, в которых заведутся зернышки после *опыления*, т. е. в каждом маленьком колоске ржи, составляющем большой колос, сделается то же, что и в цветке вишни.

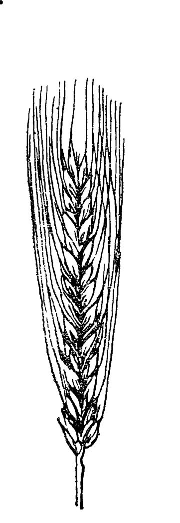

Цветущий ржаной колос; листочки еще держатся.

Но вот рожь отцвела, зерна налились и созрели, и много их на одной общей оси колоса. Полезное зернышко ржи также очень просто с виду. Но если ему дать несколько прорасти и потом посмотреть на него в увеличительное стекло, то окажется, что оно не совсем похоже на зернышко клена, которое мы рассмотрели. И в нем, кроме мучнистого белка, который так питает людей, лежит зародыш; но зародыш не с двумя *зародышевыми листиками*, как у клена, вишни, яблони, земляники и множества других растений, а с *одним*: вот почему рожь и растет совсем не так, как молодой клен или стебелек земляники. Зародышевые листики называются еще в ботанике *долями*, почему рожь называют *однодольным* растением, тогда как клен, березу, землянику, розу называют растениями *двудольными*. Кроме ржи, мы знаем еще одно однодольное растение — лилию; вот отчего и листья лилии больше похожи на листья ржи, чем на листья других, знакомых нам растений; но лилия луковичное растение, а у ржи луковицы нет.

ДРУГИЕ ХЛЕБНЫЕ РАСТЕНИЯ, НАШИ И НЕ НАШИ.

Если мы в половине лета выйдем на поле где-нибудь возле Москвы, то наверное залюбуемся, как волнуются и точно бегут по отлогим холмам разноцветные полосы хлебов. Здесь желтеет густая рожь, там синеет еще недозревший овес, возле кланяется до земли усатый ячмень; а за ним, подальше от дороги зеленеет курчавый горох.

Колос ячменя.

Колос овса.

Колос пшеницы.

Пойдем осторожнее по межам и рассмотрим поближе, что растет на каждой ниве. С первого же взгляда заметим мы, что все эти растения, кроме гороха, похожи одно на другое и своими коленчатыми соломинками, пустыми в середине, и своими длинными узкими листьями, с продольными жилками, и своими корнями в виде пучка ниток и, наконец, своими колосьями, хотя у ячменя колос с такими длинными *усами*, каких нет у ржи, а колос овса рассыпался *метелкою*.

Только курчавый горох принадлежит к другой семье растений: и листья у него не такие, круглее, и

жилки на листьях расползаются во все стороны, и зернышки спрятаны в стручья, как у бобов; а хорошенький, синеватый или розоватый цветочек похож на мотылька с поднятыми крылышками. Не потому ли и горох и бобы причисляют к *мотыльковому* семейству растений? В зернах гороха и бобов зародыш так же не с одним, как у ржи, овса и ячменя, а с двумя листьями: с двумя *семенными долями*.

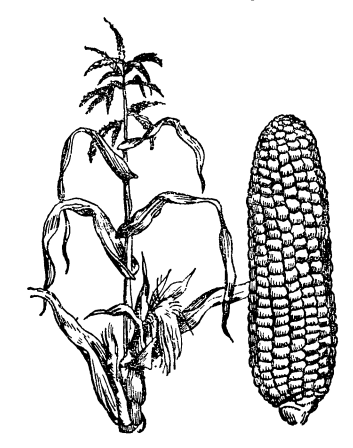
Если бы мы вышли на поле где-нибудь поюжнее, в Малороссии, то увидали бы еще более разнообразия. Здесь, возле ржи и овса, огромные поля покрывает *пшеница* с толстыми, будто гранеными колосьями и тучным зерном; *просо* со своими рясными метелками, наклоняющимися почти до земли; и *гречиха* с красными стебельками и бело-розовыми цветочками. Рассмотрим опять эти хлебные растения и найдем, что пшеница и просо, по форме своих листьев и соломинок, принадлежат к одному семейству с рожью. Одна только гречиха, со своими бело-розовыми цветами, своими трехугольными зернами и вьющимся корнем, принадлежит к другому отделу растений.

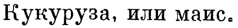
Для жителя средних губерний России нет растения милее ржи; он недаром зовет ее своей кормилицей и говорит, что *рожь кормит всех сплошь*, а *пшеничка — по выбору*, и что *ржаной хлебушка пшеничному калачу дедушка*. Но в южной, *черноземной* полосе России сеют больше пшеницу и развозят ее оттуда по всем губерниям, вывозят и в чужие государства.

Спустимся еще поюжнее, в Бессарабию, Молдавию, Турцию, Италию и увидим там на полях новое хлебное растение — *кукурузу*, или *маис*. Большие, длинные листья кукурузы, несмотря на свою величину, опять напомнят нам своей формою и продольными жилками листья ржи, овса, ячменя и пшеницы. Но где же девался колос? Наверху растения какая-то метелка без колосков и зерен, а из-промеж больших листьев, сильно прижатых один к другому, словно вываливаются какие-то белые, шелковистые кисти. Наверху растения — тычинки с цветочною пылью; а между листьями сидят

плодники, подхватывающие эту пыль. Развернем листья в конце лета и найдем, что между ними сидят большие, желтые шишки, плотно покрытые крупными зернами, похожими на приплюснутые горошины.

Эти мучнистые зерна маиса сидят на толстой оси, как колоски ржи на своей тоненькой. Кто бывал в Малороссии, тот знает, как вкусна молодая *пшеничка* * со свежим маслом, когда ее отварят в соленой воде,— как питательны ее мучнистые зерна и какой сладкий сок

Кукуруза, или маис.

Рис.

в ее сердцевине. Но в Малороссии пшеничка только лакомство, а в странах более южных из нее делают муку и пекут хлеб. Осенью в Италии все дома завешаны высыхающим на солнце желтым, как золото, маисом. Кукуруза чрезвычайно плодовита. Наш мужичек доволен, если на одно посеянное зерно ржи получит шесть или семь; пшеница в южных плодородных странах дает *сам-тридцать*; а маис в теплом и жарком климате Америки приносит 800 зерен на одно, посаженное в плодородную землю.

* Так зовут в Малороссии кукурузу, которую там разводят только на огородах.

В жарких и влажных странах Азии и Америки есть еще одно растение сродни нашей ржи: это *рис*. Мы знаем рис только по рисовой каше; но для азиатцев он так же важен, как для нас рожь. Рис любит теплый воздух и влажную почву. Его садят на полях, заливаемых ежегодно водою, или проводят воду на поле канавами, так что в иное время рисовые поля все потоплены. Много за рисом ухода: надобно прокопать канавы и провести на поле воду; надобно топтаться по колено в мокрой земле; надобно садить зерна рядами; надобно беспрерывно полоть и очищать поле от *сорных трав* и при этом дышать вредным болотным воздухом, пропитанным сыростью. Но за все эти труды рис вознаграждает богатейшими урожаями и более ста миллионов народу кормится его зернами.

Ячмень и *овес*, выносящие холод нашего севера, — которого не выносит уже и *рожь*, — *пшеница*, *просо*, угощающее и нас золотой кашей, и плодородный *маис*, болотный *рис*, — все эти растения принадлежат к одному семейству *хлебных злаков*. Плохо пришлось бы людям без этого благословенного семейства, которое распространил человек по всему лицу земли.

НА ЛУГУ.

Пойдемте на луг, покрытый высокой густой травою, уляжемся на нем преспокойно и станем рассматривать травинку за травинкой. Вот душистый *клевер* с красненькими головками, за которыми так прилежно ухаживают пчелы; вот вьющийся мышиный горошек; вот кукушкин цвет: все это травы, но не злаки. А вот *лисий хвост* со своим пушистым колосом очень похож на злак: его колос, соломинка и листья напомнят нам рожь; напомнит нам рожь и *золотой колосок*, который так хорошо пахнет, что придает всему сену его прекрасный запах. Вот *овсяница*, *мятлик*, *трясунка*, *медовая трава*, *рай-грас*, они по своему виду тоже напоминают нам то рожь, то овес, то просо. И действительно, все это *злаки* и, вместе с тем, отличные *кормовые травы*. Но не

все злаки полезны — есть между ними и *сорные травы*, портящие наши луга и поля: *плевел* особенно портит посевы овса; *костырь* встречается во ржи, *серебристый ковыль* (*перекати-поле*) занимает большие пространства в наших степях.

Пойдем теперь на берег нашей речки: она почти вся заросла густым высоким *тростником*. Из коленцев это-

Букет луговых злаков: 1) Лисий хвост. 2) Мятлик. 3) Ежа. 4) Полевица. 5) Тимофеевка. 6) Гребник. 7) Бородач. 8) Трясунка. 9) Овсяница. 10) Золотой колосок (душистый). 11) Медовая трава. 12) Метелка (заячий овес).

го тростника, пустых в средине, вы не раз делали брызгалки и дудки; присмотритесь же теперь к листьям этого растения и к черным шишкам, что появляются осенью на его верхушках, и вы согласитесь, что тростник тоже злак, хотя его соломина гораздо толще и выше,

чем у ржи и пшеницы. Не правда ли, было бы недурно, если бы этот тростник был не простой, а сахарный? Но хотя *сахарный тростник*, как и наш, любит так же болотистую почву, однако ему нужен климат гораздо теплее. Он растет дико только в болотистых местах Восточной Индии, очень похож на наш тростник; но бывает в вышину до 5 арш. Крепкая и толстая соломина его наполнена сладкою сочною мякотью. У нас нет таких сладких тростников, но сахар также делают, только из свеклы.

Плантация сахарного тростника.

Есть в жарких странах злак еще гораздо выше сахарного тростника: это *бамбук*, который растет в Индии целыми рощами и растет так скоро, что в какие-нибудь 30 или 40 дней делается громадным деревом в 6 и 7 сажен высоты. Коленчатый, пустой в середине ствол бамбука — тоже соломина; но он так крепок, что из него делают лодки и строят дома, особенно в тех местах, где боятся землетрясений. Такой легкий дом если и упадет, то не наделает большой беды. В пищу употребляют семена бамбука и его молодые отпрыски.

Но не будем завидовать жарким странам и их диковинкам. Правда, там растет сахар, кофе, мускатный орех, корица, финики и апельсины; но зато нет там наших бархатных зеленых лугов. В жарком климате всякая травка старается сделаться огромным деревом или кустом; колючие растения готовы разорвать не только одежду, но и тело человека; стада не могут пробраться в эти травы, разросшиеся лесом; львы, тигры и барсы залегли в гущине и выжидают добычи; ядовитые змеи ползают у корней. А на нашем-то лугу какое приволье!

Иди, куда хочешь, и ложись, где вздумается: увидишь разве дождевого червяка или золотого жучка, выглянет крот из норы или промелькнет вдали трусливый зайчик; а прекрасные стада пасутся безопасно и переделывают сочную траву в душистые сливки и питательное мясо. Произведения же жарких стран нам привезут купцы: привезут они апельсины и лимоны из Италии, мускат, перец и корицу из Индии, финики и кофе из Аравии; привезут и душистый чай из Китая.

ПАЛЬМА.

В родстве с рожью находится великолепнейшее и также полезнейшее растение жарких стран, а именно *пальма*. Это — не *злак*, как рожь, но тоже *однодольное* растение. У нас пальму можно видеть только маленькую и то где-нибудь в теплице; но в жарких странах пальма по большей части огромное дерево, саженей 16 и больше в высоту. Ствол ее, никогда не разделяющийся на сучья, как у наших деревьев, кажется зубчатым от остатков листьев, а на верхушке раскидывается зеленым шатром пучок громадных листьев сажени по 2 и более в длину. Эти деревья так непохожи на наши, что если моряк завидит издали на морском берегу высоко подымающуюся вершину пальмы, то и знает уже, что подъезжает к тропическим странам, где растут такие растения и живут такие животные, о которых мы знаем только по картинкам. Впрочем, вы близко знакомы с плодом одной прекрасной пальмы, если вам удавалось есть сладкие финики.

Пальма, на которой созревают финики, любит жаркий и сухой климат: она растет в Аравии, возле Иерусалима, в Африке и в Индии. Громадный ствол *финиковой пальмы* украшен наверху пучком длинных *перистых* листьев. Между этими листьями, *в продолжение целого года* появляются большими кистями цветы и сладкие плоды с твердыми косточками. Молодые листья этой пальмы употребляются в пищу, старые — на одежду и по-

крышку хижин; из сока ее приготовляют отличное сладкое вино; древесина идет на постройку и топливо.

Едва ли еще не полезнее финиковой пальмы такая же громадная и такая же красивая *кокосовая* пальма. Ни одна часть этого растения не пропадает даром: из ее огромного ореха величиною с детскую голову добывают прохладительный напиток; из жирного зерна выжимают кокосовое масло, употребляемое на мыло, помаду и освещение; из твердой скорлупы делают посуду; из

Кокосовая пальма. Капустная пальма. Веерная пальма. Банан *. Приземистая пальма.

крепких волокон, в которые закутан орех, плетут веревки, канаты и ткут разные ткани; из сока молодых завязей добывают сахар и вино; молодые почки пальмы очень вкусны, листья идут на покрышку хижин и на одежду, высокий ствол — на мачты и постройки, ко-

* Банан, или райское дерево, дает около 100 питательных плодов, по форме похожих на огурцы, которые все вместе весят пуда полтора. Бананами кормится множество жителей жарких стран.

рень—на корзины. Так же почти полезны капустная и веерная пальмы, каждый листок которой похож на громадный веер.

Одно такое дерево может пропитать, одеть и укрыть от непогоды целую семью дикарей. Но не потому ли дикарь дикарем и остался, что ему не нужно было трудиться? В таком случае наша простенькая рожь лучше своей двоюродной сестры, великолепной пальмы. Она заставила нас сделаться образованными людьми.

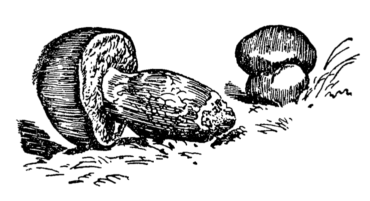
В Европе, только в самых теплых ее краях, успели развести финиковую пальму. Дико же растет в Италии, Сицилии и Испании одна *приземистая* пальма, напоминающая не ростом, но листьями своих дальних сестер. Пальмовых пород множество.

ГРИБЫ.

Если сравним яблоню или вишню с каким-нибудь из наших обыкновенных грибов, например, с рыжиком или с белым грибом, то на первый взгляд мы не найдем ничего общего между ними. Яблоня имеет корень, ствол, листья, цветы, плоды и семена; у рыжика мы отличаем только округленный *пенек* или ножку, которая поддерживает *шляпку* гриба. Зеленый цвет, столь обыкновенный растениям вообще, вовсе не свойственен грибам; но они отличаются довольно разнообразными и яркими цветами, несмотря на то, что растут в тени.

Вникнув в устройство и жизнь яблони и гриба, мы однакож найдем то сходство между ними, что оба эти существа рождаются, питаются, растут, размножаются и умирают, но лишены произвольного движения и ощущения, следовательно, оба они — растения. Но кроме того, сравнив устройство гриба с устройством яблони, найдем еще, что оба они состоят из крошечных ячеек или клеточек, которые составляют главный материал всякого органического существа, точно так же, как кирпич служит существенным материалом для всех каменных построек, несмотря на бесконечно разнообразный вид самих построек. Клеточки яблони и гриба, при возра-

стании этих растений, беспрестанно разрождаются одна из другой, группируются по плану, начертанному творцом, и образуют более сложные органы, от которых зависит вид, свойство и жизнь самых растений. У яблони одни из клеточек, вытягиваясь и примыкая одна к другой, образуют древесные волокна, которые со временем твердеют и располагаются слоями, обхватывающими друг друга: из таких слоев, как мы знаем, состоит ствол яблони. Другие клеточки образуют трубочки, называемые сосудами, служащие для содержания и движения соков. Вот почему яблони и подобные ей растения называются сосудистыми. Гриб, подобно яблоне, состоит также из клеточек, но мягких и наполненных слизистыми и нередко ядовитыми веществами. Клеточки у гриба никогда не образуют таких волокон и сосудов, как у яблони, и если из них составляются иногда тоненькие трубочки и нити, то они никогда не располагаются слоями, обхватывающими один другого, какие мы видели в отрубе сосны. Вот почему все грибы и подобные им по устройству растения называются растениями *клетчатными*.

Белые грибы.

Яблоня и гриб еще более различаются способом размножения. У яблони мы замечаем цветки, существенную часть которых составляют тычинки и плоднички. Из цветов, после оплодотворения, образуется плод, служащий для хранения семян, которые, в свою очередь, служат хранилищами зародышей для будущих поколений. У грибов цветов нет; они размножаются *крупинками*, которые в несколько раз меньше макового зернышка; в крупинках этих не открыто зародышей, почему они, для отличия от настоящих семян, называются *крупинками* или *спорами*. Споры у некоторых грибов, как, например, рыжика или сыроежки, помещаются под шляпкою гриба, между тонкими и нежными пла-

стинками или гребешками, идущими от вершины ножки гриба к краям шляпки, наподобие косточек зонтика. У белых грибов, березовиков, подосиновиков и проч. нижняя поверхность шляпки, вместо пластинок, усеяна маленькими дырочками, которые суть не что иное, как кончики весьма тоненьких перепончатых трубочек, расположенных отвесно и плотно примыкающих одна к другой, отчего вся нижняя сторона гриба несколько похожа на губку. Внутри этих трубочек помещаются крупинки, служащие для размножения грибов.

По различию в устройстве органов размножения яблоня, вишня и подобные им цветущие растения составляют в ботанике отдел растений *сосудистых*, *цветковых*; а грибы, лишаи, мхи и проч.—отдел *клетчатных*, *бесцветковых*.

Когда семечко яблони попадет в сырую и теплую землю, то после некоторого времени появляются из него два семенные листочка; между этими листочками образуется молоденькая почка, из которой впоследствии разовьется стебель с листьями, цветами и плодами. Гриб после кратковременной своей жизни весь разрушается, или сгнивает; крупинки его, подобно семенам цветковых растений, попадают в землю, отчасти удобренную мякотью самого гриба, и развиваются в новое растение совершенно иначе. Сначала крупинка пускает от себя во все стороны множество тонких нитей, которые, переплетаясь между собою, образуют род беловатой сетки, скрытой обыкновенно под слоем земли или под мхом. Нити этой сетки в одних местах скучиваются более, нежели в других, и образуют род узлов, которые появляются над поверхностью земли в виде маленьких грибков. Пенек и шляпка молоденького грибка при его появлении на свет по большей части бывают покрыты одною общею перепонкою и запрятаны как бы в мешке; впоследствии перепонка эта разрывается и шляпка гриба выходит наружу. На пеньке иногда можно заметить остатки общей разорванной оболочки, которая, например, очень ясно видна на тоненькой ножке опёнка.

Яблоня, как мы знаем, растет медленно, вследствие чего клеточки ее могут окрепнуть; грибы же, напротив, растут необыкновенно быстро, так что некоторые породы грибов в одну ночь успевают вырасти и состариться. Быстрый рост грибов вошел даже в пословицу. По приблизительному вычислению натуралистов, при наблюдении за ростом одного большого гриба, называемого *гигантским ноздревиком*, в один час образуется на нем около двадцати тысяч новых клеточек. По причине такого быстрого роста, большая часть грибов имеет ткань мягкую, нежную и скоро разрушающуюся, почему и жизнь их так непродолжительна.

Кроме обыкновенных грибов, употребляемых в пищу, каковы: рыжики, березовики, масленики, подосиновики, белые грибы (боровики) и проч., которые имеют шляпку, укрепленную на пеньке, или ножке, попадаются грибы весьма разнообразные по наружному виду, величине и другим свойствам. Есть грибы шаровидные, величиною с человеческую голову, прикрепленные к земле коротенькою ножкою толщиною в гусиное перо: таков, например, *гигантский ноздревик*. Есть грибы микроскопические, т. е. такие, которые едва заметны простым глазом и могут быть хорошо рассмотрены только посредством увеличительного стекла или микроскопа. Семейство грибов очень обширно: число грибных пород, известных до сих пор, простирается до нескольких тысяч. Одни из грибов употребляются в пищу, другие ядовиты: таков, например, мухомор.

Большая часть грибов *чужеядны*, т. е. живут на других растениях и питаются их соками: таков, например, гриб *трутняк*, который нередко можно видеть на коре старых деревьев и в особенности берез. Этот жесткий, деревянистый гриб имеет вид конского копыта; его употребляют на выделку трута для огнив. Плесень, которая так часто появляется на гниющих плодах, залежавшемся хлебе, чернилах, гнилых щепках, бревнах и на стенах в сырых погребах, причисляют также к семейству грибов. Плесень можно легко произвести в комнате: стоит только густо вареный крахмал оставить на

несколько дней в покое; на вторые или третьи сутки заметим уже на поверхности крахмала беловатую, бархатистую плесень в виде небольших островков и пятен. Каждый такой островок представляет целый лес, состоящий из маленьких грибков особенной формы. Если посмотреть на плесень в увеличительное стекло, то можно заметить, что каждый грибок ее состоит из тоненькой нити или ножки, оканчивающейся кверху крошечным пузырьком, в котором содержатся крупинки для размножения. Без сомнения, несколько таких крупинок, плавающих в воздухе, попало на поверхность крахмала, и найдя там все благоприятные условия для дальнейшего развития, произвело новую семью едва заметных грибков. Были примеры, что микроскопические крупинки чужеядных грибов попадали в легкие некоторых водных птиц и развивались в плесень на внутренней поверхности легочных пузырьков. Чужеядные микроскопические грибки черного цвета в теплое и дождливое лето покрывают колосья ржи и овса как бы сажей; грибки эти, поглощая растительные соки, совершенно приостанавливают рост семян. Микроскопические чужеядные грибы очень часто появляются также в виде пятен и порошковатого налета на листьях и ветках многих растений и нередко в таком огромном количестве, что убивают дерево, истощая его соки.

КЛАССИФИКАЦИЯ РАСТЕНИЙ.

Давно уже люди стали считать, сколько есть на свете различных *видов* растений: насчитали до 200 тысяч — и не сочли всех. Трудно было бы найтись и ученому человеку в таком множестве растений, если бы он не постарался привести их в порядок и, подмечая сходные признаки, не разделил бы всего *растительного царства* так же, как разделил царство животное: на отделы, классы, семейства, роды и виды. Мы рассмотрели с вами очень немного растений; но и те перезабудем скоро, если не приведем их в порядок: не разделим на роды и виды, как сделали это с животными.

Мы заметили уже, что в семенах одних растений лежит зародыш с двумя *зародышевыми листиками* или *долями*, а в других — семена только с *одной семенной долей*. (У каких с двумя? У каких с одной?) Вот у нас и готовы два большие *отдела* растений: 1) *отдел* растений *однодольных* и 2) *отдел* растений *двудольных*.

В отделе двудольных мы узнали несколько растений, принадлежащих к различным *семействам*.

Все сорта яблонь и груш (различных сортов этих плодовых деревьев садовники насчитывают до 2-х тысяч) составляют особое семейство—*яблочное*. К этому семейству относят ботаники и знакомую нам рябину, по устройству ее цветка и плода.

Различные виды клена составляют *кленовое* семейство. В Америке растет клен, из сока которого приготовляют сахар.

Вкусная вишня принадлежит также к особому и очень вкусному семейству. Она, по своему цветку и плоду с косточкою, сродни черешне, сливе, персику, абрикосу, черемухе и миндалю. У миндаля едят, как вы знаете, только зернышко в косточке, которую покрывает твердая и невкусная кожа. Всю эту семью *костянковых* растений бог создал, видно, для детей.

Земляника принадлежит также к очень приятной семье; она в родстве с клубникой, малиной, ежевикой, костяникой, куманикой, морошкой, шиповником и розою. Не правда ли, какое вкусное и душистое семейство? Зовут его семейством *розоцветных* растений.

Мы уже знаем, что береза, ольха, дуб, бук, орех и каштан принадлежат, по устройству своих цветков, к семейству *сережчатых* растений, а по расположению своих сережек, *плодниковых* и *тычинковых*, в двух различных цветках, но на одном дереве — к растениям *однодомным*. Ива, осина, тополь и осокорь тоже *сережчатые* растения, но живут *на два дома*.

Сложный цветок одуванчика причисляют к обширному семейству *сложноцветных* растений, в котором ботаники насчитывают до 9 тысяч видов. Такие же сложные цветы у синего василька, у красивого георги-

на, маргаритки, бархатки, астры и других хорошеньких растений, украшающих наши цветочные клумбы. Выдергивая вкусные семечки из огромного донца подсолнечника, вы, вероятно, и сами заметите, что подсолнечник, должно быть, тоже сложноцветное растение. К этой же семье принадлежат употребляемые в лекарствах: ромашка, тысячелетник, мать-и-мачеха, горькая полынь и колючий репейник. Тоже, как видите, семейство очень красивое и полезное.

Мы упомянули еще о бобах, горохе и клевере и заметили, что у всех этих растений красивые цветочки похожи на мотыльков. К *мотыльковому* семейству относятся также фасоль и кормовые травы: мышиный горошек и люцерна с фиолетовыми цветочками.

Семейств *двудольных* растений еще очень много, но вы познакомитесь с другими, когда будете учиться ботанике.

В отделе *однодольных* растений мы заметили только три семейства: семейство *лилейных*, семейство *злаков* и семейство *пальмовое*. К семейству *лилейных* относится душистая лилия и вонючий лук, пестрый тюльпан и вкусная спаржа. Семейство *злаков* и семейство *пальм* вы еще, конечно, не успели забыть.

В *третий отдел* растений ботаники помещают такие растения, у которых семена не заключаются в завязи, как у яблони и вишни, а лежат голые, как, например, семена сосны или ели лежат за чешуйками своей шишки. В этом третьем отделе *голосеменных* растений мы узнали только одно семейство *хвойных*, куда относятся: сосна, ель, сибирский кедр, кипарис и можжевельник.

Во всех этих трех отделах растений есть один общий признак: все эти растения *цветут*. Но есть и такие растения, которые никогда не цветут и размножаются не семенами, а маленькими крупинками — *спорами*. Из таких нецветущих *споровых* растений нам знакомы больше других: *папоротники*, *грибы* и *мхи*.

Напрасно бы вы, послушавшись народного поверья, пошли в лес ночью, под Иванов день, дожидаться, когда расцветет *папоротник*. Видно, наш умный народ за-

метил, что папоротник никогда не цветет и пошутил над легковерными людьми, желавшими разбогатеть сразу, без всякого труда. Вы легко найдете в лесу куст *папоротника*; сорвите же его *перистый* листок и посмотрите на оборотную его сторону. Там вы увидите правильные ряды маленьких бугорков: вот в этих-то бугорках и находятся те мелкие крупинки — *споры*, которыми размножается папоротник.

Грибы принадлежат также к числу споровых растений; споры скрываются у них в шляпках.

Мхов очень много пород. Они любят тень, растут большими обществами и так оденут иной камень в лесу, что превратят его в мягкий диван.

К породе *споровых* растений относятся еще, между прочим, *водоросли*, часто покрывающие зеленью наши пруды и канавы, и твердые *хвощи*, которыми кухарки чистят посуду.

Итак, мы узнали с вами четыре отдела растений: 1) растения *двудольные*, 2) *однодольные*, 3) *голосеменные* и 4) *споровые*. Расскажите же теперь, какие вы знаете семейства в каждом отделе и какие растения в каждом семействе?

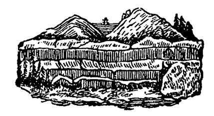
ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

Многие произведения из царства минералов играли важную роль в жизни человека. Справедливо восхваляют каменный уголь, приводящий в движение многие тысячи паровых машин; справедливо славится и железо, без которого человек остался бы дикарем; драгоценные каменья, украшающие короны и скипетры, не раз были прославляемы в стихах и в прозе, на скромный шифер немногие обратили внимание. Однакоже, несмотря на свой незамечательный матовый черный цвет, шиферная, или, что все равно, грифельная, доска не мало способствует образованию людей, а мы с вами так много ей обязаны, что из благодарности должны узнать ее историю.

Вот тропинка, ведущая в горы по берегу ручья. Заметьте, как темна в нем вода, это оттого, что ручей

бежит по руслу из черного шиферного камня. Но вот и горы: мы слышим уже стук молотов, шум падающих каменьев и голоса людей. Еще несколько шагов – и каменоломня перед нами. Отвесный обрыв горы, как гигантская книга, состоит весь из черных слоев шифера, наложенных один на другой; наверху немножко земли, в которой расползлись во все стороны корни громадных, вековых сосен.

Отламывая большие куски шиферного камня, работники складывают его на телеги и везут в ближайшую деревню. Там одни разрезывают его на мелкие куски и выскабливают из них доски, а другие постоянно смачивают твердую поверхность шифера водой и сглаживают ее песком. Наконец, угольным порошком и маслом, дают шиферу ту глянцевитость и политуру, которая делает его годным для употребления в школах. Обделать эти доски в деревянные рамки, конечно, уже не трудно.

Ломка шифера.

Рассказать, как делается шиферная доска, было нам довольно легко; но как сделалась гора из шифера? Этого никто наверное не знает, хотя есть много предположений, основывающихся на самом составе шиферного камня. Главным образом он состоит из глины, тесно соединенной с небольшим количеством кремня, и железной охры и угля, от которого зависит черный цвет шифера. Вы вероятно заметили, что иногда грифель проводит на доске красную черточку: это признак, что в этом месте попалось побольше железной охры: когда же грифель вдруг зарежет доску, то виноват в этом кусочек кремня, но почти всегда эти составные части шифера так тонко раздроблены, так плотно соединены между собою, что их трудно рассмотреть не только простыми глазами, но даже в микроскоп, только ученый химик может разыскать составные части шифера, разделить их и даже взвесить.

Расположение шифера в горах правильными слоями повело к тому предположению, что он образовался

в то отдаленное время, когда земля еще была покрыта водой. Волны океана, размывая глинистые и кремнистые скалы, превращали их в ил, который осаживался слоями, где-нибудь в спокойной бухте; допотопные морские растения, в которых было так же много угля, как и теперь в каждом растении, дали, по всей вероятности, угольные частицы, а железо и другие составные частицы шифера были принесены водою. Таким образом, из осаждающегося ила образовались мало-помалу слоистые массы шифера. Когда же потом, действием подземного огня, эти слоистые массы были выдвинуты наверх воды и образовали горы, тогда и шифер затвердел и сделался таким, каким его теперь находят. Если же мы не видим в нем остатков прежних морских растений, как в других слоистых породах камней, происшедших от осадка в воде, то это может быть потому, что подземный огонь, действуя на шифер, превратил растения в уголь и в то же время помог соединиться теснее всем составным частям камня.

ГРАНИТНЫЙ ВАЛУН.

Вот самый обыкновенный гранитный булыжник, каких много валяется по полям, камни эти вовсе не редкость, а между тем каждый из них мог бы рассказать нам очень любопытную историю, если бы умел говорить.

Рассмотрим сначала, из чего он состоит. Он не похож на шифер нашей грифельной доски не только по цвету, но и по составу. В булыжнике вы не видите таких слоев, как в шифере, напротив, он как будто весь слеплен из маленьких кусочков различных по цвету камней, крепко сплавленных между собою. Каждый из этих кусочков, действительно, есть особенный камешек. Вот красное пятнышко — *это полевой шпат*, который встречается во многих местах отдельными громадными камнями; вот белое, стекловидное зернышко — это кусочек кремня; а вот и светлая блестка — это слюда, которую также находим отдельными, довольно большими кусками.

Но как же эти различные камни соединились в такую плотную массу? Этого также хорошенько никто не знает, но видно только, что тут работал страшно сильный огонь, плавивший камни, которых мы теперь расплавить не можем. Геологи, ученые люди, занимающиеся изысканием, из чего и как составлена наша земля, предполагают, что страшный огонь и теперь горит внутри земного шара и что в прежнее время этот огонь был еще сильнее и, прорываясь наружу, выдвигал наверх такие сплавленные им камни.

Если вы размешаете кусок глины и горсть песку в стакане с водою и дадите смеси спокойно осесть на дно, то заметите, что глина и песок лягут слоями, какими лег и шифер, из которого сделана ваша доска, но которых в граните нет. Вот почему геологи полагают, что одни из камней произошли силою воды, а другие, в которых слоев незаметно, силою огня. Гранит произошел силою огня, и потому называется *огненною* породой.

Но как же попал этот кусок гранита на наше поле? Не мог же он вырасти здесь, а на земле нет нигде дыры, откуда он мог бы выскочить. Нет, родина его не здесь, а далеко на севере, в Финляндии или, может быть, даже в Швеции. Там есть целые гранитные горы, основания которых, вероятно, идут глубоко в землю и там, действительно, подземный огонь мог выдвинуть наружу гранитные горы и скалы. Раскаленные, расплавленные вышли они оттуда, и потом, мало-помалу, застыли на воздухе. С изумлением смотрит теперь человек на эти громадные гранитные горы, застывшие в самых прихотливых формах: то в виде зубцов каменной крепости, то куполами, то остроконечными башнями.

От этих-то скал оторваны и те куски гранита, которые валяются по нашим полям и которыми мы мостим наши улицы. Стоит взглянуть на состав этого булыжника, чтобы узнать, что он был когда-то частью скалы, стоящей теперь где-нибудь в Скандинавии или Финляндии. Но как же он попал сюда, за тысячу верст? Конечно, никто не привез на лошадях этих бесчисленных

гранитных камней и не рассыпал их по нашим полям на зло земледельцу, которому они мешают пахать землю. Да многие из этих камней и слишком велики для того, чтобы их можно было привезти для шутки. Скала, на которой стоит статуя Петра Великого, вся высечена из одного такого камня, найденного невдалеке от Петербурга: такие камешки возить для шутки неудобно!

Но как же, наконец, попал сюда наш камень? Должна же быть причина, передвинувшая его за сотни верст, потому что сам он не одарен способностью произвольного движения? Спросим опять у геолога, и геолог, рассказав нам историю происхождения нашего камня, расскажет нам и о его путешествии.

Некогда, говорит геолог, этот камень составлял часть скандинавской прибрежной гранитной скалы, у подошвы которой шумели бурные волны; морские птицы вили на этой скале свои гнезда, а морские животные приплывали отдыхать у ее подошвы. Зима сменялась летом, лето зимою; скала казалась все одной и той же угрюмою, незыблемою скалою, но между тем и с нею, как и со всем в мире, совершались перемены. Пословица не даром говорит, что вода, падая капля за каплей, точит камень. Много таких капель падало на нашу скалу, и, мало-помалу, показались в ней сначала едва заметные трещины; в эти трещины проникали новые капли и углубляли их все больше и больше. Зимою, когда эти капли, прокравшиеся в гранит, замерзали, то тем самым раздвигали все дальше и дальше его частицы. Наполните бутылку водой и выставьте ее на мороз: когда вода превратится в лед, бутылка лопнет.

Ветер и солнце помогали воде и холоду, и вот наш камень, в одно прекрасное утро, со множеством подобных ему каменьев, захотел путешествовать — рухнулся со скалы и покатился вниз в море, а там уже ждал его отличный экипаж — громадная ледяная глыба, стоявшая у подошвы горы. Долго ли, коротко ли стояла эта глыба, но мало-помалу она набрала много молчаливых пассажиров, и ей пора было бы уже отправляться в путь, да то беда, что она очень плотно примерзла к бе-

регу. Однакоже солнце и ветер дружными усилиями помогают льдине сняться с якоря и пуститься странствовать по миру, куда глаза глядят, или, лучше, сказать, куда гонит ее ветер. «Прощай, навеки, родина!» — могли бы сказать каменья, если бы у них был язык.

Море в те отдаленные времена занимало гораздо более места, чем теперь: только высокие, гористые страны выглядывали из-под него, а наша низменная, ровная матушка-Россия вся еще пряталась под водою, по которой очень удобно было странствовать ледяным глыбам.

Вот глыба, гонимая северным ветром, все подвигалась к югу, а на юге, как вы знаете, солнце греет больше и припекло глыбу, которая пустилась в путь, позабыв, что она ледяная. Глыба все движется дальше и дальше, а солнце печет и топит ее все больше и больше; становится, наконец, глыбе невтерпеж, и вот она роняет сначала один камень, за ним другой, — и растеряла всех своих пассажиров по лицу будущей России: «лежите, мол, тут, голубчики, до скончания века», а, наконец, и сама вся растаяла.

Но не улежали камни на своих местах. Пришел человек и принялся за них: там ему понадобилось расчистить поле, и он свез камни в кучу, а которые были побольше, то сначала изорвал их порохом на куски; в другом месте понадобилось ему строить фундамент для дома, там ограду из камней, а там сложить из них и целую избу, там вымостить мостовые, выстроить плотину или мост. Но когда дело дошло до постройки шоссе, то тут северным гостям пришлось уже очень плохо. Тщательно разыскивали их в лесах и в болотах, где они, никого не трогая, лежали тысячи лет и обросли мягким мохом: отыскали, свезли в кучи, и тысячи молотков принялись усердно колотить твердые камни на мелкие кусочки и выкладывать ими крепкое шоссе. Казалось бы, что при железных дорогах могли и отдохнуть камни, но не тут-то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась под сильной, тяжелой машиной, опять бьют камень в куски, в щебенку, как говорят, и кладут его

между рельсов, чтобы дорога была тяжелее и не качалась, когда по ней полетит тысячепудовая машина.

Так заботился всемогущий господь о человеке, когда еще человека не было на земле, и повелел стихиям — воде, ветру и огню — приготовить камень для шоссе и железных дорог, хотя долго еще после этого человек не имел понятия ни о шоссе, ни о железных дорогах и таскался пешком, не зная даже, что можно оседлать лошадь. Но всевидящий творец подарил человеку ум и знал, что этот подарок не пропадет даром.

Вот, что расскажет нам молчаливый булыжник, если мы сумеем заставить его заговорить, и если бы люди забыли бога, то самые камни могли бы поведать им его славу и его любовь к человеку.

ИЗВЕСТЬ.

Отец давно показал детям, как добывают и обжигают известь, и, наконец, повел их за город, где в крутом и высоком береге реки множество работников ломали известковый камень, разбивали его на мелкие куски и складывали в телеги.

«Теперь вы видели, откуда добывается известковый камень; но этого мало, — сказал детям отец: — пойдем за телегами и посмотрим, куда это везут известковый камень и что с ним делают».

Телеги, проехав несколько десятков саженей, остановились у громадной печи.

«В этой печи обжигают известь, — сказал отец: — в нее, как вы видите, кладут известковые камни так, чтобы между ними оставались пустоты, в которые могло бы свободно проходить пламя. Внизу разводят сильный огонь и поддерживают его несколько дней сряду. Пламя, проникая между камнями, раскаляет их до того, что из них в виде пара выходит вся находившаяся в них вода, а вместе с тем выходит особенное вещество, такое же прозрачное, невидимое, легкое, как воздух, но только не воздух: это вещество называется *углекислым газом*, или просто *угольной кислотой*. Когда вся вода испарит-

ся и вся угольная кислота улетит, тогда гасят огонь и вынимают из печи известь, которая получила новое удивительное свойство. Дотроньтесь влажной рукой или губами до куска обожженной извести, и вы почувствуете жгучую боль. Это происходит оттого, что известь с необыкновенной жадностью потянет в себя влагу, которою покрыта ваша рука или ваши губы».

Отец взял кусок обожженной извести и, положив на землю, стал на него лить понемногу воду: вода кипела и испарялась, как будто бы ее лили на горячую плиту; кусок извести, бывший до того холодным, сильно разгорячился и, наконец, рассыпался в мелкий порошок.

«Это значит — гасить известь» — сказал отец детям. «Возьмите этот порошок в руки: вы чувствуете, что он совершенно сух, хотя в нем довольно много воды. Если на три фунта выжженной извести налить фунт воды, то мы получим четыре фунта такого белого порошка: следовательно, в этом сухом порошке находится фунт воды, хотя ее совершенно незаметно. Такое соединение двух тел, при котором они образуют одно новое, называется *химическим соединением*, а стремление одного тела соединиться с другим называется *химическим сродством*. Негашеная известь и вода имеют между собою химическое сродство. Большая часть тел — сложные тела и состоят из двух или нескольких *простых тел*, т. е. таких, которых химики не могли уже разложить на какие-нибудь другие тела. Вы знаете несколько простых тел: золото, железо, ртуть, медь, уголь; но дерево, вода, соль и многие другие тела — тела сложные. Наука, которая показывает, из каких простых тел и как сложены все тела, называется *химией*, а люди, занимающиеся ею, — *химиками*».

«Заметив в негашеной извести сильное сродство к воде, люди пользуются этим свойством, чтобы извлекать воду отовсюду, где ей не следует быть; так, например: если нужно очистить спирт от воды, то кладут в ведро со спиртом несколько кусков негашеной извести, и хотя вода дружна со спиртом и разделить их трудно, но с известью она еще дружнее, а потому остав-

ляет спирт и соединяется с известью. Если оставить обожженную известь на воздухе, то она скоро потеряет свое острое, жгучее свойство, потому что в воздухе всегда есть пары воды, с которыми известь соединяется. Вот почему, — когда хотят сохранить известь негашеной, то складывают и закрывают ее так, чтобы к ней не прикасался воздух. Я также сказал вам, что огонь выгнал из известкового камня газообразное, похожее на воздух вещество, называемое угольной кислотой. В воздухе всегда довольно угольной кислоты и потому, если известь долго оставлять на воздухе, то она химически соединится с угольной кислотой и превратится в мел».

«Мел есть не что иное, как химическое соединение извести и угольной кислоты, или, как говорят химики, *углекислая известь*. При быстром гашении извести, когда на нее льют много воды, из нее образуется тесто, которое каменщики употребляют как цемент, чтобы связывать кирпичи, из которых строятся дома. Но кирпич с кирпичем и песок с известью соединяются не *химически*, а *механически*. Механическим это соединение называется потому, что в нем каждая песчинка остается песчинкой и каждый кусочек извести — известью; тогда как из воды и обожженной извести составляется новое тело, равно как из извести и угольной кислоты; а угольная кислота и вода исчезают так, что их можно выделить только посредством сильного огня».

РУЧЕЙ.

Много я слышал уже о журчащих ручьях, но никто мне еще не говорил, что такое они журчат. Вот светлый источник, пробивающийся из-под большого камня: усядусь-ка возле него и послушаю, что такое он болтает. Бесчисленные маленькие волны, перегоняя друг друга и журча, пробиваются между каменьями и песком, подымая и крутя его белые зернышки.

— Послушайте-ка, вы, маленькие резвые волны, расскажите мне: зачем вы так торопитесь, куда и откуда бежите, почему так суетливо толкаете друг друга?

— О! — залепетали волны, — нас много и очень много: там, в горе, нас еще столько, что и счесть невозможно; мы все хотим выйти на божий свет, а ворота узки: вот почему мы так толкаем друг друга, как школьники, когда учитель скажет им: класс кончен!

— Где же вы были до сих пор и что вы делали? Не сидели ли вы в горе с того самого дня, как голубь принес Ною масличную ветвь, как знак, что воды снова скрылись в землю.

— О нет, нет, нет! — залепетали волны, перебивая друг друга, и каждая из них так спешила рассказать свою историю, что я не мог разобрать ни слова. Я наклонился к источнику, зачерпнул горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы каплю за каплей, выслушивал их поодиночке. Какие дивные историйки они порассказали мне!

—Мы, — сказали мне две капли, — были снежинками в прошедшую зиму и, лежа там на горе, весело сверкали на солнце, пока оно весною не растопило нас.

— Мы были двумя градинками, — залепетали другие капли, — и, увы, согрешили: положили на землю тяжелый колос. — А мы были двумя росинками и напоили жаждущий ландыш, — сказали две новые капли. — Мы носили корабли на море; мы утолили жажду жаждущего и спасли ему жизнь; мы вертели мельничное колесо; нас вспенивал пароход; мы были сладким соком в вишнях, мы — вкусным вином; мы — лекарством, мы — ядом, мы — молоком... — звенели одна за другой прозрачные капли, скатываясь, как перлы, с моих пальцев.

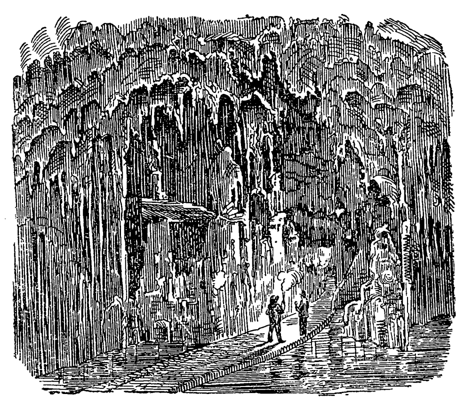
Одна светлая капелька повисла у меня на пальце:— я была когда-то слезою, — прошептала она; я — каплею пота, сказала вслед за ней другая, падая на землю; а я уже была в твоем сердце, — прозвенела третья, — была теплой капелькой крови, а потом, когда ты дохнул, я вылетела паром и понеслась к облакам.

Я видел, что этим историям конца не будет и стряхнул обратно в реку остальные капли, не слушая их болтовни.

Мне хотелось пристыдить хвастливый ручей, и я сказал ему: расскажи-ка лучше, что ты видел нового в своей горе? «Чему там быть новому? — думал я про себя: — камни лежат неподвижно от создания мира и будут лежать там вечно, разве человек выкопаст их и построит из них дома». Но как же я удивился, когда ручей стал мне говорить самые диковинные вещи.

Каждая капелька, — говорит он, — побывши дождем или снегом, градом или росою, проникает в землю и работает в ней изо всех сил, не хуже ваших рудокопов: роет для себя самые затейливые ходы и переходы. Если тебе в детстве рассказывали сказки о подземных горных духах и карлах, которые будто бы живут внутри гор и охраняют там металлы и камни, прилежно работая над ними день и ночь, то, знай, что эти карлы и духи — мы, маленькие капли воды. Мы кажемся тебе малы и бессильны; но ты видишь, как нас много, и верно слыхал, что капля, падая за каплей, пробивает и твердый камень. Пробегая между каменными слоями гор, каждая из нас уносит неприметную для твоих глаз частичку той или другой каменной породы. Скоро тяжелая ноша становится не под силу маленькой капле, и она оставляет свой кусочек камня или металла где-нибудь совсем в другом месте. Так строим мы из извести и гипса блестящие красивые кристаллы. Так же мы заносим с собой то красный кусочек железной охры, то зеленый и голубой кусочек медного купороса, и раскрашиваем ими другие каменья. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сделали мы же! Она прежде вся была набита солью; но миллионы водяных капель выпили эту соль и унесли ее куда-нибудь в другое место, может быть, в море, где вода, как ты знаешь, такая соленая. В такой пещере нам привольно работать: звучно падаем мы с потолка и, оставляя на нем приносимые нами кусочки камня, строим самые диковинные вещи, похожие на ваши церкви и башни. Ты видел, вероятно, как зимою, растаивая на солнышке и стекая с крыши, превращаемся мы от холода в длинные,

прозрачные сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту; только там мы работаем сосульки не из воды, а из известки (сталактиты); сами же уходим дальше. На дне пещер собираются капли в подземные озера; потом выбегают оттуда в расселины скал и прыгают шумными водопадами со скалы на скалу. К нам прибегает иногда напиться горная саламандра, небольшое длинненькое животное, бледное и слепое; вам скучно в этих пещерах без солнца, а оно боится, как смерти,

Пещера.

солнечных лучей. Если на дороге попадется на горе кусок дерева, мы начнем хлопотать изо всех сил: каждую клеточку наполним кремнем, или известкой, древесину же разломаем и унесем прочь, словом, сделаем то, что вы называете окаменелым деревом, но называете совершенно несправедливо, потому что там дерева нет ни крошки, а все один чистый камень: от дерева осталась одна только форма. И сколько нам было хлопот, чтобы выделать из камня каждую жилку, каждую ячейку!

В это самое время набежала новая волна и начала мне рассказывать другую историю: она говорила, как водяные капли мало-помалу подрывали целую гору в

Швейцарии, так что она со всеми своими тяжелыми камнями, с землею, покрывавшей эти камни, и с деревьями, которые росли на земле, рухнула в долину и засыпала четыре деревни с людьми и животными. Но я прервал печальный рассказ и сказал волнам, что не люблю слушать о делах разрушения и гибели.

— Расскажи-ка мне лучше, — спросил я снова у ручья, — что-нибудь другое. Если твои капли внутри горы так много едят и пьют, так много разрушают и строят, то нет сомнения, что и твоя светлая вода, сквозь которую я так ясно вижу и маленький камешек и крошечную блестящую рыбку, совсем не так чиста, как кажется с виду?

— Легко, очень легко может случиться, — отвечал ручей, — что тот или другой из моих маленьких работников унес с собою то тот, то другой материал.

— Но какие же материалы, куда и зачем несут твои хлопотливые работники? — спросил я у ручья.

— Мы несем известку,— отвечали одни капельки, — нас уже давно ждут миллионы маленьких морских животных, улиток, полипов, морских звезд, которым нужно строить себе жилище, и крепкие кораллы, а для кораллов нужно много известки, потому что из кораллов делаются целые острова в океане.

— Мы несем кремнезем, — пролепетали другие капли: — множество инфузорий и растений ждут нас давно; даже травка на берегу и та просит, чтобы мы дали ей частичку. — Мы несем воздух в маленьких незаметных пузырьках, — звенели новые капли, — воздух, без которого не могли бы дышать в воде ни рыбки, ни другие водяные животные. — Мы несем угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки; мы — гипс; мы — железо; мы — фарфор; мы — множество соли, которая нужна бесчисленным растениям, животным и даже вам — людям. Не вы ли приходите лечиться к нам и рады-радехоньки, когда почуете, что в нас есть или сера, или железо, или какой-нибудь другой минерал, который вам помогает в болезнях? Тогда вы величаете нас минеральными ключами, целебными источниками,

а иногда и теплыми ключами, если мы выходим к вам, нагревшись прежде у подземного огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете от сору, устраиваете для нас красивые бассейны, строите возле нас богатые дома, ванны, гостиницы, целые города! Неужели ты ничего не слыхал о Баден-Бадене, Эмсе, Пятигорске, Кисловодске, или других каких-нибудь местах, прославленных нашими целебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не делаем, — зажурчали все капли вместе: — напротив, мы никогда не знаем покоя и трудолюбивее муравьев, которые вечно строят свое жилище, вечно суетятся, бегают и таскают кусочки соломы втрое больше себя. Наработавшись вволю и в облаках, и в траве, и в листьях, которые мы так освежаем, напоив растения, животных и людей, мы спешим в ручей, а по дороге вертим мельничные колеса и носим лодки, из ручья бежим в реку, из реки в широкое безбрежное море: тут-то, кажется, можно нам было отдохнуть и успокоиться, но лучи солнышка пригреют нас и превратят в легкий туман. Поднявшись высоко, мы станем облаками и понесемся по небу, пока не найдем места, где снова ожидает нас работа. Мы работаем без устали и не скучаем: нам весело, что мы принимаем такое деятельное участие в божьем мире и поим неисчислимые миллионы растений, животных и людей.

— Боже великий!—сказал я, отходя от болтливого ручья, — нет пределов твоей премудрости. Сколько великих дел ты совершаешь крошечной каплей воды. Сколько жизни и деятельности в твоем мире! Сделай так, чтобы и я не прожил без пользы, а не то мне будет стыдно взглянуть на деятельную водяную каплю.

КЛАССИФИКАЦИЯ МИНЕРАЛОВ.

Минералы, или ископаемые, как их называют, потому что они выкапываются из земли, отличаются один от другого кристаллизацией, изломом, тяжестью, цветом, блеском и пр. Все минералы мы можем разделить на четыре группы: в 1-ю поместим металлы, во 2-ю — зем-

лю и камни, потому что камень, размельчившись, делается составной частью земли; в 3-ю — соли, в 4-ю — горючие минералы.

Металлы — тела простые, т. е. не составлены из других тел, по виду отличаются особенным металлическим блеском, тяжелы, ковки, плавятся и удобно принимают различные формы. Металлы мы разделим с вами на два разряда: в первый поместим так называемые *драгоценные*, или *благородные*, металлы; во второй — металлы простые, которые также называют *неблагородными*, хотя для человека некоторые из них гораздо полезнее самого золота. К благородным металлам относятся: золото, серебро и платина; из них делают монету (из платины монеты более уже не делают) и разные дорогие вещи и украшения. К простым, или неблагородным, металлам относятся: медь, железо, свинец, олово, ртуть, которая также металл, хотя и в жидком виде; цинк, который входит как составная часть во множество искусственных металлов, и многие другие, которых мы еще не знаем.

Земля и *камни* не имеют ковкости, трудно плавятся, трудно распускаются в воде, не горят и не тянутся. В некоторых из камней мы находим тот же, знакомый нам кремень, как, например, в горном хрустале, кварце, халцедоне, опале и пр.; в других главною составною частью бывает глина, как, например, в сапфире, рубине, изумруде и др.; третьи содержат в себе известку, как, например, известковый камень, или плитняк, мрамор, гипс. Некоторые камни слеплены из кусков различных земель и камней, как, например, гранит, порфир и песчаник, который состоит весь из песчинок. Камни, как и металлы, разделяются на драгоценные и простые. Самый драгоценный камень — алмаз; он весь состоит из того же вещества, из которого состоит вовсе не драгоценный уголь и графит, употребляемый в карандашах. Бриллиантом называется тот же алмаз, только отполированный другим образом. К драгоценным же камням, кроме алмаза, относятся: красный рубин, голубой сапфир, зеленый смарагд, золотистый топаз, зе-

леноватый берилл, яхонтовый гранат, фиолетовый аметист, молочный опал и другие.

К недрагоценным камням и землям относятся все те, которые попадаются в большом количестве и большими массами. Из земель мы знаем с вами глину и известку. Песок состоит из крошечных песчинок, которые, смешавшись, например, с глиною, образуют песчаную землю. Черноземом называется земля, в которой много органических остатков сгнивших растений: такая земля очень плодородна, она покрывает огромные пространства в наших южных губерниях.

К *солям*, кроме известной нам поваренной соли, относят также селитру, которая идет на выделку пороха и на солку говядины; горько-соленую глауберову соль, употребляемую как лекарство; поташ, идущий на выделку стекла и мыла, и другие.

К горючим минералам причисляют серу и каменный уголь, который, по замечанию геологов, — людей, изучающих, из чего сложена наша земля, — есть не что иное, как окаменелый остаток допотопных лесов, заваленных землей, осаждавшейся из воды. К горючим же ископаемым веществам можно причислить торф, образующийся из растений в наших болотах, и янтарь, который есть не что иное, как смола допотопных деревьев.

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Прекрасна была юная земля, только что явившаяся по слову божию, но человека на ней еще не было, и некому было любоваться ее красотой. Днем яркое солнце всходило на небо и лило на землю свет и тепло; ночью подымалась кроткая луна, и сверкали мириады звезд; голубой свод неба, убранный золотыми и серебряными облаками, высоко вздымался чудным ненаглядным шатром; волновалось и шумело безбрежное море, высокие горы подымали выше облаков свои блестящие, серебряные вершины; повсюду лились полные, синие реки, кипели и рассыпались брызгами пенистые водопады, журчали сверкающие ручьи, пробираясь в ду-

шистой, сочной траве, высокие пальмы качали своими гордыми верхушками; тенистые леса говорили с легким прохладным ветром, зеленые поля, усыпанные роскошными цветами, благоухали; красивые животные прыгали и резвились; яркопестрые птицы и блестящие насекомые сверкали, как алмазы, носились в воздухе, соловей пел свою громкую песню, — но человека еще не было, и некому было наслаждаться всей роскошью божьего мира.

Солнце, луна и звезды, блестящие, но бесчувственные, текли указанным им путем, не видя и не чувствуя ничего, даже своей собственной прелести. Роза благоухала и красовалась, не зная, как она прекрасна; соловьиная песня не услаждала ничьего слуха. Животные, хотя и видели и слышали все, но не понимали ни красоты природы, ни премудрости законов, по которым она создана. Удовлетворив своим телесным потребностям, животное веселилось, не требуя красоты, искало только пищи и, пожирая премудрые создания божии, не подозревало, сколько премудрости в каждой, самой маленькой травке. Ни одно из них не могло даже поднять головы к небу и сказать с благодарностью: «создатель, как ты велик и милостив! Как я люблю тебя!». Все, что было создано, жило по законам создателя и не могло жить иначе, не имея своей воли, не могло грешить, зато не могло делать и добра, не зная, что такое зло и добро.

Увидя, как хорош мир, господь, исполненный любви, захотел создать существо, которое бы по бессмертному духу своему было подобно ему самому, создателю вселенной, которое бы исполняло его законы не по необходимости, как все прочие твари, но, понимая их мудрость и благость, стремилось бы к истине, добру и красоте по собственному желанию и убегало лжи, зла и греха из отвращения к ним.

«Создадим человека по образу и по подобию нашему» — сказал господь и сотворил из земли чудно-прекрасное тело, вдохнул в него из собственных творческих уст своих бессмертную, разумную и свободную душу.

Открыл глаза человек: с удивлением и восторгом взглянул он на мир, и душа его, чувствуя свое божественное происхождение, исполнилась счастья, благодарности и любви к создателю.

«Как ни хороша земля, но грустно будет человеку жить на ней одному» — подумал господь и, желая увеличить счастье человека, создал ему прекрасную подругу. Окончив создание, сказал господь первым людям: «Любите друг друга, размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею: все, что есть на ней, я дарю вам!»

Место, где жили первые люди, находилось в теплой и роскошной стране, — там, где Тигр и Евфрат и теперь еще сливают свои воды. Но, увы, теперь на этом месте грустная и дикая пустыня! Видны развалины больших городов, занесенных песком, вокруг все мертво, солнце жжет немилосердно, и только злой шакал и свирепый тигр нарушают своим ревом мертвое молчание пустыни.

ОТДЕЛ II.

ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ЛЕТОПИСЕЦ.

(Келья Чудова монастыря в Москве; ночь; старый, седой, как лунь, монах Пимен сидит и пишет перед лампадой; молодой монах, послушник старика, Григорий, спит.)

Пимен. Еще одно, последнее сказанье — и летопись окончена моя; исполнен долг, завещанный от бога мне, грешному. Недаром многих лет свидетелем господь меня поставил и книжному искусству вразумил; когда-нибудь монах трудолюбивый найдет мой труд усердный, безымянный; засветит он, как я, свою лампаду, и, пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет, да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу, своих царей великих поминают за их труды, за славу, за добро, а за грехи, за темные деянья спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу, минувшее проходит предо мною... Давно ль оно неслось, событий полно, волнуяся, как море-океан? Теперь оно безмолвно и спокойно: не много лиц мне память сохранила, не много слов доходит до меня, а прочее погибло невозвратно! Но близок день, лампада догорает — еще одно, последнее сказанье. (*Пишет*).

Григорий (*пробуждается*). Все перед лампадой старик сидит, да пишет, — и дремотой знать во всю ночь он не смыкал очей. Как я люблю его спокойный вид, когда, душой в минувшем погруженный, он летопись свою ведет, и часто я угадать хотел, о чем он пи-

шет: о темном ли владычестве татар, о казнях ли свирепых Иоанна, о бурном ли новогородском вече, о славе ли отечества? — Напрасно. Ни на челе высоком, ни во взорах нельзя прочесть его сокрытых дум; все тот же вид смиренный, величавый... Так точно дьяк *, в приказах поседелый, спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева.

А. Пушкин.

ОСЛЕПЛЕНИЕ ВАСИЛЬКА.

(1097)

В 1097 году князья русские решились уладить свои распри миром и собрались на съезд в Любече, на берегу Днепра. Тут были внуки Ярослава: Святополк — великий князь киевский, Владимир Мономах, Давид Игоревич, Олег и Давид Святославичи и правнук Ярослава, Василько Ростиславич. Здесь снова разделили они между собою русские области и целовали друг другу крест на том, чтобы жить им мирно, не обижать друг друга и всем итти на того, кто первый подымет ссору.

Но тут же один из удельных князей Давид Игоревич, недовольный своим уделом, захотел увеличить его на счет своего соседа, Василька Ростиславича, и задумал против него злое дело. Приехав в Киев, он напугал великого князя Святополка тем, что будто Василько с Владимиром Мономахом думают отнять у него Киевскую область, и когда Василько, возвращаясь из Любеча, проезжал мимо Киева со своей дружиной и остановился под Киевом ночевать, то по утру Святополк прислал к нему, говоря: «не уходи от именин моих». Василько отвечал, что спешит домой; но тут прислал к нему и Давид, говоря: «не ходи, брат, не ослушайся брата старейшего». Василько не послушал и Давида. «Видишь ли»,— сказал тогда Давид Святополку: — «Василько не хочет слушать тебя, старейшего брата, увидишь, что когда он придет домой, то станет отнимать у

* Так назывался в старые времена главный чиновник в суде.

тебя твои города, тогда вспомнишь слова мои, да будет поздно. Созови-ка лучше киевлян, схвати его и отдай мне». Святополк послушал Давида и послал сказать Васильку: «Если не хочешь дожидаться именин моих, то приди, по крайней мере, проститься и побеседовать со мною и с Давидом». Василько сел на коня и поехал в Киев, на дороге встретил его отрок и сказал ему: «Не ходи, князь, в Киев: хотят тебя схватить». Но Василько подумал: «Как же им хотеть схватить меня, когда они целовали мне крест, чтобы нам жить мирно? Да будет воля господня!» — перекрестился и поехал.

Когда Василько с малой дружиной въехал на княжеский двор, то Святополк встретил его и повел в горницу, где Давид сидел молча, будто немой. «Останься с нами на праздник» — сказал Святополк Васильку, но тот отвечал: «не могу остаться, брат, я уже приказал моему обозу отправиться вперед». — «Позавтракай же, по крайней мере, с нами», — сказал Святополк: — «посидите здесь немного с братом, а я пойду распоряжусь» и вышел вон. Оставшись с Давидом, Василько начал было заговаривать с ним, но Давид не отвечал ни слова (у него было на сердце злое дело) и, посидев немного, встал и вышел. Тогда вошли воины, заковали Василька в оковы, заперли в горницу и приставили к ней на ночь стражу. Поутру Святополк созвал на совет бояр своих и киевлян и, рассказав им все, что говорил ему Давид о Васильке, спросил их совета. «Тебе следует самому беречь свою голову», — ответили киевляне: — «если Давид сказал правду, то Василька следует казнить; если же нет, — то бог отомстит Давиду». Святополк хотел пустить Василька, но Давид сказал: «если пустишь, — то ни тебе не княжить, ни мне» и подговаривал на ослепление. В ту же ночь отвезли скованного Василька в Белгород, небольшой город, верстах в 10 от Киева, и засадили его в тесную горницу, куда, спустя немного, вошел торчин и стал точить нож. Василько догадался, что его хотят ослепить, и горько заплакал. За торчином еще вошли два конюха и бросились на Василька, стараясь повалить его, но не могли одолеть, потому что

он защищался изо всех сил. Тогда пришли еще люди, повалили князя, наложили на него доски, так что кости его захрустели, и ослепили. Князь лежал без чувств, как мертвый, его завернули в ковер, положили в телегу и повезли во Владимир. На дороге, в местечке Воздвиженье, провожатые князя остановились обедать; сняли с него окровавленную сорочку и отдали вымыть попадье. Попадья одела князя в чистую сорочку и, сидя возле, плакала над ним, как над мертвым. Но князь очнулся и спросил: «где я?» Ему отвечали: «в Воздвиженье»; тогда он попросил напиться: напился и пришел в себя; ощупал, что на нем была чистая сорочка, и сказал: «зачем меня переодели, пусть бы я в той кровавой сорочке умер и стал на суд перед богом». Отобедавши, провожатые князя повезли его далее по дурной и тряской дороге, по груде, потому что тогда была осень и грязь на дорогах взялась комьями. На шестой день привезли Василька во Владимир и засадили в темницу.

Когда Владимир, один из внуков Ярослава, прозванный Мономахом, услышал об этом злодейском деле, то горько заплакал и сказал: «такого зла не было еще в Русской земле, ни при дедах, ни при отцах наших», и послал другим князьям сказать: «Братья! Поправим скорее это дело. Если мы начнем друг с другом расправляться ножами, то погибнем все, а половцы придут и возьмут Русскую землю». Некоторые князья пристали к Владимиру, и он послал от себя и от них сказать Святополку: «Что ты это сделал? Зачем ослепил брата своего? Если он был виновен, то ты мог обличить его перед нами». Святополк начал извиняться, сваливая всю вину на Давида: «Давид», — говорил он, — «сказал мне, что Василько хочет убить меня, занять мои города и что он и Владимир поклялись друг другу выгнать меня из Киева. Я должен был поневоле защищать свою голову, да и не я его ослепил, а Давид, он же и увел его к себе». — «Это не извинение», — отвечали послы Владимировы: —«не в Давидове городе взят и ослеплен Василько, а в твоем» и, сказавши это, ушли. На другой день утром войска Владимира и его братьев

стали переправляться через Днепр, Святополк испугался и хотел уже бежать из Киева, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру знатных послов, говоря: «умоляем тебя, князь, и братьев твоих, не губите вы земли Русской: если вы будете воевать между собою, то половцы возрадуются и возьмут нашу землю. Отцы и деды ваши сражались за Русскую землю, а вы хотите погубить ее». Услышав это, Владимир заплакал: «по истине так», — сказал он: — «отцы и деды наши соблюли Русскую землю, а мы ее губим» и согласился на мир, но с тем условием, чтобы Святополк сам шел на Давида, так как Давид первый поднял весь этот раздор.

Услышав о близкой беде, Давид Игоревич ночью послал за одним монахом, Василием, которого Василько знал и любил. Этот-то Василий и описал страшное злодейство, которого был отчасти очевидцем, а мы с его слов рассказали вам. «Мне говорили», — сказал Давид Игоревич Василию, — «что Василько изъявил желание послать к Владимиру и уговорить его воротиться. Поди же ты к своему тезке и скажи ему, что если он это сделает, то я дам ему любой город», и перечислил при этом несколько городов, принадлежавших Васильку.

Монах пошел в темницу к Васильку и передал слова Давида. «Не обещал я посылать к Владимиру», — отвечал Василько, — «но, пожалуй, пошлю, чтобы из-за меня не проливалась кровь, удивляюсь только, как это Давид дает мне мои же города». Выслав слуг вон, сказал Василько монаху: «слышу я, что хочет Давид выдать меня ляхам; видно, не насытился он еще моей кровью, — хочется еще. Я же ляхам много сделал зла, хотел сделать еще больше и отомстить за Русскую землю. Не боюся я смерти; но вот что скажу тебе: справедливо наказал меня господь за мою гордость, потому что, когда пришла ко мне весть, что могут придти ко мне на помощь берендеи, печенеги и торки, то я подумал: скажу-ка я братьям своим Володарю и Давиду, — дайте только мне свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Сам же думал: пойду зимою на ляшскую землю, а к лету и возьму ее, а потом пойду на болгар дунайских, за-

хвачу их и посажу на мои земли; а потом пойду войною на половцев и либо сложу свою голову, либо добуду себе славы. На братьев же моих, клянусь богом, я не умышлял ничего злого; за гордость мою низложил меня господь и смирил».

Однакоже Давид не выпустил Василька из тюрьмы, а дал ему волю только тогда, когда брат Василька, Володарь, принудил его к тому силой.

Выпущенный на волю Василько, хотя и слепой, тотчас же принялся мстить Давиду и принудил его выдать ему тех людей, которые подучили Давида на злое дело. Василько повесил этих людей и велел расстрелять их стрелами. Много перебил он и невинных, мстя Давиду за свое ослепление.

Из этого рассказа об ослеплении Василька мы уже можем заключить, что Владимир, прозванный Мономахом, был очень умный, справедливый и добрый князь, любил народ и заботился о благе всей Русской земли. Вот почему по смерти Святополка (в 1113 г.) киевляне, собравшись на совет, объявили, что не хотят иметь другого князя, кроме Владимира, и послали звать его на престол великокняжеский.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ.

(1113—1125)

Один из внуков Ярослава, Владимир, прозванный Мономахом, много послужил Русской земле еще при отце своем Всеволоде Ярославиче, и потом в княжение своего брата Святополка. По всей Руси известен был Мономах своим миролюбием, верностью своему слову, любовью к народу, милосердием к бедным, справедливостью ко всем, гостеприимством, деятельностью, благочестием, великим умом и великим мужеством. Не раз отражал он набеги половцев, не раз бил их и в самых степях; более ста половецких ханов полонил и выпустил на волю: более двухсот перебил и потопил. Так, в 1103 году сошелся Владимир с великим князем Свято-

полком и стал думать с ним, как бы им напасть на половцев, которые во время раздоров детей и внуков Ярослава разорили много городов, построенных по окраинам степи, врывались и в самый Киев. Дружина Святополка стала говорить, что не годится весной отнимать земледельцев от пашни и отбирать у них лошадей. «Странно мне, — сказал на это Владимир, — что жалеете вы лошади, которой пашет пахарь, а того не подумаете, что начнет пахарь орать, а половчанин приедет, убьет и пахаря стрелой, возьмет и лошадь, а въехав в село, возьмет и жену пахаря, и детей его, и все его именье. Вам жаль лошади пахаря, а самого его, видно, не жаль!» На это ничего не могла отвечать дружина Святополкова; а Святополк встал и сказал: «Я готов идти с тобою».— «Великое добро сделаешь, брат, ты земле Русской», отвечал ему Владимир. И послали они приглашать других князей, из которых одни согласились идти с ним, а другие отказались.

Однакоже войска собралось довольно, и пошли русские вниз по Днепру, на конях и в лодках, и остановились пониже порогов, у острова Хортицы, который не раз был сборным местом наших степных походов. Отсюда пошли они вглубь степей, к самому Дону, куда заходил только один Святослав. На берегах Сала, речки, впадающей в Дон, русские сошлись с главными толпами половецкими. Половцев было так много, что нельзя было и обозреть, и полки половецкие, как боровы, двинулись на русских. Но русские дрались мужественно, так что ужас напал на половцев и разбежались они, куда попало. Русские же преследовали их по степи и убили до 20 ханов, а одного из них, Бельдюзя, взяли в плен и привели к Святополку. И начал Бельдюзь давать за себя и золота, и серебра, и коней, и скота много: но Святополк отослал его к Владимиру: «Ты ведь знал», — сказал хану Владимир, — «что вы клялись не воевать Русской земли, зачем же ты не уговаривал людей своих и племя свое не преступать клятвы, а еще и сам проливаешь кровь христианскую?» — и велел убить его.

Слух об этой победе разнесся не только по Руси, но и в чужих землях, и еще более возвеличил имя Владимира.

Вот почему, когда умер Святополк, киевляне никого не хотели иметь своим князем, кроме Владимира Мономаха, и в Киеве сделался даже бунт, так как Владимир медлил принять Киевский престол.

При Владимире Мономахе Русь успокоилась: междоусобия прекратились, потому что младшие князья повиновались Владимиру, как отцу, а кто пытался заводить междоусобия, того он наказывал, отнимая удел.

Владимир оставил детям своим длинное поучение, из которого можно видеть, как жил этот деятельный князь.

Всех больших походов моих, пишет Владимир, было 83, а меньших не упомню. Двадцать раз без одного заключал я мир с половцами еще при отце, а потом без отца; сто князей половецких выпустил из плена, а двух сот перебил и потопил. Много трудился я на охоте, по сту туров (зубров) уганивал в лето, вязал диких коней своими руками по десяти и двадцати. Два тура метали меня на рогах и с конем; олень бодал; один лось топтал ногами, а другой бодал; дикий кабан сорвал у меня меч; медведь прокусил попону у самого колена; лютый зверь вскочил на меня и опрокинул коня под мною,— но бог сохранил меня невредимым. Сколько раз падал я с коня! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги и не берег головы своей с юности. Что нужно бы делать отрокам моим, то я делал сам, на войне и на охоте, ночью и днем, в зной и холод, не давая себе покою. Не надеялся я ни на посадников, ни на бирючей, а сам делал все, что было надобно. Не давал я обидеть убогой вдовицы и бедного пахаря, сам заботился я о церковной службе. Но не думайте, дети, или тот, кто прочтет мое завещание, что я хвастаюсь: нет, я только хвалю бога и прославляю милость его, что он столько лет соблюдал меня, грешного, от всякой смертельной напасти и сотворил меня не ленивым на всякое дело, потребное человеку. Так и вы, дети мои, смерти

не бойтесь ни на войне, ни на охоте, но творите всякое дело, приличное мужчине, как вам бог даст. Если же суждено богом, то не погибнете вы ни на войне, ни от зверя, ни от воды, ни с коня упавши, а если смерть назначена от бога, то не спасут вас ни отец, ни мать, ни братья».

Кроме того, Владимир в поучение дает своим детям разные советы, из которых видно, как этот князь смотрел на обязанности князя и человека. «Нигде и никогда, — говорит он, — не забывайте господа и уповайте на него; покаяние, слезы и милостыня — не тяжкая заповедь божия, а ею вы избавитесь от грехов и царствия божия не лишитесь. Больше же всего не забывайте убогих, кормите их, сколько можете, и одарите сироту, а вдовицу оправдайте сами, не отдавая ее во власть сильного человека. Не убивайте ни правого, ни виновного и не повелевайте убить, если даже будет повинен смерти: не губите ни одной христианской души. Не клянитесь понапрасну, а давши клятву, соблюдайте ее строго. Уважайте духовенство: оно молится за нас, но более всего не имейте гордости ни в сердце, ни в уме. Все мы смертны, — сегодня живы, а завтра в гробе. Все, что есть у нас, не наше, а дано нам богом на малое время, а потому, не хороните ваших богатств в землю — это великий грех. Старика уважайте, как отца; молодого, как брата. Дома сами за всем смотрите, не полагаясь на других, чтобы тот, кто приходит к вам, не посмеялся над домом вашим и над обедом вашим. Выйдя на войну, не полагайтесь на воеводу, не думайте о сне, пище и питье, а сами расставляйте стражу и не ложитесь спать прежде, чем все устроите. Ложитесь тут же, с воинами и не снимая с себя оружия: от беспечности нередко гибнет человек. Проходя по селам, не позволяйте своим людям никого обижать, чтобы вас не проклинали. Кормите странника, чествуйте гостей, они разносят о нас добрую и худую славу. Больного посетите, мертвеца проводите и всякому встречному человеку скажите приветливое слово. Что знаете, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь: отец мой,

сидя дома, выучился пяти языкам. За знание славят нас в чужих землях, — ленивый же позабудет и то, что знает. Пусть не застает вас солнце в постели. Так делал отец мой: отслушав заутреню и встретив солнце хвалой господу, садился думать с дружиной, или давать суд людям, или ехал на охоту, а в полдень ложился отдыхать. Спанье уж от бога присуждено полудню, а в полдень спит и зверь, и птица и человек».

Мономах скончался в 1125 году, оставив по себе многочисленную и сильную семью, из которой вышли князья Владимирские, а потом князья и цари Московские.

НАШИ ДРЕМУЧИЕ ЛЕСА.

Все лес да лес: и вчера, и сегодня, и завтра, целую неделю лес без перерыва, надоел смертельно! И тоска невольно схватывает душу в этой лесной пустыне.

Я ехал верхом по грязной лесной дороге. Лошадь моя то едва вытаскивала ноги из грязи, то спотыкалась о корни деревьев, то останавливалась перед громадной сосной, которой вздумалось улечься поперек самой дороги. Ямщик мой ехал в телеге, но я давно уже отказался от этого удовольствия, потому что тряска измучила меня. Особенно, как застучат колеса по сгнившей бревенчатой мостовой, то думаешь, что душа с телом расстается. Такие мосты, вероятно, мостили из Киева в Новгород, когда Владимир собирался на непокорного Ярослава.

Но вот вглуби леса слышно журчанье ручья, и мы скоро выезжаем на утлый бревенчатый мостик, под которым светлая струйка воды шумит по каменистому *перебору*: так называют здесь маленькие порожки из больших булыжников, между которыми пробиваются лесные речки и ручьи.

Слава богу! Несносный лес, кажется, начинает редеть. Промежду толстых, прямых, как колонны, стволов сосен и лиственниц проглядывает небо, которое

давно уже я вижу только над собой. Тороплю лошадь и выезжаю на большую *луговину*, поросшую яркозеленой травой, но отчего это лошадь моя косится на эту бархатную траву? Увы! Этот зеленый луг — не больше, как бездонное болото, только сверху заросшее мохом и травой.

Дорога идет по высохшим кочкам и по наброшенному *фашиннику*, но я слышу, как она качается под ногами лошади. Вдали, посреди болота, видна открытая вода. Вот это наши русские *ледники* — источники наших бесчисленных рек и речек. Лес своими вершинами привлекает облака, а с ними и дожди, и защищает влажную землю от иссушающего влияния солнца и ветра. Вырубите лес, — и через несколько лет болото превратится в кочковатый луг, ручьи начнут мелеть, и многие потом и совсем иссякнут. В божьем мире все имеет свое назначение: без дремучих лесов, которые мне так теперь надоели, не было бы тех рек, по которым плавают бесчисленные барки.

Но вот лес опять поглотил меня и моего проводника, спокойно дремавшего в телеге, подпрыгивающей на поларшина. Какая глушь! Даже птиц не слыхать ни одной, только белка иногда перепрыгнет с ветки на ветку, да вдали что-то затрещит: видно, Мишка пробирается к себе домой, в берлогу. Дорога, видимо, подымается в гору, но от этого нисколько не становится суше, напротив, еще грязнее. Мы подымаемся на один из тех *увалов*, которые ползут, как ветки, от Уральского хребта, покрыты болотистыми лесами и поят бесчисленные реки и речки. Вот мы и на вершине увала. Мой проводник недаром говорит, что здесь дрались лешие. На пространстве нескольких верст вокруг лежат громадные деревья, вывороченные с корнем, перепутанные вершинами и сучьями. По здешнему, это называется *ломом*. Вероятно, эти ломы происходят оттого, что лес на увалах выдвигается своими вершинами из общего лесного уровня и представляет удобный упор для ветра. Сколько гигантских, мачтовых деревьев гниет здесь понапрасну! Но куда и как их вывезти? Много *подстойного*

лесу гибнет даром в наших северо-восточных лесных трущобах, тогда как в степи, за неимением дерева, топят соломой или *кизяком* и лепят мазанки из глины и тростника.

Благодаря огромному лому и вершине увала, передо мной открылся далекий горизонт, которого я давно уж не видел. И что за оригинальный вид! Все лес да лес кругом, куда ни посмотришь: то поднимается, то опускается по увалам до самого горизонта — целое зеленое море леса! А вон на *лысине* раскинулось по берегу речки и то село, куда я еду. Самое большое, с красивой, каменной церковью. Вокруг видно несколько выселков, или *починков*, как их здесь называют: иной починок и весь-то из трех-четырех вновь срубленных изб. Когда-то и это село было таким же починком, а со временем и эти починки превратятся в такие же села и разошлют от себя по лесу новые выселки и починки. Топор, коса и соха прилежно работают вокруг каждого поселения, может быть, лет через сто или побольше, население расползется и в этом месте. Разноцветные нивы разлягутся по увалам, зеленые луга — по берегам речек; между селами и поселками пробегут дороги и дорожки, а лес превратится в зеленые *острова*, боры и рощи. Словом, может быть, лет через сто, или больше, наши внуки увидят здесь то же, что видим мы теперь в середине России, где-нибудь на берегах Оки. Ведь и там прежде стояли такие же непроглядные леса, по которым бродили чудские племена, промышлявшие охотой. Пришел русский крестьянин и мало-помалу превратил дремучие леса в поля и луга, а лесную глушь в населенную, оживленную местность.

С увала дорога пошла по берегу порядочной речки и стало заметно посуше. Речки в лесах служат вместо осушающих каналов, и потому возле них всегда можно отыскать сухое местечко. Однакоже, пора на ночлег: и лошадь пристала, и мне сильно захотелось отдохнуть.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ.

(1169—1174)

Самое древнее поселение славян в России было, вероятно, на плодоносной приднепровской равнине. Но наши предки любили жить широко и, размножаясь, стали расселяться на север и на восток. На север расселились они по берегам Западной Двины, Ловати, Ильменя и Волхова, где, хотя климат был суровее и почва не так плодоносна, но зато многочисленные озера и реки представляли большие удобства для судоходства и торговли.

На восток распространились славяне вверх по Десне, притоку Днепра, и вниз по Оке, притоку Волги. Уже Святослав нашел на Оке славянское племя вятичей и обложил его данью. С Оки и с берегов Ильменя, из Новгородской области, славянские поселения распространились по верхнему течению Волги.

Но чем далее от Днепра к северо-востоку, тем население было скуднее, города и села реже, леса гуще, а болота непроходимее. По лесам бродили чудские племена, занимаясь звероловством: иные же построили кое-какие города и вели с новгородцами торговлю. Скоро, однако, славяне повсюду вытеснили Чудь, которая или уходила дальше или, оставаясь возле русских, русела: принимала русский язык и русские обычаи. Однакоже эта северо-восточная область, названная Суздальской по главному своему городу Суздалю, считалась самым бедным уделом, а потому и досталась младшему сыну Владимира Мономаха, Юрию.

Юрий был князь деятельный: строил в своей области города, прокладывал по лесам дороги, обращал язычников в христианство и переселял в свою область жителей из южной России или добровольно, или пленных. Однакоже Юрий, которого прозвали *Долгоруким* за то, что он из Суздаля добивался и добился, наконец, Киева, переехал туда, как только сделался великим князем, оставив Суздальскую область своему сыну Андрею.

Андрей, по смерти отца, принял титул великого кня-

зя, остался жить в Суздальской области и сумел оттуда владеть Киевом и смирить Великий Новгород. Взяв Киев приступом, Андрей, первый из русских князей, отдал его на разграбление войску и поручил там управлять своему брату.

Андрей был самовластного характера, он не раздавал уделов ни братьям своим, ни племянникам, — везде управлял сам и не позволял вмешиваться ни боярам, ни городским вечам в свои дела. Вот почему не взлюбил Андрей и старых городов, где старинные бояре и городские веча привыкли вмешиваться в дела управления. Андрей не захотел жить не только в Киеве, но даже в Суздале и Ростове, а переехал в новый город —Владимир. Здесь, проживая по большей части около Владимира в монастыре Боголюбове, заботился он об усилении и украшении Владимира и хотел его сделать таким же городом, как Киев, построил в нем Золотые ворота и храм Богоматери, наподобие киевских, и не жалел денег на украшение церквей. Духовенство его очень любило; но не любили Андрея Боголюбского старинные бояре и рады были от него избавиться, потому что князь был строг с ними.

Один из братьев жены князя, Яким Кучкович, узнав, что Андрей велел за какое-то преступление схватить его брата и казнить, стал говорить своим родственникам и друзьям: «сегодня князь казнит одного, завтра дойдет очередь и до нас, следует нам подумать, как бы от него отделаться». Составился заговор из 20 человек, которые все были близки к князю и осыпаны его милостями. В день празднования памяти апостолов Петра и Павла заговорщики ночью пришли в село Боголюбово, где жил тогда великий князь, вломились в монастырский двор, перебили стражу и подошли к великокняжеской спальне, дверь которой была заперта. Когда убийцы стали выламывать дверь, князь вскочил и стал искать меча своего, но меча не было. Ключник великого князя, бывший в заговоре, унес меч, а был то меч замечательный: принадлежал он прежде святому мученику Борису. Убийцы толпой ворвались в спальню, но князь

был силен, защищался, и началась страшная свалка, так что заговорщики убили одного из своих. Потом, однако, узнав князя, стали рубить его мечами и саблями и, думая, что он уже мертв, подобрали убитого товарища и ушли. Но князь был еще жив. Он поднялся, начал стонать и, истекая кровью, стал спускаться с лестницы. Убийцы услышали стоны князя, воротились назад, зажгли свечу, по кровавым следам отыскали Андрея под лестницей, за столбом, и здесь докончили его. Так погиб этот умный и мужественный князь.

Можно думать, что если бы Андрей пожил подольше, то удельная система, приносившая столько вреда России, еще при нем была бы подкопана. Но по смерти Андрея немедленно же начались междоусобия между братьями и его племянниками. За племянников стояли старинные города: Ростов и Суздаль, желавшие отнять первенство у молодого города, Владимира, который из пригорода сделался стольным городом. «Владимирцы наши холопы и каменщики, — говорили ростовцы: — и мы опять дадим им посадника». Но владимирцы отстояли свое первенство и права братьев Андрея. Один из этих братьев, Всеволод III, одолел всех соперников и сделался самым могучим князем в северо-восточной Руси. Однакоже власть над Киевом была уже навсегда утрачена, и с тех пор южная, или малая Россия стала отделяться от восточной.

Всеволод III, по отцу Юрьевич, по деду Мономахович, получил прозвание «*Большого гнезда*», потому что имел многочисленное семейство, и из этой-то семьи вышли великие князья, а потом и цари московские.

НАШИ СТЕПИ.

Отличительный признак степи — отсутствие деревьев: едешь десятки, сотни верст, и взор, скользя по степи до самого горизонта, не встречает нигде не только синей, зубчатой полосы леса, но даже купы деревьев, даже какой-нибудь уединенной вербы или березы. Скучна покажется степь для человека, привыкшего жить в

Малороссии, где возле каждого бело-набело вымазанного домика есть и старая липа и десятка два плодовых деревьев, где городки и села точно купаются в зелени. Скучна покажется она и для жителя Великой России, где поля беспрестанно сменяются рощами, луга перелесками, а на горизонте непременно тянется синий лес. Только в степи начинаешь понимать, как украшает ветвистое дерево всякий ландшафт.

Степная деревня не выглядывает на нас из-за леса или рощи, но как-то бесприютно разлеглась она на степи и окружена со всех сторон той же степью. Вы следите далеко за извивами степной реки и нигде не видите на берегу ее высоких, наклонившихся в воду деревьев. Степное озеро открыто со всех сторон: как будто на ладони лежит оно перед вами, а по берегам торчат кусты высокой степной полыни и шуршат камыши. Посреди озера гуляет целое стадо уток, но охотнику трудно подкрасться к ним.

Однакоже и степь степи рознь. Иная степь вся покрыта роскошной, высокой травой, в которой дребезжит целый мир насекомых, над степью то и дело вспархивают перепелки, трепещутся звонкие жаворонки, а высоко, в синем воздухе, носятся плавно зоркие орлы и коршуны. Миллионы цветов рассыпаны по такой степи, редко поодиночке, а больше коврами — синими, красными, желтыми или серебристыми, если где развелась ковыль. Таковы многие из наших тучных, черноземных Новороссийских степей. Холмистой равниной тянутся они к югу от берегов Десны и Сулы и доходят до побережий Черного и Азовского морей, пропитанных солью, песчаных и бесплодных. Таковы наши Воронежские степи и степи по обоим берегам Дона, где раскиданы станицы донских казаков.

Но за Доном до Волги, начиная с того места, где обе эти реки так близко подошли одна к другой, что их связала железная дорога в 60 верст, и до берегов Черного и Азовского морей и предгорий Кавказа, вид степи сильно изменяется: она здесь песчаней, пустынней, бесплодней. Здесь часто можно заехать в такую глушь,

что куда ни взглянешь, повсюду песок да песок — поднимается и опускается холмами, будто волны песчаного моря. Если ветер разгуляется по такой степи, — а ему есть где разгуляться, — то эти волны песку переносятся с места на место, и плохо приходится путнику в такое время. Иногда вместо мелкого песку степь покрыта крупным каменистым *хрящем*, который режет ноги лошадей и верблюдов. Есть в этой местности и травянистые места, особенно там, где весной разливаются реки и речки; но, к несчастью, для кочующих здесь калмыков, таких рек и речек не очень много.

Такова же степь и за Волгой до Урала; но здесь она пропитана солью, и часто попадаются блестящие на солнце *солончаки* и соленые озера. Самое замечательное из этих озер — *Ельтонское*. Поселений мало по этим степям, а больше кочуют киргизы и калмыки.

Северней, ближе к *Общему Сырту*, там, где эти отроги уральских гор входят в степи, характер степей изменяется. Здесь гораздо больше травы, хотя не высокой, но хорошо питающей многочисленные башкирские стада. Вы взбираетесь с горы на гору и видите повсюду ту же безграничную, безлесную степь. Она вечно одна и та же, подымается на вершины и опускается вниз: как будто какая-нибудь подземная сила взволновала эту зеленую скатерть, не разорвав ее нигде.

Чем дальше вверх по Волге, тем больше встречается сел и обработанных полей. У Симбирска степь уже превращается в луга и тучные поля, покрытые пшеницей.

Вся юго-западная часть Сибири, от Урала до Алтая, и вся средняя Азия, от Алтайских гор на севере до Гималайских — на юге, за которыми лежит богатая Индия, от Каспийского моря на западе до Китайской стены на востоке — одна степь, кое-где перерезанная высокими горными хребтами: есть где разгуляться кочевым пастушеским народам! По горным склонам, оживленным ручьями и реками, теряющимися потом в песках, есть и города и плодородные местности, но чем дальше от гор, в степную глушь, тем реже попадаются покрытые травой острова, оазисы, и тем большие переходы долж-

на делать кочевая орда, когда, вытравив одну зеленую степь, ищет другой для своих многочисленных стад. Стада же составляют все для кочевого человека, — и когда киргиза уговаривают распахать землю и посеять хлеб, то он с гордостью отвечает: «Траву бог создал для скота, а скот создан для человека».

ПОХОД ИГОРЯ, КНЯЗЯ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО.

(1185)

В 1184 и 1185 годах половцы нападали на Русь, но были жестоко разбиваемы киевским князем Святославом. В этих славных битвах не принимал участия молодой новгородский князь Игорь Святославич, — не потому не принимал, чтобы он отрекался идти на *поганых* (так зовут летописцы половцев): «не дай бог отрекаться», — говорил Игорь: — «поганые нам общий враг», — но единственно потому, что не мог же он перелететь птицей из Новгород-Северска на место битвы. Поехал было даже князь, несмотря на убеждения старейших из дружины, что ехать далеко и к битве он не поспеет, но помешали ему сильные степные туманы, и он на дороге узнал, что половцы уже ушли в степь.

Победы Святослава не давали покою удалому Игорю и его братьям, северским князьям.

«Разве мы также не князья?» — сказал Игорь: — «пойдем и мы, добудем себе чести и славы» и стал готовиться к походу: велел своему юному сыну, Владимиру, вести к нему дружину из Путивля, велел племяннику своему спешить из Рыльска; выпросил себе в помощь отряд черниговских воинов, оповестил и своего младшего брата Всеволода, князя трубчевского, прозванного *буйным туром*, за свою неукротимость в битвах, не дал только Игорь знать в Киев старому Святославу, великому князю киевскому; боялся Игорь, что Святослав станет удерживать его от похода или захочет сам принять в нем участие.

Недолго ждал Игорь ответа от своего милого брата, Всеволода-Трубчевского.

«Один ты у меня брат, один свет, свет Игорь; оба мы с тобой Святославичи!», — извещает Игоря Буй-Тур-Всеволод: — седлай, брат, своих борзых коней, а мои уже готовы, оседланы стоят у Курска. Куряне, мои молодцы, тебе известны. Их сповивали под звуки труб. под шлемами они выросли, концом копья вскормлены. Им ведомы все степные дороги, знакомы все степные овраги; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли отточены: сами же они, как серые волки, рыщут по полю, ищут себе чести, а князю славы».

Кони ржут за Сулой, трубят в Новгороде-Северске, подняты стяги в Путивле: Игорь вступил в свое золотое стремя, съехал с гор новгородсеверских и выехал с дружиной в чистое поле. Медленно подвигается он вперед, собирая по дороге дружину, поджидая князей. Вот он уже и на берегах малого Донца, по пути к великому Дону. Но что это делается на небе? Солнцу еще далеко до заката, а ночная тьма легла внезапно на поля и рощи; птицы в страхе кричат и мечутся в воздухе, волы ревут в стадах, кони ржут и подымаются на дыбы; изумленный Игорь смотрит на небо — и видит, что солнце закрылось каким-то черным щитом.

— Что это значит, братцы? — спрашивает князь у своей дружины.

— Не добрый знак, князь, — говорят старейшие из дружины, печально опуская головы, — не добро сулит нам это небесное знамение.

На минуту призадумался Игорь, но ему так сильно хотелось попытать счастья на берегах великого Дона, что он не испугался даже и страшного небесного знамения, и когда солнце опять засияло на небе, сказал дружине:

— «Чему быть, тому не миновать! Бог — господин всем нам и этому знамению; посмотрим, что пошлет оно нам, добро или зло. Сядемте же, братцы, на своих добрых коней и пойдем посмотреть синего Дону. Хочу сломить копье мое о край половецкой земли. Хочу либо сложить мою голову, либо шлемом моим зачерпнуть воды из широкого Дона».

Двинулись русские далее. Дни стояли пасмурные: ночью ревели бури, так что птицы от страха вылетали из гнезд, а зловещий филин наводил тоску своим криком. Но Игорь, соединившись с своим братом Всеволодом, идет все дальше и дальше. Вот уже Игорева дружина за границей Русской земли, за высоким Половецким валом: за ним стелется безграничная пустынная, враждебная степь — степь половецкая. Голоса соловьев замолкли в русских рощах, только что одетых весенней зеленью, а степные орлы уже носятся над Игоревой дружиной и клектом своим будто сзывают диких зверей на кровавый пир; крикливые галки застилают небо черными стаями и следят за русскими, чуя кровавую добычу; волки воют в степных оврагах, а степные лисицы, показываясь вдали, лают на красные щиты Игоревой дружины; но она, сомкнувшись стройными рядами, уходит все дальше и дальше в безбрежную степь, ища себе чести, князю славы.

Послали удальцев вперед, в степь разведать, что делают половцы. Разведчики, воротясь, сказали князьям: «половцы всполошились, их много и они готовятся к битве: или идите скорей, или воротитесь назад, — теперь не наше время».

— «Нет» — отвечал Игорь и другие князья: «ворочаться поздно: стыд хуже смерти. Пойдем дальше, что бог даст, то и будет».

Ехали не быстро: кони у русских были слишком тучные; ехали весь день и всю ночь, и только на другой день к обеду встретили полки половецкие. Битва продолжалась не долго: первого молодецкого натиска не выдержали поганые и кинулись бежать к своим вежам (кочевьям). Русские пошли в погоню за половцами. Всполошилась вся половецкая степь: поспешно собирают половцы свои кибитки, укладываются на-скоро, как попало, гонят скот и, не разбирая дороги, напрямик бегут к великому Дону. Повсюду распространилась тревога, и в полночь половецкие телеги скрипят по степи, словно распуганное стадо лебедей. Бегут половцы, а русская дружина в погоню за ними, — рассыпалась

стрелами по полю: ловит пленных, берет награбленное золото, парчи, дорогие ткани; столько набрали добычи, что половецкими войлоками и шубами гатили болота, устилали топи.

Только ночь остановила преследование. Русские расположились отдыхать на том самом месте, где еще недавно стояли половецкие кибитки. Три дня пировали русские, пировали и хвалились: «братья наши с князем Святославом били половцев, озираясь на Переяславль, не смея идти в землю половецкую, мы же сами зашли сюда, в самую середину половецкой земли, поганых перебили, жен и детей их переловили, а теперь пойдем за Дон, дойдем до самого моря, куда не ходили ни отцы, ни деды наши; перебьем поганых до одного и до конца возьмем себе всю славу и честь».

Так-то отдыхали посреди половецких степей внуки храброго Олега Черниговского, птенцы одного родимого гнезда. Далеко-далеко залетело ты, храброе гнездо Олегово! Но... не на обиду порождено оно ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин.

Хан половецкий, Гзак, рыщет по степи серым волком, сбирая отовсюду своих распуганных половцев; хан половецкий, Кончак, правит ему путь к великому Дону.

На третий день встает кровавая заря, подымаются с моря черные тучи, трепещут в них синие молнии: быть грому великому; идти дождю стрелами над Доном великим; много переломится копий, много иступится сабель о половецкие шлемы — на реке на Каяле, у великого Дона.

Земля стонет, реки мутятся, пыль столбом стоит на степи: половцы идут от Дона и от моря, оглашают степь пронзительным криком; как черные тучи, облегли они русских со всех сторон; со всех сторон стоят, как стены, половецкие полки.

— «Что же, братцы! мы сами этого искали, сами подняли на себя всю половецкую землю» — сказал Игорь, вынимая из ножен свой широкий меч: «если побежим,

то простых людей оставим и будет на нас тяжелый грех; умрем ли, будем ли живы, — но вместе».

И началась кровавая сеча.

Буй-Тур Всеволод со своими курянами впереди всех; он прыщет на половцев стрелами, гремит об их шлемы стальными мечами; куда только Буй-Тур ни кинется, своим золотым шлемом посвечивая, там валятся половецкие головы, разлетаются в щепы крепкие аварские шлемы. Чего побоится Буй-Тур, когда он все забыл для славы: и родимый город — Чернигов, и золотой престол своего отца, и свою милую жену, красавицу Глебовну?

Тяжело в руку ранен Игорь, но держится он еще на коне и ободряет воинов.

С утра до вечера и с вечера до утра летят каленые стрелы, гремят сабли о шлемы, трещат стальные копья посреди необозримой глухой степи половецкой. Почернела зеленая степь под копытами лошадей, усеяна она трупами, полита кровью... тяжелая печаль взойдет на ней для всей русской земли!

Русские изнемогают от усталости и жажды: половцы не пускают их зачерпнуть воды из реки Каялы. Пробились русские к воде; но дорого им это стало: половцы прижали их со всех сторон к самому берегу. Много уже пало добрых витязей; но бьются еще русские, жив еще Игорь, буйным туром носится еще Всеволод.

Бились день, бились другой — на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Игорь в плену, Игоря везут поганые половцы, пересаживают из княжеского седла в поганое седло половецкое. Но князь забыл все и смотрит только на любимого брата Всеволода. Всеволод еще бьется; но уже окружили его половцы со всех сторон: и стал Игорь просить у бога смерти, чтобы только не видать гибели брата. Но Всеволода также схватили половцы и потащили в степь; схватили и молодого сына Игорева. Разлучились братья надолго на берегу быстрой Каялы. Дружина же вся полегла головами: не осталось даже кому принести печальную весть на родину.

Так-то кончился этот пир! Недостало у вас кровавого вина, храбрые русские воины: сватов напоили вы до сыта и сами легли головами за русскую землю. Степная трава никнет от жалости, и тяжелая скорбь нагнетает дерево к земле.

Влекут Игоря в плен, а он горько вспоминает, что по делом наказал его господь: вспоминает, как, взявши на щит Переяславль, не пощадил он жителей и пролил кровь христианскую.

Не случилось бы такой беды, если бы князья, позабыв ссоры, не завидуя один другому, пошли на половцев дружно; — если бы Игорь дал знать о своем походе Святославу Киевскому, а не ушел в степь тайком от него. Сгубила Игоря и его дружину молодецкая удаль. Святослав Киевский уже собирал в это время войска на половцев и, проходя мимо Новгородсеверска, только тут узнал, что Игорь с братьями и дружиной уже ушли в степь. Разгневался седой Святослав на Игоря; но когда услыхал в Чернигове о печальной Игоревой участи, то горько заплакал и, мешая со слезами золотые слова, сказал: «Как прежде сердит был я на Игоря, так теперь жаль мне его стало. Любезные мои братья и дети, князья и дружина, не сдержали вы своей молодости, своей молодецкой удали; не дали вы мне притомить поганых; широко вы им раскрыли ворота в русскую землю».

Быстро разнеслась печальная весть: в Киеве — стон, в Чернигове — скорбь; лютая тоска разлилась по всей Русской земле. А половцы не дремлют: Кончак уже грабит под Переяславлем, а Гзак под Путивлем, уводя в полон русских жен и дочерей, отгоняя в степь богатые стада, зажигая пожары повсюду; князья же наши и тут еще ссорятся и считаются между собой. Услыхав однажды, что Святослав со своей дружиной уже плывет на лодках по Днепру, половцы отхлынули в степь, как морские волны, унося с собой много всякого добра и оставляя по себе развалины, трупы, плач и стон.

Но кто же вступится за Игоря? кто отомстит половцам за его раны? кто вырвет его из постыдного половец-

кого плена? Что̀ бы вступиться за русскую землю хотя великому князю Владимирскому, Всеволоду? Но далеко он на севере мутит синюю Волгу своими лодками. Что̀ бы вступиться хотя смелым Рязанским князьям? Разве их золотые шлемы не забрызганы вражеской кровью? Что́ бы вступиться за Русь хотя Ярославу Галицкому? Не он ли славится повсюду своим великим умом? Не он ли сидит высоко на златокованном престоле, подпер горы Карпатские своими железными полками, заступил путь венгерскому королю, затворил ворота к Дунаю и далеко-далеко по всем землям рассылает свои стрелы, нагоняя страх на врагов? Что̀ бы ему послать одну стрелу к Кончаку, поганому Кащею, за землю Русскую, за раны Игоря, удалого Святославича? Но все, все забыли Игоря и делят уже города и села!

Не забыла удалого Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходит она на городскую стену в Путивле; все смотрит в далекое поле, не едет ли ее милый, смотрит, горько плачет и воркует, как горлица:

«Полечу я голубкой по степи, омочу мой бобровый рукав в Каяле-реке, утру князю его кровавые раны».

Рано, рано по утрам плачет Ярославна на путивльской стене, плачет и приговаривает:

«О ветер, ветрило, зачем, господин мой, ты так сильно веешь, зачем завеваешь твоими легкими крыльями ханские стрелы на дружину моего милого? Разве мало тебе веять в горах под облаками, лелеять паруса кораблей на синем море? Зачем же ты, ветер, разносишь мою радость вместе с ковылем по степи?»

Плачет рано Ярославна по утрам на путивльской стене, плачет, приговаривает:

«О, Днепр, Днепр, река славная, ты пробил каменные горы, ворвался в землю половецкую, ты не раз носил на себе княжеские лодки к полкам половецким; принеси же ко мне, лелеючи, моего милого».

Плачет Ярославна на городской стене в Путивле, плачет, приговаривает:

«О, светлое, пресветлое солнышко, для всех-то ты тепло и красно: зачем же ты, солнышко, мечешь свои жгучие лучи на дружину моего милого? В безводной степи и так иссохли их луки, рассыпались колчаны».

Тяжело Игорю в половецком плену,— тяжело, хотя и самые половцы, устыдясь его удальства, держат его в чести: приставили к нему крепкую стражу, но позволяют тешиться княжеской забавой, соколиной охотой. В чести держат половцы и сына Игорева, молодого князя Владимира; сильно он приглянулся степной красавице, дочери хана половецкого, Кончака; полюбил его за удальство и сам старый хан.

Но не тешит Игоря соколиная охота: скучно орлу и в золотой клетке, гложет Игоря тоска о святой Руси, смотрит он угрюмо в пустую, безграничную степь, где осенний ветер катит серебристые, легкие клубы ковыля, думает князь крепкую думу, забывает он соколиную охоту, хочется ему на святую Русь.

Не сжалилися люди — сжалился бог над Игорем. Нашелся между половцами один добрый человек; предлагает он князю бежать с ним в русскую землю. Мать у Авлуря была русская и ему давно хотелось убежать к русским, бросить поганое племя и поганую веру. Задумался князь на слова половчанина: стыдно показалось Игорю бежать тайком от поганых половцев. Но верный конюший, бывший с князем в плену, говорит ему:

— «Беги, князь, если бог кажет тебе путь в русскую землю; высокие мысли твои богу не угодны; слышно, что половцы хотят перебить всех вас, русских князей, и истребить всю землю русскую: не будет тебе тогда ни славы, ни жизни».

И вот Игорь решился бежать, а Авлурь взялся приготовить ему коня за рекой. Стало темнеть; половцы перепились кумыса и заснули по своим кибиткам. Притворяется спящим и князь Игорь; но он не спит, а мысленно меряет поле от великого Дона до малого Донца.

Раздался свист за рекой: Авлурь дает знать князю, что быстрый конь уже ждет его.

Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился спасову образу и кресту честному; горячо помолился он, хотя и коротка была его молитва: «господи сердцеведче! спаси меня, недостойного!»—сказал Игорь и надел на себя крест и икону, родительское благословение; поднял тихо полу кибитки, вышел: горностаем проскользнул в тростнике, белым гоголем проплыл по воде— и кинулся на борзого коня. Соколом летит князь по степи, прикрываемый ночной тьмой; серым волком спешит за ним Авлурь, отрясая с себя холодную ночную росу, загоняя на смерть легкого коня; спешат они оба к берегам Донца.

Проснулись поутру половцы, а князя уже и след простыл. Застрекотали поганые, как сороки, кинулись Гзак и Кончак в погоню; но не могли найти, не могли догнать удалого князя. Беглецы ехали быстро, пока несли их добрые кони; но когда кони пали — пошли пешком: ночью — прямо по степи, а днем — в глубоких степных оврагах. Часто приходилось им ползти ползком в траве или красться по дну глубокого оврага, угадывая путь только по птичьему крику, слушая, как раздавались над ними вверху песни свободных пташек.

Воротились ханы домой с неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзак говорит Кончаку:

«Если сокол улетает из гнезда, то соколенка должно расстрелять стрелами».

Но старому Кончаку стало жаль молодого Игорева сына, и сказал он злому Гзаку:

— Если сокол улетел из гнезда, то мы опутаем соколенка красной девицей.

— «Если опутаем соколенка красной девицей», отвечал Гзак, «то не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы; а начнут нас самих клевать хищные птицы посреди наших же степей половецких».

На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проехал в Новгородсеверск. Тяжело голове быть без тела; тяжело телу быть без головы: тяжело было Новгородсеверску без князя Игоря. Но не долго праздновал Игорь с милой женой и друзьями,

вспомнил он свою молитву и поехал в Киев, к святой богородице Пирогощей: молился усердно, а потом просил своих братьев, князей, помочь ему отомстить поганым половцам.

Сын Игоря женился на красавице, дочери старого хана Кончака, и через несколько времени воротился на родину, вместе с дядей своим, Буй-Тур-Всеволодом.

БИТВА С ТАТАРАМИ НА РЕКЕ КАЛКЕ.

(1224)

Разнесся слух в русской земле, что пришел из Азии какой-то неведомый народ и сильно бьет половцев. Одни говорили, что это татары, другие называли их таурменами, третьи печенегами; но никто не знал наверное, что это за люди, откуда вышли, какого они племени, что у них за язык, что за вера. Слышно было только, что они покорили уже много народов и много стран. Скоро прибежали половцы к границам русским, Днепру и валу Половецкому, прибежали уже не грабить, но с просьбой о помощи. Князья их с ужасом говорили о новых пришельцах; рассказывали, как татары убили их старшего хана, сына Кончакова, Юрия; перебили множество половцев, загнав их на берег Азовского моря; покорили уже семь сильных народов. Хан половецкий Котян, тесть галицкого князя Мстислава Удалого, щедро дарил русских князей, прося у них подмоги против татар: «помогите нам», говорил он русским князьям: «если же не поможете, то сегодня они побили нас, а завтра побьют вас».

Русские князья съехались на совещание в Киев. Тут были три старейшие князя, три Мстислава: Мстислав галицкий, прозванный Удалым за свое мужество в битвах, Мстислав киевский, князь добрый, но слабый, Мстислав черниговский. Много здесь было и молодых князей, Даниил Романович волынский, 18-летний князь, сильный, смелый и прекрасный собой, у которого, по словам летописца, от головы до ног не было порока; Всеволод, сын киевского князя; Михаил, племянник

князя черниговского, и много других князей. Мстислав галицкий сильно настаивал на том, чтобы помочь половцам: «если не поможем им», говорил он: «то они пристанут к татарам и тогда нам будет еще трудней бороться с ними». Долго совещались князья и, наконец, порешили на том, что лучше им встретить татар в половецкой земле, чем в своей; оповестили других князей, оповестили великого князя владимирского; назначили всем войскам сойтись на Днепре, у Варяжского острова, и выступили из Киева. Тут пришли к ним десять послов татарских и сказали: «слышали мы, что вы, послушав поганых половцев, наших холопей и конюхов, идете на нас; но мы земли вашей не трогали, ни сел, ни городов ваших не занимали. Половцы делали вам много вреда: бейте же их оттуда, как мы бьем отсюда, и добро их берите себе». Но русские князья велели перебить татарских послов, думая, что татары обманывают их, как обманули прежде половцев, которых они сначала пригласили в союзники, а потом стали бить.

Русские князья стояли уже на Днепре, у Олешья, когда явились новые татарские послы. «Вы послушали половцев», сказали они, «послов наших перебили и идете против нас: идите же, но помните, что мы вас не трогали — и пусть бог нас рассудит». Этих послов князья отпустили.

Скоро на правом берегу Днепра, у Варяжского острова, собралось много бодрого русского войска: черниговцы, киевляне, смольняне, волынцы, куряне, трубчане, путивльцы, — все пришли со своими князьями. Галицкое войско, спустившись на лодках по Днестру в Черное море, вошло потом в Днепр и прибыло на сборное место. На Днепре, у устья речки Хортицы собралось такое множество лодок, что по ним можно было перейти с одного берега на другой, не замочив ног. Скоро наши сторожевые известили, что вдали показались татары и желают, вероятно, осмотреть русское войско. Даниил волынский, а с ним и другие молодые князья кинулись на лошадей и поскакали вперед, любопытствуя посмотреть, что такое за народ татары. Татар-

ские наездники, пустив несколько стрел, скрылись в степи, а русские молодые князья, воротившись назад, толковали о том, что видели. Одни говорили, что это народ пустой, еще хуже половцев; другие замечали, что татары хорошо стреляют. «Это добрые воины», сказал опытный галицкий воевода Юрий.

«Нечего же здесь стоять» —говорили молодые князья старым: «пойдем на них». Старшие согласились, и все русское войско двинулось в половецкие степи. Скоро встретили русские татарских стрелков: ударили, прогнали и захватили много скота.

На девятый день пришли русские к берегам реки Калки, за которой стояли уже татары. Мстислав Удалой приказал половцам, Даниилу волынскому и другим войскам перейти за реку, а сам пошел за ними. Осмотрев же татарский стан, немедленно начал битву, не уведомив о своем решении двух других Мстиславов, с которыми была у него ссора.

Даниил волынский, сильный, смелый и пылкий, ворвался со своей дружиной в ряды татар и сгоряча не заметил даже, что тяжело ранен в грудь; Олег курский со своими курянами не отставал от Даниила; Мстислав Удалой готовился также кинуться в битву. Но вдруг половцы, после первой же стычки с татарами, обратили тыл и в беспорядке, с криком бросились бежать от татар, топча и смешивая русские войска, ворвались даже в русский стан и все привели в беспорядок. Изменники половцы дали победу татарам: Даниил, видя, что татары одолевают, оборотил коня, прискакал к реке, стал пить и тут только почувствовал, что ранен в грудь. Все побежало.

Мстислав киевский, стоя с дружиной на каменной горе, над рекой Калкой, видел бегство русских и не тронулся с места. Он велел обгородить стан свой тыном из кольев и приготовился защищаться. Татары разделились: одна часть их облегла стан Мстислава, а другая помчалась в погоню за убежавшими к Днепру русскими дружинами. Убийство было страшное: едва десятый человек из русского войска спасся; Мстислав

черниговский с сыном были убиты; семьдесят славных богатырей погибли, а наши друзья, половцы, добивали раненых и сдирали с убитых одежду. Мстислав Удалой, достигнув Днепра с небольшой дружиной, кинулся в лодки, переехал на другую сторону и велел лодки сжечь, чтобы татары не могли за ним гнаться.

Три дня отбивался Мстислав киевский от татар, и татары не могли взять укрепленного стана; наконец, татары прибегли к хитрости и предложили Мстиславу отпустить его с дружиной домой, если он даст выкуп за себя и за дружину. Но едва только русские вышли из укрепления, как татары бросились на них, всех перебили, а трех князей, изловив, положили под доски и уселись на досках обедать.

Татары дошли до самого Днепра, убивая всех, кто попадался им навстречу, зажигая села и города. Они могли бы зайти далеко: защищать пределов было некому; но неожиданно повернули назад и скрылись в свои степи так же быстро, как пришли. Племянник Юрия, великого князя владимирского, Василько, вел северные дружины на помощь южным князьям, но, услыхав в Чернигове о Калкской битве, поворотил назад.

Русские не знали, откуда налетела на них эта грозная туча и куда она скрылась; но через тринадцать лет, татары снова появились в России, уже в большей силе.

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ.

(1237—1241)

После битвы на реке Калке не было в Руси слуху о татарах. Но через 13 лет они снова появились из средне-азиатских степей, на этот раз уже в числе 300 000. Хан Октай, наследник Чингис-Хана, основателя татарского могущества, царствовавший в глуби азиатских степей, послал своего племянника Батыя покорить земли по Волге и за Волгой. Одно уже появление татар повсюду наводило ужас: лица у них были зверские, скулы широкие, глаза узкие, носы приплюснутые. Татары были вооружены копьями, мечами, луками, стрелами, топо-

рами и веревками. С ними ехало множество телег, нагруженных всякими запасами, лестницами, стенобитными машинами и войлочными кибитками. Маленькие речки татары переходили вброд, большие переплывали на кожаных мешках, привязанных к лошадиным хвостам. Впереди шли легкие отряды и, убивая каждого встречного, зажигая села и деревни, старались навести ужас на жителей, которые обыкновенно уходили в леса. Сзади двигалась главная сила, не давая ничему пощады. Встречаясь с неприятелем, татары пускали тучи стрел, — а стреляли они метко, и потом уже, перебив сколько можно больше людей, вступали в рукопашный бой. Укрепленные города окружали со всех сторон; строили тын, чтобы скрываться за ним от неприятельских стрел, и понемногу подвигали его к городу; отводили реку от города или затопляли ею город, как было им удобнее, а городские стены разбивали тяжелыми бревнами, висящими на цепях; один отряд сменял другой, не давая осажденным покою. Обыкновенно сначала татары предлагали жителям осажденного города сдаться добровольно; но если те соглашались, то годных для работы брали в плен, а остальных убивали. Взявши же город приступом, они не щадили никого: ни женщин, ни стариков, ни грудных детей, предавая все мечу и огню. Покоряя какой-нибудь народ, татары брали себе десятую часть людей и имущества, а остальных переписывали и облагали данью.

На Волге татары встретили богатое и торговое царство волжских болгар; разорили его до тла и потом вступили в область князей рязанских.

Рязань, напрасно просившая помощи у великого князя владимирского, защищалась упорно, но не долго. По одному рязанцу приходилось на сто татар. Взяв Рязань приступом, татары убили князя рязанского и жену его, а жителей рубили мечами, расстреливали стрелами, бросали в огонь; самый же город сожгли.

Разоривши Рязань, татары пошли далее. У Коломны разбили войско, высланное великим князем, и сожгли Москву — тогда еще маленький, недавно постро-

енный городок. В Москве татары захватили в плен сына Юрьева — Владимира.

Узнав о гибели своего войска, великий князь Юрий Всеволодович (племянник Андрея Боголюбского и сын Всеволода *Большое Гнездо*) поехал на Волгу собирать новое войско. А в это время татары многочисленные, как саранча, со всех сторон обложили г. Владимир, где оставалась жена великого князя и два его сына: Всеволод и Мстислав. Подъехав к «*Золотым воротам*», татары спросили: «в городе ли великий князь?». Вместо ответа владимирцы пустили в них стрелами. Ответив тем же, татары сказали: «погодите, не стреляйте», и, подъехав ближе к воротам, показали владимирцам пленного сына Юрьева, Владимира. Бедный княжич так исхудал в плену, что братья насилу его узнали. Много было слез, но пособить было нечем.

Когда собралось все татарское войско, часть которого в это время разграбила и сожгла Суздаль, татары начали готовиться к приступу: окружили город тыном и подвезли стенобитные орудия. Не видя никакой возможности защищаться, князь Всеволод, жена его и многие бояре приготовились к смерти и постриглись в монахи.

7-го февраля начался приступ, и, несмотря на упорную защиту русских, татары вломились в город с нескольких сторон. Всеволод и Мстислав с дружиной заперлись в среднем городе, а супруга Юрьева, дочь его, снохи и внучата, множество бояр и народу — в соборе. Когда татары зажгли собор и дым наполнил церковь, то епископ Митрофан, благословляя всех на смерть, сказал: «господи, простри руку твою невидимую и приими с миром души раб твоих». Скоро татары отбили двери собора, и началось страшное убийство. Великокняжеская семья, скрывшаяся наверху, в ризнице, задохлась от дыму. Князья же Всеволод и Мстислав положили свои головы за городом.

Великий князь стоял в это время с собиравшимся войском недалеко от Волги, на реке Сити. Узнав о судьбе жителей Владимира и своей семьи, он горько

заплакал. «Лучше мне умереть, чем жить на этом свете, сказал он: зачем я остался один?» Скоро ему дали знать, что татары обходят его войско. Началась жестокая сеча; русские не устояли. Великий князь был убит, а племянник его, Василько, взят в плен. Это был замечательный князь: прекрасный лицом, добрый сердцем, он был мужественен, отважен, но ласков, особенно к бедным, так что все его любили. «Будь нашим другом и воюй под знаменами Великого Батыя» — сказали Васильку татары, вероятно, оценив его необычайное мужество. «Враги моего отечества и Христа не могут быть мне друзьями, сказал Василько: как ни велико мое горе, но вам не принудить меня сражаться против христиан. Придет и твоя гибель, о глухое и скверное царство!» Скрежеща зубами от злости, татары убили Василька и бросили его тело в лесу. После уже русские отыскали тело великого князя и Василька и похоронили их в Ростовском соборе. Великого князя узнали только по одежде, потому что голову нашли в другом месте.

Истребив великокняжеское войско, татары взяли и сожгли все города по Волге и приближались уже к Великому Новгороду. Но за 100 верст от него повернули назад, вероятно, испугавшись, что наступающий разлив рек может помешать им воротиться домой. Однако на возвратном пути их долго задержал маленький городок Козельск (в нынешней Калужской губернии). Семь недель защищались козельцы против бесчисленных полчищ татарских, защищали себя и своего маленького князя, который потом, когда город был взят, пропал без вести: говорят, утонул в крови. Татары не могли без досады вспоминать о маленьком Козельске и назвали его «злым городом».

Возвратившись в степь, Батый прогнал из нее половцев и на следующий же год отправился покорять Южную Россию. И здесь не встретили татары дружного сопротивления: видя страшного врага перед собой, князья продолжали ссориться и не хотели помогать друг другу. Всякий город защищался упорно, геройски;

но все действовали поодиночке, тогда как татары беспрекословно повиновались своему предводителю и действовали, как один человек. Татары взяли и сожгли Переславль и Чернигов и подступили к Киеву. Даниил Галицкий, только что отнявший тогда Киев у Михаила Черниговского, при приближении татар отправился в Венгрию за помощью, а защиту города поручил храброму боярину Димитрию.

В мае месяце 1240 года несметная татарская сила облегла Киев, любуясь на красивый город. Татар было так много, что от скрипа татарских телег, рева верблюдов и ржания лошадей нельзя было расслышать друг друга в городе. Скоро стенобитные орудия проломили киевские ворота; началась страшная сеча в самом городе. Русские заперлись в Софийском соборе и оборонялись, что было сил; но скоро и это последнее убежище пало. Раненого Димитрия татары взяли в плен, но не убили, уважив его великое мужество.

Разрушив Киев, Батый пошел на Волынь, на Галицию, на Польшу и перейдя Карпаты, вторгнулся даже в Венгрию. Вся Европа была в ужасе; папа уже призывал против татар крестовый поход; но, к счастью для западной Европы, в это самое время умер татарский хан Октай, и Батый должен был воротиться в приволжские степи, чтобы принять участие в избрании нового хана.

Невдалеке от устьев Волги, на берегу протока ее Ахтубы, устроил себе Батый степную столицу — Сарай. Вокруг, в степях астраханских и саратовских, от Урала до Дона, привольно было кочевать татарским ордам, и отсюда-то они более 200 лет распоряжались судьбами России: ставили и низводили князей, судили их, собирали дань с народа или через своих баскаков, или через откупщиков, а время от времени вторгались в Русь, грабили ее и разоряли.

Брат Юрия Всеволодовича, Ярослав, поехал на поклон к Батыю, и тот признал его старшим князем над князьями русскими.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

Великий князь. (1252—1263)

Тяжкое зрелище представляла Россия после Батыева нашествия. Сожженные города и села, повсюду кучи развалин и трупов; торговля и земледелие прекратились; население уменьшилось; остатки народу без пристанища бродили по лесам; татарские баскаки ездили повсюду, переписывая людей и облагая их данью. Ярослав Всеволодович, брат великого князя Юрия, убитого татарами при Сити, был утвержден Батыем в великокняжеском достоинстве. Грустное княжение выпало на долю Ярослава: ему приходилось собирать разбежавшееся население, очищать от трупов города, ездить на поклон в орду, чтобы избавить Русь от новых набегов.

На северо-востоке в то время жить было получше: Новгород был не тронут татарами, и в нем княжил сын Ярослава, — Александр, прославившийся своими победами над шведами, приплывавшими из-за моря, немцами, приходившими на Новгород из Ливонии (нынешние Остзейские губернии), и над Литвой, которая в это время тоже начала выходить из своих лесов и нападать на ослабевшую Русь.

В 1240 году, подученные папой, шведы собрали большое войско, посадили на суда и под начальством Бюргера пришли в Неву, к устью Ижоры, думая взять Ладогу, а потом и Новгород.

Мужественный Александр, не успевший даже уведомить отца и собрать подкрепление из Новгородской области, помолился усердно богу в храме св. Софии и с небольшим войском поспешил отразить сильного неприятеля.

Рассказывают, что в ночь перед битвой, один ижорец, старшина языческого чудского племени, но сам уже христианин, имел чудное видение. Стоя на ночной страже, увидел он на заре, что по реке плывет лодка, одетая утренним туманом; в лодке сидели гребцы, а посредине стояли Борис и Глеб в блестящих ризах. И сказал

Борис: «брат Глеб, вели гресть скорей! поможем сродику нашему Александру».

Старшина поспешил рассказать князю свое виденье; но тот приказал ему сохранить его в тайне.

Александр быстро напал на шведов и, сражаясь сам, как простой воин, собственным копьем своим «положил печать» на лицо шведского полководца Бюргера. Воины Александровы не отставали от князя: один, преследуя Бюргера, верхом на коне наскакал на шведский корабль по доске и, хотя шведы опрокинули его и с лошадью в воду, но он выбрался на берег и опять врубился в самую средину врагов; другой — с пешей дружиной потопил три шведские судна; а третий —наехал на златоверхий шатер самого Бюргера, подрубил шатерный столб, и шатер рухнул при радостных криках русских.

Три полных корабля наклали шведы трупами своих лучших людей и потопили в море, а прочих без числа побросали в яму, выкопанную на берегу.

За эту-то победу на берегах Невы и прозвали Александра *Невским*. Почти через 500 лет после этой победы, когда Петр Великий навсегда уже отнял Неву у шведов и при устьях ее заложил Санкт-Петербург (в 1703 г.), мощи великого князя Александра Невского были перенесены из Владимира в новую столицу и положены в Александро-Невской лавре.

Победил Александр и немцев, напавших на псковскую землю, и много перебил их на льду Чудского озера, так что льда не было видно из-за трупов. Смирил он и литовцев, которые потом боялись имени Александра; но против татар не решился восстать. Когда Батый, слыша об Александре и его мужестве, послал сказать ему: «бог покорил мне многих народов: ты ли один хочешь противиться? Если желаешь сохранить свою землю, то приди ко мне и увидишь честь и славу моего царства», — Александр пошел в орду и был отпущен с богатыми дарами.

Сделавшись великим князем Владимирским, Александр смирялся пред ханом и умной покорностью не раз

спасал Русь от нового татарского погрома. Даже скончался Александр, возвращаясь из орды и проведя в ней тяжелую зиму. Ездил же он в орду умилостивить хана, рассерженного тем, что в Ростове, Суздале и Владимире русские перебили безжалостных сборщиков татарской дани, бесерменских (восточных) купцов, взявших эту дань на откуп.

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ.

Еще сыну Мономаха, Юрию Владимировичу Долгорукому, понравилось хорошее местоположение на берегу Москвы-реки, на холмах посреди густых лесов, и он заложил здесь городок Москву в 1147 году. В Батыево нашествие Москва была сожжена, а по смерти Александра Невского досталась в удел младшему его сыну Даниилу. Удел был незавидный, и никто, верно, не думал тогда, какая славная доля предстоит этому маленькому городку.

Даниил был князь умный, и при нем уже Московский удел устроился. Даниил получил от племянника по завещанию хороший город, Переяслав Залесский, и отнял у рязанцев Коломну.

Сын Даниила, Юрий, женился на сестре хана Кончака и разными неправдами добился великокняжеского достоинства, погубив клеветой в орде своего дядю Михаила, князя тверского. Но и сам Юрий погиб от руки сына Михаилова, Димитрия *Грозные-очи*, который, встретившись с Юрием в орде, не выдержал и убил убийцу отца своего.

Угождая татарам, получил великокняжеский престол и брат Юрия, Иоанн Данилович Калита. При Калите митрополит Петр переехал из Владимира в Москву, которая с этих пор и сделалась навсегда великокняжеской столицей Восточной, или Великой, Руси. Южная же, или Малая, Россия, со своим старым Киевом, подпала в это время под власть литовцев, а потом вместе с Литвою присоединилась к Польше.

Иоанн I-й, Калита, умер в 1340 году. После него княжили в Москве, один за другим, два его сына: Симеон Гордый и Иоанн II-й. При Иоанне II-м, князе кротком и миролюбивом, значение Москвы поддержал митрополит Алексей. Он так прославился даже между татарами своим умом и святой жизнью, что, когда у хана Чанибека заболела жена, то хан написал великому князю и просил его послать в орду митрополита, чтобы тот испросил у бога здоровья ханше. Святой Алексей поехал в орду и ханша выздоровела. Когда следующий за тем хан начал грозить новым разорением Русской земле, то митрополит Алексей опять поехал в орду и укротил злобу хана, найдя покровительство в матери его Тайдуле.

Сын же Иоанна II-го, Дмитрий Иоаннович Донской, был уже так силен, что отважился попробовать вступить в открытую борьбу с татарскими ханами.

Так мало-помалу вырастало в Москве единовластие, и подготовлялось освобождение Руси от татарского ига.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(1380)

6 сентября войско наше приблизилось к Дону, князья рассуждали с боярами: там ли ожидать монголов, или идти далее? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовские, говорили, что надо оставить реку за собой, дабы удержать робких от бегства, что Ярослав великий таким образом победил Святополка и Александр Невский — шведов. Еще и другое, важнейшее обстоятельство было опорой сего мнения: надлежало предупредить соединение литовского князя Ягайла с ханом Мамаем. Великий князь решился — и, к одобрению своему получил от св. Сергия письмо, в коем тот благославлял его на битву, советуя ему не терять времени. Тогда же пришла весть, что Мамай идет к Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкие наши отряды встретились с татарскими и гнали их. Димитрий, собрав воевод и сказав им: «час суда божия наступает»,

велел искать в реке удобного брода для конницы и наводить мосты для пехоты. В следующее утро был густой туман, но скоро рассеялся; войско перешло за Дон и стало на берегах Непрядвы. Димитрий, стоя на высоком холме и видя стройные, необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых ярким осенним солнцем, слыша всеобщие громогласные восклицания: «боже, даруй победу государю нашему!» и вообразив, что многие тысячи сих бодрых витязей падут через несколько часов как усердные жертвы любви к отечеству, — Димитрий в умилении преклонил колена и, простирая руку к златому образу спасителя, сиявшему вдали на *черном знамени* великокняжеском, помолился в последний раз за христиан и Россию; сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами и *милыми* братьями, утверждая их в мужестве и каждому из них обещая славную память в мире, с венцом мученическим за гробом.

Войско тронулось и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон вожди наблюдали друг друга и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников, сила татар еще превосходила нашу. Димитрий, пылая ревностью служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре молили остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг князя», — говорили они, — «смотреть на битву, видеть подвиги воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Дмитрий ответствовал: «Где вы, там и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вам: *братья! умрем за отечество!* Слово мое да будет делом. Я вождь и начальник; стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушию: громогласно читая псалом — *бог нам прибежище и сила*, первый ударил на врагов и бился мужественно, как рядовой

воин; наконец, отъехал в средину полков, когда битва сделалась общей.

На пространстве десяти верст лилась кровь христиан и неверных. Ряды смешались: инде россияне теснили монголов, инде монголы россиян; с обеих сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали: так некоторые московские неопытные юноши обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к большим или княжеским знаменам и едва не овладел ими, если бы верная дружина не отстояла их с напряжением всех сил. Еще князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Димитрием Волынским. Настал девятый час дня, — сей Димитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч и сказал Владимиру: «теперь наше время». Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля и быстро устремился на монголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги, изумленные, рассеянные, не могли противиться новому строю войска, свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоской, воскликнул: «велик бог христианский!» и бежал вместе за другими. Полки российские гнали их до самой реки Мечи, убивали, топили, взяв стан неприятельский и несметную добычу, множество телег, коней, верблюдов, навьюченных всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владимир, герой сего незабвенного для России дня, довершив победу, стал *на костях* или на поле битвы, под черным знаменем княжеским, и велел трубить в воинские трубы: со всех сторон съезжались к нему князья и полководцы, но Димитрия не было. Изумленный Владимир спрашивал: «где брат мой и *первоначальник* нашей славы». Никто не мог дать о нем вести. В беспокойстве, в ужасе воеводы рассеялись искать его, живого или мертвого, долго не находили; наконец, два воина увидели великого князя, лежащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным

ударом, он упал с коня, обеспамятел и казался мертвым; но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, князья, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «государь, ты победил врагов!» Димитрий встал: видя брата, видя радостные лица окружающих его и знамена христианские над трупами монголов, в восторге сердца изъявил благодарность небу: обнял Владимира, чиновников, целовал самых простых воинов и сел на коня, здравый весельем духа и не чувствуя изнурения сил. Шлем и латы его были иссечены, но обагрены единственно кровью неверных; бог чудесным образом спас сего князя среди бесчисленных опасностей, коим он с излишней пылкостью подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставляя за собой дружину свою. Димитрий, препровождаемый князьями и боярами, объехал поле Куликово, где легло множество россиян, но вчетверо более неприятелей, так что, по сказанию некоторых историков, число всех убитых простиралось до двухсот тысяч.

ИОАНН III.

(1462—1505)

Куликовская битва показала русским, что татар можно побеждать, но не сбросила с России татарского ига. Тохтамыш, новый татарский хан, заступивший место Мамая, уж при Дмитрие Донском ворвался в Россию, разграбил и сжег Москву. При Василье I-м, сыне и наследнике Дмитрия Донского, новый страшный завоеватель Тамерлан, или Тимур, вышел из степей средней Азии и, преследуя Тохтамыша, также ворвался в Россию, но, к счастью, от Ельца неожиданно поворотил назад. За Тамерланом мурза Едигей показал русским, что татары еще сильны. При Василии II, *Темном*, сыне и наследнике Василия I, произошли большие раздоры в Золотой Орде: так называлось татарское царство, столицей которого был Сарай, основанный татарами при устьях Волги. От Золотой Орды отделились два большие владения: царство *Казанское* и ханство *Крымское*.

Казань и Крым делали много зла России, пока не были окончательно покорены ею. Был в это время у юного Московского государства и еще один сильный враг — Литва, подчинившая себе надолго Киев и всю юго-западную Русь; был еще и буйный Великий Новгород, не хотевший признать над собой власти московских князей; были еще и уделы, мешавшие русским сосредоточить свои силы для отпора внешних врагов. При Василии II, Темном, кровавые удельные усобицы еще раз напомнили России времена ослепления Василька. Между Васильем II и его дядей Юрием, сыном Дмитрия Донского, завязалась распря о том, кому из них сидеть в Москве и быть великим князем. Эти семейные раздоры продолжались и при детях Юрия: Василии Косом и Дмитрие Шемяке. Василий II-й ослепил своего двоюродного брата, Василия Косого, но во время своей поездки в Троицко-Сергиевскую лавру попался в руки Дмитрия Шемяки и был ослеплен в свою очередь, отчего и получил прозвание Темного.

В таких обстоятельствах нужен был нашему отечеству государь осторожный, но твердый, который бы, не подвергаясь случайностям войны, сколь возможно щадя кровь и силы народа, умел сосредоточить в руках своих все силы России: таков был Иван III-й, сын и наследник Василия II-го, Темного. В продолжение своего 45-летнего царствования, он окончательно присоединил к Москве Великий Новгород, уничтожив в нем вече и народное правление, присоединил Тверское великое княжение, еще несколько малых уделов и сделался самодержавным государем всей тогдашней Восточной Руси.

Иван III-й был, конечно, несравненно сильней всех предшествовавших ему московских государей, однако, по крайней осторожности своей, не вступал в открытую борьбу с Ордой и продолжал платить ей унизительную дань; но между тем старался воспользоваться разделением ее на части и ненавистью одних татарских ханов к другим. Он подружился с сильным крымским ханом Менгли-Гиреем и, только уверившись в его помощи, от-

казался платить обычную дань сарайскому хану Ахмату и выгнал его послов из Москвы. Ахмат спешил мстить Ивану и смирить своего возмутившегося данника: собрал значительное войско и пошел к Москве. На берегах Угры встретил его Иван, но, несмотря на многочисленное и хорошо устроенное свое войско, несмотря на убеждения духовенства, не решился вступить в битву с татарами, которые также медлили. И хорошо сделал Иван; потому что Ахмат сам поворотил назад, узнав, что Менгли-Гирей, соединившись с отрядом москвичей, грабит и разоряет его столицу, Сарай, оставленную без всякой защиты.

Таким образом, 1480 год мы можем считать годом, в который окончилось татарское иго, тяготевшее над Россией более двух столетий. Более 200 лет продолжалось это тяжелое иго, и в то время, когда другие европейские государства устраивались, образовывались, делали быстрые успехи в просвещении, мы боролись с татарами. Сообразив это, мы не будем удивляться, что тогдашняя Россия отстала далеко в образовании от других европейских государств и что иностранные послы, приезжая в Москву, удивлялись нашим татарским обычаям, грубости наших нравов и нашему невежеству.

С уничтожением татарского ига не все еще кончилось: России предстояло сломить Казань, покорить Астрахань, усмирить крымцев, вынести тяжелые годы междуцарствия, поставить пределы распространению на восток Литвы и Польши, отбиться от ливонцев и шведов, проникавших в Россию с северо-запада, завоевать хоть один порт на Балтийском или Черном море, чтобы иметь возможность войти в непосредственные сношения с образованными государствами Европы, — и тогда только думать о внутренних преобразованиях. Для этого нужно было еще два с половиной столетия и целый ряд кровавых войн!

Из соч. Н. М. Карамзина.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ.

(1552)

Заря осветила небо ясное, чистое. Казанцы стояли на стенах; россияне перед ними, под защитой укреплений, под сенью знамен, в тишине, неподвижно: звучали только бубны и трубы, неприятельские и наши; ни стрелы не летали, ни пушки не гремели. Наблюдали друг друга: все было в ожидании. Стан опустел, и в его безмолвии слышалось пенье иереев, которые служили обедню. Государь оставался в церкви с немногими из ближних людей. Уже восходило солнце. Дьякон читал евангелие и едва произнес слова: *да будет едино стадо и един пастырь!* грянул сильный гром, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышел на паперть: увидел страшное действие подкопа и густую тьму над всей Казанью: глыбы земли, обломки башен, стены домов, люди неслись вверх в облаках дыма и пыли на город. Священное служение прервалось в церкви, Иван спокойно возвратился и хотел дослушать литургию. Когда дьякон перед дверями царскими громогласно молился, да утвердит всевышний державу Иоанна, да подвергнет всякого врага и супостата к ногам его, раздался новый удар: взорвало другой подкоп, еще сильнее первого — и тогда воскликнув: *с нами бог!* полки российские быстро двинулись к крепости, а казанцы, твердые, непоколебимые в час гибели и разрушения, вопили: Алла! Алла!, призывали Магомета и ждали наших, не стреляли ни из луков, ни из пищалей: меряли глазами расстояние и вдруг дали ужасный залп: пули, каменья, стрелы омрачили воздух. Но россияне, одобряемые примером начальников, достигли стены. Казанцы давили их бревнами, обливали кипящим варом; уже не береглись, не прятались за щиты: стояли открыто на стенах и помостах, презирая сильный огонь наших бойниц и стрелков. Тут малейшее замедление могло быть гибелью для россиян. Число их уменьшилось: многие пали мертвые, или раненые, или от страха. Но смелые геройским забвением смерти ободряли и спасли

боязливых: одни кинулись в пролом, иные взбирались на стены по лестницам, по бревнам; несли друг друга на головах, на плечах; бились с неприятелем в отверстиях... И в ту минуту, когда Иоанн, отслушав всю литургию, причастясь святых тайн, взял благословение от своего отца духовного, на бранном коне выехал в поле, знамена христианские уже развевались на крепости! Войско запасное одним кликом приветствовало государя и победу.

Из соч. Н. М. Карамзина.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ ПРО ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ.

Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, стары старики, будем сказывати про грозного царя Ивана Васильевича, как он, наш государь-царь, под Казань город ходил, под Казанку под реку подкопы подводил, за Сулай, за реку бочки с порохом катил, а пушки и снаряды в чистом поле расставлял.

А татаре по городу похаживают и всяко грубиянство оказывают, они грозному царю насмехаются: а и не быть нашей Казани за белым за царем!

Ах, как тут наш государь разгневался, что подрыв так долго медлился: приказал он зато пушкарей казнить, подкопщиков и зажигальщиков, как все тут пушкари призадумались, а один пушкарь поотважился: «прикажи, государь-царь, слово выговорить!» Не успел пушкарь слово вымолвить, тогда лишь догорели зажигательные свечи, и вдруг разрывало бочки с порохом, как стены бросало за Сулай, за реку. Все татаре тут, братцы, устрашилися, они белому царю покорилися.

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ.

Князь Курбский от царского гнева бежал; с ним Васька Шибанов стремянной. Дороден был князь. Конь измученный пал. Как быть среди ночи туманной? Но рабскую верность Шибанов храня, своего отдает воеводе коня: «Скачи, князь, до вражьего стану, авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским шатром опальный сидит воевода, стоят в изумленьи литовцы кругом, — без шапок толпятся у входа. Всяк русскому витязю честь воздает; недаром дивится литовский народ, и ходят их головы кругом: «Князь Курбский нам сделался другом».

Но князя не радует новая честь, исполнен он желчи и злобы; готовится Курбский царю перечесть души оскорбленной зазнобы: «Что долго в себе я таю и ношу, то все я пространно к царю напишу; скажу напрямик, без изгиба, за все его ласки спасибо!»

И пишет боярин всю ночь напролет, перо его местию дышит: прочтет, улыбнется и снова прочтет, и снова без отдыха пишет; и злыми словами язвит он царя, и вот уж, когда занялася заря, поспело, ему на отраду послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова отвезть Иоанну возьмется? Кому не люба на плечах голова? Чье сердце в груди не сожмется? Невольно сомненья на князя нашли... Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли: «Князь, служба моя не нужна ли? вишь, наши меня не догнали».

И в радости князь посылает раба, торопит его в нетерпеньи: «ты телом здоров, и душа не слаба, а вот и рубли в награжденье!» Шибанов в ответ господину: «Добро! тебе здесь нужнее твое серебро, а я передам и за муки письмо твое в царские руки!»

Звон медный несется, гудит над Москвой; царь в смирной одежде, трезвонит. Зовет ли обратно он прежний покой, иль совесть на веки хоронит? Но часто и мерно он в колокол бьет, и звону внимает московский народ и молится, полный боязни, чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема, звонит с ним и Вяземский лютый, звонит всей опричнины кромешная тьма, и Васька Грязной, и Малюта; и тут же, гордяся своей красотой, с девичьей улыбкой, с змеиной душой, любимец звонит Иоаннов, отверженный богом Басманов. Царь кончил: на жезл опираясь, идет, и с

ним всех окольных собранье. Вдруг едет гонец, раздвигает народ, над шапкою держит посланье.

И спрянул с коня он поспешно долой, к царю Иоанну подходит пешой и молвит ему не бледнея: «От Курбского князя Андрея!» И очи царя загорелися вдруг: «Ко мне? От злодея лихова? Читайте же, дьяки, читайте мне вслух посланье, от слова до слова!»

«Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!» И в ногу Шибанова острый конец жезла своего он вонзает: налег на костыль и внимает: «Царю прославляему древле от всех, но тонущу в сквернах обильных! Ответствуй, безумный, каких ради грех побил еси добрых и сильных? Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны, без счету твердыни врагов сражены? Не их ли ты мужеством славен? И кто им бысть верностью равен? Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас, в небытную ересь прельщенный? Внимай же! Приидет возмездия час, писанием нам предреченный. И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя, аки воду, лиях и лиях, с тобой пред судьею предстану!»

Так Курбский писал к Иоанну. Шибанов молчал. Из пронзенной ноги кровь алым струилася током, и царь на спокойное око слуги взирал испытующим оком. Стоял неподвижно опричников ряд, был мрачен владыки загадочный взгляд, как будто исполнен печали: и все в ожиданьи молчали. И молвил так царь: «Да, боярин твой прав, и нет уж мне жизни отрадной; кровь добрых и сильных ногами поправ, я пес недостойный и смрадный.

«Гонец, ты не раб, а товарищ и друг; и много, знать, верных у Курбского слуг, что выдал тебя за бесценок. Ступай же с Малютой в застенок!»

Из стихотв. гр. Ал. Толстого.

ВЕЛИКОДУШИЕ СВ. ФИЛИППА.

(1568)

Однажды, в день воскресный, в час обедни, Иоанн (Грозный), препровождаемый некоторыми боярами и множеством опричников, входит в соборную церковь

Успения: царь и вся дружина его были в черных ризах, в высоких шлыках. Митрополит Филипп стоял в церкви на своем месте; Иоанн приблизился к нему и ждал благословений. Митрополит смотрел на образ спасителя, не говоря ни слова. Наконец, бояре сказали: «святый владыко! се государь: благослови его!» Тут, взглянув на Иоанна, Филипп ответствовал: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного, не узнаю и в делах царства... О государь! мы здесь приносим жертвы богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно. В самых неверных, языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям, а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства и совершаются именем царским! Ты высок на троне; но есть всевышний, судия наш и твой. Как предстанешь на суд его, обагренный кровью невинных, оглушаемый воплем их муки? ибо самые камни под ногами твоими вопиют о мести!.. Государь, вещаю, яко пастырь душ. Боюся господа единого!» Иоанн затрепетал от гнева: ударил жезлом о камень и сказал голосом страшным: «Чернец! доселе я излишне щадил вас, мятежников: отныне буду, каковым меня нарицаете!» — и вышел с угрозой. На другой день были новые казни. В числе знатных погиб князь Василий Пронский. Всех главных сановников митрополитовых взяли под стражу, терзали, допрашивали о тайных замыслах Филипповых и ничего не сведали. Изобрели доносы, улики, представили Иоанну и велели митрополиту явиться на суд. Царь, святители, бояре сидели в молчании: игумен Паисий стоял и клеветал на святого мужа с неслыханной дерзостью. Вместо оправдания бесполезного, митрополит тихо сказал Паисию, что злое сеяние не принесет ему плода вожделенного, а царю: «Государь, великий князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нет! достигнув глубокой старости беспорочно, не знав в пустынной жизни ни мятежных страстей, ни коз-

ней мирских, желаю так и предать дух свой всевышнему моему и твоему господу. Лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония сего несчастного времени. Твори, что тебе угодно. Се жезл пастырский, се белый клобук и мантия, коими ты хотел возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и служители алтарей!— пасите верно стадо христово, готовьтесь дать отчет и страшитеся небесного царя еще более, нежели земного». Он хотел удалиться, царь остановил его, сказал, что ему должно ждать суда, а не быть своим судьею: принудил его взять назад утварь святительскую и еще служить обедню в день архангела Михаила (8-го ноября). Когда же Филипп в полном облачении стоял пред алтарем в храме Успения, явился там боярин Алексей Басманов с толпой вооруженных опричников, держа в руке свиток. Народ изумился. Басманов велел читать бумагу: услышали, что Филипп собором духовенства лишен сана пастырского. Воины вступили в алтарь, сорвали с митрополита одежду святительскую, облекли его в бедную ризу, выгнали из церкви *метлами* и повезли на дровнях в обитель Богоявления. Народ бежал за митрополитом, проливая слезы. Филипп с лицом светлым, с любовью благословлял людей и говорил им: «молитеся!» На другой день привели его в судную палату, где был сам Иоанн, для выслушания приговора: Филиппу, будто бы уличенному в тяжких винах и в волшебстве, надлежало кончить дни в заключении. Тут он простился с миром великодушно, умилительно; не укорял судей, но в последний раз молил Иоанна сжалиться над Россией, не терзать подданных; вспомнить, как царствовали его предки, как он сам царствовал в юности ко благу людей и собственному. Государь, не ответствуя ни слова, движением руки предал Филиппа воинам. Дней восемь сидел он в темнице, в узах был перевезен в обитель св. Николая *Старого*, на берегу Москвы-реки, терпел голод и питался молитвой. Между тем, Иоанн истреблял знатный род Колычевых, прислал к Филиппу отсеченную голову его пле-

мянника, Ивана Борисовича, и велел сказать: «се твой любимый сродник: не помогли ему твои чары!» Филипп встал, взял голову, благословил и возвратил принесшему. Опасаясь любви граждан московских к сверженному митрополиту, — слыша, что они с утра до вечера толпятся вокруг обители Николаевской, смотрят на келью заключенного и рассказывают друг другу о чудесах его святости, — царь велел отвезти страдальца в Тверской монастырь, называемый Отрочим, и немедленно избрал нового митрополита, троицкого архимандрита, именем Кирилла, к досаде Пимена, имевшего надежду заступить место Филиппа.

Из соч. Н. М. Карамзина.

ПОСОЛЬСТВО ЕРМАКА.

Иоанн то предавался подозрениям и казнил самых лучших, самых знаменитых граждан, то приходил в себя, каялся всенародно и посылал в монастыри богатые вклады и длинные синодики с именами убиенных, приказывая молиться за их упокой. Из прежних его любимцев не уцелело ни одного. Последний и главный из них, Малюта Скуратов, не испытав ни разу опалы, был убит при осаде Пайды, или Вейсенштейна, в Ливонии, и в честь ему Иоанн сжег всех пленных немцев и шведов на костре.

Сотни и тысячи русских, потеряв всякое терпение и надежду на лучшие времена, уходили полками в Литву и Польшу.

Одно только счастливое событие произошло в течение этих лет: Иоанн постиг всю бесполезность разделения земли на две половины, из которых меньшая терзала большую и, по внушению Годунова, уничтожил ненавистную опричнину. Он возвратился на жительство в Москву, а страшный дворец в Александровской слободе запустел навсегда.

Между тем, много бедствий обрушилось на нашу родину. Голод и мор опустошали города и селения;

несколько раз хан * вторгался в наши пределы и в один из своих набегов сжег все посады под Москвой и большую часть самого города. Шведы напали на нас с севера; Стефан Баторий, избранный сеймом после Жигимонта, возобновил литовскую войну и, несмотря на мужество наших войск, одолел нас своим уменьем и отнял у нас все наши западные владения.

Царевич Иоанн, хотя разделял с отцом его злодейства, но почувствовал на этот раз унижение государства, попросился у отца с войском против Батория. Иоанн увидел в этом замысел свергнуть его с престола и в припадке бешенства убил сына ударом острого посоха. Рассказывают, что Годунов, бросившийся между ними, был жестоко изранен царем и сохранил жизнь только благодаря врачебному искусству пермского гостя, Строганова.

После этого убийства Иоанн в мрачном отчаянии созвал думу, объявил, что хочет идти в монастырь, и приказал приступить к выбору другого царя. Снисходя, однако, на усиленные просьбы бояр, он согласился остаться на престоле и ограничился одним покаянием и богатыми вкладами: а вскоре потом снова начались казни. Так, по свидетельству Одерборна, он осудил на смерть две тысячи триста человек за то, что они сдали врагам разные крепости, хотя сам Баторий удивлялся их мужеству.

Теряя свои владения одно за другим, теснимый со всех сторон врагами, видя внутреннее расстройство своего государства, Иоанн был жестоко поражен в своей гордости, и это мучительное чувство отразилось на его приемах и наружности. Он стал небрежен в одежде, высокий стан его согнулся, очи померкли, нижняя челюсть отвисла, как у старика; и только в присутствии других он делал усилие над собой, гордо выпрямлялся, подозрительно смотрел на окольных, не замечает ли кто в нем упадка духа. В эти минуты он был страшней, чем

* Хан Крымский.

во дни своего величия. Никогда еще Москва не находилась под таким давлением уныния и скорби.

В это скорбное время, неожиданная весть пришла от крайнего востока, ободрила все сердца и обратила общее горе в радость.

От отдаленных берегов Камы прибыли в Москву знатные купцы Строгановы, родственники того самого гостя, который излечил Годунова. Они имели от царя жалованные грамоты на пустые места земли пермской и жили на них владетельными князьями, независимо от пермских наместников, с своей управой и со своей дружиной, при единственном условии охранять границы от диких сибирских народов, наших недавних и сомнительных данников. Тревожимые в своих деревянных крепостях ханом Кучумом, они решились двинуться за *Каменный пояс* *, и сами напасть на неприятельскую землю. Для успешнейшего исполнения этого замысла, они обратились к нескольким разбойничьим, или, как они себя называли, казачьим атаманам, опустошавшим в то время с шайками своими берега Волги и Дона. Главнейшими из них были Ермак Тимофеев и Иван Кольцо, осужденный когда-то насмерть, но спасшийся чудесным образом от царских стрельцов и долгое время пропадавший без вести. Получив от Строгановых дары и грамоту, которой они призывались на славное и честное дело, Ермак и Кольцо, с тремя другими атаманами, подняли знамя на Волге, собрали из удалой вольницы дружины и явились на зов Строгановых. Сорок стругов были тотчас нагружены запасами и оружием, и небольшая дружина, под воеводством Ермака, отслужив молебен, поплыла с веселыми песнями вверх по реке Чусовой к диким горам Уральским. Разбивая везде враждебные племена, перетаскивая суда из реки в реку, они добрались до берегов Иртыша, где разбили и взяли в плен главного воеводу сибирского, Маметкула, и овладели городом Сибирью на высоком и крутом обрыве Иртыша. Не довольствуясь этим завоева-

---

* Т. е. Уральские горы.

нием, Ермак пошел далее: покорил весь край до Оби и заставил побежденные народы целовать свою кровавую саблю во имя царя Ивана Васильевича всея Руси. Тогда только он дал знать о своем успехе Строгановым и в то же время послал любимого атамана Ивана Кольцо к Москве бить челом великому государю и кланяться ему новым царством.

С этой радостной вестью Строгановы приехали к Иоанну, и вскоре после них прибыло Ермаково посольство.

Ликованье в городе было неслыханное. Во всех церквах служили молебны, все колокола звонили, как в светлое христово воскресенье. Царь обласкал Строгановых, назначил торжественный прием Ивану Кольцу.

В большой кремлевской палате, окруженный всем блеском царского величия, Иван Васильевич сидел на престоле в Мономаховой шапке, в золотой рясе, украшенной образами и дорогими каменьями. По правую его руку стоял царевич Федор, по левую — Борис Годунов. Вокруг престола и дверей размещены были рынды * в белых атласных кафтанах, шитых серебром, с узорными топорами на плечах. Вся палата была наполнена князьями и боярами.

Воспрянув духом после известия, привезенного Строгановыми, Иоанн уже смотрел не так мрачно, и на устах его появилась даже улыбка, когда он обращался к Годунову с каким-нибудь замечанием. Но лицо его сильно постарело, морщины сделались глубже, на голове осталось мало волос, а из бороды вылезли вовсе.

Борис Федорович в последние годы быстро пошел в гору. Он сделался шурином царевича Федора, за которого вышла сестра его Ирина, и носил теперь важный сан конюшего-боярина. Рассказывали даже, что царь Иван Васильевич, желая показать, сколь Годунов и невестка близки его сердцу, поднял однажды три перста кверху и сказал, дотрагиваясь до них другой рукой: «Се Федор, се Ирина, се Борис; и как руке моей было бы

---

* Царские телохранители.

одинаково больно, который из сих перстов от нее бы ни отсекли, так равно тяжело было бы моему сердцу лишиться одного из трех возлюбленных чад моих».

Такая необыкновенная милость не родила в Годунове ни надменности, ни высокомерия. Он был попрежнему скромен, приветлив к каждому, воздержан в речах, и только осанка его получила еще более степенности и ту спокойную важность, которая была прилична его высокому положению.

Глядя на царевича Федора, нельзя было удержаться от мысли, что слабы те руки, которым, по смерти Иоанна, надлежало поддерживать государство. Ни малейшей черты ни умственной, ни душевной силы не являло его добродушное, но безжизненное лицо. Он был уже два года женат, но выражение его осталось детское. Ростом он был мал, сложением дрябл, лицом бледен и опухловат. Притом он постоянно улыбался и смотрел робко и запуганно. Недаром ходили слухи, что царь, жалея о старшем сыне, говаривал иногда Федору: «Пономарем бы тебе родиться, Федя, а не царевичем».

Шопот, раздавшийся во дворце между придворными, был внезапно прерван звуками труб и звоном колоколов. В палату вошли, предшествуемые двумя стольниками, посланные Ермака, а за ними Максим и Никита Строгановы с дядей их Семеном. Позади несли дорогие меха, разные странные утвари и множество необыкновенного, еще невиданного оружия.

Иван Кольцо, шедший во главе посольства, был человек лет под пятьдесят, среднего роста, крепкого сложения, с быстрыми, проницательными глазами, с черной, густой, но короткой бородой, подернутой легкой проседью.

«Великий государь! — сказал он, приблизившись к ступеням престола: — казацкий твой атаман, Ермак Тимофеев вместе со всеми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоей царской милостью насмерть, старались заслужить свои вины и бьют тебе челом и новым царством. Прибавь, великий государь, к завоеванным тобой царствам Казанскому и Астрахан-

скому еще и это Сибирское, доколе всевышний благоволит стоять миру».

И, проговорив свою краткую речь, Кольцо вместе с товарищами опустился на колени и преклонил голову свою до земли.

— «Встаньте, добрые слуги мои, — сказал Иоанн.— Кто старое помянет, тому глаз вон, и быть той прежней опале не в опалу, а в милость».

Из ром. «Князь Серебряный» гр. А. Толстого.

ПЕРВОЕ ИЗВЕСТИЕ О САМОЗВАНЦЕ.

(*Царские палаты; царевич Федор чертит географическую карту, входит царь Борис*).

Царь... А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Федор. Чертеж земли Московской; наше царство из края в край. Вот видишь: тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море; вот пермские дремучие леса, а вот Сибирь.

Царь. А это что такое узором здесь виется?

Федор. Это Волга.

Царь. Как хорошо! Вот сладкий плод ученья! Как с облаков ты можешь обозреть все царство вдруг: границы, грады, реки. Учись, мой сын: наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни. Когда-нибудь, и скоро, может быть, все области, которые ты ныне изобразил так хитро на бумаге, все под руку достанутся твою. Учись, мой сын, и легче и яснее державный труд ты будешь постигать... (*Входит Шуйский, Борис обращается к нему*). Мне нужно, князь, с тобою говорить. Но, кажется, ты сам пришел за делом: и выслушать хочу тебя сперва.

Шуйский. Так, государь: мой долг тебе поведать весть важную.

Царь. Я слушаю тебя.

Шуйский (*тихо указывая на Федора*). Но, государь...

Царь. Царевич может знать, что ведает князь Шуйский. Говори.

Шуйский. Царь! из Литвы пришла к нам весть...

Царь. Не та ли, что Пушкину привез вечор гонец?

Шуйский (*про себя*). Все знает он! (*Вслух*). Я думал, государь, что ты еще не ведаешь сей тайны.

Царь. Нет нужды, князь: хочу сообразить известия; иначе не узнаем мы истины.

Шуйский. Я знаю только то, что в Кракове явился самозванец и что король и паны за него.

Царь. Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Шуйский. Не ведаю.

Царь. Но... чем опасен он?

Шуйский. Конечно, царь, сильна твоя держава. Ты милостью, раденьем и щедротой усыновил сердца своих рабов. Но знаешь сам: бессмысленная чернь изменчива, мятежна, суеверна, легко пустой надежде предана, мгновенному внушению послушна, для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она. Ей нравится бесстыдная отвага; так если сей неведомый бродяга литовскую границу перейдет, к нему толпу безумцев привлечет Димитрия воскреснувшее имя.

Царь. Димитрия!.. Как? Этого младенца! Димитрия!.. Царевич, удались!

Шуйский (*про себя*). Он покраснел: быть буре!..

Федор. Государь! дозволишь ли?

Царь. Нельзя, мой сын, поди (*Федор уходит*). Димитрия!..

Шуйский (*про себя*). Он ничего не знал.

Царь. Послушай, князь: взять меры сей же час, чтоб от Литвы Россия оградилась заставами; чтоб ни одна душа не перешла за эту грань; чтоб заяц не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон не прилетел из Кракова. Ступай!

А. Пушкин.

ЧУДО СВ. ДИМИТРИЯ.

(*Царские палаты; царь Борис, патриарх, бояре; патриарх говорит Борису*).

«Знай, государь, тому прошло шесть лет; в тот самый год, когда тебя господь благословил на царскую державу, — в вечерний час ко мне пришел однажды простой пастух, уже маститый старец, и чудную поведал он мне тайну: «В младых летах», — сказал он — «я ослеп и с той поры не знал ни дня, ни ночи до старости: напрасно я лечился и зелием, и тайным нашептаньем; напрасно я ходил на поклоненье в обители к великим чудотворцам; напрасно я из кладезей святых кропил водой целебной темны очи, — не посылал господь мне исцеленья. Вот, наконец, утратил я надежду и к тьме своей привык, и даже сны мне виданных вещей уж не являли, а снилися мне только звуки. Раз, в глубоком сне, я слышу, детский голос мне говорит: «встань, дедушка, поди ты в Углич-град, в собор Преображенья; там помолись ты над моей могилой; бог милостив, — и я тебя прощу».—«Но кто же ты?» спросил я детский голос.—«Царевич я Димитрий. Царь небесный приял меня в лик ангелов своих, и я теперь великий чудотворец. Иди, старик». Проснулся я и думал: «Что ж? может быть, и в самом деле, бог мне позднее дарует исцеленье: пойду», — и в путь отправился далекий. Вот Углича достиг я, прихожу в святой собор и слушаю обедню и, разгорясь душой усердной, плачу так сладостно, как будто слепота из глаз моих слезами вытекала. Когда народ стал выходить, я внуку моему сказал: «Иван, веди меня на гроб царевича Димитрия». И мальчик повел меня, — и только перед гробом я тихую молитву сотворил, глаза мои прозрели: я увидел и божий свет, и внука, и могилку». Вот, государь, что мне поведал старец. (*Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз отирает лицо платком*).

«Я посылал тогда нарочно в Углич, и сведано, что многие страдальцы спасение подобно обретали у гробовой царевича доски. Вот мой совет: во Кремль

святые мощи перенести, поставить их в соборе Архангельском; народ увидит ясно тогда обман безбожного злодея и мощь бесов исчезнет яко прах».

Из др. «Борис Годунов» А. Пушкина.

НАЧАЛО ОСАДЫ ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ

(1608)

Троицкая Лавра св. Сергия (в шестидесяти четырех верстах от столицы), прельщая ляхов своим богатством, множеством золотых и серебряных сосудов, драгоценных каменьев, образов, крестов, была важна и в воинском смысле: способствуя удобному сообщению Москвы с севером и востоком России: с Новым-городом, Вологдою, Пермию, Сибирской землей, с областью Владимирской, Нижегородской и Казанской, откуда шли на помощь к царю дружины ратные, везли казну и запасы. Основанная в лесной пустыне, среди оврагов и гор, лавра еще в существование Иоанна IV была ограждена (на пространстве шестисот сорока двух саженей) каменными стенами (вышиной в четыре, толщиной в три сажени), с башнями, острогом и глубоким рвом: предусмотрительный Василий успел занять ее дружинами детей боярских, казаков верных, стрельцов и, с помощью усердных иноков, снабдить всем нужным для сопротивления долговременного. Сии иноки, — из коих многие, быв мирянами, служили царям в чинах воинских и думных, — взяли на себя не только значительные издержки и молитву, но и труды кровавые в бедствиях отечества; не только, сверх рясы надев доспехи, ждали неприятеля под своими стенами, но и выходили вместе с воинами на дороги, чтобы истреблять его разъезды, ловить вестников и лазутчиков, прикрывать обозы царские; действовали и невидимо в станах вражеских, письменными увещаниями отнимали клевретов у самозванца, трогая совесть легкомысленных, еще незакоснелых изменников и предоставляя им в спасительное убежище лавру, где число добрых подвижников, одушевленных чистой ревностью или раскаянием, умножалось.

23-го сентября Сапега, а с ним и литовский князь Константин Вишневецкий, Тышкевичи и многие другие знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляхов, казаков и российских изменников, стали в виду монастыря на Клементьевском поле. Осадные воеводы лавры, князь Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов, желая узнать неприятеля и показать ему свое мужество, сделали вылазку и возвратились с малым уроном, дав время жителям монастырских слобод обратить их в пепел: каждый зажег дом свой, спасая только семейство, и спешил в лавру. Неприятель в следующий день, осмотрев места, занял все высоты и все пути, расположился станом и начал укрепляться. Между тем, лавра наполнилась множеством людей, которые искали в ней убежища, не могли вместиться в кельях и не имели крова: больные, дети, родильницы лежали на дожде в холодную осень. Легко было предвидеть дальнейшие гибельные следствия тесноты, но добрые иноки говорили: «Св. Сергий не отвергает злосчастных» — и всех принимали. Воеводы, архимандрит Иосиф и соборные старцы урядили защиту: везде расставили пушки, назначили кому биться на стенах или в вылазках, и князь Долгорукий с Голохвастовым первые над гробом св. Сергия поцеловали крест в том, чтобы *сидеть в осаде без измены.* Все люди ратные и монастырские следовали их примеру в духе любви и братства, ободряли друг друга и с ревностью готовились к *трапезе кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество. С сего времени пение не умолкало в церквах лавры ни днем, ни ночью.

Из соч. Н. М. Карамзина.

КОЗЬМА ЗАХАРОВИЧ МИНИН-СУХОРУК.

Действие происходит на площади Нижегородского Кремля подле собора. Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слезы.

Проходят двое. 1-й. Экой плач! Эко рыданье во всем соборе!

2-й. Да, и было отчего. Все тебе, как на ладонке, видно, как Москва гибнет, как веру православную по-

пирают. Как же тут не заплакать! Что мы, каменные, что ли? (*Проходят*).

Старик и женщина. Старик. Гибнет, говорят, все наше государство! Гибнет вера православная! Легко сказать,— гибнет вера православная! Скажи ты мне, каково слышать!

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще нам эти слова напоминать! А то живем тут, беды большой над собой не видим, никакой муки не терпим: этак, не то, что своих ближних, и бога-то забудешь. (*Проходят*).

Проходят четверо. 1-й. Мы за веру православную должны до-смерти стоять! Слышите, до-смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчас умирать!

3-й. Потому, коли ты за веру пострадал, небесное царствие наследуешь.

4-й. Беспременно. (*Проходят*).

Выходит народ и становится стенами, образуя улицы для выходящих из собора. Выходят: воевода, Аксенов (богатый торговый человек), Поспелов (боярский сын), Темкин, Губанин (торговые люди).

Поспелов. Выходишь от обедни, помолясь с усердием и досыта поплакав, и так тебе легко на сердце станет: и под ногами ты земли не чуешь, и ног не слышишь; и заря-то ярче горит на небе; точно сладкий мед, пьешь воздух утренний. Такое диво! Какая легкость для души молитва! Взялся бы с места, да и полетел! А день придет, — забота за заботой навалится, опять отяжелеешь.

Аксенов. Вестимо, утром человек помягче, пока не заболтался в суете, и разум крепче, да и воля тверже, и особливо помолясь усердно. Сейчас наказывал Кузьма Захарыч сказать народу, чтоб не расходился. Пожалуй, после всех и не сберешь, да и сердца-то огрубеть успеют. Теперь в соборе заказал молебен он

ангелу хранителю, Козьме-Бессребреннику. Вы поговорите с народом-то, пока молебен кончат.

Темкин и Губанин отходят к народу — один в одну сторону, другой в другую.

Т е м к и н. Почтенные! Маленько подождите: Кузьма Захарыч хочет говорить.

Г у б а н и н. Коли не в труд, повремените малость: Кузьма Захарыч приказал просить.

Минин выходит из собора.

М и н и н* (*с лобного места*). Друзья и братья! Русь святая гибнет! Друзья и братья! Православной вере, в которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоит. Святители, молитвенники наши, о помощи взывают, молят слезно. Вы слышали их слезное прошенье! Поможем родине святой! Что ж, разве в нас сердца окаменели? Не все ль мы дети матери одной? Не все ли братья от одной купели?

Г о л о с а. Мы все, Кузьма Захарыч, все хотим помочь Москве и вере православной.

М и н и н. И аще, братья, похотим помочь, не пожалеем наших достояний! Не пощадим казны и животов! Мы продадим дворы свои и домы. А будет мало, — жен, детей заложим!

Г о л о с а. Заложим жен! Детей своих заложим!

М и н и н. Что мешкать даром? Время нас не ждет! Нет дела ратного без воеводы: изыщем, братия, честного мужа, которому то дело за обычай, — вести к Москве и земским делом править. Кто воеводой будет?

Г о л о с а. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский! Князь Пожарский! Другого нам не надо!

М и н и н. Воля божья! Пожарского избрали мы всем миром, ему и править нами. Глас народа — глас божий. Выборных людей пошлем просить и кланяться, чтобы шел к нам наспех. Теперь, друзья, несите, кто что может, на дело земское, на помощь ратным. Я, гос-

* Земский староста Нижнего Посада.

поди, благослови начало! свои, копленные и трудовые, все до последнего рубля, кладу.

Несколько голосов. И мы, и мы все за тобой готовы отдать свою копейку трудовую!

Другие голоса. Что деньги! Деньги дело наживное, как живы будем, наживем опять.

Минин. Да из собора я послал Нефеда *, чтоб из дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизи и серьги; весь жемчуг, перстни, ферязи цветные, камку и бархат, соболь и лисицу; да взяли б у святых икон взаймы, на время только, ризы золотые. Пошлет господь, оправим их опять.

Голоса. Все отдадим! Теперь не до нарядов! В нарядах суета мирская ходит! (*Начинаются приношения*).

Минин. Ты, Петр Аксеныч, стань, блюди казну. Ты, дедушка, не знаю, как назвать-то, постой у денег. Принимайте вместе.

Аксенов и старик входят на лобное место и принимают приношения. Минин сходит. Народ более и более теснится у лобного места. Начинают приносить даже вещи.

Губанин (*Темкину*). Пойти домой, принесть свое хоботье! Оставлю чашку щей да хлеба на день, с меня и будет.

Темкин. Погоди, успеешь! Мы первые пошли на это дело, — не спятимся.

Входит Колзаков, стрелецкий сотник.

Колзаков (*Минину*). А я что дам? До нитки домотался! А надо бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь людям завидно. Не то завидно, милый человек, что хорошо живут да чисто ходят, а то завидно, что добро несут, а мне вот нечего. И одежонка вся тут. Да, погоди! Тельник на шее, серебряный, большой. Ну, слава богу! Нашлось-таки, что господу отдать. (*Снимает*). Возьми!

---

* Сын Минина.

Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни пойдет на дело и моя копейка.

Входят Татьяна Юрьевна, жена Минина, и Нефед. За ними несут сундуки и ларцы.

Нефед. Как, батюшка, изволил приказать, так точно мы, по твоему приказу, и сделали: все принесли сюда.

Минин. Вон, видишь, Петр Аксеныч собирает! Кладите в кучу — после разберет.

Татьяна Юрьевна. Вот, государь ты мой, Кузьма Захарыч, ты приказал жене твоей, Татьяне, прислать тебе жемчуг и ожерелья и с камушками перстеньки и всю забаву нашу бабью. Я не знаю, на что тебе: я все в ларец поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты дума крепкая, Кузьма Захарыч, ты слово твердое, — так что нам думать?

Минин. Сама Петру Аксенычу отдай.

Татьяна Юрьевна. Все, государь, исполню, что прикажешь.

Уходит. Входит Марфа Борисовна, богатая вдова, за ней несут сундуки и ларцы.

Марфа Борисовна. Богатое наследство мне осталось от мужа моего и господина. Отцы и деды прежде накопили, а он, своим умом и счастьем, много к отцовскому наследию прибавил и умер в ранних летах; не судил ему господь плоды трудов увидеть, покрасоваться нажитым добром. Благословенья не было от бога мне на детей, — одним-одна осталась хозяйкой несчетного добра, добра чужого, — я с собой мало в дом принесла. Искала я родных, родни его ни близкой не осталось, ни дальней. Вздумала я, догадалась роздать казну за упокой души, — и весело мне стало, что заботу такую дорогую бог послал. И вот, благословясь, я раздавала по храмам божьим на помин души и нищей братье по рукам, в раздачу, убогим и слепым и прокаженным, сиротам и в убогие дома, колодникам и в тюрьмах заключенным, в обители — и в Киев и в Ростов, в Москву и Углич, в Суздаль и Владимир, на Белоозеро

и в Галич, и в Поморье, и в Грецию, и на Святую Гору,— и не могла раздать. Все прибавлялось, то долг несут, то кортому с угодий. И не внуши вам бог такого дела, ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом. Тут много тысяч! Сыпьте, не считайте! На добрые дела, на обиход еще немного у меня осталось. Коли нужда вам будет, так возьмете. А мне на что? С меня и так довольно — одних угодий хватит на прожиток. (*Отходит к стороне. Народу все больше прибывает на площади*).

Один из толпы. Вот шесть алтын, две деньги!

Другой. Зипунишко! (*Подают. К лобному месту подходят толпами*).

Голоса. Вот наши деньги из квасного ряду! — Из рукавичного! — От ярославцев! — Костромичи собрали — принимайте! — Стрельцы Колзакова Баима сотни!

Поспелов. Вот праздник, так уж праздник! Ну, веселье!

Минин. И я смотрю, душа во мне растет. Не явно ли благословенье божье! Теперь у нас и войско, и казна, и полководец. Недалеко время, когда, вооружась и окрылатев, как непоборные орлы, помчимся и грянем на врагов. Пусть лютый враг, как лев, зияет, бесом вооружаем; не страшен нам злохитрый ков его! За нас молитвы целого народа, детей и жен и старцев многолетних, и пенье иноков, и клир церковный, елей лампад, курение кадил! За нас угодники и чудотворцы, и легионы грозных сил небесных, полк ангелов и божья благодать!

Из драмы Островского.

ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

(1613 г. 21 февраля)

Слова: «*Москва взята! В Москве уже нет ляхов!*» казались волшебными словами, утишившими буйные страсти. Казалось, вся Россия опомнилась после безумного опьянения, продолжавшегося *восемь лет* с

тех пор, когда самозванец вступил в Россию в *октябре 1604 года* до того времени, когда истинная вера и бескорыстная любовь к отечеству, преодолевая все препятствия, отняли Кремль у поляков. *В октябре 1612 года*, к искренней радости, примирились и соединились все бояре, вожди войска русского, духовенство. Никто не напоминал друг другу о прошедшем: *кто не был грешен?* Предавая забвению все минувшее, все учредилось по прежнему старшинству, и прежде всего решились общей думой избрать царя. До тех пор положили править государством от общего имени бояр и поклялись не приставать ни к самозванцам, ни к Владиславу. Против Заруцкого отправили войско, его разбили, прогнали из Рязанской области. Делагарди, обманутый напрасным ожиданьем, прислал послов — говорить об избрании шведского принца; ему отвечали, что он опоздал. Отовсюду спешили в Москву люди, избранные по городам, для выбора царя.

В Москву съехались зимой избранные люди из городов, отслужили молебен, приступили к совещаниям. Авраамий, уважаемый всеми, красноречивый, умел согласить умы, утишить раздоры. Не хотели избрать никого из старых, мятежных бояр, и все голоса слились воедино, все провозгласили юного непорочного Михаила, сына Филаретова, последнюю отрасль знаменитого дома Захарьиных, того, чье имя предлагал некогда к избранию страстотерпец Гермоген. Архиепископ рязанский Феодорит, Авраамий и боярин Морозов вышли к народу, нетерпеливо дожидавшемуся решения земского совета. Едва произнесено было имя Михайлово, толпа приветствовала его радостными восклицаниями. Без условий, без оговорок, избрание Михаила совершилось 21-го февраля 1613 года; 25-го Москва и земский совет присягнули новому царю, *избранному от бога, а не от человека*, по выражению современников, ибо единодушие, с каким произошло избрание, приписали единственно милосердию и внушению божию.

Из соч. Н. Полевого.

ПЕТР I.

Петр Первый был слишком 2-х аршин 14-ти вершков и столько отличался ростом от других, что во время пребывания его в Голландии, в Саардаме, жены корабельщиков, работавших на тамошней верфи, унимали детей своих от шалостей, грозя гневом высокого плотника из Московии. Он был крепкого сложения, имел лицо круглое, несколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые париком, большие черные глаза, густые брови, маленький нос, небольшой рот и усы, придававшие ему несколько суровый вид.

Сила его была соразмерна необыкновенному росту. Заспорив однажды с Августом, королем польским, он велел подать себе штуку сукна и, бросив ее вверх, кортиком перерубил ее на воздухе. В другой раз, сидя с ним же за ужином, он свертывал в трубку по две серебряные тарелки вдруг и потом между ладонями сплющил большую серебряную же чашу. Походка его, обыкновенно скорая, делалась еще скорее, когда он занят был какой-нибудь мыслью или увлекался разговором.

Один из иностранных министров, находившихся в то время при российском дворе, а именно цесарский (австрийский) посол, граф Кинский, довольно толстый мужчина, говаривал, что он согласится лучше выдержать несколько сражений, нежели пробыть у царя два часа на переговорах: ибо должен был, при всей тучности тела, бегать за ним во все это время.

Петр любил веселиться в обществах, на праздниках, которые давались ему в честь; любил видеть вокруг себя блеск и пышность, но в частной жизни представлял во всем образец строжайшей умеренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: летом черный бархатный картуз или треугольная поярковая шляпа, французский кафтан из толстого сукна, серого или темного цвета, с фабрики купца Серикова, тафтяные камзол и нижнее платье, цветные шерстяные чулки и башмаки на толстых подошвах и высоких каблуках, с медными или стальными пряжками. Зимой вместо бархатного кар-

туза носил он шапку из калмыцких барашков, вместо суконного кафтана надевал другой, из красной материи, в коем передние полы были подбиты соболями, а спинка и рукава беличьим мехом и, вместо кожаных башмаков, род сапогов из северного оленя, мехом вверх. Царь не охотно расставался с сей простотой и даже не изменил ей в 1717 году в Париже, где в молодости Людовика XV пышность и частые перемены в одежде составляли отличительную черту людей лучшего общества. Приехав туда, он заказал себе новый парадный парик; ему принесли сделанный в последнем вкусе—широкий, с длинными кудрями. Государь обрезал его по мерке прежнего своего парика, так что он едва прикрывал волосы. Были однакоже дни, в которые и он любил наряжаться с некоторой пышностью: так, например, при спусках кораблей. В день коронации императрицы Екатерины имел он на себе голубой гродетуровый кафтан, шитый серебром самой государыней. Когда она поднесла его супругу, Петр взял кафтан в руки и, взглянув на шитье, тряхнул им, отчего несколько канители осыпалось на пол. «Смотри, Катенька», — сказал он ей, указывая на упавшие блестки: — «слуга сметет это вместе с сором, — а ведь здесь слишком дневное жалованье солдата».

Вообще Петр, щедрый в награждении заслуг, показывал чрезвычайную бережливость во всем, что касалось до его собственности. В первое путешествие свое по чужим краям, прибыв вечером инкогнито с небольшой свитой в Нимвеген, он остановился в трактире и потребовал ужинать. Ему дали 12 яиц, сыру, масла и две бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщик, вероятно, узнав, кто был его гость, запросил сто червонных. Петр велел гофмаршалу своему Шепелеву заплатить деньги, но не мог забыть этой издержки, и, угощая в Петербурге приезжавших на судах голландцев, всякий раз с упреками напоминал им о корыстолюбии нимвегенского трактирщика. «Мне мотать не из чего» — говаривал он в другое время: — «жалованья заслуженного у меня немного, а с государ-

ственными доходами надлежит поступать осторожно: я должен во всем отдать отчет богу». Часто ходил он в башмаках, им самим заплатанных, и чулках, штопанных его супругой; носил по году и по два одно платье.

Ездил он летом в длинной, выкрашенной в красную краску одноколке, на низких колесах, парой; зимой в санях, запряженных в одну лошадь, с двумя денщиками — одним, который сидел рядом, и другим, ехавшим сзади верхом.

Та же простота, какую соблюдал царь в одежде и в экипаже своем, господствовала и в его обращении. «Если хотите остаться моими друзьями» — говорил он саардамским корабельщикам в 1698 году, — «то обходитесь со мной не как с царем, иначе я не буду учеником вашим. Я ищу не почестей, но полезных знаний. Оставьте все церемонии, мне свобода в тысячу раз милей, нежели несносное принуждение, которого требует свет». Бывало, если на улице кто-нибудь из проходящих, поклонившись, останавливался перед государем, он подходил к нему и, взяв за кафтан, спрашивал: «чего ты?» и если тот отвечал ему, что остановился из уважения к его особе: «эх, брат!» — продолжал Петр, ударив его по плечу: — «у тебя свои дела, у меня мои; зачем тратить время по пустому; ступай своей дорогой». «Менее низости»,— говаривал он— «и более усердия к службе и верности к государству и ко мне — вот почести, которых я хочу».

В Петербурге царь был то же, что отец в большом семействе. Он крестил у одних, пировал с другими, плясал на свадьбе у такого-то и ходил за гробом у иного. Случалось ли ему иметь к кому-нибудь дело, вельможе, купцу или ремесленнику, он часто, взяв с собой камышевую трость с набалдашником из слоновой кости, более известную под именем *дубинки*, отправлялся к нему запросто, пешком и если находил хозяина за обедом, то без чинов садился за стол, приказывал подавать себе то же, что подносили другим, толковал с мужем, шутил с женой, заставлял при себе читать и писать детей, тре-

буя, чтоб обходились с ним без чинов. Часто видали его на улицах, идущим под руку с честным фабрикантом или иноземным матросом, иногда, — бродящим в толпе, прислушиваясь к молве народной.

Но обращаясь открыто со всеми, он того же требовал от всех для себя, и худо тому, кто задумал бы в разговорах или поступках с ним позволить себе малейшую ложь. «За признание прощение, за утайку — нет помилования», повторял он часто: «лучше грех явный, нежели тайный».

Он любил правду, даже в таких случаях, когда она могла бы другому показаться оскорбительной. «Князь Яков в сенате», отзывался он о Долгорукове: «прямой помощник. Он судит дельно и мне не потакает; без краснобайства режет прямо правду, несмотря на лицо».

ДЕНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

Во время своего пребывания в Петербурге царь жил во дворце Летнего сада, зимой в Зимнем, находившемся на том месте, где ныне Эрмитаж. Он ложился в 10 часов, вставал летом и зимой в три утра и ходил час по комнате; читал в это время С.-Петербургские Ведомости, которым иногда сам держал корректуру, или пересматривал в рукописи переводы книг, сделанные по его повелению. Петр знал хорошо по-латыни, по-немецки и по-голландски и понимал французский язык, хотя не мог на нем изъясняться. Ни одна книга не выходила из печати, не быв пересмотренной самим государем. В 4 или 5 часов Петр, без чаю и без кофею, выпив рюмку анисовой водки, отправлялся с тростью в одной и записной книжкой в другой руке, смотреть производившиеся в Петербурге работы, а после того в свой натуральный кабинет, на том месте, где ныне Смольный монастырь, или в адмиралтейство. Однажды назначил он вновь приехавшему в Петербург бранденбургскому посланнику приемную аудиенцию в 4 часа утра. Аудиенция сия была, верно, единственная в своем роде. Посланник, не полагая, чтобы государь вставал

так рано, думал, что не опоздает, явившись во дворец в пять; но уже не застал Петра. Он был на верфи и работал на марсе какого-то военного корабля. Посланник, имевший важные поручения и, не могши вступить в переговоры с русскими министрами, не видав царя, принужден был отправиться вслед за ним в адмиралтейство. «Пусть побеспокоится взойти сюда, если не умел найти меня в назначенный час в аудиенцзале», — сказал Петр, когда ему доложили о его приезде. Посланник принужден был по веревочной лестнице взбираться на грот-мачту, и государь, сев на бревно, принял от него верющую грамоту и обыкновенные при подобных случаях приветствия под открытым небом, на корабельной мачте.

В шесть или семь часов Петр отправлялся в сенат или которую-нибудь из коллегий и оставался там до одиннадцати, слушал дела и споры сенаторов, излагал свои мнения и подписывал на делах решения. Деятельность его при сем случае достойна удивления. Один современный писатель говорит, что он в один час делал более, нежели другой успел бы сделать в четыре. Зато государь умел и беречь время. Это приметно в его разговорах, указах, письмах и во всем, что выходило из-под его пера. Нигде не найдете больше ясности и менее многословия. 16-го марта 1711 года, отправляясь в Прутский поход, написал он о совершенно разных предметах 32 собственноручных указа в сенат, из коих ни один не занимал более четырех строк. В 11 часов Петр обыкновенно уходил из сената; причем подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для приема просителей. Государь давал им аудиенцию в средней галлерее Летнего сада, построенной на берегу Невы, или в хорошую погоду — в главной аллее. Туда мог приходить всякий: и богатый, и неимущий, и знатный вельможа, и человек простого звания. Петр отбирал у просителей просьбы, выслушивал их жалобы и немедленно давал свои решения. В 12 часов ворота Летнего сада запирались. Царь садился за стол и всегда почти обедал в своем семей-

стве. Чтобы кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядом с кухней, повар передавал в столовую блюда прямо из печи, чрез окошечко, и всегда одно за другим, а не вместе. Молодой редис, лимбургский сыр, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка в кислом соусе, который приправлялся луком с огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимым условием его обедов. Мозельские, венгерские вина и вино эрмитаж предпочитал он всем прочим. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновой костью, ножик и вилка с зелеными костяными черенками, и дежурному денщику вменялось в обязанность носить их с собой и класть перед царем, если даже ему случалось обедать в гостях.

Петр не терпел много прислуги. Дежурный денщик служил государю, императрице и великим княжнам. Он находился при царе безотлучно днем и ночью; был доверенной его особой и занимал место камердинера, адъютанта, секретаря.

Откушав, Петр обыкновенно читал голландские газеты и делал на полях замечания карандашом, с означением, что должно переводить в С.-Петербургские ведомости; потом уходил на свою яхту, стоявшую перед дворцом, ложился тут и отдыхал час или два. Иногда, во время торжественных обедов, он для этого вставал из-за стола, приказав однакож гостям не расходиться прежде его возвращения. В четыре часа уходил он в токарную или в кабинет: сюда приходили к нему по делам. Окончив дела государственные, Петр развертывал свою записную книжку, в которой отмечал все, что ему приходило в тот день на мысль, и удостоверившись, что все означенное в ней исполнено, остальное время дня посвящал собственным занятиям.

«Трудиться надобно, братец», говорил Петр Ив. Ив. Неплюеву, когда определял его лейтенантом во флот: «я и царь ваш, а у меня на руках мозоли, а все для того, чтобы показать вам пример и хотя бы под старость увидеть мне достойных из вас помощников и слуг отечеству».

Море было любимой стихией Петра. Один голландский шкипер сказал ему, когда государь объявил, что предпринимает катанье по Неве, чтобы не забыть морских эволюций: «Нет, царь, ты не забудешь, я чаю, ты и во сне командуешь флотом». Все его дворцы в Петербурге и окрестностях или построены на морском берегу, или окружены каналами, над которыми он частью сам трудился. Движимый сей страстью к морю, Петр всегда присутствовал при спусках кораблей, проводил по нескольку часов с зрительной трубой в Монплезире или в Екатерингофском *подзорном* дворце, ожидая прибытия купеческих судов к Петербургу: выезжал навстречу тем, которые приходили к Кронштадту, и сам, как искусный лоцман, вводил их в гавань, за что получал от хозяев по талеру или по кроне.

Механика была одной из любимых наук Петра. Он практически занимался ей в Амстердаме у знаменитого Фон-дер-Гейдена: трудился у него над деланием часов и в знак признательности оставил ему несколько моделей своей работы. Вообще он был самый послушный и понятливый ученик: без ропота исполнял самые трудные поручения, переносил строгие выговоры. Вот тому доказательство. Герцогу Мальборугу, находившемуся в Голландии в 1697 году, хотелось видеть Петра. Он приехал нарочно из Ло в Амстердам и явился для этого к хозяину, у которого царь был в учении. Дом сего мастера находился на берегу залива Эй: перед окнами между плотниками работал Петр. «Я назову его по имени, — сказал мастер Мальборугу: — он обратится, и вы успеете свободней рассмотреть его». В это время несколько человек пронесли на плечах большое бревно. «Петр из Саардама, что ж ты зеваешь? поди помогать другим» — продолжал мастер, обращаясь к царю. Государь тотчас встал, бросил топор и, подставив плечо свое под бревно, перенес его с другими в надлежащее место.

Но я никогда не кончил бы, если бы захотел теперь исчислять все роды упражнений императора Петра I, если бы вздумал подробно рассказывать, как он ткал в

Утрехте на фабриках Моллема полотно; ковал железо на заводе Миллера неподалеку от Истецких минеральных вод и брал за пуд по алтыну; как работал у разных слесарей, стекольщиков и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы он не занимался, или, по крайней мере, о коих не имел бы ясного понятия. Самый отдых Петра был работой. Он отдыхал или за токарным станком, или вырезая на меди достопамятные случаи своего царствования.

Петр чувствовал цену великих дел своих и гордился ими, потому что видел в них благо России. Он охотно говорил о своих походах, о сражениях, в которых участвовал; охотно рассказывал об опасностях, которым подвергался на суше и на море, и с особенным удовольствием распространялся о том времени, когда он в 1716 году командовал на Балтийском море флотами четырех держав: английским, голландским, датским и российским. Обыкновенно он был молчалив, говорил отрывисто, изъяснялся коротко; тут румянец выступал на бледное лицо, в глазах блистали радостные слезы, слова лились рекой, и одна мысль быстро сменяла другую. С каким жаром описывал он выгоды, которых ожидал от учреждения 12 коллегий, мечты о благодетельных последствиях просвещения, насаждаемого им в России! Как сильно опровергал пристрастные суждения иностранцев, называвших его жестоким, тираном, варваром! Он любил изображать себя в виде каменщика, обтесывающего молотом обрубок мрамора, до половины обделанный, или кормщика, проведшего челн через бурю и уже близкого к благополучной пристани, цели постоянных его трудов и пламенных желаний.

Из русск. стар. Корниловича.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

1709 г. 27 июня.

Горит восток зарею новой;
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам

Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули,
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядры, свищут пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там:
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Тесним мы шведов рать за ратью,
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен,

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!». Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен;
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит, глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком.
Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки;
Ровняясь, строятся полки;
Молчит музыка боевая.

На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И се, — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним во след неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.
И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился;
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей

Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет...
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон!...

Но близок, близок миг победы...
Ура! Мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит;
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен:
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.

А. Пушкин.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали;
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки, —
Французы — тут-как-тут.
Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою:
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!
Два дня мы были в перестрелке:
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.
И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.
Ну ж был денек!... Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами, —
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день не мало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

Земля тряслась, как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри,— не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

М. Лермонтов.

МАНИФЕСТ.

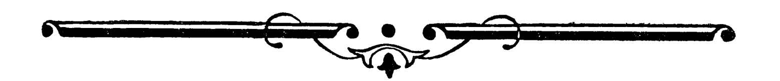
19 февраля 1861 г.

Посмотри: — в избе, мерцая,
Светит огонек;
Возле девочки-малютки
Собрался кружок;
И с трудом, от слова к слову
Пальчиком водя,
По печатному читает
Мужичкам дитя.
Мужички в глубокой думе
Слушают, молчат;
Разве крикнет кто, чтоб бабы
Уняли ребят:
Бабы суют детям соску,
Чтобы рот замкнуть,
Чтоб самим хоть краем уха
Слышать что-нибудь...

Даже с печи не слезавший
Много, много лет,
Свесил голову и смотрит,
Хоть не слышит, дед.
Что ж так слушают малютку?
Аль уж так умна?
Нет, одна в семье умеет
Грамоте она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть!
Самой вести смысл покамест
Темен им и ей.
Но все чуют над собою
Зорю новых дней...
Вспыхнет, братцы, эта зорька!
Тьма идет к концу!
Ваши детки уж увидят
Свет лицом к лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдет могуч!
Вещим оком я уж вижу
Первый светлый луч.
Он горит уж на головке,
Он горит в очах
Этой умницы-малютки
С книжкою в руках!
Воля, братья, — это только
Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековечный день.

А. Майков.

ОТДЕЛ III.

ИЗ ГЕОГРАФИИ.

ВБЛИЗИ И ВДАЛИ.

У кого зрение хорошо, тот может ясно читать на расстоянии аршина; но если ту же книгу отодвинуть аршин на пять, на шесть, то и дальнозоркий человек будет видеть одни только чернеющиеся строчки и много-много, если различит большие буквы. Пусть кто-нибудь возьмет в руки книгу и, продолжая держать ее так, чтобы мы могли видеть листы и на них строчки, станет уходить с ней все дальше и дальше: за десять, за пятнадцать саженей строчки исчезнут; саженей за сто вся книга покажется белым пятном; еще десятка два саженей дальше, — и не только нельзя будет разобрать, что держит уходящий человек в руках, но и самого человека будет трудно узнать по лицу на таком расстоянии. За версту нельзя уже различить цвета одежды уходящего человека, а за пять, за шесть — и весь человек покажется чуть заметной точкой и, притом, точкой почти неподвижной, хотя бы он шел очень скоро: еще несколько саженей далее, — и самая эта точка исчезнет.

Случалось ли вам видеть, как орел или коршун, снявшись с камня или с дерева, быстро начнет подыматься кверху? Сначала вы очень ясно различаете широкие крылья, хвост и голову хищной птицы, но через минуту вся птица, быстро улетающая кверху, покажется вам черным и почти неподвижным пятном, хотя она улетает с прежней быстротой: еще минута, другая — пятно превращается в точку, а потом и самая точка исчезнет в синеве небесной.

Все предметы, как бы они велики ни были, дома, церкви, целые города, громадные горы уменьшаются для нас по мере того, как мы от них удаляемся, и если вам скажут, что черточка, которую вы видите на горизонте, находится от вас на расстоянии десяти верст, то вы, зная, как уменьшаются предметы вдали, вероятно, догадаетесь, что эта черточка совсем не так мала, как нам кажется, и что это должно быть какое-нибудь очень высокое здание, если можно еще видеть его на расстоянии десяти верст. Но если вы увидите какой-нибудь предмет на горизонте на расстоянии пятидесяти, шестидесяти верст, то хотя бы этот предмет казался вам не больше болотной кочки, вы, без сомнения, подумаете, что это должна быть какая-нибудь громадная гора.

Но что же подумаете вы, если вам скажут, что луна, которая нам кажется величиной с большую тарелку, находится от нас почти за 400 тысяч верст? Вероятно, вы поверите после этого, что луна на самом деле только в 49 раз менее всей той земли, на которой мы живем. Солнце же, которое кажется не меньше луны, еще гораздо, гораздо дальше. Можно себе представить, как громадно должно быть оно, если мы его еще видим таким большим почти за 150 миллионов верст? Многие звезды еще гораздо, гораздо дальше от нас, чем самое солнце; как же должны быть велики эти маленькие звездочки, когда мы их видим на таком неизмеримо-далеком расстоянии?

ЗЕМЛЯ.

Мы уже знаем, что звездочки, которые кажутся нам блестящими, мигающими точками, такие большие земли, что на них весьма просторно могли бы поместиться многие и многие миллионы людей. Живут ли там люди, мы не знаем; но знаем только то, что если бы с одной из этих звездочек можно было взглянуть на нашу землю, то ее или совсем не было бы видно, или она показалась бы нам такой же крошечной, блестящей точкой, какой с земли кажутся нам звезды. Однако на этой точке довольно места для тысяч и миллионов людей, для их городов, сел и полей; много необитаемых пустынь, хотя

более двух третей всей земной поверхности занято водой: океанами и морями.

Естественно, что человеку захотелось узнать, какую форму имеет та звездочка, на которой он живет. Но как это сделать? Мы знаем, что форму предметов человек узнает посредством зрения и осязания и когда хотим узнать форму яблока, то берем его в руки и осматриваем со всех сторон; но нельзя не согласиться, что с землей это довольно трудно сделать. В руки ее не возьмешь, да и осмотреть сразу невозможно. Представьте себе, что по огромному, почти шарообразному куполу какой-нибудь церкви ползет маленькая мошка; трудно будет ей узнать форму этого купола и долго она проползает по нем, прежде чем узнает, что он имеет форму шара. Человек же в отношении земли, на которой он живет, меньше, чем самая маленькая мошка в отношении самого большого церковного купола. И долго человек ходил и ездил по земле, прежде чем догадался, что бог дал ей форму большого *шара*.

Если человеку удавалось быть на море или на большой равнине, где ни леса, ни горы не мешали его взору, то он видел только крошечную частичку земли, которая на краю повсюду сходилась с небом. Не удивительно, что прежде, чем угадали люди истинную форму земли, они считали ее плоским кругом и полагали, что где-то далеко есть край земли, с которого, пожалуй, можно и соскочить: но куда соскочить, — неизвестно. Были, правда, такие умные люди, которые догадывались, что это не так и что у земли нет краев, как нет их у шара; но таких людей было немного и им мало верили. Но вот люди выучились делать хорошие корабли и стали плавать на них по морю, каждый раз заходя все дальше и нигде не находя края земного. Наконец, нашлись такие смельчаки, которые плыли, плыли и, не возвращаясь назад, доплыли до того места, с которого отправились. Точно то же случилось бы с мухой, если бы она ползла все прямо по куполу, не возвращаясь назад: она приползла бы, наконец, к тому месту, с которого отправилась.

ГЛОБУС.

Смотря на картинку, на которой нарисована ловля кита, мы говорим: какое большое животное! А между тем на картинке это животное не больше вершка. Но кит нам кажется и на картинке большим, потому что возле него нарисована лодка, в которой сидит человек десять китоловов: а лодка эта в десять раз меньше кита. Зная же, как велик человек в натуре, мы заключаем и о величине громадного морского зверя. На картинах по большей части все предметы изображаются гораздо меньше их натуральной величины. Иная высокая гора на картинке точно небольшое пятнышко; зато возле такой горы человека и нарисовать нельзя: так он будет мал; если же нарисуем человека, хотя в вершок величиной, то самую гору сочтем за маленький холмик. На картинах, следовательно, предметы изображаются по большей части в уменьшенном виде, но *пропорционально*, т. е. во сколько раз уменьшен на картинке один предмет, во столько раз уменьшен и другой. Если же на картинке иногда рисуют человека больше дерева или горы, то это для того, чтобы показать, что человек стоит ближе, а гора гораздо дальше, потому что, как вы уже знаете, чем дальше от нас предмет, тем он кажется меньше.

На полу нашего класса можно уместить много листов бумаги; но весь пол можно нарисовать на одном листе: стоит только вымерить, сколько будет наш пол в длину, сколько в ширину, и нарисовать на бумаге такой четвероугольник, который столько же будет иметь в длину и в ширину вершков, сколько сам пол имеет саженей. На этом маленьком четвероугольнике, представляющем пол нашего класса, мы можем легко означить, где стоят наши скамьи, где доска, где печка и т. д. Также можем мы нарисовать и целый сад. Если мы нарисуем деревья, кусты, беседки и представим все эти предметы в таком виде, как они представляются глазам нашим, т. е. те, которые поближе — в большом виде, а те, которые дальше — в меньшем, то это будет *картина* сада.

Но если мы вымеряем наш сад во всех направлениях и начертим на бумаге фигуру пространства, занимаемого садом, конечно, в уменьшенном виде, а потом означим на этой фигуре положение дорожек, беседок, пруда, деревьев, словом, всех предметов, которые находятся в нашем саду, не изображая самих предметов, то это будет уже не картина, а *план* сада. Можно нарисовать такой же план большого города, означив на плане течение реки, положение улиц, площадей, церквей и даже всякого дома по одиночке. Имея такой план в руках, мы уже не можем заблудиться, куда бы мы ни зашли: нам стоит узнать название улиц и, взглянув на план, мы сейчас поймем, где мы находимся и куда нам должно идти.

Можно нарисовать не только *план* дома, сада, города, но и целой большой страны и означить на этом плане все реки, озера, моря, положение гор, лесов, границы губерний, города. Такой план называется уже *картой*. Но понятно, что река, длиной в двести или триста верст в натуре, будет на плане маленькой, узенькой черточкой в полвершка длиной, целый большой город — одной точкой; а домов или церквей и вовсе не будет, потому что их следовало бы сделать такими маленькими, что и нарисовать невозможно. Можете же себе представить как надобно уменьшить все предметы, реки, озера, моря и целые государства, чтобы нарисовать план или *карту* всей земли. Здесь уже река в тысячу верст длиной будет небольшой чертой в полвершка.

Но как же нарисовать карту земли: земля ведь шар, а бумага плоска? Действительно, это довольно трудно. Для этого делают шар из дерева и обклеивают его бумагой, на которой уже нарисованы океаны, моря и земли с озерами, горами и реками, в том положении, в котором они находятся на земном шаре. Такой шар, представляющий землю, называется *глобусом*. Если же представить земной шар на плоской бумаге, т. е. нарисовать карту земного шара, то обыкновенно рисуют ее в двух кругах, представляющих два *полушария*, но не выпуклых, ка-

ковы полушария в натуре, а плоских: в одном круге рисуют *карту* одной половины земного шара, в другом— другой.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЛУШАРИЯМИ.

Взглянув на карту двух земных полушарий, легко узнать, где нарисована вода, а где земля, или суша. Вода покрывает две трети земного шара и вся вместе называется *океаном*. Земля составляет остальную треть и расположена посреди воды огромными островами, которые зовут *материками* и между которыми разбросано множество маленьких *островов* и островков. Посреди материков вы замечаете еще воду в виде *озер*, окруженных со всех сторон землей, или в виде рек, изображенных тоненькими, извивающимися черточками, потому что реки и в натуре никогда не текут прямо, а всегда извиваются. Вы видите, что в некоторых местах море вдается в землю и образует *заливы*; в других местах земля выдается в море и образует *полуострова*. Иногда два моря, или залив с морем, соединяются узким водяным проходом: такой проход называется *проливом*. Иногда два куска суши соединены узким *перешейком*. Большие части океана, лежащие у берегов или вдавшиеся в материки, называются *морями*.

Присмотревшись внимательно к изображениям обоих полушарий, вы заметите, что на одном из них земли, или суши, больше, чем на другом. На том полушарии, где больше воды, изображен Новый Свет, на другом — Старый. Длинный, вытянутый материк, составленный из двух больших кусков, соединенных перешейком, называется Новым Светом, или Америкой. Америка называется Новым Светом потому, что европейцы долго не знали об ее существовании. Между Новым и Старым Светом к востоку от Нового, лежит Атлантический океан, а к западу — Тихий океан; на юге земного шара — Южный, а на севере — Северный или Ледовитый. Все эти океаны суть только части одного великого океана земного шара, посреди которого разбросаны материки и острова.

В Старом Свете вы легко различите три части: Африку, Азию, соединенные небольшим перешейком, и Европу, самую малую часть света, но жители которой, как вы знаете, распространяют теперь образование и христианскую веру по всему земному шару.

Все три части Старого Света, Европа, Азия и Африка, окружают довольно большой залив Атлантического океана, называемый Средиземным морем. В настоящее время почти во всей Европе живут образованные люди, тогда как в других частях света еще много дикарей; но за две тысячи лет до нашего времени и в Европе образованные народы были только на юге, по берегам Средиземного моря, а далее к сéверу жили дикие, необразованные племена, не знавшие ни торговли, ни наук, ни искусств.

На одной части азиатского берега Средиземного моря жили финикияне, народ небольшой, но предприимчивый, который первый выучился строить хорошие корабли и, отыскивая товары или развозя их, пускался в далекие морские путешествия. Говорят даже, что финикияне, по поручению одного египетского царя, по морю объехали кругом Африки; а это, по тогдашним познаниям людей, было подвигом необыкновенно смелым, так что после финикиян ни один народ долго не мог на него решиться. На африканском берегу, там, где течет большая река Нил, жили египтяне, народ тоже очень умный, но не любивший пускаться в морские поездки. Далее к западу, на африканском же берегу, жили карфагеняне, предки которых вышли из Финикии. Карфагеняне были, как и их предки, народ торговый и странствовали по тогдашнему времени довольно далеко, — ездили даже в самую Англию, населенную тогда дикарями.

На европейском берегу Средиземного моря, на полуостровах, из которых один называется теперь Балканским, а другой Аппенинским, или Итальянским, жили два самые образованные народа того времени: греки и римляне. Греки и римляне были люди очень умные, скоро полюбили науки и искусства, занимались и тор-

говлей; но пускаться далеко в море боялись. Не имея хороших кораблей, не зная употребления компаса, они плавали больше по Средиземному морю и выехать из Средиземного моря, за *Гибралтарский пролив*, казалось для них великим подвигом, на который решались немногие. Если же какой-нибудь корабль и выплывал за пролив, казавшийся тогда для греков и римлян концом света, то старался держаться берегов и не пускался в открытое море, которому, по понятиям тогдашнего времени, и конца не было.

Из этого вы можете заключить, какую небольшую часть земли знали даже самые образованные люди из греков и римлян. В далекие образованные страны Азии, Китай и Индию, пробраться сухим путем, через огромные пустыни, по которым там и сям бродят необразованные, полудикие племена людей, и теперь не легко, а тогда еще было трудней. Торговля с Индией, откуда привозили в Европу золото, слоновую кость, дорогие ткани, различные редкие произведения растительного царства, шла очень трудно и медленно. А между тем, ходили слухи, что в Индии богатствам и счету нет, так что многие думали, как бы найти туда более удобный путь: но не могли придумать.

Мы уже говорили, что и в это время некоторые умные люди догадывались, что земля не плоский круг, а шар; но никому не приходило в голову, что, отправившись из Европы *на запад* и не возвратившись назад, можно доехать до Индии, хотя она лежит *на восток* от Европы. Да если бы и пришла кому-нибудь такая мысль, то этого было бы еще недостаточно: согласитесь, что не легко было, выехав за Гибралтарский пролив, пуститься в открытое море, которому никто тогда не знал пределов.

Прошло много лет: Рим покорил Карфаген, Грецию и Египет, почти весь известный мир того времени и, наконец, сам был завоеван полудикими, германскими племенами, пришедшими с севера. Исчезла торговая Финикия, исчез и Карфаген; образовались новые государства, между которыми своей торговлей и своими далекими морскими путешествиями славились Вене-

ция, Генуя, Испания и Португалия. Нашлись европейцы, которые сухим путем добрались до Индии и даже до Китая; но никто не решался пуститься в открытое море за Гибралтарский пролив, — никто не решался попробовать объехать земной шар вокруг. Наконец, нашелся человек, у которого было довольно ума и мужества, чтобы решиться на такой великий подвиг: этот человек был Христофор Колумб.

ХРИСТОФОР КОЛУМБ.

Христофор Колумб, сын генуэзского ткача, родился в 1436 году. В молодости своей он много и прилежно учился: занимался географией и астрономией и совершил несколько морских путешествий, и уже в то время запала у него мысль, отправившись по морю на запад, найти морской путь в Индию. Долго обдумывал он эту мысль и, наконец, решился ее выполнить. Но для этого нужен был флот. Напрасно предлагал Колумб свои услуги правительствам Генуи, Португалии, Англии: никто не решался вверить ему флот для такой, как думали тогда, безумной цели. После долгих неудачных искательств, удалось ему, наконец, выпросить у испанского короля Фердинанда и его супруги Изабеллы три небольшие корабля и сто двадцать человек экипажа.

Маленький флот Колумба отправился из Испании 3-го августа 1492 года и дней через девять был уже за Гибралтарским проливом, у Канарских островов. Спутники Колумба были все люди смелые и предприимчивые; но, выехав в открытое и неизвестное море, стали призадумываться; один только Колумб был вполне уверен в успехе своего предприятия.

После недолгого затишья, которое задержало смелого адмирала у Канарских островов, 9-го сентября подул, наконец, попутный ветер, паруса наполнились, суда понеслись к западу, — и возвышенности острова Ферро скоро потонули в море: старый мир исчез позади мореходцев, впереди же расстилался безграничный и неизведанный океан. Плывут день, плывут другой —

ничего не видно, кроме неба и моря. Наконец, на пятый день, показались птицы: белая хохлатая цапля и белая трясогузка. Мореходцы обрадовались, не зная еще, как далеко от берега могут улетать эти птицы. Плывут еще несколько дней и надежда начала потухать в сердцах моряков. Ветер постоянно был попутный, потому что там, где испанцы плыли, дуют осенью *пассатные* ветры; но самое это постоянство ветра пугало подчиненных Колумба. Что будет с нами, думали они, если ветер постоянно будет дуть все в одну сторону? Заедем-то мы далеко, но как же воротимся назад?

Погода все время стояла отличная. Прохладный, освежающий воздух, кроткое, постоянно ясное небо, тихое море — все было хорошо. Колумб радовался, что ему благоприятствовала погода, но спутники его, не имевшие ни его ума, ни его мужества, начинали призадумываться и, может быть, скоро перестали бы повиноваться своему адмиралу, если бы различные, обманчивые, впрочем, явления по временам не пробуждали в моряках надежды, что берег близко. Скоро показалось на поверхности моря множество травы и чем далее плыли испанцы на запад, тем более ее появлялось: море казалось зеленым лугом. Некоторые из этих растений были такого рода, что могли, казалось, расти только на берегу; другие были так свежи и зелены, как будто сейчас только отделились от почвы. Часто возле кораблей появлялись птицы, а летучие рыбы беспрестанно проносились над поверхностью моря. Но вот прошло уже пятьдесят дней с тех пор, как суда оставили Испанию и, несмотря на все явления, показывающие близость берега, берега не было. В сердца суеверных спутников Колумба начала закрадываться опасная мысль, что может быть враждебные силы нарочно заманивают их этими явлениями все вперед да вперед, чтобы тем удобнее погубить их. Матросы начинали роптать.

Еще прошло несколько дней и количество морской травы так умножилось, что испанцы стали бояться, как бы им не попасть на подводную скалу. Чтобы рассеять этот страх, адмирал велел бросить лот: бросили —

и не достали дна. Еще прошло несколько дней: берега все не видать. Подчиненные Колумба стали роптать, собираться толпами, почти громко сожалеть, что они вверили свою судьбу упрямому человеку, который хотел во что бы то ни стало прославить свое имя. Колумб видел всю опасность такого расположения умов, но притворялся веселым: одних он успокаивал ласковыми словами, другим сулил близкие богатства и строго наказывал тех, которые своим упрямством мешали путешествию. Тому, кто первый увидит землю, адмирал обещал большую награду: а с каким нетерпеливым ожиданием он сам смотрел на запад, об этом и говорить нечего: целые дни он почти не сходил с палубы. В одну из таких минут вдруг послышался выстрел с корабля, ехавшего впереди, командир которого, стоя на палубе, махал шляпой и в восторге кричал: «Земля, земля! Синьор, мне следует награда». Все взволновалось: матросы полезли на мачты, карабкались по снастям и все утверждали, что земля видна на юго-западе; сам Колумб поколебался и велел поворотить в ту сторону, где показалась земля. Но к утру земля исчезла: облачко, которое все приняли за землю, рассеялось. Колумб снова велел править на запад, но ему повиновались еще неохотнее прежнего: ничто так дурно не действует на человека, как обманутая надежда.

По счету Колумба, флотилия его отъехала от Испании на семьсот морских миль, а берега не только не было видно, но 2-го октября исчезла трава и птицы перестали показываться. Матросы думали, что они миновали уже тот берег, откуда прилетали птицы, и роптали на упрямство Колумба, который не поворачивал ни к северу, ни к югу, а все правил прямо на запад. К счастью адмирала, через два дня снова показались птицы, и признаки близости земли так умножились, что надежда возродилась в сердцах матросов, и они, желая получить обещанную награду, стали так часто кричать: «Земля! земля!», что не давали покою. Колумб должен был объявить, что тот, кто всполошит экипаж напрасным криком, теряет право на награду, если б потом в

самом деле увидал землю. Число птиц с каждым днем увеличивалось; показался даже пеликан, который, как думал Колумб, никогда не улетает далеко от берега; самый воздух казался Колумбу напоенным благоуханиями деревьев.

Однако, прошло еще несколько дней, а берега не было. Экипаж начинал терять терпение, и, когда, наконец, на семидесятый день пути солнце, не осветив берега, снова погрузилось в безграничный океан, — на кораблях началось возмущение. Все требовали, чтобы Колумб поворотил назад, и положение адмирала было самое отчаянное. Но, к его великому счастью, признаки земли на следующий день так умножились, что самые неверующие стали верить; появилась веточка с ягодами, которая, казалось, еще недавно была оторвана от дерева и, наконец, даже палка со всеми признаками прикосновения к ней руки человеческой. Снова все стали глядеть вперед, и каждый желал первый увидать землю.

Оставшись ночью на палубе, Колумб не спускал глаз с запада: он чувствовал, что еще один день, и ему будет уже невозможно удержать в повиновении своих матросов, — еще один день, и план целой жизни разрушен навсегда! Вдруг, около десяти часов вечера, показалось Колумбу, что вдали мелькает огонек. Опасаясь снова возбудить ложную надежду, адмирал подозвал одного из своих спутников, и тот подтвердил его замечание. Однакоже оба молчали, потому что огонек то появлялся, то исчезал. Борясь между страхом и надеждой, адмирал смотрел на мерцающий огонек до двух часов утра, когда, наконец, пушечный выстрел с одного из судов возвестил о появлении земли — и на этот раз уже действительной земли, берег которой виднелся ясно невдалеке, не более, как на расстоянии двух морских миль.

Так совершил Колумб свое великое предприятие и разоблачил тайну, долго скрываемую океаном. Мечта Колумба, наконец, осуществилась, и он добыл себе славу, которая не исчезнет до тех пор, пока мир будет стоять.

Утром, 12-го октября 1492 года, увидел Колумб Новый Свет. Перед испанцами лежал большой и прекрасный остров, до того свежий, зеленый и покрытый деревьями, что казался одним огромным садом. Однакоже, несмотря на всю дикую роскошь природы, на острове были люди. Они выбегали на берег и с величайшим изумлением и страхом смотрели на приближающиеся суда. Колумб велел бросить якорь, спустить шлюпки, и сам, держа в руке королевское знамя и одетый в пурпуровое платье, сел на одну из них с толпой вооруженных людей.

Приближаясь к берегам, испанцы любовались громадными лесами, которые в жарком климате растут с необыкновенной роскошью, на деревьях были очень красивые, но незнакомые испанцам цветы и плоды. Чистота и приятность воздуха, необычайная прозрачность моря придавали всей этой картине такую прелесть, что чувствительная душа Колумба была глубоко потрясена. Выйдя на берег, он бросился на колени, целовал землю и со слезами благодарил бога. Все последовали его примеру, и сердца всех были переполнены чувством благодарности. Колумб встал, вынул меч, распустил королевское знамя, — и торжественно принял остров в обладание испанских монархов. Острову он дал имя Сан-Сальвадор, что значит Спаситель. Потом Колумб потребовал, чтобы его спутники принесли ему клятву в верности, как адмиралу и вице-королю. Все спешили выразить Колумбу свою любовь и преданность: одни обнимали его, другие целовали его руки, а те, которые недавно еще оскорбляли его ропотом и недоверием, со слезами умоляли о прощении.

Жители острова, завидя в утреннем полусвете корабли, приняли их сначала за чудовищ, вынырнувших ночью из морской глубины. Быстрое движение судов без видимых усилий, паруса, напоминавшие собой крылья громадной птицы, приводили дикарей в крайнее изумление. Но когда они увидели, что из лодок выходят какие-то диковинные белые люди в блестящих одеждах, то бросились бежать в лес. Впрочем, через несколько

времени, они ободрились и стали понемногу приближаться к испанцам, выражая глубочайшее благоговение, падая на колени и простирая руки к неведомым пришельцам, которых они, казалось, приняли за богов, спустившихся с голубого неба на землю.

Внешность дикарей не выказывала ни богатства, ни образования. Они были без одежды и раскрашены яркими красками, цвет их кожи напоминал цвет меди, а бород у них вовсе не было; волосы на голове были гладки и длинны; черты лица довольно приятны.

Так как Колумб все продолжал думать, что он приехал к одному из индийских островов, то и назвал этих жителей индейцами. Это имя так и осталось за жителями Америки, и даже острова, открытые Колумбом, до сих пор называются Западной Индией, в отличие от Восточной Индии, до которой от Америки еще очень далеко.

Дикари были очень просты и добродушны, вооружены только копьями, в концы которых, вместо железных наконечников, были вделаны камни, зубы животных и рыбьи кости. Железа дикари, казалось, не видали и, хватаясь неосторожно, как дети, за блестящие мечи, обрезывали себе руки. Они придавали величайшую ценность самым пустым подаркам и с восторгом принимали от испанцев стеклянные бусы и разноцветные камешки, предлагая в обмен попугаев и вкусные плоды. Но внимание испанцев было устремлено на небольшие золотые украшения, которые у некоторых из дикарей были продеты в нос. Дикари охотно меняли эти украшения на бусы и маленькие колокольчики, удивляясь простоте испанцев, и знаками объясняли Колумбу и его спутникам, что к западу от их острова есть большая земля, где много золота и драгоценных камней.

Запасшись пресной водой, адмирал пустился далее, и, плавая между множеством роскошных островов, не хотел пристать ни к одному из них, жаждая больших открытий. Наконец, 28-го ноября, приблизился он к большому острову Кубе и бросил якорь в устье прекрасной реки. Жители при приближении кораблей по-

кинули свои хижины и разбежались. Адмирал посетил две из этих хижин и нашел в них бедное имущество: пару сетей, сплетенных из волокон пальмы, крючки, багры из костей и, кроме того, собак, замечательных тем, что они никогда не лают. Плывя вверх по реке, испанцы видели роскошные пальмовые леса, покрытые плодами и цветами; огромными листьями этих пальм индейцы покрывали свои хижины.

Колумб был в восторге и в своем дневнике не может нахвалиться прелестями открытой им страны. По его словам, эти чудные тропические страны поражают дивным разнообразием и роскошью растительности. Зелень лесов и краски цветов на полях и на деревьях кажутся необыкновенно яркими в этом прозрачном воздухе, под этим ясным, синим небом; леса оживлены множеством птиц с яркими, роскошными перьями; пестрые попугаи мелькают в темной зелени деревьев; крошечные колибри, похожие на кусочки разбитой радуги, перепархивают с цветка на цветок; ряды ярко-красных птиц (фламинго) показываются иногда вдали; миллионы блестящих, как бриллианты, насекомых сверкают в воздухе; разноцветные, пестрые рыбы наполняют воды и у иных из этих рыб чешуя отливает, под лучами яркого солнца, то драгоценными каменьями, то золотом, то серебром. Необыкновенная прозрачность Антильского моря, со дна которого индейцы доставали драгоценные жемчужины, поражала испанцев. Словом, Куба показалась Колумбу земным раем.

После этого он открыл еще несколько прекрасных островов и на одном из них, который был назван Испаньолой, или маленькой Испанией, выстроил крепость и основал первую испанскую колонию.

Оставив в новой крепости 30 человек своих спутников, Колумб отправился назад в Испанию. На дороге он вытерпел до того сильную бурю, что уже потерял надежду спастись; а потому написал известие о своем открытии на свертке пергамента, вложил этот сверток в бутылку и, закупорив ее плотно, пустил в море. Однакоже буря миновалась, и 14 марта, при звоне колоколов,

флот Колумба въехал в Палосскую гавань. Король и королева приняли Колумба с величайшими почестями, возвели его в достоинство гранда и назначили вице-королем новооткрытых земель.

Мы не будем рассказывать в подробности всей дальнейшей истории Колумба. Скажем только, что он предпринимал еще несколько экспедиций в Новый Свет, пытаясь найти дорогу в Восточную Индию, но не успел в этом. Великий человек в продолжение остальной своей жизни много вынес от зависти и неблагодарности людей. Раз даже король, поверив наушникам, назначил другого вице-короля и послал его сменить Колумба. Бобадилла, так звали этого злого человека, прибыл в Испаньолу, заковал в цепи Колумба и двух его братьев и в таком виде отослал их в Испанию. Колумб оправдался, но никогда не мог забыть страшного оскорбления и, умирая, завещал положить к себе в гроб цепи, которыми был скован.

Колумб умер 15-го мая 1506 года в бедности, преследуемый злобой и неблагодарностью. Тело его, по завещанию, было перевезено на Сант-Доминго, но потом, когда Сант-Доминго был уступлен французам, тело Колумба перевезли на остров Кубу.

ВАСКО-ДЕ-ГАМА.

Колумб, как мы видели, поехал открывать путь в Восточную Индию, а вместо того открыл Новый Свет, Америку. В это же самое время португальцы, тоже народ предприимчивый и торговый, старались пробраться в Индию другим путем, а именно, объехав вокруг Африку.

Придерживаясь африканских берегов, португальцам уже удавалось забираться далеко на юг, но никто из них не решался окончить предприятия. Наконец, король португальский, Эмануил Великий, снарядил четыре корабля и отдал их в распоряжение опытному и умному мореходцу, по имени Васко-де-Гама. Выбор короля пал на достойного человека.

9-го июля 1497 года Васко-де-Гама со своим небольшим флотом вышел из лиссабонской гавани и направился к югу. Противный ветер задерживал мореходцев, и только 20-го ноября обогнули они южную оконечность Африки, мыс Доброй Надежды, и поворотили к северо-востоку. Васко-де-Гама, так же, как и Колумб, терпел много от недоверия и упрямства своих подчиненных, но также имел довольно ума и силы характера, чтобы преодолеть это упрямство. Попутный ветер принес, наконец, португальцев к тому месту, где ныне находится Софал. В начале марта 1498 года достигли они Зенгвебарского берега Африки. Здесь ждала португальцев другая опасность: арабы или, как их еще называют, мавры, жившие и торговавшие на этом берегу, узнали в португальцах тот самый народ, который так храбро и упорно сражался с ними на северном берегу Африки. Ненависть к христианам, а более всего опасение, чтобы богатая индийская торговля не перешла в руки европейцев, заставила мавров возбуждать в жителях африканских берегов недоверие к новым пришельцам.

Надобно заметить, что столетий через шесть после рождества христова, один предприимчивый араб, по имени Магомет, выдавая себя за пророка, успел основать сильное и воинственное государство в Аравии. Государство это скоро распространило свои пределы завоеваниями, и мало-помалу владычество *магометан* установилось не только во всей западной Азии, но даже в Египте, на северных берегах Африки и в Европе, где магометане завоевали Грецию и весь Балканский полуостров. С этим вместе вся индийская торговля перешла тогда в руки магометан, так что испанцы, португальцы и жители торговых городов Италии, Венеции, Генуи и др. вели торговлю с Индией не иначе, как через посредство магометан. Сообразив все это, мы поймем, почему маврам так неприятно было видеть, что смелая толпа христиан, обогнув Африку, сама, без их посредства, пробирается в богатую Индию. Много нужно было мужества и ума предприимчивому португальскому адмиралу, чтобы преодолеть все те препятствия и опасности,

которые выставляли ему мавры везде, как только он приставал где-нибудь к африканскому берегу. Но уже дорога в Индию была найдена, и 20-го мая прибыл Васко-де-Гама в Каликуту, цветущий город на Малабарском берегу Индии, где в то время сосредоточивалась торговля Индии, Аравии и восточного берега Африки. Здесь также португальцы были встречены враждебными маврами; но адмиралу удалось приобрести благосклонность государя этой страны.

Довольный сделанными открытиями, Васко-де-Гама отправился назад и в сентябре 1499 года прибыл в Лиссабон, где король осыпал его милостями. В другую свою экспедицию по тому же пути Васко-де-Гама основал на восточном берегу Африки две португальские колонии: Мозамбик и Софал, которые существуют и до настоящего времени. Силой оружия наказал он мавров, строивших ему козни, и вошел в дружеские сношения со многими индейскими государями. Исполнив все это в самое короткое время, Васко-де-Гама в декабре 1503 года возвратился в Лиссабон с тринадцатью богато нагруженными судами.

Вскоре после того Васко-де-Гама назначен был вице-королем португальских владений в Азии. Он умер в Индии, в 1534 году. Тело его было перевезено в Португалию и предано земле с большими почестями, посреди огромного стечения народа, которому гениальный человек подарил богатую, чрезвычайно выгодную торговлю.

Васко-де-Гама отличался необыкновенным умом, присутствием духа, честностью, непоколебимой верностью своему слову и истинным благочестием. Его подвиги воспел один великий португальский поэт Камоэнс.

МАГЕЛЛАН.

Великие открытия сделали Колумб и Васко-де-Гама; но ни тот, ни другой не объехали вокруг земного шара. Это предстояло сделать третьему великому путешественнику, испанскому моряку Фердинанду Магел-

лану, который, впрочем, по рождению был португалец. Магеллану пришло в голову выполнить мысль, не выполненную Колумбом, и, отправившись из Испании на запад, доехать до Восточной Индии, обогнув Америку с юга. Он изложил свой план испанскому королю Карлу V-му, и этот государь дал Магеллану все средства для достижения великой цели.

Утром 20-го сентября 1519 года Магеллан с пятью кораблями оставил испанские берега и поплыл сначала по тому самому пути, по которому, как мы видели, плыл Колумб; но, доплывая до Америки, повернул к югу и направился вдоль берегов южной Америки, заходя иногда в устья ее больших рек. Ветер дул попутный, но, несмотря на это, только в декабре следующего года флот Магеллана стал подходить к южной оконечности Америки, проплыв от Испании около шести тысяч верст.

Экипаж, столь давно оставивший родину, много терпел от суровости климата и недостатка провизии. Моряки были недовольны; недовольство скоро превратилось в ропот, а ропот в открытое возмущение; только необыкновенное мужество, присутствие духа и твердость спасли Магеллана. Он унял бунт и заставил своих подчиненных плыть далее.

В последних числах того же месяца флот Магеллана въехал в пролив, который отделяет материк Америки от острова Огненной земли. Высокие горы стояли по обеим сторонам пролива; но плыть было свободно, и скоро испанцы вышли из пролива в огромный океан, который, как вы видите на карте, лежит по ту сторону Америки, занимает более половины земного шара и идет до берегов Азии или Старого Света. Отыщите на карте маленький американский полуостров Калифорнию, на котором недавно еще нашли так много золота, и найдите в Старом Свете Китай: от берегов Китая до берегов Калифорнии около тридцати тысяч верст. Теперь вы поймете, что это океан не маленький. Четыре месяца плыл по нем Магеллан, не видя нигде земли. Погода все это время была так хороша и так тиха, что Магеллан на-

звал это огромное собрание воды Тихим океаном; а пролив, которым испанцы проехали в Тихий океан, назвали потом в память смелого мореходца — Магеллановым проливом. И надобно согласиться, что стоило сделать бессмертным имя Магеллана. Теперь, правда, плавают по Тихому океану очень покойно и очень скоро, но теперь всякий матрос знает, что ждет его впереди, а тогда не знали этого ни капитан, ни матросы, пожалуй, многие из них думали, что вот — доплывут до края земли, да и свалятся куда-нибудь в бездонную пропасть. Надобно иметь много смелости, чтобы четыре месяца плыть, не зная куда, не видя земли, и все идти вперед да вперед.

Первая земля, до которой в Тихом океане достиг маленький флот, оказалась группой островов, обитаемых дикарями. Эти дикари были большие охотники до чужих вещей; а потому Магеллан и самые острова назвал Воровскими или Разбойничьими. От Разбойничьих островов смелый моряк опять отправился далее на запад и скоро достиг другой группы островов, которые назвал Филиппинскими. На Филиппинских островах король тамошних дикарей принял Магеллана очень ласково и просил его помочь ему в войне с другим соседним королем, обещая за это принять христианство и признать своим властелином короля Испании. Магеллан согласился и с частью матросов высадился на остров, где жил тот король, с которым он обещал воевать. Но едва испанцы вступили на враждебную землю, как были окружены огромной толпой дикарей, которые смело встретили врагов камнями, стрелами, дубинами. Испанцы, слышавшие от прежних путешественников, как дикари, не зная употребления пороха, боятся огнестрельного оружия, смело подвигались вперед. Но на этот раз дикари не испугались и так храбро защищали свою землю, что испанцы, видя как мало у них остается зарядов, начали отступать. Как только дикари заметили это, то напали вдвое яростней; испанцы спешили добраться до лодок. Корабельные пушки одни могли бы устрашить диких, но, к несчастью, корабли, по при-

чине мели, стояли слишком далеко от берега. Смелый Магеллан шел тише всех, защищаясь, как лев, и только приказывал своим товарищам спасаться. Дикари заметили Магеллана, догадываясь, что это должно быть начальник, и осыпали его градом стрел и копий. Скоро Магеллан, пораженный дубиной в ноги, упал и был убит. Король же, за которого Магеллан потерял свою жизнь, поступил, как настоящий дикарь и язычник: забыл свои обещания и изменнически перебил тех из испанцев, которые возвратились на его острова.

Когда испанцы, оставшиеся на кораблях, узнали печальную судьбу своих товарищей и своего капитана, то решились, так как их было слишком мало, чтобы управлять тремя кораблями, сжечь один из них и идти далее. Скоро они достигли Молукских островов и были ласково приняты тамошним королем. Здесь корабли расстались: один из них попробовал было воротиться в Европу мимо Америки, но попал в руки враждебных португальцев; другой же, под начальством Себастиана дель-Кано, проехав мимо мыса Доброй Надежды, возвратился в Испанию 6-го сентября 1522 года. Таким образом, совершилось первое кругосветное плавание, доказавшее, что землю можно объехать вокруг. Корабль, на котором было сделано это первое *кругосветное* путешествие, назывался Виктория (по-испански — победа). Испанцы вытащили его на берег и хранят теперь, как память о замечательном подвиге их предков.

В настоящее время кругосветное путешествие не редкость: множество кораблей и пароходов уже из одних торговых выгод беспрестанно обходят землю вокруг. Особенно часто совершают это путешествие английские корабли, которые, отправляясь из *метрополии,* идут мимо мыса Доброй Надежды в английские же *колоний,* находящиеся в Австралии, плывут потом по Тихому океану и через Магелланов пролив мимо мыса Горна выходят в Атлантический океан, а там уже прямая дорога до Англии.

КАПИТАН КУК.

Из всех знаменитых мореплавателей, открытия которых распространили наши познания о поверхности земного шара, едва ли кто-нибудь, за исключением Колумба, прибавил столько новых географических сведений, как капитан Джемс Кук. Дважды он объехал земной шар по морям, тогда почти еще неизвестным, и только смерть, постигшая его на отдаленном острове Тихого океана, помешала ему совершить третье кругосветное путешествие; кроме того, жизнь капитана Кука замечательна еще и потому, что в ней мы видим пример, как ум и прилежание, постоянство и сила характера могут торжествовать над всякого рода препятствиями.

Джемс Кук родился в одной английской деревне 27-го октября 1728 года. Родители его были люди очень бедные и не могли дать сыну хорошего воспитания. Едва выучившись читать и писать, молодой Кук поступил сидельцем в лавку одного мелкого торговца, жившего в приморском городе. Должность сидельца, конечно, не представляла ничего привлекательного для молодого человека и, хотя он исполнял ее очень добросовестно, но часто заглядывался на безграничный океан и с жадным любопытством провожал взорами каждый парус, скрывавшийся за горизонтом.

По смерти отца Кук оставил должность сидельца и определился простым матросом на один купеческий корабль. Мечта его, наконец, исполнилась: он был на корабле; но, увы, на таком корабле, который плавал постоянно по одному направлению возле берегов, перевозя каменный уголь из одного места в другое. Новая должность была немногим веселее прежней, но зато гораздо трудней. Нельзя не удивляться, как молодой Кук, пробыв в такой тяжелой должности около двенадцати лет и находясь постоянно в обществе грубых, необразованных матросов, не потерял охоты и способности к ученью. Напротив, суровая жизнь матроса была лучшей школой для будущего великого мореплавателя: он приобрел в ней сметливость, опытность в морском

деле, привычку к трудам и лишениям и железную твердость характера.

При первом представившемся случае Кук бросил купеческий корабль и перешел в службу на военное судно, где ум, прилежание и опытность необыкновенного матроса скоро обратили на него внимание начальства. Получая повышение за повышением и везде обнаруживая свои способности, знание и твердость характера, Кук через несколько лет занял уже довольно важное место в английском флоте и воспользовался первым свободным временем, чтобы пополнить недостаток первоначального воспитания. Будучи уже сорока лет, Кук принялся изучать геометрию и астрономию, убедившись опытом в необходимости этих наук для моряка; не пренебрегал и литературой и, читая сочинения лучших английских писателей, скоро сам привык излагать свои мысли правильно и ясно.

Кук на практике доказал, что учиться никогда не поздно, и скоро так успел в астрономии, что сделанные им в Америке наблюдения над солнечным затмением обратили на наблюдателя внимание лучших астрономов Англии. Эти наблюдения и молва о твердом характере и добросовестности Кука побудили одно английское ученое общество назначить его начальником экспедиции, отправляемой в южное полушарие для некоторых астрономических наблюдений и открытий новых земель. Нечего говорить, что Кук, у которого страсть к далеким путешествиям не только не остыла с годами, но еще более усилилась, принял с восторгом предложение общества.

23 августа 1768 года корабль, по названию «Попытка», на котором Кук был капитаном, поднял паруса и вышел из плимутской гавани. Обогнув через несколько месяцев мыс Горн, Кук только в апреле следующего года бросил якорь у острова *Отаити*, лежащего на Тихом океане. Окончив здесь все предписанные ему астрономические наблюдения, капитан отправился далее и вскоре открыл целую группу маленьких островов, которым дал название островов *Товарищества*, в честь общества, или товарищества, снарядившего экспедицию.

Вслед за этим, повернув к юго-западу, Кук открыл два большие острова, которым дал название *Новой Зеландии*. Узкий пролив, разделяющий эти два острова, и теперь называется проливом Кука. Описав эти острова, на что потребовалось более шести месяцев, капитан поплыл обратно и едва было не погиб в Ботанибейском заливе, где корабль его попал на коралловый *риф*. Отсюда мимо северных берегов Австралии, через Торресов пролив, достиг Кук Индейского архипелага и датских поселений в Батавии; и, наконец, мимо мыса Доброй Надежды воротился в Англию, сделав множество открытий, важность которых была оценена только впоследствии.

В следующем же году капитан Кук, командуя двумя кораблями, снова отправился на открытия, с поручением объехать землю вокруг и подойти как можно ближе к южному полюсу. Кук отправился к югу; но проплавав несколько месяцев вблизи полярных льдов и не находя нигде земли *, поворотил на север, посетил открытые им прежде острова Товарищества, описал множество островов, открытых прежде, открыл снова несколько маленьких островов и один очень большой, которому дал имя *Новой Каледонии*. Отсюда Кук повернул снова на юг, сделав еще несколько открытий, прошел мимо южной оконечности Америки и мыса Горна в Атлантический океан и воротился в Англию, потеряв во все время путешествия одного только матроса, несмотря на долгое плаванье у полярных льдов.

На родине Кук получил прекрасное место и пользовался великой известностью; но он был не из тех людей, которые, добившись хорошего положения, наслаждаются потом спокойно плодами своих трудов, и в следующем же году предложил свои услуги для нового кругосветного плаванья. Он убедился уже, что у южного полюса нет сколько-нибудь значительной и интересной земли, но северный полюс оставался для него еще тайной, и Кук надеялся открыть северный морской проход

* Теперь уже открыты здесь берега большой, но пустынной, никогда не оттаивающей земли.

из Тихого океана в Атлантический, чего никому еще не удавалось, несмотря на смелые попытки многих мореплавателей и богатую премию, назначенную за этот подвиг английским правительством.

Кук сам заботился о снаряжении двухсот кораблей и даже взял с собой несколько штук рогатого скота и баранов, чтобы высадить их на берега различных островов. Заметим при этом, что много раз бедствующие суда благодарили Кука за эту умную предусмотрительность. 12-го июля 1786 года Кук покинул и в этот раз уже навсегда, берега своей родины. Когда экспедиция, уже в следующем году, достигла Тихого океана, то было слишком поздно, чтобы предпринять путешествие на север. Не теряя даром времени, Кук описал в подробности бесчисленные острова Товарищества и, когда пришло время, отправился к северному полюсу. Открыв по пути группу *Сандвичевых* островов, Кук уже в марте месяце прибыл к берегам Северной Америки и только в августе вошел в Берингов пролив. Но напрасно старался смелый мореплаватель проникнуть за Беринговым проливом далее на запад или на восток: массы льда, беспрестанные бури и противные ветры заставили его удовольствоваться описанием берегов и воротиться назад на Сандвичевы острова, в ожидании будущей весны. Но на этих островах ожидал Кука печальный конец. На острове Овайи началась у англичан ссора с дикарями, которые бессовестно обкрадывали моряков, и в этой ссоре, перешедшей скоро в кровопролитную драку, знаменитый Кук был убит. Так неожиданно погиб в 1788 году этот замечательный человек, подаривший Англию множеством новых земель, а всех нас -- множеством новых географических сведений.

НЕБЕСНЫЙ СВОД.

Когда мы стоим у себя в комнате, то под ногами нашими находится пол, а над головой потолок. Но когда выйдем на улицу, в сад или в поле, то под ногами нашими будет земля, а над головой небо: не низкий пото-

лок, который иногда не трудно достать рукой, но громадно-высокий, чистый, как хрусталь, голубой свод.

На этом высоком, дивно-прекрасном своде мы видим множество замечательных явлений: днем — ярко блестящее солнце, ночью — кротко сияющую луну, мириады весело сверкающих звезд и изредка в иные годы замечаем между звездами бродящую комету с длинным хвостом, который так пугает суеверных людей. Кроме того, почти всегда носятся по небу множество изменчивых облаков, то темных, лиловых или синеватых, то будто вылитых из серебра, то отливающих под лучами восходящего или заходящего солнца пурпуром и золотом. Нередко в облаках мы видим сверкающую молнию; а после дождя часто тешит наши взоры великолепная радуга: будто разноцветная арка каких-то громадных, торжественных ворот, протягивается она красной дугой через весь небесный свод, упираясь концами в края земли, обнятой со всех сторон голубым небом.

Если мы стоим на совершенно ровном поле и ничто не мешает нашему взору, ни дома, ни леса, ни горы, то нам кажется, что везде небесный свод своими краями упирается в землю, как круглая чаша, опрокинутая на стол; а та черта, где небо сходится с землей, кажется нам громадным кругом, *посреди* которого мы стоим. Но этот круг, называемый *горизонтом*, — какой-то заколдованный круг: идите, куда хотите, летите за тысячу верст, и вы не только не выйдете из этого круга, но будете всегда находиться как-раз по середине его. Куда ни заезжал человек, везде он видел небесный свод, подымающийся высоко над головой, и себя в середине горизонта, как раз под самой высокой точкой свода. Наконец, объехав вокруг весь земной шар, люди окончательно убедились, что нигде небо с землей не сходится и что, следовательно, оно только кажется нам сводом, на самом же деле вовсе не свод, а просто прозрачный воздух, обливающий землю со всех сторон, который в огромной массе (*атмосфера* имеет верст пятьдесят в толщину) кажется нам голубым. Сквозь этот голубоватый воздух мы видим солнце, луну и звезды; обла-

ка же не ходят по небу, а плавают в воздухе. Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается в землю своими концами, не пьет воды, как думают иногда дети, и есть не что иное, как преломление солнечных лучей в дождевых каплях. Поставьте графин с водой на окошко, в которое смотрит солнце, и вы увидите кусочек радуги на подоконнике. Брызнув водой, можно иногда заметить в солнечный день, как в брызгах сверкнет на мгновение разноцветная радуга. Следовательно, радуга только кажется нам дугой, а небо — только кажется нам сводом.

ДВИЖЕНИЕ ЗЕМЛИ.

Паровоз движется в десять раз быстрее, чем может идти человек; но если бы вокруг земного шара была обведена железная дорога, то паровоз, едучи день и ночь, не останавливаясь ни на минуту, объехал бы землю дней в тридцать: потому что земной шар в поперечнике имеет около 12-ти тысяч верст, а в окружности более 37 тысяч. Шар не маленький. По вычислению же ученых, земля, со всеми своими камнями и металлами, гораздо тяжелей гранита и всякого другого камня, хотя и легче железа. Можете же себе представить, какова должна быть тяжесть такого шара в тридцать семь тысяч верст в окружности. Но, объехав всю землю вокруг, люди не заметили подставок, на которых этот тяжелый шар мог бы держаться, и убедились, что вокруг земли везде воздух, а за ним пустое пространство.

В этом безграничном пространстве *вселенной* земля не остается на одном месте; но, постоянно вращаясь вокруг самой себя, как мячик, брошенный в воздух, в то же самое время обходит или, как говорят, описывает около солнца громадный круг, более, чем в 1000 миллионов верст в окружности. Вокруг самой себя земля оборачивается в двадцать четыре часа; вокруг солнца успевает обойти только в триста шестьдесят пять дней и шесть слишком часов, хотя в каждую минуту пробегает более 1800 верст. Но отчего же мы не замечаем, что

земля мчится с такой быстротой? Именно потому, что земля несется в пустом пространстве, где ей не за что задеть, не за что зацепиться; а останови ее что-нибудь в ее быстром полете, хотя на мгновение, то от страшного сотрясения погибло бы не только все живущее на земле, но и она сама рассыпалась бы в куски. Если же мы при такой быстроте движения земли не задыхаемся, то обязаны этим тому, что вместе с ней движется и воздух или *атмосфера*, окружающая землю прозрачным слоем, верст в пятьдесят толщиной.

Мы несемся и вертимся вместе с землей и с атмосферой, но совершенно не замечаем этого и нам кажется, наоборот, что солнце ходит по небу, а земля стоит. Кому случалось быстро плыть в лодке или еще лучше на пароходе, тот, вероятно, замечал, как убегают берега в противоположную сторону, хотя в действительности бегут не берега, а пароход, на котором плывем. Точно так же, обращаясь с запада на восток, вместе с землей, мы видим, что солнце как будто идет с востока на запад. Но посмотрев на колеса парохода, на воду, которую они рассекают, мы убеждаемся, что движется пароход, а не берега; тогда как ничто подобное не может убедить нас в движении земли, потому что все, что есть на ней, вращается и несется в пространстве вместе с ней.

Подумав хорошенько обо всем этом, мы будем изумляться не тому, что люди несколько тысяч лет считали землю неподвижной, но тому, как они узнали, наконец, что земля движется, измерили ее величину, свесили ее тяжесть, вычислили быстроту, с которой она ворочается вокруг самой себя и мчится вокруг солнца, и определили даже количество верст в громадном круге, который она описывает. И действительно, люди, открывшие эти истины, были великие, гениальные люди.

ПИФАГОР.

Первый, кому в голову пришла мысль, что земля движется, был великий греческий мудрец, по имени Пифагор, живший более чем за пятьсот лет до Р. Хр.

В молодости своей Пифагор много путешествовал и повсюду прилежно узнавал все, что знали другие люди, и внимательно наблюдал все, что ему встречалось. Возвратившись на родину, в Грецию, Пифагор собрал вокруг себя множество учеников и передал им много очень умных мыслей: между прочим, говорил он также и о том, что земля не стоит неподвижно, а вертится; что от этого происходит день и ночь и что, когда какое-нибудь место земного шара повертывается к солнцу, тогда на этом месте начинается день, а когда оно уходит из-под лучей солнца, тогда на этом месте начинается ночь.

Пифагор вел самую строгую жизнь, был умерен в удовольствиях, и хотя был язычник, но верил в бессмертие души, во всемогущество и благость божию, а потому спокойно ожидал будущего и хладнокровно переносил мелкие несчастья жизни. Поэтому неудивительно, что он жил очень долго, хотя под старость терпел много от несправедливости людей и, как говорят, умер в страшной бедности, почти от голода. Но если это и правда, то все же можно позавидовать участи великого мудреца, который от своих занятий получал столько истинного счастья, сколько не может получить самый богатый человек от своих богатств.

КОПЕРНИК.

Несмотря на слова Пифагора, люди не верили в движение земли очень долго, и прошло около двух тысяч лет, пока явился другой человек, подтвердивший истину, открытую греческим мудрецом. В начале XVI-го столетия один католический священник, по имени Коперник, родом из Польши, живший в немецком городе Фрауенбурге, стал наблюдать над движением солнца и звезд и пришел к тому убеждению, что земля, кажущаяся неподвижной, беспрерывно обращается как колесо вокруг своей оси и вместе с тем мчится вокруг солнца и что вокруг него, кроме земли, обращаются еще и некоторые другие звездочки. Эти движущиеся звезды, в отличие от *неподвижных*, необращающихся вокруг

нашего солнца, названы были *планетами*. Коперник изложил свои наблюдения в особом сочинении и вскоре после того, а именно в 1543 году, умер, прежде чем мысли его стали известны повсюду. Дом, в котором жил Коперник, сохранился во Фрауенбурге до настоящего времени, и путешественники с любопытством осматривают дыру, проделанную в стене этого дома, через которую знаменитый астроном наблюдал течение небесных светил.

ГАЛИЛЕЙ.

Открытие Коперника, хотя и было замечено, но не обратило на себя особенного внимания, так что почти через сто лет другой великий астроном, Галилей, должен был повторить людям ту же истину.

Галилей родился в итальянском городе Пизе и учился так прилежно, что уже на двадцать пятом году своей жизни был профессором математики в пизанском университете. В молодости еще сделал Галилей множество очень важных открытий и приобрел большую известность. Узнав, что один датчанин изобрел подзорную трубу, в которую хорошо видны очень далекие предметы и которой многие забавлялись, как игрушкой, Галилей нашел, что из этой игрушки может выйти очень важное дело: принялся сам за нее и скоро сделал первый *телескоп*. Этот телескоп еще был очень плох, но, тем не менее, помог Галилею поверить в справедливость открытий Коперника и сделать, кроме того, много новых.

Галилей всегда и прежде думал, что звезды — не маленькие искорки, а целые большие миры, движущиеся в пространстве. Теперь же, с помощью своего, еще несовершенного телескопа, он убедился в справедливости своих предположений. Смотря в телескоп на луну, он увидел, что на ней есть пропасти и горы и даже нашел возможность измерить высоту этих гор; смотря на солнце, он открыл, что на нем есть пятна и что эти пятна движутся, то скрываются, то вновь показываются, и заключил из этого, что солнце есть огромный шар, гораздо больше земли, и что этот шар, облитый вокруг светящей-

ся атмосферой, обращается около своей оси. Потом Галилей стал рассматривать вечернюю, блестящую различными цветами *планету*, известную под именем Венеры, и увидал, что она похожа на нашу луну, прибывает и убывает, как луна, и иногда даже превращается в тоненький рожок. Возле другой планеты, Сатурна, Галилей заметил, что-то вроде блестящих крыльев; но не мог еще рассмотреть, что это не крылья, а два блестящие кольца, идущие вокруг планеты. Продолжая наблюдать далее, он убедился, что вокруг Юпитера, другой большой планеты, вертятся четыре хорошенькие звездочки и что это четыре *луны*, которые с различной быстротой обращаются вокруг Юпитера точно так же, как наша луна обращается вокруг земли.

Мы можем себе представить, что все эти открытия были сделаны Галилеем не в один день и даже не в один год: молодой профессор успел состариться, пока увидал все то, что мы рассказали здесь кое-как в нескольких словах.

В это время имя Галилея, который сделал много и других важных и полезных для людей открытий, стало известным по всей Европе. Но где слава, там непременно явится и зависть. Завистники, а за ними и невежды, оклеветали Галилея, доказывая, что его открытия противоречат будто бы словам священного писания, тогда как, напротив, открытия Галилея показывали только безграничную премудрость создателя и его всемогущество. Однакоже *инквизиция*, — такое дурное и злое судилище, которое воображало, что ложь и насилие могут быть приятны господу богу, и забывало, что бог дал человеку разум и свободную волю не для того, чтобы он ничего не делал с этими великими дарами, — инквизиция приговорила Галилея к тюремному заключению. Великого, гениального старца, который всю жизнь свою провел в трудах для пользы науки и своих ближних, посадили в мрачную и сырую темницу. После нескольких месяцев заключения, бедный старец был выпущен с тем тяжелым условием, чтобы он публично отказался от своих открытий. Но, произнося торже-

ственное отречение от великих истин, в которых был убежден, Галилей не выдержал и, ударив ногой о землю, сказал с гневом: «*пусть будет по вашему, а все же она движется*». За эти слова Галилея опять присудили запереть в тюрьму и уже на всю жизнь. Впрочем, через несколько времени, по ходатайству сильных людей и из снисхождения к старости Галилея, его выпустили из тюрьмы; но приказали ему жить безвыездно в уединенном месте, недалеко от Флоренции. Здесь Галилей провел остаток своей жизни в ученых занятиях, в кругу немногих друзей, и еще подарил человечество несколькими новыми истинами. Скоро, от беспрестанных занятий Галилей потерял зрение, но до самой последней минуты, пока владел одним глазом, продолжал наблюдения. Слепота, глухота, бессонница и боль всех членов, следствие тюремной сырости, отравили последние годы жизни великого старца. Наконец, 6-го января 1651 года, гениальный человек навсегда скрылся от всяких преследований. Тело Галилея покоится теперь в церкви Святого креста во Флоренции, а великий художник, Микель-Анджело, соорудил над ним прекрасный памятник.

НЬЮТОН.

Лет за полтораста до нашего времени жил в Англии один гениальный человек и великий ученый по имени Исаак Ньютон (родился в 1642, а умер в 1727 году). Он был так умен и так много знал, что часто смотря на самые обыкновенные предметы, видел в них то, чего не видали прежде тысячи людей.

Однажды Ньютон, прогуливаясь по саду, увидел, как яблоко, сорвавшись с ветки, упало на землю. Тысячу раз видел он, как падали яблоки и не обращал на это внимания; но теперь в уме его родился вопрос: почему яблоко, оторвавшись от ветки, упало на землю, а не полетело кверху или в сторону? Ньютон знал, что каждое явление должно иметь причину, и спросил самого себя: какая причина, что все тела падают на землю, а не летят кверху или не остаются висеть в воздухе?

Подумав хорошенько об этом обыкновенном явлении, на которое до сих пор никто не обращал внимания, Ньютон решил, что в земле, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже заметили люди в магните, с той только разницей, что магнит притягивает железо и сталь, а земля притягивает все тела — и твердые, и жидкие, и воду, которая потому не выливается из морей, и воздух, который потому не разлетается во все стороны.

Ньютон не остановился на таком решении: он стал наблюдать далее и скоро заметил, что не одна земля притягивает к себе все тела, но что всякое тело притягивает к себе другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой в тарелку, бросить несколько маленьких, легких тел, т. е. таких, которые притягиваются землей не очень сильно, то все они мало-помалу сблизятся друг с другом или пристанут к краям тарелки. Маленькая щепка, пущенная на реку, держится у большой барки, а листья и другие легкие тела пристают к берегам. Скоро Ньютон убедился, что все тела притягивают одно другое, и что, если камень не летит к другому камню, лежащему возле, то только потому, что притягательная сила земли во столько раз больше притягательной силы камня, во сколько земной шар больше самого камня, т. е. в несколько сот миллионов раз. Если один мальчик везет колясочку, а другой станет удерживать ее сзади, то перетянет тот, кто из двух сильней. Но если тот же мальчик схватится сзади за коляску, которую везет четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуют, что кто-то уцепился сзади. Точно так же, хотя все тела, находящиеся на земле, притягиваются друг к другу, но их взаимная притягательная сила в сравнении с притягательной силой земли гораздо ничтожней, чем сила мальчика в сравнении с силой четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тела? Подымая камень с земли, мы чувствуем, как он тяжел, или, другими словами, чувствуем, как сильно тянет его к себе земля: это бо̀льшее или меньшее притяжение тела землей и дает бо̀льшую или меньшую тяжесть телу. Сравнивая тяжесть

тела с какой-нибудь испытанной тяжестью, напр., с тяжестью фунтовика, мы открываем — *вес* тела: узнаем, сколько в нем фунтов, пудов и т. д.

Желая определить тяжесть всех тел или, другими словами, ту силу, с которой каждое тело притягивается землей, ученые стали сравнивать тяжесть каждого тела с тяжестью совершенно чистой воды и нашли, что стакан воды в тринадцать с половиной раз легче стакана ртути, что железо в восемь с половиной раз тяжелее воды, золото в девятнадцать с половиной и т. д. Такой вес тел, взятый сравнительно с весом чистой воды того же объема, называется *относительным* или *удельным весом*.

Теперь, подумав немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная в воду, быстро идет ко дну, тогда как большое бревно не тонет. Возьмите столько воды, сколько могло бы поместиться в бревне, если бы оно было пусто в середине, взвесьте ее — и вы увидите, что такая масса воды будет в несколько раз тяжелее всего бревна. Бревно не тонет потому, что *удельный вес* дерева менее *удельного веса* воды. Вода, как мы знаем, превращаясь в лед, занимает более места и разрывает бутылку, если бутылка была полна и крепко закупорена, а потому лед плавает на воде. Масло, наоборот, замерзая, сжимается, и потому кусок замерзнувшего масла потонет в жидком масле точно так же, как кусок твердого свинца потонет в растопленном свинце.

Но все эти наблюдения не удовлетворили Ньютона; он обратил внимание и на то явление, что мяч или камень, брошенные в сторону, или пуля, пущенная из ружья, летят туда, куда их бросили, но в то же время, склоняясь мало-помалу, понемногу опускаются к земле. Ньютон объяснил это явление следующим образом; здесь, думал он, борются две силы: одна, с которой я бросаю камень в сторону, а другая — притягательная сила земли, которая тянет его книзу.

Ньютон знал уже, что луна обращается вокруг земли, а земля вокруг солнца, и ему стало ясно, почему

луна не отлетает от земли, земля не удаляется от солнца. Без сомнения, потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягивает луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадет на землю, а земля не упадет на солнце? Без сомнения, потому, что луна движется вокруг земли, а земля вокруг солнца с необыкновенной силой и быстротой.

Это взаимное притяжение всех небесных тел названо было *тяготением*. Но мало было открыть тяготение: следовало еще показать, как оно действует. Наблюдая, как падают тела различной тяжести, Ньютон вычислил, с какой скоростью падают тела на землю и как увеличивается эта скорость по мере приближения тела к земле. Он доказал, что, если тело в первую секунду своего падения пролетает 16 футов, то во вторую пролетит 16×3, т. е. 48 футов, в третью 16×5, т. е. 80 футов, в четвертую 16×7, т. е. 112 фут. и т. д.

Приложив открытый им *закон* тяготения к наблюдениям над движением земли, луны, солнца и планет, Ньютон открывал законы движения светил небесных, высчитывал с величайшей точностью их расстояние от земли, быстроту их движения, их величину и вес, величину кругов, которые они описывают около солнца, словом дал прочное основание великой науке, *астрономии*.

Будучи одним из величайших людей, какие когда-либо существовали на земном шаре, по необычайному уму своему, Ньютон был в то же время необыкновенным человеком и по своему истинно христианскому характеру. Он был чрезвычайно кроток, ласков со всеми, правдив во всем, прост в обращении и вовсе не думал о том, что громадному гению его удивляются миллионы людей и будут удивляться отдаленнейшие потомки. Вычисляя с необыкновенной точностью движения бесчисленных миров, взвешивая тяжесть этих громадных тел, открывая законы света, измеряя быстроту его движений, он считал себя «ребенком, играющим камешками на берегу безграничного океана вселенной». Во всем же, что удавалось ему открыть, он признавал помощь творца — источника всякой истины.

В глубокой старости, когда седины покрывали голову Ньютона, он, по живости своего ума и чувства, казался прекрасным юношей. Можно было думать, что самое время не смеет коснуться Ньютона. Однакоже, пришел час смерти — и великий человек был отозван к тому, чье имя он вспоминал так часто и всегда с таким благоговением. Ньютон скончался в 1727 году, на 84 году своей жизни, занимаясь изучением слова божия.

ТЕЛЕСКОП.

К одному ученому человеку, который любил заниматься астрономией и часто по целым ночам наблюдал за движением небесных светил, приехала в гости его сестра со своим сыном, Сашей, мальчиком лет тринадцати. После довольно позднего обеда, кончившегося при свечах, сестра хозяина подошла к окну и любовалась множеством ярких звезд, блестевших на темном небе, и полной луной, которая плыла по небу, обливая землю своим мягким, приятным светом. В это время подошел к ней брат и сказал:

— Я давно обещал Саше показать луну и звезды в телескоп: не хочешь ли ты, чтоб я исполнил теперь свое обещание?

Сестра согласилась охотно на предложение брата, а Саша был в восторге: он давно уже слышал, что у дяди есть такая большая зрительная труба, в которую он по ночам смотрит на месяц и звезды. Саша даже видел эту трубу, стоявшую на окне в кабинете, и ему давно хотелось знать, что можно в нее видеть. Все вошли в кабинет.

Хозяин направил один конец трубы на полный месяц, и Саша, взглянув в телескоп, сказал с восторгом:

— Теперь я вижу своими глазами, что луна не плоский круг, но совершенный шар и что на ней находятся действительно большие горы. Как странно видеть горы на луне!

Дядя. Есть телескопы еще больше моего и в них так ясно видны горы и долины на луне, что астрономы

нарисовали подробную ее карту. Луна — самое ближайшее к нам небесное тело и находится от нас не далеко: всего-то каких-нибудь 350 тысяч верст или 50 тысяч миль.

Саша. Неужели это не далеко? Да это так далеко, что и подумать страшно.

Дядя. Паровоз идет в час не более восьми миль, и если бы от земли до луны была проведена железная дорога, то при самой быстрой езде, едучи день и ночь, нужно было бы ехать двести шестьдесят суток, чтобы доехать до луны. Но это расстояние ничтожно в сравнении с расстоянием земли от солнца: до солнца от земли более двадцати миллионов миль и если бы туда была проведена железная дорога, то паровоз должен был бы ехать почти сто сорок три года, чтобы доехать до солнца.

Саша. Сто сорок три года? Да для этого нужна не одна, а две человеческие жизни.

Дядя. Конечно: человек живет около семидесяти лет, а в семьдесят лет он не проехал бы и половины пути от земли до солнца.

Мать Саши. Это так далеко, что если рай находится на светлом солнышке, то не скоро же до него доберется душа наша после нашей смерти.

Дядя (*улыбнувшись*). Конечно, если бы она отправилась туда так же медленно, как едет паровоз. Но не должно забывать, что свет долетает от солнца до земли в 8 минут и 13 секунд, а дух наш, без сомнения, быстрей света. Но солнце еще не очень далеко от нас. (*Направляет телескоп на одну из звезд*). Взгляните вот на эту звезду.

Саша. Ах, какой хорошенький золотой шарик и как блестят вокруг него какие-то четыре серебряные точечки.

Дядя. Это Юпитер с своими четырьмя спутниками или лунами: самая большая из всех планет, обращающаяся вокруг нашего солнца. Она в четыре раза дальше от нас, нежели солнце, и наш паровоз едва бы добрался до него в тысячу лет. Уран еще дальше Юпитера и паровоз, проезжая каждый час восемь миль, доехал

бы до него в шесть тысяч пятьсот лет. А есть одна планета, которую недавно открыли, Нептун,— та еще гораздо дальше.

Мать Саши. О, как же велика, как неизмеримо-велика вселенная!

Дядя. Все эти расстояния весьма малы в сравнении с теми, в которых находятся от нас *неподвижные звезды*; здесь уже самое измерение становится невозможным. Мы можем только предполагать, что самая близкая из неподвижных звезд находится от нас не ближе четырех биллионов миль.

Сестра. Но как же могли высчитать такие громадные расстояния?

Дядя. Это действительно должно казаться удивительным тому, кто не знаком с астрономическими наблюдениями. Но вы знаете, как астрономы верно предсказывают затмения солнца и луны и появления комет; поэтому судите, что они считают недурно. (*Переменяет направление телескопа*). Посмотрите-ка теперь.

Саша. Боже мой, какой блеск, какое множество звезд.

Дядя. Это Плеяды — сорок четыре громадные солнца, а издали нам кажется, что они так близко отстоят одно от другого. Но этого мало: посмотрев на *млечный путь* в более сильный телескоп, мы увидали бы, что вся эта серебристая полоса состоит из таких же звезд или солнцев, которые только по своему страшному отдалению сливаются для нас в одну серебристую полосу.

Саша. Видно, нельзя пересчитать всех звезд.

Дядя. Может ли слабый человек счесть творения создателя? И представь себе еще, что по всей вероятности наша земля или, лучше сказать, наше солнце, со всеми его планетами и с землей, составляет только одну звездочку млечного пути, в котором для нас ближайшие звезды кажутся стоящими отдельно друг от друга, а дальнейшие сливаются в одну слабо блестящую серебристую полосу, протянувшуюся через все небо. Но нет сомнения, что кроме нашего млечного пути есть еще

множество таких же собраний бесчисленных звезд, которые и в самые сильные телескопы кажутся нам едва видными *туманными пятнами*. А каждое из этих туманных пятен такой же млечный путь, как и наш.

Саша. О, как бесконечно-велик создатель вселенной!

Дядя. Да, и припомни теперь слова псалмопевца Давида: «Небеса поведуют славу божию».

Саша. Но как же мал и ничтожен человек в сравнении со всеми этими бесчисленными мирами!

Дядя. Конечно, мал, но не забудь, что звезды ничего не видят и не понимают, а мы удивляемся их бесконечности и громадности, вычисляем их пути, измеряем их отдаленность и величину и возносимся душой ко всемогущему создателю всех миров.

Сестра. Но, без сомнения, на этих планетах также живут люди или какие-нибудь существа, подобные людям.

Дядя. Этого, конечно, никто не знает; но нельзя же предполагать, чтобы сознательные существа жили только на одной нашей земле — маленькой *планете*, которая в миллион триста тысяч раз меньше солнца; тогда как таких солнц, вокруг которых также обращаются свои планеты, бесчисленное множество. Мы видим только те планеты, которые обращаются вокруг нашего солнца; планет же других солнечных систем мы и видеть не можем. Но не правда ли, что и то немногое, что я мог показать вам сегодня, довольно уже поражает ваш ум беспредельностью создания и бесконечностью всемогущества и мудрости создателя.

ГОРНАЯ СТРАНА.

Живя посреди России, мы не можем составить себе ясного понятия о том, что такое горная страна. Наши невысокие, отлогие холмы, на которые въезжаешь, почти их не замечая, подымающиеся много что на сто или полтораста саженей, и по скатам которых мы видим все одни и те же поля, леса, рощи, села и деревни, конечно,

мало походят на высокие горы, вершины которых покрыты вечным снегом и льдом и, подымаясь на три, на четыре версты кверху, уходят далеко за облака. В равнине вы едете сто, двести верст, повсюду встречая одинаковые виды, одинаковую растительность, одинаковый образ жизни. Не то в горах. Сколько разнообразия представляет даже одна большая гора, если взбираться на нее по дорогам, проложенным в долинах, а потом и по опасным горным тропинкам, которые извиваются по ее уступам. Вам кажется тепло и даже жарко, когда вы стоите у подошвы горы: кругом лето, сады с поспевающими плодами и поля с созревшим уже хлебом: но запаситесь теплой одеждой, если думаете добраться до вершины, потому что там встретит вас полная зима — снег, лед, холод и вы посреди лета легко можете отморозить себе руки и ноги. Запаситесь также прочными сапогами с крепкими подошвами, чтобы они не истерлись о камни, крепкой палкой с железным наконечником и провизией; но главное — запаситесь силой и терпением, потому что вам придется неутомимо работать ногами целый день, а может быть и два. Хотя вершина горы подымается только на три или на четыре версты, но это, ведь, считается в отвес, а чтобы добраться до вершины, вам придется сделать 15 или 20 верст самого трудного пути по крутым уступам. Запаситесь также и смелостью, чтобы у вас не закружилась голова, когда, взобравшись на иной уступ, взглянете вниз. Но прежде всего возьмите опытного проводника, потому что без него легко можно заблудиться между скалистыми вершинами горы, в ее темных лесах, между бесчисленными ручьями и речками, скатывающимися с ее боков, в ее снежных полях и ледниках. Иногда, пожалуй, можно взобраться на такую вершину и зайти в такую глушь, в середину неприступных уступов или на край зияющей пропасти, что не будешь знать, как и выбраться. Надобно хорошо знать горные тропинки, чтобы пуститься в горы.

Подняться на высокую, заоблачную гору — большой труд; но труд этот окупается удовольствием. Сколько

разнообразной растительности встретите вы от подошвы до вершины! Сколько разнообразия в образе жизни людей! Если гора, на которую вы взбираетесь, лежит в теплом климате, то у подошвы ее вы покинете лимонные и померанцевые рощи, выше встретят вас деревья умеренных стран: тополь, бук, каштан, липа, клен, дуб, далее найдете вы угрюмые хвойные леса и лиственные деревья севера: осину, березу. Еще выше — и деревья уже прекращаются, цветов и травы даже очень мало, — только альпийская роза будет провожать вас до самой границы вечных снегов, да тощий мох напомнит вам о полярных странах, где он составляет почти единственную пищу северных оленей. Еще выше, — и вы вступите в страну вечных снегов, хотя, может быть, находитесь за несколько тысяч верст от полярного моря.

Внизу вы покинули шумные, деятельные города; поднявшись выше, встречали хорошенькие деревеньки, еще окруженные обработанными полями и плодовитыми садами; далее вы не встретите ни полей, ни садов, а только тучные луга в горных долинах и полюбуетесь на прекрасные стада; небольшие пастушьи деревеньки прислонены к горам, так что иной домик лепится у скалы, точно птичье гнездо; на крышах домов наложены рядами большие камни; без этой предосторожности буря, заревевшая на горах, могла бы легко снести крышу. Далее, вы еще найдете кое-где отдельные хижины горных жителей: это летние жилища пастухов, оставляемые зимой. Сочная, прекрасная трава привлекает сюда летом стада. Еще выше — и вы не будете встречать уже человеческих жилищ. Цепкие домашние козы еще лепятся по уступам: но еще немного далее и вам попадутся, может быть, одни небольшие стада легконогих диких серн и кровожадные орлы; а затем вы вступите в страну, где нет ни растительной, ни животной жизни.

Как хороши и говорливы горные потоки, как чиста и холодна в них вода! Они берут свое начало в ледниках и образуются из тающего льда, начинаются маленьки-

ми, чуть заметными струйками; но потом эти струйки соберутся вместе — и шумный быстрый поток, то извиваясь серебряной лентой, то прыгая с уступа на уступ водопадом, то скрываясь в темном ущелье и снова появляясь на свет, то журча по камням, покатится вниз смело и быстро, пока не доберется до более отлогой долины, по середине которой побежит уже спокойной и порядочной речкой.

Если буря не ревет в горах, то, чем выше вы будете подниматься, тем безмолвней будет окрестность. На самой вершине, среди вечных снегов и льдов, где солнечные лучи, отражаясь от снеговых полей, ослепляют глаза, царствует мертвая тишина; разве камень, сдвинутый вашей ногой, наделает шуму и стуку на всю окрестность. Но вдруг раздается страшный и продолжительный грохот, повторяемый горным эхом; вам кажется, что гора дрожит под вашими ногами, и вы спрашиваете у проводника: «что это такое?» — «Это лавина», отвечает он вам спокойно: большая масса снегу сорвалась с вершины и, увлекая с собой камни, а пониже — деревья, стада, людей и даже дома пастухов, понеслась вниз по горным уступам. Дай бог, чтобы она не рухнула на какую-нибудь деревню и не похоронила под собой ее домов и жителей. Лавины чаще всего скатываются с гор весной: потому что снег, напавший зимой, подтаивает.

Но если, преодолев все эти трудности и страхи, вы доберетесь, наконец, до высокой горной площади, где проводник посоветует вам усесться на камнях, позавтракать и отдохнуть, то будете вполне вознаграждены. Хотя здесь и довольно холодно и каждое, сколько-нибудь сильное движение утомляет вас, сердце бьется часто и дыхание ускорено, но вам как-то легко и приятно и вы вполне наслаждаетесь величественной картиной. Вокруг вас скалы, снежные поляны и ледники; повсюду видны пропасти и ущелья, вдали поднимаются вершины других гор, то темные, то лиловые, то розовые, то отливающие серебром; а внизу верст на шестьдесят открывается зеленая, цветущая долина, вре-

зывающаяся далеко в горы: извивающиеся по ней реки, блестящие озера, города и деревни будто на ладони перед вами. Большие стада кажутся вам движущимися точками, а людей и вовсе не видать. Но вот под вашими ногами стало все закрываться туманом: это облака стягиваются вокруг горы; над вами блестит яркое солнышко, а внизу из этого тумана идет, может быть, проливной дождь.

Нельзя долго оставаться на такой высоте — для груди вредно дышать слишком редким воздухом — и как ни хорошо здесь, а придется спускаться вниз.

Самая прекрасная горная страна в Европе — Швейцария. Альпийские горы всю ее наполняют; некоторые из них достигают страшной высоты: Юнгфрау (Девичья гора) подымается на 12 т. футов над уровнем моря, а Монблан (Белая гора) на 14 т. футов. Из Швейцарии Альпийские горы распространяются по всей западной Европе: отрасли их идут отсюда в Германию, Италию и Францию. С альпийских же льдистых вершин текут в разных направлениях и большие европейские реки: Рейн в Немецкое море, Рона в Средиземное и По в Адриатическое.

Швейцарские Альпы, находясь в середине западной Европы, разделяют собой самые образованные и богатые ее страны так, что прекрасные, величественные вершины этих гор сильно затрудняют сообщения. Сколько трудностей должны были преодолеть люди, чтобы проложить удобную дорогу, отличное шоссе, через такие вершины, каковы Сен-Готард и Симплон! Эта дорога то подымается, то опускается, то идет по краю страшных пропастей, то по мостам, висящим над бездной, то в середине скал, которые нужно было пробить для этой цели. Много трудов стоила симплонская дорога, но зато по ней ездят теперь очень удобно и безопасно, и путешественник, нисколько не утомляясь и не опасаясь за свою жизнь, наслаждается чудными картинами горной природы.

МОРЕ.

Кто в первый раз увидит перед собой безбрежное море, тот, без сомнения, будет поражен этим величественнейшим явлением земного шара. Хорошо оно, когда, отражая в себе небо, солнце и облака, тянется к горизонту гладкой, блестящей, как зеркало, поверхностью. Оно кажется тогда беспредельным и сходится вдали с небом, так что глаз не различает, где оканчивается вода и начинается небо. Хорошо и тогда море, когда ветер колышет его поверхность; хорошо, хотя и страшно немного. Высокие волны с пенистыми гребнями бегут одна за другой бесконечными рядами, набегают с шумом на скалистый берег, как будто хотят вскочить на него; но, отпрянув назад от твердого камня, с жалобным стоном и плеском рушатся снова в море, уступая свое место другим. Весело смотреть, когда разыграется, расходится море; весело слушать его грозный говор; но только весело тогда, когда стоишь на высокой и твердой скале и знаешь, что, бушуй оно, сколько хочет, до тебя не дохватит. Но должно очень свыкнуться с морем, чтобы наслаждаться этой неумолкающей игрой волн, стоя на палубе корабля, когда его кидает то вверх, то вниз, словно легкую щепку.

Но и без ветра два раза в день высоко подымается море, заливая далеко отлогие берега, и два раза в день опускается снова, открывая далеко отлогое, мелкое дно и оставляя на берегу песок, небольшие камни, раковины, множество морских животных и растений. Это постоянное движение моря называется *приливом* и *отливом*. В небольших морях, далеко вдавшихся в середину суши, приливы и отливы бывают малы, а часто и вовсе незаметны, но в открытом океане они очень сильны.

Хотя в море есть много органических остатков, гниющих трупов животных и гниющих растений, но вода в нем никогда не портится, как портится она в небольшом, отовсюду закрытом и неподвижном пруду: никогда не цветет и не покрывается плесенью. Это происходит, во-первых, оттого, что океан со всеми свои-

ми морями, обливающий весь земной шар, очень велик, во-вторых, оттого, что море постоянно движется, и, в-третьих, оттого, что вода в нем пропитана солью.

Но не только ветер, приливы и отливы приводят море в движение: в нем есть еще свои особенные *морские потоки* или *течения*.

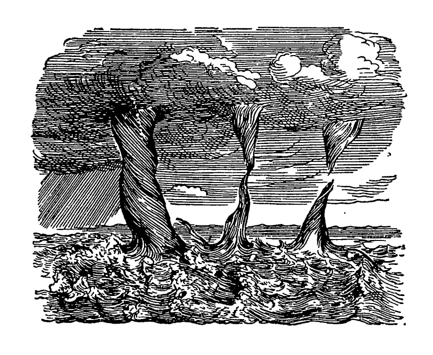
Морские течения очень полезны для мореплавания: корабль, который попадает в середину такого потока, уносится его течением, как лодка течением реки.

Бу́ри — когда сильный ветер страшно волнует поверхность моря — самые опасные враги мореходцев. Если корабль находится в открытом море, вдали от берегов, то искусный капитан легко может его спасти и в самую сильную бурю; но когда корабль застигнут бурей вблизи от берега, да еще такого берега, возле которого есть мели и подводные камни, тогда он легко может разбиться об эти камни или сесть на мель. Когда начинается буря, то все отверстия на корабле, *люки*, плотно запирают, чтобы волны не могли пробраться в средину корабля. Матросы лезут по веревочным лестницам и проворно убирают паруса: и без парусов ветер слишком сильно упирает в корабль, и бросает его во все стороны. Матросу не в диковинку, если соленая вода окатит его с головы до ног; корабль кидает, как мячик, а матрос бегает по палубе, как по неподвижному полу, и с быстротой и цепкостью белки карабкается по веревкам. Если ветер уже слишком силен, то иногда приходится даже рубить мачты, чтобы только дать ветру как можно меньше упору. Без мачт и парусов корабль, впрочем, как птица без крыльев: несется по морю, куда угодно ветру, и может легко нанестись на скалу или на мель.

Безветрие или *штиль*, если не опасно, как буря, зато гораздо несносней для мореходца. Море неподвижно, как зеркало; в воздухе не шелохнется, паруса висят, а тропическое солнце (штили бывают чаще между тропиками), стоя прямо над головой, льет свои жгучие лучи на спящее море и на корабль, который не может двинуться с места. Пароход штилей не боится; он дви-

жется силой пара и, если паруса его, не наполняемые ветром, не помогают ему идти вперед, зато колеса его дружно работают.

Морские *смерчи* или *тромбы* напоминают отчасти те крутящиеся вихри пыли, которые бегут иногда по пыльным дорогам. Но тромб не струйка пыли, а огромный крутящийся столб воды, который подымается до облака и вместе с ним бежит по морю с необыкновенной быстротой. Часто они появляются по нескольку вместе и плохо кораблю, если на него обрушится такая масса воды. Завидя смерчи, корабль старается свернуть с их дороги, а иногда разбивает их пушечными ядрами.

При *попутном* свежем ветре, парусное судно несется быстро; но при ветрах, сколько-нибудь *противных*, оно должно, беспрестанно переменяя паруса, ловить ветер и, *лавируя* из стороны в сторону неправильной, ломаной линией, медленно приближаться к своей цели. Движение парохода не столько зависит от ветра, хотя и пароходу идти гораздо легче при попутном ветре, распустив паруса в помощь колесам.

К прекраснейшим морским явлениям принадлежит *морское сияние*. В некоторых местах океана судно, гонимое ветром или парами, оставляет за собой длинный пламенный след; волны, всплескиваясь, рассыпаются огненным дождем, и даже в глубине моря видны маленькие светящиеся точки. Этот свет зависит отчасти от гниющих маленьких морских животных и растений; а отчасти от таких животных, которые и при жизни светятся в темноте. Первое явление напоминает нам наши светящиеся гнилушки, а другое — наших ивановских червячков. Мы заметим здесь только одно из таких

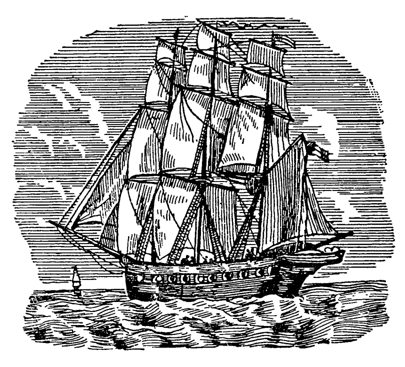
светящихся животных, принадлежащих к породе полипов, а именно *морское перо*. Это не одно животное, но тысячи крошечных животных, расположенных, как пушистая бородка пера, на одном стержне. Все эти животные движутся разом, как будто управляемые одной волей; в темную ночь, двигаясь и сверкая своим телом по поверхности воды, доставляют они прекрасное зрелище.

Чтобы измерять глубину моря, употребляют *лот* — кусок свинца, привязанный к веревке, на которой узлами отмечены сажени. Во многих местах море довольно мелко; в других глубина его идет на несколько верст, так что мореходцы не могут и лотом достать дна. Дно морское не ровно так, как и поверхность суши: на нем также есть равнины, холмы, простые и огнедышащие горы, скалы, ущелья, источники, леса кораллов. Иная гора, подымаясь со дна моря на многие тысячи футов, высовывается на поверхность небольшим островком. Случается и так, что вдруг из моря выдвинется огнедышащая гора, несколько дней выбрасывает пламя, лаву, камни и дым; а потом также быстро снова скроется под водой. Мы уже в другом месте говорили о таких островах, которые появлением своим обязаны неутомимой работе коралловых полипов.

Бесчисленное множество живых существ, больших и малых рыб, громадных морских зверей, из которых мы знаем с вами кита, тюленя и моржа, обитающих преимущественно в холодных морях, и неисчислимое множество мелких морских животных населяют глубину моря. Здесь мы упомянем только о невинных дельфинах, которые, выпрыгивая из воды, играми своими забавляют мореходцев; летучих рыбах, которые иногда стаями проносятся над поверхностью теплых морей, и о зубастой акуле, которая своей жадностью и дерзостью приводит в ужас моряка, когда ему приходится или купаться возле корабля, или спускаться к воде, чтобы осмотреть его бока.

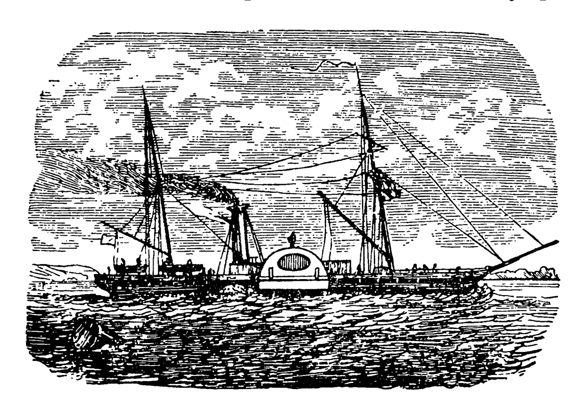
На дне морском скрыто много богатств: есть, без сомнения, и дорогие камни, и драгоценные металлы; но

они недоступны человеку. В Индийском море преимущественно достают жемчуг, который находится на дне моря в створчатых раковинах, называемых жемчужными. Эта ловля особенно прибыльна у берегов Цейлона. Жители этих берегов очень привыкли нырять на дно моря: опустившись туда с лодки на веревке, они спешат набрать в короб как можно больше жемчужных раковин и могут пробыть в воде до двух минут; но у бедняков, несмотря на то, что они затыкают себе ноздри и уши хлопчатой бумагой и берут в рот губку, напитанную маслом, кровь часто идет горлом и носом. Однакоже, отдохнув минут двадцать на берегу, смельчаки опять пускаются на свой опасный промысел.

Если вы никогда не видали большого стройного корабля, когда он, распустив свои белые паруса, гордо несется по морским волнам, или большого сильного парохода, когда он, разрезывая колесами морскую поверхность, расстилает по воздуху длинный хвост дыма, — то вы не видали одного из величайших созданий человеческого гения. У больших военных кораблей, которые называют линейными, видны над водой четыре этажа, да под водой скрываются еще два. Грозные жерла ста двадцати пушек четырьмя рядами выглядывают в его люки: для тысячи человек экипажа достаточно места на корабле, множество пороха, ядер, провианта, дров или каменного угля и, наконец, пресной воды в бочках скрывается в его нижней части. Можно себе представить, что постройка и вооружение такого огромного судна обходится не дешево и что не напрасно считают великим бедствием для целого государства, если десяток подобных кораблей погибнет в морском сражении;

если одни из них пойдут ко дну, а другие взлетят на воздух от взрыва пороха. Хорошо построенный корабль, если с ним не случится никакого несчастья, может прослужить около пятидесяти лет. До тысячи больших деревьев нужно для постройки стопушечного корабля. Купеческие корабли и пароходы бывают меньше, не так стройны и красивы, но зато, перевозя товары между самыми отдаленными странами, они повсюду развозят

довольство и образование; тогда как военные суда охраняют берега от нападений или грозят неприятельскому флоту или прибрежным неприятельским городам своими страшными пушками. Можно себе представить, какой ад творится, когда десятка три таких морских колоссов заревут друг на друга в морском сражении, изрыгая из своих боков пламя и тысячи бомб и ядер?

РЕЙНСКИЙ ВОДОПАД.

После обеда поехали мы в наемной коляске к водопаду, до которого от города будет около двух верст. Приехав туда, сошли с горы и сели в лодку. Стремление воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чем ближе подъезжали мы к другому берегу, тем яростней мчались волны. Один порыв ветра мог бы

погрузить нас в кипящей быстрине. Пристав к берегу, с великим трудом вылезли мы на высокий утес, потом опять спустились ниже и вошли в галлерею, построенную, так сказать, в самом водопаде. Теперь, друзья мои, представьте себе большую реку, которая, преодолевая в течении своем все препоны, полагаемые ей огромными камнями, мчится с ужасной яростью, наконец, достигнув до высочайшей гранитной преграды и не находя себе пути под сей твердой стеной, с неописанным шумом и ревом свергается вниз и в падении своем превращается в белую, кипящую пену. Тончайшие брызги разновидных волн, с беспримерной скоростью летящих одна за другой, мириадами подымаются вверх и составляют млечные облака влажной для глаз непроницаемой пыли. Доски, на которых мы стояли, тряслись беспрестанно. Я весь облит был водяными частицами, молчал, смотрел и слушал разные звуки ниспадающих волн: ревущий концерт, оглушающий душу. Феномен действительно величественный. Воображение мое одушевляло хладную стихию, давало ей чувство и голос: она вещала мне о чем-то неизглаголанном. Долее часа стояли мы в сей галлерее; но это время показалось мне минутой. Переезжая опять через Рейн, увидели мы бесчисленные радуги, производимые солнечными лучами в водяной пыли, что составляет прекрасное, великолепное зрелище. После сильных движений, бывших в душе моей, мне нужно было отдохнуть. Я сел на цюрихском берегу и спокойно рассматривал картину водопада с его окрестностями. Каменная стена, с которой низвергается Рейн, вышиной будет около семидесяти пяти футов. В середине сего падения возвышаются две скалы или два огромные камня, из которых один, несмотря на усилие волн, стремящихся сокрушить его, стоит непоколебимо; а другой едва держится на своем основании, будучи разрушаем водой. На противоположном крутом берегу представлялись мне старый замок Лауфен, церковь, хижины, виноградные сады, деревья: все сие вместе составляло весьма приятный ландшафт.

Н. Карамзин.

ГЕРКУЛАН.

Когда я приехал в Неаполь, Везувий дремал. Днем над ним лениво клубился дымок, белый, как страусово перо; ночью, когда море исчезало под темной синевой сумрака и у подножия горы вдоль берега засвечивались огоньки, вулкан по временам выкатывал из своего жерла багровую звездочку пламени, которая, блеснув на вершине, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи под небесами и эти мирные вечерние огоньки внизу, сонный залив и шумный, суетящийся, осыпанный газовыми огнями Неаполь — все это сливалось в магическую картину, от которой невозможно отвесть глаз без сожаления.

Первого августа подземные огни работали деятельнее, чем обыкновенно. Густые клубы серого дыма вырывались из жерла и длинной цепью стлались над «кратером», — так неаполитанцы называют свой залив. Вечером, когда солнце готово было опуститься за величественные скалы Искии, я помчался в Портичи по железной дороге *. Нигде в мире рельсы не разлеглись по более живописным местам: справа весело блещет яхонтовый залив, омывая амфитеатр белых, желтых, розовых домов Неаполя; слева холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями, виллы, потопленные в зеленом море лимонных садов и виноградников; и над всем этим мрачный Везувий, меняющий свой цвет и утром, и в полдень, и вечером. При последнем вечернем освещении он был бархатисто-фиолетового цвета. Обворожителен этот берег; но как бесподобен был он за две тысячи лет до нас, когда, вместо нынешних прозаических городишек, макаронных фабрик и загроможденных пеплом развалин, широкое основание Везувия было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колоннадами и статуями.

В Резине** я вспомнил, что хожу по пластам лавы, затопившей изящный Геркулан. Резина — это собрание

---

* Иския — небольшой остров в Неаполитанском заливе, а Портичи — городок вблизи Неаполя.

** Городок у подошвы Везувия.

довольно пошлых каменных домиков. В одном из тесных переулков города указали мне на жалкий домишко и объявили, что тут вход в Геркулан. Глубоко, под массами лавы, отвердевшей до степени камня, лежит античный город, этот изящный Геркулан, охваченный вулканическими потоками.

С зажженным факелом сошел я в могилу погребенного города; спустившись в глубокое подземелье по каменным ступеням, мы очутились в мрачном коридоре, это галлерея театра. Сначала вы не можете сообразить, каким случаем эти правильные архитектурные линии попали сюда, в недра громад, подобных граниту. Воображение отказывается представить вам поток расплавленного камня, нахлынувший на самый город и застывший на веки. Лава так тверда, что уступает только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домов, охватила памятники, колонны, многие из них пошатнула, некоторые уронила. Не так губительна была налетевшая сюда вулканическая зола: она ложилась легкими слоями, наполнила собой вазы, вытеснила из амфор вино, из могильных урн пепел и, вероятно, еще была горяча; многие двери найдены обугленными даже в тех жилищах, куда лава не проникла, так что множество папирусов *, хлеб, рожь — уцелели, сохранили свои формы. Везувий губит, но он же и сохраняет. Он залил своей смолой, закупорил в прок два-три из древних городов роскошной Кампании, на удивление и в назидание потомству.

Известно, что Геркулан открыт в начале прошлого столетия. Рыли колодезь и заступы остановились на ступенях полуциркульного театра. Теперь, сквозь этот цилиндрический, значительно расширенный колодезь, на дне которого я стою, проникает сюда слабый свет дневной. Впоследствии, были откапываемы многие здания и храмы древнего города, расписанные фресками, но все это не долго было пищей законного любопытства ученых и туристов: опасения разрушить Ре-

* Свиток особой бумаги, на которой в древности писали.

зину заставили правительство снова завалить все подкопы под ее домами. Разумеется, это делалось не прежде, как по тщательном обобрании древних жилищ.

НОЧЬ НА ВЕЗУВИИ.

Я вскочил на доброго коня, проводник мой взобрался на осла и мы поехали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувия. Далее — серая, угрюмая пустыня. Это море лавы, некогда бушевавшее. Конь мой шагал по старинным руслам огненных потоков. Часа через два езды мы были на небольшой платформе, лежащей маленьким оазисом посреди безмолвной нагорной пустыни. Я поспешил насытить мои глаза зрелищем блистательной панорамы, открывшейся с этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовым и золотым блеском вечера, расстилалась подо мной, как эдем, охраняемый со всех сторон горами, которые принимали различные оттенки опалов. Улыбающиеся виллы дремали посреди лавровых и миртовых садов.

Теперь понимаю, почему широкие скалы Везувия усеяны виллами и селениями, почему каждый лоскут земли так смело оспаривается у вулкана. Неаполитанцу дорога его *гора*, как кормилица, он был бы глубоко огорчен, если бы небо лишило Неаполь благодетельного вулкана. Все эти города, построенные на развалинах других городов, погубленных и лавой, и пепельным дождем, и землетрясениями, — все они спят спокойно, охраняемые изображением святого Януария. Настанет грозный час, колодези мгновенно высыхают, земля колеблется, как море, вулкана не видно, но слышен рев его и реки лавы, огненными цепями, медленно, неотразимо спускаются к садам и жилищам, пышные виноградники бледнеют и чахнут в одно мгновение: листья деревьев желтеют и огонь от корня разливается по ветвям... Когда же постигнутые несчастьем люди, изумленные, видят, что палящая река переступила за деревянный крест, поставленный ей преградой, тогда ужас заступает место беспечности.

Прошло несколько дней и на месте гибели и разрушения громоздятся новые плоско-кровельные жилища. При виде здешних очаровательных мест, эта беспечность понятна. Природа, когда перестает губить, становится здесь так обольстительна, с такой изумительной щедростью торопится прикрыть следы своей ярости. Везувий губит в продолжение немногих дней, оплодотворяя почву на целые века. Поглядите на Резину, построенную на трупе Геркулана. Справа и слева — следы страшного разрушения; высоко над городом — вечно дымящийся сосед, ежеминутно грозящий гибелью: но куда ни поглядишь — жизнь здесь кипит, как будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горожане в алых колпаках на черных кудрях при звонких песнях сплетают виноградные лозы с ветвями шелковичных деревьев. Женщины, сидящие у своих дверей, прядут лен и мелодическая итальянская болтовня звучит по улице, между тем как черноглазые ребятишки прыгают в шумных хороводах...И ни одной из этих матерей не приходит на память открытый в Геркулане домик, где в ванне найдены два младенческие скелета.

Сумрак пал. Я зажег мой факел и через несколько минут был уже у самой кручи горы. Отсюда, кажется, что вершины можно достигнуть менее, чем в четверть часа. Дорога крута, ноги тонут в сыпучей золе; но я шагаю с энергией отъявленного туриста и оставляю проводника далеко за собой. Чтобы подвинуться вперед на шаг, надо шагнуть три раза. Между тем, сумрак густеет, но какой сумрак! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитре не существует.

Мы подвигались вперед весьма не прытко. Глубокие волны пепла и шлаков были нам помехой. Ветер потушил мой факел. Я продолжал подыматься посреди глубокого мрака. Вдруг путь мой озарился адским блеском. Я был уже во владениях огня: желтые следы его прикосновения заметны здесь на каждом камне; но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда

не ступишь на вершину, или точнее, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами вулкана. Посреди ее в сотне шагов от меня поднимается конический холм; это кратер, это голова вулкана с вечно открытой чудовищной пастью, из которой поднимается черный дым. Сильный серный запах захватывает дыхание: кругом меня опять темно; резкий ветер, дующий здесь непрерывно, убедил меня, что вершина вулкана — самое прохладное место в Неаполе. Под ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагретая лава; а там, на ребрах конуса, блещут два широкие потока, яркие, как растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отделявшей меня от кратера, волновалась; толстая кора вулкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкие куски; широкие трещины зияли кровавым огнем и из них со свистом вырывался густой желтый дым; почва раскалилась до бела и, расплавленная, струями подвигалась к краю площадки, потом медленно лилась вниз по склону горы, — вот лава. Забыв опасность, я пытался приблизиться к этим адским потокам. Сильный ветер оледенял мне затылок, между тем, как жар, пышащий от лавы, палил мне лицо, подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха в это раскаленное вещество, но напрасно, лава вовсе не жидкость, она имеет вид и плотность раскаленного железа, хотя течет подобно растопленному свинцу. Я еще не мог отвесть глаз от этого невиданного зрелища, — вдруг облако дыма над кратером побагровело, послышался гул подземных громов, вся громада Везувия страшно дрогнула, и широкий сноп ослепительного огня вырвался из жерла... Багровые шары взлетели к небу, посреди огненного дождя пепла: это раскаленные камни, фута в два величиной, отрываемые силой огня от внутренних стен кратера. Меня уже предупредили, что этих каменных ядер нечего бояться. Брошенные вверх перпендикулярно, они упадают в том же самом направлении в жерло или на его закраины. Несколько секунд вулкан дрожал под моими

ногами и снова все погрузилось во мрак; но глухое клокотание в жерле не умолкало и тяжело движущаяся лава разливала кругом себя красноватое зарево.

Я чувствовал неодолимое влечение к этому грозному деятелю природы; мне хотелось заглянуть в лабораторию, где работают ее таинственные силы, я был от этой мастерской так недалеко... Ни удушливые газы, ни сернистый дым, ни зола, взвеваемая ветром, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конус, до края широкой бездны, — но колебавшаяся под моими ногами кора кратера и новые взрывы вулкана остановили меня на полпути. По скользким сугробам золы я скатился назад на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Действующий вулкан:
1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась из внутренности земли наружу;
2) конусообразные вершины (похожие на сахарные головы), образовавшиеся из вулканических камней и золы, выброшенных действующим вулканом.

Я провел ночь на вулкане. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнежился, лежа в теплой золе, и заснул, как убитый. Я, сидя на груде камней, глядел вниз. Под ярким блеском итальянской луны море сверкало и ясно обозначалось белеющее зданиями полукружие берегов Неаполя; ночные огни, и неподвижные, и перебегающие один за другим, постепенно погасали. Утро было близко. Звезды бледнели: на востоке, за темной стеной Аппенин, белесоватая полоса яснела и яснела. Воздух становился неизъяснимо прозрачен. Небеса были приятного фиалкового цвета. Вдали утесистые берега Сорренто, скалы Капри * сбрасывали с себя ночные покрывала и являлись в полном блеске цветистых утренних нарядов. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, где бы эти магические эффекты были выражены так удовлетворительно.

* Сорренто — городок, подальше Везувия; здесь родился Тасс; Капри — скалистый остров, где жил Тиберий.

Свежий рассветный ветерок вызвал десятки парусов на голубые зыби залива. До меня долетал шопот пробудившихся селений, вместе с утренним ароматом лимонных садов. Морской ветерок заколыхал фестоны виноградных лоз, сплетенные с ветвями тополей. Солнце, поднявшееся над мертвой Помпеей, рассыпало свои искры по волнам. В минуту горизонт был потоплен золотистым паром, воздух наполнялся благоуханием, все в природе, казалось, готовилось к какому-то торжеству. Вулкан трепетал и бормотал. Румяное облачко, ночевавшее на соседней горе, подплывало к вершине Везувия... Я воображал, что сейчас зароюсь в розовый пух,— и был окутан густым холодным туманом... Несколько минут, проведенных в туче, подарили меня лихорадкой. Потом я видел, как облако, улетая, таяло в воздухе на первых лучах солнца.

(Из путешествия Яковлева)

ЭСКИМОСЫ.

В полярных странах земного шара в продолжение девяти месяцев в году все — и земля, и вода, покрыто однообразной снежной пеленой, а в продолжение трех месяцев из этих девяти солнце не показывается ни на минуту и тьма, нарушаемая только светом луны и северным сиянием, покрывает печальную снежную пустыню. Однакоже и в этой негостеприимной стране живут люди; там родятся и остаются всю жизнь, лето и зиму, не подозревая даже, что есть на земле другие страны, более теплые и счастливые. Таковы дикие племена, живущие в трех частях света, на их северных границах; но мы займемся только одним из этих племен— *эскимосами*.

Эскимосы живут в Северной Америке, по берегам Ледовитого и Тихого океанов, отчасти в русских американских владениях, которые теперь уступлены Северо-Американским Штатам, отчасти по независимым землям, редко удаляясь от берега далее шестидесяти или семидесяти верст. Это племя, и без того немногочисленное,

разделено на множество мелких поколений, которые все носят разные названия.

С виду эскимос очень некрасив: круглая, несоразмерно большая голова, широкое, плоское лицо с выдавшимися скулами, маленький, запавший нос, черные, длинные, жесткие волосы, замечательно небольшие руки и ноги, короткие пальцы, красновато-бурый цвет кожи, вечно холодной и покрытой толстым слоем грязи и жиру, — вот отличительные черты эскимоса.

У эскимосов нет ни полей, ни садов, и вообще они не занимаются разведением растений; да это и невозможно в стране, где девять месяцев в году почва бывает скована морозом. Они по необходимости должны ограничиться одной *животной* пищей.

Море, у берегов которого преимущественно живут эскимосы, изобилует множеством различной рыбы, а также морскими зверями, а именно: тюленями, моржами и китами. Северные олени, лисицы, волки и белые медведи также бродят по снежным пустыням. Охота за этими зверями дает эскимосу пищу, одежду и топливо. Но у эскимосского охотника нет ни ружья, ни пороху, ни лошади. Он сам себе делает копье, лук, стрелы, багры и крючки, заостривая все эти оружия костями, потому что употребление железа не было известно эскимосам до их знакомства с европейцами, да и теперь еще железо распространено между дикарями весьма мало. У эскимосов нет пеньки, а потому нет и наших веревок: вместо них они употребляют жилы и кожи зверей, разрезанные длинными полосами. Из этих кожаных веревок и из крючьев приготовляют они западни и, устроив их, терпеливо выжидают добычу. С этими скудными средствами дикарь ловит однако быстроногого оленя, кровожадного волка и северного силача, медведя; собравшись же значительной толпой, эскимосы одолевают даже царя морей, кита.

Эскимосы едят необыкновенно много, так что обжорство их приводит в ужас европейца; но зато они и голодают иногда по целым неделям, потому что решительно не знают предусмотрительности и не запасают пищи на

черный день. Они наслаждаются покоем, пока у них есть что есть, и только голод выгоняет их из жилищ. Непредусмотрительность и лень, вообще отличающая дикого человека от образованного, доходит у эскимосов до высшей степени. Все удовольствие их состоит в том, чтобы набить себе живот как можно туже. Особенно любят они жир, которого очень много у всех животных полярных стран и который составляет для эскимосов пищу, топливо и освещение. Когда английский мореплаватель, капитан Парри, встретился с эскимосами на полуострове Мельвиле и предложил им разные европейские сласти и сахар, то не произвел этим на дикарей никакого приятного впечатления; но, получив сальные свечи, эскимосы начали пожирать их с такой быстротой, что матросы с трудом могли вырвать изо-рта у них светильни, которыми они могли подавиться. Вкус дикарей так не развит и они так мало имеют понятия о чистоте, что европейца тошнит, когда он смотрит на их обед. Пристрастие эскимосов к жиру объясняется впрочем тем, что это вещество всего способней поддерживать в теле теплоту, которая так нужна бедному жителю отдаленного севера; обжорство же зависит от недостатка предусмотрительности. Завидя пищу, эскимос старается съесть ее как можно более, и действительно, съедает за один присест такое количество смердящего жира, какого, будь эта пища гораздо вкусней, не съесть европейцу и в десять дней.

Жилища эскимосов также очень оригинальны: не имея ни дерева, ни кирпичей, эскимосы строят свои дома из единственного материала, которого у них много — из снегу. Как только начинается зима, они сбивают снег в твердые и большие куски и, складывая один кусок на другой, выводят стены своего круглого жилища, похожего формой на копну сена, оставляя небольшое отверстие вместо двери и вставляя вместо окон большие льдины. Ко входу они приделывают также из снегу нечто вроде сеней, или, лучше сказать, длинной трубы, через которую они на четвереньках влезают в свой снежный дом. Теплота под снегом сохраняется

довольно хорошо, потому что снег *дурной проводник тепла*, но можно себе представить, как неудобно жить в таком снеговом доме. В продолжение зимы жилища эскимосов совершенно заносятся снегом и тогда можно сказать, что эскимосы живут как звери — в норах. При наступлении недолгого, но жаркого лета, когда солнце, невидимое несколько месяцев, почти не сходит с неба, эскимосские деревни тают быстро и жители их на все лето остаются под открытым небом.

Одежда эскимосов приспособлена к холодному климату их страны. У них, конечно, нет ни сукна, ни полотна, а потому они делают себе платье из оленьих шкур; сшивая их звериными жилами и притом по две кожи вместе: одну — вместо подкладки, внутрь шерстью, другую наружу. Одежда эта состоит из оленьей рубашки с капюшоном, надеваемым на голову, оленьих же широких панталон и таких же сапогов. Платье женщин почти ничем не отличается от платья мужчин: только голенища их сапогов необыкновенно широки, потому что за голенищами лежат у них дети.

Благоустроенного государства и правительства эскимосы не знают: они живут *семьями* и *родами*, уважают только мужество и физическую силу. Понятие о боге у них самое скудное.

Сравнив жизнь эскимоса с жизнью жителей Петербурга, Лондона или Парижа, трудно поверить, что было время, когда на месте этих великолепных городов жили дикари, подобные самоедам. Однакоже это *факт*, не подлежащий ни малейшему сомнению. В старых могилах, которых много уже разрыто и на британских островах и по берегам Балтийского моря, находят оружия, сделанные из заостренных камней; а это показывает ясно, что было время, когда жители этих местностей не знали употребления ни железа, ни меди, и, следовательно, вели тяжелую жизнь дикарей.

Любопытно бы знать, каким образом многие народы вышли из дикого состояния и достигли высокой степени образованности; как люди сделали множество открытий, о которых и не мечтал дикарь, как бросили они

дикий быт и установили благоустроенные государства; как из язычников сделались христианами, а из грубых дикарей, которые видом и жизнью своей напоминают животных, — образованными людьми. Все это со временем расскажет нам *история*, когда мы будем изучать ее.

САМОЕДЫ.

При этом имени, как живая, восстает теперь в моем воображении жалкая фигура приземистого, низенького самоедина, с лицом, обезображенным оспой и украшенным снизу реденькой бороденкой, плохо выросшей, а сверху — черными, жесткими волосами, торчащими копной. При входе в дверь моей комнаты, он обеими руками быстро схватил с головы своей шапку — пыжицу с длинными ушами, разукрашенными по местам разноцветными сукнами, и повалился в ноги. Тяжело приподнявшись, он промычал, искоса взглядывая на меня.

— Чум, ехать, ну...

И он махнул при этом правой рукой с шапкой в сторону окна, уставившись потом глазами в землю.

Это был мой проводник, присланный самоедским старшиной, — истинный тип, годный для фотографии, как лучший образец самоедского облика.

Мы отправились. Опять снежные поля раскинулись со всех сторон: опять скакали впереди саночек наши олешки, понурив головки; опять приходилось мне прятать свое лицо, поворачиваясь спиной к северу, откуда тянуло невыносимым морозом, хотя при полном безветрии. Наконец, мы выехали из кустарника на поляну. Вся она уже была подернута густыми сумерками; в трех разных местах ее мелькали огоньки: один, словно теплина, которую раскладывают волжские пастухи на *ночнине*; два других пускали пламя и дым густой, стоявший неподвижным столбом. Кругом — олени; по всей поляне разбрелись они, и белая поляна превратилась почти в сплошную, черную; один постукивает то правой, то левой передними ногами в снег, перестает на

время, наклоняется, как будто обнюхивает то место, и опять начинает стучать копытами, сменяя одно другим, и стучит долго, настойчиво. Другой олень стоит неподвижно на одном месте, как будто врос в него, уткнувшись мордой в черную тундру; несколько других оленей бегают в круги, двое дерутся рогами. И над всем этим глубокое, невозмутимое ничем, молчание. Как копны, как стоги сена, уединенно стоят поодаль конусообразные чумы — цель нашей поездки. Войдем в ближайший, или лучше, пролезем в него через узенькое отверстие и дальше лезть уже не можем: прямо перед нами, посредине чума, разложены горящие дрова, над ними кипит котелок и клокочет вода; дым свободно лезет в отверстие наверху и все-таки много этого дыма остается в чуме: дым ест глаза, не дозволяя подняться на ноги. Садишься на корточки и, при свете довольно сильно разгоревшихся дров, видишь изумленные, недоумевающие лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежит *иньке*, может быть жене хозяина чума, другое — ему самому, потому что все остальные моложавы, хотя уже с поразительными задатками на то, чтобы через пять, шесть лет решительно, капля в каплю, походить на отца, или все равно, и на мать. В чуме тепло, сколько можно судить об этом потому, что у мальчишек на рубашкахрасстегнуты вороты и видны голые смуглые груди. Самоед-хозяин стружет ножом мерзлую рыбу и, видимо, с наслаждением ест эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится с иглой и сшивает оленьими жилами одну оленью постель с другой; ребятишки, тоже как будто освоившись с новым лицом, продолжают делать свое: один скоблит оленью постель, другой мастерит какую-то игрушку. И все это творится в глубоком сосредоточенном молчании. Осмотришься кругом: закоптелые и значительно подержанные оленьи постели лежат на шестках, сближающихся к верхнему отверстию. Оттуда, по временам как будто дунет кто-то и чум вслед за тем вплотную наполнится дымом, который слепит глаза и мешает производить дальнейший обзор чума. Вырвется этот дым на волю, и опять все

старые виды: инька шьет, муж ее стружет рыбу, над котлом в дыму и на деревянной решетке коптится или вялится мясо, может быть, *песцевина* (мясо песца), может быть *лисицевина*, или, наконец, даже оленина. По временам мясо это пускает от себя неприятный, одуряющий запах и, того гляди, не усидишь дольше в чуме на этом ковре, плетенном из тростника ерки, подле этих *лат* — деревянных досок, которыми огорожен со всех сторон огонь.

— Давно ли вы стоите здесь? — спросил я самоеда, чтобы о чем-нибудь заговорить с ним.

— Вчера, — отвечал он урывисто, по обыкновению, и по обыкновению потупил глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вон!

Самоед тряхнул головой и, не ответив ничего больше, медленно, приподнялся с места, отбросил рыбу в сторону и, накинувши на себя малицу *, вышел вон. Я стал прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собачонок по разным местам на поляне; мать-самоедка и ребятенки стали спешно подбирать подручное, укладывать все это в коробки, плетушки, мешки. Я поспешил вылезть на воздух. Навстречу попадается самоед, останавливается и всматривается в меня, тоже как будто недоумевая и удивляясь.

— Что так рано снимаетесь? — спрашиваю я его, желая хоть этим вопросом вывести его из недоумения. Самоед улыбается, однако находится на ответ.

— Олешка мох съел... велит дальше.

И, с этими словами, ловко бросает он петлю на рога набежавшего на нас оленя; тот останавливается, испуганный, дрожа всем телом. Самоед привязывает его к чуму, ловит другого, третьего... и с ними делает то же. Между тем, три хохлатых собаченки продолжают обегать с удушливым лаем вокруг стада, останавливаясь перед теми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплют мох; собаки лают на них долго и много; нако-

* Теплая меховая одежда из оленьих шкур.

нец, и этих спугивают с места и их обращают в бегство на настороженный аркан хозяев. Вскоре уже много оленей стояли привязанными к чумам; остальные сбиты собаченками в неподвижную, послушную кучу. Откинутые от чумов санки стоят уже наготове, нагруженные кое-каким мелким скарбом, снесенным инькам; на остальных из них складываются затем нюки, поднючья (те же оленьи шкуры, которые в чуме заменяют нижнюю настилку); на третьи санки кладут шесты, на четвертые садятся ребятенки, по одному и по два, на шестые мать с грудным ребенком, на седьмые бросают хохлатых собачонок, сделавших свое дело и прикурнувших, на восьмые, передние, влезает сам хозяин чума и — *аргиш* готов. И едет он на другое место, где больше моху, еще невытравленного, и где также оставит он после себя тундру взбитой и такой же почернелой, как и эту, которая лежит теперь перед глазами моими во всем пустынном однообразии. На новом месте, верст за 50 отсюда, разобьют в полчаса эти же чумы самоеды и опять постоят на нем два, много три дня, как бы исключительно для того, чтобы перебраться на иные места. Самоеды всегда зависят от прихоти своих оленей, которым нужна свежая пища, новые места, и *становятся чумами* там, где указывает инстинкт этих животных. И вот почему и самая жизнь самоеда тесно сливается с проявлением животного существования тех же самых оленей, которые поставлены в необходимость отыскивать себе пищу там, где она есть, — и самоеды плетутся за ними туда же, как верные слуги. Этим оправдывается и кочевая жизнь этого инородческого племени северной России.

(Из соч. Максимова).

КИРГИЗСКИЕ СТЕПИ.

Купеческий караван уже собрался и через несколько дней уже готов был выступить из Семипалатинска по направлению к Чугучаку и Кульдже. Мы отправи-

лись вперед, в степь к султану Кош-Магомету, чтобы потом присоединиться к каравану.

15-го ноября мы оставили Семипалатинск. Два слова о Семипалатинске: это маленький пограничный городок в Западной Сибири, на Иртыше. Летом в Семипалатинске чрезвычайно жарко и весь он занесен сугробами песку. Зимой в Семипалатинске очень холодно и весь он занесен сугробами снега. Одно в нем постоянно, — ветер, который летом дует с раскаленных, отовсюду обнаженных степей, а зимой — со снежных гор.

Дня через два мы уже приближались к *зимовью* султана. Десяток юрт, бедных и побогаче, смотря по тому, принадлежат ли они слугам или женам султана, и посредине маленький, кое-как сложенный, деревянный домик, под затишьем пригорков, окружающих озеро Сарыбулак, под защитой сотни казаков, составляли зимнее жилище султана, в которое он не задолго до нашего прибытия перекочевал. Все было пестро и в разладе одно с другим.

После радушного приема, султан, желая выказать в высшей степени свое к нам расположение и доверенность, пригласил нас посетить кибитку своей жены. Но поясним, хотя несколько, слово кибитка: это куполообразный, войлочный шатер, с войлочным запором вместо двери, с отверстием вверху, заменяющим окно и трубу. Основанием кибитки служит круглая, деревянная решетка, а купол поддерживают жерди, прикрепленные петлями снизу к решетке, сверху — к правильному кругу. Избавляем читателей от киргизских названий всех принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веревками и тесьмами, которые проходят внутрь и закрепляются близ дверей. Все это на случай похода снимается в пять минут; решетка плотно сжимается, жерди собираются в пучок, то и другое обвивается кошмами, и в две минуты кибитка уложена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минут — и она вновь расставлена.

Кибитка старшей султанши, в которую нас вводили, была убрана богато. Решетка внутри застилалась тон-

ким войлоком, испещренным тесьмами, а пол коврами; с правой стороны стоял ряд раскрашенных казанских сундуков, над которыми возвышался другой; турсук, или большой кожаный мешок с кумысом, занимал почетное место и отличался роскошью отделки; далее, несколько тюфяков и других постелей и седалищ были расположены вдоль решетки и покрыты богатыми одеялами и коврами; одна постель была застлана красным сукном, окаймленным мишурной бахромой. На этот раз кибитка была очищена от всех душистых предметов киргизской гастрономии и все показывало некоторый порядок и приготовление к принятию русских...

Мало-помалу собирались к нам отдельные толпы киргизов, караванных возчиков, с навьюченными верблюдами; наконец, оставив гостеприимный кров султана, мы вскоре увидели вдали обширный табор: это была часть каравана, вышедшая из Семипалатинска через несколько дней после нас, с караван-башей Мирза-Баем, и уже поджидавшая нашего прихода; тут же были базарчи-киргизы, ходившие в Семипалатинск для мены и возвращавшиеся с хлебом в свои аулы; все смешалось в одну общую, нестройную массу; начались споры и совещания относительно направления пути; наконец, условились, как хотелось караван-башу: соединились в один огромный караван и двинулись вперед, придерживаясь китайской пограничной линии. По соединении своем в одно, весь караван состоял из 1500 купеческих верблюдов и 1000, принадлежавших базарчиям, из которых большая часть должна была впоследствии отделиться от нас.

Какая бесконечная пустыня! Горе страннику без путеводителя: ни холма, по которому бы он заметил направление пути, ни ручья, где бы мог утолить жажду, ни приюта от бури, ни защиты от зверя. Один киргиз усвоил себе это безбрежное пространство степи; здесь он дома, хоть бы переходил от устья Эмбы до вершины Аяузы, от берегов Каспийских — на Иртыш; все служит ему указателем пути: звезда, направление ветра, наклонение травы, каждая мулла (мазарка, киргизская

могила) ему знакома. Пищей для него служат в случае нужды коренья, кусок кожи, лоскут его сальной одежды; воду киргиз находит в известных ему местах, углубившись не более как на поларшина от поверхности, а нет — он обойдется и без нее: ни одно животное не в состоянии перенести того, что может перенести киргиз; окрепший привычкой беспрерывной нужды, он подавил в себе все страсти, он довел свои чувства до того огрубелого состояния, которое равняет его с животным в нравственном отношении, между тем как в отношении физическом и по дару инстинкта он превосходит большую часть животных, с которыми ему приходится иметь дело чаще, чем с людьми.

Какое грустное однообразие: сегодня, как завтра, завтра, как вчера! Далеко до рассвета пробуждает нас рев верблюдов, изредка прерываемый словами «чок, чок», или дребезжащим голосом караван-баши. Скорость вьючения верблюдов, расставления джулумы, да еще кипячение чайника составляет славу и гордость караванных людей; в час все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотоле прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхивают ярко и переигрывают со звездами своим блеском; темнота ночи делается еще чернее. Наконец, пускаются и вершники в догонку за своими верблюдами; оглянитесь назад: еще мерцают огоньки, но как все глухо и пусто там, где несколько минут до того кипела целая движущаяся община с ее желаниями, страстями и пороками!

(Из путеш. Ковалевского).

ГОЛЛАНДЦЫ.

Кто приедет в Голландию и взглянет на жизнь голландцев, на их набережные, каналы, рвы, шлюзы, плотины, на их прекрасные гавани, верфи, шоссе, железные дороги, чистенькие города, крепости, башни; кто присмотрится к голландской смелости, предусмотрительности, чистоте, умеренности, ясности в словах и

отчетливости в поступках, — тот будет поражен изумлением. Но кто узнает голландцев поближе и познакомится с их историей, тот с почтением будет смотреть на этот народ. Вся эта богатая страна, эти прекрасные города, эти миленькие, блестящие чистотой деревни, созданы рукой человека,— созданы на земле, отнятой большей частью у морских волн. Войдя в город или деревню и взглянув на этих спокойных, важно двигающихся людей, которые встречают вас всегда кроткой улыбкой и медленной речью, трудно подумать, чтобы все эти гигантские постройки были сделаны ими. Взглянув на голландца, на его чистое платье, на его причесанный парик, на цветы и травы, которые в самом строгом порядке украшают его сады и палисадники; взглянув на голландское гумно и в голландский хлев, в котором так чисто, что разодетая барыня не запачкает краев своего платья, — не верится, чтобы эти спокойные, чопорные люди создали такую чудную землю из болота, в котором плодились только жабы да лягушки; не верится, чтобы эти медленные, спокойные, осторожные люди могли бороться с морем и победить его. Все, что вы видите в Голландии, дело могучих рук голландца, — рук, вооруженных заступом, лопатой и веслом.

На море тяжеловесный, спокойный голландец перерождается, взор его сверкает, в сильных руках кипит работа и виден в нем человек, привыкший заставлять повиноваться себе морские волны. Голландец тих, хладнокровен, спокоен; но в душе его железная воля, отвага и решимость. Раз выбравши цель, он идет к ней твердо, рассчитано и верно, и никакое препятствие не заставит его своротить с дороги.

Голландец любит строжайший порядок и безукоризненную чистоту и соблюдает их везде и во всем, не только в доме, в платье, но в словах и поступках. Цветы и домашнее хозяйство составляют страсть голландца. Он любит комфорт, но когда дело дойдет до труда, никакая работа не кажется ему ни слишком грязной, ни слишком тяжелой; он знает, что нет такой работы, которая не облагораживала бы человека; он убежден, что

нет такого тяжелого труда, которого не мог бы победить человек своим постоянством. Более всего на свете боится голландец нечистоты, беспорядка и лени и видит в них или причину, или следствие всех возможных пороков, нищеты и невежества.

ВЪЕЗД В ЛОНДОН С МОРЯ.

Пароход, на котором мы ехали, шел да шел вперед, и когда завтрак в каюте кончился, мы были уже на Темзе. Но где кончилось море, где началась река, верно никто из нас не мог бы сказать. Очертания берегов справа и слева были еще неясны. Казалось, пароход вступил в широкую морскую бухту и только оттого не шелохнется.

Нет другой реки в мире, которая была бы так, как Темза, спсcобна к громаднейшему развитию торговой деятельности. Зато неугомонно-кипучая жизнь, которая завладела ее берегами и взмутила ее воды, поражает и подавляет своим грозным движением каждого чужестранца. Темза судоходна на протяжении ста восьмидесяти восьми английских миль* и на семьдесят миль подвержена влиянию морского прилива и отлива. От Лондонского моста не нужно во время отлива ни парусов, ни пара, чтобы пуститься в путь: отлив выносит их без хлопот в открытое море.

По мере того, как мы подвигались вперед, все чаще и чаще попадались нам навстречу большие суда и пароходы, отправлявшиеся, может быть, в очень далекие странствования, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загороженные лесами и черными зданиями верфей.

Скоро показался справа и первый английский город, Гревзэнд, расположенный на пологом скате берега. Контуры его зданий виднелись, как сквозь легкую прозрачную дымку. Туман начинал уже тихо подниматься с реки и класть на все серую тушевку.

* Английская миля — верста и три четверти.

До пристани оставалось нам еще двадцать две мили; но тут и берега и река начинали уже кипеть жизнью и путь не мог казаться скучным. Кроме больших и малых пароходов, кроме парусных судов, качавшихся на всех морях, и новых кораблей, только что спустившихся с подмосток мастерской, нам беспрестанно попадались большие барки и маленькие лодки с грудами каменного угля и рыбачьи челноки с крашеными, коричневыми парусами. Запах угля становился все сильней, даль все куталась в туман. Солнца, которое светило очень ярко, когда мы вступали в устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозилось красным раскаленным ядром из-за густых, черных клубов дыма, подымавшегося над пароходами, то прорезывалось тонким золотым кольцом, когда дым на минуту редел и расстилался по небу мутным пологом. У берегов серый туман начинал превращаться в черный, и из этого унылого мрака слышался непрерывный стук тысячи молотов. Резко и грозно разносились вдоль по реке их тяжелые и частые удары по наковальням; к ним примешивался по временам гул машинных колес и свист пил.

Почти на протяжении целой мили тянутся у правого берега, на котором стоит Вульвич, мрачные навесы военной верфи. Под ними мы различали порой огромные остовы и ребра кораблей: но ни людей, кующих тут в чадной угольной тьме морское величие Британии, ни их тяжкой работы нельзя было разглядеть, — и тем грознее казался безустанный и неумолчный грохот этого невидимого движения. За высокой стеной, ограждающей полосу берега, на которой построена вульвичская верфь, из-за ее высоких навесов, из-под глухих кровель ее мастерских — солнца не увидишь иначе, как в вечном затмении.

Едва начал становиться за нами глуше и смутнее стук молотков и машин, до нас стал доноситься такой же гул и грохот спереди. Мы миновали местечко Блэкволь, где у пристани теснились пароходы, и пассажиры их спешили на железную дорогу, которая идет отсюда по улицам Лондона и над его домами, в самую средину

Сити. Пароход наш приближался к громадным вест-индским докам. Река делает тут поворот влево и, поворачивая дальше вправо, на линию своего прежнего течения, образует большой мыс, который прорезан насквозь каналами и бассейнами доков.

Пароход наш пошел тише. Темза становилась своей суетой похожа на нашу Садовую в вербную субботу: вся разница была в том, что вместо омнибусов, карет и саней, тут сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проезжая дорога сузилась. К берегам тесно жались в несколько рядов суда всевозможных размеров и форм. Число их легион, хотя, может быть, только десятая доля судов, стоящих у Лондона, стоит в реке. Остальные пристают к докам, и бесчисленные иглы их мачт видны из-за прибрежных домов. Глазу беспрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полоске земли, за которой лежит если не море, то такая же широкая река, как Темза.

Дома, или лучше сказать, черные кирпичные стены на обеих сторонах реки жались друг к другу все плотнее и плотнее. На каждой стене белели большие прописные буквы надписей, объяснявших, что за стеной помещается или верфь, или мастерская, или складочное место. За первым рядом стен виднелся другой ряд, выше, с такими же надписями, а через него глядели опять стены и опять вывески. Порой вместо второго и третьего ряда стен, снова подымались сотни мачт. Мы были около лондонских доков св. Екатерины. В тесные ущелья между двух домов то и дело осторожно входили или пароход или парусное судно. Оставайся все они на реке, по их палубам можно было бы пройти, не замочив подошвы, от Лондонского моста до Гревзэнда.

Мы уже почти у пристани. Вот и Лондонский мост с его тяжелыми серыми арками, предел собственно морской жизни. За его сводами видны вдали своды другого моста; если бы не туман, который здесь особенно густ, мы увидали бы и еще мост третий. Всех их в Лондоне семь и все кипят жизнью, но первенство в этом отношении принадлежит Лондонскому мосту. Глядя с парохо-

да, можно подумать, что в этой давке не пройдешь. Тихо движутся по средине громадные возы, чудовищные омнибусы, кареты и кэбы; тысячи круглых мужских шляп на тротуаре кажутся из-за стен моста каким-то черным потоком.

Почти такая же толкотня, как на мосту, и у пристаней, по сю и по ту сторону. Одни толпы теснятся к пароходам, другие бегут плотной массой с пароходом им навстречу, еще толпы пробираются по живому мосту сдвинувшихся судов. Все голоса и звуки мешаются в один смутный гул: и крики матросов, и шипение выпускаемого пара, и шум водяных колес. Надо родиться на этих туманных берегах и с детских лет привыкнуть к этому страшному движению, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то неиспытанного одиночества.

(Из ст. Михайлова).

ИЕРУСАЛИМ.

Мне казалось, что я стал дышать свободнее, когда мы начали подниматься на торжественные крутизны Иудеи. Взъехав на горы, мы скоро поровнялись с древними развалинами местечка *Латрун*, где, по преданию, родился распятый одесную спасителя преступник, которому один вздох отверз двери рая. С крестным знамением мы промчались мимо и, конечно, не один из нас воскликнул мысленно: «Помяни мя, господи, во царствии твоем».

Ущелья гор делались ежеминутно тесней и живописней, благовоние роз и незнакомых мне белых цветов разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистым скатам. Часа через три пути мы выехали в узкий дефилей самой дикой наружности; он задержал наше стремление. Горы Иудейские носят на себе отпечаток чего-то необыкновенно-вдохновительного. Вскоре несколько ветхих маслин и фиговых дерев обозначают границу земель Рамлы и Иерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталых лошадей наших у колодезей. Часы быстро летели и я сгорал нетерпением увидеть святой город. Горы начали становиться диче и обнаженней, но

лиловый отлив скал, смешанный с зелеными полосками мхов, приятно оттенял их. Путь в иных местах едва был проходим для лошадей. Поднимаясь с горы на гору, я был в беспрестанном ожидании открыть Иерусалим, но горы продолжали вставать передо мною, переменив прежний оттенок свой на красноватый. Я начал приходить в уныние, что не увижу святого города при свете дня; я далеко опередил своих спутников; в самое это время встретился мне прохожий араб, — и, конечно, пораженный написанным на лице моем грустным нетерпением, поравнявшись со мною, закричал мне: *скоро! скоро!* — Такое предведение поразило меня удивлением: я ему сказал все, что знал по-арабски нежного, за радостное известие. Я поднялся на высоту, — вдруг предстал Иерусалим. Кинув повода лошади, я бросился на землю с сладкими слезами. Я узнал гору Элеонскую по ее священным маслинам, вздохи стеснили мою грудь. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. В немом восторге и не сводя глаз с этого священнейшего места земного шара, мы спускались уже пешие по разметанным камням. Небо было облачно, — покров печали облегал Иерусалим... Вожатый сказал мне, что если не сядем на лошадей, то с захождением солнца, близкого уже к горизонту, ворота Иерусалима затворятся; это меня испугало; я боялся, чтобы святыня не скрылась от меня по грехам моим, и поспешил в лоно святого города вкусить полную чашу блаженства, совершив свой обет.

Мы въехали в укрепленные Вифлиемские или Яфские ворота и очень скоро сошли у дверей патриаршей обители. Это было марта 31-го числа. Сын далекого севера, я не менее того вступил в Иерусалим, как в свою родину, близкую сердцу моему. После долгого пребывания с неверными, радостно было мне посреди братий, под кровом икон нашей церкви. Я едва верил, что нахожусь близ гроба Христова, и поспешил в храм; но двери его, стрегомые мусульманами, были еще заперты. Митрополит пригласил меня идти вместе с ним к заутрени.

Среди тишины темной ночи я приступил в первый раз к величественному преддверию храма гроба господня. Обе половины огромных ворот были открыты настежь. Бесчисленные огни свечей блистали перед большими стенными иконами, изображающими снятие со креста и погребение спасителя. Тотчас при входе, в ложе привратника, увидел сидящих, поджавши ноги, турок с трубками во рту и играющих в шахматы: — мое сердце сжалось грустью. Толпа расступилась перед нашим янычаром; в нескольких шагах от нас лежал на помосте камень, одетый желтым мрамором и окруженный большими свечами: — это тот самый, на котором благообразный Иосиф облекал в плащаницу снятое со креста тело Иисусово. «Господи» сказал я невольно, пав ниц со слезами: «страдания твои еще не прекратились. Крещенные во святое имя твое и искупленные тобою владеют этим миром, а нечестивые стерегут святилища твои». Но христиане не должны смущаться, что такие великие святыни находятся в унижении языческом: спаситель мира и себя подвергнул на земле тяжким страданиям. В смятении чувств я не помню, как я дошел до гроба спасителя. Тут я дышал свободней; отдельный придел скрывает погребальный вертеп господа. Там я пролил слезы покаяния и первая молитва моя была за давших мне жизнь и за близких сердцу моему. Не могу описывать, — и как выразить восторг, умиление, горесть христианина-грешника у гроба спасителя и, наконец, на Голгофе, у отверстия, где стоял крест у расселины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помост храма был весь закрыт народом, но все приделы, все хоры, все галлереи и даже некоторые карнизы имели своих богомольцев или зрителей. Нынешний год для всех христиан пасха приходилась в один и тот же день. Зрелище этой необъятной толпы, чьи лица резко изображали представителей всех частей света,— поразительно. Глухой шум слитых голосов сначала удивляет и беспокоит европейского христианина, привыкшего к благочестию храмов божьих; но при виде непоколебимого и ничем

неразвлекаемого благочестия многих, истинно молящихся людей,—этот шум кажется шумом бурной стихии. Возжение свечей с принятием ваий вдруг обнаружило несметное число наших единоверцев. Весь ход направился с хоругвями и с пальмовыми ваиями в руках от греческого алтаря сквозь царские двери прямо ко гробу Христову, который находился на противной стороне оконечности храма. С разрешения митрополита те светские лица, которые находятся в алтаре, должны следовать за духовенством через царские двери, чтобы охраняться от толпы; с трудом покорился я этой необходимости. Впереди священного хода шел мусульманский привратник храма и с криком разгонял бичом напирающую толпу. Вот как изображено смиренное шествие искупителя в Иерусалиме.

(Из путеш. Норова).

КИЕВ.

Высоко предо мною —
Старый Киев над Днепром;
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.
Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко песни раздалися,
В небе тих вечерний звон:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы на поклон?».
— «Я оттуда, где струится
Тихий Дон, краса полей».
— «Я оттуда, где клубится
Беспредельный Енисей».
— «Край мой — теплый брег Евксина».
— «Край мой — брег тех дальних стран,
Где одна сплошная льдина
Оковала океан».

— «Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов:
Там страна моя родная!»
— «Мне отчизна старый Псков».
— «Я от Ладоги холодной».
— «Я от синих волн Невы».
— «Я от Камы многоводной».
— «Я от матушки Москвы».
Слава, Днепр — седые волны!
Слава, Киев — чудный град!
Мрак пещер твоих безмолвный
Краше царственных палат.
Знаем мы: в века былые,
В древню ночь и мрак глубок,
Над тобой блеснул России
Солнца вечного Восток!

Хомяков.

МОСКВА.

Город чудный, город древний.
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Выростают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это — матушка Москва.

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?

Кто Царь-колокол подымет,
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?..

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе;
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела,
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же, славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Глинка.

КАВКАЗ.

Кавказ подо мною. Один в вышине стою над снегами у края стремнины: орел, с отдаленной поднявшись вершины, парит неподвижно со мной наравне. Отселе я вижу потоков рожденье и первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной; сквозь них, низвергаясь, шумят водопады; под ними утесов нагие

громады; там ниже мох тощий, кустарник сухой; а там уже рощи, зеленые сени, где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах, и ползают овцы по злачным стремнинам, и пастырь нисходит к веселым долинам, где мчится Арагва в тенистых брегах, и нищий наездник таится в ущельи, где Терек играет в свирепом весельи: играет и воет, как зверь молодой, завидевший пищу из клетки железной, и бьется о берег в вражде бесполезной и лижет утесы голодной волной... Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады: теснят его грозно немые громады.

А. Пушкин.

ФИНЛЯНДИЯ.

Суровый край! Его красам, пугаяся, дивятся взоры: на горы каменные там поверглись каменные горы. Синея, всходят до небес их своенравные громады; на них шумит сосновый лес, с них бурно льются водопады. Там холм очей не веселит: он лавой каменной облит. Главу одевши в мох печальный, огромным сторожем стоит на нем гранит пирамидальный. По дряхлым скалам бродит взгляд; пришлец исполнен смутной думы: не мира-ль давнего лежат пред ним развалины угрюмы?

Батюшков.

ПЕТЕРБУРГ.

На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн, и вдаль глядел. Пред ним широко река неслася; бедный челн по ней стремился одиноко. По мшистым, топким берегам чернели избы здесь и там, приют убогого чухонца; и лес, неведомый лучам в тумане спрятанного солнца, кругом шумел.

И думал он: «отсель грозить мы будем шведу; здесь будет город заложен на зло надменному соседу; природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно, ногою твердой стать при море; сюда, по новым им вол-

нам, все флаги в гости будут к нам — и запируем на просторе».

Прошло сто лет, — и юный град, полнощных стран краса и диво, из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво: где прежде финский рыболов, печальный пасынок природы, один у низких берегов бросал в неведомые воды свой ветхий невод, ныне там, по оживленным берегам, громады стройные теснятся дворцов и башен; корабли толпой со всех концов земли к богатым пристаням стремятся; в гранит оделася Нева; мосты повисли над водами; темнозелеными садами ее покрылись острова, и перед младшею столицей главой склонилася Москва, как перед новою царицей порфироносная вдова. Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное теченье, береговой ее гранит; твоих оград узор чугунный, твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак, блеск безлунный, когда я в комнате моей пишу, читаю без лампады, и ясны спящие громады пустынных улиц, и светла адмиралтейская игла. И не пуская тьму ночную на золотые небеса, одна заря сменить спешит другую, дав ночи полчаса. Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздух и мороз, бег санок вдоль Невы широкой, девичьи лица ярче роз. Люблю воинственную живость потешных Марсовых полей, пехотных ратей и коней однообразную красивость в их стройно-зыблемом строю, лоскутья их знамен победных, сиянье шапок этих медных, насквозь простреленных в бою. Люблю, военная столица, твоей твердыни дым и гром, когда полнощная царица дарует сына в царский дом, или победу над врагами Россия снова торжествует или, взломав свой синий лед, Нева к морям его несет и, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся ж, град Петров, и стой неколебимо, как Россия! да умирится же с тобой и побежденная стихия. Вражду и плен старинный свой пусть волны финские забудут и тщетной злобою не будут тревожить вечный сон Петра!

А. Пушкин.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ.

(*Письма к приятелю*).

Письмо 1-е.

От Петербурга до Твери.

Прощаясь с тобой на петербургской станции, я дал тебе слово описать свое путешествие по Волге. «Не давши слова крепись, а давши — держись». Вследствие этой мудрой пословицы я опишу тебе хотя несколько те впечатления, которые сделала на меня эта великая река; но если бы я захотел рассказать тебе все, что видел, проехав от Твери до Нижнего-Новгорода, то должен был бы написать целую и большую книгу, а не короткое письмо.

Паровоз быстро унес нас из туманного и сырого Петербурга. Болота, прорывающиеся лужами, жалкие, жиденькие еловые лески, напоминающие щетинистую бороду худо выбритого человека, форменные будки сторожей, — словом, окрестности Петербурга быстро мелькали мимо меня в окошке вагона. Какой печальной представляется мне вся эта низменная и бедная страна отсюда после того, как я видел прекрасные берега Волги! Окрестности северной столицы и так не очень пышны; а московская железная дорога, как нарочно, летит стрелой по самым неприятным пустырям.

Чем далее уезжали мы от Петербурга, тем более оживлялась местность: становилась холмистей, зеленее; леса делались гуще и разнообразней; луга и поля суше и цветистей; деревни более похожи на добровольные поселения людей, чем те вытянутые в струнку ряды домов, которые выдают за села и деревни в окрестностях Петербурга. В воздухе было заметно более света и тепла, и менее той зубатой сырости, которая гложет в Петербурге гранит и чугун, а не только уже прохватывает до костей бедного человека.

Новгородская губерния, в которую мы въехали из петербургской, также не очень привлекательна, но все немного повеселей. Когда наш поезд готовился переезжать мутный Волхов по великолепному мосту, будто висящему в воздухе, я, выйдя на платформу небольшой станции, в первый раз полюбовался окрестностью. По обеим сторонам моста — бездна воды; у пристани дымился пароход, и к нему поспешали пассажиры, желавшие подняться вверх по Волхову до Великого Новгорода, который, как говорят, теперь очень не великий и очень обыкновенный губернский город, хотя и стоит попрежнему невдалеке от истока Волхова из озера Ильменя. С другой стороны моста видно было множество барок, которые отправлялись вниз к Ладоге с тем, чтобы оттуда по Ладожскому каналу мимо южных берегов бурного и каменистого Ладожского озера войти в Неву у Шлиссельбурга и прибыть к вам в Питер. Это уже волжские гостинцы Петербургу. Когда мы отправились, я спросил у одного ладожанина, ехавшего с нами в Тверь: есть ли какие-нибудь следы пребывания Рюрика в Ладоге, оставшиеся с тех пор, когда этот князь, призванный новгородцами, поселился там, чтобы запереть другим смелым варягам вход в устье Волхова — эти ворота в Новгородскую область?

— С тех пор прошло уже тысяча лет, отвечал мне ладожанин: могло ли же что-нибудь сохраниться? Больших построек тогда не делали, а защищали страну более грудью. Не доезжая до Ладоги, на левом берегу Волхова, есть, правда, остатки валов и каменных стен крепости; но эта крепость строилась позже, для защиты от шведов, проходивших тем же путем грабить богатый Новгород. Эти грабежи продолжались бы долго, если б Петр Великий не завоевал сначала Орешка, нынешнего Шлиссельбурга, а потом не завладел бы устьем Невы и не выстроил бы кронштадтской крепости, около которой понапрасну еще недавно разгуливал англо-французский флот. Да, Кронштадт важная крепость! За ее пушками, мы плаваем и торгуем здесь спокойно. Но не так было прежде, и в воды Волхова много пролито крови,

а по берегам много могильных холмов, показывающих, что здесь не раз отстаивали новгородцы свой вольный город.

Подъезжая к Валдаю и за Валдаем, местность становится очень холмиста; но эти отлогие Валдайские горы, покрытые лесами и болотами, мало похожи на горы, хотя порядочно затрудняют поезд. Железная дорога то подымается на отлогие бока холмов, то опускается с них; где же подъем или спуск сколько-нибудь круты, там сделаны часто огромные насыпи, соединяющие два холма; иногда дорога прорезывает холмы, и тогда зеленые валы стоят, как крепостные стены, по обеим сторонам летящего вагона. Как хороши иные мосты, смело висящие в воздухе! Взглянешь вниз — голова закружится! Далеко внизу, под мостом, протекает река, по которой тянутся барки; на берегу — деревни, лески и все так миниатюрно, что кажется хорошенькой игрушкой. Хотелось бы мне оттуда, снизу, взглянуть на наш паровоз и целый ряд вагонов, несущихся высоко над головой.

Каких страшных трудов и издержек стоило провести в этом месте железную дорогу; но не потому, чтобы горы Валдайские были слишком высоки (это ли горы?), но потому, что здесь неисчислимое множество болот, лежащих даже по вершинам гор, и таких глубоких, что у иных и дна не достали. Говорят, что когда нужно было на некоторых болотах делать насыпи, то вбивали огромнейшие сваи, одну за другой, и они, входя в болото, пропадали, а потом, через несколько времени, выплывали где-нибудь на озере, версты за три. Это объясняется тем, что многие из здешних болот — не что иное, как озера, только сверху заросшие тонким слоем торфа, образовавшегося из гниющих растений и мхов. Водяное богатство этой страны неизмеримо. Да и может ли быть иначе, когда она питает три такие реки, как Волга, Днепр и Западная Двина, и бесчисленное множество мелких рек и речек? Все эти три громадные реки берут свое начало почти в одном месте: на холмистых возвышениях, помещающихся в самом центре Европейской

России и покрытых лесами, болотами и озерами. Говорят, что индейцы поклоняются источникам Ганга, вытекающего из высоких ледников Гималая: если бы русские, будучи язычниками, знали хорошо географию своей страны и причины ее водного богатства, то, вероятно, поклонялись бы болотам нынешней Тверской и Новгородской губерний. Эти болота поят бесчисленные реки России, а эти реки поят, кормят и одевают десятки миллионов русских людей.

Городов при проезде я почти не видал, потому что железная дорога почти не проходит через города. О близости Торжка я узнал только по вышитым золотым башмакам, которые мне навязывали на станции; о близости Валдая — по *малиновому* звону колокольчиков, вынесенных на продажу, да по связкам баранок. Один Вышний Волочек успел я рассмотреть лучше: это хорошенький деятельный городок, обязанный своей богатой торговлей тому, что он стоит на перекрестке двух важнейших путей сообщения: московской железной дороги, или чугунки, как ее здесь называют, и водного *Вышневолоцкого* пути, главнейшего из трех водных путей, связывающих Волгу с Невой и, следовательно, с Балтийским морем.

Рано утром мы приехали в Тверь, и городской извозчик перевез меня в город, отстоящий довольно далеко от станции железной дороги, в гостиницу, стоящую на берегу Волги. С большим нетерпением побежал я взглянуть на царицу европейских рек, которая на 1070 верст длинней Рейна и на 630 верст длинней Дуная. Пришел на набережную и увидал очень неширокую и очень неполноводную реку втрое у́же и беднее водой нашей прекрасной Невы: ширина Волги у Твери не более 100 сажен. Тверь — чистенький городок, а множество очень старинных церквей и монастырей говорят красноречиво о древности бывшей столицы великого княжества Тверского, соперничествовавшей когда-то с Великим Новгородом. Но и Новгород, и Тверь должны были пасть перед юной в то время, а теперь очень древней Москвой; Москва же, в свою оче-

редь, склонилась перед молодым, щеголеватым Петербургом.

Множество тяжело нагруженных барок и 5—6 пароходов стояли у пристани. Мне сказали, что готовится целый *караван* барок для отправки в Петербург по Вышневолоцкой *системе* рек и каналов. Но я, к стыду моему, не заметил даже Тверцы, которая впадает в Волгу у самой Твери и вверх по которой идут барки до Вышневолоцкого канала, соединяющего Тверцу с рекой Мстою, впадающей в Ильмень: так боялся я опоздать на пароход, уже неистово свистевший внизу, под крутой лестницей, ведущей с высокой, красивой набережной. Через полчаса пароход наш уже отчалил и понесся — нельзя сказать, чтобы очень быстро — вниз по реке: «вниз по матушке по Волге». Пассажиров было много; они не успели еще усесться, суетились, возились с вещами. Я стоял у перил и смотрел на знаменитую Волгу. Признаюсь, что после Невы она казалась мне очень узкой и бедноводной рекой, на которой с трудом разъезжались беспрестанно встречающиеся пароходы и барки; бородатый помощник еще более бородатого лоцмана, сидя на носу парохода, беспрестанно мерял глубину, и глубина оказывалась незначительная. Волга не только не широка, но и не глубока; на ней множество мелей, на которые попасть неприятно. Волжские лоцманы, провожающие суда и пароходы по Волге, должны быть люди очень опытные и зоркие, должны хорошо знать *фарватер* Волги и быть на стороже каждую минуту, чтобы избегнуть бесчисленного числа скрывающихся под водой мелей, которые к тому же после весенних разливов, несущих песок, ил и карчи, очень часто меняют свое место и появляются там, где их еще в прошлом году не было.

На пароходе я встретился с знакомым мне почтенным стариком, купцом, барки которого ежегодно совершают путешествие из Саратова и Нижнего до Петербурга, и который приходит в восторг при одном имени Волги: не оттого ли, что она выстроила ему в Петербурге три громадные каменные дома?

— Не широка же ваша хваленая Волга, сказал я купцу, с намерением вызвать его на беседу.

— Вы бы заехали еще повыше, к самому Иордану, сказал он с маленькой досадой: там можно, пожалуй, и перешагнуть через Волгу.

— Что это за Иордан? спросил я: — конечно, это не знаменитая река Палестины?

— Иорданом называется, отвечал мне купец, родник, обделанный в колодезь, из которого берет начало свое Волга. Этот колодезь находится в Осташковском уезде Тверской губернии, при деревне, которую и зовут *Волгино*. Там Волга маленький ручеек — и только. Но через несколько же верст, благодаря множеству впадающих в нее ручейков, обилию болот и множеству больших и малых озер, которые она протекает, Волга становится очень порядочной рекой. Особенно много воды дает Волге озеро Селигер, из которого под Осташковым вытекает небольшая речка Селижаровка, впадающая в Волгу. Здесь уж Волга и в *меженное время* имеет саженей 20 в ширину. Когда же вольются в Волгу Вазуза с Гжатью, тогда она становится порядочной *судоходной* рекой, по которой ходят довольно большие барки.

— Какие все странные названия, заметил я: Селигер, Селижаровка, Вазуза — все это, кажется, не русские слова.

— Должно быть, не русские, а чухонские, или поученому финские; финнов и теперь можно еще найти в Тверской губернии, а прежде они занимали всю эту лесную и болотистую местность, в которой находятся верховья Волги, Западной Двины и Днепра.

— Куда же они потом делись?

— Должно быть обрусели, т. е. позабыли свой язык, приняли православную веру и русские обычаи, так что их теперь и не отличишь от русских. А вы Волги прежде времени не хулите: я послушаю, что вы скажете о ней дня через три, прибавил старик и принялся за чай, который подали нам на палубу.

Однакоже письмо мое вышло неприлично длинно, а я еще только начинаю путешествовать: прощай до будущего письма.

Письмо 2-е.

От Твери до Нижнего.

От Твери до Рыбинска я видел мало замечательного. Берега Волги, впрочем, довольно живописны и холмы появляются то на правой, то на левой ее стороне. Прибрежные села велики и красивы, во многих местах старинные каменные церкви. По всему видно, что здесь давно живут люди и живут недурно, благодаря кормилице-Волге. Одно из этих сел, Кимры, замечательно тем, что в нем и вокруг него, верст на 60, живут все сапожники, произведениями которых набиты наши гостиные дворы. Говорят, что в двенадцатом году кимряне успевали снабжать обувью всю нашу армию. И в других селах, почти в каждом, есть свой особенный промысел, переходящий наследственно от отцов к детям.

Но города, Корчева и Калязин, не замечательны. На калязинской площади, огромном пустыре, скудно обставленном плохими домиками, меня чуть не разорвали собаки: странно даже подумать, что это приволжские города. Зато Углич, город Ярославской губернии, очень меня заинтересовал: он стоит на высоком довольно живописном берегу, и множество старинных церквей дают ему оригинальный вид. Пока пароход наш запасался дровами, а пассажиры различной провизией — кто рыбой, кто хлебом, молоком, ягодами, — всем, что продавалось тут же у пристани, — я успел взглянуть на дворец несчастного Дмитрия-царевича. Это очень небольшой и ветхий каменный двухэтажный домик, в верхнем этаже которого всего одна комната, обращенная теперь в церковь. Перед домиком площадка; стоя на ней, я невольно вспомнил прекрасное описание страшного дела из рассказа почтенного старца Пимена в Пушкинской драме «Борис Годунов». Помнишь, как Пимен рассказывает

будущему самозванцу это страшное событие, имевшее такое влияние на судьбу России:

Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
В некое был услан послушанье.
Пришел я в ночь. На утро в час обедни,
Вдруг слышу звон, ударили в набат;
Крик, шум; бегут на двор царицы. Я
Спешу туда же, а там уже весь город.
Гляжу — лежит зарезанный царевич;
Царица-мать в беспамятстве над ним;
Кормилица в отчаяньи рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между них, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский;
«Вот, вот злодей!» раздался общий вопль;
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам.
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца.
И чудо! Вдруг мертвец затрепетал.
«Покайтеся!» народ им завопил:
И в ужасе, под топором, злодеи
Покаялись, — и назвали Бориса.

От Углича до самой Мологи Волга течет почти прямо на север, а у Мологи круто поворачивает к юго-востоку. Этот большой изгиб Волги к северу очень важен для торговли: потому что в этом изгибе впадают в Волгу с левой стороны две большие реки, Молога и Шексна, из которых первая соединяет Волгу с Балтийским морем, а вторая — с Балтийским и Белым. Смотря на этот изгиб, кажется, что Волге как будто хотелось проложить себе путь на север; но она встретила лесистые холмы, называемые *увалами*, идущие от уральских гор и поворотила к юго-востоку.

Мы приехали в Мологу очень поздно вечером; пароход остановился у пристани не надолго, и я не успел

побывать в городе. Издали Молога мне понравилась: она стоит на довольно высоком мысу, который образуется здесь слиянием Мологи и Волги. Устье Мологи все было заставлено судами и плотами. Некоторые из судов были нагружены и, казалось, готовились идти вверх по Мологе; другие, тоже нагруженные, отправлялись, повидимому, на Волгу; третьи были еще пусты: это новые суда, сделанные где-нибудь в верховьях Мологи, протекающей в очень лесистой стороне. Несколько небольших речек и озер и, наконец, *Тихвинский канал* соединяют Мологу с Тихвинкой, которая впадает в Сясь. По течению Сяси суда идут до Ладожского озера; но не входят в это бурное и каменистое озеро, а отправляются по обводному каналу до Новой Ладоги, где входят в Ладожский канал.

По имени главного канала и весь этот водяной путь называется *Тихвинским*. По Тихвинской системе ходят только небольшие суда; но она имеет то преимущество перед Вышневолоцкой, что по ней суда могут ходить не только из Волги в Неву, но и обратно, из Невы в Волгу. Вот почему по Тихвинской системе каналов и рек приходят на Волгу и доставляются в южные губернии и в Астрахань все заграничные товары: виноградные вина, фрукты, кофе, изделия заграничных фабрик и проч.

Уже совсем стемнело, когда мы отъехали от Мологи, и я заснул в каюте. Но скоро разбудил меня страшный шум над головой: на палубе бегали, суетились и до меня долетали какие-то неистовые крики: «направо, держи левей, куда-те несет, окаянный? али ослеп, что ли, бока проломишь? куда прешь, леший, на якорь наехал!» Эти грубые крики раздавались со всех сторон. «Эк, плоты-то растянули», — кричал наш капитан, — «посторонись! берегись!» — ревел он в рупор. Спать не было никакой возможности. Я вышел на палубу и остановился в изумлении: пароход, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди бесчисленного множества плотов и барок, составлявших почти одну сплошную массу во всю ширину реки. Летняя ночь была тепла, но очень темна, не то, что у вас в Петербурге, где в это

время ночи почти совершенно нет. Тысячи огоньков горели на обоих берегах; разноцветные фонари сверкали наверху пароходов; бесчисленные барки казались в темноте громадами, на них кое-где шевелились люди; по реке разносились громко голоса перебранивающихся рабочих, которые особенно сердились на наш пароход, *затесавшийся промеж барок* так поздно. Мы были в Рыбинске; но я не видал еще города, а только огоньки в окнах его домов, сверкающие в темноте, на высоком, правом берегу Волги.

Я проснулся очень рано и тотчас же пошел в город. Богатые каменные дома, тянущиеся стройным рядом по высокому берегу, прекрасная, устланная камнем, набережная с хорошенькими перилами, отличный тротуар вдоль набережной — все показывало, что жители Рыбинска люди не бедные. Город еще спал; только в открытых окнах трактиров половые постукивали чашками. С высокой набережной открывался прекрасный и очень оригинальный вид на широкую реку, на бесчисленные суда, на противоположный берег, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями.

Рыбинская пристань тянется на несколько верст и суда располагаются у берега правильными отделениями, смотря по тому, с каким они грузом и куда идут: плывут ли вниз по Волге; подымаются ли вверх до Твери с тем, чтобы по Тверце пробраться дальше к Вышнему Волочку; к Мологе ли, имея в виду Тихвинскую систему, или пойдут тут же, у Рыбинска, в Шексну и по *Мариинской системе* рек и каналов отправятся до общей цели всех стремлений — петербургского порта. В Рыбинске происходит главная перегрузка товаров с больших судов на малые; потому что большие волжские суда, придя к Рыбинску с низовья — из Нижнего, Казани, Саратова, Астрахани, — не могут идти далее вверх по Волге, а тем более пробираться по узким каналам. Многие из этих судов доставлены в Рыбинск пароходами на буксире, но большая часть — бурлаками с помощью лошадей. Бурлаков и всякого рода рабочих людей, приходящих в Рыбинск для выгрузки и пере-

грузки товаров, собирается летом такое множество, что в небольшом городке, в котором постоянных жителей не более 6000 душ, бывает в иную пору, летом, до 100 000 человек. Конечно, город не мог бы вместить и половины этого числа; но эти летние гости не прихотливы и располагаются на барках и плотах; а барок достаточное количество: иногда более 2000 собирается их в одно время у рыбинских пристаней. Волга, ширина которой достигает в Рыбинске до 230 сажен, покрывается почти сплошной массой судов, так что для проезда по ней остается весьма немного места. А как разнообразны эти суда! В одном углу глаз останавливается невольно на легкой, изящной *белозерке* с двумя стройными мачтами и опрятной палубой; там торчит безобразный *шитик* с плоским дном, круглыми бортами и палубой в виде ослиного хребта. Шитиком назвали судно потому, что прежде сшивали доски ивовыми прутьями. У одних судов выстроены на палубах целые домики; на других палубы совсем нет, и они имеют вид огромных, длинных, широких лодок. Но нет барки, которая не была бы изукрашена самой узорчатой резьбой; причем, конечно, как и при постройке избы, главную роль играет топор да нож, изредка разве — долото.

Между судами, наиболее употребительными на верхней Волге и по ее притокам в этих частях, а также и по каналам, первое место занимают так называемые *барки* и *полубарки*: первые имеют от 17 до 18 сажен в длину и подымают до 7000 пудов грузу, полубарки немного менее и подымают не более 5000 пудов. Вообще, должно заметить, что суда, плавающие по Волге и ее притокам, очень разнообразны и знатоки насчитывают их до 40 родов. Почти каждая значительная река и каждая система водного сообщения имеет исключительно ей принадлежащие суда, но нужен опытный глаз, чтобы различить эти мокшаны, тихвинки, соминки, коломенки, белозерки и т. д. Все почти барки строятся по берегам рек, впадающих в Волгу с левой стороны и текущих с лесистых отрогов Урала. На одной Шексне выстраивается в год до 2000 барок. Многие мелкие барки, доставив

товар на место, не возвращаются назад, а идут на дрова или легкие постройки; но большие суда берегут, потому что постройка их обходится дорого.

Яростный свисток парохода уведомил меня, что я слишком долго расхаживал по рыбинской набережной. На палубе знакомый мне купец, умывшись, расчесав седую голову и бороду, помолился на рыбинские церкви и уселся за чай. Он пригласил меня и еще одного своего знакомого купца, только что прибывшего из Белозерска, распить вместе чашку чаю. Между купцами скоро завязался разговор, интересный для моего знакомого, потому что барки его, пробравшись на север, вверх по Шексне до Бела-озера, тянулись по обводному Белозерскому каналу.

Странно, что все наши северные озера — Ильмень, Ладожское, Онежское, Бело-озеро — бурны, каменисты и неудобны для плавания, что заставило устроить вдоль их берегов громадные *обводные каналы*. Бело-озеро получило даже свое название от белых пенистых волн, которыми оно часто покрывается. Из Белозерского канала суда идут вверх по реке Ковже, впадающей в Бело-озеро, а из Ковжи Мариинским каналом входят в р. Вытегру, которая впадает в Онежское озеро. Из Шексны можно проехать водой в Белое море, если, не доезжая до Бела-озера, поворотить направо и, посредством Александровского канала и небольшой речки Порозовицы, въехать в Кубенское озеро. Из Кубенского озера выходит р. Сухона — главный приток Северной Двины, впадающей у Архангельска в Белое море; таким образом, один великий водяной путь, центром которого является Волга, соединяет три отдаленнейшие и главнейшие пункты Европейской России: Петербург на Балтийском море, Астрахань на Каспийском и Архангельск — на Белом. Но путь по Сухоне по причине порогов, мелей и камней довольно затруднителен.

Рыбинск недавно скрылся у нас из виду, а вот появляется новый город Ярославской губернии, Романов-Борисоглебск. Это прежде были два города, стоящие друг против друга на противоположных берегах Вол-

ги: Романов на правом, Борисоглебск — на левом. Города—старинные, со множеством старинных красивых церквей. Говорят, что в настоящее время в этих городах особенно занимаются кузнечным делом. У Борисоглебской пристани мы оставались всего несколько минут, спустили несколько пассажиров, приняли новых и полетели далее.

По дороге от Романова к Ярославлю я видел очень печальную картину: громадное судно — расшива, что ли, право не помню — нагруженное солью и доплывшее сюда благополучно, может быть, из Камы, село на мель и от собственной своей тяжести переломилось. Множество народу хлопотало вокруг него, перекладывая груз на две барки. Говорят, что беда случилась от неосторожности лоцмана, но перегрузка обойдется хозяину не дешево.

Не доезжая нескольких верст до Ярославля, мы проехали мимо Тольгского монастыря, стоящего на левом берегу Волги. Мне сказали, что против этого монастыря скончался на барке знаменитый патриарх Никон, бывший друг царя Алексея Михайловича, возвращаясь при Федоре Алексеевиче из тяжелой ссылки. В монастырском саду много кедров, на которых, говорят, вызревают шишки с орехами. Далее к северу, в лесах Вологодской губернии, сибирский кедр растет уже дико и во множестве.

Наконец, мы у Ярославля. Какой это хорошенький, чистенький городок, когда смотришь на него с Волги! Над широкой рекой возвышается крутой берег, словно высокий крепостной вал. Шесть лощин прорезывают берег. По этим лощинам, выложенным камнем, очень удобно подыматься в город: через них по набережной перекинуты красивые мостики. С Волги из-за дерев бульвара, идущего по набережной, видна только передняя часть города с красивыми строениями, над которыми царят высокие колокольни пятидесяти двух церквей, по большей части очень старинных. На крутом мысу, который образуется при впадении реки Которосли в Волгу, белеет в зелени деревьев красивое здание Демидов-

ского лицея. На левом, луговом берегу Волги видна еще значительная часть Ярославля; говорят, что во время разлива по улицам этой части можно плавать на лодках. Пароход наш оставался у ярославской пристани более часа, и я воспользовался этим временем, чтобы побывать в городе, столь заманчивом издали. Улицы Ярославля красивы, но ни на улицах, ни на хорошеньком бульваре почти не видать людей; посреди огромной пустынной площади, которую окружают лицей и присутственные места, стоят старинный собор и сильно попорченный памятник основателю лицея, Демидову. Говорят однако, что Ярославль — торговый и промышленный город, замечательный своими полотняными фабриками и обширной торговлей, но, тем не менее, он показался мне пустынным.

В устьях Которосли стояло множество судов. Которосль небольшая, но довольно судоходная речка выходит в Ярославской же губернии из Ростовского озера (по-фински Неро). Богатые черноземом берега озера вызвали у жителей Ростова, — города очень древнего, построенного еще финнами, — особую промышленность, огородничество, которой ростовцы славятся во всей России. Ростовские огородники не только развозят далеко произведения своих огородов, сушеный сахарный горошек, бобы и проч., но снимают огороды в столицах и больших городах. Все петербургские огородники большей частью — ростовцы.

Есть предание, что город Ярославль основан великим князем Киевским Ярославом Мудрым, который будто бы на этом месте, где был тогда глухой лес, убил огромного медведя. Так это или нет — поверить трудно; но медведь попал в герб Ярославской губернии.

Ярославцы известны по всей России своей ловкостью, сметливостью, необыкновенными способностями к промышленности и торговле. Трудно найти в России трактир, где бы из-за прилавка не выглядывала веселая физиономия ярославца. В большей части петербургских и московских мелочных лавок и хозяин, и мальчик — ярославцы. Говорят также, что в Ярославле выделы-

вают очень много *иностранных* вин из астраханского и кизлярского чихиря.

Верстах в десяти от Ярославля я еще в первый раз встретил так называемую *машину* — громадное, неуклюжее судно, которое тащило за собой два или более громадные *подчалка*, нагруженные горами товара. Сама машина имеет сажен 30 в длину и около 7 в ширину; на палубе ее ходят по вертящемуся кругу пять пар лошадей и вертят огромный чугунный брус; на этот огромный брус при его обращении навертывается толстый канат, другой конец которого, с тяжёлым якорем, завезен на лодке вперед машины и брошен в воду. Таким трудным способом подвигается вперед, около 15 верст в день, эта громада, занимающая в длину со своими подчалками около четверти версты и тянущая иногда до 100 000 пудов грузу. Это изобретение механика Пуадебарда, вошедшее в употребление с 1816 года, облегчает тяжелый труд человека; но еще лучше будет, если вместо этих *коноводных машин* будут употребляться для *буксировки* судов пароходы, что нынче уже и начинает входить в употребление.

Скажу при этом случае и о других больших судах, встречавшихся мне на Волге: *мокшаны*, строящиеся на реке Мокше, более 20 саженей в длину и подымают до 40 000 пудов груза; *гусянки* везут на себе до 30 000, *суряки*, приходящие из Суры, до 20 000, *барки* до 12 000, *коломенки* до 8000, *досчаники* до 1000. Рабочих на большом судне бывает более 100 человек; на небольших — от 4 до 10. Пять, шесть человек тащат по берегу за канат, привязанный к мачте, судно с грузом тысячи в четыре пудов. Разочти-ка, сколько нужно было бы лошадей, телег и людей, чтобы вести такой груз сухим путем, и по этому суди о благодеянии, которое оказывает людям Волга и другие водные пути. Люди, взявшие на себя доставить судно, составляют артель. Главные лица в артели: *лоцман*, который должен хорошо знать Волгу, чтобы не посадить судно на мель; *водолив*, заведывающий хозяйством судна, и *кашевар*, которого выбирает артель для неприхотливой стряпни. Все эти суда, иск-

лючая машин, называются *парусными*, потому что при попутном ветре идут на парусах; но такой попутный и сильный ветер случается редко. Большей же частью суда тянутся *бурлаками*, иногда с помощью лошадей. Бурлаки, надев на себя лямку, привязанную к канату, тянут судно за мачту и тихо, тяжело, утешая себя грустными песнями, идут по берегу. Тяжела эта работа и неприбыльна: по большей части бурлак, дотащив судно от Саратова или Нижнего до Рыбинска, проест дорогой все свое небольшое жалованье и возвращается домой, за тысячи верст, пешком и без гроша в кармане. Странно, что все эти бурлаки большей частью из приволжских, *низовых* губерний, где земля так хороша и земли так много. Но эти люди любят бродячую жизнь, и охотно оставляют свои дома и поля. К счастью, впрочем, пароходы подрывают теперь сильно бурлацкий промысел, и скоро заставят, может быть, бурлаков сидеть дома и пахать землю. Грустно смотреть, как эти люди, оборванные, обожженные солнцем и ветром, грудью напирают на лямку, пробираясь по берегу, то песчаному, то каменистому, то обрывистому, то заросшему кустами. Одна партия сменяет другую, которая идет отдыхать на барку, и судно беспрестанно подвигается медленно, чуть заметно. Неужели эти люди, эти заросшие головы, эти черные груди, в которых также бьется человеческое сердце, неспособны ни к чему лучшему, кроме этой лошадиной работы, от которой в других странах даже и лошадей освободил теперь благодетельный пар?

Понятно, как радуются бурлаки, когда сильный попутный ветер надует громадные паруса судна, белые полотняные, иногда рогожные, и сам потащит судно вверх, освобождая бурлаков от труда. Подъезжая к Костроме, я видел прекрасную картину: десятки громадных судов, окрыленных белыми парусами, поднимались вверх по реке и казались издали какими-то чудовищными птицами; бурлаки спали на палубах, раскинувшись в самых живописных позах, другие горланили какую-то песню, до меня долетело несколько слов, и мне показалось, что они пели:

Ах, туманы ль — вы, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска, ненавистные
Иссушили туманушки молодцев,
Сокрушили удалых до крайности.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди, над высокою,
Над дубровушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца
Что Степана свет Тимофеича,
По прозванию Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Мы веслом махнем — корабль возьмем;
Кистенем махнем — караван собьем;
Мы рукой махнем — девицу возьмем.

О Костроме я не могу сказать тебе многого, потому что не выходил на берег. Красивый город расположен на высоком, левом берегу Волги, при самом впадении в нее судоходной реки Костромы. Издали видел я Ипатьевский монастырь. Он обнесен крепкими стенами с бойницами, и за этими стенами укрывался Михаил Федорович Романов со своей матерью, когда, предуведомленный Сусаниным об отыскивавшей его шайке злодеев, ушел из своего поместья, Домнина. Здесь же принял он 14-го марта 1613 года русский престол, предложенный ему торжественным посольством из Москвы, по избранию всей России. Ипатьевский монастырь строен предками царя Бориса Федоровича Годунова, и здесь похоронен его дед, а также отец и мать; могила же самого царя Бориса в Троицкой лавре, в 60 верстах от Москвы. В Ипатьевском же соборе похоронен, по повелению царя Михаила Федоровича, и крестьянин-герой, Иван Сусанин. В Костроме есть и памятник Сусанину; а подвиг его тебе, без сомнения, известен. В Угличе я был

на гой самой площади, где началась кровазая драма междуцарствия, где погиб последний потомок царствующего Рюрикова дома; здесь передо мною — тот самый монастырь, где избран на царство родоначальник новой династии Романовых; далее ждет меня город, на площади которого простой человек, Минин, положил начало спасения России в тяжелые годы междуцарствия.

От Костромы до Нижнего Волга становится все красивее; громадные села, часто с несколькими каменными церквами, не в пример больше, богаче и промышленней многих уездных городов, виднеются на холмах, подымающихся то на правом, то на левом берегу Волги. Многие из этих сел славятся своими изделиями: так, в селе Святом выделывается отличное полотно и обрабатывается превосходный лен; села Сидоровское и Пожня работают различные крестьянские украшения — серьги, кольца и проч.; в Плесе выделываются хорошие топоры, расходящиеся отсюда далеко по России. Мы ночевали в Плесе. Это заштатный и очень древний город, расположенный на живописном гористом берегу. Здесь русские в 1540 году разбили татар, пробиравшихся к Костроме; здесь костромичи в 1612 году встретили Минина и Пожарского, шедших на освобождение Москвы. Здесь почти каждое село чем-нибудь да замечательно, или в историческом, или в промышленном отношении. Вообще надобно заметить, что приволжские города и села, а часто и целые округи сел и деревень дружно разделили между собой различные отрасли промышленности: в одном все занимаются тканьем полотна, в другом — тачают сапоги, в третьем — куют топоры; там целое село сбивает бочки, ушаты, ведра, а там все выделывают ножи; там топят сало, делают свечи, а там целые села занимаются постройкой судов; жители одной местности идут в извоз, жители другой — прирожденные бурлаки, жители третьей — лоцманы; а Волга с ее бесчисленными притоками соединяет все эти промышленные и ремесленные города и села в один громадный город, работающий на всю Россию.

По дороге от Костромы до Нижнего многие местности ознаменованы битвами или с татарами, или с поляками. Замечательны в этом отношении город Кинешма и находящаяся в верстах двадцати от нее слобода Решма. Кинешма и Решма не хотели признать власти поляков и были разорены до тла. Видно вообще по всему, что в этой приволжской стороне жили истинно русские люди, которые лучше хотели умирать, чем признавать над собой ненавистную власть. Недалеко за Решмой впадает в Волгу судоходная река Унжа, берущая свое начало в лесах Вологодской губернии. По Унже сплавляют в Волгу большое количество строевого леса, барок, смолы и дегтя.

Против устья Унжи, на крутизнах гористого правого берега Волги, стоит старинный, теперь незамечательный и бедный город, Юрьевец-Поволжский, также разоренный сначала татарами, а потом поляками. Жители его занимаются постройкой судов. Судостроение вообще составляет главный промысел приволжских сел, невдалеке от Нижнего. Посад Пучеж гораздо богаче города Юрьевца. На границе Нижегородской губернии замечательно также село Катунка, в котором выделываются опойки. В огромном селе Городце, с его приселками, более семи тысяч жителей. Невдалеке от него расположены, на горе Оползень, остатки валов старого Городца. На этой горе, по преданию, ночью будто бы горят огоньки на забытых могилах князей городецких. Про другую городецкую гору, Кириллову, один из пассажиров рассказал нам довольно поэтическое предание.

— Если, — говорил он, — мимо Кирилловой горы ранним утром проходит судно, на котором все люди благочестивы, то Кириллова гора раскрывается, из нее выходят старые монахи, кланяются и просят свезти поклон братьям их, жигулевским старцам (Жигули, или Жигулевские горы, расположенные на правом берегу Волги, в Симбирской губернии). Подъезжая к Жигулям, стоит только крикнуть: «жигулевские братия, шлют вам поклон старцы

Кирилловой горы», — тогда расступаются жигулевские горы, из них выходят старые монахи и кланяются до земли.

От Юрьевца-Поволжского Волга поворачивает почти прямо на юг и далее с каждым часом езды воздух заметно становится теплее и теплее, холмистые берега зеленее, цветистее, леса и рощи полнее, гуще и разнообразнее; хвойных деревьев видно менее, дуб и липа встречаются чаще и растут роскошней. Правый гористый берег Волги здесь иногда чрезвычайно живописен.

Но я не сказал тебе еще ничего о моей жизни на пароходе, а она стоит того, чтобы описать ее подробней. Пассажиры на нашей палубе менялись беспрестанно и, не сходя с парохода, можно было бы изучить образцы почти всех русских племен и народностей, встретить представителей всех губерний и всех возможных промыслов. Из Твери почти до самого Нижнего, но более до Костромы и Ярославля, ехало с нами множество молодых людей и даже мальчиков из петербургских и московских лавок, трактиров, гостиниц, кузниц, слесарен, булочных, пивоварен и т. д. Этот молодой народ, просидев два, три года в какой-нибудь лавке, гостинице или мастерской, ехал теперь домой на *побывку*, т. е. погостить два, три летние месяца у родных. Приятно было видеть, как счастливы и веселы были эти маленькие половые, кузнецы, слесаря; с каким нетерпением дожидали они той пристани, где могли выйти на берег с тем, чтобы отправиться в родимое село, отстоящее иногда за десятки верст от берега! С узелком за плечами, в котором непременно скрываются гостинцы отцу, матери, сестре или маленькому брату, весело вбегает молодой работник на пристань и бодро идет по знакомой ему дороге. Случалось иногда и так, что старик-отец или старушка-мать встречали тут же на пристани своего ненаглядного Ванюшку, которого не видали 5 или 6 лет. При этом не лишнее будет заметить еще раз, что костромичи и в особенности ярославцы целыми толпами уходят на заработки в Петербург и Москву; потому

что почва этих губерний представляет мало удобств для земледелия, но еще более потому, что бойкому, сметливому ярославцу не сидится на месте.

Письмо 3-е.

Нижний-Новгород.

Отправившись от Балахны, мы скоро увидали издали Нижний. Это было рано утром. Какой-то прозрачный пар стоял над Волгой, и сквозь него заблестели главы множества старинных церквей и верхушки крепостных башен. Скоро показался и весь город, стоящий на довольно высокой и крутой горе, у подошвы которой сливаются две большие реки — Волга и Ока; последняя показалась мне здесь немногим у̀же Волги. Целый лес мачт, дымящиеся трубы пароходов, множество пристаней, толпы народа, суетившегося на берегу, — все это придавало чрезвычайно оживленный вид Нижнему. Странно только, что у Нижнего почти не существует искусственной набережной, и что люди и лошади на пристани тонут в грязи.

По крутой, довольно неудобной дороге вывез меня извозчик на высокую гору, на которой расположен верхний город. Улицы в Нижнем показались мне такими же пустыми, как и в Ярославле. Плохая, грязная, но дорогая гостиница дала мне на время приют. Половой, впрочем, утешал меня, говоря, что во время ярмарки я за ту же самую комнату заплатил бы в пять раз дороже.

Переодевшись, поспешил я прежде всего в Нижегородский *Кремль*. Его древняя стена и многочисленные, красивые башни манили меня еще издали. С почтением взглянул я на старинный Спасо-Преображенский собор, существующий уже более 600 лет. Сколько великих исторических событий видел этот собор на своем веку! В склепе под собором, посреди гробниц князей и епископов, стоит гробница простого человека, нижегородского мясника, Козьмы Захаровича Минина-Сухорукого. Посетив здешнюю соборную усыпальницу, Петр Вели-

кий поклонился до земли гробнице Минина и сказал: «Здесь лежит избавитель России». Другие императоры и императрицы наши, бывавшие в Нижнем, не забывали также гробницы нижегородского мясника. На площади Кремля, теперь пустынной, совершилось великое событие, положившее начало победоносному выходу России из тяжкой годины междуцарствия, — когда толпы поляков и шайки разбойников расхаживали по ней из конца в конец, города и села обливались кровью, пылали или уже лежали в развалинах, оставленные жителями; когда самое сердце России, Москва, была в руках наглых пришельцев; когда, наконец, русский народ еще существовал, но русского государства уже не было. В это безотрадное время великая и необычайно смелая мысль зародилась в уме простого нижегородского ремесленника. Он задумал спасти Россию ее собственными силами, любовью русского народа, не призывая на помощь никаких иноземцев. Нижегородцы знали Минина за честного, простодушного, умного человека; но подозревал ли кто-нибудь, что в этом простом человеке скрывается герой, имя которого переживет века? Когда Минин начал говорить о необходимости спасти отечество, то в его словах было столько силы, столько любви к родной стране, что они подействовали на слушавших, тем более, что все чувствовали то же, о чем Минин стал говорить громко. Сюда, на эту площадь, стекались нижегородцы толпами, принося все свое имущество на дело спасения отчизны; отсюда отправились они освобождать Москву. В память этого величайшего события русской истории стоит теперь на кремлевской площади весьма небольшой и не очень красивый памятник; но такие события не нуждаются в великолепных памятниках: никто их и без памятников не забудет.

Осмотрев собор, памятник, взглянув на дворец, в котором живет губернатор, и на пустынную площадь, окруженную какими-то казармами, я отправился на кремлевскую стену и, сделав несколько шагов по ней, остановился, пораженный необыкновенно обширным и красивым видом. Внизу, под горой, на которой стоит

Кремль, расположен *нижний город*, показавшийся мне гораздо оживленнее *верхнего*. Устья Оки почти не видно за множеством судов. На другом, плоском берегу ее расположены ярмарочные здания, между которыми шевелилось множество народа, хотя знаменитая ярмарка еще не начиналась. Но какой очаровательный вид открывается вдаль, вниз и вверх по Волге и на ее луговую сторону, которой, кажется, и конца нет! Какое обилие воды, какие синие волны, какой прозрачный воздух и как его много! Большая барка посредине Волги кажется отсюда маленькой лодкой, а лодка, поднявшая свой белый парус, —белокрылой чайкой, которая, сверкая на солнце своими крыльями, купается в синей волне. В первый раз в моей жизни я видел такую даль, такое обилие воды и зеленых лугов, и потому не удивительно, что, усевшись между крепостными зубцами, я не мог оторвать взора от очаровательной картины. Не знаю, долго ли бы я просидел так, если бы чья-то мощная рука не налегла мне на плечо. Я оглянулся: это был мой знакомый старик, петербургский купец.

— Ну, что скажете вы теперь о матушке-Волге? — спросил он меня с улыбкой.

— Удивительно, превосходно! Чудная река! —отвечал я ему, — я сижу здесь уже целый час, и не могу решиться уйти.

— Это понятно: вы в первый раз видите Волгу в Нижнем. Я вырос и состарился на Волге, я проехал ее с верху до низу, и снизу вверх бессчетное число раз; мало этого — что греха таить? быль молодцу не укор, истоптал своими ногами все берега Волги: а между тем, всякий раз, как бываю в Нижнем и взойду вот сюда, на стену, то смотрю, смотрю, — и не могу насмотреться, не могу отвести глаз! А в разлив, когда затопит водой вот всю ту луговую сторону Волги, — это просто море. Недурно также взглянуть на ярмарочную площадь в июле и августе; тут, батюшка мой, тогда всякого народу и всякого товару, чего только душа пожелает. Не говоря уже о наших русских, которые съезжаются на Макарьевскую ярмарку из всех самых отдаленных гу-

берний; чего только и кого здесь не бывает! И немцы-то из-за границы, и татары, и турки, греки, армяне, бухарцы, персияне, башкирцы, киргизы, калмыки. И всякий-то свой товар везет на Макарьевскую, и всякий с другим товаром уезжает. Какие тут миллионы ворочаются! Иной раз товару миллионов на 70 серебром навезут и миллионов на 50 продадут. Кроме того, на Макарьевской же многие торговцы сводят свои годовые, миллионные счеты: долги платят, долги получают, товаром ли, деньгами ли.

— Почему Нижегородская ярмарка называется Макарьевской?

— Потому что в 1818 году эта ярмарка переведена в Нижний из Макарьева. Я сам еще езжал в Макарьев на ярмарку и привык называть ее попрежнему.

— Какое множество судов на Оке, — заметил я.

— Ока, батюшка, правая рука Волги, — отвечал словоохотливый купец. — Какие у нее чудные берега — холмы, разлоги, зеленые бархатные луга, старинные русские города, чисто русские, великорусские села и деревни! Волгу можно назвать первой рекой русского государства; по берегам ее живет много разноязычных племен: русские, чуваши, черемисы, татары, башкиры, киргизы, калмыки. Ока же великорусская река; только на Мокше, что впадает в Оку с юга, живет мордва, да и та уже русеет, а то все русские. Исток Оки находится почти у границы благословенной, хлебной Малороссии, где царствует уже не Волга, а Днепр. Скоро сделавшись порядочной судоходной речкой, Ока протекает и задевает своим течением богатые губернии, богатые или хлебом, или пенькой, или промыслом и торговлей: Орловскую, Тульскую, Калужскую, Московскую, Владимирскую, Рязанскую, Тамбовскую, Нижегородскую. А какие славные, замечательные города стоят на Оке и ее притоках: на самой Оке — Орел, Калуга, Рязань, Нижний; на Упе—Тула; на реке Москве— наша матушка-Москва белокаменная; на Клязьме — Владимир, древняя столица Руси, еще древнее Москвы, хотя и помоложе Киева; на Цне, впадающей в

Мокшу, — Тамбов; а Мокша притягивает к Оке и Пензенскую губернию, одну из самых хлебородных наших губерний. На северной стороне Оки, где земля похуже, особенно в губерниях Владимирской, Московской, Калужской, занимаются более фабричным делом и торговлей; по южной, где идет богатая черноземная полоса, как, например, в Тамбовской, Пензенской, занимаются более хлебопашеством. Так уже, видно,бог разделил это место: одним назначил прясть, ткать, ковать, другим — землю пахать. Во Владимирской губернии, например, что ни село — то фабрика, а иногда и десяток: там ткут полотна, парусину, там вьют канаты, набивают ситцы, делают ножи и всякого рода стальные товары; там пишут образа на всю Россию, оттуда офени, с коробками за плечами, расходятся по всем губерниям. Побывайте только в Шуе, уездном городе Владимирской губернии, и вы увидите столько ситцевых фабрик, сколько насчитаете разве под Москвой, а село Иваново, Павлово..., это, батюшка, целые фабричные города, хоть и называются селами.

— Мне бы хотелось знать, — сказал я, смотря вдаль на уходящую из глаз Волгу: — какова-то Волга там, дальше?

— За Нижним она почти нигде уже версты не бывает; правый берег ее крут и высок, левый — низменный, ровный и называется луговым, или просто *луговой,* потому что по нему стелются бесконечные и богатые луга. Как выходить Волге из Нижегородской губернии, тут впадают в нее две довольно большие реки: с левой стороны Ветлуга, с правой Сура. Ветлуга — это лыковая река: по ней каждое лето сплавляется множество лубья, лык, мочал, рогож.

— Неважный товар, — заметил я с улыбкой.

— Ну, не говорите. Товар, конечно, не дорогой, но много его надобно: на коробки, на рогожи, на лапти, и в иной год на Макарьевскую ярмарку привозят этого товару на полтораста тысяч рублей серебром и более.

— Из чего же делают лыко?

— Из луба молодых липовых деревьев; весной надрезывают на молодых липах кору, и она потом легко сдирается, а под ней лежит луб, из которого выходит и лыко, и лубье для коробок; мочало же делается из луба с веток; потом лыко мочат в воде, а к осени вынимают и сушат. Вот и все производство, а много людей живут этим нехитрым промыслом! По берегам Ветлуги целые леса лип, и на лыко идет только молодой лес, который скоро опять вырастает.

— Чем же замечательна Сура?

— По ней много сплавляется хлеба из Пензенской и Нижегородской губернии; за Сурой же пойдут уже татары, чуваши, черемисы, все народ не русский, хотя живут и в русском царстве. Сама Казань уже полутатарский город, бывшая столица Казанского царства, а теперь самый красивый из наших губернских городов, в котором есть и университет. Когда поедете от пристани к Казани, то увидите широкую каменную пирамиду, поставленную в воспоминание взятия Казани грозным царем. С этого времени татарское царство кончилось на веки, за Казанью покорилась Астрахань, за Астраханью Сибирь, а там дошла очередь и до Крыма, а там мы побывали и в Адрианополе. Верстах в семидесяти за Казанью с левой стороны впадает в Волгу Кама, — самый большой из волжских притоков: она несет в Волгу бесчисленные богатства Урала и губерний приуральских: медь, железо, соль, лес, разные ценные камни — мрамор, малахит. Кама сама течет не менее 2 тыс. верст и принимает две большие реки — Вятку, на которой стоит Вятка, и Белую, по берегам которой живут башкиры.

— А за Камой какова Волга?

— За Камой Волга делается истинно великаном-рекой и расстилается в меженное время от 4 до 5 верст, а в разлив на десять верст. С одного берега на другой человека не видать! А какие все богатые хлебные губернии протекает она в этом месте: Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую. Из этих-то *низовых* губерний везут к нам в Питер золотую пшеницу, а из

Питера везут ее на кораблях в чужие земли. От самой Казани до Царицына правый берег высок и красив, горы покрыты чудесными лесами, и в этих-то лесистых горах живали когда-то знаменитые волжские разбойники. От Царицына Волга пойдет уже бесплодной степью, и хотя здесь река еще шире, но беспрестанно делится на рукава. Когда же под Астраханью, во время разлива, все эти рукава сольются в одно, тогда уже Волга — просто целое море, и в бурю волны ходят по ней горами. За Царицыном идут берега все невеселые: пустая степь по обе стороны, а по степи бродят калмыки и киргизы. В Каспийское море Волга впадает множеством рукавов, но мелка, что очень затрудняет судоходство.

— А вы и в Астрахани бывали?

— Как не бывать, сколько раз! Она построена на довольно высоком острове Волги, верстах в 70 от моря. Здесь Волга дробится уже на бесчисленное множество рукавов, которые то разделяются, то соединяются и образуют множество островов. Здесь, в Нижнем на город смотрят с кремлевской стены. В Астрахани такой высокой горы и стены нет, и охотники взбираются на соборную колокольню, чтобы оттуда взглянуть на город. Улицы Астрахани широки, красивы, обсажены аллеями; за ними видна гавань, покрытая кораблями и барками, течет широкая Волга, усеянная бесчисленными зелеными островами. Народ на астраханских улицах — самый пестрый: там сидят на лавках перед своими домами хивинцы в высоких овчинных шапках; там прохлаждаются важные персияне; там идет армянин, а ему навстречу — русский мужик в своей рубахе; там верхом киргиз, калмык грязный, оборванный, с такой широкой плоской образиной, что и взглянуть страшно. Однакоже соловья баснями не кормят, — прибавил старик, взглянув на часы, — и от хорошего вида сыт не будешь. Вы где остановились?

Я назвал гостиницу.

— Ба, так мы с вами соседи! Пойдемте же ко мне завтракать, а за завтраком, коли есть охота слушать, еще поболтаем о Волге.

В гостинице, в ожидании завтрака, купец показал мне отличную карту Волги, на которой он своей рукой сделал множество заметок: крестиков, точек, черточек.

— Вот она, матушка, как растянулась, — говорил старик, водя пальцем по карте: — почитай, что всю Россию обогнула: начинается там, где растут только елки да сосны, и оканчивается там, где можно найти и виноград, и шелковичное дерево; треть Европейской России занимает она своими притоками; связывает три далекие моря; а сколько городов, губерний, сколько народу жи-

вет и кормится Волгой! Что была бы Россия без Волги? — такая же дикая степь, как та, по которой бродят теперь киргизы и калмыки. Да, мой родимый, Волга величайший дар божий Русской земле!

— Вы, кажется, — заметил я, — отлично знаете эту реку.

— Да, недурно, а благодаря ей, и всю Россию: я, батюшка, ногами вытоптал себе русскую географию.

— Как так?

— Да так. Моя судьба — преудивительная судьба, и вы, видя меня петербургским купцом, конечно, не подозреваете, что я в молодости был бурлаком, таскал лямку по берегам Волги и Оки, а потом пристал к владимирским офеням и, с коробом за плечами, разносил безделушки по святой Руси; потом ездил на своей соб-

ственной тройке, развозя товары, куда приходилось; потом занялся хлебной торговлей,— и стал, как видите, петербургским купцом. Теперь у меня и дома каменные, и капитал есть, и уважением добрых людей, слава богу, пользуюсь; а как вспомню свое бурлачество, то,ей-ей, всякий раз вздохну. Сильно я состарился; семья у меня теперь большая, внуки уже торгуют: а не могу отвыкнуть от бродячей жизни. Зимой еще туда-сюда, сижу дома, да почитываю кое-что, больше же всего о Волге; но как только наступит весна, как только я завижу на Неве первую лодку, заслышу первый свисток парохода, так меня и подмывает на родимую мою Волгу: на ней я счастлив, весел, молод попрежнему, и только тогда грустно станет, как подумаю, что вижу ее, может быть, в последний раз.

— Ваша жизнь должна быть прелюбопытна, — сказал я, заметив, что почтенный старик разговорился.

— Да, есть что порассказать; но когда-нибудь в другое время, а теперь пора завтракать.

Пора и мне кончить к тебе письмо, а то, пожалуй, его и в пакет не упрячешь. Прощай, будь здоров, и при первой возможности поезжай сам взглянуть на Волгу.

ОТДЕЛ IV.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ *.

РОЗА И ГВОЗДИКА.

(*Образцы самого простого сравнения*).

Роза и гвоздика имеют много *сходства:* и роза, и гвоздика — растения; у обеих есть корень, листья, ствол и цветы; обе развиваются из почек; обе цветут недолго и вянут очень быстро; цветы розы и цветы гвоздики имеют приятный запах.

Но между гвоздикой и розой есть также и большое *различие:* цветы их имеют различный запах; роза бывает одного цвета — розовая, белая и желтая; а гвоздика обыкновенно бывает разноцветная, пестрая; у розы — широкие, круглые листья, у гвоздики — узкие и длинные; на розе есть шипы, на гвоздике нет.

КЛАССНАЯ ДОСКА И ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

(*Образец сравнения*).

Сходство: 1) Классная доска черна и грифельная также. 2) У классной доски четыре угла, у грифельной тоже. 3) Обе употребляются для письма. 4) Классная доска сделана из дерева, на грифельной также есть дерево.

---

* Само собой разумеется, что статьи, собранные здесь в один отдел, не могут быть читаемы по порядку, а должны сопровождать постоянно чтение 2-й части «Детского мира». Кроме того, следует предварительно, уже при чтении 1-й части, упражнять детей в логическом мышлении того или другого рода, и потом уже, прочитав статьи логики, возвести к сознанию логического закона.

Различие: 1) Классная доска стоит посреди класса на ножках; грифельная лежит на столах перед учениками. 2) Классная доска в классе бывает одна, редко — две или три, а грифельных бывает много: у каждого ученика должно быть по одной. 3) Классная доска вся черна, грифельная нет. 4) Классная доска вся из дерева, грифельная из камня, только рамка у нее деревянная. 5) На классной доске пишут мелом, на грифельной грифелем. 6) Классная доска больше грифельной.

Все, чем один предмет отличается от другого, или в чем один предмет имеет сходство с другим, называется *признаком.* Сравнивая два предмета один с другим, мы находим в них сходные или различные признаки *.

ЧТО ТАКОЕ РАЗЛИЧИЕ И СХОДСТВО?

Сын: — Я часто слышу слова: *сходство* и *различие*, но не совсем их понимаю.

Отец: — Вот два стула стоят рядом: как ты думаешь, похожи ли они один на другой?

Сын: — Я думаю, что похожи.

Отец: — И я думаю то же. Они имеют очень много сходных признаков: оба назначены для того, чтобы на них сидеть; оба сделаны из дерева; оба одинаковой величины и одинаковой формы; словом, эти стулья различаются только по месту: один стоит направо, а другой — налево. Вот почему мы можем сказать, что эти стулья похожи один на другой.

Сын: — Да, они очень похожи.

Отец: — Но вот подле стула я поставлю деревянную скамейку: похожа ли скамейка на стул?

Сын: — Нисколько.

Отец: — Чем же они различаются?

Сын: — Стул обит кожей, а скамейка — нет; стул выкрашен черной краской, а скамейка белая; у стула есть спинка, у скамейки — нет.

---

* По образцу этих сравнений следует сделать словесно и письменно несколько других.

О т е ц: — Однакоже у них есть сходные признаки: поищи.

С ы н: — Какое же между ними сходство? Кажется, никакого.

О т е ц: — Скамейка сделана из дерева, а стул?

С ы н: — Стул тоже из дерева.

О т е ц: — У скамейки четыре ножки...

С ы н: — И у стула тоже.

О т е ц: — Стул назначен для того, чтобы на нем сидеть: а скамейка?

С ы н: — И скамейка назначена для того же.

О т е ц: — Стул и скамейка, следовательно, составляют две различные вещи, но сходны уже потому, что и стул и скамейка — мебель. Вот две монеты: сходны ли они между собой?

С ы н: — Нет, они очень различны.

О т е ц: — Однакоже у них много сходных признаков. Посмотри: они обе одинаковой величины, обе круглы, обе тяжелы, обе употребляются на то, чтобы на них покупать различные вещи; обе сделаны из металла.

С ы н: — Однакоже одна монета сделана из меди, а другая из серебра, и цвет у них совершенно различный.

О т е ц: — Следовательно, между этими двумя монетами есть сходство по величине и по форме; но они совершенно различаются по цвету, по металлу, из которого каждая из них сделана, по цене: одна гораздо дороже другой. Следовательно, между этими двумя монетами есть сходство и есть...

С ы н: — Есть различие.

О т е ц: — Теперь ты понимаешь, что между двумя или несколькими предметами всегда есть сходство и различие, и если мы, например, говорим, что один человек не похож на другого, то это только потому, что принимаем в расчет одни те признаки, по которым двое людей один от другого отличаются, и не думаем в то же время о тех, по которым они сходны. Не правда ли, что между всеми людьми много сходных признаков?

С ы н: — Конечно.

О т е ц: — Человек, который бы не имел никаких человеческих признаков, не был бы...

С ы н: — Не был бы человеком.

О т е ц: — Но нет и таких двух сходных предметов, между которыми не было бы никакого различия. Вот два листочка с одного и того же дерева: кажется, они совершенно похожи один на другой; но всмотрись хорошенько, и ты найдешь между ними различие. Нет в мире двух предметов, между которыми не было бы какого-нибудь различия и сходства *.

РАЗЛИЧИЕ ПРЕДМЕТОВ.

О т е ц: — Мы знаем теперь, что называется признаком. Признаками могут быть: цвет предмета, запах, вкус, величина, тяжесть, форма, материал, из которого предмет сделан, и т. д. Но вот два одинаковые листа бумаги; между ними, вероятно, можно бы найти различие; но должно очень долго всматриваться; не знаешь ли ты, как бы различить их с первого взгляда?

С ы н: — Очень легко: один лист лежит на скамейке, а другой на столе.

О т е ц: — Хорошо, но здесь ты различаешь два предмета не по цвету, не по форме, не по весу, а *по положению*. Я могу переложить один предмет на место другого и тогда положение их переменится. Но если один лист будет черный, а другой белый, то где бы я ни положил их, они все будут различаться по цвету. Те признаки, которые принадлежат самому предмету, называются *качествами, или свойствами*, предмета. Положение предмета тоже может быть признаком, но не будет свойством. Но кроме свойств и положения предмета, можно еще различать предметы *по времени*. Так, мы говорим: вчерашний день, вчерашний обед, завтрашний

---

* Следует сделать возможно более упражнений в различении самых сходных предметов и в отыскании сходства между самыми различными.

урок, утренние занятия, вчерашний чай; здесь мы различаем предметы по времени. Вчерашний обед может быть совершенно похож на сегодняшний, но, тем не менее, он вчерашний, и мы им сыты не будем. Для такого отличия мы употребляем названия месяцев, дней недели, считаем часы, числа, годы. Можно еще отличать один предмет от другого по *количеству*: в этой комнате шесть стульев, в той двенадцать; два аршина сукна меньше трех и т. д. Но вот две одинаковые книги: как ты думаешь, чем всего скорее можно их различить?

Сын: — Одна из них раскрыта, а другая закрыта.

Отец: — Вот две одинаковые монеты: возьми их в руки и скажи проворнее, чем они отличаются.

Сын: — Одна из них холодна, а другая тепла.

Отец: — Вот два стула: найди различие между ними.

Сын: — Один из них лежит, другой стоит.

Отец: — Здесь предметы различаются по состоянию, в котором они находятся. Один человек стоит, другой сидит, третий читает, четвертый пишет, пятый бегает: все эти люди различаются по состоянию, в котором они находятся. Можно еще различать предметы *по действию*, которое производит один предмет на другой, или которое он сам претерпевает от другого действующего предмета; один мальчик режет палочку, а другой пускает змея; один крестьянин погоняет лошадь, а другой рубит дрова; один мальчик был строго *наказан* отцом за шалости, а другой был награжден за прилежание. Часто также предметы различаются по *назначению*: печка назначена для того, чтобы нагревать комнату, а окошко для того, чтобы освещать ее; перочинный ножик назначен для того, чтобы чинить им перо, и т. д. Не перечислишь ли ты мне теперь, какими признаками можно различать предметы *.

---

* Следует упражнение в перечислении признаков многих предметов и в определении каждого признака.

СУЖДЕНИЕ.

Отец: — Находить сходство и различие между предметами и приписывать им какие-либо признаки значит *судить, рассуждать;* а способность рассуждать называется *рассудком.* Если я говорю, что у лошади нет рогов, а у коровы нет гривы, что у льва втяжные, острые когти, а у лисицы пушистый хвост, то, значит, я приписываю предметам те или другие признаки, или рассуждаю. Суждения, как ты видишь, могут быть *отрицательные* и *положительные.*

Положительным называется такое суждение, в котором я приписываю предмету какой-нибудь признак, отрицательным — такое, в котором я утверждаю, что какого-нибудь признака в предмете нет. Во всем, что мы говорим и думаем, есть непременно суждение. Всякая мысль в нашей голове, всякая фраза, если только в ней есть какой-нибудь смысл, непременно заключает в себе *суждение.*

Сын: — Неужели? Но если я скажу что-нибудь на удачу?

Отец: — Скажи, что хочешь.

Сын: — Что бы мне сказать такое? (*подумав*). Сегодня холодно.

Отец: — Здесь есть суждение: сегодняшнему дню ты приписываешь признак — холод.

Сын: — Я хочу быть большим.

Отец: — Опять суждение: ты приписываешь себе признак — желание быть большим. Придумай еще что-нибудь.

Сын: — Нет, я ничего не могу придумать: во всем, что приходит мне на мысль, есть суждение, есть предмет и есть признак, который я ему приписываю. Как это странно! Я никогда об этом прежде не думал *.

---

* Упражнение в образовании положительных и отрицательных суждений по данным предметам и признакам и без этого.

ТЕЛО.

Сын: — Я вычитал сегодня в книге, что месяц есть т е л о, я этого не понимаю: тело есть у человека, какое же тело у месяца?

Отец: — Книга говорит правду: телом называется всякий предмет, который занимает какое-нибудь место, так что другой предмет в то же время того же места занимать не может.

Сын: — Этого я что-то не понимаю.

Отец: — Налей полный стакан воды и брось туда порядочный камешек. Что сделалось с водой?

Сын: — Воды немного вылилось через край.

Отец: — Вот видишь ли, вода уступила свое место камню, одного и того же места в одно и то же время камень и вода занимать не могли, следовательно, и камень и вода — тела. Ты помнишь также, что в опыте, который мы делали над воздухом, воздух не пускал воду в стакан, вот почему и невидимый воздух мы называем телом. В этом смысле и луна называется телом. Она занимает место в пространстве, точно так же, как и наша земля.

Сын: — Понимаю, но таким телом можно назвать всякий предмет. Все предметы тела, — не правда ли?

Отец: — Многие, очень многие, но не все. Видал ли ты тень, которую оконные рамы отбрасывают в солнечный день на пол? Может ли эта тень помешать тебе двинуть рукою, или поставить что-нибудь на том месте и уходит ли она прочь, как воздух, когда ты двигаешь рукой?

Сын: — Нет, тень хотя и видна, а притронуться к ней нельзя: притронешься к полу, а не к тени.

Отец: — Да, но подумай, отчего произошла тень. Солнечные лучи, проходя сквозь прозрачное стекло, не могут пройти сквозь непрозрачную раму; вот почему фигура рамы изображалась на полу. Тень есть только отсутствие света, следовательно, ее нельзя назвать телом; но мы можем думать и говорить о тени, она может быть предметом наших суждений, следовательно, и тень — предмет.

РАЗЛИЧИЕ ПРЕДМЕТОВ.

Отец: — Все предметы, которые занимают какое-нибудь определенное место, называются *телами* или *предметами* телесными. Но, кроме тени, есть еще множество предметов, которых нельзя назвать телесными. Посмотри,— я напишу на доске слово стол: что это, телесный предмет, или нет?

Сын: — Стол есть предмет телесный.

Отец: — Правда, но то, что я написал на доске, есть не самый предмет, а только название предмета телесного. Но вот я напишу 3, 4, 5,— каких предметов это названия, телесных или бестелесных?

Сын: — Это цифры.

Отец: — Да, цифра есть название числа. Два стола это будет два телесных предмета, а просто *два* будет название такого предмета, о котором мы можем думать, название которого можем написать на доске, но которого не можем ни видеть, ни осязать, который, словом, не имеет тела.

Сын: — Я понимаю, что чисел самих по себе видеть нельзя.

Отец: — Не одних чисел. Ты можешь видеть и размерять длину, ширину и толщину какого-нибудь предмета; но можешь ли ты видеть или осязать длину, ширину, толщину саму по себе, без предмета?

Сын: — Конечно, нет.

Отец: — Ты слыхал уже, что такое *земная ось*, но неужели земля вертится на своей оси, как колесо на оси телеги?

Сын: — О, нет, ось земная есть линия воображаемая, умственная.

Отец: — Однакоже мы говорим о ней, даже вычислили, сколько в ней верст. Видал ли ты черных птиц, черное сукно, черные волосы, черную краску или тушь?

Сын: — Конечно.

Отец: — А видел ли ты черный цвет?

Сын: — Да.

О т е ц: — Где же ты это видел?

С ы н: — Да вот черная шляпа стоит на окне.

О т е ц: — Это черная шляпа, но не черный цвет. Видел ли ты черный цвет сам по себе, а не на каком-нибудь теле?

С ы н: — Конечно, нет.

О т е ц: — Однакоже ты говоришь: я люблю черный цвет, или я не люблю его; следовательно, черный цвет есть предмет, о котором можно думать и говорить, но не тело. Ты видал добрых мальчиков, но доброты самой по себе ты никогда не видал; точно так же нельзя видеть ни злости, ни храбрости, никаких других душевных качеств, хотя о них можно думать и говорить. Предметы, о которых можно думать и говорить, но которые не имеют тела и отдельно от других предметов сами по себе не существуют, называются предметами *мысленными* или *отвлеченными*. Но как ты думаешь, можно ли видеть или осязать нашу душу?

С ы н: — Нет, я уже знаю, что она бестелесна.

О т е ц: — Но почему же ты знаешь, что она существует?

С ы н: — Потому, что она во мне слышит, видит, чувствует, думает, заставляет двигаться мое тело; без души тело было бы мертво.

О т е ц: — А как ты думаешь, видит ли нас в это время господь?

С ы н: — Как же не видеть всего тому, кто дал нам зрение?

О т е ц: — Но почему же мы его не видим?

С ы н: — Потому, что он бестелесен, потому что он — дух.

О т е ц: — Тем не менее, ты знаешь уже, как он нас любит, ты знаешь, что он создал мир, что он всем управляет. Такие предметы, которые хотя не имеют тела, но тем не менее живут, чувствуют, думают, действуют, называются предметами *духовными*. Таковы: бог, ангелы и бессмертная душа человека, или дух.

С ы н: — Что же называется предметом вообще?

Отец: — Все, о чем мы можем только что-нибудь подумать, или чему можем приписать какой-нибудь признак *.

РОДЫ И ВИДЫ.

Отец: — Какое общее название дашь ты борзым, гончим, лягавым, мордашкам, пуделям, водолазам?

Сын: — Все это собаки.

Отец: — Хорошо: вот это будет несколько *видов* одного и того же собачьего рода. А какое общее название дашь ты собаке, волку и лисице?

Сын: — Это все звери *псового* семейства.

Отец: — В зоологии это называется семейством: здесь же для однообразия и семейства, и отряды, и отделы мы будем называть *родами* и *видами*. Таким образом, ты видишь, что собаки и лисицы, и волки будут тремя *видами* зверей и одного и того же *рода*, псового. Но какое общее название дашь ты зверям псового рода, зверям кошачьего рода и медведям?

Сын: — Все это будут хищные звери.

Отец: — Да, это три *вида* одного и того же *рода*, зверей хищных. Но, кроме хищных зверей, ты знаешь еще грызунов, животных однокопытных, жвачных, толстокожих и пр. К какому *роду* будут относиться все эти виды животных?

Сын: — К *роду* животных млекопитающих.

Отец: — А животные млекопитающие, птицы, земноводные, пресмыкающиеся и рыбы будут пятью *видами* одного и того же рода?..

Сын: — Животных позвоночных.

Отец: — Каких животных ты знаешь, кроме позвоночных?

Сын: — Таких, у которых нет позвоночного хребта.

Отец: — Следовательно, животные позвоночные и животные беспозвоночные будут двумя *видами* одного

* Написать суждение: 1) о нескольких предметах вообще, 2) о предметах духовных, 3) отвлеченных, 4) телесных.

и того же *рода* животных вообще. Но кроме животных не знаешь ли ты еще каких-нибудь органических тел?

Сын: — Знаю — растения.

Отец: — Растения и животные, следовательно, будут двумя *видами* одного и того же рода тел органических. Но какие есть еще природные тела, кроме органических?

Сын: — Тела неорганические: вода, воздух, газы, минералы.

Отец: — Тела органические и неорганические будут, следовательно, двумя видами тел природных; тела природные и искусственные будут двумя *видами* тел вообще; предметы телесные, отвлеченные и духовные будут тремя *видами* одного и того же *рода* — предмета вообще *. Теперь ты знаешь, что такое роды и виды. Эти слова ты будешь часто встречать в *логике*.

Сын: — А что такое логика?

Отец: — В ботанике изучают, как живет растение; в зоологии изучают, как живет животное; в логике же изучается, как думает человек. Ты уже знаешь кое-что из логики: знаешь, например, что во всякой нашей мысли есть предмет и признак, который мы приписываем предмету.

ПРИЗНАКИ ВИДОВЫЕ И РОДОВЫЕ.

Отец: — Ты, вероятно, не забыл, какие отличительные признаки лошади?

Сын: — У лошади целые копыта.

Отец: — Но и у осла также целые копыта.

Сын: — Но у осла уши длинные и хвост короткий.

Отец: — Следовательно, лошадь отличается от других *видов* лошадиного *рода* хвостом и ушами. Но по каким признакам причисляешь ты лошадь к зверям лошадиного рода?

---

* Следует начертить на доске таблицу этой статьи и по ней научить детей различать роды и виды: это имеет большое значение. Таблица чертится так же, как и родословные таблицы.

С ы н: — Все звери лошадиного рода имеют цельные копыта.

О т е ц: — Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу к зверям или млекопитающим?

С ы н: — Потому, что жеребенок питается молоком матери.

О т е ц: — Следовательно, лошадь на всех млекопитающих похожа тем, что питает жеребят своим молоком; а отличается от других млекопитающих тем, что у нее цельные копыта. Те признаки, по которым один предмет отличается от других предметов того же рода, как особый вид этого рода, называются *видовыми признаками*, а те признаки, по которым предмет причисляется к известному роду предметов, называются *признаками родовыми*. Скажи мне, к какому роду предметов относятся все искусственные предметы?

С ы н: — К роду предметов телесных.

О т е ц: — Какой же видовой признак искусственного предмета?

С ы н: — Тот, что всякий искусственный предмет сделан человеком.

О т е ц : — Но какой же родовой признак всякого искусственного предмета, по которому ты причисляешь его к роду предметов телесных?

С ы н : — Всякий искусственный предмет есть тело, занимает определенное место и имеет вес *.

СПОР.

(Понятие).

К о л я: — Саша, а Саша, видал ли ты когда-нибудь птицу?

С а ш а : — Вот нашел диковинку! Конечно, видал.

К о л я: — А я тебе говорю, что ты никогда птицы не видал.

---

* Упражнения письменные и словесные: для возможно большего числа предметов отыскать признаки видовые и родовые.

Саша: — Ты шутишь?

Коля: — Нет, я не шутя говорю тебе, что ты никогда не видал птицы.

Саша: — Вот вздор какой! Да я вот и теперь вижу канарейку, что висит в клетке на окне.

Коля: — Это канарейка, а не птица.

Саша: — Да разве канарейка не птица?

Коля: — Канарейка — птица; но я говорил, что ты не видал не канарейки, а птицы вообще: не вороны, не курицы, не голубя, а вообще птицы, которая не была бы никакой особенной птицей.

Саша: — Ну такой птицы, конечно, я не видал: все птицы бывают или канарейки, или голуби, или вороны, а птицы, которая была бы себе просто птицей и более ничем, — такой нет.

Коля: — Но хочешь я тебе докажу, что ты и канарейки нигде не видал.

Саша: — Нет, уж этого ты мне не докажешь.

Коля: — Нет, докажу. Какого цвета наша канарейка?

Саша: — Желтенькая, но в крылышках у нее есть и сероватые перья.

Коля: — А на голове?

Саша: — На голове у нее хохолок.

Коля: — У всех ли канареек есть на голове хохолок, а в крыльях серенькие перья?

Саша: — Нет: у нашего соседа канарейка вся желтенькая и без хохолка.

Коля: — Следовательно, канарейки бывают разные, и ты не видал всех канареек, какие есть на свете? Не правда ли?

Саша: — Конечно, нет.

Коля: — Следовательно, ты видал ту или другую канарейку: нашу канарейку, канарейку нашего соседа; а канарейки вообще не видал.

Саша: — Ты, кажется, смеешься надо мной.

Отец: — Нет, Саша, Коля говорит тебе правду. Мы можем видеть только отдельные предметы: а говоря, например, птица, зверь, лошадь, мы говорим часто о

целом собрании предметов, имеющих общие признаки. Но ты сам, если только подумаешь, легко различишь, когда дело идет о целом роде или виде предметов, и когда о каком-нибудь определенном *единичном* предмете. Слушай: у лошади цельное копыто, а сзади хвост, она ест траву, и потому называется животным травоядным; как ты думаешь, говорю ли я здесь об одной какой-нибудь лошади или о лошади вообще?

Саша: — О лошади вообще: у всякой лошади есть грива, хвост и цельные копыта, и все лошади едят траву.

Отец: — А если я скажу: сегодня я купил лошадь.

Саша: — Здесь, конечно, дело идет об одной лошади, которую вы купили.

Отец: — Вот видишь ли, Коля прав. Но слушай же, что теперь я скажу тебе: в мире существуют только отдельные единичные предметы, *особи*, как еще называют их, но вообще лошади, дерева, цветка — нет, точно так же, как нет вообще человека, города, села или реки. Под каждым из этих слов разумеется множество единичных предметов, которые мы соединяем в одно *понятие*, потому что находим между ними общие признаки и даем этому *понятию* какое-нибудь название: город, село, дерево, птица, канарейка, лошадь, человек — каждое из этих слов есть название понятия, а не отдельного предмета. Если же я хочу отличить какой-нибудь единичный предмет от всех прочих предметов того же вида или того же понятия, то я даю этому предмету собственное имя: говорю — Волга, а не река вообще; Тула, Чернигов, а не город вообще; Иван, Петр, а не человек вообще. Если же дело идет о таких предметах, которым собственных имен не дают, то я отличаю один предмет от другого, говоря: *вот этот* стул, *вот эта* лошадь, или указываю *место* и *время*, где и когда я предмет видел: потому что одного и того же места, в одно и то же время два телесные предмета занимать не могут. Имя, которое мы даем какому-нибудь единичному предмету, чтобы отличить его от всех предметов того же рода, называется *собственным* именем; а то

имя, которое мы даем целому роду предметов, сходных между собой по признакам, называется *нарицательным* именем. В каждом собственном имени заключается *понятие* об единичном каком-либо предмете со всеми его отличительными признаками, в каждом нарицательном имени заключается *понятие* о целом роде предметов или, лучше сказать, о множестве признаков, которыми эти предметы отличаются от других предметов. Понятия не существуют между телесными предметами, но суть создания нашего ума, и всякое имя, собственное или нарицательное, заключает в себе понятие, т. е. собрание родовых и видовых признаков, которые мы можем перечислить, если это понятие нам известно *.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ.

Все мы очень хорошо знаем воду; но попробуйте сказать, что такое вода, и вы увидите, что это не так легко, как кажется; для этого надобно перечислить все те признаки, которыми вода отличается от всех прочих предметов. Попробуйте же перечислить эти признаки.

Прежде всего мы видим, что вода есть *предмет*, как и все, о чем мы можем говорить или думать; потом мы видим, что, кроме того, вода есть *тело* (почему?), которое занимает место и имеет вес. Если станем отличать воду от телесных предметов, то мы увидим, что вода есть тело *неорганическое* (почему?). Но мало ли других неорганических тел, кроме воды? Сравнивая воду с другими неорганическими телами, мы видим, что она есть тело *жидкое* или *жидкость* (чем это можно доказать?). Соединим же все признаки воды, которые мы до сих пор нашли: *вода есть тело неорганическое и жидкое*. Вместо этих трех признаков, мы можем назвать только один: сказать просто, что она *есть жидкость*. Само собой разумеется, что всякая жидкость есть тело и вместе с тем

* Упражнение состоит в перечислении признаков, составляющих понятия — дерево, стол, кошка и т. п. Сначала признаки родовые, потом видовые.

не есть организм: таких организмов, которые были бы совершенными жидкостями, — нет.

Но, назвав воду жидкостью, мы еще ее не отличили от других жидкостей, а только от всех твердых тел, с одной стороны, и от тел воздухообразных, или газов, с другой. Чтобы отличить воду от других жидкостей, должно сравнивать ее с другими жидкостями. Сравнивая, например, воду со ртутью, мы найдем, что ртуть непрозрачна, а вода прозрачна. Прибавим же этот новый признак к тем, которые мы уже нашли: *вода есть прозрачная жидкость.*

Но вода не единственная прозрачная жидкость: сквозь постное масло и вино, налитые в стакан, также отчасти видны предметы. Сравнивая воду с постным маслом или с вином, мы найдем, что масло и вино имеют им свойственный цвет: у чистой же воды, взятой в небольшом количестве, какое, например, вмещается в графине, своего собственного цвета нет. Прибавим же этот признак к тем, которые мы уже нашли, и скажем, *что вода есть жидкость прозрачная и бесцветная.*

Но спирт также есть жидкость бесцветная и прозрачная. Чтобы различить эти две жидкости, стоит только их понюхать и попробовать: у спирта есть свой особенный, ему свойственный запах и особенный вкус; у воды нет ни запаха, ни вкуса. Таким сравнением мы нашли для воды еще два признака и можем прибавить их к прежним: вода *есть жидкость прозрачная, бесцветная, не имеющая ни вкуса, ни запаха.* Если бы мы нашли другую такую же жидкость, то должны были бы искать новых признаков, отличающих воду. Но так как другой такой жидкости мы не знаем, то нам и не нужно отыскивать других признаков для воды. Мы отличили ее от всех прочих предметов. Такое отличие предмета по его признакам от всех прочих предметов и называется *определением.* Мы *определили,* что такое вода.

Каждое понятие, как и понятие воды, заключает в себе множество признаков. Перечислить все те отличительные признаки, которые заключаются в понятии предмета, значит определить предмет. Чтобы определить

предмет, должно сравнивать его с другими предметами того же рода и отыскивать его отличительные признаки. Тот имеет ясное понятие о предмете, кто умеет указать род, к которому предмет относится, и перечислить отличительные признаки, которыми этот предмет отличается от других предметов того же рода. Попробуйте определить несколько знакомых вам предметов: определите, что такое белка, что такое кремень, что такое яблоко, что такое неорганический предмет, что такое тело. Если же мы хотим определить какой-нибудь единичный предмет, то должны отличить его от всех прочих предметов того вида, к которому этот предмет принадлежит *.

ЯВЛЕНИЕ, ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ.

Сын: — В книжке, которую мне дала сестра, я встретил на первой же странице слово *явление*, и не понимаю, что оно значит.

Отец: — Ты помнишь, как я объяснил тебе слово признак?

Сын: — Помню.

Отец: — Не можешь ли ты перечислить признаков этой шторы?

Сын: — Она зеленого цвета...

Отец: — Довольно: возьмем этот один признак. Штора, говоришь ты, зеленого цвета, но как ты думаешь, всегда ли она останется зеленой?

Сын: — О, нет. Она, вероятно, полиняет, как полиняла старая.

Отец: — Следовательно, ты видишь, что этот признак шторы не постоянный признак, что он изменяется. Но скажи мне: какой главный признак воды? Мы об этом уже говорили.

---

* Словесных и письменных упражнений в определении предметов чем более, тем лучше по данному образцу.

С ы н : — Вода жидкая, ее можно переливать и разливать; но нельзя ни сыпать в кучу, как песок, ни разбивать на куски, как сахар или камень.

О т е ц : — Хорошо, но как ты думаешь: если я вынесу воду на мороз, останется ли она жидкой?

С ы н : — Нет, она замерзнет, превратится в лед; а лед можно разбивать на куски.

О т е ц : — Видишь ли: жидкое состояние воды не есть постоянный признак. Ты, конечно, заметил, как в течение лета изменяется цвет листьев и плодов; величина дерева в течение времени также изменяется. А ты останешься всегда одним и тем же?

С ы н : — Нет, я вырасту.

О т е ц : — А потом станешь стариться. У старика волосы седые, на лице появляются морщины. Животные также растут и стареются, как и люди. Значит, признаки всего на свете беспрестанно меняются. Даже камень и тот изменяется.

С ы н: — Этого я не заметил.

О т е ц: — И трудно тебе было заметить, потому что ты живешь еще очень мало, а камни изменяются очень медленно, но наблюдательные люди заметили, что и камни трескаются и рассыпаются в песок. Да, все изменяется: только один бог вечен и неизменен. Нет такого признака ни у одного предмета, который бы не мог перемениться.

С ы н : — Но что же такое явление?

О т е ц : — Вот эта-то *перемена признаков предмета и называется явлением*. Дерево растет, становится толще, больше; человек стареется; вода на морозе превращается в лед, а на огне — в пар; камень, выпущенный из руки, переменяет свое место, падает на землю; воздух переносится с места на место, отчего происходит ветер; свеча горит и мало-помалу сгорает; вода в реке течет, т. е. переменяет свое место, — все это явления. Явление, следовательно, есть перемена признаков предмета.

С ы н : — Теперь я знаю, что такое явление; но отчего происходит эта перемена признаков?

Отец: — Эта перемена не делается сама собой, но всегда оттого, что один предмет оказывает действие на другой. Если бы огонь не действовал на железо, то оно не сделалось бы мягким; если бы холод не действовал на воду, то она не превратилась бы в лед; если бы земля не притягивала к себе тел, то они никогда бы не падали; если бы воздух и влага, которая в нем находится, не действовали на камень, то он никогда не превратился бы в песок; если бы тот же воздух не прикасался к железу, то железо никогда бы не ржавело; словом, если бы один предмет не действовал на другой, то не было бы никаких явлений. То, что действует на предмет и заставляет его изменять свои признаки, называется *причиной* явления. Всякое явление непременно имеет причину, и без причины не бывает никаких явлений. Как ты думаешь, какая причина того явления, что зимой вода замерзает?

Сын: — Холод.

Отец: — А какая причина того явления, что крылья мельницы вертятся?

Сын: — Ветер.

Отец: — А какая причина ветра?

Сын: — Та, что воздух нагревается солнечными лучами не одинаково в разных местах.

Отец: — Теперь ты знаешь, что такое причина. То, что происходит от той или другой причины, называется *следствием*. Какая причина может превратить кусок воску в жидкость?

Сын: — Жар.

Отец: — Какое будет следствие, если кусок воску положить на горячую плиту?

Сын: — Он растопится и потечет, как вода.

Отец: — Теперь ты знаешь, что такое *явление*, что такое *причина* и что такое *следствие*. Чем больше будешь учиться, тем больше будешь узнавать явлений, понимать их причины и знать, от каких причин каких должно ожидать последствий. Как ты думаешь, если поднести тряпку очень близко к огню, то какого должно ожидать следствия?

С ы н : — Тряпка загорится.

О т е ц : — Но если сначала помочить тряпку водой, так же ли скоро она загорится?

С ы н : — Нет, сначала ей нужно будет высохнуть.

О т е ц : — Но если ты обмакнешь тряпку не в воду, а в спирт или масло, — помешает ли это ей загореться?

С ы н : — Нет, она загорится еще скорей.

О т е ц : — Почему же это?

С ы н : — Потому, что спирт и масло горят, а вода нет.

О т е ц : — Но почему же спирт и масло горят, а вода — нет?

С ы н : — Этого я не знаю.

О т е ц : — Следовательно, ты не знаешь причины, почему спирт загорается. И много еще есть явлений, причин которых ты не знаешь. Учись прилежней, — узнаешь многое; но узнаешь также, что в мире есть множество явлений, причин которых никто не знает. Скажи же мне теперь несколько явлений и объясни их причины; потом скажи мне несколько причин, от которых непременно произойдет то или другое следствие *.

ЦЕЛЬ И НАЗНАЧЕНИЕ.

Одни явления происходят без участия человека и называются *естественными* или *природными*; другие — человек производит по своей воле. Ветер дует в окно и перевертывает листы книги; он не может не перевертывать их, если дует. Человек также перевертывает листы книги, но может и не перевертывать их, если захочет. Здоровое семя, попавшее в плодородную и влажную землю, согретое солнцем, *непременно* прорастет; человек также производит множество изменений в предметах, но может и не производить их, если ему не захочется.

---

* Упражнения в отыскании явлений, их причин и следствий — эти упражнения очень важны.

Если человек производит какое-либо явление, то большей частью с какой-либо *целью*: рубит лес, чтобы выстроить себе дом; пашет землю, чтобы посеять хлеб. Предметы бездушные не могут иметь сами никакой цели, потому что не сознают того, что с ними делается. Но, тем не менее, ничто в мире не делается без цели и если весной идет дождь и осенью дует ветер, то мы знаем, для чего это делается. Ветер и дождь не могут иметь цели, но цель для них указана создателем: такая цель называется *назначением*. Все в мире имеет свое назначение, хотя мы и не знаем назначения многих явлений. Присмотритесь к какому хотите растению и подивитесь, как оно верно выполняет свое назначение, как все в нем направлено к тому, чтобы оно могло расти, приносить плоды и семена, давать жизнь новым растениям. Растения не могут иметь цели, потому что ничего не понимают; но как они верно выполняют свое назначение, как деятельно, как успешно покрывают землю зеленой одеждой и готовят пищу бесчисленным живым существам.

Животные могут чувствовать, могут желать; а потому могут иметь цель. Но цели животных весьма однообразны: всякое из них заботится только о том, чтобы поддержать свою жизнь и жизнь своих детенышей, заботится о пище, питье и жилище. Однакоже мы знаем, что многие животные, достигая своей собственной *цели*, вместе с тем выполняют какое-нибудь *назначение*. Паук, расстилая свою искусную паутину, думает только о том, как бы утолить свой голод; но, утоляя голод, он истребляет вредных насекомых. Крот, роясь под землей, ищет пищи, как и паук, и нисколько не заботится о корнях растений; а между тем, его острые зубы охраняют эти корни от червей. Таким образом, мы видим, что животные в своей деятельности имеют *цель*, которую сознают, и имеют *назначение*, о котором ровно ничего не знают.

Человек также, достигая своих собственных целей, вместе с тем часто выполняет то, что назначено ему сделать, с той только разницей, что животное, преследуя свои цели, не понимает своего назначения и выполняет его *невольно*, а человек понимает свое назначение и вы-

полняет его *свободно*. Так, крестьянин обрабатывает землю с той целью, чтобы прокормить и одеть себя и свою семью; но в то же время понимает, что трудами его и ему подобных кормятся все и что труд его не только полезен ему самому, но и его ближним.

Всякий честный человек старается выбрать для себя такую деятельность, которая была бы полезна не только ему самому, но и всем людям. Земледелец, ремесленник, купец, воин, чиновник, писатель, учитель, священник кормят себя и свою семью своими трудами; но эти труды приносят пользу всем людям.

Бывают, впрочем, и такие *добрые* люди, которые из любви к своим *ближним* жертвуют своей собственной пользой; бывают, наоборот, и такие злые, которые для достижения своих собственных целей жертвуют благом других: кормятся и богатеют, не только не принося никому пользы, но даже нанося вред. Эти несчастные люди живут бесчестно. Есть и такие *бедняки*, которые и рады бы потрудиться для себя и на общую пользу, да не могут: таковы бессильные дети, оставшиеся бедными сиротами, бедные старики и старухи, которые не могут уже работать, калеки, слабоумные и юродивые. Эти бедные люди имеют право кормиться трудами здоровых, богатых и сильных. Бог дает нам здоровье, силу, ум и богатство не для нас одних *.

ЗАКОН.

Отец: — Какой урок ты должен приготовить на завтрашний день? Сын: — Урок из закона божия. Отец: — А знаешь ли ты, что такое закон божий? Сын: — О, да! Закон божий все равно, что воля божия, по которой мы должны поступать. Отец: — Но откуда же ты знаешь, что угодно господу богу? Сын: — Из священного писания. Отец: — Ты прав. Поступая так, как повелено в священном писании, мы

---

* Упражнения словесные и письменные: найти несколько действий с *целью* показать *назначение* многих явлений и действий.

исполняем волю божию. Но как ты думаешь: по чьей воле растет дерево, приносит плод и семена, не по своей ли собственной? С ы н: — Конечно, нет, у дерева нет воли; точно так же, как нет ее у камня, воды или железа. О т е ц: — Правда твоя. Однакоже ты видишь, что камень, брошенный кверху, снова падает на землю, и чем более приближается к земле, тем быстрее летит; ты знаешь также, что вода сжимается от холода, но когда начинает замерзать, то вдруг расширяется; что намагниченная стрелка одним концом непременно указывает север, а другим юг, что дерево берет из земли, воды и воздуха именно те элементы, которые ему нужны, и что на орешине не вырастет вишня, а на вишне орех. Откуда же все эти вещества знают, что и как они должны делать? С ы н: — Это бездушные существа: они ничего не знают и знать не могут. Они уже так созданы. О т е ц: — Да, ты говоришь правду: все эти существа уже так созданы, что не могут делать ничего другого, кроме того, что должны делать. Бог дал всем этим существам такие свойства, что каждое из них производит только те явления, для которых оно назначено: камень не может сегодня падать на землю, а завтра не падать; железо не может сегодня тонуть в воде, а завтра плавать в ней. Люди замечают, как совершается каждое явление, и когда заметят, то говорят, что им известен *закон явления,* по которому все подобные явления совершаются непременно. Так, например, люди заметили, что кусок дерева плавает на воде, а кусок камня или железа тонет; стали сравнивать те тела, которые тонут, с теми, которые плавают, взвесили их, взвесили и воду и узнали, что всякое тело, удельный вес которого больше удельного веса воды, тонет в ней, и, наоборот, что всякое тело, удельный вес которого меньше удельного веса воды, плавает на ее поверхности. Узнав этот *закон,* люди стали поверять его *опытами,* и убедились, что он совершенно верен, и что нет такого тела, которое, будучи тяжелее воды, плавало бы на ее поверхности. Вот что называется *законом явления.* Законы, по которым совершаются все естественные яв-

ления в природе, называются естественными законами; а науки, открывающие эти законы, — *естественными* науками *.

ЗАКОН ЕСТЕСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ.

Отец: — Ты знаешь уже, что естественным законом называется такое правило, выраженное творцом в свойствах различных тел, по которому совершается в природе какое-нибудь естественное явление. Закон этот, выраженный в самых свойствах того или другого тела, не может быть им нарушен. Но как ты думаешь: всегда ли люди выполняют тот закон, который начертал для них господь в священном писании? Сын: — О, нет! люди часто грешат и не выполняют закона божьего. Отец: — Следовательно, бездушные вещи поступают лучше людей? Сын: — Да, это правда. Отец: — Но бездушные вещи поступают так потому, что не могут поступать иначе. Сын: — Хорошо было бы, если бы и люди не могли грешить и не могли поступать иначе, как по закону божьему. Отец: — Едва ли это так. Послушай, я расскажу тебе сказку. У одного богатого хозяина было двое детей: один из них был очень умен, любил отца и не только всегда охотно исполнял его желания, но даже угадывал и предупреждал их; другой, напротив, был очень туп и бесчувственен: никого не любил и ничего не понимал, а главное, был так ленив, что сам собой ничего не делал, и ко всему его нужно было принуждать. Однажды хозяину понадобилось послать своих детей на торг с тем, чтобы они продали товар и на вырученные деньги закупили различных необходимых вещей для дома. Одному из сыновей отец дал только товар и, не говоря больше ничего, отправил его в дорогу, зная, что этот сын так его любит и так умен, что сам будет знать, что ему делать. Но на другого своего сына хозяин понадеяться не мог

* Преподаватель может сам вывести по этому образцу несколько законов, например, закон падения тел.

и, зная, что он ничего не сделает по собственному желанию и без принуждения, отдал его под надзор двух слуг. Продав товары и закупив все, что было нужно, оба брата воротились домой и оба одинаково хорошо исполнили поручения. Но отец одного из своих сыновей обнял и поцеловал, назвал своим милым сыном и посадил обедать с собой, а другому не сказал даже спасибо и отправил его обедать вместе со слугами. Как ты думаешь, с которым из сыновей так поступил отец? Сын: — Конечно, с тем, который исполнил данные *ему* поручения под надзором слуг. Отец: — Но он однакоже исполнил свое поручение не хуже брата! Сын: — Да, но не по своей воле: он не мог бы исполнить его дурно, если бы и хотел. Отец: — Ты прав; теперь ты понимаешь, почему бог дал человеку свободную волю, и дав ему закон, дал ему возможность исполнять и не исполнять его. Законы *естественные*, по которым совершаются все естественные явления, не могут не исполняться; закон же *нравственный*, который дан человеку богом и выражен в священном писании и в совести каждого человека, исполняется человеком *свободно*, из любви к богу и ближнему и из понимания премудрости божественных законов. Вот почему господь одарил любимое свое создание, человека, разумом и свободой.

Хрестоматия

ОТДЕЛ I.

СТИХИ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печальный свет она.

По дороге зимней, скучной,
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

А. Пушкин.

ДВЕ БОЧКИ.

Две бочки ехали: одна с вином, другая пустая. Вот первая — себе без шуму и шажком плетется, другая вскачь несется; от ней по мостовой и стукотня, и

гром, и пыль столбом; прохожий к стороне скорее от страху жмется, ее заслышавши издалека. Но как та Бочка ни громка, а польза в ней не так, как в первой, велика.

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ.

Шли два приятеля вечернею порой и дельный разговор вели между собой, как вдруг из подворотни дворняжка тявкнула на них, за ней другая, там еще две-три, — и вмиг со всех дворов собак сбежалося с полсотни. Один было уже Прохожий камень взял: — «И, полно, братец» — тут другой ему сказал: «Собак ты не уймешь от лаю, лишь пуще всю раздразнишь стаю, пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».

И подлинно, прошли шагов десятков пять. Собаки начали помалу затихать, и стало, наконец, совсем их не слыхать.

Завистники, на что ни взглянут, подымут вечно лай; а ты себе своей дорогою ступай: полают, да отстанут.

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК.

Старик-крестьянин с Батраком шел под-вечер леском домой, в деревню, с сенокосу и повстречали вдруг медведя носом к носу. Крестьянин ахнуть не успел, как на него медведь насел. Подмял Крестьянина, ворочает, ломает и, где б его почать, лишь место выбирает: конец приходит старику.

«Степанушка, родной, не выдай, милый!» из-под медведя он взмолился Батраку.

Вот, новый Геркулес, со всей собравшись силой, что только было в нем, отнес пол-черепа медведю топором и брюхо проколол ему железной вилой. Медведь взревел и замертво упал: медведь мой издыхает. Прошла беда; Крестьянин встал, и он же Батрака ругает. Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй!», — говорит: «За что?»

— «За что, болван! Чему обрадовался с дуру! Знай колет: всю испортил шкуру!»

ТРИ ПАЛЬМЫ.

Восточное сказание.

В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли. Родник между ними из почвы бесплодной, журча, пробивался волною холодной, хранимый под сенью зеленых листов от знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли; но странник усталый из чуждой земли пылающей грудью ко влаге студеной еще не склонялся под кущей зеленой; и стали уж сохнуть от знойных лучей роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать: «На то ль мы родились, чтоб здесь увядать? Без пользы в пустыне росли и цвели мы, колеблемы вихрем и зноем палимы, ничей благосклонный не радуя взор?... Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли, — в дали голубой столбом уж крутился песок золотой, звонков раздавались нестройные звуки, пестрели коврами покрытые вьюки и шел, колыхаясь, как в море челнок, верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов узорные полы походных шатров; их смуглые ручки порой подымали, и черные очи оттуда сверкали... И, стан худощавый к луке наклоня, араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой, и прыгал, как барс, пораженный стрелой; и белой одежды красивые складки по плечам фариса вились в беспорядке, и с криком и свистом несясь по песку, бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван; в тени их веселый раскинулся стан. Кувшины, звуча, налилися водою и, гордо кивая махровой главою, приветствуют пальмы нежданных гостей, и щедро поит их студеный ручей.

Но только-что сумрак на землю упал, по корням упругим топор застучал, и пали без жизни питомцы

столетий. Одежду их сорвали малые дети, изрублены были тела их потом, и медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман, урочный свой путь совершал караван; и следом печальным на почве бесплодной виднелся лишь пепел седой и холодный; и солнце остатки сухие дожгло, а ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом, — не шепчутся листья с гремучим ключом, напрасно пророка о тени он просит, — его лишь песок раскаленный заносит да коршун хохлатый, степной нелюдим, добычу терзает и щиплет над ним.

М. Лермонтов.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОК?

Что ты спишь, мужичок? Ведь весна на дворе, ведь соседи твои работают давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты был и что стал? и что есть у тебя?

На гумне — ни снопа; в закромах — ни зерна; на дворе по траве — хоть шаром покати! Из клетей домовой сор метлою посмел и лошадок за долг по соседям развел. И под лавкой сундук опрокинут лежит и, погнувшись, изба, как старушка, стоит. Вспомни время свое: как катилось оно по полям и лугам золотою рекой, — со двора и гумна по дорожке большой, по селам, городам, по торговым людям! И как двери тебе растворяли везде, и в почетном углу было место твое! А теперь, под окном ты с бедою сидишь и весь день на печи без просыпу лежишь. А в полях сиротой хлеб не кошен стоит; ветер точит зерно, птица клюет его.

Что ты спишь, мужичок? Ведь уж лето прошло, ведь уж осень на двор через прясло глядит. Вслед за нею зима в теплой шубе идет, путь снежком порошит, под санями хрустит. Все соседи на них хлеб везут, продают, собирают казну, — бражку ковшиком пьют.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за стол — да подумаю: как на свете жить одинокому?

Нет у молодца друга верного, золотой казны, угла теплого, бороны-сохи, коня-пахаря... Вместе с бедностью дал мне батюшка лишь один талант — силу крепкую, да и ту, как раз, нужда горькая по чужим людям всю истратила.

Сяду я за стол — да подумаю: как на свете жить одинокому?

А. Кольцов.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ.

Были и лето, и осень дождливы: были потоплены пажити, нивы; хлеб на полях не созрел и пропал; сделался голод, народ умирал. Но у епископа, милостью неба; полны амбары огромные хлеба: жито сберег прошлогоднее он: был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный,и нищий в двери епископа, требуя пищи; скуп и жесток был епископ Гаттон: общей бедою не тронулся он. Слушать и вопли ему надоело. Вот он решился на страшное дело: бедных из ближних и дальних сторон, слышно, скликает епископ Гаттон. «Дожили мы до нежданного чуда, вынул епископ добро из-под спуда: бедных к себе на пирушку зовет». Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званые гости, — бледные, чахлые, кожа да кости; старый огромный сарай отворен; в нем угостит их епископ Гаттон. Вот уж столпились под кровлей сарая все пришлецы из окружного края... Как же их принял епископ Гаттон? Был им сарай и с гостями сожжен!

Глядя епископ на пепел пожарный, думает: «будут мне все благодарны; разом избавил я шуткой моей край наш голодный от жадных мышей». В замок епископ к себе возвратился, ужинать сел, пировал, весе-

лился, спал, как невинный, и снов не видал... Правда! Но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели предков портреты, и видит, что съели мыши его живописный портрет, так что холстины и признака нет. Он обомлел; он от страха чуть дышит. Вдруг он чудесную ведомость слышит: «наша округа мышами полна, в житницах съеден весь хлеб до зерна». Вот и другое в ушах загремело: «бог на тебя за вчерашнее дело! Крепкий твой замок, епископ Гаттон, мыши со всех осаждают сторон». Ход был до Рейна от замка подземный: в страхе епископ дорогою темной к берегу выдти из замка спешит: «В Рейнской башне спасусь», — говорит.

Башня из Рейнских вод подымалась, издали острым утесом казалась, грозно из пены торчащим, она: стены кругом ограждала волна. В легкую лодку епископ садится, к башне причалил, дверь запер и мчится вверх по гранитным крутым ступеням; в страхе один затворился он там. Стены из стали казалися слиты, были решетками окна забиты, ставни чугунные, каменный свод, дверью железною запертый вход. Узник не знает, куда приютиться: на пол, зажмурив глаза, он ложится... Вдруг он испуган стенаньем глухим: вспыхнули ярко два глаза над ним. Смотрит он... кошка сидит и мяучит; голос тот грешника давит и мучит; мечется кошка, не весело ей: чует она приближенье мышей. Пал на колени епископ и криком бога зовет в исступлении диком. Воет преступник... а мыши плывут... ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком слышно, как лезут с роптаньем и писком; слышно, как стену их лапки скребут, слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери: сыплются градом сквозь окна, сквозь двери, спереди, сзади, с боков, с высоты... Что тут, епископ, почувствовал ты? Зубы об камни они навострили, грешнику в кости их жадно впустили; весь по суставам раздернут был он... Так был наказан епископ Гаттон.

В. Жуковский.

ВОЛК НА ПСАРНЕ.

Волк ночью, думая залезть в овчарню, попал на псарню. Поднялся вдруг весь псарный двор. Почуя серого так близко забияку, псы залились в хлевах и рвутся воп на драку; псари кричат: «Ахти, ребята, вор»! и вмиг ворота на запор; в минуту псарня стала адом. Бегут: иной с дубьем, иной с ружьем. — «Огня!» — кричат, — «огня!» — Пришли с огнем. Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом, зубами щелкая и ощетиня шерсть; глазами, кажется, хотел бы всех он съесть; но, видя то, что тут не перед стадом и что приходит, наконец, ему расчесться за овец, — пустился мой хитрец в переговоры и начал так:

— «Друзья, к чему весь этот шум? Я ваш старинный сват и кум, пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры: забудем прошлое, уставим общий лад, а я не только впредь не трону здешних стад, но сам за них с другими грызться рад, и волчьей клятвой утверждаю, что я...»

— «Послушай-ка, сосед», — тут ловчий перервал в ответ: «ты сер, а я, приятель, сед и волчью вашу я давно натуру знаю, а потому обычай мой: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой». И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

И. Крылов.

СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ.

Ночью в колыбель младенца Месяц луч свой заронил.

— Отчего так светит Месяц? — робко он меня спросил.

— В день-деньской устало Солнце, и сказал ему господь: «ляг, засни — и за тобою все задремлет, все заснет». И взмолилось Солнце брату: «Друг мой, Месяц золотой! Ты зажги фонарь и ночью обойди ты край земной. Кто там молится, кто плачет, кто мешает людям спать: все разведай и поутру приходи и дай

мне знать». Солнце спит, а Месяц ходит, сторожит земли покой, завтра ж рано-рано к Солнцу постучится брат меньшой. «Стук-стук-стук!» — отворят двери. «Солнце, встань! Грачи летят, петухи давно пропели, и к заутрене звонят». Солнце встанет, Солнце спросит: «что, голубчик, братец мой? Как тебя господь-бог носит? что ты бледен? что с тобой?» И начнет рассказ свой Месяц, кто и как себя ведет. Если ночь была спокойна, солнце весело взойдет. Если нет, — взойдет в тумане; ветер дунет, дождь пойдет: в сад гулять не выйдет няня и дитя не поведет.

И задумался младенец, долго на небо глядел, долго он молчал, и няню он позвать к себе велел, и велел старушке-няне богородицу читать, и за ней, сложа ручонки, стал молитву повторять.

Я. Полонский.

КОСАРЬ.

Не возьму я в толк, не придумаю... Отчего же так, не возьму я в толк? Ох, в несчастный день, в бесталанный час, без сорочки я родился на свет. У меня ль плечо — шире дедова; грудь высокая — моей матушки. На лице моем кровь отцовская в молоке зажгла зорю красную; кудри черные лежат скобкою: что работаю — все мне спорится; да в несчастный день, в бесталанный час, без сорочки я родился на свет.

Прошлой осенью я за Грунюшку, дочку старосты, долго сватался, а он, старый хрен, заупрямился. За кого же он выдаст Грунюшку, — не возьму я в толк, не придумаю... Я ль за тем гонюсь, что отец ее богачем слывет? Пускай дом его — чаша полная. Я ее хочу, я по ней крушусь... Наотрез старик отказал вчера... Ох, не свыкнуться с этой горестью!...

Я куплю себе косу новую; отобью ее, наточу ее, — и прости-прощай, село родное. Не плачь, Грунюшка: косой вострою не подрежусь я... Ты прости, село, прости, староста: в края дальние пойдет молодец. Что вниз по Дону, по набережью; хорошо стоят там слободушки! Степь раздольная далеко вокруг широко ле-

жит, ковылем-травой расстилается!.. Ах ты, степь моя, степь привольная! Широко ты, степь, пораскинулась, к Морю-Черному понадвинулась! В гости я к тебе не один пришел; я пришел сам-друг с косой вострою; мне давно гулять по траве степной вдоль и поперек с ней хотелося...

Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни в лицо, ветер с полудня! Освежи, взволнуй степь просторную! Зажужжи, коса, засверкай кругом! Зашуми, трава, подкошоная; поклонись, цветы, головой земле!.. Нагребу копен, намечу стогов, — даст казачка мне денег пригоршни. Я зашью казну, сберегу казну, ворочусь в село — прямо к старосте: не разжалобил его бедностью, — так разжалоблю золотой казной...

А. Кольцов.

АНГЕЛ.

По небу полуночи Ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

М. Лермонтов.

ВОДОПАД.

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми.

От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.
Седая пена по брегам
Лежит клубами в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам;
Визг пил и стон мехов подъемных.
О, водопад! В твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле!
Ветрами ль сосны пораженны, —
Ломаются в тебе в куски.
Громами ль камни отторженны, —
Стираются тобой в пески.
Сковать ли воды льды дерзают, —
Как пыль стеклянна ниспадают.

Г. Державин.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые...
Вот дождик брызнул, пыль летит.
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотит;
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный
Все вторит весело громам.

Ф. Тютчев.

МИРСКАЯ СХОДКА.

В овечьи старосты у Льва просился Волк. Стараньем кумушки Лисицы словцо о нем замолвлено у Львицы. Но так как о волках худой на свете толк, и не сказали бы, что смотрит Лев на лицы; то велено звериный весь народ созвать на общий сход и распросить того, другого, что в Волке доброго он знает иль

худого. Исполнен и приказ: все звери созваны, на сходке голоса чин чином собраны: но против Волка нет ни слова, и Волка велено в овчарню посадить. Да что же овцы говорили? на сходке ведь они уж, верно, были? — Вот то-то нет! Овец-то и забыли! А их-то бы всего нужней спросить.

ДВА МУЖИКА.

— «Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!»
— «Ну, каково, приятель, поживаешь?»
— «Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор!
И по миру пошел с тех пор».
— «Как-так? Плохая, кум, игрушка!»
— «Да, так. О Рождестве была у нас пирушка;
Я со свечей пошел дать корму лошадям:
Признаться, в голове шумело;
Я как-то заронил, насилу спасся сам:
А двор и все добро сгорело.
Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
И на меня прогневался, знать, бог:
Ты видишь, я без ног;
Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
Я тож о Рождестве пошел в ледник за пивом,
И тоже чересчур, признаться, я хлебнул,
С друзьями полугару;
А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
Так я свечу совсем задул:
Ан бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
Что сделал из меня совсем нечеловека,
И вот я с той поры калека».
— «Пеняйте на себя, друзья!» —
Сказал им сват Степан: — «коль молвить правду, я
Совсем не чту за чудо,
Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
Для пьяного и со свечею худо:
Да вряд не хуже ль и впотьмах».

И. Крылов.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дети, овсяный кисель на столе: читайте молитву; смирно сидеть, не марать рукавов и к горшку не соваться; кушайте: всякий нам дар совершен и даяние благо; кушайте, светы мои, на здоровье. Господь вас помилуй.

В поле отец посеял овес и весной заскородил. Вот господь-бог сказал: «поди домой, не заботься; я не засну, — без тебя он взойдет, расцветет и созреет». Слушайте ж, дети: в каждом зернышке тихо и мирно спит невидимкой малютка-зародыш. Долго, долго спит он, как в люльке; не ест, и не пьет, и не пикнет, доколе в рыхлую землю его не положат и в ней не согреют. Вот он лежит в борозде и малютке тепло под землею; вот втихомолку проснулся, взглянул и сосет, как младенец, сок из родного зерна и растет, и невидимо зреет; вот уполз из пелен, молодой корешок пробуравил; роется вглубь, и корма ищет в земле, и находит. Что же?... Вдруг скучно и тесно в потемках... «Как бы проведать, что там, на белом свете, творится?»... Тайком, боязливо выглянул он из земли... «Ах! царь мой небесный, как любо!» Смотрит, господь-бог ангела шлет к нему с неба! дай росинку ему и скажи от создателя: «здравствуй!» Пьет он... Ах, как же малюточке сладко, свежо и свободно!

Рядится красное солнышко: вот нарядилось, умылось, на горы вышло с своим рукодельем; идет по небесной светлой дороге: прилежно работая, смотрит на землю, словно как мать на дитя, и малютке с небес улыбнулось, — так улыбнулось, что все корешки молодые взыграли! «Доброе солнышко, даром вельможа, а всякому ласка!» В чем же его рукоделье? Точит облачко дождевое; смотришь: посмеркло, вдруг каплет, вдруг полилось, зашумело. Жадно зародышек пьет; но подул ветерок,— он обсохнул. «Нет (говорит он), теперь уж под землю меня не заманят. Что мне в потемках? Здесь я останусь; пусть будет, что будет». Кушайте, светы мои, на здоровье; господь вас помилуй!

Ждет и малютку тяжкое время: темные тучи и день и ночь на небе стоят и прячется солнце: снег и метель на горах, и град с гололедицей в поле. Ах, мой бедный зародышек, как же он зябнет, как ноет! Что с ним будет! Земля заперлась и — негде взять пищи. «Где же (он думает) красное солнышко? Что не выходит? или боится замерзнуть? иль и его нет на свете? Ах, зачем покидал я родимое зернышко? Дома мне было лучше: сидеть бы в приютном тепле под землею». Детушки, так то бывает на свете, и вам доведется вчуже меж злыми, чужими людьми, с трудом добывая хлеб свой насущный, сквозь слезы сказать в одинокой печали: «худо мне: лучше бы дома сидеть у родимой за печкой...» Бог вас утешит, друзья, всему есть конец; веселее будет и вам как былиночке. Слушайте: в ясный день майский свежесть повеяла... Солнышко яркое на горы вышло, смотрит: где наш зародышек? Что с ним? и крошку целует. Вот он ожил опять и себя от веселья не помнит. Мало-помалу оделись поля муравой и цветами; вишня в саду зацвела; зеленеет и слива, и в поле гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо; наша былиночка думает: «Я назади не останусь. Кстати ль?» Листки распустила... Кто так прекрасно соткал их? Вот стебелек показался... Кто из жилочки в жилку чистую влагу провел от корня до маковки сочной? Вот проглянул, налился и качается в воздухе колос... Добрые люди, скажите: кто так искусно развесил почки по гибкому стеблю на тоненьких, шелковых нитях? Ангелы! кто же другой? Они от былинке к былинке, по полю взад и вперед, с благодатью небесной летают.

Вот уж и цветом нежный, зыбучий колосик осыпан; наша былинка стоит, как невеста в уборе венчальном. Вот налилось и зерно и тихохонько зреет; былинка шепчет, качая в раздумьи головкой: «я знаю, что будет». Смотрит: слетаются мошки, жучки, молодую поздравить; пляшут, толкутся кругом, припевают ей: многие лета!!! В сумерки ж, только лишь мошки, жучки позаснут и замолкнут, тащится в травке светляк с

фонарем — посветить ей в потемках. Кушайте, светы мои, на здоровье; господь вас помилуй!

Вот уж и Троицын день миновался, и сено скосили; собраны вишни; в саду ни одной не осталося сливы; вот уж пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо; уж и на жниво сбирать колосок оброненный сходились босиком ребятишки: им помогла тихомолком и мышка... Что-то былиночка делает? О, уж давно пополнела; много, много в ней зернышек; гнется и думает: «полно: время мое миновалось; зачем мне одной оставаться в поле пустом меж картофелем, пухлою репой и свеклой?» Вот с серпами пришли и Иван, и Лука, и Дуняша: уж и мороз покусал им утром и вечером пальцы; вот и снопы уж сушили в овине; уж их молотили с трех часов по утру до пяти по полудни на риге; вот и Гнедко потащился на мельницу с возом тяжелым: начал жернов молоть, и зернышки стали мукою; вот молочка надоила от пестрой коровки родная полный горшочек; сварила кисель, чтоб детушкам кушать; детушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо!»

В. Жуковский.

НИВА.

По ниве прохожу я узкою межой, поросшей кашкою и цепкой лебедой. Куда ни оглянуся, — повсюду рожь густая. Иду, с трудом ее руками разбирая. Мелькают и жужжат колосья предо мной и колют мне лицо... Иду я, наклоняясь, как будто бы от пчел тревожных отбиваясь, когда, перескочив чрез ивовый плетень, средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день...

О, божья благодать!.. О, как прилечь отрадно мне в тени высокой ржи, где сыро и прохладно! Заботы полные, колосья надо мной беседу важную ведут между собой. Им внемля, вижу я, — на всем полей просторе и жницы, и жнецы, ныряя точно в море, уж вяжут весело тяжелые снопы; вон — по заре стучат проворные цепы; в амбарах воздух полн и розана, и меда; везде скрипят возы; средь шумного народа на приста-

нях кули валятся; вдоль реки гуськом, как журавли, проходят бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая и длинной бичевой по влаге ударяя.

А. Майков.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясное утро. Тихо веет теплый ветерок; луг, как бархат, зеленеет; в зареве восток. Окаймленное кустами молодых ракит, разноцветными огнями озеро блестит. Тишине и солнцу радо, по равнине вод лебедей ручное стадо медленно плывет; вот один взмахнул лениво крыльями, — и вдруг влага брызнула игриво жемчугом вокруг.

Привязав к ракитам лодку, мужики вдвоем близ осоки втихомолку тянут сеть с трудом. По траве, в рубашках белых, скачут босиком два мальчишка загорелых на прутах верхом. Крупный пот с них градом льется и лицо горит; звучно смех их раздается, голосок звенит. «Ну, катай на перегонки!» А на шалунов с тайной завистью девчонка смотрит из кустов.

«Тянут, тянут!» — закричали ребятишки вдруг: — «вдоволь, чай, теперь поймали и линей и щук».

Вот на береге отлогом показалась сеть. «Ну, вытряхивай-ка с богом, нечего глядеть!» Так сказал старик высокий, весь, как лунь, седой, с грудью выпукло-широкой, с длинной бородой. Сеть намокшую подняли дружно рыбаки; на песке затрепетали окуни, линьки. Дети весело шумели: «будет на денек!» и на корточки присели рыбу класть в мешок.

«Ты, подкидыш, к нам откуда? Не зови,— придет... Убирайся-ка отсюда! Не пойдешь, — так вот!..» И подкидыша мальчишка оттолкнул рукой.

— «Ну, за что ее ты, Мишка?» — упрекнул другой.

— Экой малый уродился, — говорил старик, — все бы дрался, да бранился, экой озорник! Ты бы внука-то маленько за вихор подрал; он взял волю-то раненько!» свату сват сказал.

«Эх!.. девчонка надоела... Сам я, знаешь, голь; тут подкидыша без дела одевать изволь».

— «Потерпи: чай, не забудет за добро господь! Ведь она работать будет, бог даст, подрастет».

— «Так-то так... вестимо, надо к делу приучить; да теперь берет досада без толку кормить. И девчонка-то больная: сохнет, как трава, да все плачет... дрянь такая! а на грех жива».

Мужики потолковали и в село пошли; вслед мальчишки побежали, рыбу понесли. А девчонка провожала грустным взглядом их, и слеза у ней дрожала в глазках голубых.

МЕЛЬНИЦА.

Кипит вода, ревет ручьем, на мельнице и стук и гром, колеса-то в воде шумят, а брызги вверх огнем летят; от пены-то бугор стоит; что мост живой, весь пол дрожит. Шумит вода, рукав трясет; на камни рожь дождем течет, под жерновом муку родит; идет мука, в глаза пылит.

НОЧЛЕГ В ДЕРЕВНЕ.

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины
По углам узор;
Закоптелые полати,
Черствый хлеб, вода;
Кашель пряхи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, век трудиться.
Нищим умереть...
Вот где нужно бы учиться
Верить и терпеть.

И. Никитин.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Соседушка, мой свет! Пожалуйста, покушай!»

— «Соседушка, я сыт по горло».

— «Нужды нет, еще тарелочку; послушай: ушица, ей-же-ей, на славу сварена!».

— «Я три тарелки съел».

— «И, полно, что за счеты: лишь стало бы охоты, — а то, во здравье, ешь до дна! Что за уха! Да как жирна: как будто янтарем подернулась она; потешь же, миленький дружочек! Вот, лещик, потроха, вот стерляди кусочек! Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»

Так потчевал сосед-Демьян соседа-Фоку и не давал ему ни отдыху, ни сроку, а с Фоки уж давно катился градом пот. Однакоже еще тарелку он берет: сбирается с последней силой и очищает всю.

«Вот друга я люблю!» — вскричал Демьян: — «зато уж чванных не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!».

Тут бедный Фока мой, как ни любил уху, но от беды такой, схватя в охапку кушак и шапку, — скорей без памяти домой, и с той поры к Демьяну ни ногой.

ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли в деревню ночевать. Здесь, в Питере, они извозом промышляли; поработали, погуляли и путь теперь домой на родину держали. А так как мужичок не любит тощий спать, то ужинать себе спросили гости наши. В деревне что за разносол: поставили пустых им чашку щей на стол, да хлеба подали, да, что осталось, каши. Не то бы в Питере, — да не о том уж речь: все лучше, чем голодным лечь. Вот мужики перекрестились и к чаше приютились. Как тут один, посметливей из них, увидя, что всего немного для троих, смекнул, как делом тем поправить (где силой взять нельзя, там надо полукавить).

«Ребята», — говорит, — «вы знаете Фому, ведь в нынешний набор забреют лоб ему».

— «Какой набор?»

— «Да так. Есть слух — война с Китаем: наш батюшка велел взять дань с китайцев чаем».

Тут двое принялись судить и рассуждать (они же грамоте, к несчастью, знали: газеты и, подчас, реляции читали), как быть войне, кому повелевать. Пустилися мои ребята в разговоры, пошли догадки, толки, споры, а наш того, лукавец, и хотел: пока они судили, да рядили, да войска разводили, он ни гугу: и щи, и кашу, — все приел.

И. Крылов.

КАК МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ.

(*Рассказ мышонка*)

Глупым мышонком был я еще и не знал ничего. И мне захотелось высунуть нос из подполья. Но мать царица Прасковья с крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили норку мою покидать; но я не послушался, в щелку выглянул: вижу камнем выстланный двор; освещало солнце его, и окна огромного дома светились; птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались. Выйти не смея, смотрю я из щелки, и вижу: на дальнем крае двора зверок усатый, сизая шкурка, розовый нос, зеленые глазки, пушистые уши, тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка, так и виляет. Потом он своей бархатной лапкой начал усастое рыльце себе умывать. Облилося радостью сердце мое, и я уж сбирался покинуть щелку, чтоб с милым зверьком познакомиться. Вдруг зашумело что-то вблизи; оглянувшись, так я и обмер: какой-то страшный урод ко мне подходил: широко шагая, черные ноги свои подымал он и когти кривые с острыми шпорами были на них; на уродливой шее длинные космы висели змеями; нос крючковатый, под носом тряссся какой-то мохнатый мешок и как будто красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись, по носу бился; а сзади какие-то длинные крючья разного цвета торчали снопом. Не успел я от страха в память прийти, как с

обоих боков поднялись у урода словно как парусы и начали хлопать, и он, раздвоивши острый нос свой, так заорал, что меня, как дубиной, треснуло. Как прибежал я назад в подполье, не помню. Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною, так и ахнул. «Тебя помиловал бог, — он сказал мне: — свечку ты должен поставить уроду, который так кстати криком своим тебя испугал, ведь это наш добрый сторож петух; он горлан и с своими большой забияка, нам же, мышам, он приносит и пользу: когда закричит он, знаем мы все, что проснулись наши враги, а приятель, так обольстивший тебя своей лицемерной харей, был не иной кто, как наш злодей записной, объедало, кот Мурлыка; хорош бы ты был, когда бы с знакомством к этому плуту подъехал, тебя б он порядком погладил бархатной лапкой своей, будь же вперед осторожен».

Долго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке: каждый день от него у нас недочет. Расскажу я только то, что случилось недавно.

Разнесся в подполье слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами видели это глазами своими. Вскружилось подполье: шум, беготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска — словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый с радости так напился, что подрался с царицей, и в драке хвост у нее откусил, за что был и высечен больно. Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком, вздумали мы кота погребать и надгробное слово тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный, Клим, по прозванию Бешеный Хвост; такое названье ему дали за то, что, читая стихи, всегда он в меру вилял хвостом: хвост, как маятник, стукал. Все изготовив, отправились мы на поминки к Мурлыке. Вылезло множество нас из подполья; глядим мы, и вправду кот Мурлыка в ветчине висит на бревне и повешен за ноги, мордою вниз; оскалены зубы; как палка вытянут весь, и спина и хвост и передние лапы, словно как мерзлые, оба глаза глядят, не моргая. Все запищали мы хором: «Повешен Мурлыка, повешен кот окаянный; довольно ты, кот,

погулял, погуляем нынче и мы». И шесть смельчаков тотчас взобрались вверх по бревну, чтоб мурлыкины лапы распутать, но лапы сами держались, когтями вцепившись в бревно, а веревки не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись наши ребята, как вдруг распустилися когти, и на пол хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежалися в страхе, и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит, ус не тронется, глаз не моргнет: мертвец — да и только.

Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу начали; кто посмелее, тот дернет за хвост, да и тягу даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит сзади его языком; а кто еще посмелее, тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет, Кот ни с места, как пень. «Берегитесь!» — тогда нам сказала старая мышь Степанида, которой мурлыкины когти были знакомы (у ней он весь зад ободрал, и насилу как-то она от него уплела): «берегитесь! Мурлыка старый мошенник; ведь он висел без веревки, а это знак не добрый; и шкурка цела у него». То услыша, громко мы все засмеялись. «Смейтесь, чтоб после не плакать, — мышь Степанида сказала опять, — а я не товарищ вам». И поспешно, созвав мышеняток своих, убралася с ними в подполье она. А мы принялись, как шальные, прыгать, скакать и кота тормошить.

Наконец поуставши, все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш Клим, по прозванью Бешеный Хвост, на мурлыкино пузо взлезши, начал оттуда читать нам надгробное слово, мы же при каждом стихе хохотать, и вот что прочел он: «жил Мурлыка, был Мурлыка кот сибирский, рост богатырский, сизая шкурка, усы, как у турка; он был бешен, на краже помешан, за то и повешен. Радуйся, наше подполье!..».

Но только успел проповедник это слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся. Мы бежать... Куда ты! Пошла ужасная травля. Двадцать из нас остались на месте, а раненых втрое более было. Тот воротился с ободранным пузом, тот без уха, другой с объеденной мордой; иному хвост был оторван;

у многих так страшно искусаны были спины, что шкурки мотались как тряпки; царицу Прасковью чуть успели в нору уволочь за задние лапки, царь Иринарий спасся с рубцом на носу, но премудрая крыса Онуфрий с Климом поэтом достались Мурлыке прежде других на обед. Так кончился пир наш бедою.

В. Жуковский.

НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ.

I.

Поставщик товаров, Мингерр Ван-Коек, в каюте ведет свои счеты: примерную прибыль и груз корабля считает он, полон заботы. «Всех триста боченков и тюков: дадут и перец, и гумми доходец; слоновая кость тоже славный товар, но прибыльней черный народец. Смех дешевы эти рабы: я шестьсот отменных достал в Сенегале, по твердости мяса, по крепкости жил, все вылитых будто из стали. Дал бус я в обмен, да железных вещиц, да водку, а славное дело! Пускай половина живет: восемьсот процентов рассчитывай смело. Да, пусть только триста негров свезу до гавани Рио-Жанейро, по сотне дукатов за штуку возьму я с фирмы Гонзалес Перейра». Так высчитывал Мингерр Ван-Коек и этою мыслью дельной был занят; как вдруг появился к нему Ван-Смиссон, хирург корабельный. То был господин сам, как щепка сухой; а нос угреватый, багровый. «Ну, что мои детки? — спросил Ван-Коек, — что черные? все ли здоровы?» И доктор сказал: «Честь имею донесть, что мы, к сожаленью, в потере: усилилась смертность в последнюю ночь меж ними в значительной мере. В день по двое гибло их средним числом, а нынче мы семь потеряли: четыре мужчины, и три женщины вдруг... отметил я убыль в журнале. Все трупы я тщательно сам осмотрел: порой плутовскому народу прикинуться мертвым приходит на мысль, чтоб только их бросили в воду. Оковы я снял с мертвецов, и потом, как это устроено мною, все трупы я выкинуть в море велел ранехонько утром с зарею! Посмотришь, уж целая

стая акул шныряет, отколь ни взялася: мои ведь нахлебники это, они так падки до черного мяса. С тех пор, как мы отплыли, гнались они за нами с какою-то страстью, уж чуют у нас мертвечину, скоты, и жадною чавкают пастью. Забавно глядеть, как порой этот зверь несчастные трупы хватает: тот голову цапнет, тот ногу порой, а этот обрывки глотает. Как все уж поглотят, — вокруг корабля теснится, ликует их стая: таращат глаза на меня, будто мне за завтрак любовь изъявляя». Но грустно прервал его речь Ван-Коек: «Какое же злу облегченье? В виду возрастающей смертности сей, какое принять нам решенье?» — «Да черные сами, — хирург отвечал, — виною, что так умирают: в каюте им тесно, а воздух они дыханьем еще заражают. Притом в меланхолии многие мрут, тоска их смертельная гложет, но музыка, пляска и воздух, как раз, все это в болезни поможет». «Совет превосходный, — вскричал Ван-Коек: — мой доктор искуснее втрое, чем сам Аристотель, имевший своим птенцом Александра героя. Да, музыки, музыки! Черных плясать на палубе здесь принудим, а кто заупрямится прыгать, того и плеткою пользовать будем».

II.

В далекой и ясной тверди голубой несчетные звезды мерцают, большие и умные; негой они, как очи красавиц, сияют. Глядят на широкое море с небес, светя фосфорическим блеском, далеко пурпурное льется оно с чуть слышным и сладостным плеском. Как будто совсем расснащенный корабль недвижен, и парус не бьется: — на палубе только блестят фонари и музыки гул раздается. Там штурман усердно на скрипке гудит; стал повар неволею флейщик, и юнга гремит в барабан, а в трубу там трубит наш доктор, затейщик; до сотни невольничьих дев и мужчин ликуют и в диком веселье кружатся и скачут; при каждом прыжке в такт музыке цепи звенели... А maître des plaisirs все глядит палачом: имея веселье в предмете, ленивых танцоров не раз понукал он бойко ударами плети.

(Из Гейне; перев. В. Водовозова).

ШОССЕ И ОБЫКНОВЕННАЯ ДОРОГА.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у бога;
Ты вдаль протянулась, пряма, как стрела,
Широкою гладью, что скатерть, легла.
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты меряна мерой, трудами добыта!..
В тебе, что ни шаг, то мужик работал:
Прорезывал горы, мосты настилал:
Все дружною силой и с песнями взято, —
Вколачивал молот, и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!
Чего он не сможет, лишь было б терпенье,
Да разум, да воля, да божье хотенье!
А с каменной рядом, поодаль немножко, —
Окольная вьется живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Без званья ли ты, иль со званьем слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвам и долинам, чрез речку и гору.
Не много ты места себе отняла:
Простором тележным легла, где могла!
Тебя не равняли топор и лопата;
Мягка ты копыту, и пылью богата,
И кочки местами, и взрежет соха...
Грязна ты в ненастье, а в вёдро суха!

И. Аксаков.

КТО ОН?

Лесом частым и дремучим, по тропинкам и по мхам, ехал всадник, пробираясь к светлым невским берегам. Только вот — рыбачья хата; у реки старик стоял, челн осматривал дырявый, и бранился, и вздыхал. Всадник подле — он не смотрит. Всадник молвил: «Здравствуй, дед», а старик в сердцах чуть глянул на приветствие в ответ. Все ворчал себе он под нос: «Поздоровится тут, жди. Времена уж не такие... жди да

у моря сиди. Вам ведь все ничто боярам, а челнок для рыбака — тож, что бабе веретена, али конь для седока. Шведы ль, наши ль шли тут утром, кто их знает. Ото всех нынче пахнет табачищем... ходит в мире, ходит грех! Чуть кого вдали завидишь, — смотришь, в лес бы... Ведь грешно!.. Лодка, вишь, им помешала и давай рубить ей дно... Да, уж стала здесь сторонка за теперешним царем... Из-под Пскова ведь на лето промышлять сюда идем». Всадник прочь с коня, и молча, за работу принялся: живо дело закипело и поспело в полчаса. Сам топор вот так и ходит, так и тычет долото — и челнок на славу вышел, а ведь был, что решето. «Ну, старик, теперь готово! хоть на Ладогу ступай, да закинуть сеть на счастье, на Петрово, попытай». «На Петрово? Эко слово молвил, — думает рыбак, — с топором гляди, как ловок... а по речи... Как же так?..». И развел старик руками, шапку снял и смотрит в лес, смотрит долго в ту сторонку, где чудесный гость исчез.

А. Майков.

ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

С радости-веселья хмелем кудри вьются; ни с какой заботы они не секутся. Их не гребень чешет — золотая доля; завивает в кольцы молодецка удаль.

Не родись богатым, а родись кудрявым: по щучьему веленью все тебе готово. Чего душа хочет — из земли родится: со всех сторон прибыль ползет и валится. Что шутя задумал, — пошла шутка в дело; а тряхнул кудрями, — в один миг поспело. Не возьмут где лоском, возьмут кудри силой; а что худо — смотришь, по воде поплыло!

Любо жить на свете молодцу с кудрями, весело на белом с черными бровями! Во-время да в пору, медом реки льются и с утра до ночи песенки поются.

Честь и слава кудрям! Пусть их волос вьется — с ними все на свете ловко удается! Не под шапку горе голове кудрявой! — Разливайтесь, песни! ходи, парень, браво!

А. Кольцов.

НИЩИЕ.

И вечерней, и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа ради на помощь зовет.
Надевает ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за труд, —
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!
Не откажут тебе в подаяньи.
Не умрешь ты без крова зимой, —
Жаль разумное божье созданье,
Человека в грязи и с сумой!

И. Никитин.

КАПИТАН БОН.

На корабле купеческом Медузе, который плыл из Лондона в Бостон, был капитаном Боп, моряк искусный, но человек не добрый: он своих людей так притеснял, был так бесстыдно развратен, так ругался дерзко всякой святыней, что его весь экипаж смертельно ненавидел; наконец, готов был вспыхнуть бунт и капитану бы не сдобровать... но бог решил иначе. Вдруг занемог опасно капитан: над кораблем команду принял штурман; больной же, всеми брошенный, лежал в каюте, экипаж решил, чтоб он без помощи издох, как зараженный чумой, и это с злобным смехом было ему объявлено. Уж дня четыре, снедаемый болезнью, лежал один он, и никто не смел к нему войти, чтобы хоть каплей воды его язык иссохший освежить, иль голову повисшую его подушкой подпереть, иль добрым словом его больную душу ободрить: он был один, и страшно смерть глядела ему в глаза. Вдруг слышит он однажды, в дверь его вошли и что ему сказал умильный голос: «каковы вы, капитан?» То мальчик Роберт был, ребенок лет двенадцати; ему стало жалко капитана, но на вопрос больной сурово отвечал: «Тебе какое дело? убирайся прочь!». Однако на другой день

мальчик снова вошел в каюту и спросил: «Не нужно ли чего вам, капитан?» — «Ты это, Роберт?»—чуть слышным голосом спросил больной. — «Я, капитан». — «Ах, Роберт, я страдал всю ночь». — «Позвольте мне, чтоб я умыл вам руки и лицо, вас это может немного освежить». — Больной кивнул в знак своего согласья головой. А Роберт, оказав ему услугу любви, спросил: «Могу ли, капитан, теперь обрить вас?» Это тоже было ему позволено. Потом больного Роберт тихонько приподнял, его подушки поправил; наконец, смелее ставши, сказал: «Теперь я напою вас чаем». И капитан спокойно соглашался на все; он глубоко вздыхал и с грустной улыбкой на мальчика смотрел. Уверен будучи, что от своих людей он никакого милосердия надеяться не должен, в злобе сердца решился он ни с кем не говорить ни слова. Лучше умереть сто раз, думал он, чем от них принять услугу. Но милая заботливость ребенка всю внутренность его поколебала, непримиримая его душа смягчилась и в глазах его, дотоле свирепо мрачных, выступили слезы. Но дни его уж были сочтены, он, видимо, слабел и, наконец, уверился, что жизнь его была на тонком волоске, и ужас душу его схватил, когда предстали разом ей смерть и вечность; с страшным криком совесть проснулась в нем; но ей не поддалась бы его железная душа; он молча бы покинул свет, озлобленный, ни с кем не примиренный, если б милый голос ребенка, посланного богом, вдруг его не пробудил. И вот, однажды, когда, опять к нему вошедши, Роберт спросил: «Не лучше ли вам, капитан?» — он простонал отчаянно: «Ах, Роберт, мне тяжело, с моим погибшим телом становится ежеминутно хуже. А с бедной моей душой!.. Что мне делать? Я великий нечестивец! Меня ждет ад, я ничего иного не заслужил: я грешник, я навеки погибший человек». — «Нет, капитан, вас бог помилует, молитесь». — «Поздно молиться, для меня уж боле нет надежды на спасенье. Что мне делать? Ах, Роберт, что со мною будет».—Так свое дотоль бесчувственное сердце он исповедывал перед ребенком, и Роберт делал все, чтобы возбудить в нем бодрость, —

но напрасно. Раз, когда попрежнему вошел в каюту мальчик, больной, едва дыша, ему сказал: «Послушай, Роберт, мне пришло на ум, что, может быть, на корабле найдется евангелие, попробуй, поищи». И подлинно, евангелие нашлося. Когда его больному подал Роберт, в его глазах сверкнула радость. — «Роберт, сказал он, это мне поможет, верно поможет. Друг, читай; теперь узнаю, чего мне ждать и в чем мое спасенье. Сядь, Роберт, здесь; читай: я буду слушать».— «Да что же мне читать вам, капитан?» — «Не знаю, Роберт: я ни разу в руки не брал евангелия, читай, что хочешь, без выбора, как попадется». Роберт раскрыл евангелие и стал читать, и два часа читал он. Капитан, к нему с постели голову склонив, его с великой жадностью слушал: как утопающий за доску, он за каждое хватался слово, но при каждом слове молнией страшной душа в нем озарялась: он вполне все недостоинство свое постигнул, и правосудие творца предстало ему с погибелью неизбежной, хотя и слышал он святое имя спасителя, но верить он не смел спасению. Оставшись один, во всю ту ночь он размышлял о том, что было читано; но в этих мыслях его душа отрады не нашла. На следующий день, когда опять вошел в каюту Роберт, он сказал: «Мой друг, я чувствую, что мне земли уж не видать, со мной дело идет к концу поспешно, скоро буду я брошен через борт, но не того теперь боюся я... Что с моей душой, с моей бедной душой будет! Ах, Роберт, я погиб, погиб на веки! Не можешь ли помочь мне? Помолися, друг, за меня. Ведь ты молитвы знаешь?» — «Нет, капитан, я никакой другой молитвы, кроме «Отче наш», не знаю; я с матерью вседневно поутру и ввечеру ее читал».—«Ах! Роберт, молись за меня, стань на колени, проси, чтоб бог явил мне милосердие, за это он тебя благословит. Молись, друг, молись о твоем отверженном безбожном капитане». Но Роберт медлил, а больной его просил и убеждал, ежеминутно со стоном восклицая: «царь небесный, помилуй грешника меня!» И оба рыдали. — «Ради бога, на колени стань, Роберт, и молись за меня». И увлеченный жалостью, мальчик

стал на колени, и, сложивши руки, в слезах воскликнул: «Господи, помилуй ты моего больного капитана. Он хочет, чтоб тебе я за него молился, — я молиться не умею. Умилосердись ты над ним; он, бедный, боится, что ему погибнуть должно. Ты, господи, не дай ему погибнуть. Он говорит, что быть ему в аду. Ты, господи, возьми его на небо, он думает, что дьявол овладеет его душой. Ты, господи, вели, чтоб ангел твой вступился за него. Мне жалок он, его, больного, все покинули, но я, пока он жив, ему служить не перестану; только спасти его я не умею; сжалься над ним ты, господи, и научи меня молиться за него». Больной молчал, невинность чистая, с какою ребенок за него молился, всю его проникла душу; он лежал недвижим, стиснув руки, погрузив в подушки голову, и слез потоки из глаз его бежали. Роберт, кончив свою молитву, вышел; он был также встревожен; долго он, едва дыханье переводя, на палубе стоял и, перегнувшись через борт, смотрел на волны. Ввечеру он, возвратившись к больному, до ночи ему читал евангелие, и капитан его с невыразимым слушал умиленьем. Когда же Роберт на другое утро опять явился, он был поражен, взглянув на капитана, переменой, в нем происшедшей: страх, который так усиливал естественную дикость его лица, носившего глубоких страстей и бурь душевных отпечаток, исчез; на нем сквозь покрывало скорби, сквозь бледность смертную сияло что-то смиренное, веселое, святое, как будто луч той светлой благодати, которая от бога к нам на вопль молящего раскаянья нисходит. «Ах, Роберт», — тихим голосом больной сказал, — «какую ночь провел я! Что со мною было, я того, мой друг, словами выразить не в силах. Слушай: когда вчера меня оставил ты, я впал в какой-то полусон: душа была полна евангельской святыней, которая проникнула в нее, когда твое я слушал чтение; вдруг перед собою, здесь, в ногах постели, увидел я — кого же? Самого спасителя Христа: он пригвожден был ко кресту, и мне показалось, что будто встал я и приполз к его ногам и закричал, как тот слепой, о коем ты

читал мне: «сын Давидов, Иисус Христос, помилуй!» И тогда мне показалось, будто на меня — да, на меня, мой друг, на твоего злодея капитана, он взглянул... О, как взглянул! Какими описать словами этот взгляд! Я задрожал, вся к сердцу кровь прихлынула, душа наполнилась тоскою смерти; в страхе, но и с надеждой, я к нему поднять осмелился глаза... и что же? Он, да, Роберт!.. Он отверженному мне с небесной милостью улыбнулся! О, что со мною сделалось тогда! На это слов язык мой не имеет. Я на него глядел... глядел... и ждал... чего я ждал? Не знаю, но о том мое трепещущее сердце знало. А он с креста, который весь был кровью, бежавшею из ран его, облит, смотрит так благостно, с такой прискорбной и нежной жалостью на меня... И вдруг его уста пошевелились, и я его услышал голос... чистый, пронзающий всю душу, сладкий голос, и он сказал мне: «ободрись и веруй!» От радости разорвалося сердце в моей груди, и я перед крестом упал с рыданием и криком... но видение исчезло: и тогда очнулся я; мои глаза открылись... Не сон ли это был? Нет, не сон. Теперь я знаю: тот меня спасет, кто ко кресту за всех и за меня был пригвожден; я верую тому, что он сказал на вечере святой, переломивши хлеб и вливши в чашу вино во оставление грехов. Теперь уж мне не страшно умереть: мой искупитель жив, мои грехи мне будут прощены. Выздоровленья не жду я более и не желаю; я чувствую, что с жизнью расстаться мне должно скоро, и ее покинуть теперь я рад»... При этом слове Роберт, дотоле плакавший в молчании, вдруг с рыданьем воскликнул: «Капитан, не умирайте, нет, вы не умрете». На то больной с усмешкой отвечал: «Не плачь, мой добрый Роберт; бог явил свое мне милосердие, и теперь я счастлив, но тебя мне жаль, как сына родного жаль, ты должен здесь остаться на корабле меж этих нечестивых людей, один неопытный ребенок... С тобой будет то же, что со мной. Ах! Роберт, берегись, не попади на страшную мою дорогу: видишь, куда ведет она. Твоя любовь ко мне была, друг милый, велика, тебе я всем обязан, ты мне богом был пос-

лан в страшный час... ты указал мне, и сам того не зная, путь спасенья, благослови тебя за то всевышний! Другим же всем на корабле скажи ты от меня, что я прошу у них прощенья, что я сам их всех прощаю, что я за них молюсь». Весь этот день больной провел спокойно, он с глубоким вниманием слушал евангелие. Когда же настала ночь, и Роберт с ним простился, он с благословением, любовью и грустью проводил его глазами до дверей каюты. Рано на следующий день приходит Роберт в каюту; двери отворив, он видит, что капитана нет на прежнем месте: поднявшись с подушки, он приполз к тому углу, где крест ему во сне явился. Там, к стене оборотясь лицом, в дугу согнувшись, головой припав к постели, крепко стиснув руки, лежал он на коленях. Увидя то, встревоженный Роберт остановился в дверях каюты. Он глядит и ждет, не смея тронуться, минуты две прошло... И вот он, наконец, шепнул тихонько: «капитан!» — ответа нет. Он два шага ступив, шепнул опять погромче: «капитан!» — но тихо все, и все ответа нет. Он подошел к постели. «Капитан!» сказал он вслух. Попрежнему все тихо. Он рукой его ноги коснулся: холодна нога, как лед. В испуге закричал он громко: «капитан!» и за плечо его схватил. Тут положенье тела переменилось: медленно он навзничь упал, и тихо голова легла сама собою на подушку, были глаза закрыты, щеки бледны, вид спокоен, руки сжаты на молитву.

В. Жуковский.

БЭДА-ПРОПОВЕДНИК.

Был вечер. В одежде, измятой ветрами,
Пустынной тропою шел Бэда слепой;
На мальчика он опирался рукой,
По камням ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругом:
Одни только сосны росли вековые,
Одни только скалы торчали седые,
Косматым и влажным одетые мхом.

Но мальчик устал; ягод свежих отведать,
Иль просто слепца он хотел обмануть:
«Старик, — он сказал, — я пойду отдохнуть,
А ты, если хочешь, начни проповедать: —
С вершин увидали тебя пастухи,
Какие-то старцы стоят на дороге,
Вон, жены с детьми, говори им о боге,
О сыне, распятом за наши грехи».
И старца лицо просияло мгновенно.
Как ключ, пробивающий каменный слой,
Из уст его бледных живою волной
Высокая речь потекла вдохновенно...
Без веры таких не бывает речей.
Казалось — слепцу в славе небо являлось;
Дрожащая к небу рука поднималась
И слезы текли из потухших очей.
Но вот уж сгорела заря золотая
И месяца луч бледный в горы проник,
В ущелье повеяла сырость ночная...
И вот, проповедая, слышит старик —
Зовет его мальчик, смеясь и толкая:
«Довольно, пойдем! никого уже нет...».
Замолк грустно старец, главой поникая,
Но только замолк он — от края до края
«Аминь!» ему грянули камни в ответ.

Я. Полонский.

КУБОК.

«Кто, рыцарь ли знатный, иль латник простой
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».
Так царь возгласил,— и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.

— Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?
Но рыцарь и латник недвижны стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчаньи на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»
И все безответны... Вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко — вперед;
Он снял епанчу и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы, и рыцари мыслят безгласны:
«Ах, юноша! Кто ты? Куда ты, прекрасный?»
И он подступает к наклону скалы,
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя в вышину;
И волны спирались, и пена кипела,
Как будто гроза, наступая, ревела.
И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною, и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?
И вдруг, успокоясь, волненье легло,
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.
И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бога призвал,
И дрогнули зрители, все возопив:
«Уж юноша в бездне пропал!»
И бездна таинственно зев свой закрыла,
Его не спасет никакая уж сила!
Над бездной утихло... в ней глухо шумит...

И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Все тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданьем ноет.
«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит со мной, —
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.
Не мало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой,
Как будто роптанье грозы недалекой.
И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.
Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из воды —
И борется, спорит с волной...
И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.
И долго дышал он, и тяжко дышал,
И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «он жив!» повторял...
«Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».
Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал,
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал

Дать юноше кубок с струей винограда,
И в сладость была для него та награда.
«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смирись;
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.
Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.
Но богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был,
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла,
В бездонное влага его не умчала.
И смутно все было внизу подо мной,
В пурпуровом сумраке там.
Все спало для слуха в той бездне глухой,
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.
Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб.
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.
И был я один с неизбежной судьбой
От взора людей далеко.
Один меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли глубоко,
Без звуков живых человечьего слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.
И я содрогался... вдруг слышу: ползет

Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы...
То было спасеньем: я схвачен приливом,
И выброшен вверх водомета порывом».
Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой,
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морского».
То слыша, царевна с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади.
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова».
Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротишься ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою!»
В нем жизнью небесной душа зажжена:
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она,
Он видит: в ней жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...
Утихнула бездна... и снова шумит
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царевна глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно:
А юноши нет, и не будет уж вечно!

В. Жуковский.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.
Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.
Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем,
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.
Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.
Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок;
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.
И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год;
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.
Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.
Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится,
И быстро пускается в путь.
Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына,
И старую гвардию он.
И только-что землю родную

Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.
На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-гренадеры
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.
И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:
Зовет он любимого сына,
Опору в превратной судьбе,
Ему обещает полмира,
А Францию только — себе.
Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И, долго его поджидая,
Стоит император один, —
Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток.
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.
Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет, и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

М. Лермонтов.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.
— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, Лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой.
— О, нет, то белеет туман над водой.
«Дитя, оглянися, младенец, ко мне!
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».
— Родимый, Лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.
«Ко мне, мой младенец; в дубраве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять!»
— Родимый, Лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
— О, нет все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне.
«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей, иль волей, а будешь ты мой!»
— Родимый, Лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать!

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит,
Ездок погоняет, ездок доскакал —
В руках его мертвый младенец лежал.

В. Жуковский.

УТОПЛЕННИК.

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».

— Врите, врите, бесенята,
Заворчал на них отец:
Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!
Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего! Хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...

Где-ж мертвец? — «Вот, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.
Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец:
Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит...
И потопленное тело
В воду за ноги тащит.
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой;

Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то, поколочу».
В ночь погода зашумела,
Взволновалася река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика.
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит;
Буря воет; вдруг он внемлет,
Кто-то там в окно стучит.
«Кто там?» — Эй, впусти, хозяин!
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно» —
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? Голый — перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим;
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.
И мужик окно захлопнул;
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «чтоб ты лопнул!»,
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра все стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

А. Пушкин.

ОТДЕЛ II.

ПРОЗА.

ПШЕНИЦА И ПЛЕВЕЛЫ.

(Притча)

Послал однажды хозяин работников своих в поле и приказал им засеять его пшеницей. Работники, засеяв поле, легли отдохнуть и заснули; когда же они спали, пришел на поле недруг их хозяина и посеял между пшеницей плевелы. Взошла и выросла пшеница; взошли и выросли плевелы. Работники скоро заметили их, пришли к хозяину и сказали ему: «Господин, между пшеницей выросли плевелы, не сходить ли нам на поле и не повырывать ли их?» — «Нет, не ходите, — отвечал им хозяин, — вырывая плевелы, вы нечаянно можете вырвать и пшеницу; пускай они растут вместе, пока придет жатва. Когда же придет время жатвы, тогда я прикажу моим жнецам собрать отдельно плевелы и, связав их в снопы, сжечь, — а пшеницу перевезти ко мне в житницу».

ВОСПИТАНИЕ.

Ребенок видел, как отец посадил в своем саду дикую лесную яблоньку. «Зачем ты это делаешь? — спросил он отца, — вот уж такому негодному деревцу я бы не дал места в саду».

— А почему ты знаешь, что это деревцо никуда не годится? — спросил отец.

«Это видно с первого взгляда», — отвечал мальчик.

— Да, оно конечно, мало и незавидно, но в нем скрывается большая сила и со временем оно может вырасти и приносить плоды.

Через несколько времени мальчик опять увидел, что отец его заботливо возится около новой яблоньки: ставит колья, привязывает к ним одни ветки, а другие срезывает.

«Зачем ты не даешь деревцу расти свободно?» — спросил мальчик.

— Затем, чтобы ветер его не сломал и чтобы оно могло расти прямо и стройно.

Потом отец вскопал землю около корня и окружил деревцо кольями, чтобы скот не мог его сломать.

— Посмотри, — сказал он сыну, — как я люблю это молодое деревцо, а люблю я его за ту жизненную силу, которая в нем скрыта, и о ней-то я хлопочу и забочусь.

На следующую весну отец пришел к деревцу с отростком, срезанным с другой, хорошей яблони, и с ножом в руках: он разом срезал всю верхушку молодого деревца.

«Что ты делаешь, — вскричал мальчик в испуге, — теперь все труды твои пропали даром».

Но отец улыбнулся, расколол немного ствол деревца, и, всадив в него принесенную им веточку, заклеил разрез замазкой и тщательно обвязал тряпкой.

— Вот видишь ли, — сказал он сыну, когда работа была кончена, — если б дерево осталось в лесу, оно было бы и криво и сучковато, и приносило бы со временем такую кислицу, которой есть было бы невозможно. Но я позаботился, чтобы оно росло прямо, а теперь, при наступлении весны, дал скрытым в нем силам новое, лучшее направление, прищепив к нему веточку от хорошего дерева, плоды которого уже известны.

Скоро молодое деревцо выросло, пустило новые ветви и покрылось почками и цветами, а к осени ветки его уже гнулись под тяжестью больших румяных яблок.

— Ну, что скажешь теперь? — спросил отец сына.

«Ах, — отвечал тот, — какое это прекрасное, благородное дерево, труды твои не пропали даром».

— Дай бог, — продолжал отец, — чтобы ты так же отблагодарил меня за заботы о твоем воспитании.

ОТЦОВСКИЙ ДОЛГ.

Происшествие, о котором я веду свой рассказ, не вымышленное: я слышал его от достоверных людей. Случилось оно в Московской губернии, кажется, в Звенигородском уезде.

Жил-был один крестьянин, не то чтоб зажиточный, а хорошим домом, человек работящий и честный. Кроме жены, семья его состояла из трех дочерей да сына-молодца. В животе, в смерти бог волен: кажись, крепок был наш Захар Антонов, а вдруг свалился и отдал богу душу. Новая изба, которую начал было он строить, собираясь женить своего Ваню, осталась недоконченной, — и долгов нашлось на нем немало: соседям — кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у которого забирал он кое-какой товар, без малого пятьсот. Деньги браны были, как водится у простого народа, на честном слове, без векселей и заемных писем. Должник умер, кажется, и делу бы конец, ан нет, по крестьянскому разумению отдать надобно, честное имя должно остаться незапятнанным. Пристают кредиторы ко вдове, один даже грозит пожаловаться начальству... «Подождите, кормильцы, — молит она — вот управлюсь маленько с делами, к Петрову дню телят пару, да лошадь продам»... Куда — и слышать не хотят. Что делать? Словно нож в сердце было слышать Ивану Захарову, как корят память отца: так и думается ему, что при всяком попреке ворочаются в могиле старые кости... «Эх-ма!»... и задумал он что-то.

По губернии объявлен был рекрутский набор; в деревне, где жил Иван, черед выставлять рекрута пал на один семьянистый, но богатый дом. Приходится отдавать одного из троих взрослых парней. Рады бы они нанять охотника, да негде взять: время горячее, спеш-

ное. — «Да не возьмешь ли меня?» — спрашивает вдруг Иван Захаров у соседа.

— Иль шутить вздумал, Ванюха? — проговорил тот с сердцем. — «Какие шутки, пойду я за твою семью служить богу и великому государю». — «Да как же, любезный ты мой, мать-то твоя... того... ведь ты один у нее, как перст... «Ну, уж это мое дело. Сколько же дашь?» — Ах, родной, выручи. Тысячу рублев новенькими бумажками тебе отсчитаю, избу дострою. — — «Эва, дешево больно! Мне непременно надо две, и копейки не уступлю». — Побойся бога, Ваня, разорить хочешь. — «Вот то-то и есть, дядя Герасим: за пару хороших коней, что ездят у тебя в Москве, заплатил почесть тысячу, а тут... Не бойсь, не оскудеешь!»

И как ни жался Герасим, а должен был порешить с охотником на двух тысячах.

Иван Захаров немедленно же отправился в город, к главному кредитору своего отца. «Что, привез деньги?» — спрашивает тот. — Со мной теперь нет, а извольте завтрашний день придти вот в такой-то дом, и получите, что следует. Только лишь расписочку изготовьте. — «Ладно».

И прочим кредиторам повестил он то же самое.

На другой день все они появились в рекрутское присутствие. Глядь, Иван, в чем мать родила, стоит уж в приемной: дошла очередь и до охотника. Присутствующие начали рассматривать список.

— Как же, брат, ты один сын у матери, а продаешься в солдаты? — спросил у Ивана один из членов присутствия.

— Так следует, ваше благородие.

— Как следует? Что-нибудь, да не так. Позвать сюда мать.

Старушка подошла, вся в слезах; за ней три дочери, тоже заплаканные.

— Верно забубенная голова твой сын? — говорят ей.

— Избави бог, батюшка, ваше сиятельство, он у меня послушливей овечки...

— Ну так, знать, дело не спорится у него?

— Да работящей его во всей деревне нет... Да я бы, ваше благородие, скорее живая легла в могилу, чем расстаться с ним... да вот долг-то... Вишь, он не хочет: баит, успокою батюшку...

— Какой долг?

— Матушка, — крикнул Иван, прерывая мать, которая начала было свой рассказ, — полно плакать-то!.. А вы, ваше благородие, не извольте беспокоиться на счет этого. Матрене, сестре моей, вот что стоит перед вашей милостью, семнадцатый год пошел, а к Красной Горке она и невеста. Мы уж и ударили по рукам с одним бобылем, принимаем его к себе в дом, он малый знатный, у кого хотите извольте спросить. Так уж не беспокойтесь... А я, осмелюсь доложить, по усердию иду на царскую службу!

Делать нечего, поставили охотника в меру, и крикнуло несколько голосов: лоб!

Получив от покупщика деньги, Иван Захаров позвал к себе отцовских кредиторов. «Вот тебе, Степан Кузьмич, пятьсот рублев, ты, сват Андрей, получай свои без четверти двадцать пять»... тому столько-то, этому столько и расплатился со всеми до последней копейки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги: иные стали отговариваться, не брать; кто предлагает их ему на дорогу. «Ничего не надо мне, родимые: деньги не мои, а батюшкины; не поминайте же его лихом, не говорите, что заел чужое добро... А уж коли кто хочет наградить меня, так пусть запишет имя раба божия Захария в свое поминанье, да отслужит по нем панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чем не прошу. Да вот, если матушке случится какая нужда...». — Не покинем сирот, — отвечали в один голос все заимодавцы.

После расплаты остается у молодого рекрута только два полуимпериала. Один отдает он матери, другой сестре на новую шубу, как пойдет замуж.

— Голубчик, Ваня, с чем же ты сам-то останешься, — со слезами промолвливает мать.

— Меня будет кормить сам надежа-государь. С деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговор? В побывку скоро приду... Благослови меня, родная!

Рыдая, сняла с груди своей осиротелая мать медный крест и надела его на своего ненаглядного. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпело ретивое, — заплакал и он, и замерли оба, обняв друг друга.

Весть о необыкновенном доказательстве сыновней любви тотчас же дошла до присутствующих: начальству сделано было особенное представление — и молодцеватый собой Иван Захаров поступил в царскую гвардию.

И. Кокорев.

БЕЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК.

За городом, у самой дороги, стоял хорошенький хуторок, окруженный прекрасным садом. В саду был богатый цветник с гордыми, блестящими цветами; а на валу, окружавшем сад, в густой зеленой траве рос, ни для кого незаметно, самый скромный маленький дикий цветочек с белыми лепестками, с золотым сердечком. Доброе солнце освещало и грело его с такой же любовью, как и великолепные цветы в прекрасных клумбах. Дикий, беленький цветочек не думал о том, что на его долю выпала такая скромная жизнь: был доволен своей судьбой, поворачивал свою головку за солнцем, любуясь его блеском, и заслушивался серебряных трелей жаворонка, вьющегося высоко в воздухе.

В одно светлое утро маленький цветочек был так счастлив, как будто бы для него наступил великий праздник, а между тем, это был только понедельник, и все дети сидели в школе; но тогда, как они сидели на своих скамьях и учились, беленький цветочек также сидел на своем беленьком стебельке и также учился у греющего солнца и у всего, что видел вокруг, учился, как добр и милостив создатель. Беленькому цветочку казалось, что маленький жаворонок в своих звонких песнях выражал прекрасно эти же самые чувства, и

цветочек с благоговением смотрел на счастливую птичку, которая могла петь и летать, и нисколько не огорчался, что сам остается на одном месте и не имеет такого прекрасного голоса. «Я слышу и вижу все это, — думал цветочек: солнце освещает меня и греет, ветер целует мои лепестки... О, как я счастлив!».

В саду возвышалось очень много важных цветов, и чем меньше у них было запаха, тем более они важничали. Яркокрасные пионы раздувались изо всех сил, чтобы быть больше и пышнее роз, но величина и пышность не сделают еще пиона розой. Яркоцветные, пестрые тюльпаны знали очень хорошо, что они красивы, и держались прямо, чтобы все могли любоваться их красотой. Они, конечно, не замечали, что там, на валу, цветет маленький цветочек, но зато он смотрел на них во все глаза,— смотрел и думал: «Как они богаты и прекрасны! к ним, наверное, к ним слетит чудная птичка. Слава богу, что я расту так близко и могу видеть все это». В самом деле, крик птички раздался близехонько, и она спустилась наземлю,...только не к величественным пионам и не к гордым тюльпанам, а в зеленую траву, около самого беленького цветочка, у которого от счастья занялось дыхание.

Маленькая птичка весело прыгала вокруг цветка, прыгала и щебетала: «Ах, какая мягкая, зеленая, какая свежая травка! ах, какой хорошенький, миленький цветочек, сердечко золотое, платье серебряное!»

Как был счастлив маленький, беленький цветочек, я и рассказать вам не могу: о, как он был счастлив! Жаворонок осторожно клюнул носиком в самую середину цветочка, прощебетал что-то милое, очень милое, вспорхнул и снова полетел в голубую высь.

Прошло верно не менее получаса, пока цветочек успел опомниться от своего счастья. Ему даже было немножко стыдно, но каждый листочек его трепетал от восторга. Боязливо взглянул цветочек на гордые тюльпаны: они видели, какое счастье выпало на долю беленького цветочка, и должны понимать, какой радостью бьется его золотое сердечко.

Но тюльпаны стояли попрежнему прямо и, верно от зависти, краснели еще больше, и от досады подымали свои головы еще выше. Какое счастье, что тупоголовые пионы не могут говорить, а то бы они наговорили много дерзостей маленькому беленькому цветочку. Счастливцу казалось, что пышные цветы не в духе, и он от всей души пожалел о них.

В это самое время пришла в сад девушка с острым блестящим ножом в руках, пошла прямо к тюльпанам и посрезывала их гордые головы.

— Ох! — почти вскрикнул беленький цветочек: как это страшно: теперь для них все кончено!

Цветочек радовался, что спрятан в траве и что он не более, как простой беленький цветочек, а когда зашло солнце, свернул свои листки и спокойно заснул. Но и во сне он видел солнце и милую птичку. Утром беленький цветочек, полный счастья, снова распустил свои серебряные лепестки и скоро услыхал пение жаворонка. Но, боже мой, какую печальную песню пела теперь птичка! И было чего печалиться: бедный жаворонок попался в клетку, которая висела у открытого окна. Птичка оплакивала свою свободную и счастливую жизнь, открытое поле, и с тоской вспоминала, как свободно порхала она еще вчера в чистом синем воздухе. Бедная птичка была в самом дурном расположении духа: она сидела в клетке.

Маленький беленький цветочек желал от всей души помочь бедной птичке, но трудно было что-нибудь придумать. Цветочек позабыл, как все вокруг него прекрасно, позабыл даже яркое теплое солнышко, и думал только о пленной птичке, которой не мог помочь ничем, — решительно ничем.

В это самое время вошли в сад два мальчика, и в руках одного из них блестел тот самый острый нож, которым девушка срезала вчера головы гордым тюльпанам. Мальчики шли прямо к беленькому цветочку, но он решительно не понимал, что им от него нужно.

— Вот, где мы можем вырезать прекрасный кусок дерна для нашего жаворонка, — сказал один из мальчи-

ков и вырезал ножом из дерна четвероугольник, в средине которого остался и беленький цветочек.

— Сорви цветочек, — сказал другой мальчик, и беленький цветочек задрожал: ему так хотелось жить именно теперь.

— Зачем? — сказал первый мальчик, — он так мило выглядывает из зеленой травы». Беленький цветочек остался и был отнесен вместе с дерном в клетку к жаворонку.

Но бедная птичка громко оплакивала свою потерянную свободу, билась крылышками о железные прутья клетки; а беленький цветочек, несмотря на все желание, не мог сказать ей ни одного утешительного слова. Так прошло все утро.

«Здесь нет воды, — щебетала бедная птичка, — они все ушли и забыли оставить мне хоть одну каплю воды; горлышко мое пересохло, я вся горю, я не могу дышать; ах, я должна умереть, должна покинуть навсегда и теплое солнышко, и свежую зелень — все, все!» И птичка сунула свой носик в холодный кусок дерна, чтобы освежиться хоть немного: — тут она увидела знакомый беленький цветочек, поцеловала его в самое сердечко и сказала: «И ты должен здесь засохнуть, ты, бедный, маленький цветочек! Тебя и маленький кусочек зеленого дерна — вот все, что дали мне люди взамен целого мира. Ах, вы напоминаете мне только, как много я потеряла».

«Что же может тебя утешить? — думал с тоской беленький цветочек, но не мог двинуть ни одним листиком. Птичка однакоже поняла его мысль и, хотя от тоски и жажды вырывала она из дерна травку за травкой, но беленького цветочка не тронула.

Наступил вечер, и никто не принес воды бедной птичке. Она распустила свои длинные крылышки, упала, склонившись головой к цветочку, задрожала — и умерла от тоски и жажды. Беленький цветочек не мог уже, как вчерашний вечер, свернуть своих листочков и заснуть спокойно: он увял, и головка его печально повисла.

Только уже на другой день утром пришли мальчики, и когда увидали мертвую птичку, то горько заплакали и плакали долго; потом вырыли хорошенькую могилку, убрали ее цветами, положили птичку в хорошенький ящичек и зарыли в землю с большой почестью. Бедная птичка! Когда она жила и пела, все ее забывали, оставляя сидеть в клетке, заставляли терпеть голод и жажду, а теперь, когда она замолкла навсегда, ее оплакивают и убирают цветами.

Кусок дерна с увядшим беленьким цветочком выбросили из клетки на пыльную дорогу; никто не подумал о том, кто больше всех на свете любил маленькую птичку и так сильно желал ее утешить!

ГОСТИНИЦА В СТЕПИ.

В одну из тех декабрьских ночей, когда, как говорится, свету божьего не видно, а вьюга злится и воет, когда ставни дрожат, а старушка, сидя на лежанке, охает и крестится, — шел по безлюдной степи молодой студент семинарии; шел он на рождественские праздники из города, где учился, в село, в котором отец его был священником. От города до села было верст сорок. Студент вышел рано утром и к вечеру надеялся быть дома. Уже мечтал бедняк, как встретит его старик-отец, как обрадуется ему добрая мать, как заблестят глазки сестры, которую он очень любил, как выбегут к нему навстречу два младшие брата, для которых были у него в кармане две недорогие игрушки. Но с полудня началась метель, и студент, должно быть, сбился с дороги; потому что ночь уже наступала, а родимого села все еще не было видно.

Нехорошо было бедняку: темно, холодно; яростная вьюга била ему прямо в грудь и в лицо, засыпала его мокрым снегом. Она как будто задала себе задачу свалить с ног бедного молодого человека; а упади он только — и в полчаса она намела бы над ним страшный сугроб снегу.

Странник уже выбился из сил и едва передвигал ноги, сам не зная, куда идет; колени его подгибались, мысли путались, чувства переставали действовать: он почти ничего не видел, не слышал. Ему хотелось покориться своей судьбе: упасть на землю и заснуть, — заснуть, во что бы то ни стало; но он понимал еще смутно, что если поддастся этому желанию, то неминуемо погибнет. Еще минут десять, с отчаянием в душе, боролся он с непогодой, с усилием вытаскивал свои ноги из глубокого снега, но мало подвигался вперед. Наконец, он не выдержал и, поручив себя милосердию божию, в изнеможении упал на снег.

Погиб бы бедняк непременно, если бы чья-то сильная рука не подняла его и не повлекла насильно вперед. Без мысли, без чувства, машинально шел студент, куда влекла его невидимая рука, и минут через пять очутился перед огромным, ярко освещенным домом, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студент смутно ощущал, как неведомый благодетель взвел его на крыльцо, отворил перед ним двери светлого дома и почти втолкнул его в большую, теплую и освещенную комнату. Переход от глубокой тьмы к яркому свету был так неожиданен, что бедняк студент лишился чувств и непременно бы упал, но встретившие его люди поддержали его и усадили на диван.

Скоро студент почувствовал, как отрадная теплота начинает разливаться по его окоченевшим членам, и открыл глаза. Перед ним стояла прекрасная женщина; в своих теплых руках отогревала она его обледеневшие руки и глядела ему прямо в лицо так ласково и нежно, что бедняк полюбил ее с первого взгляда.

— Ты устал, бедняжка, и верно очень голоден, — сказала она студенту, — поди же за мной, я накормлю тебя.

Студент, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это был голос его матери. В роскошно-убранной, теплой и светлой комнате, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столов, а за столами пировало множе-

ство людей. Студенту было неловко войти в такое многолюдное собрание в своем старом, измокшем, изорванном платье, но, взглянув в большое зеркало, висевшее на стене, он увидел, что платье на нем было уже переменено, вероятно, в то время, когда он лежал без чувств.

— Вот место, которое я тебе приготовила, мой милый гость,—сказала прекрасная женщина студенту, подводя его к одному из столов и указывая на свободный прибор, — садись и кушай.

Студент не заставил себя долго упрашивать: он чувствовал сильный голод, и кушанья, которые подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама же она сидела против него, облокотясь на стол, и, казалось, наслаждалась его аппетитом; она предлагала ему одно блюдо за другим и, когда он уже был совершенно сыт, спросила его, не хочется ли ему еще чего-нибудь.

— Мне остается только благодарить тебя за твою доброту, за твою материнскую доброту. Скажи, как мне называть тебя, моя спасительница?

— Зови меня матерью, если это тебе нравится,—отвечала добрая женщина,—а я буду тебя звать сыном; но благодарить меня тебе не за что. Все, что я дала тебе, не мое: я сама здесь такая же гостья, как и ты. Но если в твоем сердце говорит благодарность, то обратись с ней к доброму господину этого дома, к тому, кто выстроил его для бедных странников пустыни, осветил, обогрел, приготовил в нем пищу и питье. Он-то и заметил тебя во мраке, подал тебе руку помощи, ввел сюда и поручил мне заботиться о тебе, как о родном сыне.

— Кто же господин этого дома и где найти его? Укажи мне его, матушка: сердце мое переполнено благодарностью.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сын мой, — сказала ему названная мать, — но господин этого прекрасного дома не показывается гостям, и никто из нас его не видал.

— Как же мне поблагодарить его?

— Мы его не видим, но он нас видит; он даже знает, что мы думаем и чувствуем, и теперь уже видит твою благодарность. Но мало быть благодарным на словах, должно быть благодарным на деле.

— Чем же я, бедный студент, — отвечал молодой человек, — могу отблагодарить хозяина такого роскошного дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мне, — не мое, — прибавил он, краснея.

— Не стыдись этого, сын мой. Здесь все, кого ты видишь, одеты и накормлены его щедрой рукой, все, что есть, принадлежит ему, но, тем не менее, ты можешь на деле показать свою благодарность господину дома.

— Скажи же скорее чем? Что я могу для него сделать? Я всем ему обязан — самой жизнью, и готов для него отдать ее.

— Он требует очень немногого, — сказала, улыбаясь, добрая женщина, — помни только всегда, что ты здесь гость, не бесчинствуй в его доме, веди себя как следует порядочному человеку в гостях; будь вежлив, ласков, услужлив с другими гостями и одолжай каждого из них, чем можешь, — вот и все, чего желает владыка дома.

— Боже мой, — отвечал студент, — да это долг каждого порядочного человека, который пришел в гости и знает, что такое вежливость. Но скажи мне, матушка, долго ли я могу пробыть в этом прекрасном доме? — прибавил молодой человек, невольно содрогаясь, потому что в это самое время он поднял глаза на окно, в которое смотрела со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебе еще рано думать об этом, — отвечала мать, — для каждого из гостей, рано или поздно, приходит время опять пускаться в путь; невидимый крылатый слуга господина является, налагает свою невидимую руку на того, кому уже пришел срок, и уводит его из дома навсегда. Но не бойся, милый сын мой, — прибавила она, заметив, что студент печально опустил голову, — у нашего господина не один, а множество таких пре-

красных домов. Подойди со мной к окну и взгляни без робости в эту непроглядную тьму. Видишь ли ты, сколько там, вдали, блестит огоньков? и числа им нет. Это все такие же дома, как и тот, в котором мы теперь гостим. Кто ведет себя, как следует порядочному гостю, того невидимый слуга владыки переносит мгновенно в один из этих прекрасных домов, но кто забывает обязанности гостя, того оставляет он блуждать в этой мрачной пустыне. Наш хозяин богат, могуч, мудр и добр — добр до бесконечности. Доверься ему, как доверяется сын любимому отцу, и он не покинет тебя ни здесь, ни там, — прибавила прекрасная женщина, указывая рукой на окно, за которым, посреди мрака пустыни, горели, как звездочки, тысячи ярких огоньков.

Сердце юноши исполнилось живой благодарностью и благоговением к невидимому владыке дома, и он жалел только об одном, что не может видеть его и со слезами благодарности припасть к его стопам.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названного сына:

— Живи, как он хочет, — сказала она, — не забывай его никогда и люби его, исполняй его волю, люби гостей его, как своих братьев, служи и помогай им, чем можешь, — и ты увидишь его самого, когда придет время.

— Но ты сама видела его? — спросил студент.

— Я уже сказала тебе, что никто из живущих здесь его не видал; мы все только гости, сменившие других гостей; пришли не надолго и уйдем скоро, уступая свое место другим.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мне?

— Прежде всего, — отвечала она, — мне сказало это мое собственное сердце. Я, так же как и ты, стала отыскивать, кого бы мне поблагодарить за жизнь в этом прекрасном доме, за тепло, за свет, за пищу, за все счастье, которое мы здесь испытываем: скоро нашла я почтенного старца, который живет здесь с тех самых пор, как выстроен этот дом, видел хозяина лицом к лицу и рассказывает о нем всем, кто только хочет слушать. Вот

этот старик, он идет сюда, я хочу тебя с ним познакомить.

В это время к ним подошел старик, седой, как лунь, но высокий и бодрый. Он был одет в поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые задумчивые глаза смотрели приветливо, хотя немного грустно; белая, как снег, борода, расстилалась по широкой груди.

— Святой отец, — сказала старику, целуя ему руку, названная мать студента, — вот сын мой; молю тебя, не оставь его, как не оставлял ты меня во всю мою жизнь здесь, научи его, чему меня учил, не допусти его сбиться с дороги и, когда ударит его час, приведи его к владыке дома; будь ему отцом, наставником и другом; замени ему меня: мой же час настал.

— Ты знаешь, — отвечал старик, глядя ласково на юношу, — что я никому не отказываю в своем совете и покровительстве; но ты знаешь также, что не все хотят ими пользоваться. Я надеюсь, впрочем, что сын твой будет похож на тебя, тогда мы не расстанемся с ним, и я сдам его с рук на руки крылатому слуге владыки.

— Нам пора расстаться, — сказала прекрасная женщина, обращаясь к студенту, — иди за святым отцом, не оставляй его ни на минуту: он покажет тебе все, что здесь есть. Люби его и слушайся, сын мой!

Голос женщины дрожал. Студент взглянул на нее: лицо ее было грустно и страшно-страшно бледно.

— Прощай, —сказала она ему, протягивая руку, холодную, как лед. — Если ты любишь меня, люби и слушайся его, — прибавила она, указывая на старика:— прощай, будь счастлив.

Студент хотел схватить руку прекрасной женщины— ему было смертельно жаль расстаться с ней; но ее уже не было: видно невидимый слуга владыки унес ее.

Как грустно, как тяжело стало бедному юноше! Он оглянулся вокруг, — все чужие, незнакомые лица; один только старик стоял перед ним и ласково смотрел на него.

— Пойдем, сын мой, — сказал он юноше, — я любил мать твою и, надеюсь, мы будем друзьями. Пойдем, я покажу тебе все, что здесь есть: полюбуйся и восхвали мудрость и доброту владыки этого дома. Не тоскуй о своей матери; слушайся меня, — и ты увидишься с ней, когда придет твое время.

Студент пошел за стариком по бесчисленным комнатам дома и был поражен и восхищен убранством, роскошью и красотой здания. Высокие потолки темносинего цвета сделаны были сводом и так искусно, что, казалось, уходили в небо; они были украшены золотыми и серебряными звездами, и легкие облака были разбросаны по ним там и сям рукой отличного художника. Стен почти было совершенно не видно: так убраны были они роскошными живыми растениями; многие из растений были в полном цвету, другие с плодами; на ветках перепархивали редкие птицы. Прекрасные картины, нарисованные до того искусно, что глаз обманывался ими, видны были во множестве; фонтаны прохлаждали воздух, наполненный ароматами; а полы были устланы мягкими, зелеными коврами. Комнат было такое бесчисленное множество, что, казалось, счету им не было; действительно, можно было подумать, что этому великолепному зданию нет пределов, если бы повсюду в окна не глядела темная непроглядная ночь.

Все, что сделал хозяин, было удивительно хорошо и показывало его бесконечную мудрость и неистощимую доброту; но, боже мой, как странно, как неприлично вели себя многие гости!

В одной из комнат, за большим столом, десятка два гуляк бесчинствовали до того, что молодой человек остановился и с удивлением посматривал то на них, то на седого спутника. Драгоценное вино лилось и по столу, и на пол; пьяные, безумные речи, брань, неистовые крики раздавались громко; некоторые из пирующих уже лежали под столом; другие, задыхаясь от обжорства, все еще протягивали руки к роскошным кушаньям и драгоценным винам.

— Боже мой! — сказал молодой человек, отворачиваясь от этой сцены и спеша уйти из комнаты за своим проводником, — боже мой! как должно быть прискорбно владыке дома смотреть на эту отвратительную сцену: видеть, как неприлично, как безумно растрачиваются его драгоценные дары.

— О! ему не даров своих жалко стало, — возразил старик, — богатствам его нет счета. Ему жаль этих безумцев; ему грустно видеть их развращенные лица, слышать их безумные речи и знать, что они позабыли обязанности гостей и употребляют его богатые дары на то, чтобы уподобиться животным.

В другой комнате видел юноша сцену, еще более отвратительную: гости передрались между собой за хозяйские серебряные блюда и до того рассвирепели, что здесь уже не вино, а кровь лилась рекой. Безумцы схватились за ножи, душили друг друга за горло и спорили на смерть за то, что никому из них не принадлежало и с чем они должны были так скоро расстаться навсегда.

В одной из комнат увидел молодой человек странного, отвратительного старика, безумие которого превосходило все, что только можно себе вообразить: дряхлый, изможденный, дрожащий, едва переводя дыхание, сидел он в углу, стараясь прикрыть собой кучу серебряных стаканов, кубков и тарелок. Он умирал от голода, но боялся отойти от сокровищ, чтобы кто-нибудь не воспользовался его отсутствием и не унес их.

— Посмотри, до чего может дойти безумие человеческое, — сказал студенту его седой спутник, — через пять минут этого старика здесь больше не будет; он не возьмет с собой ни одного из этих серебряных кубков, ни одной из этих золотых чаш: все останется, его самого только не будет здесь. Но погляди, какими волчьими глазами смотрит он на каждого, кто только близко подойдет к нему: так он боится, чтобы кто-нибудь не коснулся сокровищ его!

Несмотря на роскошь и изобилие, царствовавшие повсюду, молодой человек с удивлением видел множество

несчастных, оборванных, голодных людей, которые с завистью смотрели на роскошные столы, занятые другими, и часто без пользы молили о куске хлеба.

— Разве это не такие же гости, как и все? — спросил юноша у старика, указывая на этих несчастных.

— Да, это такие же гости, — отвечал старик, — но ты видишь, как поступают с ними те, кто посильнее и попроворнее. Владыка дома предоставил его в распоряжение гостей своих и вот что они здесь делают!

— Но почему же он не прогонит отсюда таких гостей? — вскричал юноша, — зачем он позволяет им бесчинствовать?

— Видишь ли, сын мой, он любит своих гостей: он знает, какая страшная ночь, какой лютый холод и непроглядный мрак ожидают их за стенами этого дома, и ему жаль этих безумцев: он все ждет, не исправятся ли они.

Юноша вспомнил, что испытывал он в открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да! — сказал он старику, — их действительно жаль. Пойдем же к ним, напомним им, чем они были, чем обязаны хозяину этого дома и что с ними будет, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, — отвечал старик, — впрочем, следуй внушению твоего доброго сердца: напоминай им их обязанности, напоминай им о владыке дома; старайся помогать тем, которые страдают, но знай, что при этом ты встретишь много препятствий. Чтобы ты мог судить, как владыка дома любит своих гостей и как сожалеет о них, я расскажу тебе, что случилось здесь несколько времени назад. Видя, что бесчинство страшно возросло, что гости грабят и убивают друг друга, что сильные притесняют слабых, что все забыли о том, кто хозяин всему дому, владыка послал к ним единственного сына своего, чтобы тот напомнил им их обязанности и показал примером, как должны они жить. Сын владыки явился сюда под видом самого скромного гостя. Он не садился за столы с

знатными и богатыми; но жил в обществе бедных, помогал несчастным, излечивал больных, кормил голодных и всем говорил о владыке дома, всех хотел спасти от предстоящей им злой доли. Во все свое недолгое пребывание здесь он не только не обидел никого, не только чего-нибудь не отнял у других, но помогал всем, кто только нуждался в его помощи. Не было и не будет здесь никого, кто бы вел себя скромнее сына владыки дома, он говорил только о любви, хотел примирить всех и всех обратить к отцу своему. Что же ты, думаешь, сделали с ним гости? Озлобленные его словами, в которых было много горькой для них правды, они собрались и убили сына владыки, убили за то, что, будучи полновластным властелином всего, он жил нищим, — за то, что он помогал несчастным, за то, что хотел спасти всех. Поступать, как он поступал, ты не можешь, сын мой, но старайся сделать все, что только можешь, из того, что он делал.

Речь старика глубоко запала в сердце юноши. Кроткий образ сына владыки с тех пор стоял неотступно перед его глазами. Вмешавшись в толпу нищих, старых, слепых, хромых, студент старался помочь всякому, чем только мог. Долго ходил он со стариком из комнаты в комнату, помогая беднякам, стараясь помирить противников, напоминая о владыке дома всем тем, которые о нем позабыли. Были такие, на которых подействовали слова и пример юноши, и они исправлялись; но были и такие, которые встречали советы молодого человека грубо и отвергали их с презрением; другие бранили дерзкого выскочку; третьи осыпали его насмешками; нашлись даже и такие между гостями, которые замахивались на юношу, чем попало, — так глубоко кололи их слова истины. Но когда гордость молодого человека возмущалась против такого обращения с ним, тогда старик, не покидавший его ни на минуту, напоминал ему о сыне владыки дома, который, будучи хозяином всему, без злобы выносил насмешки, брань, побои и вынес даже самую смерть от тех, кто жил и питался щедрыми дарами отца его.

Страшный шум в одной из комнат привлек внимание молодого человека и его седого спутника. Они заглянули туда и увидели кровопролитную драку. Роскошный стол был опрокинут; черепки разбитых блюд и ваз, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогих цветов попирались ногами дерущихся. Одни из гостей отчаянно боролись, другие вцепились друг другу в волоса, третьи кусались, как волки; у большей части в руках блестели ножи; на полу уже было несколько убитых и множество раненых, и последние, попираемые безжалостно ногами своих братьев, страшно вопили. Юноша побледнел, взглянув на эту сцену; но более всего поразило его лицо одной женщины, которая, стоя на коленях, с растрепанными волосами, в изорванном и забрызганном кровью платье, старалась закрыть собой маленьких детей, а они, бледные, дрожащие, прижимались к ней в испуге. Несчастная мать порывалась было несколько раз уйти из комнаты, но у дверей шла страшная свалка; над головой бедняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тот или другой из разъяренных бойцов раздавит или заденет ножом дорогих ее детей. Она вопила, громко призывая хозяина дома.

Юноше показалось, что кто-то сказал ему в ту минуту: «иди и спасай!» Не думая долго, он пробился сквозь толпу сражающихся и, не замечая ударов, которые сыпались на него со всех сторон, почти вынес на руках бедную женщину и ее малюток.

Когда они были уже в другой комнате, то спасенная женщина кинулась на колени перед молодым человеком и, крепко прижимая к груди своих детей, со слезами благодарила его за спасение. Старик, спутник молодого человека, был тут же, смотрел на юношу, ласково улыбаясь, и говорил ему: «Ты кончил свое дело, теперь усни спокойно».

В эту самую минуту студент почувствовал сильную боль в груди и, оглянувшись на себя, увидел, что был тяжело ранен ножом в грудь, и из широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились

у молодого человека, и он непременно упал бы на пол, если бы старик не поддержал его на своей широкой груди.

«Я умираю», — подумал молодой человек, и в это самое мгновение увидел пред собою крылатого юношу ослепительной красоты, одетого в белые ризы, блестящие, как снег. Крылатый юноша протягивал молодому человеку руку и говорил ему: «ты кончил свое дело, пойдем за мною. Владыка дома зовет тебя».

Невыразимо приятное чувство разлилось по всему существу умирающего: он затрепетал и вскрикнул от восторга, вскрикнул и... проснулся.

Перед ним, вместо ангела, стояла его добрая сестра и держала его за руку; голова его действительно покоилась на груди отца, старого священника, а мать, с младшими братьями, стоя на коленях перед образами, молились богу, чтобы он возвратил ей старшего сына. На столе, у образов, перед которыми теплилась лампадка, лежала библия в истертом, бархатном переплете.

— Слава богу, ты, наконец, очнулся, сказала сестра, увидев, что брат ее открыл глаза.

Нужно ли говорить, в каком восторге была вся семья?

Молодой человек, идя по степи, изнемог и упал; он, вероятно, погиб бы, но один крестьянин, ехавший в это время в степи, поднял его. Узнав в бесчувственном молодом человеке сына своего священника, добрый мужичок привез его домой, прямо к отцу, но не раньше, как через час, успели привести студента в чувство.

Молодой человек жил долго после того, но никогда не забывал своего сна; ему всегда казалось, что весь этот мир не более, как гостиница, за дверьми которой ждет нас ее невидимый хозяин.

Окончив курс семинарии, студент сделался священником и был благодетелем своего прихода; все несчастные, бедные, калеки видели в нем истинного отца. Он не щадил денег на добрые дела, и хотя сам был беден, но раздавал все, что имел. Когда соседи и знакомые

упрекали его в такой, как они говорили, безрассудной щедрости, то он всякий раз отвечал им:

— Все это не мое и не ваше; все это принадлежит хозяину земли: все мы здесь гости и должны помогать друг другу.

Так глубоко врезался сон в его душу.

ИСТИННО-ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

В одной из гористых местностей Франции, посреди скалистых Вогезов, вдали от богатых городов и больших путей сообщения, расположено несколько деревень, составляющих один округ, который и носил название Скалистого. Жители этого округа, лет семьдесят назад, отличались бедностью, невежеством, предрассудками, грубостью нравов и вообще были очень несчастны. Они лениво обрабатывали свои покрытые камнями поля, не знали никаких ремесел, редко сообщались с остальным миром по причине дурных и опасных горных дорог, не имели ни садов, ни порядочных огородов, ни больниц, ни школ, — и толпы нищих осаждали редкого путешественника, попадавшего случайно в эту полудикую страну.

В этот-то глухой округ в 1767 году назначен был священником Жан Фридрих Оберлейн, человек еще очень молодой, сын бедного учителя страсбургской гимназии, получивший, впрочем, отличное воспитание. Прибыв на место, в местечко Вальдбах, где стоял скромный священнический дом, Жан Оберлейн скоро убедился в жалком положении своих прихожан, живших как в Вальдбахе, так и в окрестных деревнях. Другой, быть может, искал бы случая убежать из такой глуши, но молодой священник думал, что здесь-то именно и нужна его деятельность, и положил целью своей жизни: извлечь несчастных горцев из их жалкого состояния.

«Прежде всего надобно их учить, — сказал сам себе Оберлейн, — люди, лишенные образования, не могут понимать даже и собственной своей пользы; итак,

с учреждения школы должно начать преобразование моего прихода».

Но невежество горных жителей было так велико, что когда Оберлейн купил для постройки школьного дома кусок земли в Вальдбахе, то горожане допустили его приступить к постройке школы не иначе, как получив от него формальное обязательство, что он не будет требовать от них денег на содержание школы. Оберлейн дал это обязательство и тридцать лет содержал школу из своих собственных, всегда очень скудных средств. Но в продолжение этого времени школа, основанная Оберлейном, оказала свое действие: прихожане поняли пользу ученья, и уже сами учредили мало-помалу пять школ в различных деревнях своего округа.

Но не одно обучение детей занимало Оберлейна: он скоро сделался ангелом-хранителем всех несчастных своего прихода. То он являлся утешителем в семейства, пораженные каким-нибудь горем, то исправлял увещаниями людей, увлекшихся какими-нибудь дурными стремлениями, то помогал бедным, то посещал больных. Ни дурная погода, ни опасности пути не могли удержать его, когда он шел на какое-нибудь доброе дело. Нередко горцы видали, как Оберлейн, поздно вечером, верхом на своей лошадке, отправлялся в Страсбург, до которого было десять миль очень трудного и опасного пути. Там целый день он хлопотал без устали по делам своего прихода и, чтобы не терять даром драгоценного времени, возвращался домой снова поздно вечером; а рано поутру он уже разносил по больным лекарства, купленные в городе.

Но минутной помощью тем, которые в ней нуждались, Оберлейн не ограничивался. Он хотел по возможности уничтожить самые причины бедствий и старался вводить между своими прихожанами разные полезные учреждения.

Понятно само собой, что нововведения, которые задумывал Оберлейн, встречали сильное сопротивление в людях, загрубевших в своей невежественной жизни, и они часто осыпали Оберлейна не только насмешками,

но и угрозами. Но пастор победил все эти препятствия своей твердостью, хладнокровием, благоразумием, так что со временем самые жаркие его противники сделались самыми ревностными его сотрудниками в деле преобразований.

Сообщение между жилыми местами прихода было очень затруднительно: Оберлейн уговорил прихожан исправить дороги. Но у пастора был план еще более обширный: нужно было проложить удобный выход из скалистого округа до большой дороги в Страсбург; сделать это было очень трудно, однакоже неутомимый пастор не испугался затруднений. Вооружившись сам ломом, он прилежно принялся за работу; пример его подействовал на всех, и через несколько месяцев прекрасная дорога, версты в три длиной, открыла для жителей прихода удобное сообщение с остальным миром. Речка Ла-Брёшь, сбегая быстро с гор, не имела определенного русла и затопляла поля: пастор и прихожане вырыли ей русло и построили на ней несколько мостов.

Чтобы избавить жителей Скалистого округа от бедности, Оберлейн старался улучшить хозяйство крестьян: под его руководством они очистили поля от камней, и теперь эти камни, мешавшие прежде хлебопашеству, показывают границы полей и ограждают посевы от скота. Оберлейн сообщал молодым людям полезные сведения о сельском хозяйстве и постановил правилом, чтобы каждый молодой человек, прежде чем будет допущен к святому причащению, посадил собственными своими руками, по крайней мере, два дерева. Земледельцы с большим трудом и с большими издержками доставали земледельческие орудия: пастор устроил лавку, где необходимые для земледельца орудия продавались по возможно дешевой цене и притом в долг. Крестьяне Скалистого округа знали только дикую яблонь: Оберлейн собственным примером побудил их воспитывать плодовые деревья лучших сортов, а чтоб победить их отвращение к этому нововведению, собственными руками развел сад у самой дороги так, что

все, проходя мимо, могли видеть плоды трудов его. Земля, истощенная невежественной обработкой, плохо вознаграждала труд земледельца: Оберлейн научил крестьян удобрять землю, улучшил породу домашнего скота, ввел искусственные луга и искусственное орошение. Картофель, главная пища жителей, на плохой земле выродился совершенно: Оберлейн выписал новые семена из Швейцарии и Голландии, — и картофель сделался главным предметом торговли для жителей Скалистого округа. Оберлейн ввел посев клевера и выписал лучшие льняные семена из Риги. Всякое нововведение он прежде испытывал сам, а чтобы поддерживать улучшения, устроил из крестьян общество сельского хозяйства.

Ремесла почти были неизвестны жителям Скалистого округа: Оберлейн уговорил несколько родителей отдать своих детей в ученье различным ремесленникам. Он ввел пряжу хлопчатой бумаги и этим занятием поправил очень скоро состояние жителей.

Во время болезней жители Скалистого округа оставались без всякой помощи, не было ни лекарств, ни медиков. Оберлейн завел аптеку в собственном своем доме, где лекарства раздавались даром, и послал одного смышленого человека в Страсбург учиться медицине и хирургии, а нескольких женщин приучил ходить за больными; кроме того, он распространил между крестьянами сведения, как помогать утопленникам, замерзшим и задохшимся. Пожары часто истребляли жилища крестьян — и Оберлейн завел несколько пожарных инструментов: крючья, лестницы, пожарные трубы.

В этой отдаленной и мало известной местности, заброшенной в средину Вогезских гор, Оберлейн ввел множество таких учреждений, облегчающих жизнь человека, которые мало были распространены тогда даже в самых богатых странах. Так, например,он учредил сберегательную кассу с тем условием, что тот, кто хочет принять в ней участие, должен посылать своих детей в школу. Из этой кассы деньги раздавались в

долг без заклада и процентов, — чем мало-помалу было совершенно уничтожено нищенство в Скалистом округе. Чтобы поддерживать и распространять между крестьянами образование, Оберлейн завел *странствующую* библиотеку и первый подал пример тех странствующих библиотек, которых теперь так много развелось в Англии и Соединенных Штатах.

Все дни своей жизни посвящал Оберлейн благу своих прихожан, и во всем приходе не было радости, которой он, хотя отчасти, не был бы виновником, не было горя, которого бы он не облегчил по возможности, не было ссоры, в которой бы он не был посредником и примирителем. Его бесчисленные благодеяния приобрели ему такое уважение и такую любовь прихожан, что все повиновались ему, как отцу; он приобрел большую власть над их умами и был между ними самым могущественным законодателем. Вот поразительный пример его могущества: когда ассигнации потеряли во Франции всякую цену, отчего многие разорились совершенно и впали в нищету, Оберлейн своим авторитетом поддержал ценность ассигнаций в Скалистом округе. Не желая, чтобы ущерб, происходящий от упадка ассигнаций, упал на некоторых, а лучше разложился понемногу на все народонаселение, Оберлейн постановил, чтобы ассигнации, переходя из рук в руки, уменьшались в цене своей на десять сантимов при каждом переходе.

Нужно ли говорить, что все жители прихода видели в Оберлейне своего отца и благодетеля? Они и не называли его иначе, как отцом. Когда же, удрученный годами, он не мог уже более взбираться на скалы, чтобы посещать деревни своего прихода, тогда крестьяне возили его на смирной и спокойной лошадке, и день, когда Оберлейн посещал какую-нибудь деревню, был для нее праздником.

Оберлейн прожил 86 лет и до конца своей жизни сохранил в полной свежести все свои душевные силы, хотя ослабевшее тело и отказывалось уже служить ему.

1826 года 1-го июня, в шесть часов утра, еще раз помолившись за своих дорогих прихожан, патриарх Скалистого округа уснул вечным сном. Общая горесть и общий траур проводили его до могилы. Памятник, изваянный знаменитым художником и представляющий добрые, кроткие черты истинно великого человека, стоит теперь в вальдбахской церкви, но и без этого памятника жители Скалистого округа не забудут никогда Жана Оберлейна.

Вот, друзья мои, биография истинно великого человека, более великого, чем все возможные Цезари, Наполеоны, Августы и Александры Македонские!

А как сильно и благодетельно действовал на прихожан высокий пример истинно-христианской жизни пастора! Одна шестнадцатилетняя крестьянка Скалистого округа, Луиза Шеплер, хотя имела свое состояние и могла бы жить самостоятельно, поступила в услужение к Оберлейну и, не получая никакой платы за свою службу, около пятидесяти лет была самой ревностной исполнительницей добрых его намерений, а после смерти Оберлейна еще долго оставалась ангелом-утешителем для целого округа. Имя Луизы Шеплер, несмотря на ее скромные обязанности, должно сохраниться в истории, потому что она, пораженная совершенно тем, что дети по уходе родителей на полевые работы остаются совершенно одни без всякого призора, изобрела *детские приюты,* и это благодетельное учреждение быстро распространилось по всей Европе. Как было бы хорошо, если бы и в наши деревни, где дети, предоставленные самим себе, часто производят пожары, делаются сами калеками на всю жизнь и портят друг друга нравственно, проникло благодетельное учреждение Луизы Шеплер; и дети, собираясь в один дом, под присмотр какой-нибудь доброй и умной женщины, проводили бы время не только без вреда для себя, но даже и с пользой: приучались к порядку, опрятности и, играя, учились читать и писать. Сколько уже по всей Европе спасено детей христианской идеей смиренной служанки Оберлейна!

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКУ.

Молодой человек, еще никогда не ездивший по воде, подошел к берегу широкой и быстрой реки и попросил лодочника, чтобы тот перевез его на другую сторону. Деревня, куда нужно было прибыть юноше, лежала на другой стороне, как раз против того места,где он стоял; но перевозчик, вместо того, чтобы ехать, куда хотел молодой человек, стал подыматься вверх по реке и давно уже миновал деревню. — «Куда же ты едешь, приятель?» — спросил его юноша. «Прямо туда, куда нужно», — отвечал перевозчик. — «Если это называется прямо,— сказал юноша, — то я уж и не знаю, что значит криво. Если мы будем все так ехать, то пристанем шагов за пятьсот от деревни». — «Да, мой добрый барин, если бы мы все так ехали, — возразил перевозчик,— но когда мы выедем на середину реки, то сильное течение снесет нас далеко вниз. Мой покойный батюшка, дай бог ему царство небесное, говаривал часто: «Хороший перевозчик, который хочет переехать прямо через реку, точно так же, как и хороший христианин, должны поставить себе цель повыше: одного снесет вниз течение воды, а другого течение жизни». И действительно, подъезжая к другому берегу, перевозчик должен был употребить все свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя из лодки, молодой человек заплатил перевозчику двойную плату. «Вот, тебе, — сказал он, — за перевоз и за добрый совет».

СМЕРТЬ И СОН.

Обнявшись по-братски, пролетали над землей Ангел смерти и Ангел сна. Это было вечером, и они остановились на холме, невдалеке от людских жилищ. Кругом царствовала глубокая тишина. Тихо, молча сидели оба благодетельные гения человечества. Ночь наступила.

Тогда поднялся Ангел сна на своих крыльях и начал неслышимо сеять вокруг невидимые семена дремоты. Вечерний ветерок понес их к тихим жилищам уста-

лых крестьян; сладкий сон обнял жителей мирных хижин: от старика, опирающегося на посох, до грудного младенца, лежащего в колыбели, все наслаждалось сном. Больной забыл свою болезнь, печальный свое горе, бедняк — свои заботы. Окончив свое дело, благодетельный Ангел сна воротился к своему грустному брату. «Когда настанет утро, — сказал он, веселый и счастливый, — тогда поблагодарят меня люди как своего друга и благодетеля. О, как приятно — незримо, в тиши, рассыпать благодеяния! Как счастливы мы с тобою, милый брат! Как прекрасно наше назначение!» Так говорил дружественный Ангел сна. Ангел смерти посмотрел на брата с горестью, и слезы заблистали в его больших, темных глазах. «Ах, — сказал он, — почему и я вместе с тобой не могу наслаждаться благодарностью людей? Жители земли зовут меня самым страшным врагом своим!» — «О, брат мой! — отвечал Ангел сна, — но разве, пробудившись, они не вспомнят тебя с благодарностью и не пошлют тебе благословения как своему другу и благодетелю? Разве мы не братья с тобой и не посланники одного и того же небесного отца?»

Так говорил Ангел сна, и оба брата обнялись еще нежней.

КОРОНА СТАРОСТИ.

На разумной и почтенной голове седые волосы составляют прекрасную корону. Три глубокие, седые старика собрались раз вместе и рассказывали своим детям, почему бог довел их до таких лет. Один из них, священник и учитель, сказал: «Я никогда не тяготился своей должностью и когда благословлял, то благословлял от всей души; вот почему я дожил до такой старости». Другой, купец, сказал: «Я никогда не обогащался на счет моего ближнего и ничье проклятие не тревожило моего сна, я охотно помогал бедным, и вот почему господь подарил мне такую старость». Третий, судья, сказал: «Я никогда не брал взяток и всегда старался узнать правду, как бы мне это ни было трудно;

вот почему благословил меня господь глубокой старостью».

Тогда подошли к старикам их дети и внуки и увенчали их седые волосы цветами. Отцы благословили своих потомков и сказали: «Пусть ваша старость будет подобна вашей юности! Пусть ваши дети и внуки будут и для вас цветущим розовым венком на седых волосах».

Старость есть прекрасный венец жизни, но этого венца достигает только тот, кем управляют всю жизнь — умеренность, справедливость и мудрость.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ.

День был осенний и пасмурный. Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горохино (так называлась наша деревня), нанял я вольных и поехал проселочной дорогой. Хотя я нрава от природы тихого, но нетерпение увидеть вновь места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика; ямщик погонял свою тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, все-таки затягивал возжи. Наконец, я завидел Горохинскую рощу и через десять минут въехал на барский двор; сердце мое сильно билось: я смотрел вокруг себя с волнением необыкновенным; восемь лет не видал я Горохина. Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревами. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком, теперь обращен был в некошенный луг, на котором паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у переднего крыльца. Человек пошел отворить двери, но они были заколочены, хотя ставни открыты и дом казался обитаемым. Баба вышла из людской избы и спросила, кого мне надобно. Узнав, что барин приехал, она снова побежала в избу, и вскоре вся дворня меня окружила. Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые мне лица и дру-

жески со всеми ими целуясь. Мои потешные мальчишки были мужиками, а девочки, некогда сидевшие на полу для посылок, замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам я говорил без церемонии: «как ты постарела!» И мне отвечали с чувством: «как вы-то, батюшка, подурнели!» Повели меня на заднее крыльцо; навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданьем, как многострадального Одиссея. Побежали топить баню. Повар, давно в бездействии отрастивший себе бороду, вызвался приготовить мне обед или ужин, ибо уже смеркалось. Тотчас очистили мне комнаты, в коих жила кормилица с девушками покойной матушки. Так очутился я в смиренной отеческой обители и заснул в той комнате, в которой за двадцать три года родился.

А. Пушкин.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ ГИМНАЗИСТА.

Мы кое-как пообедали и сейчас принялись укладываться. Нам как-то страшно было оставаться в Казани, и каждый час промедления казался долгим днем; к вечеру все было готово. Вечер наступил теплый, совершенно летний, и мы с матерью легли спать в карете. На рассвете, без всякого шума, заложили лошадей и, не разбудив меня, тихо выехали из Казани. Когда я проснулся, яркое солнце светило в карету. Это было 19 мая, день рождения моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое весеннее утро настоящего майского дня обливало горячим светом всю природу. В окна кареты заглянули зеленые, молодые хлебные поля, луга и леса; мне так захотелось окинуть глазами все края далекого горизонта, что я попросил остановиться, выскочил из кареты и начал и бегать, и прыгать, как самое резвое пятилетнее дитя; тут только я вполне почувствовал себя на свободе. Мать любовалась, глядя на меня из кареты. Я обнял Евсеича и Федора*, поздоровался с

* Евсеич — дядька мальчика, отправляющегося в деревню родителей, а Федор — слуга.

кучером и форейтором, который успел сказать мне, что рыба начала шибко клевать, когда он уезжал из Аксакова. Я поздоровался также и со всеми лошадьми; Евсеич взял меня на руки, поднял, и я погладил каждую из них. Это был славный шестерик, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нет в Оренбургской губернии; но лет двадцать помнили ее и говорили о ней. Дедушка мой вывел такую породу, лошади были крупные, четырехвершковые, сильные до невероятности, рысистые, незадушливые на бегу и не знавшие устали. В тяжелых экипажах делали на них по 80 и по 90 верст в день. Боже мой, как было мне весело. Насилу усадили меня в карету, но я высунулся в окошко и ехал так до самой кормежки, радостными восклицаниями приветствуя все, что попадалось на дороге. Наконец, сверкнула полоса воды — это была река Мёша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная, по ней ходил довольно плохой плот на веревке. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной паре, а карету едва перевезли; ее облегчили от сундуков и других тяжестей, и, несмотря на то, плот погружался в воду. Мы с матерью переехали прежде всех на другой берег, цветущая и душистая урема покрывала его. Я не помнил себя от восхищения. Запасливый форейтор, страстный охотник удить, взял с собой из деревни совсем готовую удочку с удилищем, которая и была привязана под каретой в дрожине, ее сейчас отвязали и, покуда совершалась переправа, я уже удил на хлеб и таскал плотву. Кроме Дёмы, я не видывал реки рыбнее Мёши, рыба кипела в ней, как говорится, и так брала, что только успевай закидывать. Мудрено ли, что после освобождения из гимназического плена, эта кормежка показалась мне блаженством! На оставленном нами берегу находилась чья-то господская деревня, там достали овса, сена, курицу, яиц и все нужные припасы. Какой обед на дорожном тагане приготовил нам Евсеич, который был немножко и повар! Сковородка жареной рыбы также показалась очень вкусным блюдом. Мы уже отъехали

тридцать верст от Казани, кормили четыре часа и пустились в дальнейший путь. Набежали тучи, загремел гром, дождь вспрыснул землю, и ехать было и не жарко и не пыльно; сначала ехали шагом, а потом бежали такой рысью, что уезжали более десяти верст в час. Скоро небо прояснилось, и великолепное солнце осушило следы дождя; мы отъехали еще сорок верст и остановились ночевать в поле, потому что на кормежке запаслись всем нужным для ночевки. Опять множество новых удовольствий, новых наслаждений. Выпрягли, спутали лошадей и пустили их на сочную молодую траву; развели яркий огонь, наложили дорожный самовар, то-есть огромный чайник с трубой, постлали кожу возле кареты, поставили погребец и подали чай. Как он был хорош на свежем вечернем воздухе! Через два часа напоили остывших коней, разбили хребтуги с овсом, привязав их к дышлу и вколоченным в землю кольям, и припустили к овсу лошадей. Мы с матерью улеглись в карете, и сладко заснул я, слушая, как жевали кони овес и фыркали от попадавшей в ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились немного повыше Шурана через Каму, которая была еще в разливе. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дул порядочный ветер. На перевозе оказалась *посуда** большая и новая: на одну завозню поставили всех лошадей и карету, меня заперли в нее, опустили даже гардинки и подняли жалюзи, чтоб я не видал волнующейся воды, но, я сверх того, закутал голову платком и все-таки дрожал от страха во время переправы, дурных последствий не было. Весенняя пристань находилась еще в Мурзихе, летом она спускалась несколько верст ниже. Мать отыскала в Мурзихе своих провожатых, она всем привезла хорошие гостинцы: подарки были приняты без удивления, но с благодарностью и удовольствием. Мы проехали еще пятнадцать верст до места своей кормежки. Так продолжался наш путь, и на пятый день приехали мы ночевать в деревню, Татарский Байтуган, лежащую на реке Сок,

* Так называются завозни, досчаники, паромы и проч.

всего в двадцати верстах от Аксакова. Река Сок также очень рыбна, но, боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форейтор сбегал и принес несколько окуней и плотиц. Поднявшись с ночлега по обыкновению на заре, мы имели возможность не заехать в село Неклюдово,где жили родные нам по бабушке, Кальминские и Луневские; а также и в Бахметовку, где недавно поселился новый помещик Осоргин с молодой женой: и мы, и они спали еще во время нашего проезда. Версты за четыре до Аксакова, на самой меже нашего владения, я проснулся, точно кто разбудил меня; когда проехали мы между Липовым и Общим Колком и выехали на склон горы,должно было немедленно открыться наше село Аксаково, с огромным прудом, мельницей, длинным порядком изб, домов и березовыми рощами. Я беспрестанно спрашивал кучера: «не видно ли деревни?» И когда он сказал, наконец, наклонясь к переднему окошку: «вот наше Аксаково, как на ладонке», я стал так убедительно просить мою мать, что она не могла отказать мне и позволила сесть с кучером на козлах. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидел милое мое Аксаково. Нет слов на языке человеческом для выражения таких чувств!

С. Аксаков.

ЕРМОЛАЙ И ЕГО ВАЛЕТКА.

Мы с Ермолаем отправились на охоту, но, извините, господа: я должен вас сперва познакомить с Ермолаем.

Вообразите себе человека лет сорока пяти, высокого, худого, с длинным и тонким носом, узким лбом, серыми глазами, взъерошенными волосами, и широкими, насмешливыми губами. Этот человек ходил и зиму и лето в желтоватом нанковом кафтане немецкого покроя, но подпоясывался кушаком; носил синие шаровары и шапку со смушками, подаренную ему в веселый час разорившимся помещиком. К кушаку привязывались два мешка, один спереди, искусно перекрученный на

две половины для пороху и для дроби, другой сзади— для дичи; хлопки же Ермолай доставал из собственной, повидимому, неистощимой шапки.

Он бы легко мог на деньги, вырученные им за проданную дичь, купить себе патронташ и суму, но ни разу даже не подумал о подобной покупке, и продолжал заряжать свое ружье попрежнему, возбуждая изумление зрителей искусством, с каким он избегал опасности просыпать или смешать дробь и порох. Ружье у него было одноствольное, с кремнем, одаренное притом скверной привычкой жестоко «отдавать», отчего у Ермолая правая щека была пухлее левой. Как он попадал из этого ружья — и хитрому человеку не придумать, но попадал. Была у него лягавая собака, по прозванию Валетка, преудивительное создание. Ермолай никогда ее не кормил. «Стану я пса кормить,—рассуждал он, — притом пес — животное умное, сам найдет себе пропитанье». И, действительно: хотя Валетка поражал даже равнодушного прохожего своей чрезмерной худобой, но жил, и долго жил; даже, несмотря на свое бедственное положение, ни разу не пропадал и не изъявлял желания покинуть своего хозяина. Замечательнейшим свойством Валетки было его непостижимое равнодушие ко всему на свете. Он обыкновенно сидел подвернувши под себя свой куцый хвост, хмурился, вздрагивал по временам и никогда не улыбался. (Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться.) Он был крайне безобразен, и ни один праздный дворовый человек не упускал случая ядовито насмеяться над его наружностью, но все эти насмешки и даже удары Валетка переносил с удивительным хладнокровием. Особенное удовольствие доставлял он поварам, которые сейчас отрывались от дела и с криком и бранью пускались за ним в погоню, когда он, по слабости, свойственной не одним собакам, просовывал свое голодное рыло в полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охоте он отличался неутомимостью и чутье имел порядочное, но, если случайно догонял под-

раненного зайца, то уж и съедал его с наслаждением всего, до последней косточки, где-нибудь в прохладной тени под зеленым кустом, в почтительном отдалении от Ермолая, ругавшегося на всех известных диалектах.

Ермолай принадлежал одному из моих соседей, помещику старинного покроя. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню раз в месяц пары две тетеревей и куропаток, а впрочем, позволялось ему жить где хочет и чем хочет. От него отказались, как от человека, ни на какую работу негодного, — «лядащего», как говорилось у нас, в Орле. Пороху и дроби, разумеется, ему не выдавали, следуя точно тем же правилам, в силу которых и он не кормил своей собаки. Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду; сильно любил выпить, не уживался на месте, на ходу шмыгал ногами и переваливался с боку на бок, и, шмыгая и переваливаясь, улепетывал верст шестьдесят в сутки. Он подвергался самым разнообразным приключениям: ночевал на болотах, на деревьях, на крышах, под мостами, сиживал не раз взаперти на чердаках, в погребах и сараях, лишался ружья, собаки, самых необходимых одеяний, бывал бит сильно и долго, — и все-таки, через несколько времени, возвращался домой одетый, с ружьем и собакой. Нельзя было назвать его человеком веселым, хотя он почти всегда находился в довольно изрядном расположении духа; он вообще смотрел чудаком. Ермолай любил покалякать с хорошим человеком, особенно за чаркой, но и то не долго: встанет, бывало, и пойдет. «Да куда ты, чорт, идешь! Ночь на дворе». — «А в Чаплино». — «Да на что тебе тащиться в Чаплино за десять верст?» — «А там у Софрона мужика переночевать». — «Да ночуй здесь». — «Нет уж, нельзя». И пойдет Ермолай со своим Валеткой в темную ночь, через кусты да водомойни, а мужичок Софрон его, пожалуй, к себе на двор не пустит, да еще, чего доброго, шею ему намнет: не беспокой-де честных людей. Зато никто не мог сравниться с Ермолаем в искусстве ловить весной, в полную воду, рыбу, доста-

вать руками раков и отыскивать по чутью дичь, подманивать перепелов, вынашивать ястребов, добывать соловьев.

ЛЬГОВ.

—Поедемте в Льгов, — сказал мне однажды уже известный читателям Ермолай, — мы там уток настреляем вдоволь.

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенно пленительного, но, за неимением пока другой дичи, я послушался моего охотника и отправился в Льгов.

Льгов — большое степное село, с весьма древней каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кой-где по середине заросший густым тростником, по-орловскому — майером. На этом-то пруде, в заводях, или затишьях, между тростниками, выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород: кряковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр. Небольшие стаи то-и-дело перелетывали над водой, а от выстрела поднимались такие тучи, что охотник невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорил: фу-у. Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится, во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергался нашим выстрелам и лишался жизни, то достать его из сплошного майера наши собаки не были в состоянии несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даром резали свои драгоценные носы об острые края тростника.

—Нет, — промолвил, наконец, Ермолай, — дело неладно: надо достать лодку... Пойдемте назад в Льгов.

Мы пошли. Не успели мы ступить несколько шагов как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная лягавая собака, и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем сильно потертом

сюртуке, желтоватом жилете, панталонах гри-де-лень или блен-д-амур, наскоро засунутых в дырявые сапоги, с красным платком на шее и одноствольным ружьем за плечами. Пока наши собаки, с обычным их породе китайским церемониалом, снюхивались с новой для них личностью, которая видимо трусила, поджимала хвост, закидывала уши и быстро перевертывалась всем телом, не сгибая коленей и скаля зубы, — незнакомец подошел к нам и чрезвычайно вежливо поклонился. Ему на вид было лет двадцать пять: его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасом, торчали неподвижно косицами, небольшие карие глазки приветливо моргали; все лицо, повязанное черным платком, словно от зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, — начал он мягким и вкрадчивым голосом, — я здешний охотник Владимир... Услышав о вашем прибытии и узнав, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, решился, если вам не будет противно, предложить вам свои услуги.

Охотник Владимир говорил ни дать ни взять, как провинциальный молодой актер. Я согласился на его предложение и, не дойдя еще до Льгова, уже успел узнать его историю. Он был вольноотпущенный дворовый человек, в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной. Выражался он необыкновенно изящно и видимо щеголял своими манерами. Между прочим, он мне дал заметить, что посещает иногда соседних помещиков и в город ездит в гости, и в преферанс играет, и с столичными людьми знается. Улыбался он мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла к нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губах, когда он внимал чужим речам. Он вас выслушивал, он соглашался с вами совершенно, но все-таки не терял чувства собственного достоинства и как будто

хотел вам доказать, что и он может при случае изъявить свое мнение. Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный», начал было его «тыкать». Надо было видеть, с какой усмешкой Владимир говорил ему: вы-с...

— Зачем вы повязаны платком? — спросил я его. — Зубы болят?

— Нет-с, — возразил он, — это более пагубное следствие неосторожности. Был у меня приятель, хороший человек-с, но вовсе не охотник, как это бывает-с. Вот-с в один день говорит он мне: «любезный друг мой, возьми меня на охоту, я любопытствую узнать, — в чем состоит эта забава». — Я, разумеется, не захотел отказать товарищу: достал ему, с своей стороны, ружье-с, и взял его на охоту-с. Вот-с мы, как следует, поохотились, наконец, вздумалось нам отдохнуть-с. Я сел под деревом, он же, напротив того, с своей стороны, начал выкидывать ружьем артикул-с, причем целился в меня. Я попросил его перестать, но, по неопытности своей, он не послушался-с. Выстрел грянул, и я лишился подбородка и указательного перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владимир и Ермолай оба решили, что без лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаник*, — заметил Владимир: — да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбегать к нему.

— К кому? — спросил я.

— А здесь человек живет, прозвище ему Сучок.

Владимир отправился к Сучку с Ермолаем. Я сказал им, что буду ждать их у церкви, и стал рассматривать могилы на кладбище...

... Приход Ермолая, Владимира и человека с странным прозвищем Сучок прервал мои размышления.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок казался с виду отставным дворовым, лет шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? — спросил я.

— Лодка есть, — отвечал он глухим и разбитым голосом, — да больно плоха.

---

* Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок.

— А что?

— Расклеилась, да из дырьев клепки повывалились.

— Велика беда! — подхватил Ермолай, — паклей заткнуть можно.

— Известно, можно, — подтвердил Сучок.

— Да ты кто?

— Господский рыболов.

— Рыба не любит ржавчины болотной,— с важностью прибавил мой охотник.

— Ну, — сказал я Ермолаю, — поди, достань пакли и исправь нам лодку, да поскорей.

Ермолай ушел.

— А, ведь, эдак мы, пожалуй, и ко дну пойдем? — сказал я Владимиру.

— Бог милостив, — отвечал он. — Во всяком случае должно предполагать, что пруд не глубок.

— Да, он не глубок, — заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья, — да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и колдобины *.

— Однакоже, если трава так сильна, — заметил Владимир, — так и грести нельзя будет

— Да кто же на досчаниках гребет? Надо пихаться. Я с вами поеду, у меня там есть шестик, а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко: до дна в ином месте, пожалуй, не достанешь, — сказал Владимир.

— Оно правда, что неловко.

Я присел на могилу в ожидании Ермолая. Владимир отошел для приличия несколько в сторону и тоже сел. Сучок продолжал стоять на месте, повеся голову и сложив руки за спиной.

Через четверть часа мы уже сидели на досчанике Сучка. (Собак мы оставили в избе под надзором кучера Иегудиила.) Нам не очень было ловко, но охотники — народ не разборчивый. У тупого заднего конца стоял Сучок и «пихался», мы с Владимиром сидели на пере-

---

* Глубокое место, яма в пруде или реке.

кладине лодки, Ермолай поместился спереди, у самого носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у нас под ногами. К счастью, погода была тихая, и пруд словно заснул.

Мы плыли довольно медленно. Старик с трудом выдергивал из вязкой тины свой длинный шест, весь перепутанный зелеными нитями подводных трав: сплошные, круглые листья болотных лилий тоже мешали ходу нашей лодки. Наконец, мы добрались до тростников, и пошла потеха. Утки шумно поднимались, «срывались» с пруда, испуганные нашим неожиданным появлением в их владениях; выстрелы дружно раздавались вслед за ними, и весело было видеть, как эти кургузые, тяжелые птицы кувыркались в воздухе, тяжко шлепались об воду. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко пораненные ныряли, иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их; но все-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью.

Владимир, к великому утешению Ермолая, стрелял вовсе не отлично и после каждого неудачного выстрела удивлялся, осматривал и продувал ружье, недоумевал и, наконец, излагал нам причину, почему он промахнулся. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно; я — довольно плохо, по обыкновению. Сучок посматривал на нас глазами человека, смолоду состоявшего на барской службе, изредка кричал: «вон, вон еще утица!», то и дело почесывал спину — не руками, а приведенными в движение плечами. Погода стояла прекрасная: белые, круглые облака высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде, тростник шушукал кругом, пруд местами, как сталь, сверкал на солнце. Мы уже собирались вернуться в село, как вдруг с нами случилось довольно неприятное происшествие.

Мы уже давно могли заметить, что вода к нам понемногу все набиралась в дощаник. Владимиру было поручено выбрасывать ее вон посредством ковша, похищенного на всякий случай моим предусмотрительным охотником у зазевавшейся бабы. Дело шло, как следовало,

пока Владимир не забывал своей обязанности. Но к концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успевали заряжать ружья. В пылу перестрелки, мы не обращали внимания на состояние нашего дощаника, как вдруг, от сильного движения Ермолая (он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край) наше ветхое судно наклонилось, зачерпнуло и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте. Мы вскрикнули, но уже было поздно: через мгновенье мы стояли в воде по горло, окруженные всплывшими телами мертвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуганных и бледных лиц моих товарищей (вероятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцем), но в ту минуту, признаюсь, мне и в голову не приходило смеяться. Каждый из нас держал свое ружье над головой, а Сучок, должно быть, по привычке подражать господам, поднял шест свой кверху. Первый нарушил молчание Ермолай.

— Тьфу ты, пропасть! — пробормотал он, плюнув в воду, — какая оказия! А все ты, старый чорт,— прибавил он с сердцем, обращаясь к Сучку: — что это у тебя за лодка?

— Виноват, — пролепетал старик.

— Да и ты хорош, — продолжал мой охотник, повернув голову в направлении Владимира: — чего смотрел? чего не черпал? ты, ты, ты...

Но Владимиру было уже не до возражений, он дрожал, как лист, зуб на зуб не попадал, и совершенно бессмысленно улыбался. Куда девалось его красноречие, его чувство тонкого приличия и собственного достоинства?

Проклятый дощаник слабо колыхался под нашими ногами... В миг кораблекрушения вода нам показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпелись. Когда первый страх прошел, я оглянулся: кругом в десяти шагах от нас, росли тростники, вдали, над их верхушками, виднелся берег. «Плохо!» — подумал я.

— Как нам быть? — спросил я Ермолая.

— А вот, посмотрим, не ночевать же здесь, — ответил он. — На, ты, держи ружье,— сказал он Владимиру.

Владимир беспрекословно повиновался.

— Пойду, сыщу брод, — продолжал Ермолай с уверенностью, как будто во всяком пруде непременно должен существовать брод, взял у Сучка шест и отправился в направлении берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умеешь ли плавать? — спросил я его.

— Нет, не умею,—раздался его голос из-за тростника.

— Ну, так утонет, — равнодушно заметил Сучок, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнева, и теперь, совершенно успокоенный, только изредка отдувался и, казалось, не чувствовал никакой надобности переменить свое положение.

— И без всякой пользы пропадет-с, — жалобно прибавил Владимир.

Ермолай не возвращался более часу. Этот час нам показался вечностью. Сперва мы перекликались с ним очень усердно, потом он стал реже отвечать на наши возгласы, наконец, умолк совершенно. В селе зазвонили к вечерне. Меж собой мы не разговаривали, даже старались не глядеть друг на друга. Утки носились над нашими головами, иные собирались сесть подле нас, но вдруг поднимались кверху, как говорится, «колом», и с криком улетали. Мы начинали костенеть. Сучок хлопал глазами, словно спать располагался.

Наконец, к неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Был на берегу; брод нашел... Пойдемте.

Мы хотели было тотчас отправиться, но он сперва достал под водой из кармана веревку, привязал убитых уток за лапки, взял оба конца в зубы и побрел впереди; Владимир за ним, я за Владимиром. Сучок замыкал шествие. До берега было около двухсот шагов. Ермолай шел смело и безостановочно (так хорошо заметил он дорогу), лишь изредка покрикивая: «левей — тут направо колдобина» или «правей—тут налево завязнешь...»

Иногда вода доходила нам до горла, и раза два бедный Сучок, будучи ниже всех нас ростом, захлебывался и пускал пузыри. «Ну, ну, ну!» — грозно кричал на него Ермолай,—и Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и таки выбирался на более мелкое место, но даже в крайности не решался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконец, берега.

Часа два спустя, мы уже все сидели, по мере возможности обсушенные, в большом сенном сарае и собирались ужинать. Кучер Иегудиил, человек чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъем, рассудительный и заспанный, стоял у ворот и усердно потчевал табаком Сучка. (Я заметил, что кучера в России очень скоро дружатся.) Сучок нюхал с остервенением, до тошноты: плевал, кашлял и, повидимому, чувствовал большое удовольствие. Владимир принимал томный вид, наклонял головку на бок и говорил мало. Ермолай вытирал наши ружья. Собаки с преувеличенной быстротой вертели хвостами в ожидании овсянки; лошади топали и ржали под навесом... Солнце садилось, широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу все мельче, словно вымытая, расчесанная волна... На селе раздавались песни.

И. Тургенев.

ШТОЛЬЦЫ: ОТЕЦ И СЫН.

Штольц был немец только вполовину: по отцу, мать его была русская, веру он исповедывал православную; природная речь его была русская: он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории и в играх с деревенскими мальчишками, в толках с их отцами и на московских базарах. Немецкий же язык он наследовал от отца да из книг. В селе Верхлеве, где отец его был управляющим, Штольц вырос и воспитывался. С восьми лет он сидел за географической картой, разбирал по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и под-

водил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных, а с матерью читал священную историю, учил басни Крылова и разбирал по складам же «Телемака». Оторвавшись от указки, бежал разорять птичьи гнезда с мальчишками и, нередко среди класса, или за молитвой из кармана его раздавался писк галчат. Бывало и то, что отец сидит в послеобеденный час под деревом в саду и курит трубку, а мать вяжет какую-нибудь фуфайку, или вышивает по канве: вдруг с улицы раздается шум, крики и целая толпа людей врывается в дом.

— Что такое? — спрашивает испуганная мать.

— Верно, опять Андрея ведут,—хладнокровно говорит отец.

Двери распахиваются, и толпа мужиков, баб, мальчишек вторгается в сад. В самом деле, привели Андрея, но в каком виде? Без сапог, с разорванным платьем и с разбитым носом, или у него самого, или у другого мальчишки. Мать всегда с беспокойством смотрела, как Андрюша исчезал из дома на полсутки и, если б только не положительное запрещение отца мешать ему, она бы держала его возле себя. Она его обмоет, переменит белье, платье, и Андрюша полсутки ходит таким чистеньким, благовоспитанным мальчиком, а к вечеру, иногда и к утру, опять его кто-нибудь притащит выпачканного, растрепанного, неузнаваемого, или мужики привезут на возу с сеном, или, наконец, с рыбаками приедет он на лодке, заснувши на неводу. Мать в слезы, а отец ничего, еще смеется.

— Добрый бурш будет, добрый бурш! — скажет иногда.

— Помилуй, Иван Богданович, — жаловалась она, — не проходит дня, чтоб он без синего пятна воротился, а намедни нос до крови разбил.

— Что за ребенок, если ни разу носа себе или другому не разбил? — говорил отец со смехом.

Мать поплачет, поплачет, потом сядет за фортепьяно и забудется за Герцем: слезы каплют одна за другой на клавиши. Но вот приходит Андрюша, или его приведут;

он начнет рассказывать так бойко, так живо, что рассмешит и ее, притом он такой понятливый! Скоро он стал читать «Телемака», как она сама, и играть с ней в четыре руки. Однажды он пропал уже на неделю: мать выплакала глаза, а отец ничего — ходит по саду да курит.

— Вот, если б Обломова сын пропал, — сказал он, на предложение жены — поехать, поискать Андрея, — так я бы поднял на ноги всю деревню и земскую полицию, а Андрей придет. О, добрый бурш!

На другой день Андрея нашли преспокойно спящего в своей постели, а под кроватью лежало чье-то ружье и фунт пороху и дроби.

— Где ты пропадал? Где ты взял ружье? — засыпала мать вопросами. — Что же ты молчишь?

— Так! — только и было ответа.

Отец спросил: готов ли у него перевод из Корнелия Непота на немецкий язык.

— Нет, — отвечал он.

Отец взял его одной рукой за воротник, вывел за ворота, надел ему на голову фуражку и ногой толкнул сзади так, что сшиб с ног.

— Ступай, откуда пришел, — прибавил он, — и приходи опять с переводом вместо одной двух глав, а матери выучи роль из французской комедии, что она задала: без этого не показывайся!

Андрей воротился через неделю, принес перевод и выучил роль.

Когда он подрос, отец сажал его с собой на рессорную тележку, давал вожжи и велел везти на фабрику, потом в поле, потом в город, к купцам, в присутственные места, потом посмотреть какую-нибудь глину, которую возьмет на палец, понюхает, иногда лизнет, и сыну даст понюхать, и объяснит, какая она, на что годится. Не то, так отправятся посмотреть, как добывают поташ, или деготь, топят сало. Четырнадцати— пятнадцати лет, мальчик отправлялся частенько один в тележке, или верхом, с сумкой у седла, с поручениями от отца в город, и никогда не случалось, чтоб он забыл что-нибудь, переиначил, не доглядел, дал промах.

«Recht gut, mein lieber Junge!» — говорил отец, выслушав отчет и трепля его широкой ладонью по плечу, давал два, три рубля, смотря по важности поручения. Мать после долго отмывает копоть, грязь, глину и сало с Андрюши.

Ей не совсем нравилось это трудное, практическое воспитание. Она боялась, что сын ее сделается таким же немецким бюргером, из каких вышел отец. На всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мещан, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предъявляет везде свои тысячелетием выработанные бюргерские права, как корова носит свои рога, не умея кстати их спрятать. На ее взгляд во всей немецкой нации не было и не могло быть ни одного джентльмена. Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятною в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу. Нет, так и ломят эти невежи, так и напирают на то, что у них положено, что заберут себе в голову, готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам. «Как ни наряди немца,—думала она,— какую тонкую и белую рубашку он ни наденет, пусть обуется в лакированные сапоги, даже наденет желтые перчатки, а все скроен как будто из сапожной кожи; из-под белых манжет все торчат жесткие красноватые руки, и из-под изящного костюма выглядывает, если не булочник, так буфетчик. Эти жесткие руки так и просят приняться за шило, или много-много что за смычок в оркестре». А в сыне ей мерещился идеал барина, хотя выскочки из черного тела, от отца-бюргера, но все-таки сына русской дворянки, все-таки беленького, прекрасно-сложенного мальчика, с такими маленькими руками и ногами, с чистым лицом, с ясным, бойким взглядом, такого, на каких она нагляделась в русском богатом доме, и тоже за границей, конечно, не у немцев. И вдруг он будет чуть не сам ворочать жернова на мельнице, возвращаться домой с фабрик и полей, как

отец его: в сале, в навозе, с красно-грязными, загрубевшими руками, с волчьим аппетитом. На беду, Андрюша отлично учился, и отец сделал его репетитором в своем маленьком пансионе. Ну, пусть бы так, но он положил ему жалованье, как мастеровому, совершенно по-немецки: по десяти рублей в месяц, и заставлял его расписываться в книге.

Утешься, добрая мать: твой сын вырос на русской почве, — не в будничной толпе, с бюргерскими коровьими рогами, с руками, ворочающими жернова. Вблизи была Обломовка: там вечный праздник! Там сбывают с плеч работу, как иго; там барин не встает с зарей и не ходит по фабрикам, около намазанных салом и маслом колес и пружин. Да и в самом Верхлеве стоит, хотя большую часть года пустой, запертой дом, но туда частенько забирается шаловливый мальчик, и там видит он длинные залы и галлереи, темные портреты на стенах, не с грубой свежестью, не с жесткими большими руками, видит темные голубые глаза, волосы под пудрой, белые, изнеженные лица, нежные с синими жилками руки, в трепещущих манжетах, гордо положенные на эфес шпаги; видит ряд благородно-бесполезно в неге протекших поколений в парче, в бархате и кружевах. Он в лицах проходит историю славных времен, битв, имен; читает там повесть о старине, не такую, какую рассказывал ему сто раз, поплевывая, за трубкой, отец о жизни в Саксонии между брюквой и картофелем, между рынком и огородом....

Года в три раз этот замок вдруг наполнялся народом, кипел жизнью, праздниками, балами; в длинных галлереях сияли по ночам огни. Приезжали князь и княгиня с семейством: князь, седой старик, с выцветшим пергаментным лицом, тусклыми навыкате глазами и большим плешивым лбом, с тремя звездами, с золотой табакеркой, с тростью с яхонтовым набалдашником, в бархатных сапогах; княгиня — величественная красотой, ростом и объемом женщина. Она казалась выше того мира, в который нисходила в три года раз; ни с кем не говорила, никуда не выезжала, а сидела в угольной

зеленой комнате, с тремя старушками, да через сад, пешком, по крытой галлерее, ходила в церковь и садилась на стул за ширмы.

Зато в доме, кроме князя и княгини, был целый такой веселый и живой мир, что Андрюша, детскими зелененькими глазками своими, смотрел вдруг в три или четыре разные сферы, бойким умом жадно и бессознательно наблюдал типы этой разнородной толпы, как пестрые явления маскарада. Тут были князья Пьер и Мишель, из которых первый тотчас преподал Андрюше, как бьют зорю в кавалерии и пехоте, какие сабли и шпоры гусарские и какие драгунские, каких мастей лошади в каждом полку, и куда непременно надо поступить после ученья, чтобы не опозориться. Другой, Мишель, только лишь познакомился с Андрюшей, как поставил его в позицию и начал выделывать удивительные штуки кулаками, попадая ими Андрюше то в нос, то в брюхо, потом сказал, что это английская драка. Дня через три Андрей, на основании только деревенской свежести и с помощью мускулистых рук, разбил ему нос и по английскому и по русскому способу, без всякой науки и приобрел авторитет у обоих князей. Были еще две княжны, девочки одиннадцати и двенадцати лет, высокенькие, стройные, нарядно-одетые, ни с кем не говорившие, никому не кланявшиеся и боявшиеся мужиков. Была их гувернантка, m-lle Ernestine, которая ходила пить кофе к матери Андрюши и научила делать ему кудри. Потом был немец, который точил на станке табакерки и пуговицы; потом учитель музыки, который напивался от воскресенья до воскресенья; потом целая шайка горничных; наконец, стая собак и собаченок. Все это наполняло дом и деревню шумом, гамом, стуком, кликами и музыкой.

С одной стороны Обломовка*, с другой княжеский замок, с широким раздольем барской жизни, встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрея ни доброго бурша, ни даже филистера.

* Соседняя помещичья деревня, откуда Обломов, сын помещика, приходил учиться в маленький пансион к Штольцу.

Отец Андрюши был агроном, технолог, учитель. У отца своего, фермера, он взял практические уроки в агрономии, на саксонских фабриках изучил технологию, а в ближайшем университете, где было около сорока профессоров, получил призвание к преподаванию того, что кое-как успели ему растолковать сорок мудрецов. Дальше он не пошел, а прямо поворотил назад, решив, что надо делать дело, и возвратился к отцу. Тот дал ему сто талеров, новую котомку и отпустил на все четыре стороны. С тех пор Иван Богданович не видал ни родины, ни отца. Шесть лет пространствовал он по Швейцарии, Австрии, а двадцать лет живет в России и благословляет свою судьбу.

Он был в университете и решил, что сын его должен быть также там, — нужды нет, что это будет уже не немецкий университет; нужды нет, что университет русский должен будет произвести переворот в жизни его сына и далеко отвести от той колеи, которую мысленно проложил отец в жизни сына. А он сделал это очень просто: взял колею от своего деда и продолжил ее, как по линейке, до будущего своего внука, и был покоен, не подозревая, что вариации Герца, мечты и рассказы матери, галлерея и будуар в княжеском замке обратят узенькую немецкую колею в такую широкую дорогу, какая не снилась ни деду его, ни отцу, ни ему самому. Впрочем, он не был педант в этом случае и не стал бы настаивать на своем; он только не умел бы начертать в своем уме другой дороги сыну.

Он мало об этом заботился. Когда сын его воротился из университета и прожил месяца три дома, отец сказал, что делать ему в Верхлеве больше нечего, что вон уже даже Обломова отправили в Петербург, что, следовательно, и ему пора. А отчего нужно ему в Петербург, почему не мог он остаться в Верхлеве и помогать управлять имением, — об этом старик не спрашивал себя: он только помнил, что когда он сам кончил курс учения, то отец отослал его от себя. И он отослал сына — таков обычай в Германии. Матери не было на свете, и противоречить было некому.

В день отъезда Иван Богданович дал сыну сто рублей ассигнациями.

—Ты поедешь верхом до губернского города,— сказал он, — там получи от Калинникова триста пятьдесят рублей, а лошадь оставь у него. Если же у него нет, продай лошадь, там скоро ярмарка: дадут четыреста рублей и не на охотника. До Москвы доехать станет рублей сорок, оттуда в Петербург — семьдесят пять, останется довольно. Потом — как хочешь. Ты делал со мной дела, стало быть, знаешь, что у меня есть некоторый капитал; но ты прежде смерти моей на него не рассчитывай, а я, верно еще проживу лет двадцать, разве только камень упадет на голову. Лампада горит ярко, и масла в ней много. Образован ты хорошо: перед тобой все карьеры открыты, можешь служить, торговать, хоть сочинять, пожалуй, — не знаю, что ты изберешь, к чему чувствуешь больше охоты...

— Да я посмотрю, нельзя ли вдруг по всем,—сказал Андрей.

Отец захохотал изо всей мочи и начал трепать сына по плечу так, что и лошадь бы не выдержала. Андрей ничего.

— Ну, а если не станет уменья, не сумеешь сам отыскать вдруг свою дорогу, понадобится посоветоваться, спросить — зайди к Рейнгольду: он научит. О! — прибавил он, подняв пальцы вверх и тряся головой, — это... это... (он хотел похвалить и не нашел слова). Мы вместе из Саксонии пришли. У него четырехэтажный дом. Я тебе адрес скажу...

— Не надо, не говори,—возразил Андрей, — я пойду к нему, когда у меня будет четырехэтажный дом, а теперь обойдусь без него.

Опять трепанье по плечу.

Андрей вспрыгнул на лошадь. У седла были привязаны две сумки, в одной лежал клеенчатый плащ и видны были толстые, подбитые гвоздями сапоги, да несколько рубашек из верхлевского полотна, вещи, купленные и взятые по настоянию отца; в другой лежал изящный фрак тонкого сукна, мохнатое пальто, дюжина

тонких рубашек и ботинки, заказанные в Москве, в память наставлений матери.

— Ну! — сказал отец.

— Ну! — сказал сын.

— Все? — спросил отец.

— Все! — отвечал сын.

Они посмотрели друг на друга молча, как будто пронзали взглядом один другого насквозь.

Между тем около собралась кучка любопытных соседей посмотреть с разинутыми ртами, как управляющий отпустит сына на чужую сторону. Отец и сын пожали друг другу руки. Андрей поехал крупным шагом. «Каков щенок: ни слезинки! — говорили соседи. — Вон две вороны так и надседаются, каркают на заборе: накаркают они ему, — погоди ужо!» — «Да что ему вороны? Он на Ивана Купала по ночам в лесу один шатается: к ним, братцы, это не пристает. Русскому бы не сошло с рук». — «А старый-то нехристь хорош, — заметила одна мать, — точно котенка выбросил на улицу: не обнял, не взвыл!»

— Стой! стой! Андрей, — закричал старик.

Андрей остановил лошадь.

«А! заговорило, видно, ретивое» — сказали в толпе с одобрением.

— Ну? — спросил Андрей.

— Подпруга слаба, надо подтянуть.

— Доеду до Шамшевки, сам поправлю. Время тратить нечего, надо засветло приехать.

— Ну! — сказал, махнув рукой, отец.

— Ну! — кивнув головой, повторил сын, и, нагнувшись немного, только хотел пришпорить коня.

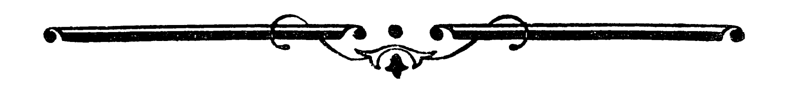
— «Ах вы собаки, право собаки: словно чужие!» — говорили соседи. Но вдруг в толпе раздался громкий плач: какая-то женщина не выдержала.

— Батюшка ты, светик, — проговорила она, утирая концом головного платка глаза: — сиротка бедный, нет у тебя родимой матушки, некому благословить-то тебя... Дай хоть я перекрещу тебя, красавец мой!...

Андрей подъехал к ней, соскочил с лошади, обнял старуху, потом хотел было ехать — и вдруг заплакал, пока она крестила и целовала его. В ее горячих словах послышался ему будто голос матери, возник на минуту ее нежный образ. Он еще крепко обнял женщину, наскоро отер слезы и вскочил на лошадь. Он ударил ее по бокам и исчез в облаке пыли; за ним с двух сторон отчаянно бросились вдогонку три дворняшки и залились лаем.

И. Гончаров.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От редакции 5

ДЕТСКИЙ МИР И ХРЕСТОМАТИЯ.

ЧАСТЬ I.

ДЕТСКИЙ МИР.

Отдел I.

Первое знакомство с детским миром.

Дети в роще 13
Дети в училище 15
Зима 20
Весна 23
Лето 26
Осень 32
О человеке 35
Чудный домик 48

Отдел II.

Из природы.

Лошадь 49
Корова 51
Осел 52
Овца 54

Стр.

Одногорбый верблюд, или дромадер 56
Северный олень 58
Свинья 61
Слон 62
Кошка 66
Лев и тигр 67
Собака 69
Волк 71
Лисица 72
Медведь 73
Хорек 75
Белки и другие грызуны 77
Крот 81
Летучая мышь 83
Обыкновенная обезьяна . 85
Тюлень 87
Кит 89
Канарейка 92
Утка 93
Куры 95
Соловей 97
Ласточка 99
Аист 101
Кобчики и другие хищные птицы 103
Дятел 105
Страус 107

Стр.

Ящерица 109
Уж 111
Лягушка 114
Окунь 118
Сельди 121
Стерлядь 123
Яблоня 125
Части яблони 126
Чем питается яблоня . . 127
Кленовое семечко . . . 128
Размножение растений . . 131
Польза, доставляемая человеку животными и растениями 133
Кремень 135
Глина и что из нее выделывается 136
Поваренная соль 138
Сера 140
Производство стекла . . 140
Железо 142
Медь 144
Золото 146
Ртуть 147
Вода 148
Воздух 151
Путешествие воды 155
Дождь 155
Роса, иней, снег и град 158
Ветер 159
Магнит 162

Отдел III.

Первое знакомство с родиной.

Поездка из столицы в деревню 166
Наше отечество 176

Стр.

Что было в России за тысячу лет 177
Призвание князей 179
Олег 180
Песнь о Вещем Олеге . . 181
Игорь 183
Ольга-правительница . 185
Святослав 189
Первые уделы и междоусобия 193
Владимир-язычник . . . 195
Крещение Руси 196
Владимир-христианин . 199
Святополк - братоубийца 202
Ярослав и первые его преемники 205
Основание Киево-Печерской лавры 207

ХРЕСТОМАТИЯ.

Отдел I.

Басни и рассказы в прозе.

Играющие собаки . . . 210
Два козлика 210
Лошадь и осел 211
Ветер и солнце 211
Два плуга 212
Органы человеческого тела 212
Брат и сестра 213
Любопытство 214
Персики 215
Гуси 216
Наблюдательность. . . . 217
Верная собака 217
Бодливая корова 219

	Стр.
Чужое яичко	220
Гадюка	221
Богатство	223
Добросовестный дикарь.	224
Два путешественника . .	224
Дедушка и внучек (Гримм)	225
Раскаяние	226
Паук	227
Песня птички	228
Ось и чека (Даль). . . .	230
Что знаешь, о том не спрашивай (Даль) . .	232
Медведь и бревно . . .	232
Байка о щуке зубастой	233
Лихо одноглазое	233
Вареный топор	235
Охотник до сказок . . .	236
Никита Кожемяка . . .	237
Богатырь Вольга и оратай Микулушка	239
Юпитер и лошадь	241
Юпитер и овечка	242
Птицы	243
Грядки гвоздики	243
Сумка почтальона . . .	244
Слепая лошадь	248

Отдел II.

Стихи.

	Стр.
Птичка (Пушкин)	252
Муха (Дмитриев)	252
Чиж и голубь (Крылов).	253
Лисица и виноград (Его же)	253
Петух и жемчужное зерно (Его же)	253
Соловей и чиж (Хемницер)	253
Мартышка и очки (Крылов)	254
Слон и моська (Его же) .	254
О рыбаке и рыбке (Пушкин)	254
Чиж и зяблица (Дмитриев)	258
Мот и ласточка (Крылов)	258
Песня пахаря (Кольцов) .	259
Лебедь, щука и рак (Крылов)	259
Щука и кот (Его же) . .	260
Школьник (Некрасов) .	260
Зима (Пушкин)	261
Петух, кот и мышенок (Дмитриев).	261
Осел и соловей (Крылов)	262
Сказка о купце Остолопе и работнике его Балде (Пушкин).	262
Зеркало и обезьяна (Крылов)	265
Полевой цветок (Дмитриев)	266
Весенние воды (Тютчев).	266
Казачья колыбельная песня (Лермонтов) . . .	266
Любопытный (Крылов) . .	267
Береза (Фет)	267
Ласточка (Майков). . . .	268
Весна (Его же)	268
Урожай (Кольцов). . . .	269
Крестьянская пирушка (Его же)	270
Лисица и осел (Крылов)	270
Песня бедняка (Жуковский)	271
Утро (Никитин)	271

	Стр.
Трудолюбивый медведь (Крылов)	272
Свинья под дубом (Его же)	272
Волк и кот (Его же). . . .	272
Листы и корни (Его же).	273
Всенощная в деревне (Аксаков)	274
Летний вечер (Жуковский)	274
Молитва дитяти (Никитин)	275
Крестьянская дума (Кольцов)	276
Урок (Беранже, перев. Курочкина)	276

ЧАСТЬ II.

ДЕТСКИЙ МИР.

Отдел I.

Из природы.

Всякой вещи свое место	281
Хрущ, или майский жук	285
Бабочка.	289
Шелковичный червяк. . .	290
Комнатные мухи	294
Паук	296
Дождевой червяк	299
Улитка	301
Коралловые полипы . . .	303
Инфузории, или наливочные животные	306
Вишня	308
Как из вишневого цветка делается вишня . . .	310
Земляника	312
Березка и ее семейство .	313
Ива	318
Хвойные деревья	320
Белая лилия	324
Одуванчик	326
Ржаной колосок	330
Другие хлебные растения, наши и не наши .	333
На лугу	336
Пальма	339
Грибы	341
Классификация растений	345
Грифельная доска . .	348
Гранитный валун	350
Известь	354
Ручей	356
Классификация минералов	361
Сотворение человека . .	363

Отдел II.

Из Русской истории.

Летописец (А. Пушкин)	366
Ослепление Василька . .	367
Владимир Мономах . . .	371
Наши дремучие леса . . .	375
Андрей Боголюбский . .	378
Наши степи	380
Поход Игоря, князя новгород-северского . . .	383
Битва с татарами на реке Калке	392
Нашествие Батыя	395
Александр Невский . .	400
Возвышение Москвы . .	402
Куликовская битва (Н. М. Карамзин) . .	403
Иоанн III	406
Взятие Казани (Н. М. Карамзин)	409

Стр.

Народная песня про покорение Казани 410
Василий Шибанов (А. Толстой) 410
Великодушие св. Филиппа (Н. М. Карамзин) . . . 412
Посольство Ермака (А. Толстой) 415
Первое известие о самозванце (А. С. Пушкин) . 420
Чудо св. Дмитрия (его же) 422
Начало осады Троицкой лавры (Н. М. Карамзин) 423
Козьма Захарович Минин-Сухорук (Островский) 424
Избрание Михаила Феодоровича на царство (Н. Полевой) 429
Петр I 431
День Петра Великого (Корнилович) 434
Полтавская битва (А. Пушкин) 438
Бородино (М. Лермонтов) 441
Манифест (А. Майков) . . 444

Отдел III.

Из географии.

Вблизи и вдали 446
Земля 447
Глобус 449
Первое знакомство с полушариями 451
Христофор-Колумб . . . 454

Стр.

Васко-де-Гама 461
Магеллан 463
Капитан Кук 467
Небесный свод 470
Движение земли . . . 472
Пифагор 473
Коперник 474
Галилей 475
Ньютон 477
Телескоп 481
Горная страна 484
Море 489
Рейнский водопад (Н. Карамзин) 494
Геркулан. 496
Ночь на Везувии (Яковлев) 498
Эскимосы 502
Самоеды (Максимов) . . . 506
Киргизские степи (Ковалевский) 509
Голландцы 512
Въезд в Лондон с моря (Михайлов) 514
Иерусалим (Норов) . . . 517
Киев (Хомяков) 520
Москва (Глинка) 521
Кавказ (Пушкин) . . . 522
Финляндия (Батюшков) 523
Петербург (Пушкин) . . 523
Путешествие по Волге:
1-е письмо (от Петербурга до Твери) . . 525
2-е письмо (от Твери до Нижнего) 531
3-е письмо (Нижний-Новгород) 545

Стр.

Отдѣл IV.

Первые уроки логики.

Роза и гвоздика 554
Классная доска и грифельная доска 554
Что такое различие и сходство 555
Различие признаков . . . 557
Суждение 559
Тело 560
Различие предметов . . 561
Роды и виды 563
Признаки видовые и родовые 564
Спор (Понятие). 565
Определение 568
Явление, причина и следствие 570
Цель и назначение . . . 573
Закон 575
Закон естественный и нравственный 577

ХРЕСТОМАТИЯ.

Отдел I.

Стихи.

Зимняя дорога (А. Пушкин) 579
Две бочки (И. Крылов). 579
Прохожие и собаки (Его же) 580
Крестьянин и работник (Его же) 580
Три пальмы (Лермонтов). 581
Что ты спишь, мужичок? (Кольцов) 582

Стр.

Раздумье селянина (Его же) 583
Суд божий над епископом (Жуковский) 583
Волк на псарне (Крылов) 585
Солнце и месяц (Полонский) 585
Косарь (Кольцов) 586
Ангел (Лермонтов) . . . 587
Водопад (Державин) . . 587
Весенняя гроза (Тютчев) 588
Мирская сходка (Крылов) 588
Два мужика (Его же) . . 589
Овсяный кисель (Жуковский) 590
Нива (Майков) 592
Утро на берегу озера (Никитин) 593
Мельница (Его же) . . . 594
Ночлег в деревне (Его же) 594
Демьянова уха (Крылов) 595
Три мужика (Его же) . . . 595
Как мыши кота хоронили (Жуковский) 596
Невольничий корабль (из Гейне, перевод Водовозова) 599
Шоссе и обыкновенная дорога (Аксаков) . . . 601
Кто он? (Майков) . . . 601
Песня лихача Кудрявича (Кольцов) 602
Нищие (Никитин) . . . 603
Капитан Боп (В. Жуковский) 603
Бэда-проповедник (Полонский) 608

Стр.

Кубок (Жуковский). . . 609
Воздушный корабль (Лермонтов) 614
Лесной царь (Жуковский) 616
Утопленник (Пушкин). . 617

Отдел II.

Проза.

Пшеница и плевелы (Денцель) 620
Воспитание (Круммахер). 620
Отцовский долг (Кокорев) 622
Беленький цветочек (Андерсен) 625

Стр.

Гостиница в степи . . . 629
Истинно-христианская жизнь (с французского) 641
Переправа через реку (Круммахер) 647
Смерть и сон (Его же) . . 647
Корона старости (Его же) 648
Возвращение на родину (Пушкин) 649
Первые каникулы гимназиста (Аксаков) . 650
Ермолай и его Валетка (Тургенев) 653
Льгов (Его же) 656
Штольцы: Отец и сын (И. Гончаров) 663

Текст сочинений К. Д. Ушинского сверен младшим научным сотрудником Института теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР *К. С. Мокринской.*

Редактор *Н. А. Сундуков*

Переплет, титул и заставки
худ. *Я. Ц. Егорова*
Художественный редактор *Г. З. Гинзбург*
Технический редактор *В. П. Гарнек*

А09632. Подписано к печати 1/XI 1948 г. Уч.-изд. л. 30,91. Печ. л. 42,5.
Тираж 25 000 экз. Формат 82×108/32. Цена 20 р. Заказ 8183.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.